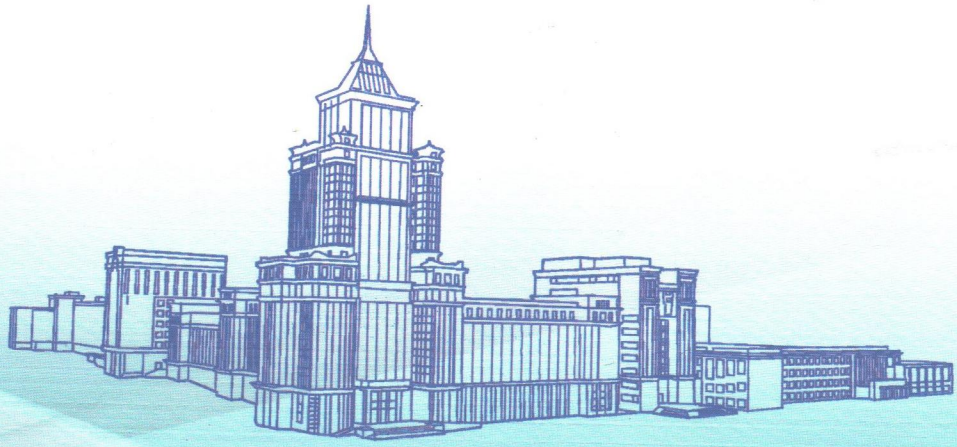
РОПРЯЛ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЁННОЙ 90-летию МГУ им. Н. П. ОГАРЁВА



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ (РОПРЯЛ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. П. ОГАРЁВА»

РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Республика Мордовия, г. Саранск, 14–16 октября 2021 г.

RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF NATIONAL CULTURE

MATERIALS OF THE V INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

Republic of Mordovia, Saransk, 14–16 October, 2021

САРАНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2022

УДК 811.161.1:008
ББК Ш141.12
Р 894

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:
Т. И. Мочалова (ответственный редактор), *Ю. Г. Антонов, Н. А. Белова, Л. Г. Горбунова, В. П. Гришунина, Н. Н. Левина, О. Ю. Осьмухина, И. В. Пьянзина, С. А. Ржанова, И. Н. Рябов, О. В. Филиппова, В. В. Шигуров, Д. А. Бакеева* (ответственный секретарь)

Р е ц е н з е н т:
Э. Н. Акимова, профессор кафедры русской словесности
и межкультурной коммуникации
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина,
доктор филологических наук

Р 894 **Русский язык в контексте национальной культуры** : материалы V Междунар. науч. конф., приуроченной к 90-летию Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Республика Мордовия, г. Саранск, 14–16 окт. 2021 г.) / редкол.: Т. И. Мочалова (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2022. – 624 с.
ISBN 978-5-7103-4316-6

Сборник содержит материалы V Международной научной конференции «Русский язык в контексте национальной культуры», состоявшейся 14–16 октября 2021 года на базе филологического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. В докладах представлены результаты исследования актуальных проблем русистики, сопоставительного языкознания, стилистики, риторики, культуры речи, методики преподавания русского языка и литературоведения, журналистики.

Материалы предназначены для научных работников, преподавателей высшей школы, учителей-словесников, аспирантов, магистрантов и студентов.

УДК 811.161.1:008
ББК Ш141.12

ISBN 978-5-7103-4316-6

© Коллектив авторов, 2022
© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2022
© Оформление. Издательство Мордовского университета, 2022

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'42:811.161/1'04

ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ И ЕГО ПРИЗНАКИ

Э. Н. Акимова,
д-р филол. наук, профессор
akimovaen@mail.ru
Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные характеристики и признаки средневекового русского текста; анализируются особенности древнерусских сборников – основной формы существования древнерусской литературы; приводятся немногочисленные в научной литературе определения древнерусского текста.

Ключевые слова: древнерусский текст, русское Средневековье, сборники, гипертекст, формулы-синтагмы.

ANCIENT RUSSIAN TEXT AND ITS FEATURES

E. N. Akimova
Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the main characteristics and features of the medieval Russian text; analyzes the features of Old Russian collections – the main form of existence of Old Russian literature; few definitions of the Old Russian text in the scientific literature are given.

Keywords: Old Russian text, Russian Middle Ages, collections, hypertext, syntagma formulas.

В славянской традиции цельнооформленные тексты сложились раньше их письменной фиксации. Это договоры русских с греками; посольские речи; эпические сказания; мифологические легенды; славы победителям; плачи, сказки, обрядовая поэзия, пословицы, поговорки, заклинания, устные своды законов («Русская Правда»).

С введением официального христианства приходит письменный вариант литературного текста. Для отражения новой картины мира заимствуется

целая система жанров (в основном сакральных): Евангелие, Апостол, Псалтырь, паремийник, Минеи, жития, патерики, церковные уставы, философские сочинения, хроники и палеи, апокрифы и индексы.

На ранний русский текст влияло античное и средневековое искусство риторики, причем скорее практически, чем теоретически – через подражание.

В Древней Руси, только что обращенной в христианство и одновременно борющейся за объединение государства, возникла благодатная почва для развития убеждающих текстов – проповедей, обращений, посланий, слов, речей, рассуждений. До XV века рассуждение было наиболее развитой текстовой формой с разнообразным выражением внутритекстовых связей, умелым тема-рематическим членением информации, продуманной композицией и изощренными стилистическими украшениями [1, с. 27].

По уровню своей структурной организации убеждающие тексты-рассуждения опережали описание и повествование, целью которых была простая передача событий. Но древнерусское рассуждение имело особый характер: оно убеждало в основном на примере повествовательных сюжетов, которые составляли значительную часть текста. «Повествованию присуща убеждающая сила. Многие библейские тексты представляют собой именно повествование, а не доказательство. В повестовательных текстах смысловые связи организованы по принципу усилителя» [2, с. 5].

Концептуальное отношение Средневековья к тексту как форме выражения идеологии и знания также было специфическим. Средневековый мир мыслил себя миром богоданным и боготварным. Разум был мистически ориентирован, так же как мистика была рационально организована.

Первый и высший для всего средневекового мышления образец – Священное Писание. Библия была постоянным эталоном, энциклопедией исторических примеров, позволяла устанавливать формальную аналогию между событиями реальными и священной историей. Поэтому основное свойство древнерусского текста – его двуслойность, двуплановость. Изложение развивается в плане прямого повествования и экзегезиса. Переключает повествование в другой план, открывает дверь в высший смысл текста «библейский ключ» (Р. Пиккио) – цитата из Писания [10].

Текст воспринимался как откровение, без критического его осмысления Истинность текста проверяется не развитием познания и не сравнением с другими текстами, а постоянным воспроизведением; в символическом истолковании отрицаются метафоры, статическое пространство текста как бы раздваивает восприятие времени (вечное – тленное), без сравнений и уподоблений, т. е. вне иерархии степеней.

До конца XVII века господствовала субстанциональная концепция текста. Текст – нечто данное свыше, откровение, существующее в первоначальной неизменяемой форме. Отсюда и теория абсолютного перевода, и особенности оформления текста в категориях статического пространства, вечного и тленного времени, символов и элативных форм.

В конце XVII века Симеон Полоцкий сформулировал рационалистическую концепцию текста как объекта, критически воспринимаемого субъек-

том. В рамках новой концепции развивалось толкование текста при помощи притч, обосновывалось функционирование в тексте категорий движения, иерархии, меры, единого «цивилизованного» времени, наличие метафор и степеней сравнения [9, с. 272–282].

Вслед за Рикардо Пиккио основными характеристиками средневекового письменного текста следует признать достоинство и норму.

Достоинство – это не внешний престиж, а способность возвещать богодухновенную истину.

Средневековая норма с современной не имеет ничего общего: нормативен образец, т. е. обладающий идеологическим достоинством текст. Норма определяется достоинством.

Средневековый текст был открытым (Д. С. Лихачев), имел ансамблевый характер, бытовал в основном в виде различных сборников. Большинство жанров были анфиладными [8].

Сборник постоянного и непостоянного состава как единственная форма бытования средневековой литературы, его состав и поэтика составляет предмет изучения формирующейся отрасли медиевистики – мисцелланологии (термин Т. В. Черторицкой).

Основные характеристики сборников:

1. Нелинейность: читатель сам выбирает последовательность чтения и создает тем самым собственный текст (так читают, например, Библию).

Средневековый текст мистически нелинеен. Это гипертекст.

Термин «гипертекст» был введен программистом и философом Теодором Нельсоном в 1965 году для описания документов, составленных из относительно небольших фрагментов так, что читатель волен читать их с помощью гиперссылок разными, притом вполне равноценными путями.

Древнерусская книжность формировалась по иным принципам, нежели современный гипертекст. В Средневековье существование гипертекста обусловлено синкретичностью и символизмом мышления, отсутствием развитого исторического сознания, представлений о литературном развитии, об авторстве. Современный гипертекст связан с представлениями о нелинейном мышлении, идеях синергетического универсализма, теории случайных возможностей.

2. Фрагментарность, или дисперсность, структуры: текст создается на основе множества микротекстов. Процесс разъятия сборников на части и составления из них нового целого бесконечен для русского Средневековья. То, что ныне обозначается как «центонность мышления» и приписывается постмодернизму как специфическая особенность нового литературного направления, было всеобъемлющей характеристикой средневековой книжности.

3. Крайняя размытость понятия авторства.

«Древнерусский текст создавался не поэтическим, а молитвенным вдохновением. Отсюда размытость границ между автором произведения, его редактором и простым копиистом: их голоса сливаются в едином славословии Творца» [3, с. 27].

Сохранить текст в более или менее первоначальной форме могли лишь внелитературные причины: принадлежность книги авторитетному лицу (traditio auctoris) или ее собственный авторитет (traditio auctoritatis).

4. Взаимодействие разных способов воздействия на читателя (вербального, визуального и др.), вплоть до нехудожественных способов.

Средневековый текст не требует восприятия себя как текста художественного, он является таковым лишь для современного читателя.

Эстетическое и этическое слиты; на первый план выдвигается душеполезность, а не художественность. Такой текст обладает большей свободой в выборе внелитературных связей – иконописных ли, служебных ли, обрядовых ли.

Древнерусская книжность не знает вымысла, мыслит текст как продолжение действительности, даже выше ее, творит текст как действительность, воздействует текстом на действительность. Средневековый текст – не только текст: это и обряд, и символ, и святыня, и икона.

«Евангелие есть словесная икона Христова. Такие виды церковной словесности, как тропарь или акафист, проповедь или житие, суть словесные иконы – и по своему содержанию, и по своей композиции, и по принципам отбора материала, и по своей внутренней связи с миром невидимым, к которому они устремлены сами» [7, с. 15].

Что касается определений древнерусского текста, в научной литературе их крайне мало.

Профессор В. В. Колесов пишет: «Под текстом понимается последовательность семантически выразительных знаков, построенная согласно правилам данного языка и образующая сообщение, идеологически важное для данной культуры». Он считает древнерусский текст совокупностью формул-синтагм [6, с. 32].

Профессор Н. С. Ковалев, анализируя древнерусский текст в аспекте категории оценки, считает, что «Текст – заданное системой образцов письменное речевое произведение, реализующее целенаправленно организованные речевые комплексы» [5, с. 10].

Основным элементом текста-образца, которым пользовались средневековые писатели, создавая новый текст, были речевые формулы, которые в результате оказались более устойчивыми в истории языка, чем жанры.

История «так называемого литературного языка есть история постепенного развития и преобразования речевого материала (текста) под влиянием речевой деятельности (творческих потенций своего времени) и обусловленного ею изменения языковой системы» [6, с. 134]. Говоря об эволюции функции, жанра, стиля, формировавших литературные нормы, В. В. Колесов отмечает нерасторжимость, единство в древнерусский период указанных аспектов, тогда как последующая история литературы постепенно дифференцирует их, разграничивает их специализацию: то, что в XII веке – прагматическая функция, в XV веке – жанр, а в XVIII – стиль.

В диахроническом языкознании задачи лингвистического изучения текстов были достаточно давно и четко сформулированы В. В. Виноградо-

вым, писавшим о необходимости разработки «исторической типологии композиционных форм речи как систем языковых объединений, которые встречаются в ткани литературно-художественных произведений той или иной эпохи. Изучение этих основных типов естественно предполагает группировку не самих литературных произведений, а отвлеченных от них однородных форм словесной композиции, в общелингвистическом плане – на фоне эволюции композиционных жанров прагматической речи. Это учение не о структуре художественных единств, а о структурных формах речи, которые наблюдаются в организации литературных произведений. И его задача – установить закономерности в их построении как систем языковых отношений» [4, с. 70].

Тем не менее историки языка констатируют, что в историческом языкознании лингвистика текста как самостоятельное научное направление в изучении языка так и не сформировалось.

Исключение составляют немногочисленные работы В. В. Колесова, С. И. Баженовой-Рагриной, Л. П. Клименко, Н. С. Ковалева.

Текст в Средневековье живет много столетий, переписывается, переделывается в соответствии с требованиями эпохи, различия в списках и редакциях не воспринимаются как исторические изменения, следствие развития; переводы и оригинальные тексты делятся не на древние и новые, а на правильные и неправильные, истинные и ложные. Книжность существует для читателя как единое целое, не разделенное по историческим периодам, по меткому замечанию Д. М. Буланина, как «библиотека, в которой имеется каталог систематический, а не хронологический и, добавим, чаще всего не авторский».

Библиографический список

1. Акимова Э. Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.). – Саранск : Изд-во Морд. ун-та, 2006. – 240 с.

2. Брудный А. А. О сознании и тексте // Мысль и текст. – Фрунзе : КГУ, 1988. – С. 3–10.

3. Буланин Д. М. Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков: Заметки к переводу книги С. Франклина «Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.)». – СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. – 327 с.

4. Виноградов В. В. Избранные труды: О языке художественной прозы. – М. : Наука, 1980. – 360 с.

5. Ковалев Н. С. Древнерусский литературный текст: Проблема исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1997. – 260 с.

6. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 296 с.

7. Лепахин В. В. Икона в русской художественной литературе. – М. : Отчий дом, 2002. – 736 с.

8. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: Эпохи и стили. – Л. : Наука, 1973. – 256 с.

9. Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII века // ТОДРЛ. – Л., 1976. – Т. 31. – С. 271–284.
10. Пиккио Р. Древнерусская литература. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 352 с.

© Акимова Э. Н., 2022.

УДК 811.161.137(045)

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В ИДИОСТИЛЕ В. КРЕСТОВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТРУЩОБЫ»)

С. А. Бабина,
канд. филол. наук, доцент
fotina73@mail.ru
Н. В. Вершинина,
канд. пед. наук, доцент
versok3@mail.ru
Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева
Саранск, Россия

Аннотация. В статье проанализированы индивидуально-авторские новообразования в языке романа В. Крестовского «Петербургские трущобы (Книга о сытых и голодных)». Обращается внимание на способы образования (узуальные, окказиональные) индивидуально-авторских новообразований; анализируются особенности неузуальных лексем, созданных способом сложения, сращения.

Ключевые слова: идиостиль, индивидуально-авторские новообразования, неузуальная лексика, сложные новообразования, язык писателя.

INDIVIDUAL AUTHOR'S NEOPLASMS IN THE IDIOSTYLE OF V.KRESTOVSKY (BASED ON THE MATERIAL OF THE NOVEL "PETERSBURG SLUMS")

S. A. Babina, N. V. Vershinina
Mordovian State Pedagogical University
Saransk, Russia

Abstract. The article analyzes individual author's neoplasms in the language of V. Krestovsky's novel "St. Petersburg Slums (A Book about the Well-fed and Hungry)". Attention is drawn to the methods of formation (formal, occasional) of individual author's neoplasms; the features of non-formal lexemes created by the method of addition, fusion are analyzed.

Keywords: idiostyle, individual author's neoplasms, non-formal vocabulary, complex neoplasms, the language of the writer.

Литературное наследие русских авторов XIX века активно анализируется многими современными исследователями [1; 4; 5; 7; 8; 10; 13], которые приходят к выводу о том, что одной из особенностей поэтических и прозаических текстов становится обилие индивидуально-авторских новообразований, созданных «на случай», гармонично «вплетенных» в полотно классического произведения и имеющих ярко выраженный «контекстуальный» характер. Так, в творческом наследии А. Пушкина, П. Вяземского, Ф. Достоевского, М. Салтыкова-Щедрина, Н. Лескова, А. Чехова, Н. Огарёва можно найти довольно большое число образований «неожиданных», «индивидуальных». Данные индивидуально-авторские новообразования «не претендуют на роль новых элементов языка, номинативных лексем. Это, как правило, образования, преследующие конкретные цели художественной выразительности, предназначенные именно для конкретного словоупотребления» [10, с. 8].

В данной статье предпринята попытка обобщить накопленный материал и охарактеризовать индивидуально-авторские новообразования, извлеченные из текста романа В. Крестовского «Петербургские трущобы (Книга о сытых и голодных)» (1864–1867).

Метод сплошной выборки из текста романа «Петербургские трущобы (Книга о сытых и голодных)» и обращение к материалам Национального корпуса русского языка позволили авторам выделить более 600 индивидуально-авторских новообразований, вышедших из-под пера Всеволода Крестовского.

Способы образования данных неузуальных лексем разнообразны: узуальные способы словообразования (префиксация, суффиксация, сложение, сращение), окказиональные способы (создание по конкретному образцу, субституция).

Индивидуально-авторские новообразования в тексте В. Крестовского могут быть созданы по образцу узуальных лексем литературного русского языка. Например, писатель может пояснять, уточнять, конкретизировать контекстную ситуацию создания неузуальной авторской формы в следующем отрывке из второй главы романа:

«При-частный еще раз искательно берется за козырек, еще раз сокрушенно вздыхает и по-прежнему принимается неторопливо шагать по тротуару… Все эти господа «*при-частные» и «при-тюремные»* фланеры суть непосредственное порождение наших судов и следствий. Это – наши присяжные свидетели о чем угодно и поручители за кого угодно…» [11, т. 2, с. 39].

В другом случае автор указывает мотивирующую основу нового слова, делая его семантику «прозрачной», ориентируя на экспрессивную окраску новообразования: «Наташа пустила в ход самое беспощадное и мало церемонное кокетство. ... *Маленькая ножка ее то и дело касалась под столом соседней ноги то батюшки, то сына, а рука порою, как будто невзначай, скользила по колену того или другого, сталкивалась там с другою, соседнею*

рукою и встречала ее нервным пожатием …Дмитрий Платонович остался в сильном проигрыше, но этот материальный ущерб был теперь трын-трава ему! Он всецело находился под обаянием баронессы и ее недавних ***подстольных руко- и ногопожатий***!» [11, т. 2, с. 664]; «Часа полтора между ними длилось глубокое непрерывное *молчание*, и чем дальше тянулось время, тем чаще и тревожнее взглядывала молодая женщина на своего ***сомолчальника***; наконец не выдержала» [11, т. 1, с. 322].

Окказиональный способ словопроизводства, представляющий собой замену компонента узуального слова на другой компонент (так называемая субституция) отмечен при создании следующих словоформ: ***ежелетно*** – ср. *ежегодно* («Они же ***ежелетно*** шатаются и "на минерашках"» [11, т. 2, с. 653]; ***новоприезжий*** – ср. *новоприбывший* («если же ***новоприезжий*** питает сердечную слабость к хорошему обществу и к титулованным именам…» [11, т. 2, с. 658]).

Посредством узуальных способов образованы следующие индивидуально-авторские новообразования: «Вересов начал вглядываться и с полуиспугом, с ***полуизумлением*** заметил…» [11, т. 2, с. 222]; «***Сообитательница*** его звалась Устиньей Самсоновной» [11, т. 2, с. 66]; «– Обидно, ваше превосходительство, обидно! – со слезкой в красненьких глазках заметил ему на это ***сморчкообразный*** генерал Кануперский» [11, т. 2, с. 495]; «К первой принадлежат физиономии сытые, в «пальтах» и лисьих купецких шубах; ко второй – физиономии испитые и голодные, в пальтишках и чуйках. Первые ворочают всем делом и называют себя хозяевами; вторые батракуют и ***племяннничают***» [11, т. 1, с. 395]; «Эта почтенная дама стояла в дверях, держась за железную скобку, а близ нее неотлучно находились два вчерашние молодца, ее обычные нахлебники, которые, на случай надобности, играли здесь роль ***мордобийц*** и ***мздовоздателей***» [11, т. 2, с. 445]; «Тут их интересовала каждая малейшая новость, касавшаяся до этого указа и долетавшая к ним при посредстве ***чрезрешеточных*** тюремных свиданий» [11, т. 1, с. 742]; «Маленькая ножка ее то и дело касалась под столом соседней ноги то батюшки, то сына …. Он (Дмитрий Платонович. – *С. Б.*) всецело находился под обаянием баронессы и ее недавних ***подстольных*** руко- и ногопожатий!» [11, т. 2, с. 664]; «Как в настоящее время у нас существуют *муравьисты* и *петипатисты*, а в последние дни начинают слагаться *мадаевисты*, так и в былые времена всегда существовали эти различные *исты*. Каждый сезон, даривший Петербургу новую танцовщицу, производил на свет и новых истов. Так у нас были «***розатисты***», «***чериттисты***», «***ферраристы***», «***иеллисты***», «***эйслеристы***» и т. д., и т. д. Все это были истинные и присяжные поклонники балета» [11, т. 2, с. 372].

Примечательно, что последняя группа индивидуально-авторских имен существительных, образованных от имен собственных, графически на письме выделяются автором для привлечения внимания читающего и на актуализацию семантики мотивирующего слова имени собственного, связанного с миром балета той исторической эпохи: «розатисты» (*Каролина Розати* – итальянская балетная артистка), «чериттисты» (*Фанни Черрито* – итальянская

балетная артистка), «феррариcты» (*Амалия Феррарис* – итальянская балетная артистка), «иеллисты» (Иела), «эйслеристы» (*Фанни Эльслер* – австрийская балетная артистка).

Наиболее многочисленную группу новообразований В. Крестовского составляют авторские лексемы, созданные узуальным способом сращения и сложения.

В группу новообразований-сращений В. Крестовского входят сложные прилагательные и наречия, «полностью тождественные по морфемному составу синонимичному словосочетанию. В данных конструкциях первая часть индивидуально-авторского новообразования выражена наречием (образа действия, места, времени) и носит характер уточнения второго компонента, выраженного причастием или именем прилагательным» [10, с. 13].

См. следующие примеры: ***ангельски-прекрасное*** лицо, ***апатически-сонное*** выражение, ***академически-злодейские*** физиономии, ***героически-добродетельный*** муж, ***детски-наивная*** мысль, ***детски-наивная*** откровенность, ***джентльменски-официальный*** тон, ***джентльменски-представительный*** вид, ***канцелярски-крючкотворное*** устройство, ***матерински-заботливая*** рука, ***мученически-христианское*** всепрощение, ***педантически-строгий*** формалист, ***пуританически-строгий*** вид, ***саркастически-странная*** улыбка, ***старчески-выцветшее*** лицо, ***старчески-глухой*** голос, ***страдальчески-пришибленная*** робость.

Индивидуально-авторские новообразования в тексте романа, созданные способом сложения, являются «соединением одной или нескольких основ какой-либо части речи с самостоятельным словом» [9, с. 177].

Для узуальной системы словообразования характерно образование способом сложения только прилагательных и существительных. В авторском идиостиле В. Крестовского данным способом могут быть образованы неузуальные слова разных частей речи (имена прилагательные, причастия, наречия, слова категории состояния, субстантивы). Например: ***беззаветно-горячая*** первая любовь; ***болезненно-скорбный*** испуг; ***гордо-самолюбивая*** старуха; ***гордо-самоуверенное*** нахальство; ***горемычно-беззаботная*** жизнь; ***деревянно-ошеломляющая*** минута последнего удара; ***истомно-замирающий*** вопль; ***дерзко-вызывающий*** тон; ***задорливо-вызывающая*** угроза; ***мило-кокетливо*** протянула баронесса; скучно, ***томительно-однообразно*** тянется день заключенного; ***горько-иронически*** усмехнулся; лежал ***неподвижно-покойно***; было ***жестоко-трудно*** произнести; уступая место чему-то теплому, мягкому, ***болезненно-страдающему***, родному; нечто ***трагически-зловещее***; что-то давящее, ***болезненно-горькое***, колючее.

При этом «опорный (последний) компонент равен самостоятельному слову, а предшествующий ему компонент представляет собой чистую основу» [15, с. 139]. Например, ***влажно-скользкие*** ступени; ***прилично-грустный*** вид; ***угрюмо-рассеянный*** вид; ***утомленно-лихорадочный*** блеск глаз; ***гордо-самолюбивая*** старуха; ***щеголевато-хвастливые*** друзья; ***гордо-разумное*** блаженство; ***ясно-тихая*** улыбка; ***грустно-сокрушенный*** тон; ***добродушно-бесцеремонная*** простота; ***замысловато-тайные*** пружины специального ис-

кусства; **золотопромышленно-откупной** Давыда Георгиевич; ***изнеможенно-разбитый*** Каллаш; ***изящно-аристократический*** характер.

В описываемых авторских новообразованиях первая часть присоединяется к опорному прилагательному посредством интерфикса. Например: ***тягуче-скучный*** гнет; ***жгуче-радостное*** забытье; ***колюче-пронзающее*** наслаждение; ***грациозно-прихотливый*** ребенок; ***затаенно-старческая*** злость; ***злобно-мрачные*** думы.

Компоненты сложных авторских имен прилагательных могут находиться друг с другом в равноправных отношениях (отношениях сочинения): ***клюквенно-пухлый*** нос; ***одутловато-мясистые*** жирные щеки; ***кисло-желчный*** публицист; ***любопытно-серьезное*** выражение лица; ***мглисто-неподвижный*** воздух; ***мягко-теплое*** человеческое отношение.

Некоторые сложные новообразования «построены по модели неравноправных отношений подчинения, при которых первая часть уточняет, дифференцирует семантику второй: ***мистически-суеверные*** взгляды; ***надменно-важная*** особа; ***пуританически-строгий*** вид; ***негоцианткси-коммерческий*** характер; ***начальственно-недовольный*** вид; ***непосредственно-преемственное*** наследство; ***старчески-глухой*** голос; ***ухарски-сановитая*** повадка; ***цинически-бесчеловечные*** игры; ***стоически-терпеливое*** молчание; ***откровенно-циническое*** замечание; ***пергаментно-бледная*** физиономия» [3, с. 133].

Авторы словаря «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» полагают, что новообразования-сложения в языке писателей XIX века активнее создаются в контексте поэтического или прозаического произведения, нежели новообразования-сращения.

Проведенный анализ сложных новообразований в контексте романа «Петербургские трущобы» подтверждает указанную тенденцию. Так, для идиостиля В. Крестовского характерно создание многочисленных сложных авторских лексем: выделено всего 560 сложных индивидуально-авторских новообразований. Из данной группы слов 510 создано способом сложения и лишь 50 – способом сращения.

Таким образом, индивидуально-авторские новообразования, уместно созданные писателем для эстетических целей, органически входят в словарное богатство его произведения, тем самым определяя языковую индивидуальность писателя.

Библиографический список

1. Бабина С. А. Индивидуально-авторские новообразования в языке художественной литературы XIX века [Электронный ресурс] : монография. – 2-е изд., доп. – Саранск : Мордовский гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2018. – 1-й электр. опт. диск.

2. Бабина С. А. К вопросу о критериях выделения индивидуально-авторских новообразований XIX века (на материале произведений П. А. Вяземского) // Казанская наука. – 2012. – № 7. – С. 133–135.

3. Бабина С. А. Семантические типы сложных индивидуально-авторских новообразований (на материале романа В. В. Крестовского «Петербургские трущобы») [Электрон-

ный ресурс] / С. А. Бабина, Е. В. Белоглазова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019. – Т. 12, вып. 12. – С. 131–134. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41546823 (дата обращения: 12.10.2021).

4. Беляева Л. В. Окказионализмы Ф. М. Достоевского : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Л., 1990. – 16 с.

5. Васильев Н. Л. Окказиональные и редкие лексемы в поэтическом языке Н. П. Огарёва // Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона. – М., 2013. – С. 216–219.

6. Васильев Н. Л. О Пушкине: язык классика, поэтика романа «Евгений Онегин», писатель и его современники : монография / Музей-заповедник А. С. Пушкина ; Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский фил. – Саранск, 2013. – 387 с.

7. Гладилина И. В. Окказионализм как сигнал интертекстуальности (на материале романов М. Е. С.-Щедрина и Т. Н. Толстой) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. – 2013. – Вып. 1. – С. 115–122.

8. Головачева О. А. Окказионализмы в идиолекте Н. С. Лескова: модели и способы создания, функции слов признаковой лексики : автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2001. – 16 с.

9. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. – М. : Флинта, 2011. – 328 с.

10. Костина С. А. Типы и функции новообразований П. А. Вяземского : автореф. дис. … канд. филол. наук. – М. : МПГУ, 2002. – 16 с.

11. Крестовский В. В. Петербургские трущобы (Книга о сытых и голодных) : роман : в 2 кн. – Л. : Худож. лит., 1990. – Кн. 1. – 704 с.; Кн. 2. – 800 с.

12. Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. – М., 1973. – 152 с.

13. Николина Н. А. Типы и функции новообразований в прозе Н. С. Лескова // Русский язык в школе. – 1995. – № 2. – С. 79–87.

14. Редкие слова в произведениях авторов XIX века : словарь-справочник / сост. : Р. П. Рогожникова, К. А. Логинова, С. А. Пономаренко [и др.]. – М. : Русские словари, 1997. – 572 с.

15. Русская грамматика : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова [и др.]. – М. : Наука, 1980. – 783 с.

© Бабина С. А., Вершинина Н. В., 2022.

УДК 81

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РАЗНЫХ ТИПОВ СЕГМЕНТИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

А. П. Бабюк,
преподаватель
sasha_savch@mail.ru
Теоретический лицей им. В. Маяковского
Бельцы, Молдова

Аннотация. В статье рассматриваются различные трактовки понятия «медиадискурс»; анализируются конструкции, расчленяющие текст. Выявляются признаки сегментированных конструкций. Обращается внимание на струк-

турные особенности сегмента и базовой части. Делается вывод о своеобразии процесса расчленения и интеграции информации в исследуемых единицах.

Ключевые слова: медиадискурс, сегментация, сегмент, структура, расчленение.

FUNCTIONING OF DIFFERENT TYPES OF SEGMENTED STRUCTURES IN MODERN MEDIA DISCOURSE

A. P. Babiuc
Theoretical Lyceum "V. Maiakovski"
Balti, Moldova

Abstract. The article discusses various interpretations of the concept "Media discourse"; are analyzed constructions that dismember the text. Signs of segmented structures are revealed. Attention is drawn to the structural features of the segment and the base part. The conclusion is made about the originality of the process of dismemberment and integration of information in the studied units.

Keywords: media discourse, segmentation, segment, structure, dismemberment.

Средства массовой информации в современном обществе выступают в качестве особого типа общения – дискурса. Как справедливо отмечает Т. Г. Добросклонская, понятие медиадискурса вошло в научный обиход из общей теории дискурса в русской и зарубежной лингвистике [5, с. 20], которую разрабатывают такие ученые, как Т. ван Дейк, З. Харрис, И. Беллерт, В. А. Кох, В. З. Демьянков, В. В. Красных и др. Исследованием различных аспектов медиадискурса занимались Ю. Рождественский, Д. Н. Шмелев.

Медиадискурс представляет собой тип институциональной коммуникации, главными функциями которой являются следующие: информирование, воздействие и развлечение реципиента.

В современных условиях медиадискурс отличается от других типов дискурса увеличением числа жанров и вариативностью языковых средств. Данная специфика выходит за пределы традиционного публицистического стиля газетных статей (на это указывают В. З. Демьянков, Г. Лассвелл, А. К. Михальская, Дж. Такмэн, Дж. Фиск, У. Шрамм). В современных лингвистических работах используются различные терминологические синонимы медиадискурса, который трактуется как «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [7, с. 132].

В наиболее широком смысле под медиадискурсом понимаются «все процессы и продукты речевой деятельности в сфере массовой коммуникации, взятые во всей полноте и сложности» [5, с. 21]. Принимая во внимание мно-

гочисленные исследования дискурса как отечественными (Е. С. Кубрякова, В. Е. Чернявская. Н. Н. Формановская, И. В. Карасик. А. Д. Самойлова и др.), так и зарубежными авторами (Р. Водак, Н. Фэрклау, Д. Шифрин, М. Стаббс, Т. ван Дейк и др.), медиадискурс в данном исследовании мы определяем как «общепринятый тип речевого поведения субъекта (субъектов) в сфере масс-медиа, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отражающих его специфику» [6, с. 131].

Таким образом, медиадискурс представляет собой совокупность знаний о правилах речевой коммуникации в медиапространстве как сфере деятельности современного человека, следовательно, для него характерен экспрессивный синтаксис, базирующийся на расчленяющие текст конструкции. Жанр, к которому мы обращаемся в данном исследовании, – статья в периодической печати.

Традиционно к конструкциям, расчленяющим предложение или текст, относят парцелляцию, сегментацию, эпифраз (присоединение). Данному вопросу посвящены работы Г. Н. Акимовой, Н. С. Валгиной, С. И. Виноградова, Е. А. Иванчиковой, А. П. Сковородникова, Л. Ф. Шильниковой и др.

Перечисленные структуры отчленяют от предложения (текста) компонент или ряд компонентов, занимающих различное положение по отношению к остальной части и по-разному с ним соотносящихся. Данные конструкции принято называть экспрессивными. Термин «экспрессивный синтаксис» вошел в научный обиход в 60-х гг. XX века. Как отмечает Г. Н. Акимова, понятие экспрессивного синтаксиса не имеет строгого определения и используется при описании явлений письменной речи с учетом сферы бытования отдельных синтаксических структур. Экспрессивные конструкции основываются на синтаксической расчлененности, то есть на нарушении «синтагматической цепочки словоформ, организованных стойкими морфологическими показателями синтаксических связей» [1, с. 123].

Распространение в современном русском языке сегментированных конструкций связано, в концепции таких лингвистов, как Н. С. Валгина, Г. Н. Акимова, с ведущим направлением развития синтаксического строя языка – стремлением к расчлененности и аналитизму [1, с. 124; 2, с. 202]. Признавая тенденцию к аналитизму базовой для распространения синтаксически расчлененных конструкций, исследователи, тем не менее, по-разному решают вопрос об источнике сегментации. Г. Н. Акимова высказывает мысль о том, что данные синтаксические структуры порождены «именно письменной речью» [1, с. 123]. По мнению же Н. С. Валгиной, «аналитизм, лаконичность, эмфатизм – качества, свойственные современному синтаксису и отраженные в номинативных структурах, обусловлены и стимулированы речью разговорной» [2, с. 203].

Наиболее полно теория сегментации разработана такими русскими учеными, как В. Г. Гак, Н. А. Шигаревская, А. К. Васильева, Л. Г. Веденина, Р. Г. Пиотровский, Е. А. Реферовская, К. А. Долинин и др., на базе французского языка, однако ее общие положения вполне могут быть применимы и к

русскому. В. Г. Гак выделяет следующие конструктивные особенности расчлененного (сегментированного) французского предложения: а) вынесение в обособленный сегмент неглагольного элемента, «экстраполирование», по терминологии Л. Г. Ведениной [3, с. 52], который репрезентируется в приглагольном местоимении; б) наличие паузы между двумя частями предложения с характерным переломом интонации [4, с. 669].

Следует отметить, что вопреки большому количеству работ, посвященных различных аспектам сегментации, до сих пор остаются нерешенными некоторые вопросы:

1) о разграничении именительного представления и именительного темы и выделении именительного разъяснительно-пояснительного;

2) о синтаксическом статусе сегментированных конструкций.

Сегментированные конструкции представляют собой высказывание, в котором актуальное членение «вмешивается» в синтаксическую структуру, разъединяет ее компоненты, разрушает полностью (при отсутствии коррелята) или частично (при наличии местоименного заместителя) синтаксические связи. Вслед за Т. Н. Ишмекеевой рассматриваем сегментированные конструкции в качестве синтагматически расчлененных высказываний [8, с. 26], поскольку в них наблюдается нарушение «синтагматической цепочки словоформ, организованных стойкими морфологическими показателями синтаксических связей» [1, с. 123].

Охарактеризуем признаки сегментированных конструкций:

1) двучленное построение (сегмент и базовая часть);

2) между структурными частями устанавливаются отношения темы и повода;

3) присутствие коррелятивного члена в базовой части высказывания (для именительного темы);

4) между сегментом и базовой частью отмечается специфическая пауза и интонационное выделение;

5) типичные сферы употребления – разговорная речь, язык периодической печати.

Разновидности сегментации – препозитивная и постпозитивная – поразному передают информацию, меняется коммуникативное значение конструкций. Кроме того, препозитивные построения зачастую невозможно заменить антиципационными и наоборот. Препозитивное расположение сегмента по отношению к базовой части: *Санкция на арест: мелочей здесь нет* (Юридический вестник. – 2002. – № 12) – сегмент акцентирует внимание читателя и заставляет его ждать разрешения поставленной в статье проблемы. При постпозиции сегмент служит добавлением к сообщению по завершении коммуникации: *Вот такая она – «пожарная» работа* (Медицинская газета. – 2002. – 11 октября). Примеры постпозитивной сегментации крайне редки.

Рассмотрим специфику сегментированных конструкций на материале медиадискурса.

В качестве сегмента могут выступать следующие единицы:

1) одна лексема:

а) нарицательные абстрактные имена существительные: *Ре-Цептуализм – что это такое?* (Культура. – 2002. – № 1); *Этнофутуризм: он спасет нас и погубит* (Литературная газета. – 2002. – № 36); *Честолюбие… Тоже грех* (Русский вестник. – 2020. – 21 окт.);

б) имена собственные: *Сталин: особенности его метода* (Завтра. – 2002. – № 11);

2) несколько лексем:

Искусство и шоу-бизнес: кто кого? (Аргументы и факты. – 2005. – № 7); *Грипп и ОРВИ: бывает ли к ним иммунитет?* (Комсомольская правда. – 2004. – № 16); *Завтрашний мир, он так близок* (Российская газета. – 2003. – 29 июл.); *Мужчина и женщина: опасные связи* (Новая газета. – 2003. – 25 сент.); *Курортная поликлиника: целебный холод* (Вести. – 2005. – № 49).

Как правило, сегмент представлен сочетанием номинатива с именем существительным в родительном падеже. Такая частотность объясняется тем, что родительный падеж называют приименным. Примеров из газетных заголовков множество: *Полотенца Клавдии: неизвестно, существовали ли они* (Комсомольская правда. – 2004. – 10 апр.).

В базовом компоненте сегментированной конструкции специфичным является использование в качестве коррелята лично-указательных местоимений в различных формах: *Владимир Наумов: он знал правду войны «до молекул»* (Российская газета. – 2003. – 16 окт.); *Пушкин – он и в Африке Пушкин* (Труд. – 2002. – 17 янв.); *Красноярский лабиринт: есть ли из него выход?* (Московский комсомолец. – 2002. – 7 авг.).

В качестве коррелята могут использоваться притяжательные местоимения: *НАТО и Россия: новый подход к их взаимоотношениям в XXI веке* (Независимая газета. – 2002. – 4 мар.).

В медиадискурсе частотны вопросительные сегментированные структуры, при этом вопросительная интонация характерна только для второй части конструкции, так как первая часть конструкции занимает синтаксически независимую позицию: *Четвертая мировая война: кто победит?* (Литературная газета. – 2003. – № 4)*; Шеварднадзе и Путин: кто слаще?* (Патриот. – 2003. – № 50).

Структура базовой части весьма разнообразна: в этом качестве могут выступать распространенные и нераспространенные предложения, простые и сложные, полные и неполные, утвердительные и отрицательные.

В отличие от конструкций с именительным темы, где имеет место прономинализация и, следовательно, происходит более тесное соединение сегмента с базовой частью, в построениях без формальных средств связи наблюдается большее обособление сегмента и постсегментного компонента: *«Плачущие» иконы: фокус или обыкновенное чудо?* (Комсомольская правда. –

2004. – 28 мая); *Украина: дефолт демократии?* (Красная звезда. – 2005. – 12 янв.). В сегментированных конструкциях с именительным разъяснительным-пояснительным читатель вынужден «додумывать» и восстанавливать высказывание, трансформируя его: *На Украине произошел дефолт демократии*? (Красная звезда. – 2005. – 12 янв.).

Таким образом, в целях актуализации одного из компонентов рассматриваемых экспрессивных конструкций в медиадискурсе происходит расчленение его семантико-синтаксической структуры. Итак, в зависимости от коммуникативных намерений (интенций) автора медиадискурса в сегментированной конструкции происходит расчленение ее структуры, а в процессе восприятия дискурса читатель мысленно восстанавливает структурные связи конструкции, то есть происходит процесс интеграции компонентов.

Библиографический список

1. Акимова Г. Н. Соотношение разговорных и письменных экспрессивных конструкций в современном русском языке // Исследования по славянским языкам. – 1997. – № 2. – С. 123–142.

2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. – М. : Логос, 2001. – 304 с.

3. Веденина Л. Г. Французское предложение в речи. – М. : Высш. шк., 1991. – 189 с.

4. Гак В. Г. Грамматика французского языка. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.

5. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20–34.

6. Дубских А. И. Масс-медиальный дискурс: определение, характеристики, признаки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. – 2014. – № 1, т. 11. – С. 131–136.

7. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 358 с.

8. Ишмекеева Т. Н. Сегментированные конструкции в современном русском языке (на материале газетных заголовков) : дис. … канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2006. – 219 с.

© Бабюк А. П., 2022.

УДК 811.161.1’373

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ЧИСЛОВЫМ КОМПОНЕНТОМ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ГРУПП: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

Г. Т. Безкоровайная,
канд. филол. наук, доцент
begati1@yandex.ru
Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова
Москва, Россия
Л. Н. Гишкаева,
канд. филол. наук, доцент
adv88-02@mail.ru
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия
Л. А. Машкова,
канд. филол. наук, доцент
la.mashkova@gmail.com
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены и сопоставлены фразеологические единицы (ФЕ) с числовым компонентом из языков различных групп. Анализ показал наличие ФЕ с одинаковой семантикой, а также со схожей структурой в рассматриваемых языках, что свидетельствует об универсальности гуманитарного опыта. Наряду с универсальными в языках, которые явились материалом исследования, есть и национально-специфические ФЕ с числовым компонентом.

Ключевые слова: фразеологические единицы, паремии, семантика, числовой компонент, символика.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A NUMERICAL COMPONENT IN LANGUAGES OF DIFFERENT LANGUAGE GROUPS: UNIVERSAL AND SPECIFIC

G. T. Bezkorovaynaya
Plekhanov Russian university of Economics
Moscow, Russia
L. N. Gishkaeva
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia
L. A. Mashkova
Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Moscow, Russia

Abstract. The article considers and compares phraseological units with a numerical component from the languages of various language groups. The analysis

showed the presence of FU with the same semantics, as well as with a similar structure in the languages under consideration, which indicates the universality of humanitarian experience. Along with universal languages, which were the material of the study, there are also national-specific features with.

Keywords: notes phraseological units, paremias, semantics, numerical component, symbolism.

Несвободные словосочетания, каковыми являются фразеологизмы, идиомы и паремии, существуют во многих языках мира, и их анализ требует масштабного изучения. Несмотря на появившиеся в последние десятилетия работы по фразеологизмам с числовым компонентом, сопоставление примеров из большого количества языков является весьма перспективным. Фразеология составляет огромный пласт языковой картины мира того или иного языка, количество сопоставительных исследований фразеологизмов с числовым компонентом увеличивается, поскольку сравнение примеров указывает, как правило, на наличие в них универсального, заимствованного из общих источников и национально специфического в различных языках.

Фразеологизмы составляют золотой фонд любого языка, отражая ментальный опыт нации, определяя принадлежность к определенному этносу, гуманистические принципы отношения к людям, к их повседневной жизни. По мнению Т. Б. Радбиля, именно эта принадлежность, творчески преобразованная сознанием и пропущенная через призму ценностной и эмоционально-чувственной сферы, воплощенная в знаковых формах родного языка, представляет собой языковой менталитет [4, с. 6]. Кроме того, паремии и фразеологические единицы вносят свой особый вклад в создание языковой картины мира каждой нации. Говоря о характере паремий, В. М. Мокиенко пишет: «Пословица – это минимальный художественный текст … пословиц «для всех» нет, поскольку их употребляют по индивидуальному вкусу, в зависимости от языковой компетенции и отношению к Слову как эстетической категории» [3, с. 16–17]. Можно предположить, что обнаружатся не только универсальные паремии, но и неповторимые и уникальные, которые возникают на основе национального фольклора, истории того или иного народа.

В данной статье проанализированы примеры из языков разных групп, имеющих в составе числовой компонент. Рассмотрены примеры из русского, белорусского, украинского, французского, немецкого, английского, чеченского, кумыкского, лезгинского и аварского языков, принадлежащих соответственно к славянской, романской, германской, ноской, алтайской, нахско-дагестанской, аваро-андо-цезской группам языков. Выбор примеров из языков разных групп не случаен, поскольку задача состоит в сравнении и определении общих, универсальных и национально специфических черт во ФЕ.

Подчеркнем, что числа в составе ФЕ придают им особое значение, поскольку олицетворяют «божественный порядок, магические ключи к пониманию космической гармонии» [СС]. Фразеологизмы неделимы, постоянство состава компонентов позволяет рассматривать семантику того или иного фразеологизма как единого целого, при этом числовой компонент означает

во ФЕ не только количество или порядок при счете, но главным образом передает символику числа. Этот символический смысл воплощен во ФЕ рассмотренных нами языков. Следует подчеркнуть, что «компоненты-числительные в чистом виде, так сказать, „оголены“: их прямая семантика прозрачна и прозаична, как и сами „сухие числа“. Но при этом – и именно такое свойство нумеративной фразеологии привлекает исследователей – они развивают семантику не рациональную, а иррациональную, символическую, уходящую корнями в древние толщи магических осмыслений Числа» [4, с. 10].

Можно предположить, что нет ни одного числа, которое не входило бы в состав ФЕ, но нами отобраны для анализа ФЕ с числами 1, 2, 3, 7 как наиболее часто встречающимися и несущими важную символическую нагрузку.

Паремии и ФЕ с компонентом *один* имеют большое распространение в языках, выбранных для анализа, поскольку число *один* символизирует первичную цельность: «В обыденном понимании один – эмблема начала, знак человеческого „я“, а также одиночества» [СС]. Это прослеживается в следующих примерах: 1) *Одна мати вірна порада. Одним пальцем іголки не вдержиш* (укр.); 2) *Une fois n'est pas coutume(фр.) – букв. Один раз – не обычай;* 3) *Один раз не считается*; *Один волк гоняет овец полк (рус.)*; 4) *Бизге де бир гюн гелер* (*погов. кумык.*) *– Нам тоже придет один день*; *соотв. Будет и на нашей улице праздник (рус.);* 5) *Eine Swalbe macht noch keinen Sommer (нем.) – Одна ласточка – еще не лето; соотв. Одна ласточка весны не делает (рус.);* 6) *Бир къычыв тана бютюн туварны похлар* (*погов. кумык.*) *– Один паршивый бычок весь скот портит; Бир чечекден яз болмас // Бир чечек яз этмес* (*погов. кумык.*) *– Один цветок лета не делает; соотв. Одна ласточка весны не делает (рус.);* 7) *Цхьана куьйга mlехь а nlелгаш цхьатерра ца хуьлу (чечен.) – На одной руке пальцы разные.*

Число «два», указывая на количество предметов в паремиях и фразеологизмах, как правило, означает необходимость определиться с выбором, прервать двойственность, найти выход из нее. Было замечено, что во всех анализируемых языках используются фактически калькированные ФЕ. Об это говорят такие пословицы: 1) *Avoir le cul entre deux scelles (фр.) – букв. Сидеть задницей между двух сидений; соотв. Сидеть на двух стульях. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь (рус.);* 2) *Between two stools one falls to the ground (англ.) – Кто сидит между двумя стульями, легко может упасть;* 3) *Шина сагъе халда молла, цхьа а доцуш, висна. – Мулла, погнавшийся за двумя милостынями, остался ни с чем; соотв. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь (рус.);* 4) *Эки харбух бир къолгъа сыймас (посл. кумык.) – В одной руке два арбуза не удержишь; соотв. За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь.*

Близость выбранных ассоциаций (сидеть на двух стульях) отражает, возможно, факт заимствования в английский язык из французского данной паремии. В английском выражение *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь* имеет ряд синонимичных, со схожей семантикой устойчивых

выражений: 1) *to kill two birds with one stone);* 2) *dogs that put up many hares kill none, dogs that put up many hares kill none (дословно: собаки, которые спугивают много зайцев, ни одного не поймают);* 3) *grasp all, lose all (дословно: за все хвататься – все потерять);* 4) *he who commences many things finishes but few;* 5) *if you run after two hares, you will catch neither (he who attempts to do many things simultaneously, will accomplish none).*

Семантика ФЕ с компонентом *два,* выражая необходимость выбора, часто несет некую негативную для говорящего оценку. Приведем примеры: 1) *Entre deux maux il faut choisir le moindre (фр.) – Меж двух зол (надо выбрать) выбирают меньшее);* 2) *Diener zweier Herren sein (нем.) – to be a servant of two masters (bibl), to have divided loyalties "No man can be a servant of two masters" – слуга двух господ;* 3) *Jedes Ding hat zwei Seiten (prov.) – There are always two sides to the coin (prov);* 4) *Быть слугой двух господ (рус.).* Отчетливо прослеживается ситуация выбора между альтернативами. В кумыкских пословицах два содержит противопоставление единице:1) *Къулакъ − эки, авуз – бир* (*кумык.*) *– Ушей − два, рот − один; соотв. Два раза слушай, один раз говори.* Часто противопоставляется что-то единичное, например *Агъдин са кьил лацу, са кьил чIулав жедач (кумык.). – У бязи одна сторона белой, другая черной не бывает.*

Одновременно с символической семантикой нумеративный компонент ФЕ сохраняет определенно-количественное значение, например: *Бир ялгъан айтгъан къурдашынгны дагъы да ялгъаны чылъмай къалмас (посл.) – Друг, который один раз соврал, может и второй раз соврать; соотв. Солгав однажды, солжет и дважды.* – 1) *Абое – рабое;* 2) *Усе чэрці адной шэрсьці белор. – Два сапога – пара; Два б'ється — третій не мішайся(укр.).*

Интересна чеченская пословица *Шен сил мерза хъума дац, шина бъаьргал маса хъума дац – Нет ничего слаще своей души, нет ничего быстрее двух глаз.* Можно подобрать эквиваленты в других языках, но точной кальки этой поговорки не встречается. Явная связь с традициями народа заметна в такой лезгинской пословице, как *Мехъерин фу ирид юкъуз къене амукьда – После свадебной еды семь дней сытым остаешься (досл. Свадебная еда семь дней внутри остается ≈ «Ешь три часа, а в три дни не сварится!»).*

При сравнении примеров ФЕ даже таких далеких языков разных семей обнаруживается единство общечеловеческих и моральных правил, характерных для социума в целом. Однако отличные от других традиции и обычаи народов также закреплены в национально-специфических паремиях. Как известно, паремии несут в себе нравоучение, предостережение от ошибок и промахов.

Единство гуманных целей и человеческой морали находим и в паремиях с числом «три». Причем в русском, белорусском и украинском языках сакральный смысл тройки влияет на большее количество ФЕ с данным числом в этих языках. 1) *Без троицы дом не строится, без четырех углов изба не становится;* 2) *Заблудиться в трех соснах – Se perdre en trois sapins (фр.) – Get lost in three pines;* 3) *Обещанного три года ждут; бог троицу любит*

(рус.); 4) *Ану вставай, чоловіче, третій півень кукуріче; В ліс їдуть, а на трьох одну сокиру беруть; В роботі "ох", а їсть за трьох; Говорить так, як три дні хліба не їв; Дай на три дні – візьмеш злидні;* 5) *Баба кочергу меняла и то три дня играла (белор).*

В славянских языках пословицы имеют схожую семантику и представляют собой перевод и высказывание на украинском, например, языке. Число три, как представляется, связано с понятием троицы. Это термин, указывающий на единого Бога в трех лицах. Хотя это слово и не встречается в Св. Писании, оно было признано пригодным для обозначения единого Бога.

Согласно словарю символов, три – это «Синтез, обновление, решение, созидание, творческий потенциал, многосторонность, всеведение, рождение и рост – одно из самых положительных чисел-эмблем не только в символике, но и в религиозной мысли, мифологии, легендах и сказках, где примета "третий раз – удачный" имеет очень древние корни» [СС].

Рассмотрим примеры из русского языка: *Чтобы научиться трудолюбию, нужно три года, чтобы научиться лени – только три дня. Из третьих уст, из третьих рук. Обещанного три года ждут. Плакать в три ручья. На трех китах (покоиться). Плавать за три моря. Бог любит троицу. Наврать с три короба.*

В рассматриваемых языках ФЕ связь числа три с чем-то мистическим, загадочным можно увидеть в следующих паремиях: *Кхо догIа, а тоьхна (тоха) – букв. (чечен.) За тремя замками. Разг. За закрытыми дверями. Скрытно от всех. Se perdre en trois sapins (фр.) – заблудиться в трех соснах.*

Были найдены примеры, в которых наблюдается противопоставление при использовании разных числительных в одной ФЕ, например, в чеченской пословице: *Кхаанна кечбинчу кхачано виъ вузийна – Пищи, приготовленной для троих, хватило на четверых.* Используются сразу несколько чисел и соотношение количества и в ФЕ из других языков*:* 1) *Три бабы – базар, а семь – ярмарка. Трое осудят, десятеро рассудят. Друг рядом лучше, чем три вдалеке (рус.);* 2) *Торгу на три алтына, а долгу на пять (чечен.);* 3) *Пуд ламраз мух пай тежедайбурни ава (лезг.) – На трех ослов овес поделить не умеющие тоже бывают.* Можно заметить такое сочетание разных чисел и в следующих примерах: 1) *Три дня молол, а в полтора съел (чечен.);* 2) *В лес идут, а на троих один топор берут;* 3) *Один пашет, семеро руками машут. Одно «сейчас» лучше трех «потом»;* 4) *Вад чIулав йикъахъ са лацу югъ гала (лезг) – За пятью черными днями один светлый день следует (бывает)*; 5) *Бир атны яхшылыгъындан минг ат сув ичген посл. Благодаря одной лошади тысяча лошадей попило воды; соотв. Один за всех, все за одного.*

Не только использование одного и того же числа, но и сохранение смысла ФЕ наблюдается, когда русскому *Гость хорош три дня* вторит кумыкский ФЕ *Конакълыкъ уьч гюндюр (погов.) – букв. Гостеприимство три дня.*

Вместе с тем, несмотря на схожесть конструкции, различается семантика в таких пословицах, как *Три дня молол, а в полтора съел (чечен.):* труда много, но аппетит был больше, и плоды быстро закончились; *На грош упил-*

ся, а на три притворился (белорус): несоответствие реального действия и внешнего поведения человека. В этих пословицах из языков разных групп отражено соотношение количества и символика несбалансированного в поведении.

Были найдены паремии с параллельными конструкциями, где повторяются одни и те же числительные: 1) *Не узнавай друга в три дня – узнавай в три года;* 2) *Чтобы научиться трудолюбию, нужно три года, чтобы научиться лени – только три дня;* 3) *Як випадуть у травні три дощі, то вродить хліба на три роки.* Пример из французского: 1) *Secret de deux – secret de Dieu, secret de trois, secret de tous – то, что знают двое, знает Бог, то, что знают трое, – известно всему свету*; 2) *La semaine du travailleur a sept jours, la semaine du paresseux a sept demains – букв. У трудяги в неделе – семь дней, у ленивца – в неделе семь завтра.*

Интересно, что во фразеологии русского языка существуют бранные фразеологизмы с числом «три»: *Третьим будешь? Комбинация из трех пальцев. Послать на три буквы. Слово из трех букв. Сообразить на троих.* Известен и фразеологизм, связанный с ритуалом еды – *На третье.* Возможно и существование таких ФЕ в других языках, но в словарях нами они не были найдены.

В следующих ФЕ число означает и степень действия, и символизирует множественность этого действия: 1) *Лить слезы в три ручья, гнать в три шеи, до третьих петухов, третьего не дано (рус.);* 2) *Aussehen, als ob man nicht bis drei zählen kann (нем.), to look as if butter couldn't melt in one's mouth (англ.) (coll; drei Meilen gegen den Wind stinken to be able to be smelt a mile off (coll (нем.);* 3) *Бир ялгъан айтгъан къурдашынгны дагъы да ялгъаны чыкъмай къалмас (посл.) – Друг, который один раз соврал, может и второй раз соврать; соотв. Солгав однажды, солжет и дважды;* 4) *Etre tiré à quatre épingles (фр.) – букв. Быть одетым на четыре булавки, соотв. Быть одетым с иголочки (рус.).* В одной паремии могут быть несколько чисел.

Символический смысл числа «три» проявляет себя не только в языковой повседневности, но и в художественной литературе, например, в терцинах (трехстишиях) «Божественной комедии» Данте или в заглавии романа А. Дюма «Три мушкетера».

Рассмотрим толкование числа «семь»: «Священное, мистическое, волшебное число, особенно у народов Азии; символизирует космический и духовный порядок и завершение природного цикла. Важность числа семь прослеживается начиная с первых попыток астрономических наблюдений…» [СС].

Во всех языках есть примеры ФЕ с числом «семь»: 1) *Ворхъ вала =хьан – Пожелание смерти кому-либо: чтобы потомство не росло (букв. семь умирай у тебя); Буба кьейиди са етим, диде кьейиди ирид етим (лезг.) – Отец умрет у кого – один (однажды) сирота, мать умрет у кого – семь сирот (семь раз);* 2) *Бири ишлей, он бири тишлей (погов. кумыск.) – Один работает, одиннадцать ест; соотв. Не много работников, да много ломотников).*

Отражение опыта зачастую заключено в одинаковых по значению ФЕ в разных языках, где компоненты могут быть разными: 1) *Tourner sept fois sa langue dans sa bouche – букв. (Надо) семь раз повернуть язык во рту (прежде, чем сказать) – Семь раз отмерь, один отрежь;* 2) *Renvoyer de sept en quatorze (фран.) – букв. Переносить с семи на четырнадцать – Откладывать с недели на неделю, кормить завтраками;* 3) *ВорхIалгIачу стигалахь санна (чечен.) – Букв. Быть на седьмом небе. Кто-либо безгранично счастлив, очень доволен, глубоко удовлетворен.* От религиозного представления: существует семь небес, из которых седьмое выше всех. Во всех языка есть ФЕ, где использовано это число: 1) *im siebenten Himmel sein to be in the seventh heaven (bibl. das verflixte siebente Jahr the seven year itch (нем);* 2) *Tourner sept fois sa langue dans sa bouche (фр.) – букв. (Надо) семь раз повернуть язык во рту (прежде, чем сказать) – Семь раз отмерь, один отрежь;* 3) *Седьмой квас на гуще (чечен);* 4) *Семеро одного не ждут (рус); Renvoyer de sept en quatorze (фр.) – букв. Переносить с семи на четырнадцать – Откладывать с недели на неделю, кормить завтраками;* 5) *В семи дворах один топор (чечен.);* 6) *Где Макар побывал, семь лет рыба не ловится. Загадка, разгадка, да семь верст правды. За семь верст киселя хлебать. Семь пятниц на неделе. Деревня на семи кирпичах построена. Житье хорошее: семерых в один кафтан согнали. Седьмая вода на киселе (рус.).*

Используется число «семь» и в чеченском языке*:* 1) *Лук семь недугов лечит (чечен.);* и в английском: 2) *The seven deadly sins (or the seven vices) – семь смертных грехов: pride, covetousness, lust, anger, gluttony, envy, sloth. vs. The seven virtues – семь добродетелей: chastity, temperance, charity, diligence, patience, kindness, humility.* Оскар Уайльд объединяет данные фразеологизмы в одном из своих парадоксов и создает очень интересный оксюморон*: "In old days nobody pretended to be a bit better than his neighbour. In fact, to be a bit better than one's neighbour was considered excessively vulgar and middle class. Nowadays, with our modern mania for morality, everyone has to pose as a paragon of purity, incorruptibility, and all the other seven deadly virtues. And what is the result? You all go over like ninepins – one after the other".*

Согласно английским суевериям разбитое зеркало может принести семь лет несчастий (англ. *seven years of bad luck).* Кэтрин Хардвик назвала главу про съемки сцены, в которой разбивается много зеркал*: "7 years of good luck?",* обыграв известную английскую ФЕ. Напомним, что «через интерпретацию значения пословиц и поговорок и при соотнесении их с характером прототипической ситуации обнаруживаются национально-культурные особенности анализируемых единиц» [4, с. 120].

Часто для достижения достоверности и убедительности в паремиях сравнивается разное количество предметов или действий, используются разные числа: 1) *До порога одна дорога, а за порог – семь дорог. Для друга и семь верст не околица (рус.). На рубль торгу – на два долгу;* 2) *Рубль нажывае, а два пражывае (белорус). Семь раз отмерь, один раз отрежь (рус.).* В аварском языке другая цифра, но смысл пословицы тот же: 1) *Он керен бич, бир керен тик (посл.); соотв. Десять раз крои, один раз шей – Десять раз*

отмерь, один раз отрежь; 2) *Рухнул на одну ногу – встанешь, а если на две – конец тебе (белор.);* 3) *Эзар доттагъ верг ваьлла, эзар стуетт берг вайна – Имеющий тысячу друзей – спасся; имеющий тысячу голов скота – погиб (чечен).* Выбор того или иного числа в сходных по семантике ФЕ, как представляется, можно обьяснить тем, какую роль они играют в национальной языковой картине мира.

Несмотря на сохранение нумеративности, «числительные теряют свою функцию выражения какого-то определенного количества и, являясь частью фольклора, приобретают в ФЕ символический смысл» [1, с. 106].

В разных языках в паремиях с одинаковым смыслом числовой компонент отличается: 1) *Six pieds de terre suffisent au plus grand homme (фр.) – букв. Шести футов земли хватит и самому великому (после смерти);* 2) *После смерти и великому человеку трех аршин земли хватит (рус.).* Также не во всех равнозначных пословицах есть число. Есть примеры, когда числовой компонент отсутствует в аналоге пословицы в другом языке: 1) *Ne pas aller par quatre chemins (букв.) – Не идти по четырем дорогам;* 2) *Говорить прямо, открыто, без обиняков (рус.);* 3) *Пень гарэу, а чорт нori пагрэу, іскра пала і радня стала (белор.) – Десятая вода на киселе (рус.).* Обнаружено также, что в одном языке могут быть варианты пословиц с разными числами, имеющие одно значение*:* 1) *Ce que trois personnes savent est public – букв. то, что знают трое, – знают все.* Вариант: *secret de deux – secret de Dieu, secret de trois, secret de tous (фр.) – то, что знают двое знает Бог, то, что знают трое, – известно всему свету;* 2) *Не дал бог ста рублев, а пятьдесят – не деньги. При семи дворах восемь улиц. Лапти растеряли, по дворам искали: было пять, а стало шесть (белор)*. Существует межъязыковая общность фразеологических единиц. Было замечено, что есть ФЕ, которые были заимствованы, имели общий библейский источник, некоторые сходные фразеологические единицы рождены аналогичным житейским опытом.

Отобранные и проанализированные примеры из языков разных групп показали, что нумеративные ФЕ обладают сложной семантической структурой, включающей в себя и количественные, и символические значения. Отдельное число, обладает во ФЕ символическим смыслом, являясь многослойной, комплексной и многогранной структурой, содержание которой можно понять более или менее однозначно в каждом конкретном случае. В рассмотренных нами языках во ФЕ и, в частности, в паремиях могут быть использованы неодинаковые числа для выражения одной мысли, вывода, морального совета. При различии компонентов смысл остается схожим. Выбор того или иного числа для высказывания одной или одинаковой мысли во ФЕ зависит от отношения к нему в культуре той или иной нации, особенностями национальной языковой культуры мира.

Итак, в языках, которые принадлежат к разным языковым группам, существуют похожие и отыскиваются идентичные и синонимичные ФЕ. В этом прослеживается общечеловеческое, гуманистическое понимание жизни представителями разных народов. Общность практического опыта, жизненных ситуаций к созданию и существованию таких ФЕ, семантика которых во

многом совпадает, как следствие – зачастую структура и форма этих паремий оказываются похожими, но при этом компоненты ФЕ являются отражением быта и традиций каждого народа.

Библиографический список

1. Безкоровайная Г. Т. Нумеративные фразеологизмы в русском, украинском, чеченском и английском языках: лингвокультурологический аспект / Г. Т. Безкоровайная, Л. Н. Гишкаева // Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации) : материалы Международной научно-практической конференции (г. Кострома, 24–25 сентября 2020 г.) / под науч. ред. И. Ю. Третьяковой. – Кострома : Костромской гос. ун-т, 2020. – С. 104–109.

2. Ломакина О. В. Функционирование паремий в языке Л. Н. Толстого // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О. В. Ломакиной. – М. : Ленанд, 2015. – С. 120–136.

3. Мокиенко В. М. Аспекты исследования славянской паремиологии // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О. В. Ломакиной. – М. : Ленанд, 2015. – С. 4–25.

4. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета : учеб. пособие. – 3-е изд. – М. : Флинта ; Наука, 2013. – 328 с.

5. Zofia Czapiga. Liczby w przysłowiach (na materiale Rosyjsko-polskiego słownika paremiologicznego): Numerologia we frazeologii i paremiologii. – Szczecin, 2017. – С. 9–23.

Словари и справочники с сокращениями

БСРП – В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. Большой словарь русских пословиц. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. / В. И. Даль.– М. : Худож. лит., 1984. – Т. 1. – 383 с.

НРФС – Немецко-русский фразеологический словарь / сост. Л. Э. Бинович. – М. : Рус. яз., 1995. – 768 с.

Ed. G. L. Apperson. The Wordsworth Dictionary of Proverbs. Wordsworth Editions Limited. – 1993 and 2006.

БРАФС (Большой русско-английский фразеологический словарь). – URL: https://rus-eng-phraseology-dict.slovaronline.com (дата обращения: 23.05.2021).

СС – Тресиддер Д. Словарь символов. – М., 1999. – URL: https://www.book-site.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/ (дата обращения: 16.09.2021).

ФРФС – Французско-русский фразеологический словарь. – М. : Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1963.

ЧРФС – Байсултанов Д. Б. Чеченско-русский фразеологический словарь: около 12 тыс. фразеологических единиц чеченского языка : в трех томах. – Изд. 2-е, доп., перераб. – Грозный : Грозненский рабочий, 2016 / Академия наук Чеченской Республики. – Т. 1: А – Д. – 2016. – 732 с.

Интернет-источники:

http://mudroslov.com;

https://citatyok.ru/poslovitci/beloruss.html.

© Безкоровайная Г. Т., Гишкаева Л. Н., Машкова Л. А., 2022.

УДК 811.161

РУССКИЙ ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т. Е. Владимирова,
д-р филол. наук, профессор
yusvlad@rambler.ru
Российский университет дружбы народов
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению эволюции русского языка и ментальных особенностей его носителей. При этом особое внимание уделяется синтетическому строю языка, нефиксированному порядку слов в предложении и категории безличности, которые уходят корнями в индоевропейский язык и в совокупности создают культурно-специфический ментальный контекст бытия его носителей.

Ключевые слова: русский язык, ментальность, синтетический строй, порядок слов, безличность, эволюция, личность, индоевропейский.

RUSSIAN LANGUAGE AND MENTALITY: DIACHRONIC ASPECT

T. E. Vladimirova
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow State University
named after Mikhail Vasilyevich Lomonosov
Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of the evolution of the Russian language and the mental characteristics of its speakers. At the same time, special attention is paid to the synthetic structure of the language, the non-fixed order of words in the sentence and the category of impersonality, which are rooted in the Indo-European language and together create a culturally-specific mental context of the existence of its carriers.

Keywords: Russian language, mentality, synthetic structure, word order, impersonality, evolution, personality, Indo-European.

Кто держит нить времен? В поисках ответа согласимся, что главным свидетелем и хранителем человеческого присутствия в мире является язык, созданная на его фундаменте культура и стоящая за ними языковая личность с присущими ей ценностными представлениями об окружающем мире и бытии. Поэтому, как писал Вильгельм фон Гумбольдт, «своеобразие языка влияет на сущность нации» [5, с. 377]. Однако античная наука, занимаясь изуче-

нием языковой системы, оставляла за пределами своих исследовательских интересов «ментальность как глубинный корень народной жизни» [8, с. 3].

В этой связи представляется примечательным тот факт, что ошибочность подобного невнимания исследователей была осознана именно лингвистом-структуралистом Луи Ельмслевом, который писал: «Временное ограничение кругозора было ценой, заплаченной за отторжение у языка его тайны» [6, с. 264–265]. Эту же мысль мы встречаем и у известного немецкого исследователя философии языка Ганса Георга Гадамера, который писал: «Каждый язык несет в себе свою истину, т. е. “раскрывает” и выводит на свет нечто такое, что отныне становится реальностью» [3, с. 446].

Обращение к фундаментальным основам языкового образа мира, который создается его носителями и поэтому имеет свои уникальные черты, значительно расширило границы лингвистики. И сегодня изучения языка и культуры неразрывно связано не только с лингвокультурологией и этнопсихолингвистикой, но с философией, включая антропологию, онтологию, аксиологию, этику и эстетику, которые в совокупности раскрывают своеобразие языковой личности и ее уникальный взгляд на себя, других и на мир в целом. В этой связи примечательно и следующее замечание В. А. Масловой: «Исследование языка на современном этапе перегружено техническими тонкостями описания, но раскрытию сути человека это не помогает. Нужна некая интеграционная наука на базе лингвистики, которая поможет раскрытию тайны человека – его происхождения, души, социокультурной среды, в которой он формируется» [11, с. 6].

Более того, внимание к языку и умение раскрыть его содержательно-смысловой и этико-эстетический потенциал важны как для специалистов и работников образовательной сферы, так и для каждого говорящего на этом языке. Ведь, как писал Н. С. Трубецкой, «при помощи языка личность обнаруживает свой внутренний мир» [17, с. 113] и, следовательно, выносит себе собственный вердикт.

Стремясь выявить истоки русского языка и присущую ему концептуальную сетку миропонимания, заметим, что становление собственно древнерусского языка, отличавшегося от западно- и южнославянских языков, относится к X–XIII вв. [7, с. 8]. При этом исследователи отмечают особую значимость принятия православия, которое преобразило личностное бытие, а языковой образ мира вобрал в себя вероучительные интуиции о Боге, высших ценностях и смысле жизни. Так, в языковой картине мира возникла вертикальная ось, объединившая слова, «ориентированные на духовную связь личности с абсолютным идеалом» (*совесть, соборность, судьба, образ, подвижник, супружество*). А на горизонтальной оси располагались слова, в которых отсутствовал религиозно-нравственный компонент (*честь, свобода, доля, закон, герой, брак*) [13, с. 120].

Но так ли молод современный русский язык? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к «глубине памяти», которая легко восстанавливается при рассмотрении его эволюции. Прежде всего, отметим следующий факт. Русский язык унаследовал праиндоевропейский **синтетический строй**, который

характерен также для старославянского, некоторых славянских, а также для древнегреческого, латыни, готского и санскрита. Здесь мы имеем в виду главным образом развитую систему словообразования и словоизменения, которая предполагает синтез всех элементов слова.

В качестве иллюстрации сошлемся на словообразовательное гнездо лексемы ***язык –>*** *язычок, язычище, языковой, языковый, языкастый, безъязычный, межъязыковой, подъязычный, языковедение, языковед, языковедческий, языкознание, двуязычный, многоязычный* и др.

Что же касается развитой системы склонения, то ярким примером многообразия словоизменения являются качественные прилагательные. Так, например, русское качественное прилагательное *новый* имеет, согласно данным Е. С. Куликовой и Д. В. Салминой, 101 флективную форму. Действительно, 6 падежей 3-х родов ед. и мн. числа – это 24 формы, к которым следует также прибавить 24 формы сложной сравнительной и превосходной степени, 48 форм простой и сложной превосходной степени и т. д. [9, с. 329].

Такое разнообразие форм предоставляет говорящему или пишущему право на свободную расстановку слов во фразе. В результате русское языковое пространство создает уникальные возможности для самовыражения и использования заложенного в слове образно-смыслового потенциала. В подтверждение заметим, что фраза *Антон ждал тебя вчера* допускает 24 перестановки слов, которые привносят дополнительные «обертоны смысла» (Б. А. Ларин) благодаря ритмико-интонационным ресурсам русского языка. Например:

1) *Антон ждал тебя вчера;* 2) *Антон тебя ждал вчера;* 3) *Антон вчера тебя ждал;* 4) *Антон тебя вчера ждал;* 5) *Ждал Антон тебя вчера;* 6) *Ждал тебя Антон вчера;* 7) *Ждал вчера тебя Антон;* 8) *Ждал вчера Антон тебя;* 9) *Тебя вчера Антон ждал;* 10) *Тебя Антон вчера ждал* и т. д.

Бесспорно, **нефиксированный порядок слов**, характерный для синтетических языков, составляет одну из сущностных черт русской ментальности, восходящей к целостной (холистической) концептуализации мира и бытия человека.

В аналитических индоевропейских языках порядок слов в предложении строго регламентирован. Поэтому перевод приведенных выше русских фраз ограничивается лишь 2 вариантами и их ритмико-интонационными интерпретациями. Например:

1) *Anton was waiting for you yesterday;* 2) *Yesterday Anton was waiting for you* (англ.);

1) *Anton t'attendait hier;* 2) *Hier Anton t'attendait* (франц.);

1) *Anton te estaba esperando ayer;* 2) *Ayer Anton te estaba esperando* (испан.);

1) *Anton ti stava aspettando ieri;* 2) *Ieri Anton ti stava aspettando* (итал.).

Если в синтетических языках восприятие слова базируется на синтезе входящих в него компонентов, то в аналитических языках (английский, французский, испанский, итальянский, датский, новоперсидский и др.) осо-

бое значение имеют служебные слова: предлоги, артикли, вспомогательные глаголы и т. п. А «волю» говорящего жестко ограничивает **фиксированный порядок слов.**

Очевидно, что для носителей аналитических языков русская предложно-падежная система представляет немалые трудности и воспринимается как труднопреодолимый барьер, жестко ограничивающий их свободу. Вместе с тем относительно свободный порядок слов существенно облегчает им общение в русской языковой среде. В результате русское культурное пространство воспринимается иностранцами, владеющими аналитическими языками, с одной стороны, как возможность свободного самовыражения на русском языке, а с другой – как достаточно жесткая предложно-падежная система, ограничивающая эту свободу.

К числу уникальных свойств русского языка относится и **категория безличности,** корни которой также восходят к праиндоевропейскому языку. Примечательно, что А. Ф. Лосев усматривал в данной категории «органический, неизбежный, совершенно необходимый продукт первобытного мышления», который изначально присутствовал во всех индоевропейских языках [10, с. 405]. Однако в процессе их обособления безличность претерпела значительные изменения в силу социокультурных и этнопсихолингвистических особенностей наследников этих языков.

Так, в западноевропейском ареале, где развивалась **культура индивидуалистического типа**, безличные конструкции постепенно приобрели субъектно-предикатную форму с формальным подлежащим. Например, в английском языке ***It*** *is cold* или во французском ***Il*** *fait froid* – «холодно». При этом собственно безличность превратилась в угасающую грамматическую категорию со значением состояния природы, среды или человека.

Что же касается славяно-русского ареала, где утвердилась духовно ориентированная **культура коллективистического типа** [4, с. 405], то категория безличности не только не утратила своего значения, но продолжает развиваться: «по направлению от древности число бессубъектных увеличивается за счет субъектных» [12, с. 322]. В итоге современный русский язык располагает удивительным разнообразием безличных конструкций, которые свидетельствуют не только о самобытности русского лингвокультурного пространства, но об уникальной ментальности стоящей за ним личности.

Чтобы проиллюстрировать разнообразие и возрастающую долю безличных конструкций в русском языке, приведем следующие модели предложений, обращая внимание на неизбежно возникающие трудности их перевода на аналитические языки:

В доме прибрано; О встрече было забыто; С работой проблема; Затопило огород; Занесло снегом; На нас пахнуло сиренью; Слышно музыку; В голове зашумело; Начало тошнить; Опять не писалось; Не хватило времени; Придется остаться; Ничего не видно; Мне повезло и др.

Особое место в русском языке занимают безличные конструкции, в которых бездействие субъекта связывается с некими внешними обстоятельства-

ми. В результате бытие фактически берет на себя функции деятеля, и субъектность как бы растворяется в самом течении жизни:

Теперь не до гостей; Не было времени их навестить; Его опять тянет к морю; Им повезло с погодой; Опять не получилось; У меня опять сорвалось; Ему не хватило времени; Не было возможности; Так уж суждено; Ничего не поделать и др.

Обращают на себя внимание и высокочастотные в устной речи фразеологизированные предложения, за которыми стоит субъект, признающий власть обстоятельств и / или выражающий свое отношение к ним:

Где мне все это запомнить!; Нам ли огорчаться!; Как не помочь!; Саше ли не быть довольным!; Как с этим не согласиться!; Когда же мне читать!; До учебы ли ей!; Что ему наши советы!; Ей беда не беда!; Что для него друзья!; Хоть меняй работу!; Нет бы нам одеться потеплее!; Не уезжать же домой! [2, 126–127].

Примечательна также и свойственная молодым людям тенденция использовать жаргонизмы с общим значением оценки бытийной ситуации:

До лампочки, до фонаря; по фигу, по барабану; фиолетово; параллельно; клево; классно; круто; чумово; супер; прикольно; офигенно; улетно; влом; отпад; фигово; сто пудов; стремно; зашквар; ажур; гламурно; бьютифул и др.

Относя категорию безличности к «индивидуальным свойствам русского языка», Н. Д. Арутюнова также отметила, что в русском языковом сознании человек, с одной стороны, занимает центральную позицию, а с другой – подчиняется внешним обстоятельствам и стремится согласовать свои действия с самой жизнью. В итоге принцип «по течению» получил выражение в безличных предложениях, не имеющих эквивалента в аналитических языках [1, с. 807]. А по мнению С. Г. Тер-Минасовой, широкое распространение безличности объясняется «коллективизмом менталитета, стремлением не представлять себя в качестве активного действующего лица», которое снимает ответственность за развитие ситуации [15, с. 276].

В этом контексте примечательны следующие пословицы с безличными глаголами в значении констатации состояния безотносительно к субъекту действия и его возможной активности:

Кому вынется, тому сбудется; Как аукнется, так и откликнется; Стерпится, слюбится; И хочется, и колется; Не спится, не лежится, все про милого грустится; Хочется – перехочется; Жить – мучиться, а умирать не хочется и др.

Названные в приведенных паремиях противоположные состояния заключают в себе оценку и раскрывают сложность переживаемой ситуации. Однако в самой оценке содержится побудительная интенция, подсказывающая возможный выход из сложившейся ситуации. Это позволяет рассматривать данные паремии как двойственный речеповеденческий акт, в котором сочетаются побуждение и оценка. Создаваемый при этом ментальный контекст актуализирует стоящую за ним личность с характерным для нее жиз-

ненным опытом, ценностными представлениями и ориентирами бытия. Поэтому перевод этих пословиц на аналитические языки вызывает значительные затруднения, оставляя чувство неудовлетворенности у переводчика.

Так, например, если мы обратимся к пословице ***Стерпится, слюбится*** в контексте повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка» и к ее переводу на французский язык [18, с. 154], то становится очевидным, что французский текст в отсутствие близкой по смыслу пословицы фактически превращает образно-смысловую нагрузку безличной формы *стерпится* в лакуну, которая остается ничем не компенсированной в предложенном варианте перевода.

– *Лиза Муромская мне вовсе не нравится. /* Lisa Mouromski ne me plaît pas.

– *После понравится.* ***Стерпится, слюбится». /*** Elle te plaira plus tard. **L'amour vient avec le temps** // «Любовь приходит со временем».

Анализ французского варианта, предложенного переводчиками, фактически актуализирует временную составляющую экзистенциально напряженной ситуации. Но в тексте А. С. Пушкина речь идет о характерном для русской ментальности терпении как унаследованном способе преодоления сложных жизненных обстоятельств: *Бог терпел да и нам велел; Без терпенья нет спасенья; Терпенье дает уменье; Терпенье и труд все перетрут; Терпи казак, атаманом будешь* и др. Таким образом, в заключительном фрагменте повести присутствует идея общности, единая для носителей русского умозрения и смысложизненных ориентиров бытия.

Не имея возможности в рамках статьи более подробно остановиться на категории безличности, приведем в качестве обобщения вывод З. К. Тарланова, который писал: «Богатейший синтаксис безличных предложений, которым характеризуется русский язык с конца средневековья, не может не рассматриваться как одно из ярких проявлений русской национальной ментальности с ее склонностью к абстрагированию от "проклятого быта", приверженностью к идеализации отдельного, одухотворению, верой в будущее, культом авося и лояльностью по отношению к мистике» [14, с. 141].

Подводя итоги предпринятого рассмотрения русского языка, отметим, что русский язык не только сохранил синтетический строй и категорию безличности, восходящие к далекому праязыку, но существенно развил их. Более того, коллективистический, духовно ориентированный тип славяно-русской культуры с принятием Православия вобрал в себя глубинные интуиции о Боге, бытии и человеке. В результате индивидуальное *Я,* существуя в координатах взаимодействия, взаимопонимания и взаимоотношений с другими, становилось частью большего целого – коллективной личности.

Данный подход возвращает нас к евразийской концепции Н. С. Трубецкого, который полагал, что личность – это не только отдельный человек, но и народ. Поэтому, «наряду с частночеловеческими личностями существуют личности многочеловеческие – как частнонародные, так и многонародные» [17, с. 141].

Завершая рассмотрение русского языка и ментальных особенностей его носителей, а также стремясь наметить перспективы дальнейших исследований, кратко представим концепцию академика В. А. Тишкова. Согласно его пониманию, социально-культурная антропология «все больше будет уходить от культурной нормы и типа к культурной сложности и к многокультурности, но только если понимать многокультурность не как суррогат “многонациональности”, а как сложность, начинающуюся на уровне личности» [16, с. 29]. Принимая концепцию этнической общности В. А. Тишкова, сформулируем следующее определение: **коллективная личность** – это лингвосоциокультурная общность, которая выросла на фундаменте общих представлений о своем происхождении, историческом пути, географической территории и обладает чувством солидарности к другим членам этой общности. Данный подход делает актуальным изучение ментальности этнических общностей, включая их взаимосвязи и взаимоотношения в составе большего целого.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. – М. : МАКС Пресс, 2016. – 416 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
4. Гришина Е. А. Культуры индивидуалистические и коллективистические // Психология общения : энцикл. слов. / под общ. ред. А. А. Бодалева. – М. : Когито-Центр, 2011. – С. 306–308.
5. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / под ред. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 1985. – 450 с.
6. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1 / сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1960. – С. 264–389.
7. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова…». – СПб. : Златоуст, 1999. – 368 с.
8. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2007. – 619 с.
9. Куликова И. С. Введение в языкознание / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. – М. : Юрайт, 2013. – 367 с.
10. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 480 с.
11. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре : монография. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.
12. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – М. : Просвещение, 1968. – Т. 3. – 551 с.
13. Савельева Л. В. Лингвоэкология : учебник для академического бакалавриата. – 2-е изд., пер. и доп. – М. : Юрайт, 2019. – 206 с.
14. Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. – Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1999. – 208 с.
15. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
16. Тишков В. А. Интервью с профессором Валерием Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. IV, № 4. – С. 5–13.

17. Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания // История. Культура. Язык / под общ. ред. В. М. Живова. – М. : Прогресс, 1995. – С. 105–210.
18. Pouchkine A. La demoiselle-paysanne // Récits de feu Ivan Pétrovitch Bielkine traduit par A. Gide et J. Schiffrin. La Bibliothèque électronique du Québec. – Vol. 1127. – P. 116 –157.

© Владимирова Т. Е., 2022.

УДК 811.161.1’366.542

ЕЩЕ РАЗ О ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ «НОВОГО» РУССКОГО ВОКАТИВА

Д. П. Войводич,
д-р филол. наук, профессор
dojcilv@mail.ru
Нови-Садский университет
Нови-Сад, Сербия

Аннотация. В статье рассматривается грамматический статус неграмматикализованной усеченной формы «призывного», разговорного обращения в русском языке, образованной от лексически ограниченной группы существительных с окончанием на *-а* (*-я*), обозначающих названия родства (*папа* > *пап*!, *мама* > *мам*!, *дедуля* > *дедуль*!, *бабуля* > *бабуль*! и т. п.) или производные личные имена (*Володя* > *Володь*!, *Лиза* > *Лиз*!, *Надя* > *Надь*!, *Саша* > *Саш*! и т. п.).

Ключевые слова: русский вокатив (звательный падеж), обращения типа *пап*! *мам*!, грамматический статус.

ONCE MORE ON THE GRAMMATICAL STATUS OF THE “NEW” RUSSIAN VOCATIVE

D. P. Vojvodich
University of Novi Sad, Serbia

Abstract. The article discusses the grammatical status of the non-grammaticalized reduced form of “appellative”, conversational vocative in Russian which was formed of lexical restricted group of nouns with the flexion to *-а* (*-я*) that indicate the names of kinship (*папа* > *пап*!, *мама* > *мам*!, *дедуля* > *дедуль*!, *бабуля* > *бабуль*! etc.) or derived personal names (*Володя* > *Володь*!, *Лиза* > *Лиз*!, *Надя* > *Надь*!, *Саша* > *Саш*! etc.).

Keywords: Russian vocative, allocutions of the type *пап*! *мам*!, grammatical status.

1. В высказываниях (преимущественно) апеллятивно-вокативного характера номинация – как одна из актуализационных категорий, связанных с коммуникативным отношением говорящего и адресата и тем самым с моментом речи актуального настоящего – может иметь особое субстантивированное формально-грамматическое выражение (форму), как, например, в большинстве славянских языков, где вокативность часто выражается морфологическими средствами. В настоящее время вокативные формы, вероятно, лучше всего сохранились в языках с развитой падежной системой, например в славянских языках, в которых падежные отношения на формально-грамматическом уровне достаточно четко дифференцированы (см., в частности, [24]). Все же между современными славянскими языками, несмотря на высокую степень их генетического и типологического родства, в этом отношении существуют большие различия, проявляющиеся прежде всего в том, что в одних (в сербском, польском, чешском, верхнелужицком, украинском, русинском и (частично) в белорусском, а также в болгарском и македонском, в которых основная падежная система не сохранилась), существует специальная вокативная форма, в то время как в других (в русском, нижнелужицком, словенском и словацком, который лишь частично сохранил вокативную форму всего от нескольких одушевленных существительных м. р. ед. ч.) она полностью исчезла (в этих языках функцию вокативного обращения выполняет (но лишь на синтаксическом уровне) им. п., который вследствие данной роли можно рассматривать как синкретическую падежную форму). Речь идет о падежных окончаниях, трансформирующих номинацию объекта в специальное коммуникативное выражение с апеллятивно-вокативными характеристиками, как, например, в сербском и польском языках (ср. (рус.) – *Эй*, ***ямщик***! – *закричал я, – смотри...* [А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)]; (серб.) – *Хеј*, ***кочијашУ***, – *викнуо сам – погледај...* [А. С. Пушкин. Капетанова кћи (1956)]; (польск.) – *Hej*, ***woźnicO***! – *krzyknąłem – patrz...* [A. Puszkin. Córka kapitana (1989)].

2. Хотя звательная (грамматикализованная) форма в русском языке и была утрачена приблизительно в XIV–XV вв., впоследствии она все же иногда (как, например, в литературном языке XIX в.) выступала в качестве средства стилизации [8, с. 273; 14; 17, с. 133–135; 20] или фамильярного обращения. Ср.: *Отпусти ты*, ***старче***, *меня в море...* [А. С. Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке (1833)]; – *Ты бы*, ***хлопче***, *самоварчик нам поставил*! [А. П. Чехов. На пути (1886)].

Остатки форм звательного падежа в современном русском и некоторых других славянских языках больше не представляют собой вокативные формы; их можно рассматривать только как особые слова-междометия (типа *Господи*! *Боже мой*!; ср. [10, с. 93]). Но следует отметить, что настоящие «застывшие» формы при использовании в религиозно-мистических обращениях (молитвах) верующих, а также «в религиозной среде вне богослужения в разных ситуациях устной и письменной речи» сохраняют функцию звательной формы [1, с. 22] (ср. также [23]), отличаясь притом оттенками высокого, тор-

жественного стиля. Ср.: ***Отче*** *наш*, *Иже еси на Небесех*!...; ***Господи Иисусе Христе***, ***Сыне*** *Божий*, *помилуй нас грешных*!; ***Отче*** / ***владыко***, *благослови*!

2.1. Следует отметить, что в языкознании нет единого взгляда на вопрос о грамматическом статусе вокативной формы, так как мнения лингвистов в этом отношении расходятся: одни считают, что она принадлежит падежной системе, в то время как другие такую возможность отрицают (в первую очередь потому, что она является грамматически самостоятельным высказыванием) (см. [10, с. 93–94; 11; 13; 19; 25, с. 133–175]; см. также [4; 9, с. 195; 16, с. 82–83; 17, с. 29–73]).

2.2. Еще в своей статье «Zur Struktur des russischen Verbums» (1932) Р. Якобсон заметил: «языкознание признало, что звательный падеж лежит в другой плоскости, нежели остальные падежи, и что звательная форма обращения находится вне грамматического предложения» [25, с. 217]. Поскольку звательная форма не организует никакой связи с другими словами в предложении (т. е. не входит в систему основных конструктивных элементов синтаксиса, и лишь – наряду с вводными, модальными и подобными компонентами – составляет периферию основных синтаксических единиц), она как бы отделяет обращение от текста, придавая обращению своеобразный, грамматически самостоятельный статус. Поэтому данную форму – считают некоторые лингвисты – нельзя считать падежом [24].

2.3. Хотя в современных исследованиях принято считать, что вокатив как граматически независимое высказывание не является падежом, так как его ни в семантическом плане (где падежные отношения определяются как отношения между предикатом и его актантами), ни в морфо-синтаксическом (где падежные отношения рассматриваются как отношения между предикативным выражением и связаннными с ним именными словосочетаниями) нельзя соотнести с падежной системой, все же считаем возможным показать, как это справедливо заметил П. Пипер, «что вокативная именная группа представляет синтаксическое выражение предикатно-аргументной семантической структуры» – прежде всего, более глубоким семантическим анализом содержания категории вокативности (т. е. сообщения желания, чтобы адресат обратил внимание на говорящего) и экспликацией ее постоянного компонента – «ты, кого называю, обрати на меня внимание» [16, с. 82–83; 20].

2.4. Предполагаем, что можно согласиться с мнением, что речь идет об обращении в неприсловной (независимой) синтаксической позиции (т. е. о категории, относящейся ко всему высказыванию в целом, а не только к одной его части), так как оно является лишь распространяющим (вернее, осложняющим) членом предложения, соответственно именем, называющим того, к кому адресована речь [22, с. 163–166] (ср. также [19]). Иными словами, данная форма не обладает признаками, характерными для остальных падежных форм, представляющих собой различные «системные» словоформы общей (падежной) парадигмы, вследствие чего не может образовывать синтаксические отношения в строгом традиционном смысле. Таким образом, «вокативы, в отличие от имен существительных, объективируют не мысль о предмете,

вскрывающую его свойства, а обозначают функцию собеседника (адресата) и характер устанавливаемых интерсубъектных отношений» [18, с. 164].

3. Наряду с приведенными типами обращений встречается еще один тип, нуждающийся в отдельном комментарии, при рассмотрении которого следует учитывать и некоторые его специфические характеристики. Речь идет об обращении, использующемся в русской разговорной речи, особенно в ситуациях неофициального (фамильярного) обращения в сниженном стиле, в которых адресат включается в личную сферу говорящего (при употреблении *ты* неофициального, интимного в кругу семьи, друзей), когда используется «новая», **усеченная форма звательного падежа** лексико-семантически ограниченной группы существительных м. и ж. р. (образованная (вернее, орфографически представленная) при помощи нулевой флексии и формально (на письме) совпадающая с род. п. мн. ч. тех же существительных) с окончанием (в им. п. ед. ч.) на *-а* (*-я*), обозначающих названия разных степеней родства (*па́па* > *пап*!, *ма́ма* > *мам*!, *дя́дя* > *дядь*!, *тетя* > *теть*! и т. п.) или неофициальные (как правило, производные – сокращенные) личные имена (*Лю́да* > *Люд*!, *На́дя* > *Надь*!, *Са́ша* > *Саш*!, *Воло́дя* > *Воло́дь*!, *Ко́ля* > *Коль*! и т. п.) (ср. напр. [2; 3, с. 28–29; 5; 7, с. 551–552; 13, с. 75; 15, с. 92–94; 23; 26, с. 244; 27, с. 132; 29]). На самом деле здесь речь идет о лексемах определенной фонотактической структуры (двух-, трехсложной и в первую очередь с ударением на предпоследнем слоге) в форме им. п. ед. ч. На наш взгляд, настоящее усечение можно рассмаривать и как одну из разновидностей *метаплазма* (обобщенное обозначение различных изменений, претерпеваемых словами), а именно – в качестве *апокопы* (выпадение одного или нескольких звуков на конце слова, в данном случае – выпадение конечного безударного гласного) (см. напр. [28, с. 338–367]). Следует отметить, что усеченное обращение (*мам*!) функционально не отличается от обращения в им. п. (*мама*!), так как «никаких контекстов, где обращение грамматически обязательно выражается именно усеченной формой, не существует» [5, с. 224].

В качестве иллюстрации приведем несколько примеров употребления данных обращений в различных контекстах (преимущественно в литературных произведениях второй половины XX – начала XXI в., весьма широко представленных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ); режим доступа: http://ruscorpora.ru): – ***Пап***, *как ты себя чувствуешь*? – *Хорошо*, *правда хорошо*. [С. Спивакова (2002)]; – *Нет у меня денег*, – *отрезала Ирина. – Да ладно*, ***мам****… Вы квартиру продали.* [В. Токарева (2002)]; – *Да брось*, ***Вань***, *ну же. Это у нас-то нищета*? *Зато поровну*! [К. Серафимов (1978–1996)]; *Я Галю обнял*, *говорю*: – *Ничего*, ***Галь***, *что-нибудь подвернется еще*. [А. Трушкин (1990–2002)].

Ср. также примеры «сочетания» терминов родства и личных имен: *Вот мяско парное… Зерно отборное*, ***дядь Коль***. *Возьми-и*! [Р. Сенчин (2008)]; – *Надолго в Одессу*? – *До завтра*, ***теть Ляль***. [Е. Завершнева (2012)].

3.1. Добавим, что вокативнность данного типа (усечение формы) приобретают и почти все гипокористические (уменьшительно-ласкательные) формы (образованные с помощью диминутивных суффиксов *-ан*(*я*), *-аш*(*а*),

-*к*(*а*), -*ул*(*я*)) приведенной лексико-семантической группы существительных-обращений (*папа* > *папаня* – *папаша* – *папка* – *папуля*, *мама* > *маманя* – *мамаша* – *мамка* – *мамуля* и др.; *Алеша* > *Алешка* – *Леша* > *Лешка*, *Вова* > *Вовка* – *Володя* > *Володька*, *Миша* > *Мишаня* – *Мишка*, *Саня* > *Санька* – *Саша* > *Сашка*, *Галя* > *Галька*, *Люба* > *Любаня* – *Любка* и др.). Ср. следующие примеры (НКРЯ): [*Лиза*, *муж*]; (*у окна*, *кричит*, *перебивает*). ***Папк***! ***Папк***! *Вон он*! [М. М. Рощин (1967)]; *Давайте*, ***папаш***, *покуда погодка*, *на двух подводах возить*. [И. А. Бунин (1913)]; – *Не плачь*, ***мамань***! – *Это я так*, *сынок*. *Соринка вот в глаз попала*. [В. Ревунов (1955)]; – ***Дедуль***, *расскажи*, *видел я их*. [Ю. Мамлеев (1975–1999)]; – *Слышь*, ***Таньк***, – *зевнув*, *спросила продавщица*, – *где Галька*? – *В стиралках*. [Д. Донцова (2003)].

Добавим, что на гипокористические формы обращения, образованные с помощью суффикса -*еньк*(*а*) (*па́пенька*, *ма́менька*, *дя́денька*, *тетенька*, *Да́шенька*, *Ма́шенька*, *Ко́ленька*, *Са́шенька* и т. п.), усечение не распространяется, что добавочно подтверждает правило об усечении только вокативных форм с ударением на предпоследнем слоге.

3.2. Следует подчеркнуть, что рассматриваемое вокативное обращение как синтаксически независимый компонент в рамках апеллятивных высказываний (даже и неапеллятивных, какими, например, являются изъяснительные предложения-высказывания) всегда относится – как, впрочем, и все регулярные, неусеченные типы обращений – ко всему высказыванию говорящего. Причина этого – опять прагматический характер таких высказываний, подразумевающий реализацию коммуникативной целеустановки, что особенно проявляется в выборе позиции (начальной, центральной, конечной) вокативной формы в них [16, с. 82–83; 19]. В начальной позиции (препозиции) вокативная именная группа лучше всего сохраняет свое апеллятивное значение, так как она в этом случае выполняет собственно вокативную функцию (инициация контакта / общения, соответственно идентификация собеседника и привлечение его внимания), в то время как в центральной позиции (интерпозиции) и конечной позиции (постпозиции) это значение ослабевает, одновременно подчеркивая эмоционально-оценочное (эмфатическое) – либо положительное, либо отрицательное – отношение говорящего к адресату (ср. приведенные примеры), задача которого состоит в поддержании контакта / общения и внимания адресата к последующей части высказывания [26, с. 244]. Ср. использование усеченных форм обращения в трех упомянутых позициях (НКРЯ): – ***Пап***, *хочешь*, *я тебе покажу*, *что я сегодня нарисовал*? [Д. Гуцко (2011)]; – *Да прекратите вы*, ***теть Тань***, *в конце концов*! [Р. Сенчин (2008)]; – *Они все цыгане*, ***Сереж***! *Я свою вину знаю*. [С. Шаргунов (2009)].

3.3. Особое место принадлежит «собственно призывному» обращению в «изолированной» («свободной») позиции, в которой оно, как и в начальной позиции, выполняет фатическую (контактоустанавливающую) функцию, полностью сохраняя свое апеллятивно-вокативное значение (ср. [6, с. 59–60; 12, с. 227]), причем его прескриптивная (императивная) окраска проявляется еще ярче. Ср. (НКРЯ): – ***Сереж***! – *Прошу прощенья*, *принцесса*! – *Так вот…*

А если время – вещество, то им можно манипулировать. [Т. Соломатина (2011)]; – ***Ваньк***! – *закричала Лилия. – Где Костик*? *Ответа не было*. – ***Ваньк***! – *грозно повторила Лилия. Нет ответа. Лилия взяла стакан и разбила о стену*. – ***Ваньк***! *Подросток явился и встал в двери. – Где Костик, я спрашиваю*! – *Не знаю*, – *ответил подросток долгожданным басом*. [А. Слаповский (1998)].

3.4. Параллельным употреблением номинативного и усеченного обращений, образованных от одной и той же лексемы, выражается усиленный призыв к вниманию. Ср. (НКРЯ): – ***Тетя Оля***? ***Теть Оль***! – *услышали мы. Мама оглянулась, поискала глазами, откуда идет голос, не нашла и пошла дальше*. – ***Тетя Оля***! [М. Трауб (2010)].

3.5. Приемом повторения обращений или их удвоения с частицей *а* тоже реализуется усиленный призыв к вниманию (ср. [12, с. 228]). Ср. (НКРЯ): – ***Дядь***, ***дядь***, *ружье, оно железное. Я поднял ружье, грязное и мокрое, разрядил*. [Ю. Коваль (1974)]; ***Дядь***, ***а дядь***! *Лучше бы вы сразу ушли…* [М. Бару (2010)]; – *Гляньте на него*! *Окосел парень*! ***Вань***, ***а Вань***! *Сколько нас*? [К. Воробьев (1965)].

Следует добавить, что в приведенных примерах с обращениями-повторами выражение усиленного призыва к вниманию иногда спровождается и оттенком настойчивости.

3.6. Важно отметить, что усеченные обращения, в отличие от кодифицированных номинативных обращений (и их аналогов и вокативных эквивалентов в других славянских языках), не могут, как правило, распространяться основными «вокативизирующими» средствами – определениями и приложениями – *дорогой / дорогая / дорогие*, *милый / милая / милые*, *любимый / любимая / любимые*, *уважаемый / уважаемая / уважаемые*, *мой / моя / мои*, *наш / наша / наши*, *господин / госпожа / господа*, *товарищ / товарищи*, *гражданин / гражданка / граждане* и т. п. (невозможность употребления данного типа сочетаний подтверждается и корпусом НКРЯ, где они не обнаружены). Ср. (НКРЯ): *О* ***Юра***, ***Юра***, ***милый***, ***дорогой мой***, ***муж мой***, ***отец детей моих***, *да что же это такое*? [Б. Л. Пастернак (1945–1955)] > [**О Юр*, *Юр*, *милый*, *дорогой мой*, *муж мой*, *отец детей моих* (…)].

3.7. Они также не могут употребляться (сочетаться) в качестве однородных членов, соединенных союзом. Ср. примеры без соединительного союза (взятые из НКРЯ) и их «неправильные» модификации (с союзом): – ***Борьк***! ***Вовк***! – *крикнула нам из комнаты тетя Клавдя. – Блины на столе, ешьте все*!… [А. Иванов (1990–1991)] > [*– *Борьк* ***и*** *Вовк*! (...) *Блины на столе, ешьте все*!]; – *Вы тут нужнее*! ***Аль***, ***Нин***, ***Даш***, *скажите же ей*! [Т. Тронина (2004)] >[*– *Вы тут нужнее*! *Аль*, *Нин* ***и*** *Даш*, *скажите же ей*!].

4. Подытоживая результаты проведенного анализа, следует отметить, что в рассмотренных звательных формах произошло – на первый взгляд – падение редуцированных (безударных) гласных в слабой позиции (на конце слова) и что налицо слова с закрытым слогом (с нулевой флексией). Однако так как в некоторых примерах (*дядь*!, *Люб*!, *Людь*!, *Надь*!, *Володь*!, *Лёв*!, *Серёж*!) конечные согласные произносятся звонко, можно сделать вывод,

что гласная фонема **/а/** на конце слова (как флективная морф(он)ема) сохраняется (хотя почти в нулевой звуковой форме) и что, следовательно, нейтрализации согласных фонем по звонкости – глухости в настоящих вокативных формах нет. Это значит, что «звонкие согласные в конце слова есть сигнал гласной, а когда гласной нет, то нет и звонкости этих согласных» [15, с. 94]. Иными словами, приведенные усеченные формы заканчиваются на гласную (мор)фонему, являющуюся под влиянием эмфатического произношения (с более сильной и долгой эспирацией) ударного гласного лишь «апострофированной» [21, с. 48] (см. также [5, с. 231; 13, с. 75; 15, с. 92–94]).

В качестве иллюстрации предложенных предыдущих объяснений данного явления можно сопоставить следующие (орфографически и фонетически представленные) грамматикализованные (кодифицированные) вокативные формы в им. п. ед. ч. (типа *мама*!) и новые, неграмматикализованные (усеченные) формы обращения (типа *мам*!), включая и произнесение их нулевого (вернее почти нулевого, лишь «апострофированного») окончания: *папа*! : [па́пъ] > *пап*! : [па́п[ъ]], *мама*! : [ма́мъ] > *мам*! : [ма́м[ъ]], *дядя*! : [д’а́д’ъ] > *дядь*! : [д’а́д’[ъ]], *тётя*! : [т’о́т’ъ] > *тёть*! : [т’о́т’[ъ]], *маманя*! : [мăма́н’ъ] > *маманъ*! : [мăма́н’[ъ]], *бабуля*! : [бăбу́л’ъ] > *бабуль*! : [бăбу́л’[ъ]], *Надя*! : [на́д’ъ] > *Надь*! : [на́д’[ъ]], *Лиза*! : [л’и́зъ] > *Лиз*! : [л’и́з[ъ]], *Галя*! : [га́л’ъ] > *Галь*! : [га́л’[ъ]], *Саша*! : [са́шъ] > *Саш*! : [са́ш[ъ]], *Серёжа*! : [с’и^{е}р’о́жъ] > *Серёж*! : [с’и^{е}р’о́ж[ъ]] и т. п.

Можно предположить, что сходное явление происходило и в период утраты «старой» звательной формы (особенно мужского рода), ставшей впоследствии равной форме им. п. ед. ч.; ср. переводы «старых» звательных форм, используемых в древнейшем памятнике русской поэтической речи, на современный русский язык: О ***Бояне***, ***соловїю*** *стараго времени*! (...) *Великый* ***Княже Всеволоде***! (Слово о плъку Игоревѣ) > О ***Боян***, ***соловей*** старого времени! (...) Великий ***князь Всеволод***! (подробнее о функционировании звательной формы (все еще существующей в живой, разговорной речи в XII–XIV вв.) в тексте данного и других памятников того периода, в которых она используется достаточно активно, см. напр. [17, с. 74–98]). В качестве подтверждения данного предположения можно привести наличие процесса падения редуцированных гласных в славянских языках в XI–XIII вв. (т. е. непосредственно перед утратой звательной формы в древнерусском языке), в результате чего возникли, в частности, и закрытые слоги (ср.: *сто-лъ* > *стол*, *ду-бъ* > *дуб* и т. п.), которыми отличается и им. / зв. п. м. р. в современном русском языке. Исходя из сказанного, приведенные формы призывного обращения (*пап*!, *Надь*!) можно рассматривать как отдельные (звательные) падежные формы. Но так как возникновение настоящих форм является результатом не общего исторического языкового процесса (падения конечных безударных гласных), а живой речи (на синхронном уровне), его можно рассматривать лишь как субъективную интерпретацию говорящего, которая признак нормативности получает в разговорном языке или в стилистической сфере литературной нормы, т. е. в лингвокультурной плоскости. Добавим, что некоторые лингвисты все-таки данное явление рассматривают именно

как частный случай общего процесса отпадения конечных гласных, ссылаясь, в частности, и на известное типологическое обстоятельство, что вокатив (наряду с императивом) обнаруживает «в громадном большинстве языков мира нулевое выражение» [7, с. 552].

Опираясь на результаты предыдущих исследований настоящего вопроса, особенно в конце XX и в начале XXI вв. (напр. [2; 4; 5; 17, с. 136–145; 18; 23; 29]), эту форму можно рассматривать как новую звательную форму с нулевой флексией (омонимичную с род. п. мн. ч. обозначенных существительных), формально соответствующую чистой основе, или же как усеченную форму им. п. ед. ч.

Резюмируя все вышесказанное, мы склонны считать, что данные усеченные формы наименований родства и имени собственного можно рассматривать лишь в качестве разновидности им. п. ед. ч. в роли вокативного обращения (функционального эквивалента вокатива), так как здесь налицо проявление процесса-приема соответствующего синкопированию в коммуникативном потоке (контексте) разговорной речи (как, например, у обращений, образованных от полного имени и отчества, типа ***Марь Иванна***! [мар’-иван:ъ] > *Марья Ивановна*!, ***Пал Палыч***! > *Павел Павловыч*!), сопровождаемому иногда даже аферезисом – (***Сан Саныч***! > *Александр Александрович*!) [2, с. 5; 23]. На наш взгляд, рассматриваемый тип обращения можно также объяснить и как стремление вокативного отношения (присущего любому речевому акту, подразумевающему общение между говорящим и адресатом) снова приобрести – при помощи рестриктивного приема (усечения окончания) – собственную форму выражения.

Следует добавить, что в устной речи, кроме стяжения (усечения окончания (апокопы) у наименований родства и имени собственного, в том числе и усечения суффикса в середине слова (синкопы) или в его начале (аферезиса) – как разновидностей им. п. ед. ч. в функции вокативного обращения), используется и растяжение в усеченных формах (напр. *ма-а-ам*!, *Са-а-аш*!), что тоже можно рассматривать как проявление тенденции разведения двух падежей [23]. Все это указывает, хотя и косвенным образом, на недостаточную грамматикализованность (грамматическую, падежную неполноценность) усеченных форм обращения, вопреки тому, что они обладают весьма высоким вокативным потенциалом и собственной, уникальной спецификой формообразования и употребления.

Библиографический список

1. Бугаева И. В. Особенности номинации адресата в религиозной сфере // Теолингвистичка проучавања словенских језика / ур. Ј. Грковић-Мејџор, К. Кончаревић. – Београд : САНУ, 2013. – С. 15–25.

2. Витали Ф. Существует ли звательный падеж в русском языке? [Электронный ресурс] // Язык и текст. – 2014. – № 1 (4). – С. 80–88. – URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2014/n4/Vitali.shtml (дата обращения: 01.10.2021).

3. Войводич Д. П. Обращение и норма (на материале русского и других славянских языков) // Языковая норма и новые тенденции в развитии речевой культуры : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. Ю. Белова, Л. Н. Михеева. – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2001. – С. 18–34.

4. Войводич Д. П. О вокативной системе современного русского языка // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. – 2017. – № LX (2).– С. 227–253.

5. Даниэль М. А. «Новый» русский вокатив: история формы усеченного обращения сквозь призму корпуса письменных текстов // Корпусные исследования по русской грамматике / ред.-сост.: К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов. – М. : Пробел-2000, 2009. – С. 224–244.

6. Жукова Т. С. Обращения в регламентированных сферах общения: становление новой нормы : дис. ... канд. филол. наук. – М. : РГГУ, 2015. – 232 с.

7. Зализняк А. А. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 550–558.

8. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1990. – 400 с.

9. Ивић М. О проблему падежне системе у вези са савременим схватањима у лингвистичкој науци // Јужнословенски филолог. – 1954. – XX. – С. 191–211.

10. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. – 2-е изд. – Братислава : Изд-во Словацкой АН, 1965. – Ч. I. – 302 с.

11. Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке (введение в методику позиционного анализа). – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 117 с.

12. Маслова А. Ю. Обращение в славянских языках: коммуникативно-прагматический аспект // Славистика. – 2010. – № XIV. – С. 226–237.

13. Мизин О. А. К морфологии обращения // Русский язык в школе. – 1980. – № 5. – С. 75–77.

14. Николаева Т. М. История звательной формы в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань : Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 1972. – 20 с.

15. Панов М. В. Фонетика // Современный русский язык / ред. В. А. Белошапкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – С. 40–164.

16. Пипер П. Оглед српске морфосинтаксе (у поређењу са македонском). – Сеул : Ханкук универзитет за стране студије, 1997. – 103 с.

17. Пляскова Е. А. К истории утраты звательного падежа в русском языке. – Воронеж : Научная книга, 2012. – 186 с.

18. Полонский А. В. Вокатив – самостоятельная часть речи? // Современные подходы к изучению единиц языка и речи и вопросы лингводидактики : сб. науч. тр., посвящ. памяти проф. Н. А. Кобриной / отв. ред.: О. Н. Прохорова, И. В. Чекулай. – Белгород : Политерра, 2012. – С. 163–167.

19. Проничев В. П. Синтаксис обращения (на материале русского и сербохорватского языков). – Л. : Изд-во ЛГУ, 1971. – 88 с.

20. Прохоренков В. М. Звательная форма в старорусском языке : к проблеме квалификации // Наукові праці : Філологія. Мовознавство. – 2008. – № 92 (79). – С. 47–51.

21. Реформатский А. А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. – М. : Наука, 1979. – 104 с.

22. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Т. II : Синтаксис. – М. : Наука, 1980. – 712 с.

23. Супрун В. И. Особенности использования вокативных единиц в современном русском языке [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – 2010. – № 5 (10) (декабрь). – URL: http://www.grani.vspu.ru (дата обращения: 27.10.2021).

24. Широкова А. В. Категория вокатива как периферическое явление БЯС / А. В. Широкова, Н. В. Новоспасская // Вестн. РУДН. Серия: Лингвистика. – 2008. – № 4. – С. 18–23.
25. Якобсон Р. О. Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – 456 с.
26. Янко Т. Е. Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей // Язык и речевая деятельность 2010–2011. – Т. 11 : (В честь Н. Д. Светозаровой). – СПб. : СПбГУ, 2011. – С. 239–255.
27. The Russian Language in the Twentieth Century / B. Comrie, G. Stone, M. Polinsky. – Second edition, revised and expanded. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 385 p.
28. Tošović B. Stilistika glagola. – Wuppertal : Lindenblatt, 1995. – 539 s.
29. Yadroff M. Modern Russian Vocatives: a Case of Subtractive Morphology // Journal of Slavic Linguistics. – 1996. – № 4 (1). – P. 133–153.

© Войводич Д. П., 2022.

УДК 070:81:355.484

КОНЦЕПТ «ВОЙНА» В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

П. С. Гарина,
студентка
garinapolin@yandex.ru
Л. Г. Горбунова,
канд. филол. наук, доцент
gorbunova63@list.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается концепт «война» в современных средствах массовой информации. Выделяются когнитивные слои концепта, устанавливается степень оценки концепта общественным сознанием в соответствии с разными типами языковой личности.

Ключевые слова: война, манипуляция, информационная атака, агрессия, вторая холодная война, вторжение, геноцид.

THE CONCEPT OF "WAR" IN MODERN MEDIA

P. S. Garina, L. G. Gorbunova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article discusses the concept of "war" in modern mass media. The cognitive layers of the concept are distinguished, the degree of evaluation of

the concept by the public consciousness is established in accordance with different types of linguistic personality.

Keywords: war, manipulation, information attack, aggression, the second cold war, invasion, genocide.

Когнитивные исследования последних десятилетий позволили языкознанию уделить большее внимание связи языка и мышления, объективировать процессы, стремительно развивающиеся в области словоупотребления, развития новых значений слов, формирования паронимов и т. д. На первый взгляд, исключительно лингвистические исследования в когнитивном аспекте приобретают социально значимый статус, становятся инструментом анализа общественного сознания в целом и отдельной языковой личности – в частности. Изучение концептов продолжает оставаться актуальным направлением исследований и в настоящее время.

Фактический материал для данного исследования привлекался из интернет-СМИ, таких как «Царьград», «МК», «КП», «Газета.ру», «Соловьев-лайф», материалов публикаций из блогов «Записки Двинского», «Евгений Сатановский (Армагеддоныч)», «Прилепин» и др.

Термин «концепт» неоднократно характеризовался в работах современных лингвистов (например, Н. Ф. Алефиренко [1, с. 173–187], В. А. Красных [4, с. 266–272], И. А. Стернин [6, с. 4–23] и др.). Н. Ф. Алефиренко утверждает, что информация кодируется понятийно и вербально, «поэтому исследовательский путь от семантики языкового знака к содержанию соответствующего концепта следует считать истинным» [1, с. 183]. Все исследователи концептов едины в выводе о том, что концепт связан с представлениями мыслящего субъекта о мире, с чувственным опытом, с общественным сознанием, с этнокультурными особенностями и областью морали как общечеловеческого опыта. И. А. Стернин характеризует концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [6, с. 4–23]. Н. Д. Арутюнова связывает концептуальный анализ с «целью определить статус мировоззренческих понятий в обыденном сознании людей» [2, с. 325]. В этой связи попытка рассмотрения концепта «война» представляется весьма актуальной.

К сожалению, война как реалия не утрачивает своей востребованности у определенных политических кругов, поскольку является очень удобным инструментом достижения целей – политических, экономических, идеологических и индивидуально-личностных. Анализ концепта «война» позволяет представить состояние общественного сознания, находящегося сегодня в стрессе из-за постоянной угрозы новых военных конфликтов. При этом со-

бранный фактический материал иллюстрирует, с одной стороны, объединение представлений унифицированной языковой личности о войне как таковой в отсылке к общечеловеческому моральному кодексу, с другой – обнаженное, неприкрытое использование угрозы войны, выгодное «правящей миром» коалиции, в манипулятивных целях.

Считаем уместным сослаться на известный тезис В. И. Ленина о том, что «война есть просто продолжение политики другими (именно насильственными) “средствами”. Такова формулировка Клаузевица... И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как продолжение политики данных, заинтересованных держав – и разных классов внутри них – в данное время» [5, с. 22]. Через развязывание военных конфликтов в современном мире особенно понятным становится использование войны как политического инструмента для достижения целей. Кроме того, события новейшего времени как никогда показывают экономическую, идеологическую заинтересованность западного мира в достижении своих политических целей через разжигание войн.

Предварительно обратимся к раскрытию лексического значения слова «война»: «*ВОЙНА, -ы, мн. войны, войн, войнам, ж. 1. Вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства. Находиться в состоянии войны с кем-н. Объявить войну. Вести войну. Пойти на войну. Вернуться с войны. Погиб на войне. Не пришел с войны кто-н. Победоносная в. Региональные войны. В. за независимость. Гражданская в. (вооруженная борьба внутри государства). 2. перен. Борьба, враждебные отношения с кем-чем-н. Объявить войну бездельникам. * Холодная война – политика, заключающаяся в нагнетании напряженности, враждебности в отношениях между странами. Конец холодной войны. Война нервов – об обоюдном нервном напряжении кого-н. На войне как на войне (книжн.) – 1) война, а также вообще любая борьба есть война со всеми ее тяготами, последствиями; 2) в трудных условиях, обстоятельствах надо уметь к ним приспосабливаться. II прил. военный, -ая, -ое (к 1 знач.)* [7].

В современном употреблении фиксируются все указанные значения, однако наиболее подчеркнут такой аспект значения, как инспирированность военных конфликтов извне. Относительно Российской Федерации отмечается прямая заинтересованность мировой закулисы спровоцировать конфликт, втянуть в него государство с целью ослабления и последующего управления со всеми вытекающими преференциями, как это уже наблюдалось после распада Советского Союза.

В поле концепта «война» можно выделить некоторые слои, объясняющие отражение образа войны в коллективном сознании языковой личности. И. А. Стернин «под когнитивным слоем концепта понимает совокупность признаков, отражающих сквозное членение содержания концепта по определенному когнитивному классификатору» [6, с. 10].

Для систематизации поля концепта «война» прибегнем к выделению следующих когнитивных слоев анализируемого концепта:

1. Битва / военное противостояние.

2. Манипулятивный регулятор.
3. Экономический регулятор.

Сопоставим лексемы с полем концепта (таблица 1).

Таблица 1

Битва / военное противостояние	
Словарные источники	**Поле концепта**
ВОЙНА, -ы; мн. войны, войн; ж. 1. Вооруженная борьба между государствами, народами, племенами и т. п. или общественными классами внутри государства. В. против иноземных захватчиков. В. за свободу и независимость государства. Наступательная, оборонительная, позиционная в. Гражданская в. (вооруженная борьба за государственную власть между классами и социальными группами внутри страны). Мировая в. (вооруженная борьба крупнейших государств мира за экономическое и политическое господство). Отечественная в. (вооруженная борьба народа какого-л. государства, направленная на защиту своей независимости). * На войне как на войне (погов.: всякое бывает, случается). 2. с опр. Борьба за достижение своих целей, ведущаяся средствами экономического, политического и т. п. воздействия на кого-, что-л. Экономическая, валютная, таможенная в. Идеологическая, психологическая в. В. законов. Холодная в. (политика государств, основанная на взаимном недоверии и выражающаяся в нагнетании подозрительности и враждебности между странами).	авантюра; агрессивная русская среда; агрессия; атака; боевые действия; бойня; военная напряженность; военное присутствие; военные преступления; военный конфликт; военный переворот; война; война на чужой территории и чужими руками; война обычного типа; вооруженное столкновение; вторая холодная война; вторжение; геноцид; гибридная операция; долгосрочный конфликт; зона боевых действий; инцидент; истребление местных жителей; коллективный военный ответ; конвенциональная война; конфликт; кризис на Украине; майдан; масштабная провокация напряженности; ментальная катастрофа; миротворческая операция; нападение; напряженность на границах России; нашествие; обеспечение своей безопасности; обострение геополитической напряженности; обострение на Украине; операция;

3. Разг. Проявление неприязненного отношения к чему-л.; действия, направленные на искоренение чего-л. Объявить войну бюрократам. Вести войну с цензурой. В. с самим собой (борьба со своими желаниями, слабостями, недостатками и т. п.) / О неприязненных отношениях; постоянных ссорах с кем-л. В. между соседями. С утра до вечера у них в доме в. В. нервов (о постоянном обоюдном нервном напряжении). <Военный (см.) [3].	операция ОДКБ в Казахстане; операция по принуждению к миру; открытый конфликт с Россией; отступить от опасной черты; очередная агрессия русских; переступить красные линии; полномасштабное военное вторжение; преступление против человечества / человечности; резня внутри страны со стороны нацистов и националистов; силовая акция; систематическое уничтожение истории; ситуация на линии соприкосновения; скорая российская агрессия; события; спецоперация против России; спецоперация; фатальная ошибка; эпицентр политического шторма; эскалация кризиса на Украине эскалация
Манипулятивный регулятор	
Словарные источники	**Поле концепта**
МАНИПУЛЯЦИЯ, -и; ж. [франц. manipulation от лат. manipulus – горсть, пригоршня]. 1. Сложный прием, сложное действие над чем-л. при работе руками, совершаемое с какой-л. целью. Следить за манипуляциями ювелира. 2. Цирк. Показ фокусов, основанный на ловкости рук, на быстроте и точности движений кистей и пальцев. Манипуляции фокусника. Манипуляции с картами. 3. Разг. Ловкая проделка, махинация. Пойти на манипуляцию с товаром. Раскрыть манипуляции мошенников. 4. Способ, прием воздействия на сознание людей пу-	агрессивная русофобия; брехня; вранье; Вторая великая холодная война; геополитический торг; грандиозная мистификация; игра манипуляторов; изобретение искусственного нападения России на Украину; информационная война / атака; информационное оружие; ирония; истерия; конспирология; ложь; людям стерли сознание; массированная и беспрецедентная западная информационная атака; машина войны и нацистов проехалась так по умам, что сломила волю; милитаристский психоз США;

тем представления кого-, чего-л. в искаженном, ложном виде. М. общественным мнением. Идеологические манипуляции. 5. Техн. Действие манипулятора (3 зн.). <Манипулятивный (см.). Манипуляторский, -ая, -ое [3].	мифическая русская угроза; навешивать себе западную лапшу на уши; отчаянная попытка сохранить доминирование; паника; паранойя; пересечение красных линий; план Киева по «зачистке» Донбасса; подмена понятий; политика удушения; правовой беспредел; пренебрежение основополагающими принципами международного права; преступная пропаганда; провокация; пропагандистская кампания; противостояние США и НАТО с Россией; спекуляция; сценарий; ультиматумы, угрозы, нравоучения – это путь в никуда; фантастическая агрессия; цирковой фарс
Экономический регулятор	
Словарные источники	**Поле концепта**
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, -ая, -ое. 1. к Экономика. Э. базис. Э-ие законы. Э-ое сотрудничество. Э-ие требования. Э-ая политика. Э. совет. Э-ие реформы. Э. кризис. Э-ие науки. Э-ая статья. Э. журнал. Э-ая география (наука о закономерностях территориального размещения общественного производства, о структуре хозяйства различных стран и районов). 2. Материальный, денежный; связанный с материальным благосостоянием. Э-ая сторона дела. Э-ие расчеты и просчеты. Э-ая зависимость. Э-ая блокада [3].	адские санкции; визовая война; действия стран Запада в отношении Украины приравниваются к серьезным санкциям; рекомендация покинуть Украину своим гражданам, вывоз дипломатов, уход инвесторов, прекращение воздушного сообщения – это равно мощнейшим санкциям; своим поведением Байден напугал инвесторов и подверг лишениям украинскую экономику

Словарь синонимов фиксирует следующие лексемы-синонимы к слову «война»: баталия, битва, блицкриг, блокада, бомбардировка, борение, борьба, брань, война, газават, джихад, интифада, кампания, нашествие, побоище, поход, рать, сеча, сражение, столкновение [3]. Наш материал представляется значительно богаче по палитре оценок, чем словарные статьи.

Когнитивный слой «**битва / военное противостояние**» является основным, содержит ярко выраженную оценку войны разными политическими силами. Мы специально ввели в поле концепта его распространение контекстом. Так, гипероним «война» атрибутивно распространяется следующим образом: война – *стыдная, кровавая, непонятная (о Первой Чеченской войне), обычного типа, конвенциональная, информационная, гибридная, асимметричная*. Производное прилагательное «военный» встречается в сочетаниях с «*вторжение, конфликт, преступление, переворот, присутствие, коллективный ответ*» и др. «Агрессия» исключительно связывается с распространением «*русская, скорая российская, очередная (агрессия) русских, агрессивная русская среда*», «конфликт» – «*долгосрочный, открытый (с Россией)*». «Операция» – «*миротворческая, по принуждению к миру (Грузии, Украины), сил ОДКБ в Казахстане*». Налицо и поляризация образов войны, и языковых личностей – «пророссийской» и прозападной. Слова-репрезентанты концепта даже по частотности выявленного употребления позволили объективировать, что война концептуализируется не только как реальные военные действия одного государства относительно другого, но и как инструмент политической борьбы, индикатор враждебного отношения к России со стороны стран Запада / НАТО.

Когнитивный слой «**манипулятивный регулятор**» подтверждает вышесказанное и отражает зачастую саркастическое отношение «пророссийской» языковой личности к практике манипулирования общественным сознанием: «*агрессивная русофобия, брехня, вранье, спекуляция, паранойя, цирковой фарс, преступная пропаганда, провокация, грандиозная мистификация, игра манипуляторов, изобретение искусственного нападения России на Украину, информационная война / атака, информационное оружие, ирония, истерия, коварные планы Кремля, конспирология, ложь, людям стерли сознание*». Нагнетание постоянной угрозы «мифического вторжения русских на Украину» идет вразрез со здравым смыслом и потому вызывает даже у украинских депутатов горькую иронию: «Паника объяла даже сибирскую тайгу». Откровенный вымысел военного конфликта тем не менее практически материализуется в сознании определенных кругов, заставляя политиков твердить об этом как о свершившемся факте. Совершенные советскими политиками преступные ошибки о распределении территорий, населенных русскими и русскоговорящими гражданами, по другим национальным зонам приходится исправлять в режиме реального времени, что вызывает массированную атаку на психику населения. Сознание языковой личности неотделимо от национального признака и родного языка, поэтому так тяжело принять изменение идеи «дружбы народов» на «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Как выясняется из анализа концепта «война», языковая лич-

ность неотделима от политики, поэтому угроза нависшей войны (в первую очередь между Украиной и Россией) так больно воспринимается некогда единым народом единого государства.

Слой «**экономический регулятор**» подтверждает это. Интерпретационные признаки войны здесь связываются не только с санкциями против России, но и с санкциями против Украины, чего не могут или не хотят осознать националистические политики Незалежной: «*адские санкции; визовая война; действия стран Запада в отношении Украины приравниваются к серьезным санкциям; рекомендация покинуть Украину своим гражданам, вывоз дипломатов, уход инвесторов, прекращение воздушного сообщения – это равно мощнейшим санкциям; своим поведением Байден напугал инвесторов и подверг к лишениям украинскую экономику*». Прагматическое отношение людей по обе стороны от потенциального конфликта показывает неприятие образа войны, желание вернуться к здравому смыслу, искоренить желание «кукловодов» играть с «марионетками» по своим правилам.

Совокупность когнитивных признаков показывает осмысление концепта «война» сознанием языковой личности. Интерпретация образа войны имеет яркую оценочность, негативную оценку, объективность восприятия.

Современные СМИ не только отражают культурные ценности общества, его мировоззрение, нравственные и эстетические предпочтения, но и сами формируют концептуальное поле. Описание концепта «война» в данной публикации не представляется конечным в силу своей ментальной многогранности, а скорее представляет собой начальный этап анализа.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 209. – 409 с.

2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1998. – XV, – 895 с.

3. Большой толковый словарь [Электронный ресурс] // ГРАМОТА.РУ – справочно-информационный портал gramota.ru. – URL: http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 13.08.2021).

4. Красных В. В. «Свой» среди чужих: миф или реальность? – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

5. Ленин В. И. Крах II Интернационала // Ленин В. И. Полн. собр. соч. – 5 изд. – М., 1969. – Т. 26. – С. 224.

6. Стернин И. А. Основные компоненты структуры концепта и проблема сопоставления концептов // Язык и национальное сознание. Вып. 10 / науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2008. – 203 с.

7. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. – URL: https://tolkovyj-slovar-ozhegova. slovaronline.com/ (дата обращения: 13.08.2021).

© Гарина П. С., Горбунова Л. Г., 2022.

УДК 81:1:811.181.1

КОНТЕКСТУАЛЬНО-СИТУАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СИНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С ПЕРСИДСКИМ ЯЗЫКОМ

А. К. Голандам,
д-р филол. наук, доцент
golandam@mail.ru
Гилянский государственный университет
Решт, Иран

Аннотация. В данной статье сопоставляются абсолютные синонимы, которые вошли в русский и персидский языки путем заимствования. На сегодняшний день большую роль при возникновении абсолютных синонимов играют заимствования из западноевропейских языков. Данные заимствования можно наблюдать во всех сферах языка, особенно в ежедневной и бытовой лексике.

Ключевые слова: абсолютные синонимы, русский и персидский языки, заимствования.

CONTEXTUAL SITUATIVE ANALYSIS OF THE SYNONYMS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN COMPARISON WITH THE PERSIAN LANGUAGE

A. K. Golandam
Gilan State University
Rasht, Iran

Abstract. This article compares the absolute synonyms that entered the Russian and Persian languages by borrowing. Today, borrowings from Western European languages play an important role in the emergence of absolute synonyms. These borrowings can be observed in all areas of the language, especially in everyday and everyday vocabulary.

Keywords: absolute synonyms, Russian and Persian languages, borrowing.

Проблема семантического усвоения лексики и его употребления является одной из важных проблем иранских студентов при изучении русского языка, в частности синонимического тождества абсолютных синонимов. Абсолютные синонимы, указывая на одно и то же понятие и имея одинаковое лексическое значение, различаются своей экспрессивной окрашенностью, закрепленностью за определенным стилем, степенью употребительности. Многие абсолютные синонимы не отличаются друг от друга лексическим значением и экспрессивной окрашенностью. Синонимы абсолютные – это слова, полностью совпадающие по значению и употреблению, с возможным расхождением в сочетаемости. *Бегемот – гиппопотам, азбука – алфавит; забастовка – стачка; самолет – аэроплан, орфография – правописание, номинативная – назывная, фрикативный – щелевой* и т. д., или как однокорневые

образования *лукавость – лукавство, убогость – убожество, сторожить – стеречь* и т. д. В персидском языке также можно указать на *фарханг-логатнаме* (словарь), *келнекс-дастмал кагази* (салфетки), *немад-самвол* (символ), *джашнваре-фестивал* (фестивал) и т. д.

Абсолютные синонимы как в основном синхронное языковое явление могут бытовать во всех сферах языка. Данное исследование посвящено контекстуально-ситуативному анализу абсолютных синонимов русского языка в сопоставлении с персидским языком в синхронном отрезке времени. Особое внимание уделяется заимствованным синонимам из западноевропейских стран, вошедших в русский и персидский языки и образующие в этих языках абсолютные (полные) синонимы, которые не отличаются друг от друга ни семантикой, ни сферой употребления и стилистической принадлежностью, ни отношением к активному и пассивному словарю.

Импорт – ввоз. Тождественные синонимы *импорт* и *ввоз* в русском языке имеют очень схожее лексическое значение. Слово *импорт* в словаре иностранных слов [4, с. 254] толкуется как «*Ввоз из-за границы товаров для их продажи или использования в данной стране*». В словаре синонимов [2, с. 300] слово *импорт* дает ссылочное объяснение синониму *ввоз*. В толковом словаре Ушакова [11, с. 357] синоним *ввоз* толкуется как *«Совокупность товаров, ввозимых из-за границы, импорт».* В БСРЯ [7, с. 413] слово *ввоз* – как «*Общее количество или общая стоимость товаров, доставленных в страну по импорту.*» А синоним *импорт* толкуется как «*Ввоз товаров в какую либо страну товаров из-за границы*».

Рассмотрим несколько примеров: «*Европейская комиссия даже приняла решение снизить пошлины на* ***импорт*** *государствами Евросоюза пшеницы, ячменя и ржи из стран Восточной Европы и СНГ*», или «*Предметом спора стали введенные правительством новые пошлины на* ***импорт*** *продовольствия»*, «*Сейчас пошлина на ввоз этой продукции в Россию составляет 3–5 %*», или «*Попов Игорь. Снижена пошлина на* ***ввоз*** *красной икры. По просьбе импортеров-невидимок».* Все приведенные предложения по статистикам НКРЯ (национальный корпус русского языка) имеют нейтральный стиль, как видится из приведенных примеров, тождественные синонимы *импорт* и *ввоз* обладают полным взаимоупотреблением и способны сочетаться с одинаковыми словами в разных предложениях. Данные взаимоупотребление и сочетание, а также употребление в одном стиле речи дают основание считать данные слова абсолютными синонимами.

Контракт – договор. В толковом словаре иноязычных слов [4, с. 450] слово *контракт* толкуется как «Договор, соглашение со взаимными обязательствами договаривающихся сторон». В словаре синонимов [2, с. 467] данному слову дается отсылочное толкование синонимом *договор*, а синоним *договор* толкуется как *контракт*. В БСРЯ [7, с. 578] синоним *контракт* объясняется как «*Письменный договор, соглашение с взаимными обязательствами заключившие его сторон»,* а слово *договор* – как *«Письменное или устное соглашение, условие о взаимных обязательствах».* Слово *договор* в словаре синонимов Александрова [2, с. 478] трактуется как *контракт*. В тол-

ковом словаре Ожегова [9, с. 467] слово *договор* указывается как «*Соглашение, обычно письменное, о взаимных обязательствах*».

Употребление обоих синонимов можно встретить в следующих предложениях: «*Поясняю несведущим: контрактная армия (войско) – скомплектованная из наемников (ландскнехтов по средневековым понятиям), служащих за плату по контракту (договору); профессиональная армия (флот) – скомплектованная из обученных и подготовленных в профессиональном отношении к военной службе (боевым действиям) кадровых офицеров и прапорщиков (мичманов), а также сержантов (старшин), солдат (матросов), призванных на срочную действительную военную службу или заключивших* ***контракт (договор)*** *на сверхсрочную, то есть контрактную службу».*

Также данные синонимы могут сочетаться с одинаковыми словами или слово сочетаниями например, «*Однако чтобы начать работать, частнику мало было пройти все формальности и заключить* ***договор*** *с "Дилижанс-авто"»* или *«В перспективе любой человек должен иметь возможность заключить* ***контракт*** *на покупку электроэнергии не с одним-единственным монополистом, а иметь выбор из нескольких независимых поставщиков». В примерах «Немного раньше были открыты такие же фактории на Формозе и в Амое, где компании удалось заключить выгодный договор с сыном Коксинги»* или «*Есть возможность заключить выгодный контракт, не упускайте случай»* все предложения употреблены в нейтральном стиле. Как видится из приведенных примеров, тождественные синонимы *контракт* и *договор* претендуют на звание абсолютных синонимов, так как удовлетворяют всем характеристикам этих синонимов.

Экспорт – вывоз. Тождественные синонимы *экспорт* и *вывоз,* так же как и абсолютные синонимы *импорт* и *ввоз*, могут быть взаимозаменяемыми. В словаре иностранных слов [4, с. 278] «*Вывоз из страны товаров с целью их продажи или использования в других странах».* В словаре синонимов Александрова [2, с. 568] слову *экспорт* дается ссылочное объяснение синонимом *вывоз*, а синоним *вывоз* объясняется словом *экспорт*. В БСРЯ [4, с. 506] данное слово указывается как «*Вывоз товаров, капиталов, технологий за границу»,*а синоним *вывоз* толкуется через слово *экспорт*. В толковом словаре Ушакова [4, с. 348] слово *вывоз* толкуется как *«Количество вывезенного за границу товара, экспорт (экон.)».*

Рассмотрим несколько примеров. «*Источник "Журнала" в правительстве пояснил, что не только высокая мировая цена на нефть побуждает российские компании наращивать* ***экспорт*** *нефтепродуктов*» или «*Я понимаю, что, предоставив правительству возможность бесконечно повышать таможенный тариф на* ***вывоз*** *нефтепродуктов, мы тем самым спровоцируем новую волну взяточничества среди чиновников, определяющих размер пошлин». «Европейский* ***экспорт*** *продуктов сегодня перекрыт (по причине ящура), так что вся надежда на белорусов»* или «*Суть доктрины гениального ученого и одного из лучших администраторов в истории России была в том, чтобы на ближайшие двести лет законодательно запретить вывоз из страны сырья и всячески поощрять* ***вывоз*** *продуктов его переработки*». Как

видится из приведенных примеров, тождественные синонимы *экспорт* и *вывоз* способны на полное взаимоупотребление и сочетаются с одними и теми же словами. Данное положение дает основание определить их в число абсолютных синонимов.

Компенсация – возмещение. Тождественная синонимичная пара *компенсация* и *возмещение* также имеют общее семантическое значение и способны к взаимозамене. В словаре иностранных слов [6, с. 209] слово *компенсация* объясняется отсылочно синонимом *возмещение*. В словаре синонимов Александрова [2, с. 308], Словаре русских синонимов [9, с. 243] и БСРЯ [7, с. 567] также объясняется через синоним *возмещение.*

В примерах «*Право страховой медицинской организации на* ***возмещение*** *расходов*» или «*По предварительной информации,* ***компенсация*** *расходов бюджетов субъектов, связанных с повышением зарплаты, не планируется»* оба предложения употреблены в официальном стиле. В другом примере также наблюдается абсолютное тождество данных синонимов: «*Единственным выходом будет ввод комиссии и* ***компенсация*** *убытков*», – пояснила г-жа Ноготкова» или «*Рассмотрев все доводы, апелляционный суд постановил, что „Станстед“ и Ryanair обязаны в равной степени взять на себя* ***возмещение*** *убытков пострадавшему*». На наш взгляд, данную пару синонимов в русском языке можно считать абсолютными синонимами.

Конкуренция – соперничество. В словаре синонимов Александрова [2, с. 308] синоним *конкуренция* объясняется отсылочно словом *соперничество*, слово *соперничество* – отсылочно синонимом *конкуренция*.

«*Но главная борьба и соперничество разворачиваются за энергетические ресурсы, и прежде всего – за нефтяные источники»* и *«При этом если по первым двум пунктам это цивилизованная конкуренция, то по последнему, в силу монопольной принадлежности „Полюсу“ как генерирования, так и передачи и распределения местных энергоресурсов, конкуренция, по нашему мнению, не является справедливой».*

«*Конкуренция со столичными фирмами обостряется с каждым годом*» и «*– Да, можно, но здесь вряд ли возникнет серьезное соперничество: в странах СНГ рынок еще не освоен, спрос на кабельную продукцию в ближнем зарубежье до сих пор невысок*».

«*Кажется, конкуренция в женской команде выросла даже по сравнению с минувшим сезоном»* и «*Дальнейшее соперничество голландца с россиянином стало украшением всего мирового спорта»* (более подробно о данных синонимах речь пойдет в тематической группе спорт).

Коммерция – торговля. В словаре синонимов Александрова [2, с. 330] слово *коммерция* толкуется с помощью слова *торговля*, а синоним *торговля* указывается в качестве такового к слову *коммерция*. В Большом словаре иностранных слов [4, с. 346] и Толковом словаре Крысина [6, с. 355] данное слово также отсылается к слову *торговля*. В БСРЯ [7, с. 570] слово *коммерция* поясняется синонимом «*Торговля, торговые операции*», синоним *торговля* объясняется как «*Деятельность по купле и продаже товаров».* «*Твердюкова Е. tvelenaa"bk.ru.* ***Коммерция***, ***торговля***, *СССР. Трэгорд Л., Вамстад Ю.*».

«*Важным элементом услуг 3G станет мобильная электронная* ***коммерция****, когда оплатить товары и услуги можно будет с помощью мобильного телефона, который превратится в «электронный кошелек»* и «*Виртуальный бизнес – это по существу альтернативное средство торговли, та основа, вокруг которой будет развиваться электронная* ***торговля****»*.

Каталог – брюшур. Абсолютные синонимы *каталог* и *брюшур* (каталог) в персидском языке составляют тождественную пару. В БСПЯС [3, с. 788] *каталог* (каталог) обозначается как «*книжка, которая показывает, как управлять устройством*». В пояснениях к слову *брюшур* (каталог) в данном словаре дается: «*Малый буклет или лист по эксплуатации, содержащий информацию о продукте или предмете*». Как видится из приведенных объяснений, оба синонима имеют одинаковое лексическое значение. В ТСПЯЭ [15, с. 610] слово *каталог* (каталог) объясняется как «*Буклет, который объясняет, как работают различные части машины*». Синоним *брюшур* (каталог) в данном словаре толкуется как «*Малый бумажный или картонный проспект содержащий, информацию о продукте или теме*». В ТСПЯМ [14, с. 338] *каталог* (каталог) объясняется как «*каталог по эксплуатации предметов*», а также посредством синонима *брюшур* (каталог). Слово *брюшур* (каталог) в данном словаре толкуется как «*Печатный текст с малым количеством страниц с информацией о характеристиках товара или выставки и тому подобное*» или объясняется через синоним *каталог* (каталог). Приведем пример, в котором оба синонима способны заменить друг друга: «*Указав на публикацию первого каталога о туризме в стране, он сказал, что на брошюрах пытается компенсировать часть вакуума в области презентации Ирана*»).

Субсид – яране. Синонимы *субсид* и *яране* (субсидия) в персидском языке в настоящее время употребляются наравне. В прошлом термин *субсид* (субсидия) употреблялся в основном в специальной литературе, но с проведением экономических реформ в стране наравне с данным словом употребляется и синоним *яране* (субсидия). При народе синоним *яране* (субсидия) на данный момент употребляется чаще. В специальной литературе оба синонима употребляются одинаково часто. Рассмотрим данные дублеты подробно: в БСПЯС [3, с. 578] синоним *яране* (субсидия) объясняется описательно: «*Субсидия для производителей и потребителей общественных благ, необходимая для поддержки цен на низком уровне*», так и с помощью синонима *субсид* (субсидия). В ТСПЯМ [12, с. 852] термин *субсид* (субсидия) объясняется как «*Субсидия, для снижения цены на товары первой необходимости*» и с помощью синонима *яране* (субсидия), термин *яране* (субсидия) в данном словаре толкуется посредством синонима *субсид* (субсидия). В СПЯС [13, с. 539] слово *субсид* (субсидия) объясняется с помощью синонима *яране* (субсидия). В ТСПЯЭ [15, с. 639] дублет *яране* (субсидия) объясняется как посредством описания, так и указывается «*Субсидия для производителей и потребителей товаров первой необходимости, держать с целью поддержки цен на низком уровне*» синоним *субсид* (субсидия). В ССАСПЯ [14, с. 944] в паре синонимов *субсид* и *яране* (субсидия) один объясняет другой. Рассмот-

рим примеры: «*России в последнее десятилетие из-за высоких субсидий компаниям, школ и государственным больницам, удалось сохранить уровень безработицы на уровне около 5 %*» и «*Депутатам нужно решить одну из главных задач экономики Ирана – удалить субсидии высокодоходных*».

Дарсад – пурсант. Синонимы *дарсад* и *пурсант* (процент) в персидском языке способны заменять друг друга в разных предложениях, так как имеют одинаковое значение. В ТСПЯА [15, с. 743] слово *пурсант* (процент) объясняется как «*Процент прибыли, который получает человек за участие в работе или сделке*». В ТСПЯД [5, с. 875] слово *дарсад* (процент) понимается так же, как в вышеуказанном словаре, – *дарсаде чизи* (процент чего-то). В словаре Академии персидского языка синоним *дарсад* (процент) толкуется как «*Плата за сделку, в процентах от общей суммы, за посредничество*». В БСПЯС [3, с. 624] слово *дарсад* (процент) толкуется с помощью синонима *пурсант* (процент). Синоним *пурсант* (процент) указывается как «*Процент прибыли от бизнеса кому-то, кто принимал участие в сделке*». Проанализируем синонимы в примерах: «*Клиент подписывает контракт, и продавец получает комиссии*» и «*С целью предотвращения коррупции в договорах, в которых одной из сторон является правительство, получение комиссии или процентов запрещается*».

Подведем итоги. В русском и персидском языках можно проследить одинаковую тенденцию заимствования зарубежных синонимов и возникновения абсолютных синонимов в данных языках. Заимствованные синонимы – в основном американизмы или заимствованы из западноевропейских языков. Тенденция заимствования в обоих языках имеет схожий характер. Выбранные заимствования широко представлены в обоих языках. Несмотря на то, что в заимствованных языках параллельно с заимствованной лексикой существует и своя лексика, во многих случаях заимствованная лексика смогла укорениться и составить синонимичную пару с местными словами. Это подтверждают наши наблюдения, так как все приведенные синонимы и примеры были проанализированы и взяты из разных словарей и достоверных источников, что в свою очередь указывает на употребительность обоих синонимов в данных языках.

Во всех приведенных примерах абсолютные синонимы в обоих языках покрывают все критерии абсолютной синонимии (тождественность семантики, употребление в одном стиле, возможность сочетания в предложении с одними и теми же словами, а также существование абсолютных синонимов обычно в синхронных языковых пластах. Данные синонимы могут сочетаться с одинаковыми словами или словосочетаниями.

Библиографический список

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – 7-е изд., стер. – М. : Русские словари, 1999. – 665 с.

2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. – М. : Русский язык, 2011. – 564 с.

3. Анвари Х. Фархане бозорг Сохан. – Тегеран : Сохан, 2002. – 1074 с.
4. Большой словарь иностранных слов. – М. : ИДДК, 2007. – 1098 с.
5. Логатнаме Деххода. – Тегеран : Амир Кабир, 1999. – 789 с.
6. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М. : Эксмо, 2008. – 944 с.
7. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 22-е изд. – М. : Русский язык, 1990. – 816 с.
9. Словарь русских синонимов. Контекст 5.0. – Информатик. – 2012.
10. Толковый словарь иностранных слов / под ред. Л. П. Крысина. – М. : Русский язык, 1998. – 846 с.
11. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 т. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ; ОГИЗ ; Гос изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
12. Фарханг фарси Моин. – Тегеран : Амир Кабир, 2001. – 914 с.
13. Фарханг-е фарси. Толковый словарь персидского языка. – Тегеран, 1964.
14. Ходапараст Ф. Словарь синонимов персидского языка. – Тегеран : Данешнаме, 1997. – 786 с.
15. Эмид Х. Персидский пояснительный словарь. – Тегеран : Нохост, 2010. – 678 с.

© Голандам А. К., 2022.

УДК 80

ТИПЫ КОММУНИКАНТОВ В МЕССЕНДЖЕР-СООБЩЕСТВЕ

Т. В. Гребельник,
аспирант, старший преподаватель
tatyanagrebelnik@yandex.ru
Астраханский государственный университет
Астрахань, Россия

Аннотация. В статье поднимается одна из актуальных проблем современной интернет-лингвистики – выделение и описание типов коммуникативных личностей, проявляющих себя в сетевом сообществе (в нашем случае – в группе мессенджера WhatsApp). Определяются параметры, по которым можно охарактеризовать сетевую группу, и факторы, на основании которых можно говорить о формировании того или иного типа коммуниканта.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, сетевая группа, коммуникант, коммуникативное поведение, мессенджер.

TYPES OF COMMUNICANTS IN THE MESSENGER COMMUNITY

T. V. Grebelnik
Astrakhan State University
Astrakhan, Russia

Abstract. The article raises one of the urgent problems of modern Internet linguistics – the identification and description of the types of communicative individuals who manifest themselves in the network community (in our case, in the

WhatsApp messenger group). The article determines the parameters by which it is possible to characterize the network group, and the factors on the basis of which it is possible to speak about the formation of one or another type of communicant.

Keywords: Internet communication, network group, communicant, communicative behavior, messenger.

Коммуникативное пространство Интернета не имеет границ и вовлекает в процессы межличностного взаимодействия в Сети людей разных возрастов, профессий, интересов. Наряду с форумами, блогами, социальными сетями пользователи много времени уделяют общению в мессенджерах, среди которых особую популярность в последнее время приобретают Telegram и WhatsApp. В мессенджере у пользователя есть возможность реализовать различные коммуникативные намерения и максимально удовлетворить потребности в получении и передаче информации, вступая в межличностную или групповую коммуникацию.

Цель настоящей статьи – выделить и описать основные типы коммуникантов, которые проявляют себя в сетевом сообществе, а именно – в группе WhatsApp.

Число сетевых групп, участником которых может быть интернет-пользователь, порой достигает нескольких десятков. Некоторые из них выступают лишь электронными аналогами той группы, членом которой является человек в реальности, в непосредственном общении. Например, субъект одновременно входит в такую группу, как трудовой коллектив определенного структурного подразделения организации, и становится участником созданной в Сети группы, объединяющей тех же лиц. Некоторая часть групп позволяет оперативно решать вопросы, связанные с организацией деятельности, социального и культурного взаимодействия участников, дистанцированных друг от друга и не имеющих возможности частых личных контактов. К такого рода группам относятся, в частности, «родительские» группы, организованные как с участием учителя, воспитателя или педагога дополнительного образования (возможно, и им самим), так и без него.

Для обозначения каждого члена сетевой группы мы будем использовать термин *коммуникативная личность* (*коммуникант*), имея в виду одну из вариаций проявления человека как субъекта коммуникации, т. е. языковой, речевой и коммуникативной личности (по В. В. Красных) [2].

Мы признаем уникальность каждой коммуникативной личности, однако не отрицаем и наличия общих черт, характерных для тех участников сетевого сообщества, которые преследовали одинаковые цели, принимая приглашение вступить в конкретную группу.

Сначала дадим общую характеристику коммуникативной структуре группе в WhatsApp. Как правило, такая группа включает относительно небольшое число участников, равное количеству членов трудового коллектива, законных представителей учеников в классе, слушателей курсов и т. п. Если традиционно считается, что чем меньше по численности группа, тем интенсивнее в ней происходит взаимодействие, то о виртуальном сообществе этого

сказать нельзя. Напротив, в большей по количеству членов группе чаще и активнее протекают коммуникативные процессы.

По остальным параметрам сетевая группа соответствует реальной. Для нее характерны следующие признаки:

- контактность (возможность каждого члена группы беспрепятственно общаться с остальными участниками);
- целостность (наличие некой социальной или психологической общности ее членов);
- устойчивость межличностных контактов, что предполагает взаимную активность;
- наличие внутренней структуры (в любой группе действуют нормы и правила, соблюдение которых подвергается социальному контролю, чаще – со стороны администратора);
- возможность удовлетворения личных запросов, что позволяет каждому участнику оставаться в группе как можно дольше.

Если принимать во внимание классифицирующие признаки, то можно говорить о сетевой группе как о следующей:

естественной (функционирует в реальных условиях интернет-пространства);

вторичной (используется средство связи – Интернет – как посредник между общающимися);

формальной или неформальной (взаимоотношения определяются либо предписаниями и договоренностями, либо внутренними потребностями индивидов);

стабильной (в большинстве случаев коммуниканты преследуют долговременные цели взаимодействия);

открытой (каждый участник произвольно принимает решение о вхождении в группу или выходе из нее);

ассоциацией, корпорацией, коллективом или *командой* по характеру организации деятельности. Уточним: сетевую группу, объединившую друзей детства, отнесем к ассоциациям, поскольку ее участники преследуют в основном личностно значимые цели; студенческое сетевое сообщество относится к корпорациям, так как участие в такой группе определяют внутренние цели; общественно значимые цели собирают в одну сетевую группу коллег, сотрудников одного структурного подразделения; командой называется группа, участники которой вошли в ее состав, для того чтобы решить конкретные поставленные задачи, например, они работают над одним проектом.

Описывая коммуникативную структуру группы, отметим, что она представляет собой совокупность связей, которые устанавливаются между участниками в процессе общения. Каждый член группы самостоятельно решает, насколько интенсивно он будет коммуницировать в группе и какова будет направленность его сообщений.

Многие группы – это централизованные сети, в которых один участник (его роль, как правило, играет администратор (админ) группы) распространя-

ет важную информацию. Такова, например, группа, созданная по инициативе классного руководителя и объединяющая родителей учеников. Учитель преследует цель – без искажений передать одну и ту же информацию всем членам группы, и если данная информация должна только приниматься к сведению и не подвергаться обсуждению, то администратор может наложить запрет на отправку сообщений другими участниками мессенджер-сообщества. При такой организации коммуникативного пространства сложно выделить типы коммуникантов – можно лишь говорить об активной и пассивной деятельности пользователей Сети. *Активный* коммуникант (в обозначенной группе им будет только ее администратор) инициирует каждый коммуникативный акт и передает информацию. *Пассивный коммуникант* (к таковым относятся остальные участники) нацелен только на получение информации. Но в данном случае занятие названных позиций в процессе коммуникации не отражает реальных проявлений той или иной коммуникативной личности, поскольку возможности общения в группе ограничены.

В случае децентрализованной коммуникативной структуры все участники группы имеют равные возможности, и информация циркулирует между всеми членами группы, каждый из которых имеет право высказываться, комментировать, спрашивать, дополнять и пр. При такой коммуникативной организации группы можно говорить о большем количестве типов коммуникантов, которые (а) преследуют различные цели и (б) отличаются коммуникативным поведением.

Так, Е. И. Горошко выделяет четыре основные цели участников интернет-коммуникации: обмен информацией, создание и поддержание контактов, повышение личного рейтинга, развлечение [1, с. 120]. В групповой мессенджер-коммуникации могут реализовываться все названные цели. При формальных отношениях коммуникантов доминирует обмен информацией, а также создание и поддержание контактов. При неформальном общении имеют значение и другие цели.

Безусловно, одним из определяющих параметров является мотивационный, обусловливающий степень вовлеченности коммуникативной личности во взаимодействие с другими участниками группы. Например, если группа объединяет бывших одноклассников, в которую был добавлен участник, не желающий по каким-либо причинам актуализировать образы прошлого или распространять информацию о своем настоящем, что неизменно происходит в такого рода группах, он сократит до минимума количество вхождений в коммуникативные процессы, которые организуются между членами группы.

Коммуникативное поведение, согласно И. А. Стернину, – это «совокупность норм и традиций общения социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т. д. групп, а также отдельной личности» [4, с. 3]. Мы говорим именно об особенностях общения, которые проявляет частная коммуникативная личность, будучи участником той или иной группы в мессенджере WhatsApp. Иными словами, коммуникативное поведение личности – это и его речевой опыт, который сформировался в результате многократного

участия в подобных коммуникативных ситуациях. Чем богаче такой опыт, тем более уверенно и свободно коммуникативная личность пользуется арсеналом доступных и известных ей языковых средств для удовлетворения интенций. Обратим внимание на то, что лингвистический фактор имеет значение только в совокупности с социальными факторами – степенью социализации человека в Сети, познавательным опытом, культурными и ментальными особенностями, которые в совокупности отражаются в коммуникативном поведении той или иной личности и образуют ее речевой имидж.

Итак, в децентрализованных коммуникативных системах в мессенджере WhatsApp нами выделяется несколько типов коммуникантов.

По участию / неучастию в передаче информации в групповой интернет-коммуникации мы различаем *активный* и *пассивный типы коммуникантов*. Первые, как видится, участвуют в отправке и получении информации, часто выдают обратную связь (реагируют, комментируют, соглашаются, возражают и пр.), вторые – только воспринимают информацию (читают сообщения, но не отправляют реактивных реплик, не предлагают тем для обсуждения, не задают вопросов и пр.). Пассивных и активных коммуникантов несложно выявить, подсчитав количество вхождений в коммуникацию за определенный промежуток времени. Участие пассивного коммуниканта в коммуникативных процессах сетевого сообщества может сводиться к нулю, в таком случае он близок к позиции вторичного коммуниканта, стороннего наблюдателя.

Об активных коммуникантах скажем более подробно. Среди них можно выделить коммуникативные личности, демонстрирующие уверенное / неуверенное речевое поведение. *Уверенный коммуникант* не боится высказывать свою точку зрения, выдвигает предложения, выступает с инициативой. *Неуверенный коммуникант*, как правило, дает отсроченные ответы, соглашается с мнением большинства, не настаивает на своей позиции, не возражает, не вступает в спор.

Участники коммуникации в Сети могут испытывать удовлетворение / неудовлетворение своих прагматических ожиданий. Поэтому по названному признаку нами различаются *довольные* и *недовольные коммуниканты*. Полученная в мессенджер-сообществе информация оценивается довольными коммуникантами как достаточная, точная, удовлетворяющая их потребности в общении в целом. Недовольные коммуниканты считают получаемую информацию неполной, требующей уточнений и поправок, нуждающейся в проверке, корректировке и пр.

Информация, которая передается в рамках группового общения в мессенджере, может подвергаться оценке со стороны участников коммуникации или восприниматься ими как таковая, просто приниматься к исполнению, как руководство к действию. Так, сообщения *оценивающего коммуниканта* изобилуют коннотативными репликами типа *Отлично! Мне нравится! Хорошая идея! По-моему, не стоит внимания. Ужас какой!* и др. *Рациональный коммуникант* сдержан в выражении оценок и проявлении эмоций. Графическое оформление сообщений такими коммуникантами различается: оценивающий коммуникант нередко завершает реплики восклицательными знаками,

печатает текст прописными буквами, сопровождает его смайликами или эмоджи. Рациональный коммуникант избегает использования подобного рода текстовых и графических средств.

Уместным представляется также обозначить такие типы коммуникантов, как *личностно ориентированный коммуникант* или *апеллирующий к группе (к сообществу)*. Анализ сообщений, отправляемых в различных группах мессенджера WhatsApp, показал, что есть коммуникативные личности, которые при вступлении в уже протекающий процесс общения предпочитают обращаться к отдельному пользователю, выбирая из списка сообщений конкретное и отвечая / реагируя именно на него. Такой выбор основан в большинстве случае на личном знакомстве членов группы. Напротив, если связи участника интернет-сообщества с другими коммуникантами являются недостаточно прочными, он выбирает обращение ко всем, к группе в целом и не акцентирует внимание на репликах отдельных пользователей.

Таким образом, групповое общение в мессенджере представляет собой сложную коммуникативную систему, где между отправителями и получателями сообщений устанавливаются многообразные связи и отношения. Мотивационный фактор и речевой опыт играют, на наш взгляд, ведущую роль в формировании коммуникативного поведения члена группы, который может занять позицию пассивного наблюдателя или активного коммуниканта. Среди активных коммуникантов находим такие проявления коммуникативной личности, как уверенный / неуверенный, довольный / недовольный, оценивающий / рациональный, личностно ориентированный / апеллирующий к группе. Безусловно, данный перечень не носит исчерпывающий характер, а демонстрирует только наиболее частотные коммуникативно-поведенческие тактики участников групповой коммуникации в Сети. Нами не учитывался, например, функциональный и когнитивный параметры коммуникативной личности, поскольку классификация коммуникантов по данным основаниям требует детального анализа проявлений конкретной языковой личности в интернет-коммуникации. Этот аспект анализа является перспективой исследования.

Библиографический список

1. Горошко Е. И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. – 2009. – № 6. – С. 111–127.

2. Жданова Е. В. Личность и коммуникация: практикум по речевому взаимодействию. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 176 с.

3. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М. : Гнозис : Кучково поле, 2001. – 269 с.

4. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж : Гарант, 2000. – 27 с.

© Гребельник Т. В., 2022.

УДК 81′37:81′282.2(470.345)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВНЕШНЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Л. Н. Денисова,
канд. филол. наук, доцент
denisova208@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. На материале русских говоров Мордовии рассматриваются глаголы, обозначающие внешнее проявление положительного и отрицательного отношения. Анализируются диалектные глаголы межличностных отношений, в значении которых сочетается несколько типов категориальных сем. Семантическая структура глаголов может уточняться такими признаками, как «отношение», «чувство», «поведение», «речь».

Ключевые слова: диалектные глаголы; русские говоры; межличностные отношения; внешнее проявление отношения.

THE SEMANTIC FEATURES OF THE DIALECT VERBS WITH THE MEANING OF THE EXTERNAL MANIFESTATION OF THE RELATIONSHIPS IN THE RUSSIAN DIALECTS OF MORDOVIA REPUBLIC

L. N. Denisova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article presents the analysis of the verbs denoting external manifestation of the positive and negative attitudes in the Russian dialects of Mordovia Republic. The dialect verbs denoting interpersonal relationships the meaning of which combines several types of categorical semes are analyzed. The semantic structure of the verbs can be specified by such meanings as “attitude”, “behaviour”, “speech”.

Keywords: dialect verbs, Russian dialects, interpersonal relationships, external manifestation of relations.

В современной лингвистике большое количество исследований посвящено описанию глаголов, входящих в различные лексико-семантические группы: глаголы речи, восприятия, созидания, звучания, поведения, профессионально-трудовой деятельности, бытийные глаголы и другие [2; 3; 4; 6]. Вместе с тем описание, существующее на настоящий момент, является далеко не полным. Ряд глаголов традиционно вызывает значительные трудности

в описании, так как смысловая разнородность не позволяет отчетливо сформулировать объединяющее их значение. Одной из таких «проблемных» групп является группа глаголов, которые могут быть условно обозначены как «глаголы отношения». Ученые определяют их как лексико-семантическое поле, внутри которого разграничиваются глаголы взаимоотношения, владения, межличностных, социальных отношений и др. [6]. Глаголы межличностных отношений составляют особую лексико-семантическую группу, в которой номинированы ситуации, связанные с отношениями людей в их повседневной жизни. Само содержание термина «межличностные отношения» ориентировано на коммуникацию − специфическую форму взаимоотношения и взаимодействия речевых партнеров [1, с. 5].

Глаголы межличностных отношений обладают сложной семантической структурой. Данный факт обусловливает возможность определения одной и той же лексемы не только как глагол межличностных отношений, но и как глагола речи, мысли, эмоционального состояния, поведения и др. Сложность в систематизации этой группы глаголов заключается в том, что в их значениях сочетается несколько типов категориальных сем. Так, например, в значениях глаголов *ненавидеть, любить, уважать, чтить, презирать, уважать* и т. п. сочетаются категориальные семы «отношение» и «чувство»; в значениях глаголов *иронизировать, насмехаться, осуждать, оскорблять, хвалить* и т. п. сочетаются категориальные семы «отношение», «чувство» и «речь»; в значениях глаголов *условиться, договориться, сговориться* – «отношение» и «речь»; в значениях глаголов *лебезить, гнушаться, кокетничать* и т. п. – «отношение» и «поведение» и т. д. Взаимодействие подобных категориальных сем формирует семантику большинства глаголов межличностных отношений. Глаголы могут быть отнесены к различным лексико-семантическим группам в зависимости от того, какую из сем считать основной [7].

На материале русских говоров Мордовии были проанализированы глаголы разных лексико-семантических групп, в том числе глаголы эмоционально-оценочного отношения, входящие в группу межличностных отношений. Наблюдения показали, что большая часть таких глаголов передает положительное эмоционально-оценочное отношение, сочетающееся с семой «чувство» [5].

Категориально-лексическая сема «межличностные отношения» реализуется в интегральной семе «способ проявления отношения». В русских говорах Мордовии многочисленны глаголы, обозначающие внешнее проявление положительного и отрицательного отношения. Внешнее проявление положительного отношения уточняется такими признаками, как «жест», «действие», «поведение» и т. д.

В исследуемых говорах представлена группа диалектных глаголов, основное значение которых содержит проявление нежности, ласки. Внешнее проявление положительного отношения может уточняться признаком «поведение» и выражаться глаголами типа *лести'ться*, *прилюбля'ть, примо'лать, примо'лвливать* и т. п., которые используются со значением ‘*проявлять ласку, нежность к кому-либо; ласкаться*’. Такие глаголы чаще всего использу-

ются в контекстах, демонстрирующих взаимоотношения с детьми. Например: *Ни листись ка мне, фсё равно на речьку ни пущу* (Русские Полянки, Краснослободский р-н).

Заметим, что у глаголов с одним и тем же значением в разных контекстах могут быть разные способы внешнего проявления отношения. Так, в значении '*оказывать внимание кому-либо, ухаживать*' можно отметить несколько дифференциальных признаков: глаголы типа *ухе'тывать* и т. п. имеют значение '*ухаживать за кем-либо, заботиться о ком-либо*'. Например: *Я за матирью ухетывълъ, ана долгъ балелъ* (Булаево, Темниковский р-н). В данном случае актуализируется признак «действие»; этот же признак можно усмотреть в значении диалектного глагола *учеща'ть* со значением '*оказывать внимание, уважение, угождать*'. Например: *Пънаедит гостей-тъ, и учэшчай их, угошчай* (Суподеевка, Ардатовский р-н). Диалектные глаголы *тяну'ться, устелюлёхивать, ухмы'здывать, шамши'ть* и т. п. имеют значение *«ухаживать за кем-либо, добиваясь расположения»*. В семантике анализируемых глаголов основным является гендерный аспект. Например: *Устилюлёхивъл, устилюлёхивъл он за Таний, а ана зъ друговъ вышлъ* (Муравлянка, Ельниковский р-н). В семантике таких глагол можно усмотреть дифференциальный признак «поведение».

В составе группы глаголов внешнего проявления положительного отношения имеются глаголы типа *замо'лать* со значением '*заступиться за кого-либо, походатайствовать в пользу кого-либо*'. В контекстах с указанными глаголами представлены ситуации, в которых чаще всего описывается отношение к пожилым людям. Например: *Замолъть-тъ за нас некъму, хъть бы ты замолъл присидатилю зъ миня, штоб лесу он дал* (Кулишейка, Рузаевский р-н).

Внешнее проявление отношения представлено немногочисленными глаголами, обозначающими смех, веселье. В семантике таких глаголов обнаружены разные дифференциальные семы, ср.: глаголы *рассмея'ть, помори'ть, надсади'ть* и т. п. употребляются со значением '*заставить смеяться, рассмешить*'; глаголы типа *расшиба'ться* имеют значение '*громко, заразительно смеяться*', глаголы типа *баклу'шничать* − '*развлекать, веселить*'. Например*: Он мастак был нарот-тъ баклушничъть, на фсе гулянки звали. Баклушничът бывалъ девък, а ани пъмирают со смиху* (Вырыпаево, Ромодановский р-н).

В русских говорах Мордовии зафиксированы немногочисленные глаголы со значением '*целоваться, обниматься*'. Такие глаголы, как *ти'скаться* обозначают '*целоваться, обниматься*', глаголы типа *оброта'ть* − '*обнять, обхватить руками*', глаголы типа *слепи'ться* − '*обняться*', глаголы типа *чво'кать, чва'кать* − '*целовать*'. Ограниченное использование глаголов с указанным значением в речи диалектоносителей связано с тем, что в сельской местности не принято открыто проявлять чувства нежности, что подтверждается в следующих примерах: *Нигожъ вить, стыдок прямъ, абратасси при фсех* (Ефаево, Краснослободский р-н).

Немногочисленны глаголы типа *охва'ливать,* используемые в русских говорах Мордовии со значением '*хвалить*'. Например: *А он пришол и давай охваливъть меня. – Он охваливът не так, што-тъ ёму ут тебя надъ* (Говорово, Старошайговский р-н). В исследуемых материалах нами выявлен глагол *обславля'ть* со значением '*перекрестив, напутствовать кого-либо добрыми пожеланиями, благословлять*', уточняющийся признаками «жест» и «речь». В синтаксических конструкциях глагол используется в разных грамматических формах: *Нивесту апславлять станут, а у ниё сляза тикёт. Атец апславлят иконъми* (Нагаево, Инсарский р-н).

Анализ показал, что в исследуемых материалах многочисленнее глаголы внешнего проявления отрицательного отношения. Чаще всего в анализируемой лексико-семантической группе речь идет о субъектно-объектных или двусубъектных глаголах, указывающих на форму взаимоотношения и взаимодействия речевых партнеров.

В подгруппу субъектно-объектных межличностных отношений входят глаголы со значением '*ругать, бранить*': *поха'бить, прохва'тывать, пуди'ть, пузыри'ть, пыжи'ть, скали'ть* и т. п. Например: *Вярухъ фчярась маво мужыка пахабилъ, штъ он иё к стаду ни ръзбудил. – Дъ ана пахабит, пахабит, а чирис чяс фсё зъбыват* (Петровка, Дубенский р-н). *Кажный день мужыка пыжыт, а уш он травой пиред ней стелицц*ъ (Красные Поляны, Ардатовский р-н). В составе анализируемой подгруппы диалектные глаголы со значением '*отругать, оскорбить*' составляют многочисленный синонимический ряд: *запуди'ть, распузы'рить, распужи'ть, размы'кать, разоха'лить, отшапу'рить* и т. п. Например: *Свяжысь-къ с ней, она тя зъпушыт, облаит фсякими словами* (Суподеевка, Ардатовский р-н).

Интегральная сема «речь», конкретизирующая способ внешнего проявления отрицательного отношения, проявляется у ряда диалектных глаголов типа *хобота'ть, назвя'кать, наклю'хтывать, оголчи'ть, нахомута'ть* и т. п. со значением '*наговаривать (наговорить), клеветать*'. Например: *Чово она нъ миня хобочыт, чово я плоховъ зделълъ, славит миня на фсю деревню* (Суподеевка, Ардатовский р-н). Глагол *сыксо'тить* имеет значение '*наговаривать на кого-либо, ябедничать*'. Например: *Пака дочь с мужъм жывут хърашо. Дъ ныни нарот-тъ бешъный, днём миняццъ. Будут сыксотить, и мать яво можът их разбить. – О-о-о, ихъ пародъ сыксотить мъстаки* (Куликово, Теньгушевский р-н). В материалах русских говоров Мордовии встретился диалектный глагол *похе'рить* со значением '*высказаться о ком-либо неодобрительно*', причем в контекстах могут быть представлены глаголы с антонимическими значениями, например: *Снаху то пахвалит, то пахерит* (Кользиваново, Краснослободский р-н).

В исследуемых говорах можно выделить несколько глаголов с различными дифференциальными признаками. Так, глаголы типа *подве'шивать, мурзи'ться, огова'риваться* имеют значение '*грубо, резко отвечать на замечания*', глагол *опара'тить* обозначает '*резким, грубым замечанием заставить замолчать*' и т. п. Например: *Вот нъ работи нынчи Настя пръ сваю дочь апеть нъчяла расказывъть. И хвалиццъ, и хвалиццъ, то пръ адно, то*

пръ другоя. Пряма слушъть фсем нъдаелъ. А свахъ мая вить какая, как апаратит иё: «Ты пиристаниш, гъварит, балтать аль нет, хвастунья». Та сразу и зъмалчяла. – Ну и правильнъ, давно бы иё надъ былъ апаратить, штоб ни хвалилъсь (Грачевник, Краснослободский р-н).

В значении '*обращаться с просьбами, униженно просить о чем-либо*' диалектных глаголов типа *прикла'ниваться, прикоря'ться* и т. п. также могут быть выделены дифференциальные признаки «речь» и «поведение». Например: *Надъ быть приклонным чъловекъм, корицъ, просить фсех, штобы тее чово-нинато зделъли. Прикланивъцъ не будиш, в голъди дъ ф холъди нъсидисся* (Суподеевка, Ардатовский р-н). *Ни любиш ты прикаряцъ, а вить в жызни фсё делъть приходицъ* (Муравлянка, Ельниковский р-н). В данных конструкциях подчеркивается менталитет русского народа, выраженный во внешнем проявлении такой черты характера, как покорность.

Внешнее проявление отношения в русских говорах Мордовии представлено глаголами *подлыга'ть, подсары'ливать, подскры'ливать* и т. п. со значением '*насмехаться, подшучивать, поддразнивать*'. Семантическая структура этих глаголов уточняется признаками «речь» и «поведение», проявление которых наблюдается в следующих конструкциях: *Он пъдлыгать-тъ был гораздый, и смеялся надо фсеми* (Суподеевка, Ардатовский р-н).

Признаки «речь» и «поведение» сочетаются в семантике диалектных глаголов типа *разгаша'ть, подвызы'кать* и т. п. со значением '*дразня, рассердить, вывести из себя*': Например: *Она ёво пъдвызыкът, ростравит, он её и зачнёт дубасить* (Суподеевка, Ардатовский р-н). Глаголы со значением '*раздразнить, довести до слез*' обычно используются в контекстах, демонстрирующих межличностные отношения с детьми. Например: *Ни дразни рибёнкъ-тъ, ръсквилиш вить, видиш, уш губы надул* (Грачевник, Краснослободский р-н). Обозначенные выше признаки можно обнаружить в семантике диалектных глаголов типа *начиня'ть* со значением '*подговаривать, подстрекать*', *подскры'ливать намуча'ть, подмуча'ть* со значением '*побуждать, подстрекать*'. Например: *Этъ уш, навернъ, ёво кто-небуть нъчынят, а то он бы не стал так делъть* (Редкодубье, Ардатовский р-н).

Немногочисленны диалектные глаголы типа *прислужа'ть* со значением '*угождать*', семантика которых уточняется только признаком «поведение». Например: *Она уш им хочът прислужать, ухажывът за ними* (Суподеевка, Ардатовский р-н). Внешнее проявления отношения отмечено в группе глаголов типа *выкола'шиваться, близи'рничать* и т. п. со значением '*заискивать, угождать, лестью добиваться чьего-либо расположения*'. Диалектные глаголы с указанным значением содержат в семантической структуре признак «поведение». Таковы диалектные глаголы *подлабу'ниваться, подъефе'риться, приластиться, присусе'ндиться* и т. п. с общим значением '*лестью добиваться чьего-либо расположения, доверия, подлизываться*'. Такое поведение в некоторых случаях может характеризоваться отрицательно. Например: *Её ни узнаш, она в глазах-ти выколашывъцъ, а зъ глазами грязью пъливат нъ тебя* (Горки, Большеигнатовский р-н). В некоторых контекстах не усматривается отрицательной семантики, т. к. в значении глаголов содержится до-

полнительный признак ‘***лестью, лаской*** *добиваться чьего-либо расположения, доверия*’. Ср.: *Если пъдлабунисси к няму, он тибе лапти аддаст аль новы сплитёт маниньки* (Кулишейка, Рузаевский р-н). Здесь же можно отметить глагол *мулю'ниться* со значением ‘*говорить друг другу любезности*’.

Такой признак, как «действие», отмечается у глаголов внешнего проявления отношения, связанных с суеверными представлениями. Субъект какими-либо действиями, по мнению диалектоносителей, наносит вред здоровью. Значения таких диалектных глаголов могут различаться дифференциальными семами, ср.: *подде'ть* ‘*заколдовать*’, *подозорова'ть* ‘*колдовством причинить вред*’, *подсади'ть* ‘*по суеверным представлениям: колдовством вызвать какое-либо заболевание*’, *сугла'зить, огла'зить, изуро'чить, спо'ртить* ‘*по суеверным представлениям: причинить кому-либо вред дурным глазом, сглазить*’. В конструкциях с данными глаголами обычно подчеркивается отрицательный характер межличностных отношений. Например: *Она ёво и изурочылъ, глас-тъ у ей нихорошый* (Редкодубье, Ардатовский р-н). В некоторых случаях глаголы, связанные с суеверными представлениями, могут иметь положительную коннотацию: *кружи'ть* ‘*по суеверным представлениям: очерчивать кругом больное место на теле человека для его исцеления*’, *че'ртить* ‘*воздействовать заговором, заговаривать*’, *проща'ть* ‘*читая молитву, снимать порчу с кого-либо*’ и т. п. Подобные глаголы употребляются в контекстах, демонстрирующих лечебные процедуры, ср.: *Ты мне зуп хотел кружыть, пъкружы, а то он как болит, спасу нет* (Суподеевка, Ардатовский р-н).

Два разных признака – «поведение» и «действие» – представлены в многочисленных контекстах с глаголами типа *накосмыля'ть, нахреща'ть, отхайда'кать, ощу'чить, налу'здить* и т. п., со значением ‘*побить, избить*’. Глаголы с указанной семантикой довольно многочисленны, так как до недавнего времени распространено было в семьях физическое наказание детей, применение физической силы в конфликтных ситуациях внутри семьи, а также между жителями разных сел. Например: *Пирестань зъровать, а не то нъхрешчаю пъ бокам-тъ* (Суподеевка, Ардатовский р-н). *Ходили раньшъ в Андреифку г дефкъм. Нас один рас там пымали, ошшучыли здорьвъ* (Манадыши, Атяшевский р-н).

В исследуемых нами материалах можно выделить группу глаголов типа *лопуши'ться, лоскути'ться, мулызга'ться, плыста'литься* и т. п. со значением ‘*драться, устраивать скандалы*’, демонстрирующих двусубъектные межличностные отношения, например: *Весь век ани лъпушаццъ, жывут как кошкъ с сабакъй* (Булгаково, Кочкуровский р-н). Анализируя диалектные материалы, можно заметить, что в некоторых случаях оценка межличностным отношениям дается со стороны третьего участника ситуации. Таковы глаголы типа *побракова'ть, побрако'ить* со значением ‘*пренебречь, погнушаться кем-либо*’, *мо'рговать, гре'бовать, бре'ковать* со значением ‘*брезгать*’, например: Вот *пъбръковалъ парнём-тъ, а топерь самой нихърошо* (Камаево, Ичалковский р-н).

Таким образом, вопрос о составе лексико-семантической группы межличностных отношений по-прежнему остается дискуссионным. Диалектные глаголы внешнего проявления отношения в рассматриваемых говорах представлены довольно широко. Значения глаголов могут уточняться различными дифференциальными признаками, подчеркивая положительный или отрицательного характер межличностных отношений.

Библиографический список

1. Акимова Т. П. Коммуникативно-прагматические особенности глаголов межличностных отношений : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 20 с.
2. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувств, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. – Уфа : БГУ, 1971. – 71 с.
3. Васильев Л. М. Семантика русского глагола (Глаголы речи, звучания и поведения) : учеб. пособие. – Уфа : Изд-во Баш. ун-та, 1981. – 72 с.
4. Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981. – 195 с.
5. Денисова Л. Н. Особенности употребления диалектных глаголов эмоционально-оценочного отношения в русских говорах Республики Мордовия / Л. Н. Денисова, К. С. Гаврилова // Актуальные проблемы филологии и журналистики. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2021. – С. 226–331.
6. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ – ПРЕСС, 1999. – 704 с.
7. Фролова М. В. Проблемы изучения глагольной лексики с семантикой отношения в русском языке [Электронный ресурс]. – URL: http: // www.uf.volsu.ru/wpcontent/uploads/spetzk_frol_fil_4.doc (дата обращения: 12.09.2021).

© Денисова Л. Н., 2022.

УДК 81’37:81’282.2(470.345)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ ДЕТСКОЙ ОДЕЖДЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ

Н. И. Ершова,
канд. филол. наук, доцент
tascha80@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы названия детской одежды в русских говорах Мордовии; выявлены родо-видовые отношения между данными диалектными существительными; описаны их парадигматические связи. Особое внимание уделено выявлению специфики явления синонимии в русских народных говорах по сравнению с литературным языком.

Ключевые слова: существительное, диалектизм, лексика, названия детской одежды, значение, говоры.

SEMANTIC ANALYSIS OF THE NAMES OF CHILDREN'S CLOTHING IN THE RUSSIAN DIALECTS OF MORDOVIA

N. I. Ershova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article describes the names of children's clothing in the Russian dialects of Mordovia; the genus-species relations between these dialect nouns are revealed; their paradigmatic connections are described. Special attention is paid to identifying the specifics of the phenomenon of synonymy in Russian vernacular dialects in comparison with the literary language.

Keywords: noun, dialecticism, vocabulary, names of children's clothing, meaning, dialects.

Проблема системной организации лексики, касающаяся парадигматических связей, тождества слова, семантической структуры слова, имеет важное значение для решения многих вопросов лексикологии, характерных как для литературного, так и для диалектного языка. Чтобы полнее выявить особенности диалектных слов, следует проанализировать словарный фонд, учитывая семантические связи между отдельными лексическими единицами в рамках отдельных семантических объединений; связи, определяющие собственное значение каждой из единиц.

Лексико-семантическая группа, включающая в себя названия детской одежды, является наименее распространенной по сравнению с лексико-семантическими группами названий мужской и женской одежды. Диалектные наименования детской одежды, функционирующие в русских говорах Мордовии выступают как видовые по отношению к родовым, обозначающим одежду в целом. Можно выделить следующие родовые названия одежды:

Срядышко «одежда». Напр.: У меня-тъ было ниплахая *срядышкъ* (Куликово, Теньгушевский район).

Шебал «одежда, вещи». Напр.: Пъутинъ нъ *шабал* прилиплъ (Гарт, Большеберезниковский район).

Чужалко устар. «одежда из домотканого холста». Напр.: Таперь таки *чижалки* ни носют (Шишкеево, Рузаевский район).

Самотканщина «одежда из самотканого материала». Напр.: В бывалъшны вримина *съматканщину* насили (Новая Нечаевка, Кочкуровский район).

Ряса «одежда». Напр.: *Ряса* – тъ на ем больнъ плохая (Горки, Большеигнатовский район).

Растяжна «одежда из холста». Напр.: Мы бывалъ наткем холста дъ нашьем *растяжън* (Кайбичево, Дубенский район).

Размахоня «широкая по размеру одежда». Напр.: Ну, этъ больнъ *размахоня*, сыми (Атемар, Лямбирский район).

Нось «одежда». Напр.: Ты скажи им, каку раньшчъ *нось* насилии (Новые Русские Пошаты, Ельниковский район).

Махришки «одежда». Напр.: У меня нет домъ *махришков*-тъ, фся брату утнесла (Грибоедово, Кочкуровский район).

Лексико-семантическую группу, включающую диалектные названия детской одежды, можно разделить на несколько семантических подгрупп:

1) названия головных уборов: [1]*шлык* (в 1-м и 5-м значениях), *шлычка* (во 2-м значении), *шлычок, капот* (во 2-м значении), *капотик*. Напр.: Шшас уш ни знают, ф чо рабенкъ адеть, а бывалъ сашьют *шлык* «устар. 1. Детский чепчик», зъвирнут ф пиленку, и лижы (Стародевичье, Ельниковский район); Надень нъ дифченку пуховый *шлык* «5. Детскую шапочку из шерсти или пуха для весны и осени», а то холъднъ (Лухменский Майдан, Инсарский район); Сашьеш *шлычку* «2. Детский чепчик» дititки, дъ таку красиву (Владимировка, Лямбирский район); А детки носили *шлычки* «устар. детские чепчики», украшъныи зборкъми из лент (Чеберчино, Дубенский район); Надъ *капот* «2. Детский откидной головной убор, пришиваемый к верхней одежде» пришыть к пальту-тъ Петиньки (Куликово, Краснослободский район); *Капотик* «детский откидной головной убор, пришиваемый к верхней одежде» маниькъму я шшылъ (Слободские Дубровки, Краснослободский район).

Самым частотным из представленных существительных, обозначающих головные уборы, является диалектное наименование **шлык**, которое функционирует в населенных пунктах Большие Поляны Ардатовского района, Шейн-Майдане Атяшевского района, Тазино Большеберезниковского района, Новоямской Слободе Ельниковского района, Старой Федоровке Старошайговского района и др. [5, с. 1500].

2) названия верхней одежды: [1]*одежка* (в 3-м значении). Напр.: Сверху *адешку* «3. Детское пальто» нъдявали. И у нашъвъ Генъцки есть *адешкъ* (Надеждино, Ельниковский район).

Как видим, указанная семантическая подгруппа является наименее распространенной в русских говорах Мордовии.

3) названия неверхней одежды: *шкваренки, гольки*. Напр.: Я из Масквы сваму мальчишки многъ *шкваренък* привязла (Ефаево, Краснослободский район); Бывалъ детишкъм-тъ токъ ф три годикъ *гольки*-тъ «короткие детские штаны» удевали, а то фсе гълышом бегъли (Большие Поляны, Ардатовский район).

Приведенные выше диалектизмы функционируют в анализируемых говорах только в форме множественного числа.

4) названия обуви: *топотушки, черевички* (во 2-м значении), *черечки, чуни* (в 3-м значении), *чуники, чуньки, вязанка* (в 4-м значении). Напр.: А у нашъй у Танюшки фсех милея *тъпатушки* «самодельная детская обувь, вязаная или сшитая из материи» (Нижняя Вязера, Инсарский район); Дочки я *чиривички* «2. Детская обувь, связанная из толстых ниток» плила (Силино, Ардатовский район); У меня сынок сестренкъм к празникъм частенькъ *чэр-*

ички «самодельная детская обувь» шыл (Чеберчино, Дубенский район); У маей внучки *чуний*-тъ «3. Детская вязаная обувь» две пары (Марьяновка, Большеберезниковский район); Мам, свижы мне *чуники* «детскую вязаную обувь» (Начеиалы, Чамзинский район); *Чуник* «1. Детская вязаная обувь» нинадлогъ хваталъ: падошвъ-тъ виревъчнъ (Польцо, Ковылкинский район); Возьми деньги, купи внучку *чюньки* «2. Детские ботиночки» (Старая Федоровка, Старошайговский район); Вяжу вот внуку *чюньки* «3. Детские шерстяные носки, украшенные цветными узорами»; *Вязанки* «4. Женская и детская обувь в форме тапочек или ботинок, связанная из шерсти и подшитая кожей» – этъ связъныи башмачки, их детим вяжут (Вырыпаево, Ромодановский район).

Данная семантическая подгруппа в русских говорах Мордовии наиболее многочисленна. Большинству наименований, входящих в нее, присуща такая диалектная особенность, как нейтрализация / десемантизация суффиксов субъективной оценки. Суффиксы -*ушк*- (топотушки), -*ик*- (чуники), -*ичк*- (черевички) утрачивают свою экспрессивную окраску, приобретая нейтральный характер. Характерно, что указанная черта не присуща диалектизму *капотик*, входящему в семантическую подгруппу названий головных уборов, в котором суффикс -*ик*- сохраняет свое уменьшительно-ласкательное значение.

Для лексики русских говоров Мордовии характерно многообразие семантических связей диалектных существительных со значением детской одежды: синонимических, омонимических, полисемических.

Так, диалектные названия детской одежды представлены как однозначными, так и многозначными лексемами.

К ***однозначным названиям*** детской одежды в русских говорах Мордовии относятся: *топотушки* «самодельная детская обувь, вязаная или сшитая из материи» [Щас *тъпатушки* ни шьют, пъкупают абуфку (Нижняя Вязера, Инсарский район)]; *черечки* «самодельная детская обувь» [Ох и красивыи у маво сынка *чэрички* пълучались! (Чеберчино, Дубенский район)]; *чуники* «детская вязаная обувь» [Савсем у внучка *чуники* изнасились, надъ новыи свизать (Старая Федоровка, Старошайговский район)]; шкваренки «детские штанишки» [Харошы у Лизъньки *шкваренки* (Ефаево, Краснослободский район)]; *гольки* «короткие детские штаны» [Раньше дених не было, пъ три годъ в *гальках* дети бегъли, патом млатшым али саседим аддавали, уш ни выкидывали (Большие Поляны, Ардатовский район)]; [2]*одежка* «любая детская одежда» [*Адешку* нову для внучки купили ф къпирацыи (Марьяновка, Большеберезниковский район)].

Полисемию, или многозначность, образуют семантические варианты одного слова, его значения. «Они в речи наделены разными функциями и находятся в отношениях дополнительного распределении, т. е. не могут взаимозаменять друг друга в одном и том же контексте без изменения его смысла» [2, с. 170].

К ***многозначным словам*** в русских говорах Мордовии относятся существительные: [1]*одежка, черевички, чуни, чуньки,* [1]*шлык, шлычка, вязанка, капот*.

Диалектизмы [1]*одежка*, *чуни*, *черевички*, *шлык* и *вязанка* включают в себя как значения, относящиеся к рассматриваемой лексико-семантической группе, так и значения, характеризующие женскую, мужскую одежду или одежду в целом.

[1]*Одежка:* 1. Мужская и женская зимняя одежда [Адень *адешку* – а то холъднъ (Ефаево, Краснослободский район)]; 2. Женский плюшевый жакет на вате [*Адешку* Маньки новую купили, пущай фарсит, а то у фсех девък есть (Решетино, Торбеевский район)]; 3. Детское пальто [*Адешки* нъ патклаткъх шыли (Софьино, Ельниковский район)]; 4. Вязаная кофта [Этъ мне *адешку*-тъ дефкъ свизалъ (Старый Город, Темниковский район)].

Чуни: 1. Обрезанные валенки или резиновые сапоги [Зимой домъ *чуни* удевали: пол-тъ холодный (Большие Поляны, Ардатовкий район)]; 2. Глубокие калоши [Адень *чуни*, дошть нъ дваре (Матвеево, Темниковский район)]; 3. Детская вязаная обувь [*Чуни*-тъ маниньки рибитишки толькъ насилии (Малый Азясь, Ковылкинский район)]; 4. Домашние тапочки [Приниси-къ маи *чуни*, ани път краватью (Кочелаево, Ковылкинский район)]; 5. Матерчатые стеганые сапоги на вате [*Чуни* – харошъя обуфь, лехкая (Лада, Ичалковский район)].

Черевички: 1. Тапочки [Эти *чиривички* мне на нъги ни лезут. У вас нет паболи чиривичик? (Большой Азясь, Ковылкинский район)]; 2. Детская обувь, связанная из толстых ниток [*Чиривички* мы цвиточкъми украшали (Силино, Ардатовский район)].

Шлык: 1. устар. Детский чепчик [Сашьеш, бывалъ, *шлык* да украсиш яво лентъчкими и кружъвцами (Каймар, Краснослободский район)]; 2. устар. Род высокого повойника [Тада мы ишшо *шлыки* насили. Кто пъмадней, у той *шлык* павышъ был (Кочелаево, Ковылкинский район)]; 3. Зимняя шапка [Я сваму *шлык* кроличий дасталъ, теплый (Кайбичево, Дубенский район)]; 4. Капюшон [Андрюшки атец фчарась куртку нову из горъду привес, съ *шлыком* (Стародевичье, Ельниковский район)]; 5. Детская шапочка из шерсти или пуха для весны и осени [На маниньких нъдевали вязъны *шлыки* ис шэрсти (Хухорево, Большеигнатовский район)]; 6. Кепка [Парни, нъбикрень *шлыки*-тъ свалились (Новая Резеповка, Ковылкинский район)].

Вязанка: 1. Вязаный шерстяной платок [Эдък мой, милы, гълова болит, и сижу в *вязънки*-тъ, потепли мне (Пермеево, Ичалковский район)]; 2. Шерстяная кофта ручной вязки [Кады холъднъ, *вязънку* нъдявали, кофту вязъну [Виндрей, Торбеевский район]; 3. Шерстяные чулки, носки [Васек, вазьми сибе в горът *вязънки*, а то зимой холъднъ нагам-тъ (Ефаево, Краснослободский район)]; 4. Женская и детская обувь в форме тапочек или ботинок, связанная из шерсти и подшитая кожей [В *вязънкъх* ляхко хадить (Ишейки, Темниковский район)].

Все значения диалектного существительного *чуньки* входят в рассматриваемую лексико-семантическую группу.

Чуньки: 1. Детская вязаная обувь [Сичяс уш *чуник*-тъ нет. Тапъчки фабричныи (Новая Резеповка, Ковылкинский район)]; 2. Детские ботиночки [У нашевъ Ванюшки многъ *чунькаф* (Старая Федоровка, Старошайговский район)]; 3. Детские шерстяные носки, украшенные шерстяными узорами [Зимой нечим заняццъ, вижу внуку *чуньки*, када 5 пар палучиццъ (Решетино, Торбеевский район)].

Следует подчеркнуть, что только лексическая семантика диалектизма *шлычка* включает в себя сему ‘теменная часть головы’, не относящееся к названиям как детской, так и мужской / женской одежды.

Шлычка: 1. Теменная часть головы [Анна сильнъ *шлычку* ударилъ (Ожга, Старошайговский район)]; 2. Детский чепчик [Сичас *шлычки* у фсех пъкупныи, а раньшы сами шыли (Старая Федоровка, Старошайговский район)]; 3. устар. Головной убор замужней женщины [На голъву *шлычки* ис сиццъ нъдявали (Никольское Торбеевский район)].

Как видим, приведенные выше многозначные существительные включают в себя от шести до двух значений.

«Омонимы определяют собой семантические отношения внутренне несвязанные, немотивированные значением, выражаемые одной звуковой формой. Омонимы, являясь разными словам, могут представлять разошедшиеся значения, восходящие к вариантам одного слова, могут быть образованиями от разных корней, совпавшими по звуковой форме, или однокоренными от разных слов» [2, с. 177]. Диалектная омонимия только начинает привлекать внимание ученых [4, с. 33].

Среди диалектных названий детской одежды можно выделить две пары омонимов. Одна пара относится к полным лексическим омонимам, представляющим собой слова одного грамматического класса, у которых совпадает вся система форм. Например: [1]*Одежка* «детское пальто» [Как холъднъ становиццъ, *адешку* дъстаем (Софьино, Ельниковский район)] и [2]*Одежка* «любая детская одежда» [Апять мыть надъ *адешку* (Хилково, Торбеевский район)].

По-видимому, второй омоним, обозначающий детскую одежду, можно было бы рассмотреть в качестве одного из значений первого диалектизма, поскольку смысловая близость в данном случае очевидна.

К неполным омонимам относятся слова, которые совпадают в звучании и написании не во всех грамматических формах. Среди диалектных названий детской одежды, функционирующих в русских говорах Мордовии, наблюдается одна пара неполных омонимов: [1]*Шлык* «детский чепчик» [Ф *шлыки*-тъ рабенък и спал (Булаево, Темниковский район)] и [2]*Шлык* «*в знач. сказ.* О чем-либо крайне малом, ничего не составляющем» [Фсю жысть работъли, а пенсии-тъ *шлык* (Чкалово, Дубенский район)].

Первый омоним изменяется по числам и падежам, его парадигма включает в себя 12 словоформ, в то время как второй омоним является неизменяемым (об этом свидетельствует помета *в знач. сказ.*).

Явление синонимии наиболее исследовано в русских народных говорах по сравнению с другими разновидностями парадигматических отношений [4, с. 44]. Диалектными синонимами, как отмечает Л. И. Баранникова, являются «слова в пределах одной грамматической категории, близкие или тождественные по значению, если они распространены в одном говоре или территориально близких говорах» [1, с. 102].

В русских говорах Мордовии синонимы, представленные диалектными существительными со значением детской одежды, могут различаться оттенками значения и эмоционально-экспрессивной окраской (см. об этом на другом диалектном материале [3, с. 293]). С учетом этих различий синонимичные названия детской одежды можно разделить на несколько подгрупп:

1. Абсолютные синонимы, или дублеты, – слова, не имеющие ни семантических, ни стилистических различий. Так, дублетами являются диалектизмы *чуни, чуньки* и *чуники* в значении «детская вязаная обувь» [Сафсем у Маринки *чуни* снасились, надъ новыи шшыть (Старая Федоровка, Старошайговский район); У сасетскъй дифчонки многъ *чуникъф* (Начеиалы, Чамзинский район); *Чуник* надолгъ ни хваталъ, падошвъ нипрочнъ (Польцо, Ковылкинский район)].

К абсолютным синонимам также можно отнести диалектные существительные *шлычка* и *шлычок*, функционирующие в русских говорах Мордовии в значении «детский чепчик» [Надень **шлычку** на дифчонку, азябнит (Владимировка, Лямбирский район); Я дитю-тъ **шлычкоф** сама нъшывалъ (Русские Найманы, Большеберезниковский район)].

Подчеркнем, что синонимы *чуньки* и *чуники*, *шлычка* и *шлычок* являются словообразовательными, то есть имеют идентичное значение, различаясь только суффиксами. Данная особенность, как и богатство абсолютных синонимов, является характерной чертой диалектной синонимии по сравнению с литературной.

2. Семантические синонимы – слова, отличающиеся друг от друга оттенками значений. К семантическим синонимам можно отнести диалектные существительные *топотушки* «самодельная детская обувь, вязаная или сшитая из материи» [Щас уш ни шьют *тъпатушки*, в мъгазинъх пално абуфки (Нижняя Вязера, Инсарский район)], *черевички* «детская обувь, связанная из толстых ниток» [*Чиривички* мы цвиточкъми украшали (Силино, Ардатовский район)] и *черечки* «самодельная детская обувь» [Ни каждый мок *чэрички* шшыть (Чеберчино, Дубенский район)].

Как видим, лексическое значение диалектных существительных, называющих детскую одежду, *топотушки, черевички* и *черечки,* включает общие семы ‘детский’ и ‘обувь’. Помимо него, смысловая структура слова *черечки* дополняется семантическим компонентом ‘самодельный’, слова *топотушки* – семами ‘самодельный’, ‘вязаный’, ‘сшитый’ и ‘материя’, а слова *черевички* – компонентами ‘связанный’, ‘толстый’ и ‘нитки’.

3. Стилистические синонимы – слова, различающиеся эмоционально-экспрессивной окраской. Так, диалектные существительные со значением детской одежды *капот* [Какой красивый *капот* у тибя! (Куликово, Краснослободский район)] и *капотик* [Надъ шшыть манинькъму *капотик* (Слободские Дубровки, Краснослободский район)] выступают в одинаковом значении «детский откидной головной убор, пришиваемый к верхней одежде». Существительное *капотик* дается в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» с пометой «ум.-ласк.». Диалектизм *капот* характеризуется нейтральной окраской [5, с. 501].

Отметим, что семантико-стилистических синонимов среди диалектных названий детской одежды, представленных в рассматриваемых говорах, по-видимому, не наблюдается.

Таким образом, диалектные наименования детской одежды, функционирующие в русских говорах Мордовии, характеризуются богатством и разнообразием. Их можно разделить на несколько семантических подгрупп: 1) названия головных уборов: *[1]шлык* (в 1-м и 5-м значениях), *шлычка* (во 2-м значении), *шлычок, капот* (во 2-м значении), *капотик*; 2) названия верхней одежды: *[1]одежка* (в 3-м значении); 3) названия неверхней одежды: *шкваренки, гольки*; 4) названия обуви: *топотушки, черевички* (во 2-м значении), *черечки, чуни* (в 3-м значении), *чуники, чуньки, вязанка* (в 4-м значении). Последняя семантическая подгруппа является наиболее многочисленной. В рассматриваемой лексико-семантической группе наблюдается все многообразие семантических связей диалектных существительных со значением детской одежды: синонимических, омонимических, полисемических. Что же касается явления антонимии, то оно не представлено, поскольку наименования детской одежды относятся к предметной лексике.

Библиографический список

1. Баранникова Л. И. К вопросу о диалектной синонимии // Вопросы стилистики. – Саратов, 1962. – Вып. 1. – С. 101–121.

2. Виноградов В. В. Русский язык. – М. : Просвещение, 1956. – 780 с.

3. Ершова Н. И. Синонимические ряды названий домашних животных в русских говорах Мордовии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014 / Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Нестор-История, 2014. – С. 288–301.

4. Маслов В. Г. Системные отношения в диалектной лексике (на материале говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области) : монография. – Тула : Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2007. – 124 с.

5. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 ч. – СПб. : Наука, 2013. – Ч. 1. – С. 1–672 ; Ч. 2. – С. 673–1560 с.

© Ершова Н. И., 2022.

УДК 81’163.4 : 159.942

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА НОМИНАЦИИ ЭМОЦИИ ЗЛОСТИ / ГНЕВА И СИМПТОМОВ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

С. А. Кабанова,
канд. филол. наук, доцент
svetlana.kabanowa2014@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье на материале художественных текстов на сербском и русском языках рассматриваются телесные проявления эмоции злости / гнева. Анализируется синтаксис глагольных предикативных форм, устойчивых сочетаний и аналитических предикатных выражений, используемых для номинации внешних проявлений эмоции. Приводятся факторы, провоцирующие указанные эмоции, и симптомы проявления соответствующих эмоциональных состояний.

Ключевые слова: субъект состояния, эмоциональное состояние, предикативная глагольная форма, глагольно-именное сочетание, фразеологизм, синтаксическая эквивалентность, типовая ситуация, симптомы проявления эмоции.

LANGUAGE MEANS OF NOMINATION OF THE EMOTION OF SPITE / ENGER AND SYMPTOMS OF ITS MANIFESTATION IN SLAVIC LANGUAGES

S. A. Kabanova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. In the article by the material of literary texts in the Serbian and Russian languages the physical displays of the emotion of spite / anger are considered. The syntax of verbal predicative forms, phraseological combinations and analytical predicative expressions which are used for the nomination of physical displays of the emotion is analyzed. The factors which provoke the mentioned emotions and the indications of the display of the corresponding emotional states are given.

Keywords: subject of state, emotional state, predicative verbal form, verbal-noun combination, phraseological unit, syntactical equivalence, standard situation, indications of emotion display.

Эмоции выступают предметом исследования психологии, философии, физиологии, а также лингвистики на основе различных подходов. При отсутствии единой теории и дефиниции эмоций точно не определен их количественный состав. Эмоциональная реакция представляет собой психи-

ческое изменение, связанное с отношением субъекта к объекту мира: «Эмоция – это реакция субъекта на стимул, который заставляет человека по-иному группировать объекты мира и их свойства» [14, с. 48]. Так, эмоция **раздражения / злости / гнева / ярости** (серб. *беснети, избезумити се*, *љутити се*, *наљутити се*, *планути*, *разљутити се*; каузативы *изнервирати*, *нервирати*, *раздражити*, *наљутити*, *разљутити*, рус. *беситься*, *вскипеть, вспылить*, *злиться, обезуметь, обозлиться, разозлиться*; каузативы *бесить*, *сердить, раздражать, нервировать*) выступает чаще всего как отражение недовольства субъекта действиями окружающих как по отношению к самому себе, так и по отношению к другим.

Понятие «**раздражение**» дефинируется [13, т. 3, с. 605] в одном из значений как ‘чувство острого недовольства, досады, злости’. Факторами, обусловливающими данное эмоциональное состояние, являются, по нашим наблюдениям:

– неадекватное восприятие субъектом способа действий партнера или его реакций, связанное потенциально с различной личностно-эмоциональной организацией индивидов (глаголы-каузаторы: серб. *раздражити* ‘раздражить’, рус. *раздражать* в сочетании с указательным местоимением, нуждающимся в конкретизации придаточной изъяснительно-субъектной; *разозлить, разозлиться*): *– Посмотри, звездочка упала... – сказала девчонка, глядя в небо. – Какая же это звездочка? Ракета. – Ты меня за дурочку считаешь? – вдруг* ***обозлилась*** *она. – Не отличу я звезду от ракеты!* [7, с. 210];

– непреднамеренные действия сторонних лиц, вызывающие негативную эмоциональную реакцию субъекта, обладающего чувствительной психической организацией: серб. *Два дечака играла су фудбал шутирајући крпену лопту, подижући прашину и* ***нервирајући*** *живчаног власника подземне кафане* [16, с. 130–131];

– действия как стороннего, так и близкого по отношению к субъекту состояния лица, проявляемые в манере общения и отношения в целом: серб. *Била му* ***је досадила****. Трифун помисли: како се та жена променила!* [20, књ. 2, с. 96].

Значение **приведения в** более сильное и продолжительное по времени **состояние раздражения** передается в сербском языке глаголами *нервирати*, *изнервирати*, *љутити*, ср. рус. *злить, нервировать*. Как правило, в подобное состояние субъект впадает либо в случае недостижения ожидаемого результата собственных действий, либо в случае несоответствия **действий / состояния** партнера ожидаемым: серб. ***Изнервирало*** *је што се није уплашио. А имао је много више да изгуби од ње* [16, с. 144]. – *Ее* ***вывело из себя****, что он не испугался: ему было намного больше чего терять* (перевод наш. – *С. К.*).

Вспышка **сильного раздражения** (серб. *планути*, рус. *вскипеть, вспылить, рассердиться*) возможна в случаях расчета субъекта на определенный результат, обусловленный действиями соответствующего лица. В реальности положение дел может осложняться присутствием индивида, у которого нет реальных возможностей для совершения нужных субъекту

действий, – последний, во всяком случае, может не знать о подобных полномочиях. Позитивное изменение эмоциональной реакции связано с получением информации или выполнением действий, направленных в пользу субъекта: серб. *Павле* ***је био плануо****, у први мах, кад му тај простак дође, али* ***се одобровољи****, кад штуцен додаде да га је опуномоћио и Вишњевски – да му се нађе* [20, књ. 3, с. 188]. – ср. в подобном случае ситуацию совершения субъектом (агенсом) неких действий, которые партнеру (субъекту состояния) кажутся неправильными, в результате чего последний высказывает свое явное недовольство: серб. *Док је рањеник посматрао сина, Иван му по ногама измрви неке суве траве. Деда га је једно време гледао ћутећи;* ***побесне*** *и одгурну га од стола, кад травар поче да труни лишће и по лицу Црног.*

– Шта то радиш, мишу један?! Шта радиш, бре?! Оћеш да отрујеш човека?!

– То су…лековите…тра…траве! Из..излечио сам… све…жи…животиње! – Муцао је бивши чувар зоолошког врта покушавајући да објасни чаролију сувих трава [16, с. 105]. *– Пока раненый смотрел на сына, Иван начал рассыпать ему по ногам какие-то сухие травы. Некоторое время дед молча смотрел на «врача» и, лишь когда травник стал сыпать труху и на лицо Чёрного,* ***взорвался*** *и оттолкнул его.*

– Ты что же это делаешь, сопляк?! Что ты делаешь?! Ты же отравишь его?!

– Это… целебные… тра…травы! Я вы…вылечил… всех…. жи…животных! – бормотал бывший хранитель зоосада, пытаясь объяснить магическую силу сухих трав (перевод наш. – *С. К.*).

Значение наступления **внезапного сильного раздражения** выражается в русском материале глаголом *вспылить*, выступающим в контексте интонационно оформленного словесного выражения недовольства, возникновение которого связано с межличностным конфликтом на почве неодинакового отношения разновозрастных партнеров к одному и тому же факту или несоблюдения принятых правил поведения (субординации) по отношению к вышестоящему лицу (возможно вкупе с психологическим особенностями одного из лиц). Перевод на сербский язык дает две возможности передачи значения сильного раздражения: *Прохор Петрович* ***вспылил*** *опять-таки: «Я занят!»* [3, с. 197]. *– Прохор Петрович поново* ***експлодира****: «Заузет сам!»* – ср.: *– Нервозный человек, работает как вол, –* ***вспылил****. «Вы чего, говорит, без доклада влезаете?» – Нервозан човек, ради као магарац…* ***побеснео је****. «Зашто», каже, «без најаве улазите?»* [15, с. 238].

Понятие «**злость**» в [13, т. 1, с. 614] определяется как ‘злое, раздраженно-враждебное чувство; злоба’, последнее же (**злоба**) трактуется как ‘чувство недоброжелательства, враждебности по отношению к кому-л.; желание причинить зло’ [13, т. 1, с. 612], – таким образом, лексемы **злость** и **злоба** представляют собой синонимы для обозначения эмоции, исходно связанной с раздражением, хотя, в строгом смысле, они не являются синонимами, будучи однокоренными словами (ср. в данном случае определение лексемы «**љутња**»: ‘нерасположење, незадовољство због каквог

неуспеха, незгоде или због чијег држања, поступка, гнев, срџба' [17, књ. 3, с. 264] 'нерасположение, дурное настроение, недовольство из-за какой-либо неудачи, неприятности или чьего-либо поведения, поступка, гнев, злоба').

Факторами, провоцирующими возникновение **злости** как проявления **гнева**, являются:

– неблагоприятное стечение обстоятельств, способное отразиться на преследуемых целях и привычном ходе вещей, что вызывает переживание по поводу упущенных возможностей: *Шофер* ***злился*** *на то, что пропала ночь, гнал машину что есть сил, и ее заносило на поворотах* [3, с. 82];

– намеренное (в виде «уколов», поддразнивания, подначивания) / ненамеренное эмоциональное воздействие партнера на субъект: серб. *Петак, а ви једете мрсно, зачуди се Сава. Што да не једемо,* ***љутну се*** *отац. Он* ***се*** *увек* ***љутио*** *кад му је нешто било криво и кад га је било срамота* [18, с. 128]. – *Пятница, а вы скоромное едите, – удивился Савва. – Почему бы не есть? –* ***вспылил*** *отец. Он всегда* ***злился****, когда был в чем-то виноват и когда ему было стыдно* (перевод наш. – *С. К.*).

Результат в обоих случаях одинаков – более или менее сильно выражаемая эмоция злости, обозначенная в контексте глаголами, содержащими сему интенсивности проявления состояния: серб. *Кад се вратио са рекогносцирања мостова, уочи свог поласка из Токаја,* ***беснео је****, на Вишњевског, само због мостова – који су били у реду* [20, књ. 3, с. 130];

– неповиновение установленному кем-либо, имеющим на это право, порядку: *А если кто слово поперек скажет, затрясется вся* ***от злости*** *и завизжит: «Да как вы смеете? Я вам не какая-нибудь...»* [11, с. 158];

– конфликт формального и неформального отношения субъектов ситуации по поводу одного и того же события: серб. *Кад сам стигао у воденицу, видим, неки човек донео четири џака пшенице. Молио сам га да ме пусти да самељем оно мало ражи, па да журим кући, а он* ***се наљути****. Рече ми да нико није беспослен и да чекам свој ред* [18, с. 231–232].

Понятие «**гнев**» определяется словарями как 'чувство сильного негодования, возмущения; состояние раздражения, озлобления' [13, т. 1, с. 320], ср.: 'велика љутина, срџба, јарост' [17, књ. 1, с. 503] 'сильная злоба, гнев, ярость'; подобное же толкование приводится в кратком психолого-филологическом словаре: 'сильное возмущение, негодование в связи с чьей-то виной, обычно скоропреходящее' [9, с. 84].

Факторами, обусловливающими возникновение **гнева** (серб. *гневити се* 'сердиться, гневаться', *разбеснети се* 'рассвирепеть; взбеситься'; рус. *впасть / впадать в гнев, гневаться, разгневаться, рассердиться*), являются, по нашим наблюдениям:

– случаи неточной передачи партнером полученной информации о событии, лично засвидетельствованном субъектом состояния: – *Не ври, чего не знаешь! –* ***рассердился*** *на Рюхина Иван, – я, а не ты был при этом! Он его нарочно под трамвай пристроил!* [3, с. 79];

– субъект состояния оказывается в неудобном положении или стесненных обстоятельствах по причине отсутствия понимания у партнера (партнеров) действий субъекта состояния и их поддержки: *Когда же она месяц*

спустя пришла к отцу за своим немудреным имуществом, Софрон выгнал ее. Впервые ***разгневалась*** *смирная девушка, пригрозила скопидому, что если он не отдаст ей ее зимнюю одежку и обувку, пойдет в сельсовет и найдет на него управу* [11, с. 159].

Понятие «**ярость**» определяется как ‘сильный гнев, бешенство’ [13, т. 4, с. 784], ‘сильный, бурно проявляющийся гнев, неистовство, порыв сильной страсти с агрессивным поведением’ [9, с. 422] или ‘велики гнев, срџба, љутина’ [17, књ. 2, с. 564] ‘сильный гнев, ярость, злоба’, – таким образом, словари обоих языков дают схожую дефиницию данного понятия, причем отмечают семантику интенсивности, высокой степени проявления эмоции **гнева**: от злости к ярости, т. е. сильному гневу. Значение **сильнейшего гнева / ярости** выражается глаголом *избезумити се* ‘потерять самообладание’, переводимым на русский язык глагольным сказуемым со значением сравнения или глагольно-именной группой *полудети од беса* ‘взбеситься, сойти с ума от бешенства’, ср. рус. *взбелениться*: серб. *Неколико месеци су успели да се крију од погледа осталих дворана, али се једног дана неко од стражара изланyо пред султаном да је видео неког како се ноћу шуња према девојачким одајама, на шта* ***је*** *овај* ***полудео од беса*** *и по сваку цену решио да сазна ко срамоти част његове ћерке* [12, с. 118]. – *Несколько месяцев им удавалось скрываться от взглядов прочих придворных, но однажды кто-то из стражников проговорился султану, что видел, как кто-то крался к девичьим покоям, на что султан страшно разгневался –* ***пришел в бешенство*** *и любой ценой решил узнать, кто порочит честь его дочери* (перевод наш. – *С.К.*). – ср.: ***Взбеленился*** *Софрон, кровь ударила ему в голову, заревел он, как разъяренный бык, схватил пятипудовый якорь – то, что под руку подвернулось, – и запустил в непослушную дочь* [11, с. 159].

Как показывают наблюдения над иллюстративным материалом, эмоциональное состояние проявляется комплексом признаков, при этом эмоциональная сфера имеет свою выразительную составляющую, фиксируемую человеческим языком: мимику, жесты, движения тела, интонацию и тембр голоса; между тем физиологические проявления эмоционального состояния представляют собой не меньший интерес для исследователя.

Изучению симптомов проявления чувств посвящены работы Л. Н. Иорданской [6], Ю. Д. Апресяна [1; 2], Д. О. Добровольского [5], В. И. Шаховского [14] и др. Так, Ю. Д. Апресян отмечает 6 главных классов телесных симптомов эмоциональных состояний [1, с. 394–395]. По нашим наблюдениям, сигнализаторами эмоционального состояния злости / ярости могут быть:

– изменение очертаний лица: – *Отдай, отдай! Вор! Ворюга! Это мой! Мой костюм!*

И по щекам его текли слезы, а лицо ***было перекошено от злости*** [4, с. 54];

– сжатые / оскаленные зубы: *Она* ***оскалилась от ярости****, что-то еще говорила невнятное* [3, с. 155];

– расширенные трепещущие ноздри: *Володька* ***рассвирепел****. Ноздри курносого носа* ***раздулись*** *и* ***затрепетали*** [4, с. 14];

– сильно прищуренные глаза: *– Ну и катись на свою Балтику, –* ***разъярился*** *Таир.*

Ноздри *его* ***раздулись, глаза сузились*** *в щелочки* [4, с. 33];

– закушенные губы как проявление попытки погасить возникшую эмоцию и воздержаться от резкого словесного выражения отношения к субъектам ситуации, произошедшему / происходящему: *Настенька, вспомнив вчерашнюю историю с провожанием,* ***вспыхнула****, как брошенный в кипяток рак, и* ***закусила губу от злости*** [11, с. 185];

– изменение цвета лица от «нормального» до насыщенного: *– Про то, почему барон Мюнхаузен* ***зеленел****, когда стыдился или* ***гневался****, читал?* [8, с. 15]. – ср.: серб. *Једва* ***је суздржавао гнев****. Лице му* ***је било црвено****, очи су му пламтеле* [18, с. 189];

– жестикуляция определенного типа: серб. *Кад* ***одмахне руком****, то је код њега био знак да* ***се љути*** [20, књ. 2, с. 61];

– изменение **манеры** говорить: *Отец, когда* ***злился****,* ***начинал говорить с*** *сильным* ***акцентом*** [4, с. 110];

– повышенная говорливость: серб. *Непрестано је говорио, што је био знак да* ***је*** *заиста много* ***љут*** [18, с. 228];

– ярко выраженное интонационное подчеркивание переживаемого негативного состояния: *Он вдруг поднялся, отбросил стул, на котором сидел. Стул с грохотом ударился о стеллаж. – Все, значит, как всегда, при деле. Все, значит, трудятся!* [8, с. 45];

– изменение выражения глаз, не свойственное рассматриваемой ситуации: серб. *Његове очи пуне неког* ***очајног беса****,* ***смејале су се*** *војницима, странцима, женама, свима* [19, с. 93]. *– Глаза его, полные* ***безнадежной ярости****, смеялись над солдатами, иностранцами, женщинами – над всеми* (перевод наш. – *С. К.*);

– временная неспособность зрительного восприятия окружающего: ***Неистовая, слепящая ярость*** *накатила на Кубика. Руки затряслись,* ***глаза заволокло*** *розовым* ***туманом*** [4, с. 118];

– кратковременные нарушения работы организма: <…> *Родька* ***задыхался от бешенства****...* [4, с. 67];

– ощущение сильной пульсации крови в сосудах: серб. ***Крв*** *ми* ***је проврела****.* ***Спопао*** *ме* ***је*** *страховит* ***бес*** [18, с. 311];

– желание отстранить или уничтожить раздражающий фактор, ср. причинить боль душевную или физическую лицу, провоцирующему данное состояние, а также исполнение данного желания: серб. ***Разљућен*** *тада од све те помаме женске, он* ***је одгурну****, а* ***дође*** *му* ***да*** *је* ***тресне*** *о тле* [20, књ. 1, с. 13]. – ср.: ***Отуманенный*** *болью и* ***вспыхнувшей злобой****, бросился на Кецу и, как учил Борис, подбил ногой справа и ударом руки слева* [8, с. 122].

Эмоциональное состояние участников полисубъектной ситуации может быть различным, что продиктовано как взаимоотношениями и ролью каждого, так и потенциальным конечным результатом, который может быть

достигнут или не достигнут. Так, в ситуации **конфликтного межличностного взаимодействия** лиц среднего и старшего возраста (дочери и матери) последняя (мать) хочет умереть, не желая, во-первых, жить побирушкой в занятом немцами городе и, во-вторых, встретив резкую негативную реакцию дочери на подобное действие, в которое включен и внук; при этом ночью начинает читать молитву, тем самым не давая спать окружающим. Реакция дочери оказывается незамедлительной, произносимые слова характеризуются соответствующей интонацией: *Мама* ***разозлилась****, что она спать нам не дает, приподнялась на локте,* ***зло*** *спросила: – Что ты там шепчешь? – Отпеваю. – Кого отпеваешь? – Себя, жизнь свою, – ровно ответила бабушка и через несколько минут снова тоскливо забормотала.*

Мама не могла спокойно слушать, она ворочалась так, что скрипели доски [10, с. 36–37].

В ситуации нарастания сильного эмоционального напряжения дочь с трудом сдерживает накопившиеся эмоции и хочет прекратить раздражающее воздействие слов матери, прежде всего, на собственное эмоциональное состояние, что выражается в задаваемом вопросе и последующем отношении к матери:

Под утро не выдержала, села и, ***сдерживая гнев****, спросила: – Перестанешь ты или нет?*

После этой ночи мама с ней целый день не разговаривала, ***злилась****, что она не встает* [10, с. 37].

В ином случае взаимодействие субъектов-участников ситуации (детей) осложняется несогласием во мнении относительно жизненных позиций отсутствующих субъектов (родителей), причем один из участников негативно резко, в бранной форме, отзывается об отсутствующем лице (матери другого субъекта – девочки), что приводит к изменению как ее настроения, так и внешнего облика: – ***Стерва*** *твоя мама, – сказал Витька.*

И тут Верочку ***будто подменили****:* ***глаза потемнели и стали длинными****,* ***кулачки сжались****. Она* ***была готова вцепиться*** *Витьке* ***в лицо****.*

Аргументация субъекта состояния относительно недопустимого поведения партнера оказывается неубедительной, и в ход пускается прямая словесная угроза навредить партнеру-говорящему при условии продолжения подобного поведения: – *Если ты еще так назовешь мою маму... – побледнела Верочка. – Я... я* ***укушу*** *тебя!* [7, с. 286]

Как показывает рассмотренный материал, эмоциональное состояние гнева, проявляемое с разной степенью интенсивности (раздражение / злость / гнев / ярость), связано с наличием недовольства субъекта как собственными действиями, не приносящими ожидаемого результата, так и действиями партнеров по отношению к субъекту состояния. Для обозначения данного эмоционального состояния в обоих языках используются глаголы и глагольно-именные сочетания, а также фразеологизмы (см. рус. *вне себя*), синтаксически эквивалентные глаголам. Сигнализатором данного негативного состояния обычно служит совокупность признаков: физиологические и звуковые проявления, изменение мимики и жестикуляция. В одно и то же время субъект может быть обуреваем несколькими эмоциями,

причем комплекс признаков-симптомов состояния позволяет определить, какую именно эмоцию моментно испытывает субъект.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии // Парадигматика. – М. : Языки славянских культур, 2009. – Т. I. – 568 с.

2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.

3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита : роман. – М. : Худож. лит., 1988. – 399 с.

4. Дворкин И. Л. Взгляни на небо : повесть. – Л. : Дет. лит., 1985. – 127 с.

5. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71–92.

6. Иорданская Л. Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // МГПИИЯ им. М. Тореза: Труды ин-та. Машинный перевод и прикладная лингвистика. – Вып. 16. – М., 1972. – С. 3–30.

7. Козлов В. Ф. Витька с Чапаевской улицы : повесть. – СПб. ; М. : Речь, 2017. – 352 с.

8. Коршунов М. П. Избранное. – М. : Дет. лит., 1974. – 544 с.

9. Летягова Т. В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 424 с.

10. Пашнев Э. И. Дневник человека с деревянной саблей : повести. – СПб.; М. : Речь, 2018. – 304 с.

11. Поливин Н. Г. Корабельная сторона: роман. – М. : Моск. рабочий, 1976. – 416 с.

12. Сербские народные сказки / пособие подгот. Н. Бояринцева-Карабашевич. – М. : ВКН, 2016. – 256 с.

13. Словарь русского языка : в 4 т. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русск. язык, 1981–1984. – Т. 1. – 696 с.; Т. 2. – 736 с.; Т. 3. – 752 с.; Т. 4. – 794 с.

14. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. – 128 с.

15. Булгаков М. А. Мајстор и Маргарита / прев. М. Чолић. – Нови Београд : Боок – Марсо, 2003. – 495 с.

16. Ковачевић Д. Била једном једна земља. – Београд : Б.и., 1998. – 337 с.

17. Речник српскохрватскога књижевног језика. У 6 д. Нови Сад. Загреб : Матица Српска, Матица Хрватска. 1967–1976 г. Књ.1. – 866 с.; Књ. 2. – 862 с.; Књ. 3. – 910 с.; Књ. 4. – 1006 с.; Књ. 5. – 1040 с.; Књ. 6. – 1040 с.

18. Хабјановић-Ђуровић Љ. Гора Преображења. – 8. легално изд. – Београд : Глобосино, Александрија, 2015 (Београд : Чигоја штампа). – 479 с.

19. Црњански М. Дневник о Чарнојевићу. – Београд : Нолит, 1987. – 126 с.

20. Црњански М. Сеобе. У 3 књ. – Београд : Нолит, 1978. – Књ.1. – 252 с.; Књ. 2. – 464 с.; Књ. 3. – 487 с.

© Кабанова С. А., 2022.

УДК 811.161.1’28

ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ

В. П. Киржаева,
д-р пед. наук, профессор
kirzhaeva_vera@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье анализируется фразеополе «Свадьба» в русских говорах Мордовии. Объединение фразеологических единиц в отдельные поля проводится с учетом предметной сущности свадебного обряда, на основе выявления доминантной семы и дифференциальных сем организуются ядерные и периферийные зоны фразеополей, образующих единое макрополе.

Ключевые слова: русские говоры на территории Мордовии, фразеология, фразеография, свадебный обряд, тематическое поле, организация фразеогрупп, экстралингвистические и семантические критерии.

FIELD STRUCTURE OF WEDDING PHRASEOLOGY IN RUSSIAN DIALECTS IN MORDOVIA

V. P. Kirzhaeva
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article deals with phraseological field “Wedding” in Russian dialects in Mordovia. The combination of phraseological units into separate fields is carried out according to the subject essence of the wedding ceremony. On the basis of dominant seme and differential semes identification the nuclear and peripheral zones of the phrase fields are organized. As a result they form a single macrofield.

Keywords: Russian dialects in Mordovia, phraseology, phraseography, wedding ceremony, thematic field, organization of phrase groups, extralinguistic and semantic criteria.

1. Рассмотрение научной литературы последних десятилетий демонстрирует возрастающий интерес к изучению вербализации свадебного обряда в различных говорах русского языка и в различных национальных культурах. Это и монографические исследования А. В. Гуры, Е. А. Богдановой, М. В. Костромичевой, О. В. Никифоровой, Н. Ю. Таратыновой, Т. Е. Гревцовой и др., и специализированные лексикографические источники, описывающие территориальную лексику свадебного обряда. Этот интерес

объясняется и антропоцентризмом современного лингвистического знания, для которого целеполаганием становится репрезентация национальной языковой картины мира; и тем, что именно говоры сохраняют информацию об идущих из глубины веков «свычаев и обычаев» народа; и тем, что свадебный обряд как один из древнейших обрядов «перехода» содержит как элементы архаических явлений – в нашем случае славянских древностей, так и специфику локальной, ареальной традиции – в нашем случае межэтнических контактов. Фразеология как самый «антропоемкий» (В. Н. Телия) уровень языка сохраняет в своей семантике и структуре длительный процесс развития культуры народа, его мировоззренческие и аксиологические установки. Как подчеркивает Н. И. Толстой, «сакральная народная фразеология может быть предметом мифологических, семиотических и филологических исследований. С чисто лингвистической точки зрения она представляет собой исключительно интересное явление» [11, с. 375].

Отметим, что во многих исследованиях диалектной лексики привлекаются ФЕ (фразеологические единицы). В работах, посвященных непосредственно анализу диалектной фразеологии, фразеология свадьбы рассматривается в различных аспектах, например, В. Ю. Краевой – как объект лингвокультурологического описания в составе макрополя «Обряды, обычаи, приметы, поверья» в алтайских говорах, С. О. Кипарисовой – как объект структурно-семантического, лексико-семантического и лингвокультурологического описания рязанской диалектной фразеологии в целом [5; 3]. Интерес представляет выявление Н. А. Колковой фреймовой структуры концептов *рождение*, *свадьба* и *смерть/погребение* на материале фразеологических словарей современного русского литературного языка [4]. Фразеология свадебного обряда в русских говорах Мордовии рассматривается в ряде исследований как основной объект рассмотрения для репрезентации диалектной картины мира, а также выборочно привлекается при описании семантических полей свадебной лексики [7; 8; 12; 2].

Цель нашей статьи – описать полевую структуру фразеологической вербализации свадебного обряда на материале сплошной выборки ФЕ, представленных как в отдельных словарных статьях, так и в иллюстративном материале «Фразеологического словаря русских говоров Республики Мордовия» Р. В. Семенковой [9].

Поле традиционно определяется как «совокупность языковых единиц (главным образом лексических), объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [6, с. 380]. Лингвистическая обусловленность объединения анализируемых ФЕ во фразеополе объясняется наличием общего интегрального признака в значении всех фразем – архисемы ‘свадьба’, определяемой как «брачный обряд, а также празднество по случаю вступления в брак» [10, стб. 255]. Специализированное определение, предлагаемое А. В. Гурой, включает социальный компонент семантики свадьбы как обряда, который состоит «в создании новой семьи ради продолжения рода и в преобразовании семейно-

возрастного положения членов двух родов, в учреждении родства между вступающими в брак и публичном признании их нового общественного положения, а также в установлении новых родственных связей между членами их семей и придании им нового статуса» [1, с. 21]. Этимологи возводят слово *свадьба* к индоевропейскому корню *sṷō- ‘свой, в т. ч. находящийся в родственных отношениях’, откуда происходит и общеславянское суффиксальное образование *svatъ со значениями «человек, сватающий жениха невесте или невесту жениху; отец или родственник одного из супругов по отношению к родителям или родственникам другого супруга» [9, стб. 269–270], передающими переход в новые социальные отношения не только вступающих в брак, но и членов обеих семей.

Экстралингвистическая обусловленность связана с предметной сущностью самого обряда как обряда «перехода» из одного состояния в другое (девушка – невеста – жена, парень – жених – муж, не родственники – родственники), что определяет строгую тернарность его смыслового членения и формальной структуры: досвадебный период (с момента сватовства до начала свадебного дня) – собственно свадебный – посвадебный.

Эти критерии учтены при структурировании исследуемых 100 ФЕ как образующих макрополя, состоящего из нескольких взаимосвязанных фразеополей.

2.1. Поле ФЕ, вербализирующих семантику «основное событие обряда», каковым по результатам этимологизации и анализа семантики лексемы *свадьба* является переход в новое жизненное состояние вступающих в брак, включает 33 ФЕ. В ядерной зоне объединяются вербализаторы доминантной семы перехода, которые содержат естественную в ситуации свадьбы дифференциальную сему ‘гендер’. Для жениха этот переход вербализуется ФЕ *брать невесту*, представленной в иллюстративном материале (*Если нивесту бирет, паринь клатку ладит* [с. 116]). Для невесты этот переход вербализуется ФЕ *за жених пойти*, *отойти от родного дома*, *выдавать (выдать) в люди кого;* отметим, что сюда входит и общенародный фразеологизм *выходить (выйти) замуж*, фиксируемый в иллюстративном материале (*У нас так гъварят: если дефкъ замуш выходит, этъ значит, ана аташла ат радновъ домъ* [с. 163]). В ядро поля входят и вербализаторы семантики ‘проведение обряда’ *гулять свадьбу, заиграть свадьбу.*

Околоядерную зону организуют ФЕ с дифференциальной семой, уточняющей

1) положение вступающих в брак: *взять молодую девку* «жениться на девушке», *с хвостом брать (взять)* и *взять бабу с ребенком* «жениться на женщине с ребенком» (*Он взял бабу с робёнкъм. Если бы он взял мъладую дефку, разви бы она сталъ зъ ево матерью хвост таскать?* [с. 248]); *выходить (выйти, пойти) на детей* «выходить замуж за вдовца с детьми»; *шагнуть через сноп* «выйти замуж раньше старшей сестры»;

2) матрилокальный характер брака *взойти (войти, выйти) в зятья*, *войти (идти, пойти) во двор, во двор пустить, жить влазнем (во влазнях)* «женившись, перейти в дом родителей жены»; *брать мужика* «выходить за-

муж, принимая мужа к себе в дом». Отметим, что отрицательная коннотация вербализаторов такой формы брака для мужчины наблюдается непоследовательно, отражаясь в контекстах *Спирва надъ в муравлину кучьку сесть бис парток, как вытирпишь, то и ва двор можна иттить*; *Ва влазних жыть ни больнъ сладкъ, строицъ задумъл*; *Паследния дела идти ва двор* [с. 36, 39, 41], но отсутствуя в контекстах *Сын-тъ ни зъхател со мной жыть, взошол в зятья; Вон дом-тъ какой адгрохъла, вот бы к ней в зитья вайти* [с. 36];

3) брак без предварительного согласия родителей вербализуется ФЕ *уйти уходом* «выйти замуж без согласия родителей» [с. 325].

Все ядерные и околоядерные ФЕ – конструкции с глагольными компонентами с семантикой движения (*пойти, отойти, выйти, взойти, войти, уйти, шагнуть*), передачи (*выдать*) и приобретения (*брать, взять*), что вербализует представление о сути свадебного ритуала – пространственном и социальном перемещении вступающих в брак.

Ближнюю периферийную зону составляют ФЕ:

1) с маркером семантики брачного возраста, как общим для вступающих в брак: *взойти (выйти) в года* «достичь совершеннолетия, стать взрослым» (*Этъ па глупъсти можна чяво хош, а этъ дефкъ в гада взашла – ни пръпадёт*; *Мы пъжынилиь – мой-тъ ща в гада ни вышъл, ни расписывъли нас* [с. 37]), так и гендерно дифференцированным: *быть в женихах* «быть взрослым, достичь совершеннолетия», *в робятах (гулять)* «до женитьбы», *в парнях ходить* «быть неженатым, холостым»; *пошлая девка* «девушка на выданье», *на отданье́* «в возрасте, когда пора выдавать замуж», *в девках* (*Въ дефках мы бывалъ, дъ пастушка пели, а патом ф паля, и ни уставали, а щас и силоф нет* [с. 167]);

2) ФЕ *сбазлать (свалить) с рук кого-то*, имеющая общее значение «отделаться от кого-, чего-либо; сбыть с рук», но контекстуально вербализующая сему «выдавать замуж»: *В ней самой толку-тъ сроду не былъ, и дочь нъравит скарей с рук збазлать*; *Доцку с рук свалилъ, и дом апустел, скушнъ сталъ. Адна асталъсь, фсех с рук свалилъ* [с. 213].

Дальнюю периферийную зону составляют следующие ФЕ:

маркер брачного возраста с отрицательной коннотацией *задубелый холостяк* «закоренелый холостяк» (*И чяво он ни жэницъ? – Дъ што гъварить аб нём, он зъдубелый хъластяк* [с. 82]);

контекстуальный маркер брачного возраста мужчины *как байбак* в исходном значении является компонент фразеополя, не связанного со свадебной обрядностью «об одиноком, нелюдимом мужчине» (Ср. значения: *Вы пъскарей приижжайте, а то я тут как байбак живу; Жынись, што ты как байбак*; *Жывет адин как байбак, и што ни жэницъ?* [с. 23]);

(надо) честь выкупать кому «становиться взрослой» (*Ей уш надъ честь выкупать, а ана фсё ф куключьки играт с ръбитишкъми* [с. 269]) маркирует брачный возраст девушки контекстуально, а в первом значении является компонентом фразеополя первого дня свадьбы «выкупать приданое невесты»;

расхватали не берут «шутл. никто не хочет брать замуж» (*У нас девъкъ многъ, дъ вот ръсхватали ни бярут* [с. 207]) имеет в семантике определенный оттенок модальности;

вербализаторы поведения молодых людей брачного возраста: *тропку тропить* «встречаться с возлюбленным (возлюбленной) вне дома» (*Раньшъ-тъ тропку тропили. Жъниха, нивесту ни вадили дамой. Этъвъ нильзя былъ делъть* [с. 254]); *наперебой пойти* «постараться возбудить любовь к себе, заставив разлюбить другого» (*У Дуньки свой харошый был, а я напирибой пашол* [с. 179]); *крутнем-вертнем ходить* «ухаживать за женщиной, добиваясь ее расположения» (*Витьк сё крутним-вертним вдоль её, а она ни убрашчат нъ нёво никаковъ внимания* [с. 112]); *класть колодец* «традиционное девичье гадание на святки о женихе».

2.2. ФЕ, вербализующие категориальную сему ‘часть свадебного обряда’ и дифференциальные семы ‘место в структуре свадебного обряда’ и ‘характер обрядовых действий’, объединяются в три фразеополя: досвадебного периода, собственно свадьбы и послесвадебного периода.

2.2.1. Поле фразеологии досвадебного периода (начиная со сватовства и заканчивая утром свадебного дня) организуют 27 ФЕ, которые распределяются по зонам (секторам), вербализующим последовательность обрядовых событий: сватовство – сговор – канун свадьбы, включая девичник.

Зона фразеологии сватовства включает ФЕ, вербализующие последовательность перехода в новое состояние и имеющие общую сему ‘договор’: *дать предлог* «сделать предложение», *давать (дать) слово* «узнавать о согласии девушки выйти замуж (о родственниках жениха)», *сорвать с языка* «получить согласие невесты принять сватов», *на слово положить* «договориться с родителями невесты о дне сватовства», *пропивать (пропить) невесту* «устраивать (устроить) торжество по поводу состоявшегося сватовства», синонимы *первый зной* и *первый запой* «помолвка» (*В въскрисенье первый запой был у нашых*; *В въскрисенье первый зной был, а свадьба осинью* [с. 84, 88]), *пропита'я невеста* «просватанная девушка», *поиграть вечерку* «принять участие в свадебном обряде, вечеринке у невесты после сватовства».

Зона фразеологии сговора (помолвки) и рукобитья включает ФЕ с той же семой ‘договор’: *кладку ладить* «договариваться с родителями невесты о приданом», *кладку рядить* «договариваться с родителями о выкупе за невесту» (*Приехъли сваты и жыних, и сталъ невестъ с них кладку ридить* [с. 101]); *уговориться (уговариваться) наподжид* «договориться (договариваться) об отсрочке выплаты женихом выкупа за невесту ее родителям» (*У жыниха деник не былъ, сватья угъварились нъпаджыт* [с. 140]); синонимы *с лаптями ходить (идти)* и *лапти давать* «идти (ходить) к жениху, чтобы договориться о дне свадьбы (о родственниках невесты)» (*Приехъли к ниму лапти давать, а он мнёццъ што-тъ* [с. 61]); *столом ладиться* «договариваться об угощении на свадьбе (о родителях невесты и жениха)».

Зона кануна свадьбы и девичника объединяет ФЕ, вербализующие действия стороны невесты: *идти за мылом* «идти к жениху за мылом, которым невеста с подругами моется потом в бане», синонимы *глядеть в печурки*,

смотреть печурки и *оглядывать (глядеть) колышки* «осматривать до свадьбы имущество жениха» (*Атец ы мать сами ездили ф пичюрки глидеть*; *У нас и щас абычий такой: пирит свадьбъй свахъ колышки аглядывът у жыниха; Жыних с нивестъй астаюццъ, а астальные фсе уходют сматреть пичюрки* [с. 53, 154, 231]); *идти с меркой* «измерять в доме жениха окна и двери, чтобы сшить занавески», *идти с рубашкой* «накануне свадьбы подруги невесты идут в дом жениха с новой рубашкой», *носить (понести) рубашку* «нести в дом жениха накануне свадьбы подарки от невесты (о подругах невесты)»; *куст рядить* «свадебный обряд: украшать лентами и цветами ветку дерева», *наряжать репей* и *цветок нести (понести)* «нести в дом жениха накануне свадьбы украшенную цветами ветку (о подругах невесты)»; *ходить в подруги* «присутствовать на девичнике в доме невесты перед свадьбой» и *мягчать перину* «ночевать у невесты накануне свадьбы (о подругах невесты)». В структуре ФЕ глагольные компоненты движения и зрения передают представление о подготовке невесты к переходу – пространственному (переход в новую семью) и социальному (прощание с девичьей жизнью).

В говорах некоторых сел в эту же зону входит ФЕ *откупать невесту* «давать выкуп за невесту» (*Кума звала к сибе, у них вечиръм нивесту аткупают. Нивесту аткупают за два дня да свадьбы* [с. 162]), вербализующая обрядовое действие стороны жениха и содержащая сему ‘приобретение, купля-продажа’.

2.2.2. Поле фразеологии первого дня свадьбы включает 33 ФЕ, которые распределены в соответствии с последовательностью обрядовых действий:

прощание невесты с девичьей жизнью: *волюшку вопить* «громко причитать перед свадьбой, оплакивая девичью волю (о невесте)», *красу отдавать* «причитать перед свадьбой», *голос слушать* «слушать свадебные причитания невесты» (*Бывалъ фсем сялом голъс слушъли* [с. 229–230]);

выкуп невесты: *поехать (ехать) с повесткой* «предупреждение невесты о скором прибытии жениха», *окупать ворота* «свадебный обряд: родственники жениха выкупают невесту», *покупать невесту* (*Пъкупат нивесту друшкъ, а жыних токъ ръспърижаццъ, сколькъ дать. У нас всигда нивесту пъкупают, а ищё пъкупают двери, местъ нивестинъ дъ туфильку иё* [с. 162]), *продавать репей* «украшенный накануне цветами и лентами куст репейника, который “продают” вместе с невестой», *честь выкупать, выкупать добро*, *кладку драть* «свадебный обряд: выкуп приданого невесты» (*Раньше-тъ на свадьбь клатку драли – этъ приданъ нивесты выкупали* [с. 70]), *везти коробью*, *нести ватолу* «везти/нести приданое невесты в дом жениха» (*Как невесту пъвизли венчать, кърабью визут*; *Ватолу-тъ нясут нивестины падрушки. Как увидёт нивесту жыних, маленкъ згадя и ватолу нясут, дъ фсю дарогу-тъ пляшут, припивают* [с. 107, 144]);

венчание: *пойти на поклон* «пойти к родителям невесты за благословением»; *второй запой* «проводы жениха и невесты в церковь» (*Фтарой запой бават, кады жыних и нивестаф церкву винчаццъ едут* [с. 94]); *странние люди* «люди, не принадлежащие к данному церковному приходу» (*А нивесту-*

тъ вязут к цэркви странни люди [с. 242]), *окупывать молодых* «осыпать молодых хмелем после венчания»;

организация свадебного пира вербализуется 4 фразеогруппами:

приглашение родственников невесты в дом жениха: *в горны звать* «*приглашать родственников невесты в дом жениха в день свадьбы»*; *в горны идти (пойти, ходить*) «идти к жениху в день свадьбы (о родственниках невесты)» и *в горны приехать* «приехать в гости к родителям жениха (о родных невесты)»;

взаимное дарение: *семью дарить* «делать подарки родственникам жениха (о невесте)», *на поклон* «свадебный обряд, во время которого невеста одаривает родных жениха»; *класть сыр, сыр метать, положить (класть) на поклон* «делать подарки жениху и невесте на свадьбе» (*У нас и сичяс фсе на свадьби сыр кладут: хто ярку, хто платок, а хто и деньги*; *А типерь давайти сыр мятать для мъладых. Свахъ, чяшку, чяшку дай-къ суды, сыр мятать будим*; *Атец пълажыл нъ паклон ярку* [с. 101, 127, 180]; *давать с обеих рук* «дарить со стороны жениха и невесты»; *козла окупать* «приглашенные на свадьбу платят за вино, выпитое из обвязанного красной лентой стакана»;

угощение гостей: *сыры разносить* «угощать гостей на свадьбе» (*Гастям сыры разносют, наливают браги* [с. 204]), *белое кушанье* «легкое угощенье, которое подавалось на свадьбе подругам невесты (орехи, конфеты и т. п.);

обрядовые танцы, песни, игры: *по горенке водиться* «водить хоровод» (*Када нивесту приводют в дом жыниха, то фся мъладёш па горинке водиццъ*; *Мъладёш на свадьби была висёлъя, целый день па горинке вадилъсь* [с. 41]); *шапочку петь* «петь жениху величальную песню»; *овин тушить* «в избе зажигают солому, а невеста с женихом тушат огонь».

Периферийную зону поля образуют использованная в иллюстративном материале ФЕ *напрясть дары* «готовить приданое к свадьбе» (*У нивесты семь с подсёлкъм ни адеты. Сибе дарох ни напряла* [с. 155]) и контекстуально вербализующая характер свадебного действия ФЕ *от моей руки* «сам (сама) лично; от себя» (*Ну я ат маей руки сыну дала пятьсот рублей*; *Ат маей руки я им на свадьбу стиральну машыну купила* [с. 212]).

2.2.3. Поле фразеологии обрядовых действий послесвадебного периода (включая второй день свадьбы), маркирующих совершенный переход новобрачных в новое состояние и логически продолжающих обряды свадебного пира, но с изменением их направленности (в основном на проверку молодой жены) и с открытой карнавализацией обрядовых форм, объединяет 8 ФЕ: *ярку искать* «искать невесту в доме жениха на второй день после свадьбы», *курник нести (понести)* «на второй день свадьбы из дома невесты к жениху несут украшенный лентами и цветами куст, ветку» (*Нъ фтарой день у нас курник нисут самыи близкии нивесты* [с. 114–115]); *носить сосну* «на второй день свадьбы ряженые несут к жениху ветку сосны» (*Сасну нясут ряжъны и гъварят жъниху: «Нашъ яркъ таки вот ленты насилъ». Носют сасну утрьм, а патом гости жъниха идут гулять к нивести* [с. 235]); *горшки бить* «на следующий день после свадьбы бьют горшки в доме жениха»; *на блинки*

звать «приглашать в гости родственников жениха в дом родителей невесты на второй день после свадьбы»; *идти на блинки (пирожки*) «идти в гости в дом родителей невесты на второй день после свадьбы (о родственниках жениха)»; *надеть разлучно платье* «платье, которое невеста надевает после свадьбы» [с. 326]; *мыло возить* «устраивать пирушку у родственников невесты спустя некоторое время после свадьбы» (*Вот у Маньки выйдит дочь замуш летъм, а осинью будим мылъ вазить. Вот уш тады пъгулям у их раднитъ* [с. 41]).

2.2.4. Дальнюю периферию макрополя образуют ФЕ, которые входят в другие фразеополя, но соотносятся с семантикой свадьбы как заключения брака:

обозначения родившей вне брака: *нажить в девках*, *по воле родила* и *найти ребенка* во втором значении (Ср. значения «родить» и «родить вне брака»: *Нивескъ уш ни работат, скоръ рабёнкъ найдет* и *Ана жыла в немцъх и нашла рабёнка там* [с. 138]);

обозначения супругов: *нижний камень* «о жене» (*Мужик-тъ – как как скажът, а нижний каминь – как будит* [с. 97]), *как казепа с парашей* «о супругах, живущих дружно, согласно», *стигней да лорька* «о неразлучной супружеской паре»;

ФЕ *расплакаться как мордовская невеста* (*В мордвах обычъй раньшы был: невестъ во время свадьбы въ дворе прошчатццъ пътхадилъ к кажнъму сталбу, к кажнъй вешчи в доми и фсё вопилъ, и у нас пъгаворка така была: хто плачът пъ любому повъду, частъ, ёму гъварили: «Што роспалакълъсь как мордофскъя невеста»* [с. 206]) является результатом переосмысления свадебной обрядности мордвы, с которой русские соседствуют на территории Мордовии на протяжении многих веков.

Итак, полевая структура фразеологии свадебного обряда русских говоров Мордовии имеет сложный характер макрополя, объединяющего ядерное поле с семантикой «основное событие обряда», которое вербализует цель всего обряда (*выйти замуж, брать невесту*) и характер его проведения (*играть свадьбу*); и три поля ФЕ, вербализирующих обрядовые действия досвадебного, свадебного и послесвадебного периодов. Для макрополя характерна иерахичность связей с ядерным полем, определяемая последовательностью обрядовых действий; иерархичность характеризует и структуру каждого фразеополя.

Библиографический список

1. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре : семантика и символика. – М. : Индрик, 2012. – 936 с.

2. Ершова Н. И. Тематический анализ лексики свадебного обряда в русских говорах Мордовии [Электронный ресурс] / Н. И. Ершова, А. В. Трунькина // Огарев-online. – 2016. – № 9. – URL: http://journal.mrsu.ru/arts/tematicheskij-analiz-leksiki-svadebnogo-obryada-v-russkix-govorax-mordovii (дата обращения: 11.09.2021).

3. Кипарисова С. О. Рязанская диалектная фразеология : дис. … канд. филол. наук. – Рязань, 2019. – 370 с.

4. Колкова Н. А. Русские обрядовые концепты во фразеологическом представлении : дис. … канд. филол. наук. – Челябинск, 2011. – 294 с.

5. Краева В. Ю. Диалектная фразеология русских говоров Алтая (лингвокультурологический аспект) : дис. … канд. филол. наук. – Барнаул, 2007. – 255 с.

6. Кузнецов А. М. Поле // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 380.

7. Макшева Н. А. Лексика и фразеология свадебного обряда в русских говорах Мордовии / Н. А. Макшева, Т. И. Мочалова // Актуальные проблемы филологии и журналистики. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – С. 24–27.

8. Маслова А. Ю. Этнолингвистическая репрезентация обрядовой деятельности во фразеологии русских говоров Республики Мордовия / А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова // Финно-угорский мир. – 2013. – № 2. – С. 59–63.

9. Семенкова Р. В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 332 с. (В тексте статьи ссылки на словарь приводятся без указания источника с приведением страниц.)

10. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – Т. 13. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – 1516 стб.

11. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.

12. Человек и его мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии : монография / Э. Н. Акимова, А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – 156 с.

© Киржаева В. П., 2022.

УДК 811.161.1

ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РУССКИХ ЗАГОВОРОВ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ

Е. Н. Куликовская,
аспирант, старший преподаватель
kulikovskaya.eka@yandex.ru
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В данной статье описывается концепция электронного словаря русских магических перформативных глаголов. Рассматриваются критерии отбора лексем для словаря. Охарактеризована техническая реализация.

Ключевые слова: перформатив, электронный словарь, русские заговоры, перформативный глагол.

LEXICOLOGICAL AND LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION OF RUSSIAN SPELLS: THE EXPERIENCE OF CREATING AN ELECTRONIC DICTIONARY

E. N. Kulikovskaya
Leningrad State University named after A. S. Pushkin
Saint-Petersburg, Russia

Abstract. This article describes the concept of an electronic dictionary of Russian magic performative verbs. The criteria for selecting lexemes for the dictionary are considered. The technical implementation is characterized.

Keywords: performative, electronic dictionary, Russian dialects, performative verb.

Современная лексикография активно развивается. Отмечается возникновение большого количества авторских словарей [4, с. 133–134]. Однако существует языковой материал, практически не затронутый лексикографией. К этому материалу можно отнести и язык фольклорных и магических текстов.

Есть следующие словари-указатели заговоров и фольклора: словарь Дж. Ропера «English Verbal Charms» [10], словарь Т. А. Агапкиной и А. Л. Топоркова «Восточнославянские заговоры: аннотированный библиографический указатель» [1], словарь А. И. Васкула «Русский фольклор: библиографический указатель».

Упомянутые словари обладают справочным и библиографическим характером. В их основе лежат соображения, полученные в ходе исследования фольклора в русле семиотики и теории литературы.

Из описаний, находящихся ближе к лингвистическим, следует отметить словарь имен собственных в русских заговорах, созданный А. В. Юдиным [9]. Также нельзя не указать созданный М. А. Бобуновой и А. Т. Хроленко [3] словарь языка былин.

Подобное описание на материале языка заговоров отсутствует.

Между тем заговорные тексты предоставляют богатый лексический материал, который может послужить основой системного лексикографического описания [7; 8]. В качестве лексики, репрезентирующей основные свойства заговора как жанра, особо выделяются перформативные глаголы [5; 6]. Указание на необходимость словарного описания перформативных глаголов делались, в частности, Ю. Д. Апресяном [2].

Разработанный нами словарь перформативных глаголов в русских заговорах относится к словарям интегрального типа. Структура толкования полностью оригинальна: в ее основу положен коммуникативный принцип, при котором учитываются коммуникативные роли и иллокутивные характеристики высказывания.

В качестве метаязыка используется русский язык.

В основу положена разработанная нами классификация магических перформативных глаголов, выполненная по результатам анализа текстового материала.

Структура словарной статьи. Нами использовался принцип толкования значения с опорой исключительно на заговорный контекст. Например, исключаются такие значения слова «заговаривать», как «начинать говорить» или «заговаривать зубы».

Каждая статья сопровождается ссылками на классификационные разделы, к которым относится данное слово. В структуре толкования присутствуют следующие параметры:

1) каузативность (при помощи перформативного глагола каузируется переход от Ситуации 1 к Ситуации 2);

2) намерение или цель (любое перформативное высказывание производится «для чего-либо», иными словами, с неким намерением / иллокутивной целью);

3) адресованность (перформативный глагол организует вокруг себя коммуникативный акт, направленный некоторому адресату).

Мы включаем в словарь не только канонические перформативные глаголы, но и другие лексемы, обладающие перформативным значением.

Мы включаем в толкование обязательный компонент «используя язык», являющийся критерием перформативного высказывания. Кроме того, было принято решение указывать конструктивное место в структуре заговора. Это следующие конструктивные позиции:

1) молитвенное вступление;

2) зачин;

3) нарративная часть;

4) перформативный РА (речевой акт);

5) акциональная часть;

6) закреп;

7) зааминивание.

Если перформативный глагол имеет более одной конструктивной позиции, то через запятую указываются они все.

Также в словарной статье указывается модальность. С точки зрения модальности наиболее важным представляется указание на реальный или ирреальный характер ситуации, поскольку представляет интерес, совершается ли действие в мифопоэтическом хронотопе или в реальном времени. Так, конструкция «обтычусь частыми звездами» имеет ирреальный характер, в то время как «секу, рублю утин» (сопровождаемая соответствующим ритуальным действием) относится к реальной модальности. К реальной же модальности мы относим все речевые акты, которые осуществляются заговаривающим.

Структуру толкования можно представить следующим образом: перформативный компонент (используя язык), каузативный компонент (каузируемая ситуация, событие), направленность, намерение или цель, конструктивное место в структуре заговора, модальность.

В финале приводятся примеры употребления.

Приведем пример толкования:

Жалуюсь (1)

Группа: канонический,

Подгруппа: директив.

Толкование: Я-перформ. => $_{я\text{-}кауз.}$ ($S_{миф.}$ испытывает сочувствие), $_{инт.}$ (цель заговора), $_{БФ}$ $S_{1я}$, $_{МФ}$ $S_{2миф.,\ адрес.}$ $S_{миф.}$, $_{КМ}$ перформ. РА, $_{мод.}$ реальн.

Иллюстративный материал: Мать ты моя, вечерняя звѣзда, жалуюсь я тебѣ на двѣнадцать дѣвицъ, на Иродовыхъ дочерей [7, с. 52].

Макроструктура словаря. Материал: 500 словоупотреблений перформативных глаголов в заговорах.

Основная часть имеет два раздела: 1) ЛСВ, сгруппированные в соответствии с классификацией, и 2) ЛСВ, расположенные по алфавиту.

Техническая реализация в виде электронного словаря позволяет свободно группировать слова по категориям и осуществлять поиск по ним.

С точки зрения семантико-грамматических характеристик заговорные глаголы классифицируются нами следующим образом:

1) канонические перформативы (глаголы, обладающие семантикой речи или социально-институционального действия, употребленные в эксплицитной форме первого лица единственного числа настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения);

2) полуперформативы (глаголы, употребленные в той же форме, но обладающие какой-либо иной семантикой);

3) квазиперформативы, обладающие семантикой канонического перформатива, но употребленные в иных грамматических формах);

4) квазиполуперформативы (глаголы, обладающие семантикой, отличной от канонических перформативов и употребленных в иных формах, помимо эксплицитной).

В словарь не включены лексемы, употребленные перформативно в составе заговора, но лишенные внутренней перформативно-каузативной семантической составляющей.

С точки зрения семантико-функциональных характеристик глаголы подразделяются на подгруппы, наименования которых отражают выделенные нами лексико-семантические группы.

Сокращения. Используются следующие сокращения и обозначения:

Перформ. – перформатив;

Кауз. – каузация;

S – субъект;

О – объект;

Инт. – интенция;

БФ – бенефактив;

МФ – малефактив;

КМ – конструктивное место;

Мод. – модальность;

Призн. – признак;
Образ д. – образ действия;
Акц. – акциональная часть;
Перформ. РА – перформативный речевой акт;
Наррат. – нарративная часть;
Заамин. – зааминивание;
Молитв. – молитвенное вступление;
Адрес. – адресованность;
Реальн., ирреальн. – реальная, ирреальная;
Миф. – мифопоэтический.

В электронной версии использование сокращений представляется нецелесообразным, поэтому было принято решение от них отказаться. В перспективе в печатной версии словаря сокращения будут сохранены.

Перформативное высказывание всегда совершается самим говорящим, поэтому добавление «я» к сокращению «перформ» может показаться избыточным. Однако мы приняли решение оставить данный компонент, чтобы подчеркнуть его постоянное присутствие в семантике слова. Что касается компонента «я» в семантике самого каузативного глагола, то в случае квазиперформативов и квазиполуперформативов «я» может меняться на другой субъект.

Если субъектов или объектов более одного, то второй и последующие обозначаются одной и той же буквой с подстрочными индексами: S, S1, S2 и т. д.

Также используются скобки как интуитивно понятное разграничение элементов модели ситуации и обозначение включенности одного элемента в другой.

Техническая реализация. Концепция словаря предусматривает техническую реализацию в виде программы для Windows. Назначением программы является систематизация и поиск перформативных глаголов по алфавиту, по выделенным классификационным типам, а также их толкований. Программа позволяет ознакомиться со списком глаголов в алфавитном порядке, оформленным в виде ссылок; перейти по каждой ссылке и изучить толкование каждого слова; ознакомиться с типологией глаголов, ознакомиться со списком глаголов, входящих в каждый тип.

Данная программа обладает следующей структурой:

1. Интерфейс читателя.
1.1. Окно информации о словаре, списка источников и сокращений.
1.2. Окно меню.
1.2.1. Поиск по словам.
1.2.2. Гиперссылки с названиями категорий и подкатегорий.
1.2.3. Гиперссылки с буквами алфавита.
1.2.4. Гиперссылка на все слова списком по алфавиту.

1.3. 500 (и более) словарных страниц с толкованиями по указанному образцу и гиперссылками на все слова соответствующей категории и подкатегории.

1.4. Страницы категорий.

1.5. Страницы подкатегорий.

1.6. Страница словника с гиперссылками на каждое слово.

2. Интерфейс администратора.

2.1. Окно добавления/удаления слова и толкования. Включает опцию присвоения слову категорий и подкатегорий.

2.2. Окно редактирования списка категорий и подкатегорий.

2.3. Окно редактирования информации о словаре.

2.4. Личный кабинет: выбор окон для редактирования.

Концепция имеет большой потенциал, а техническое воплощение позволяет в дальнейшем расширять и дополнять словарь не только новыми словами, но и новыми категориями/разделами. В будущем словарь имеет два направления для расширения:

1) мы планируем на основе данного технического решения реализовать полный электронный словарь перформативных глаголов русского языка;

2) описание глагольных лексем создает базу для составления словаря-тезауруса русских магических перформативных практик;

3) словарь может быть расширен и дополнен за счет других источников.

Полностью заполненный словарь будет предоставлять возможности выборки и систематизации лексем по указанным в структуре толкования критериям. Исследования в этом направлении позволят выделить новые закономерности в заговорном материале для более глубокого осмысления семантики и функционирования русских заговоров.

Библиографический список

1. Агапкина Т. А. Сюжетика восточнославянских заговоров в сопоставительном аспекте // Литература, культура и фольклор славянских народов: к XIII Международному съезду славистов / отв. ред. Л. И. Сазонова. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – С. 237–249.

2. Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45. – № 3. – С. 208–223.

3. Бобунова М. А. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – 314 с.

4. Зыкова И. В. Общая концепция, методология и актуальные проблемы словаря нового типа «Идиоматика русского авангарда» в контексте современных тенденций авторской лексикографии // Вопросы лексикографии. – 2020. – № 17. – С. 131–160.

5. Куликовская Е. Н. Перформативные глаголы в русских заговорах как объект теории речевых актов [Электронный ресурс] // Мир русского слова. – 2019. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/performativnye-glagoly-v-russkih-zagovorah-kak-obekt-teorii-rechevyh-aktov (дата обращения: 13.06.2021).

6. Куликовская Е. Н. Полуперформативные глаголы в русских заговорах: критерии и обоснование выделения // Rhema. Рема. – 2021. – № 1. – С. 30–55.

7. Майков В. Великорусские заклинания. – СПб. : Типография Майкова, 1869. – 164 с.

8. Русский фольклор : Библиографический указатель. 1856–1880 / сост. А. И. Васкул. – СПб. : Нестор-История, 2017. – 576 с.

9. Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. – М. : МОНФ, 1997. – 319 с.

10. Roper J. English Verbal Charms. – Helsinki : Academia Scientiarum Fennica, 2005. – 98 p.

Приложение 1

Примеры словарных статей

Наговариваю (1)

Группа: канонический.

Подгруппа: ритуально-магический.

Толкование: Я-перформ. => $_{я\text{-}кауз.}$ (S подвергается вербальному магическому воздействию), $_{инт.}$ (цель заговора), $_{БФ}$S, $_{КМ}$ акц., $_{мод.}$ реальн.

Царь Хлѣбъ [Глебъ — *прим. Л. Майкова.*], не я тебѣ наговариваю, отговариваю отъ всякаго гада, отъ скверной нечистоты, отъ шальной собаки (такой-то шерсти); наговариваю, отговариваю (имя рекъ) изъ костей, изъ мощей, изъ жилъ, изъ поджилковъ, изъ состава, изъ полусостава, изъ буйной головы, изъ реберной кости, изъ горючей крови, изъ тощаго живота, изъ дробныхъ кишокъ [Майков 1869: 69].

Порю (1)

Группа: полуперформативъ.

Толкование: Я-перформ. => $_{я\text{-}кауз.}$ (S подвергается разрушению (протыкание) при помощи О), $_{инт.}$ (защита $S_{1я}$ от S), $_{БФ}S_{1я}$, $_{МФ}$S, $_{КМ}$акц., $_{мод.}$ ирреальн.

Кто на меня лихо подумает, тому кол в горло, нож в сердце. Колом корю, ножом порю, замкну замком, защелкну языком [Болонев и др. 1997: 385].

Секу (2)

Группа: полуперформативъ.

Толкование: 1. Я-перформ. => $_{я\text{-}кауз.}$ ($S_{миф.}$ разрушается (разделение на части) при помощи О), $_{инт.}$ (излечение), $_{БФ}S_1$, $_{МФ}S_{миф.}$, $_{КМ}$ акц., $_{мод.}$ реальн.

Сѣку, отсѣкаю, рублю, перерубаю, сѣку, рублю колотье острымъ ножикомъ [Майков 1869: 40–41].

2. Перформ. => $_{я\text{-}кауз.}$ (из О высекается огонь), $_{образ\ д.}$ ударом по кремню, $_{инт.}$ (излечение), $_{БФ}$S, $_{МФ}S_{миф.}$, $_{КМ}$ акц., $_{мод.}$ реальн.

Были родимчики, золотушка, это когда все разметается, в болячках, иногда и глаз не видно; нельзя было ничем мазать — так засекали, делали кремень, камень о камень, говорили:

«— Чего секешь?

— *Секу* золотушку.

— Секи хорошенько, чтобы век не бывало». [Адоньева, Степанов 2020: 181].

Отсекаю (1)

Группа: полуперформатив.

Я-перформ. => $_{я\text{-}кауз.}$ ($S_{миф.}$ разрушается (отделение части от целого) при помощи О), $_{инт.}$ (излечение), $_{БФ}S_1$, $_{МФ}S_{миф.}$, $_{КМ}$ акц., $_{мод.}$ реальн.

Сѣку, отсѣкаю, рублю, перерубаю, сѣку, рублю колотье острымъ ножикомъ [Майков 1869: 40–41].

Рублю (2)

Группа: полуперформатив.

Толкование: Я-перформ. => $_{я\text{-}кауз.}$ ($S_{миф.}$ разрушается (разделение на несколько частей) при помощи О), $_{инт.}$ (излечение), $_{БФ}S_1$, $_{МФ}S_{миф.}$, $_{КМ}$ акц., $_{мод.}$ реальн.

Сѣку, отсѣкаю, рублю, перерубаю, сѣку, рублю колотье острымъ ножикомъ [Майков 1869: 40–41].

Перерубаю (1)

Группа: полуперформатив.

Толкование: Я-перформ. => $_{я\text{-}кауз.}$ ($S_{миф.}$ разрушается (разделение на несколько частей) при помощи О), $_{призн.}$ полностью, $_{инт.}$ (излечение), $_{БФ}S_1$, $_{МФ}S_{миф.}$, $_{КМ}$ акц., $_{мод.}$ реальн.

Сѣку, отсѣкаю, рублю, перерубаю, сѣку, рублю колотье острымъ ножикомъ [Майков 1869: 40–41].

Черпаю (1)

Группа: полуперформатив.

Толкование: Я-перформ. => $_{я\text{-}кауз.}$ ($O_{жидкость}$ помещен в емкость), $_{инт.}$ (излечение от змеиного укуса), $_{БФ}S$, $_{КМ}$ акц., $_{мод.}$ ирреальн.

Во морскомъ озерѣ, во святомъ колодцѣ черпаю я воду, отговариваю, приговариваю отъ той отъ лютой отъ мѣдяницы, отъ золотой головы [Майков 1869: 73].

Утверж(д)аю (3)

Группа: полуперформатив.

Толкование: Я-перформ. => $_{я\text{-}кауз.}$ (О крепок, твёрд/истинен), $_{инт.}$ (защита от $S_{миф.}$; излечение), $_{БФ}S_1$, $_{КМ}$ акц., зачин, $_{мод.}$ ирреальн.

Утверждаю поклажу сію на камнѣ Алатырѣ, замокъ отмыкаю въ небѣ, ключь въ морѣ; какъ морю огненну не бывать, изъ моря ключей, кромѣ меня, не вынимать, а замка не отпирать; аминь [Майков 1869: 109].

А какъ соборная церковь замыкается и затвержается, такъ и я, рабъ (имя рекъ), утвержаю и укрѣпляю всѣмъ словамъ и приговорамъ, съ нынѣ до вѣка, аминь [Майков 1869: 95].

Приступаю я, рабъ Божій, къ поклажѣ сей, окружаю въ ширину и глубину, утверждаю Божьимъ словомъ; пошли мнѣ, Господи, помощника, архангела Уріила, отогнать демонскую силу, отъ сей черты окруженной, отъ еретика, и отъ волшебника [Майков 1869: 109].

Заламываю (1)

Группа: полуперформативъ.

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (О надломлен), образ д. сгиб, инт. (излечение), БФS, КМ акц., зачин, мод. ирреальн.

Выйду я, рабъ Божій (имя рекъ), на востокъ солнца и помолюсь Господу Богу Іисусу Христу и Пресвятой Богородицѣ, къ этой травѣ чупрынѣ прихожу и на то я заламываю, что она у раба Божія (имя рекъ) изъ руки (или ноги) выгнала притку и ломоту, и всякую болѣзнъ, и семдесять-три травы всѣ прирываю и цвѣты приламываю, и въ человѣкѣ семдесять-три сустава; аминь [Майков 1869: 95].

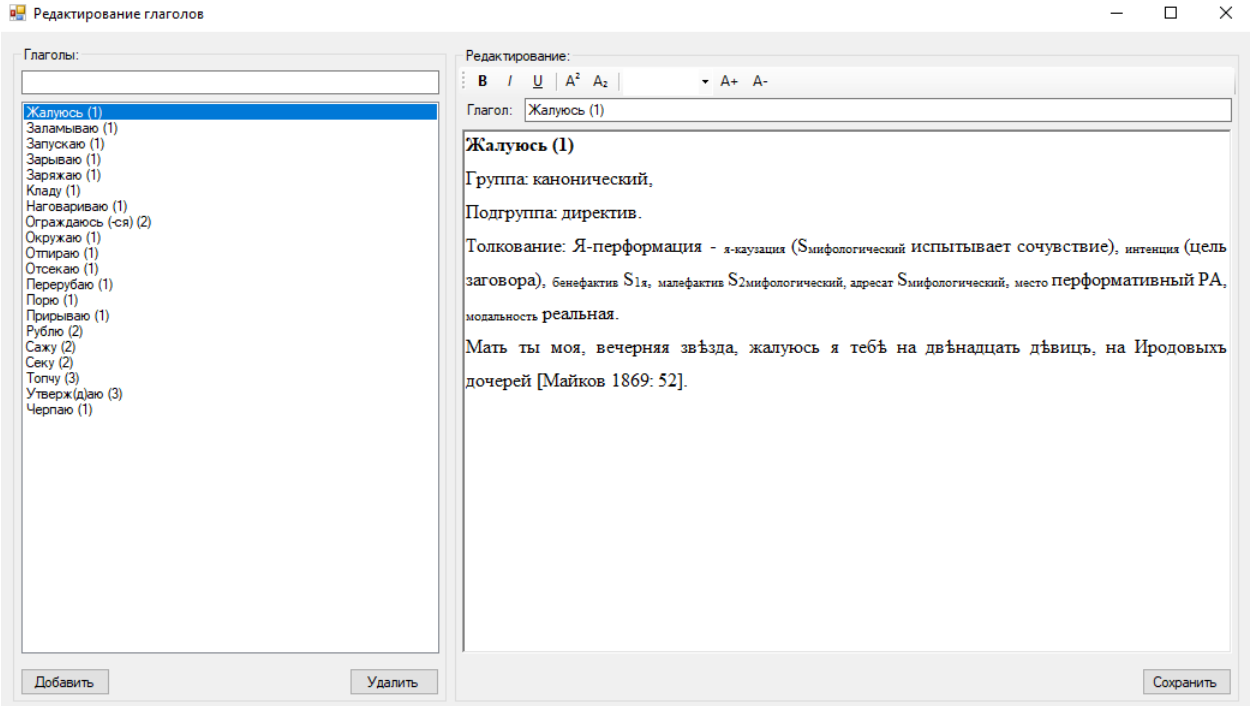
Прирываю (1)

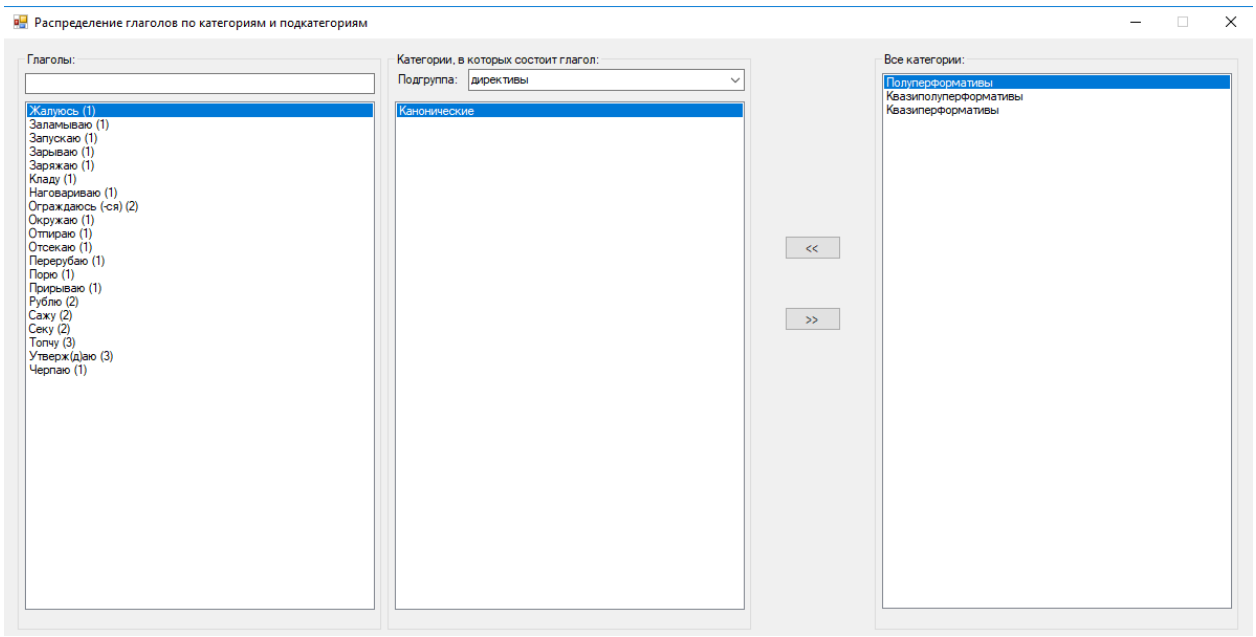
Группа: полуперформативъ.

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (О присыпан землей), призн. слегка, инт. (излечение), БФS, КМ акц., зачин, мод. ирреальн.

Выйду я, рабъ Божій (имя рекъ), на востокъ солнца и помолюсь Господу Богу Іисусу Христу и Пресвятой Богородицѣ, къ этой травѣ чупрынѣ прихожу и на то я заламываю, что она у раба Божія (имя рекъ) изъ руки (или ноги) выгнала притку и ломоту, и всякую болѣзнъ, и семдесять-три травы всѣ прирываю и цвѣты приламываю, и въ человѣкѣ семдесять-три сустава; аминь [Майков 1869: 95].

Техническая реализация (скриншоты окон электронного словаря)





© Куликовская Е. Н., 2022.

УДК 811.161.1

«СЕМЕЙНЫЕ СЛОВЕЧКИ»: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЗАЦИИ

М. Л. Лаптева,
д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой
Hohlina2004@yandex.ru
В. А. Предет,
магистрант
Астраханский государственный университет
Астрахань, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются существующие классификации «семейных словечек», а также предлагается типология собранного языкового материала на основе содержательно-тематического принципа. Особое внимание уделяется особенностям функционирования и пополнения «семейного» словаря.

Ключевые слова: «семейные словечки», «семейный» словарь, типология, тематическая группа.

„FAMILY WORDS“: THE PROBLEM OF TYPOLOGIZATION

M. L. Lapteva, V. A. Predet
Astrakhan State University
Astrakhan, Russia

Abstract. The article considers the existing classifications of "family words", also proposes a typology of the collected linguistic material based on the

content-thematic principle. Particular attention is paid to the peculiarities of the functioning and replenishment of the "family" dictionary.

Keywords: „family words“, „family“ vocabulary, typology, thematic group.

«Семейные словечки» – это один из способов постижения языка повседневности, позволяющий отслеживать конструирование и трансформацию семьи как социального института. Их возникновение в процессе общения всех членов семьи является свидетельством становления модели внутрисемейных отношений, отражением ее идеалов, норм, ценностей и уровня культуры.

Изучение «семейных словечек» находится в рамках антропоцентрической парадигмы исследования языка и речи и на стыке таких дисциплин, как лингвистика, психология и социология. Действительно, «семейные словечки» – это не только область хранения накопленного годами опыта семьи, ее традиций, ритуалов, взглядов на мир, но и способ постижения динамичной социальной реальности с лингвистической точки зрения.

Цель настоящей статьи – выделить принципы классификации «семейных словечек» и представить типологию собранного языкового материала – единиц «семейного» словаря.

Заметим, что немногочисленные попытки типологизировать «семейные словечки» предпринимались в 1980-х гг. отечественными лингвистами, среди которых – Р. Р. Чайковский, Е. Ю. Кукушкина, Л. А. Капанадзе и др.

Например, в основе типологии Р. Р. Чайковского лежит принцип этимологического разнообразия. При этом исследователь выделяет (1) слова, заимствованные из детской речи сына, и (2) заимствования из различных языков: русского, украинского, немецкого, английского. В то же время он применяет принцип соотнесения «семейных словечек» с общепринятыми, в соответствии с которым выделяет (1) словечки, омонимичные общепринятым, получающие дополнительные значения в процессе внутрисемейного общения и (2) «словесные изобретения», существующие только в пределах семьи. Ученый затрагивает вопросы возникновения, функционирования и степени употребления «семейных словечек», но не представляет их упорядоченной структуры, организации, ограничиваясь представлением классификации в формате небольших карточек [6, с. 20–22].

Е. Ю. Кукушкина и Л. А. Капанадзе учитывают словообразовательный принцип, пытаются проследить регулярные способы словопреобразований, выявить «семейные словообразовательные модели». Ученые представляют тематическое разнообразие и источники возникновения «семейных словечек», но с точки зрения их включения в русскую деривационную систему [3; 4].

В более поздних исследованиях А. В. Занадворовой и А. Н. Байкуловой «семейные словечки» классифицируются по принципу сферы функционирования номинаций: «семейные взаимоименования», «номинации домашних помещений и близлежащих бытовых объектов», «номинации продуктов питания и блюд» [1; 2].

Справедливым следует признать мнение О. А. Хрущевой, которая считает, что оценка лишь продуктивных способов словообразования «семейных номинаций» не является единственно возможной и верной. Безусловно, регулярное пополнение «семейного словаря» новыми лексемами базируется на языковой игре, строящейся на основе продуктивных и периферийных моделей словообразования. Однако следует учитывать, что «семейные словечки» возникают с целью решения определенных коммуникативных задач в различных ситуациях внутрисемейного общения, а также обладают неповторимой семантикой и коннотацией. Их семантика уникальна, а история происхождения крайне значима для членов семьи. Одной из первых О. А. Хрущева обращает внимание на тот факт, что «семейные словечки» в большинстве случаев наделяются шутливой коннотацией, характеризуются использованием в «ограниченных ситуациях общения» с целью установления и поддержания контакта с членами семьи [5, с. 169–173].

Таким образом, анализ «семейного словаря» и последующее составление типологии «семейных словечек» предполагает выход за пределы теории словообразования, с более полной оценкой их содержательно-тематических, эмоционально-оценочных и этимологических особенностей.

Нами была предпринята попытка составить типологию «семейных словечек», в основу которой положен принцип деления «семейного словаря» на отдельные микроструктуры – тематические группы: «Прозвища членов семьи», «Названия предметов», «Наименования пищи», «Действия, совершаемые членами семьи».

Одним из наиболее корректных и эффективных способов сбора лексических единиц, на наш взгляд, является анализ данных интернет-форумов, где пользователи сети Интернет в открытой и непринужденной обстановке делятся «семейными словечками». Именно поэтому в качестве источника сбора языкового материала – «семейных словечек» – были выбраны открытые интернет-форумы http://forum.moya-semya.ru, https://www.babyplan.ru, https://gdepapa.ru, https://4erdak.su, http://bloger.by, https://www.e1.ru, https://livejournal.com. Прежде всего нами рассматривались «семейные» темы для обсуждения, созданные пользователями интернет-форумов, к примеру: «Семейные “прозвища”», «Семейный лексикон: давайте делиться интересными словечками», «Домашние словечки: бжукалка и другие звери».

В процессе составления словаря было установлено, что каждая группа неоднородна в своем составе. К примеру, в тематическую группу «Прозвища членов семьи» можно выделить родовидовые прозвища, характерные как для детей, так и для родителей: *«Муж – **“Тигрыч”**, потому что Львович», «Сын в глубоком младенчестве был **“Крючочек”**, потому что потягушками выгибался смешно», «Муж – **“Бу”**, еще **“Бублик”**, я – **“Жу”**. И все мы **“Бубки”** и **“Бубубки”**».* Помимо этого, в данную ЛСГ могут быть включены прозвища домашних животных, поскольку, по верному замечанию А. Н. Байкуловой [1, с. 2], питомцы часто наделяются «семейными ролями», а также занимают привилегированные позиции в доме. Например: *«Кота зовем **“Бегемотыч”**, носится громко и шумно», «2 кошки – **“Усатый Комиссар”** (уж очень пред-*

*ставительные усы у нее были) и **“Дочь Усатого Комиссара”**», «Кошка Маня, она же **“Сусанин”**»), «Собаку старшего зовут Тайсон, но мы зовем его **“Дед”**, потому что он старый, ласково **“Деша”** или **“Дешка”**».*

Нами проведена работа по анализу «семейного словаря» с точки зрения его содержательно-тематического и эмоционально-оценочного разнообразия, с учетом истории происхождения «семейных словечек» и особенностей их функционирования в различных внутрисемейных коммуникативных ситуациях.

Результатом явился тематический словарь-минимум, который включает 150 «семейных словечек», организованных в виде восьми различных по объему тематических групп: «Домашние имена», «Номинации в сфере кулинарии», «Номинации предметов обихода», «Номинации действий, совершаемых членами семьи», «Номинации жилища и ближайших бытовых пространств», «Номинации в сфере ТВ», «Номинации элементов одежды и обуви», «Номинации внешнего вида и внутреннего состояния членов семьи». Подчеркнем, что тематическая группа «Домашние имена» является одной из самых многочисленных по составу, поэтому целесообразно было разделить ее на несколько тематических подгрупп: «Домашние имена членов семьи (антропонимы)» и «Домашние имена членов семьи (зоонимы)».

Каждая словарная статья включает в себя заголовочную единицу – «семейное словечко», затем следует стилистическая помета, отражающая эмоционально-оценочные свойства слова. Понимание того, какие эмоционально-экспрессивные семы актуализируются в процессе употребления того или иного «семейного словечка», какова его функциональная нагрузка, позволяет лучше представить ситуацию употребления во внутрисемейном общении.

Обратим внимание на то, что «семейные словечки» имеют «затемненную» внутреннюю форму, поэтому требуют комментариев и иллюстраций. В созданном словаре мы стремились отразить толкование слова и его этимологию именно с позиции членов семей, поэтому в использованном нами иллюстративном материале отражается как толкование, так и история происхождения слова.

Тематическая группа «Домашние имена» составила 80 «семейных словечек», «Номинации в сфере кулинарии» – 25, «Номинации предметов обихода» – 12, «Номинации действий, совершаемых членами семьи» – 11, «Номинации жилища и ближайших бытовых пространств» – 3, «Номинации в сфере ТВ» – 4, «Номинации элементов одежды и обуви» – 6, «Номинации внешнего вида и внутреннего состояния членов семьи» – 9. В ходе исследования было выявлено, что тематическая группа «Домашние имена» является самой многочисленной, составляет 53 % от общего объема рассмотренных нами лексических единиц. Этот факт позволяет говорить о том, что «домашние имена» – наиболее частотный факт внутрисемейного общения, они гораздо легче поддаются письменной фиксации пользователями интернет-форумов относительно других тематических групп.

Анализ качественных характеристик «домашних имен» позволяет нам сделать вывод о том, что в целом они сопровождаются позитивной эмоциональной оценкой. Например: **МИША <МИШЕНЬКА>.** Шутл., ласк.; уменьш.-ласк. *«А я **Миша** или маленький пещерный **Мишенька.** Муж говорит, потому что люблю поспать в своей берложке»* (Форум: https://www.babyplan.ru, Семейные «прозвища», 2017 г.); **КОТЕЙШЕСТВО.** Шутл., почт. *«Кошка наша ведет себя, как королева (собственно, как все домашние кошки), так мы ее называем не иначе, как **Котейшество**, что в переводе: "Ее кошачье величество"»* (Форум: http://forum.moya-semya.ru, Выдуманные слова, 2016 г.).

Практически каждое «домашнее имя» сопровождается такими стилистическими пометами, как «шутл.», «ласк.», «уменьш.-ласк.». Лишь в отдельных случаях используются пометы «ирон.», «насмешл.», когда «домашнее имя» может давать члену семьи и одобрительную, и неодобрительную оценку. Сравним: **СОКРОВИЩЕ.** Ласк. / Ирон., насмешл. *«К мужу обращаюсь ... **Сокровище.** В зависимости от настроения, **Сокровище** превращается в Скотину. Но он об этом не знает. Сокровище по-норвежски Скаттен»* (Форум: https://www.babyplan.ru, Семейные «прозвища», 2017 г.).

Отметим, что в качестве обращений к членам семьи используются:

• Уменьшительно-ласкательные имена: **ЕВГЕНЬЮШКА <ЕВГЕШИК>, <ЕВГЕНЮША>, <ЕВГЕНЬЧИК>, <ЕВГЕНЯША>.** Уменьш.-ласк. *«Ну а официально она **Евгеньюшка, ЕвгЕшик, ЕвгенЮша, Евгеша, ЕвгЕньчик, ЕвгенЯша** и т. д. Но ни в коем случае не Женя»* (Форум: https://www.babyplan.ru, Семейные «прозвища», 2017 г.).

• Уменьшительно-ласкательные названия животных (в обозначении людей): **ЖИРАФИК.** Уменьш.-ласк. *«...или **Жирафиком** [называет], мы ей покупали жирафий комбинезон, и как-то повелось. Торт на ДР был с жирафиком»* (Форум: https://www.babyplan.ru, Семейные «прозвища», 2017 г.); **СУСЛИК <СУСИК>, <СУС>, <СУСЛЯТИНА>.** Уменьш.-ласк. / Ирон., пренебр. *«Мы с мужем **Суслики**. Если ласково, то **Сусик**, а когда злюсь, то **Сус** или **Суслятина**»* (Форум: https://www.babyplan.ru, Семейные «прозвища», 2017 г.).

• Имена, образованные от предметных существительных: **МИНДАЛИНКА.** Уменьш.-ласк. *«Племяшку свою зову **Миндалинкой**, у нее очень красивой миндалевидной формы глаза»* (Форум: https://www.babyplan.ru, Семейные «прозвища», 2017 г.); **КРЮЧОЧЕК**. Уменьш.-ласк. *«Сын в глубоком младенчестве был Крючочек, потому что потягушками выгибался смешно»* (Форум: https://www.babyplan.ru, Семейные «прозвища», 2017 г.).

В тематической подгруппе «Домашние имена членов семьи (зоонимы) могут маркироваться пометой «почт.» – почтительное: **ТИМОФЕЙ КОТОФЕЕВИЧ <ТИМОШКА>.** Почт.; уменьш.-ласк. *«...Но мама выбрали более прозаичное **Тимошка**. Я его зову **Тимофей Котофеевич**»* (Форум: https://gdepapa.ru, Забавные клички наших питомцев, 2017 г.); **УСАТЫЙ КОМИССАР, <ДОЧЬ УСАТОГО КОМИССАРА>.** Почт. *«Две кошки – **Усатый Комиссар** (уж очень представительные усы у нее были) и **Дочь***

Усатого Комиссара» (Форум: https://www.babyplan.ru, Семейные «прозвища», 2017 г.).

«Домашние имена» – неотъемлемая часть процесса внутрисемейного общения, его основа, позволяющая не только указывать на члена семьи при обращении, но устанавливать с ним эмоциональный контакт, а также разносторонне характеризовать и оценивать.

В тематической группе «Номинации в сфере кулинарии» представлены оригинальные названия блюд, приготовленных детьми и подаваемых в семье: **БРУМ-БРУМ.** Шутл. *«А, еще Алисино **брум-брум** (коктейль) тоже вошло в общесемейный словарь»* (Форум: https://4erdak.su, Семейный лексикон: давайте делиться интересными словечками, 2015 г.).

В некоторых случаях члены семьи не имеют представления о стандартном, общеупотребительном именовании того или иного блюда, поэтому внутрисемейное общение порождает коммуникативную необходимость номинации неизвестного. Например: **ТЮСЬПА.** Шутл. *«У нас есть прекрасное слово **тюсьпа**. Это такой продукт балканского происхождения, внизу рагу из овощей (обычно с баклажанами), наверху кримчиз. Мы этот продукт очень любим, а названия для него не знаем ни на каком языке. Вот Я. А. однажды, года в полтора, подошел и торжественно произнес, тыча пальцем: **“Тюсьпа!”.** Так и пошло. Теперь даже некоторые иностранные гости пытаются в магазине такое найти»* (Форум: https://4erdak.su, Семейный лексикон: давайте делиться интересными словечками, 2015 г.).

На примере данной тематической группы отчетливо видно стремление членов семей к использованию языковой игры с целью разнообразия и обновления речи, борьбы с рутинностью и повторяемостью бытовых номинаций. Так, в «семейном словаре» могут появляться заимствования-англицизмы, обыгрываемые в привычном укладе жизни. Например: **КУКИНГ <НАКУКИТЬ>.** Шутл. *«С неделю назад я тружусь на посту № 1 (на кухне). Звонит муж: “Чем занимаешься?” Я на автомате отвечаю: **“Кукингом”** – “Чем-чем?” – “Ну, еду готовлю” – “А что это новое слово?” – “Да нет, не новое, если шопинг есть, то почему **кукинга** не может быть?” – “Логично. И мне нравится". Вошло в обиход в разных вариантах. Например: “Кто сегодня **кукингом** занимается?”, “Мама, ты сегодня чего **накукила**?” и т. д. А вчера муж спрашивает: “С **кукингом** закончила?”* (Форум: http://forum.moya-semya.ru, Выдуманные слова, 2016 г.).

В формировании «семейного словаря» особую роль играет и возраст члена семьи, чье лингвокреативное мышление подключается к словопроизводству. Интересно, что «словечки», созданные представителями старшего поколения, как правило, являются «искажениями» относительно недавно вошедших в язык иностранных слов, отличаются особым колоритом, легко запоминаются и активно входят в употребление: **ЕГУР.** Шутл. *«Бабушка говорит **егур.** Поправлять бесполезно, так она называет йогурт. Прижилось, спрашиваю у детей: “Какой вам егур?”»* (Форум: http://bloger.by, Впечатления / Семейные присказки, 2017 г.); **ПИКС ТВИКС.** Шутл. *«В 90-х смотрели сериал «Твин Пикс». Бабушка моя очень его любила, а тогда пошла реклама*

всяких баунти, марсов, твиксов. И бабушка сериал называла ***Пикс Твикс****, не могла запомнить правильное название, а мы уже привыкли»* (Форум: http://forum.moya-semya.ru, Выдуманные слова, 2016 г.).

Ранее в исследованиях Л. А. Капанадзе отмечалась тенденция к нежеланию членов семей придавать огласке «домашние имена», поэтому данная зона в изучении «семейных словечек» оставалась глубинной и неизученной. В большей степени семьи предпочитали делиться номинациями в области бытовых предметов, своего жилища, кулинарных традиций. Сегодня наблюдается обратная тенденция: в сети Интернет пользователи активно делятся «домашними именами» своих близких, но не так часто обсуждают номинации в сфере бытовых действий.

Одни из самых малочисленных тематических групп в нашем словаре составили следующие: «Номинации жилища и ближайших бытовых объектов» – 2 %, «Номинации в сфере ТВ» – 3 %, «Номинации элементов одежды и обуви» – 4 %. Анализ происхождения «семейных словечек» данных тематических групп показал, что источником появления данных продуктов семейного словотворчества является какая-либо запомнившаяся членам семьи обиходно-бытовая ситуация. Например: **ШТАНЫ С РУКАВАМИ.** Шутл. *«Муж как-то раз хотел дочке сказать: “Оденься потеплее: штаны и что-нибудь с длинными рукавами”, а получилось: “****Надень штаны с рукавами****”. С тех пор в нашем семействе так и называем теплые вещи –* ***штаны с рукавами****»* (Форум: http://forum.moya-semya.ru, Выдуманные слова, 2016 г.), **ЛАВКА.** Шутл. *«Бабуля как-то сказала: “Уж больно страсть, что вы в* ***лавке****-то набрали”. С тех пор все магазины зовем* ***лавкой****»* (Форум: https://www.e1.ru, Домашний сленг, 2016 г.).

«Семейные словечки», представленные в тематических группах «Номинации предметов обихода» и «Номинации действий, совершаемых членами семьи», поддерживаются в языковой памяти членов семьи за счет семейных обычаев, традиций, ритуалов, связанных с ведением домашнего хозяйства, то есть затрагивают этнографию семьи. Например: **КОВРАС.** Шутл. *«Наш палас рисунком походил на ковёр, кто-то его называл паласом, кто-то – ковром, дочка объединила – получился* ***коврас****»* (Форум: http://forum.moya-semya.ru, Выдуманные слова, 2016 г.); **ГАГА.** *«Когда мне было года 2–3, у меня был любимый пододеяльник. Я называла его гага, без него отказывалась ложиться спать. С тех пор у нас пододеяльники назывались гага* (Форум: http://forum.moya-semya.ru, Выдуманные слова, 2016 г.).

Таким образом, в настоящее время отмечается тенденция членов лингвокультурного сообщества активно делиться «домашними именами» в сети Интернет, обсуждать их на различных интернет-форумах. «Семейные словечки» позволяют членам семьи бороться с рутинностью и повторяемостью бытовых дел, шутливая коннотация, присущая практически каждому слову в «семейном словаре», обыгрывает привычный уклад жизни. Собранные нами в тематическом словаре-минимуме «семейные словечки» позволили оценить неповторимое многообразие сфер внутрисемейного общения, комплексно охарактеризовать феномен «семейного словотворчества». Можно сделать

вывод о том, что тематическое многообразие, уникальная семантика и коннотация «семейных словечек» дают возможности рассмотреть не только их словообразовательный потенциал, но и содержательно-тематические особенности. Типология «семейных словечек» должна быть построена с учетом их семантических, функциональных и лексико-грамматических свойств.

Библиографический список

1. Байкулова А. Н. Семейная коммуникация: критерии хорошей семейной речи // Грани познания. – 2014. – № 1. – С. 1–4.

2. Занадворова А. В. Узус семейного речевого общения: особенности номинаций // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2000. – 228 с.

3. Капанадзе Л. А. Семейный диалог и семейные номинации // Язык и личность. – 1989. – С. 100–104.

4. Кукушкина Е. Ю. «Домашний язык» в семье // Язык и личность. – 1989. – С. 96–100.

5. Хрущева О. А. Содержательно-тематические особенности семейной номинации // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур. – 2019. – С. 169–173.

6. Чайковский Р. Язык семьи // Семья и школа. – 1989. – № 7. – С. 20–22.

© Лаптева М. Л., Предет В. А., 2022.

УДК 81:1:811.181.1

МЕТОНИМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КАТАХРЕЗЫ

А. В. Лемов,
д-р филол. наук, профессор
avlemov@gmail.com
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются примеры лексических единиц русского языка, претерпевших процесс, который получил наименование катахрезы, то есть переносного употребления лексемы, внутренняя форма которой перестает соответствовать новым контекстуальным условиям. В итоге имя прилагается к другому предмету, что часто связано с метонимическими процессами по смежности. Приводятся примеры трансформаций подобного рода.

Ключевые слова: этимология, внутренняя форма слова, семантический перенос, метонимия, метонимическая формула, катахреза, оксюморонные сочетания.

METHONYMIC BASIS OF CATACHREZA

A. V. Lemov
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines examples of lexical units of the Russian language that have undergone a process that has received the name catachresis, that is, the figurative use of a lexeme, the internal form of which ceases to correspond to new contextual conditions. As a result, the name is attached to another subject, which is often associated with metonymic processes by contiguity. Examples of such transformations are given.

Keywords: etymology, internal form of a word, semantic transfer, metonymy, metonymic formula, catachresis, oxymoronic combinations.

В истории изучения выразительных средств языка под катахрезой понимаются, как правило, три разноплановых явления: 1. Катахреза – разновидность тропа (ср. «Катахреза троп., состоящий в употреблении слов в значениях, им естественно не принадлежащих. Часто как разновидность гиперболической метафоры. *Он глотнул глазами пространство*» [1]. 2. Катахреза – «Употребление слова или выражения не в соответствии с «правильным» (этимологическим) его значением – нередко сделавшееся узуальным. *Красные чернила»*. Ср. еще: *мясорубка для овощей, ватрушка с повидлом, грушевый лимонад, стрелять из ружья.* 3. Катахреза – речевая ошибка. *Благодаря жаркой погоде капуста плохо наливалась*. Л. Н. Толстой: «*С другой стороны сидел, облокотивши на руку свою широкую с смелыми чертами и блестящими глазами голову, граф Остерман-Толстой*» (пример взят из [11]). Во всех трех случаях объединяющим понятием служит «употребление слова в неправильном или в несобственном смысле» [5]. В любом случае мы имеем дело с изменением семантики слова, то есть переносным употреблением лексической единицы, внутренняя форма которой перестает соответствовать новым контекстуальным условиям. В специальных работах, посвященных выразительным средствам (тропам и фигурам), указываются причины (основания) развития катахрезы: метафоризация внутренней формы исходной лексемы, ее конфликт с контекстом, выраженный в приложении имени к другому предмету, что не может не быть связанным также и с метонимическими процессами по смежности (юридический термин *усыновить* применительно к дочери, *яблочный* лимонад (напиток с соком лимона или *других фруктов и ягод*). Практически большинство метонимических конструкций так или иначе обслуживают катахрезу в разных ее толкованиях.

Значительное число трансформированных значений метонимического типа связаны с предметами, приспособлениями в быту, хозяйственными постройками, которые приобрели иной материал для своего создания. Естественно, при этом нивелируется исходная выразительность тропа (сведения об этимологических аспектах слов и их внутренней форме выверены по эти-

мологическим словарям, отмеченным в библиографическом списке). Ср.: *Здание*. Исходное значение ‘сделанное из глины’ естественным образом противоречит следующим употреблениям этого слова: д*еревянное, каменное, кирпичное здание* (метонимическая формула: «материал – изделие из него»). По этой же формуле: *кожух* (первоначально ‘изделие из козьей кожи‘, вторая ступень метонимии: изделие из определенного материала – изделие из разных материалов; *мешок* (‘сшитый из меха’, но*: рогожный, холщовый мешок*); *корыто* (‘сделанное из коры, но: *деревянное, металлическое корыто*); *палуба* (‘лубяной пол’, но: *железная, алюминиевая палуба*); *чан* (сделанное из досок’, но: м*еталлический чан*); *стена* (в исходе этимон ‘камень’, но: *деревянная, железобетонная стена)*, *гвоздь* (‘деревянное крепление’, но: *железный гвоздь*); *камилавка* (первоначально ‘шапка из верблюжьей шерсти’, греч. kamilos – ‘верблюд’), но *шелковая, суконная, бархатная камилавка*. В истории русского языка интересны семантические переходы метонимического типа в целых терминологических системах. Как показал анализ словника «Толкового словаря древнерусских юридических терминов» [4], содержащего более 500 слов и выражений, свыше 20 процентов из них (115 единиц) представляют собой метонимические переносы. Например: *вязьба* (процесс связывания → арест, задержание); *вече* (совет → высший орган государственной власти); *волость* (власть → территория под властью); *вскочити* (убежать → совершить побег); *ближник* (ближайший родственник → наследник первой очереди); *вор* (болтун → авантюрист, мошенник → грабитель); *вылазити* (вылезти → выступить перед судом в качестве истца или ответчика); *голова* (часть человеческого тела → человек → жертва, убитый в результате преступления человек) [см. 6].

Изменения в иноязычных словах происходят по общеязыковым законам семантических переходов, при этом исходное значение лексемы, характерное для ее прототипа в языке-источнике, довольно часто может забываться. В таком случае следует говорить о наличии *семантической адаптации*. В этом состоит один из продуктивных способов образования не только новых значений, но и новых слов (см. [8; 14–17]).

Как видно из приведенных далее примеров, семасиологические переходы являются обычным средством лексико-семантической адаптации иноязычных слов к условиям функционирования русского языка-реципиента. Важным отличием семантической адаптации от остальных видов освоения заимствованных слов является то, что начало этого усвоения тесно связано с моментом вхождения иноязычного материала в речь заимствующего языка. Лингвисты считают, что при семантической адаптации заимствованного слова происходит приспособление его семантической структуры к системе заимствующего языка, при котором «лексическое значение заимствованного слова формируется, уточняется, отшлифовывается по мере того, как слово включается в синтагматические и парадигматические связи со словами принимающего языка» [8, с. 14]. Одним из видов семантической адаптации является появление у иноязычных лексем вторичных значений на основе метонимических переносов.

По мнению некоторых лингвистов, метонимические переносы в семасиологических переходах – явление даже более частое, чем метафорические процессы. И этому находится объяснение. Метонимия – не только средство создания образности, а в большей мере и не является оценочным средством, служа лишь необходимому расширению объема словаря. Метонимию в силу ее распространенности в различных языках следует считать одной из важных лингвистических универсалий, т. е. свойств, присущих всем языкам или большинству из них [7, с. 535]. Метафора для своего осознания требует от носителя языка более абстрактного осмысления, чем метонимия, в то время как последняя очень конкретна, если хотите, примитивна, поэтому очень много возможностей ее проявления в лексиконе. Б. В. Томашевский считает, что типов метонимии так много, что «было бы бесполезно их классифицировать» [13, с. 40]. Отношения смежности, действительно, более очевидны, так как отражают объективные связи предметов и явлений, метафора в большей степени представляет собой семантическую операцию, а метонимия в большей степени – ассоциативную. Хотя, конечно, и метонимические построения в сознании ассоциативно бывают чрезвычайно извилисты. Ср.: *эскимо*. Заимствовано из французского языка: esquimau – буквально «эскимос». Метонимическая цепочка опирается на пропозиции: эскимос – человек, живущий в холодных краях, где много снега и льда – его пища холодна, как лед – мороженное холодно, как лед. Лексема *бордо* переживает метонимию дважды. Сначала во французском языке название города *Bordeaux* дало обозначение производимому там вину, затем – уже на русской почве – произошел перенос с названия вина на его цвет – темно-красный (значение слов на русской почве приводятся по [10]).

Между тем, очевидно, что метонимия в качестве лингвистического явления представляет интерес не только как эмоционально-экспрессивное средство языка, но прежде всего как регулярный механизм речи, служащий выполнению номинативных функций языка, а также способствующий развитию лексических средств языка, создавая семантические модели многозначных слов и словообразовательных типов [см. 9; 2; 12].

Подобная ситуация вполне естественно должна возникать и при функционировании слов иноязычного происхождения, внутренняя форма которых в исходном языке просто, как правило, не известна носителям русского языка. В некоторых случаях слово приходит через посредство другого языка (а иногда и нескольких), в связи с чем этимон единицы потерялся еще до заимствования в русский язык и становится простой этикеткой для обозначения того или иного понятия. *Кандалы железные* (но от арабск. ‘веревка’); *кадка* (общеславянское *кадь* – ‘бочка, кадка’ является заимствованием из лат. яз., где cadus ‘глиняный кувшин для вина’); *корчага* – ‘глиняный горшок’ (ср. тюркс. *корчак* – ‘кишка, бурдюк’); *юбка* (в современном значении слово заимствовано из польского языка, в который пришло из немецкого со значением «кафтан, куртка» путем метонимического переноса: одежда для верхней части тела → одежда для нижней части тела); *газета* (в итальянском языке ‘мелкая монета, за которую можно купить газету’) – метонимия произошла

уже в языке-источнике по формуле: название денежной единицы → то, что можно купить за эту единицу; *процесс* – латинское слово со значением ‘движение вперед’ – уже на русской почве получило значение ‘изменение вообще‘.

Следовательно, значительное количество лексических единиц русского языка, переживших в своей истории процесс катахрезы, то есть противоречия актуального значения слова его этимологическому значению, сопровождается метонимическими переносами, поиском языковым сознанием сравнительных характеристик номинируемых понятий. Метонимический перенос в подобных случаях легко вскрывается с помощью трансформации – введения слова в эксплицитный контекст. Например: *буржуазия* (во французском языке слово обозначает городских жителей, но с помощью метонимии может обозначать и сельских жителей. Эксплицитный контекст: *сельская буржуазия*). Метонимическая формула: место жительства → принадлежность к социально-политическому слою; *полемика* (слово пришло из древнегреческого через французский со значением ‘воинствующий‘. Современное значение ‘спор при обсуждении каких-либо вопросов‘ метонимического характера, ср.: *мирная полемика*; *поликлиника* (буквально значит ‘городская больница‘). В современном употреблении (‘больница независимо от места расположения‘) наблюдаем метонимический перенос по формуле: учреждение, названное по месту нахождения → название учреждения независимо от места нахождения. Ср: «Лечебное учреждение, укомплектованное врачами разных специальностей для нестационарного лечения больных» [3].

Совершенно очевидно, что в подобных случаях процесс метонимизации проходит при содействии забвения этимологии или даже в противовес ей. *Зонтик*, как известно, этимологически должен защищать от солнца, а не от дождя: лексема заимствована из голландского языка с внутренней формой «покрышка от солнца». *Сенатор* имеет исходную внутреннюю форму: член *сената*, то есть совета старых (старейшин). *Халупа* – плетеный дом. Переносное значение уже не связывает халупу с плетением как способом постройки. Ср.: словарное толкование: «О любом неустроенном жилище» [3]. *Штопор* (Слово пришло из голландского языка, в котором имеет значение ‘затычка, пробка’, то есть то, чем *закрывают*). Значение слова в русском языке (то, чем *открывают*) – результат метонимического переноса по формуле: предмет – инструмент для действий с этим предметом – привел к диахронической энантиосемии. *Скарб* (лексема прошла путь из немецкого через польский в значении ‘казна, деньги, сокровище’). В синхронии развилось метонимическое значение, далекое от первоначального. Сочетание *убогий скарб* оксюморонное в диахроническом аспекте.

Таким образом, исследованный материал дает возможность констатировать, что в русской лексике наличествует достаточно большое количество единиц, семантическая история которых связана со значительным отступлением от этимологического оригинала, что сопрягается с катахрезой на метонимической основе.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.

2. Барышникова С. В. Словари иностранных слов XIX века и отражение в них семантической адаптации иноязычной лексики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Южно-Сахалинск, 2010. – 24 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2008. – 1536 с.

4. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. – М. : Спарк, 2001. – 119 с.

5. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

6. Лемов А. В. Юридические термины-метонимы в русском языке // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: материалы к слов.-справ. Вып. 1 / редкол.: Э. Н. Акимова, В. П. Киржаева (отв. ред.), О. Е. Осовский, В. В. Шигуров. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – 212 с.

7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

8. Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка : учеб. пособие. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 296 с.

9. Нуржекеева Л. Б. Лингвистическая природа метонимии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1991. – 24 с.

10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : А Темп, 2006. – 944 с.

11. Петровский М. П. Словарь литературных терминов : в 2 т. – М. ; Л. : Л. Д. Френкель, 1925. – Т. 1. – 348 с.

12. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. – 1284 с.

13. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – М. ; Л., 1928. – 333 с.

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – М. : Прогресс, 1964–1973. – Т. 1. – 1964. – 588 с.

15. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 2. – 559 с.

16. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.

17. Этимологический словарь русского языка / под ред. А. Ф. Журавлева, Н. М. Шанского. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – Вып. 1–9. – 1963–1999.

© Лемов А. В., 2022.

УДК 81`4:82-1

СИСТЕМА СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СТИХОТВОРЕНИИ Л. КУДРЯВЦЕВОЙ (ПРИДНЕСТРОВЬЕ) «ЛЮБЛЮ» КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СЧАСТЬЯ

Е. Г. Луговская,
канд. филол. наук, доцент
lugowska@spsu.ru
Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
Тирасполь, Молдова

Аннотация. В статье представлен анализ способов и средств выражения эмоционального состояния счастья в лирическом произведении. Отмечено, что неравномерность проявления субъективной модальности в поэтическом тексте позволяет дифференцировать системные компоненты реализации предметной и оценочной модальности, образы автора и лирического героя и обеспечивает проникновение читателя в вымышленный мир поэта, способствует отождествлению с лирическим героем и принятию эмоционального пафоса стиха как своего.

Ключевые слова: субъективная модальность, ассонанс, аллитерация, грамматические средства экспликации модальности, сема, синестезема, амбивалентность образа.

THE INDIVIDUAL MOOD EXPRESSING MODE SYSTEM IN THE POEM "I LOVE" BY L. KUDRYAVTSEVA (PRIDNESTROVIE) AS AN EXPLICATION MEDIUM FOR THE EMOTIONAL STATE OF HAPPINESS

E. G. Lugovskaya
Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko
Tiraspol, Moldova

Abstract. The article presents the analysis of the emotional state of happiness expressing mode system of the piece of poetry. The unevenness of the individual mood manifestation in a poetic text makes it possible to differentiate the systemic components of the objective and evaluative mood implementation, the images of the author and the persona, and provides the reader's perception within the poet's fictional world, identification with the persona and acceptance of the emotional pathos of the poem as his own.

Keywords: individual mood, assonance, alliteration, grammatical explication of mood expressing mode system, seme, synesthesia, imagery ambivalence.

Функционально-семантический характер текстовой категории модальности [2, с. 115], реализуемый в открытом множестве субъективно-модальных значений языковых единиц, отобранных автором текста, в тексте поэтическом приобретает особое значение – возникает специфическая поэти-

ческая модальность, которая множится вариантами квалификативных смыслов, которые имеют смежные зоны, а также пересекаются с полями эмотивности, оценочности, градуальности, темпоральности, персональности, союзности [4]. Возникает бесчисленное количество воображаемых миров и их фрагментов, для каждого из которых субъективная модальность выступает текстообразующей категорией, скрепляющим собственно модальные, диктальные и экстенсиональные смыслы фактором.

Модальность авторская, субъектно-лирическая, проявленная в стихотворном произведении как особенность идиостиля поэта вообще и конкретного произведения в частности; модальность объектно-лирическая, проявленная как совокупность средств и способов описания состояния лирического героя; и модальность читателя, субъект-объектная, проявленная в способах проникновении в авторский замысел (переживание наведенной автором эмоции, отождествлении себя с лирическим героем, взгляд со стороны; недо- и переинтерпретация) – все эти модальности обеспечивают существование бесконечного числа вариантов вымышленного мира, представленного в стихотворении.

Выступая сущностно значимой категорией поэтического текста, субъективная модальность неравномерно выражена в разных частях текста, что позволяет и поименованные объекты экстратекстовой действительности, и индивидуально-авторское понимание этих объектов и отношений между ними, и способы их повторной репрезентации через образ лирического героя или образ автора, рассматривать как средства ритмизации художественного текста, а также дифференциации субъективно-модальных квалификативных смыслов.

В материализации этих смыслов участвуют разные уровни текстовой организации, начиная с фонетического и заканчивая композиционным, но сама система средств выражения субъективной модальности поэтического произведения во многом зависит от его родовой специфики – эмоциональный пафос лирического стихотворения всегда реализован как пафос Я (даже если в тексте используются другие личные местоимения).

Чувства, переживания, тревожащие душу размышления этого Я в лирическом стихотворении организованы вокруг главного средства выражения субъективно-модального значения, реализованного категорией лица. Его эмоциональное *состояние как переживание человеком своего отношения к окружающей действительности и к самому себе в определенный момент времени*, относительно типичное для данного человека и относительно устойчивое [5], может быть рассмотрено как базовый концепт стихотворного текста.

Так, для рассматриваемого нами стихотворения приднестровской поэтессы Л. Кудрявцевой базовым концептом выступает «счастье», соответственно, эмоциональное состояние лирического героя, эксплицированное в тексте, воспринимается как состояние счастья.

ЛЮБЛЮ

1. Люблю рассветным зябким утром
2. Следы оставить на песке,
3. Где Днестр сверкает перламутром
4. И облака плывут в реке.

5. Люблю упругие объятья
6. Прохладных северных ветров,
7. Когда навстречу, словно братья,
8. С обских примчатся берегов.

9. Люблю ромашковое лето,
10. Нарядно-белую весну,
11. Франтиху-осень в блеске цвета,
12. А у зимы я, как в плену.

13. Зима-южанка не по нраву,
14. Капризна, ветрена со сна,
15. То гололед, то вскроет травы,
16. То слезно-слякотна она.

17. Зимой тоскую по убранству
18. Сибирских сказочных снегов,
19. По зимней стужи постоянству,
20. По белизне ее ковров.

21. Люблю Днестра родного пенье,
22. Оби раздольной бахрому,
23. Паду пред вами на колени
24. И шар земной весь на мгновенье,
25. Раскинув руки, обниму.

26. Люблю кружение природы,
27. Улыбки пестрой смены года,
28. Стихи – красы сей отраженье
29. И жизни вечное движенье.

На фонетическом ярусе субъективная модальность эксплицирована аллитерацией и ассонансом, выполняющими эмоционально-экспрессивную и композиционную функции. Ключевой образ стихотворения – *счастье* – реализован ассоциативно-синестетически – как текстообразующая, лексема *счастье* не представлена в стихотворении лексически, но по всему тексту словно разлиты сияние и блеск, вызывающие ощущение какого-то праздника, ра-

дости, счастья (*сверкает перламутром, нарядно-белая весна, франтиха-осень в блеске цвета, сказочные снега, белизна ковров (зимы), улыбки пестрой смены (времен) года*). Но блеск и яркость – только одна сторона этой синестеземы – в стихотворении эмоциональное состояние счастья эксплицировано и реализацией образа движения (*следы оставить, облака плывут, примчатся (ветра), капризна, ветрена (зима), то гололед, то вскроет травы, то слезно-слякотна* (полисиндетон как указание на динамическую смену событий)*, пенье Днестра* (звук текущей воды – быстрое течение, движение)*, кружение природы, жизни вечное движенье*).

Вместе с тем этот образ, эксплицированный лексически, синтаксически и композиционно, оказывается внутренне противоречивым. С одной стороны, в стихотворении *облака плывут, ветра мчатся, зима (южанка) ветрена, непостоянна, Днестр поет* и т. д., с другой – *упругие объятья северных ветров, у зимы, как в плену, зимней (сибирской) стужи постоянство, бахрома (берегов) Оби* – на первый взгляд может показаться, что автор противопоставляет динамике южного климата статику северного. Однако амбивалентность образа движения, представленного как собственно движение (или изменение, *кружение*) и его отсутствие (статика, *плен*), гораздо символичнее. Движение представлено как жизнь в ее настоящем и одновременно вечном, статика представлена прошлым, памятью, ностальгическими образами (*зимней стужи постоянство, бахрома раздольной Оби*), а состояние счастья как модальная доминанта образа лирического героя стихотворения выступает результирующей этой амбивалентности.

Звуковая организация ключевого слова *счастье* также может быть интерпретирована как содержащая значимые звуковые ассоциации – мягкий шипящий эмоционально-экспрессивно связан с аудиальными образами шума ветра, листопада, и композиционно – с образами *рома**ш**кового лета, франти**х**и-осени, зимы-ю**ж**анки, зимней сту**ж**и, ба**х**ромы берегов Оби, сти**х**ов как отра**ж**ения **ж**изни, ве**ч**ного дви**ж**ения, земного **ш**ара*, реализованными шипящими, свистящими и фрикативными звуками. Свистящий в ключевом слове актуализуется в образах *ра**сс**ветного **з**ябкого утра, **с**ледов на пе**с**ке, Дне**с**тра, **с**еверных ветров, ве**с**ны, о**с**ени в бле**с**ке **ц**вета, **с**ле**з**но-**с**лякотной **з**имы, **с**ибир**с**ких **с**ка**з**очных **с**негов, бели**з**не ковров, пе**с**трой **с**мены времен года, **з**емного шара*.

Аллитерация свистяще-шипящих (которая несколько смягчается сопутствующими плавными *н, л*) подкрепляется аллитерацией вибранта – в этом звукообразе сливаются и *пе**р**ламут**р** Д**н**ест**р**а*, и *ба**хр**ома Оби*, и *к**р**у**ж**е**н**ие п**р**и**р**оды* и ***земн**ой **ш**а**р***, объятый ***р**аски**н**ув **р**уки*.

Кроме аллитерации, в тексте прослеживается ассонанс звука **у** (с вариациями о), что связано с ключевым словом *люблю* и позволяет передать всю глубину эмоционального переживания лирического героя.

На морфологическом уровне осознанный выбор частей речи подтверждает значимость основных образов стихотворения – движение и статика – образы реализованы соответственно глаголами (или их отсутствием, а также отглагольными существительными) и существительными в номинативной и

определительной функциях, а также прилагательными, обозначающими только постоянные признаки описываемых предметов и явлений.

Интерес вызывает подбор слов и специфика лексической сочетаемости:

(Днестр) сверкает перламутром (3)

Образ перламутрового блеска поверхности реки, водной глади интересен тем, что визуальный образ бликующей на солнце поверхности реки приобретает мягкий серебристо-молочный, серебристо-розовый оттенок отражающихся в воде облаков (следующая строка). Само слово *перламутровый* содержит сему *радужный (разноцветный)*, что актуально в контексте использования сочетаний *франтиха-осень* и *пестрая смена* времен *года*: образ пестрого разноцветья таким образом словно ритмизует текст, уподобляя разнообразие красок природы калейдоскопичности жизни. Последнее замечание особенно важно в связи с наличием сокращенного авторского варианта стихотворения *Люблю*, включающего только первый, третий и последний катрены полного варианта, то есть как раз именно те, в которых реализован концепт калейдоскопичности жизни.

Упругие объятья ветров (5–6)

Сочетание *упругие объятия ветра* представляет собой компиляцию двух поэтических образов *упругий ветер* и *объятия ветра* на основе переноса по смежности, что позволяет автору акцентировать внимание не только на характеристике ветра, но и на качестве взаимодействия с ним. Вместе с тем образ амбивалентен, так как упругость ветра предполагает отталкивание от объекта воздействия, а объятия, напротив, предполагают сближение, слияние. Эта же двойственность взаимодействия с миром, природой, затем проявится в предпоследнем квинтете: *раскинув руки, обниму* – логически можно объяснить такой подбор слов обозначением последовательности действий – раскину руки (потому что собираюсь объять целый мир), потом обниму. Однако синтаксическое оформление этого действия заставляет воспринимать его как невозможное: основное действие – *обниму* – предполагает смыкание рук, а добавочное действие по отношению к основному – *раскинув* – предполагает размыкание. Раскидывание рук, таким образом, осознается как интенция единения с миром, потому как *нельзя объять необъятное*, а амбивалентность образа, эксплицированная грамматически, помогает реализовать модальность счастья как состояния, в котором невозможное возможно.

Блеск цвета (11)

Окказиональная характеристика проявления цвета, реализованная на основании абсолютизации семы ‘*яркость*’ (яркие цвета) позволяет создать не только визуальный образ осеннего пейзажа – выступая в синтаксической функции несогласованного определения (в этом предложении мы имеем синтаксический параллелизм: *...ромашковое* (какое?) *лето, нарядно-белую* (какую?) *весну, франтиху-осень* (какую?) *в блеске цвета*), данное словосочетание, само синтаксически организованное по модели ‘предмет (блеск) и его признак (цвета)’, позволяет реализовать не только основное, но и переносное значение главного слова *блеск* – ‘*великолепие*’. Таким образом *франтиха-*

осень оказывается не только разноцветной, нарядно-аляповатой, но великолепной, впечатляющей, шикарной.

Капризна, ветрена со сна (14)

Сочетание двух однородных именных частей составного именного сказуемого с обстоятельством образа действия необычно в том смысле, что каждый из однородных элементов связан с обстоятельством *со сна* прямой семантической связью: зима *капризна*, потому что сонная, хочет спать (с элементами персонификации); *ветрена*, потому что только что проснулась (читай – началась) и началась ветреной погодой (специфика южной зимы), но между собой эти однородные части взаимодействуют как синонимы. Синонимические отношения слов *капризна* и *ветрена* семантической доминантой имеют значение '*непостоянна*', что поддерживается содержанием последующих строк, синтаксически представляющих собой полисиндетон. Таким образом, характеристика южной зимы лексически двупланова – она определяет зиму и как денотат, и как сигнификат (персонифицированный объект лирического описания).

Слезно-слякотна(я) зима (16)

Интересный образ, еще более подчеркивающий специфику южной зимы на Днестре: семантика части определения '*слезно*' метафорически относит к такому природному явлению, как дождь, слякоть – напрямую указывает на сырую погоду с дождем и грязью. Сочетание прямой и переносной номинации в одном определении рождает дополнительные ассоциации (слезы – это не только апелляция к дождю, но и к состоянию меланхолии (вспомним ассонанс звука у), печали) – лирический герой грустен южной зимой, потому что ностальгирует по снежной сибирской зиме.

Пестрая смена (времен года) (27)

С подобным художественным приемом, когда характеристика описываемого явления обусловлена амбивалентностью образа, мы уже сталкивались (*упругие объятия ветров, блеск цвета*) – смена времен года как самодостаточное номинативное сочетание не требует использования определения в значении постоянного признака этого явления, однако допускает указание на его основное качество – пестроту. Пестрота как '*разноцветность, разнородность*' осознается как сущностное качество смены времен года и в соответствующей языковой форме абстрактного существительного указывает и на круговорот, калейдоскопичность жизни, и на красоту природы. Пропуск значимого для понимания слова *время* в этом сочетании не мешает пониманию, так как используется устойчивый языковой паттерн – смена времен года. Кроме того, сочетание *смена времен года* в контексте всего стихотворения приобретает значение '*динамически меняющегося разноцветья*', что приводит к тому, что *пестрая смена времен* года осознается как тавтологическое – избыточность словосочетания компенсируется пропуском слова в угоду стихотворному ритму.

Улыбки (пестрой) *смены* (времен) *года* (27)

Повторяемость условий метафоризации, когда прямое (буквальное) и образное значения не просто дополняют друг друга, но представляют собой

сложный семантико-ассоциативный комплекс, позволяет говорить о специфике идиостиля: в сочетании *улыбки смены года* слово *улыбка* раскрывается и с семой ‘радости, счастья’, и со значением ‘*изменения* эмоционального состояния’, ‘мимического *движения’* (сема ‘*изменение, движение*’). Таким образом, калейдоскопичность жизни характеризуется положительной эмоцией радости, счастья.

По зимней стужи постоянству, (19)

По белизне ее (то есть зимней стужи) *ковров* (20)

В этом текстовом фрагменте мы имеем дело с синтаксической неточностью – автор говорит о постоянстве стужи зимой и белизне ковров зимы, говоря о морозе и снеге, но оформляет фразу таким образом, что *белизна ковров* оказывается только семантически связанной с лексемой *зима*, а грамматически – с сочетанием *зимняя стужа*. Поэтический текст нивелирует это различие – текст не только остается понятным, но и актуализует значимые для структуры стиха образы *статики* (стужа – ассоциации ‘заморозки, остановка’, постоянство – ‘остановка, отсутствие движение’, ковры – ‘статичность’, белизна – ‘постоянство признака’) и *блеска* (сверкающие ковры зимнего снега).

Однако наиболее значимым средством реализации субъективной модальности на синтаксическом уровне в анализируемом стихотворении выступает пропуск подлежащего и анафорический повтор глагольного сказуемого *люблю*, вынесенного в заголовок и определенного темой стихотворения.

Интересно, что не отмечены повтором только те катрены, в которых автор описывает зиму, а именно зима у лирического героя вызывает двойственные чувства – радость от прихода зимы, пусть даже южной слякотной, и ностальгию по морозной и снежной северной зиме – эти катерны отмечены использованием другого глагола (*тоскую* во втором из них). Повтор формы *люблю* поддерживает динамику, значимую для раскрытия основной темы стихотворения, а отсутствие этой словоформы создает ощущение остановки (статики) в четвертом и пятом катренах. Как мы уже отмечали, сокращенный вариант стихотворения (1, 3, 7 катрены) не включает в себя этот статический фрагмент.

Однако вернемся к самому главному средству выражения субъективной модальности – в этом стихотворении использован прием от обратного: вместо использования основного указателя на носителя субъективной модальности (местоимения Я), автор опускает его. Субъективная модальность реализуется грамматически – форма единственного числа единственного числа глагола *любить* в синтаксической функции сказуемого и формально, и содержательно эксплицирует эмоциональное состояние счастья. Этот прием позволяет автору стихотворения однозначно реализовать субъективную модальность именно лирического героя, не смешивая ее с авторской модальностью, что совсем не просто в поэтическом тексте.

Особенно ярко субъективная модальность лирического героя как текстовая категория реализована в его сокращенном варианте, где не только удален «статический» фрагмент описания отношения к зиме, но и исключены

все фрагменты текста (кроме четвертого и пятого катренов отсутствуют еще и вторая и шестая строфы), в которых субъективная модальность поддерживается использованием фактологии (*Днестр, Обь, сибирский, южный*), могущей быть маркером собственно авторской модальности. Сокращенный вариант стихотворения включает в себя только необходимое и достаточное изображение эмоционального состояния счастья, в котором пребывает лирический герой, обнаруживания себя в *стихах* и *жизни вечном движении*.

Основной образ стихотворения – *люблю* – воспринимается таким образом как базовое состояние лирического героя, характеризация которого реализована с помощью описания отношения лирического героя к природе и ее проявлениям. Лирический герой, наблюдая жизни вечное движение, видит красоту, ощущает полноту жизни, чувствует себя причастным миру: *ветра* воспринимаются им как *братья*, *пенье* (быстрое течение) реки Днестр и *бахрома* (красота) берегов реки Обь вызывает у него благоговение (*паду пред вами на колени*). Единение с миром, со всем шаром земным ощущается лирическим героем как предметное, осязаемое: *И шар земной весь на мгновенье, Раскинув руки, обниму*, и эта мгновенная остановка движения и есть то самое состояние *наибольшей внутренней удовлетворенности, полноты и осмысленности жизни*, которое определяется в словарях как *счастье*.

Используя весь спектр лингвистических средств экспликации субъективной модальности в поэтическом тексте, автор добивается такого перлокутивного эффекта, когда читатель отождествляется с лирическим героем и переживает ту эмоцию, которую транслирует герой. При этом авторская модальность как реализация авторской интенции прочитывается в амбивалентном характере образов стихотворения, счастье осознается как моментальное состояние *внезапного, неожиданного и мощного всплеска радости* [3, с. 169]. Таким образом, семантическая основа субъективной модальности, реализованной в данном поэтическом тексте, образована отражающей авторскую модель мира предметной модальностью, а также оценочной модальностью, которая трансформирует предметную, качественно характеризуя каждый объект поэтического описания.

Библиографический список

1. Бабенко Л. Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. – Калининград, 2009. – С. 133–142.

2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 144 с.

3. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.

4. Орехова Б. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции. – М. : Изд-во МГОУ, 2011. – 296 с.

5. Психология человека от рождения до смерти [Электронный ресурс] / под общ. ред. А. А. Реана. – СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. – 656 с. – URL: https://www. phantastike.com/common_psycho-logy/psihologiya_ot_rojdeniya_do_smerti/html/ (дата обращения: 13.08.2021).

© Луговская Е. Г., 2022.

УДК 811.161.1’36

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПОВЕСТЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО

Н. А. Нестерова,
канд. филол. наук, доцент
nesterova.80@mail.ru
Н. Е. Данилова,
студентка
natalia.danilova99@yandex.ru
Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева
Саранск, Россия

Аннотация. В статье выявляются структурные и семантические особенности вставных конструкций, функционирующих в повестях Л. Н. Толстого «Отец Сергий», «Смерть Ивана Ильича» и «Крейцерова соната». Обращается внимание на лексические и грамматические особенности вставочного элемента, специфику его связи с базовым высказыванием, в которое он включен, и функции в предложении и произведении в целом.

Ключевые слова: синтаксическая конструкция, вставная конструкция, структура, семантика, функция, базовая часть предложения.

SPECIFICITY OF FUNCTIONING OF INSERTED STRUCTURES IN THE STORIES OF L. N. TOLSTOY

N. A. Nesterova, N. E. Danilova
Mordovian State Pedagogical University
Saransk, Russia

Abstract. The article reveals the structural and semantic features of the inserted constructions functioning in the stories of L. N. Tolstoy "Father Sergius", "The Death of Ivan Ilyich" and "The Kreutzer Sonata". Attention is drawn to the lexical and grammatical features of the insertion element, the specifics of its connection with the basic utterance in which it is included, and the function in the sentence and the work as a whole.

Keywords: syntactic construction, insert construction, structure, semantics, function, basic part of a sentence.

Среди компонентов, осложняющих простое предложение, традиционно выделяют вставные конструкции. Подобные элементы синтаксических конструкций не всегда имеют грамматическую связь с предложением, но тесно связаны с ним семантически.

В современной лингвистке наблюдается многообразие терминологии при описании вставных конструкций: «вставка», «вставной элемент», «вставочная конструкция». В данной статье они используются как синонимичные, наиболее общим понятием является термин «вставная конструкция».

По мнению О. С. Ахмановой, «вставка – это слово или словосочетание, не соединенное грамматически с другими элементами предложения. В отличие от вводных слов и словосочетаний, вставка вносит в предложение дополнительную информацию» [2, с. 85]. Однако, по мнению исследователя, есть вставные конструкции, которые могут не только семантически, но и грамматически относиться к какому-либо члену в основном предложении. Неоднозначный взгляд на грамматическую связь вставных конструкций с базовой частью предложения наблюдается и у других ученых. Так, по мнению Н. С. Валгиной, вставные конструкции «могут быть оформлены как члены предложения или придаточные части предложения с сохранением синтаксической связи (т. е. являются членами предложения), но являются „выключенными“ из состава предложения» [3, с. 252]. Д. Э. Розенталь считает, что вставки могут и вовсе не иметь грамматической связи с основным предложением, то есть, по выражению ученого, «выступать как „чужеродное тело“ в составе основного предложения» [5, с. 65].

Таким образом, вставные конструкции могут иметь как возможность, так и невозможность грамматической связи с базовым предложением. Такие особенности вставных конструкций отмечают практически все ученые, и данное исследование будет основано на контаминации приведенных выше позиций ученых.

Рассмотрим структурные и семантические особенности вставных конструкций.

Структура вставных конструкций в русском языке крайне разнообразна и может состоять как из знака препинания, так и целого абзаца. В настоящем исследовании мы выделяем вставные конструкции, представляющие собой знак препинания (или группу знаков препинания), словоформу, словосочетание, группу словоформ (обособленные обороты разные видов), предложение (простое и сложное), абзац и сложное синтаксическое целое. Следует отметить, что отдельный знак препинания или их группа, а также выделение во вставную конструкцию отдельного абзаца или сложного синтаксического целого довольно редко встречаются в текстах.

С семантической точки зрения вставные элементы дополняют, расширяют, поясняют и обогащают содержание основного предложения, при этом спектр дополнительной информации, которую они способны выражать, очень широк. По мнению А. Ф. Прияткиной, «вставка – это факультативная часть высказывания. Она имеет ценность, но как дополнительная информация, отсутствие которой не может повлиять ни на содержание, ни на структуру высказывания» [4, с. 159].

В широком смысле любая вставная конструкция дополняет и поясняет информацию базовой части высказывания. Ряд ученых выделяет более частные семантические типы вставок. Так, Н. В. Адамчик выделяет следующие значения вставных конструкций:

а) дополнение, пояснение, расширение базовой части высказывания;

б) попутные авторские замечания;

в) пояснение и уточнение отдельных слов или словосочетаний в базовой части предложения;

г) эмоции автора или его отношение к высказываниям, словам (выражаются вопросительными и восклицательными конструкциями) [1, с. 636–637].

Обратимся к подробному анализу структурных и семантических особенностей вставных конструкций на материале повестей Л. Н. Толстого «Отец Сергий», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната» [6].

В числе особенностей, характеризирующих стиль Л. Н. Толстого в синтаксическом и пунктуационном отношении, обращают на себя внимание вставные конструкции. Пожалуй, ни один из русских писателей не прибегал так часто в своих произведениях к этим элементам синтаксических конструкций.

Анализ языкового материала показал, что в структурном отношении вставные конструкции в повестях Л. Н. Толстого характеризуются многообразием грамматического выражения. Рассмотрим примеры.

«Отец Серапион стал было отгонять их, говоря, что отец Сергий устал, но он, вспомнив при том слова Евангелия: «Не мешайте им ***(детям)*** *приходить ко Мне» и умилившись на себя при этом воспоминании, сказал, чтобы их пустили»* («Отец Сергий») [6] – вставная конструкция выражена отдельной словоформой – именем существительным в дательном падеже, относится к одному слову в основном предложении, грамматически связана с ним.

«Разочарование в Мэри ***(невесте)****, которую он представлял себе таким ангелом, и оскорбление было так сильно, что привело его к отчаянию»* («Отец Сергий») [6] – вставная конструкция выражена отдельной словоформой – именем существительным в предложном падеже, относится к одному слову в основном предложении, введена в основное предложение с помощью скобок, может быть изъята из предложения без потери семантического наполнения.

«– Я не дьявол, я просто грешная женщина, заблудилась – не в переносном, а в прямом смысле ***(она засмеялась)****, измерзла и прошу приюта…»* («Отец Сергий») [6] – вставная конструкция представляет собой простое нераспространенное предложение, связана с базовым предложением бессоюзной связью.

«Но на другой день ***(это было осенью, и уже ночи были холодные)*** *он, выйдя из кельи за водой, увидал опять ту же мать с своим сыном, четырнадцатилетним бледным, исхудавшим мальчиком, и услыхал те же мольбы»* («Отец Сергий») [6] – вставная конструкция представляет собой сложносочиненное предложение, относится к сочетанию *другой день*, уточняя его, связано с основным предложением бессоюзной связью.

«И ***– странное дело*** *– ему казалось, что ему лучше, пока Герасим держал его ноги»* («Смерть Ивана Ильича») – вставка является словосочетанием, грамматически не связана с базовой конструкцией, введена в предложение с помощью тире.

Проанализируем семантические особенности вставных конструкций в вышеуказанных повестях Л. Н. Толстого.

«...Он переставал не то что верить в то, чем жил, но переставал видеть это, не мог вызвать в себе того, чем жил, а воспоминание и – ***ужасно сказать*** *– раскаяние в своем обращении охватывало его»* («Отец Сергий») [6] – вставная конструкция представляет собой субъективную оценку автора; основная часть предложения характеризует внутреннее состояние персонажа, вставка выполняет модально-оценочную функцию.

«Войдя в кабинет, я прямо подошел к стене, снял с нее револьвер, осмотрел его – ***он был заряжен*** *– и положил на стол»* («Крейцерова соната») [6] – вставной элемент представляет собой попутное спонтанное авторское замечание, может быть изъят из предложения, грамматически связан с ним, о чем свидетельствуют личные местоимения *его – он* в базовой части и вставке.

«И тотчас чувствительность над собой исчезла, и явилось странное чувство – ***вы не поверите*** *– чувство радости, что кончится теперь мое мученье, что теперь я могу наказать ее, могу избавиться от нее, что я могу дать волю моей злобе»* («Крейцерова соната») [6] – вставка введена в речь рассказчика и представляет собой его мысли и чувства, характеризует субъективное отношение к ситуации.

«И они начали жить в новом помещении, в котором, как всегда, когда хорошенько обжились, недоставало только одной комнаты, и с новыми средствами, к которым, как всегда, только немножко – ***каких-нибудь пятьсот рублей*** *– недоставало...»* («Смерть Ивана Ильича») [6] – вставной элемент представляет собой конструкцию, поясняющую отдельное слово в базовой части высказывания: *немножко = каких-нибудь пятьсот рублей*.

«– Уходи, только знай, что если тебе не дорога честь семьи, то мне не ты дорога ***(черт с тобой!)****, но честь семьи»* («Крейцерова соната») [6] – вставка представляет экспрессивное выражение, сопровождаемое восклицательным знаком, выражает безразличие автора или уступку по отношению к женщине.

«Я с особенной учтивостью проводил его до передней ***(как не провожать человека, который приехал с тем, чтобы нарушить спокойствие и погубить счастье целой семьи!)****»* («Крейцерова соната») [6] – вставная конструкция, по объему превышающая базовое предложение, представляет собой восклицательное сложноподчиненное предложение; вставная конструкция и основное предложение по семантике противоречат друг другу (с особенной учтивостью проводил человека, который хотел погубить счастье семьи).

«Приехал в Москву этот человек – ***фамилия его Трухачевский*** *– и явился ко мне»* («Крейцерова соната») [6] – вставной элемент поясняет, сужает, конкретизирует слово *«человек»* в базовой части высказывания, может быть включен в основное предложение при трансформации в сочетание *«по фамилии»* в функции приложения.

«Приятель его приятеля – ***доктор очень хороший*** *– тот еще совсем иначе определил болезнь и, несмотря на то, что обещал выздоровление, своими вопросами и предположениями еще больше спутал Ивана Ильича и усилил его сомнение»* («Смерть Ивана Ильича») [6] – вставка представляет собой признаковую характеристику, относится к сочетанию *«приятель его приятеля»*, ак-

центирует внимание читателя на важном качестве. Вставка играет важную роль в структуре предложения и не может быть изъята без ущерба для семантического наполнения.

«Отец разорился, и дети – ***три было мальчика*** *– все устроились; один только, меньшой этот, отдан был к своей крестной матери в Париж»* («Крейцерова соната») [6] – вставной элемент поясняет слово «дети» и является попутным замечанием автора.

«Он понял, что супружеская жизнь – ***по крайней мере, с его женою*** *– не содействует всегда приятностям и приличию жизни»* («Смерть Ивана Ильича») [6] – вставная конструкция представляет собой переданную автором субъективно-модальную оценку супружеской жизни героя, что сближает вставную конструкцию с вводной.

«А спать после винта, особенно когда в маленьком выигрыше ***(большой – неприятно)****, Иван Ильич ложился в особенно хорошем расположении духа»* («Смерть Ивана Ильича») [6] – вставная конструкция построена на противопоставлении содержанию базовой конструкции *(«большой» – «маленький», «неприятно – хорошее расположение духа»*), представляет собой попутные авторские замечания, грамматически зависит от слова «выигрыш», может быть изъята из основного предложения.

На основе анализа повестей «Отец Сергий», «Крейцерова соната», «Смерть Ивана Ильича» можно выделить следующие наиболее частые функции вставных конструкций: они участвуют в раскрытии внешнего или внутреннего облика героя, передают мысли и эмоции героев и автора, отношение автора к героям и событиям, интерпретируют их мысли и поведение, дополняют повествование.

Языковой материал позволил прийти к выводу о том, что наиболее продуктивными способами выражения вводных конструкций являются словосочетание или предложение (простое и сложное). Случаи выражения вставок словоформами единичны, случаев выражения пунктуационными знаками, абзацами и сложными синтаксическими целыми не обнаружено. Восклицательные предложения в качестве вставных употребляются редко – нами были выявлены две подобные конструкции. Вставки в предложение Л. Н. Толстой вводит при помощи знаков тире и – реже – скобок. В подавляющем большинстве вставные элементы вводятся в базовую часть предложения бессоюзным способом.

В семантическом отношении вставные конструкции достаточно многообразны, но чаще всего дополняют и поясняют отдельные слова в базовой части предложения, представляют собой попутные авторские замечания и – реже – выражают эмоции автора или героя. Как правило, вставные конструкции в повестях Л. Н. Толстого грамматически связаны с базовым предложением, но чаще всего могут быть изъяты без ущерба для семантики предложения.

А. Ф. Прияткина, пытаясь найти общее звено, объединяющее все вставки, считает, что у них есть «особая функция структурного элемента предложения» [4, с. 132]. Вставной элемент в большинстве своем факультативен в составе синтаксической конструкции и имеет ценность в качестве дополнительной информации. Именно поэтому вставка дополняет и обогащает содержание базо-

вой части высказывания и обладает, в первую очередь, смысловыми функциями.

Таким образом, структурные, семантические и функциональные особенности вставных конструкций в повестях Л. Н. Толстого являются яркой чертой идиостиля писателя. Они создают особый фон для развития основного действия, а зачастую несут важную информацию для читателя, расширяя границы повествования, показывая субъективные реакции персонажей или автора и вовлекая тем самым читателя в процесс событий и сопереживания героям.

Библиографический список

1. Адамчик Н. В. Самый полный курс русского языка. – Минск : Харвест, 2008. – 848 с.

2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 598 с.

3. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка : учеб. для вузов. – М. : Высш. шк., 2000. – 432 с.

4. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. – М. : Высш. шк., 1990. – 176 с.

5. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.

6. Толстой Л. Н. Собрание сочинений [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/ (дата обращения: 11.08.2021).

© Нестерова Н. А., Данилова Н. Е., 2022.

УДК 81:1:811.181.1

ЗАВИСИМОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНОЙ ОДНОВРЕМЕННОСТИ ОТ ПРОПОЗИТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

И. В. Одинцова,
канд. филол. наук, доцент
odintsova.irina@gmail.com
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается выражение полной и частичной ограничительной одновременности сложноподчиненным предложением с союзом *пока* в аспекте когнитивной лингводидактики. Условием употребления этого типа предложений признается координация пропозиций, отраженных в главном и придаточном предложениях: данные пропозиции должны отражать ситуации, по длительности имплицитно или эксплицитно совпадающие друг с другом.

Ключевые слова: пропозиция, ограничительная одновременность, сложноподчиненное предложение времени, союз *пока*.

DEPENDENCE OF THE EXPRESSION OF THE RESTRICTING SIMILARITY ON THE PROPOSITIVE CONTENT OF A COMPLICATED PROPOSAL

I. V. Odintsova
Moscow State University
named after Mikhail Vasilyevich Lomonosov
Moscow, Russia

Abstract. The article examines the expression of complete and partial restrictive simultaneity by a complex sentence with a union so far in the aspect of cognitive linguodidactics. The condition for the use of this type of sentences is the coordination of propositions reflected in the main and subordinate clauses: these propositions should reflect situations that implicitly or explicitly coincide in duration with each other.

Keywords: proposition, restrictive simultaneity, complex sentence of time, union while.

«В грамматике, – отмечает В. Гумбольдт, – нет ничего телесного, осязаемого, она состоит исключительно из интеллектуальных отношений» [3, с. 20]. Грамматика, в отличие от лексики, в акте речи не является предметом сообщения, однако она, подобно лексике, несет информацию о действительности и участвует в формировании связи языка, сознания и действительности. Логическая структура грамматики организует и упорядочивает рациональный и чувственный опыт человека.

«...грамматические системы разных языков грамматикализованы, но на основе структур сознания, которые, каждая по-своему, отражают определенные структуры действительности» [4, с. 31]. Каждый язык по-своему устанавливает «различие между структурами действительности, структурами сознания и структурами языка» [там же, с. 31]. Как замечает Р. Якобсон, грамматика, подобно геометрии, «налагает простые геометрические фигуры поверх живописного мира частных предметов и поверх конкретной лексической «утвари» словесного искусства» [13, с. 415].

Особое место в языковом осмыслении мира, его этнически окрашенном языковом кодировании, принадлежит синтаксису. Согласно Л. Витгенштейну, «предложение есть образ действительности» [2, с. 78] – ее модель, организованная так, как мы ее мыслим. Если словарь снабжает нас системой понятий, то «за синтаксисом закреплена система «конфигураций», которые организуют эти понятия в коммуницируемые формы (Jackendoff)» [12, с. 306].

Категория времени в каждом языке обладает специфичными средствами воплощения ментальных особенностей осознания действительности. Прежде всего это связано с тем, что понятие времени умозрительно, время не дается человеку в непосредственно-чувственном восприятии, подобно, например, пространству. «В природе не существует субстанции, называемой *время*» [6, с. 161]. Освоение категории времени в философском, литературо-

ведческом, лингвистическом и т. д. аспекте, таким образом, – прерогатива лишь только нашего сознания.

Являясь одной из сложнейших интеллектуально-грамматических категорий, категория времени в разных языках отличается грамматическими средствами своей репрезентации. В русском синтаксисе эта категория находится в тесной, неразрывной, связи с категориями вида и таксиса. Именно особенностями взаимодействия названных трех категорий объясняются ошибки наших учащихся типа: *Когда она вышла, она погасила свет; Когда я проводил друга, я ответил на его вопросы: Когда она завтракала, она оделась; Когда она стелила постель, она легла спать.* Если на долингвистическом уровне фрагменты действительности в сознании учащихся скоординированы идентично, то языковое воплощение суждений об этих отношениях имеют в русском языке свои особенности, что создает трудности при их экспликации иностранцами.

Сложноподчиненные временные предложения (СПВ) с союзом *пока* рассматриваются в лингвистической литературе как выражение отношений ограничительной одновременности. «Союз **пока,** – пишет Л. С. Крючкова, – вносит в предложение дополнительный оттенок ограничительного значения: событие, о котором говорится в главной части, совершается именно в тот период, который ограничен временем, обозначенным в придаточной части. Например, в предложении: *Пока утром все спали, я бегал на речку купаться* действие главного предложения *бегал купаться* совершается только в промежуток *пока все спали*» [5, с. 351].

Среди ограничительной одновременности выделяются отношения полной и частичной ограничительной одновременности. Разграничение этих отношений проводится преимущественно на основе соотношения видовой семантики глаголов-сказуемых главного и придаточного предложений (ГП и ПП)[1].

Полная одновременность, по мнению авторов, достигается прежде всего при условии, если в ГП и ПП употреблены глаголы-сказуемые несовершенного вида (НСВ), а «ситуации, названные в ГП и ПП, совпадают во времени» [9, с. 552]. «На фоне длящегося действия придаточной части может происходить такое же длящееся действие главной части, и в этом случае оба глагола-сказуемых имеют форму НСВ, передавая значение полной одновременности событий» [8, с. 238]. Именно комбинации видовременных форм глаголов в главной и зависимой частях СПВ отводится решающая роль в выражении полной ограничительной одновременности. «Если действия, о которых говорится в главном и придаточном предложениях с союзом **пока**, полностью совпадают во времени, – отмечается в «Сборнике упражнений по синтаксису русского языка с комментариями», – то сказуемые в главном и

[1] Первые шаги в этом направлении были предприняты под нашим руководством в магистерской работе И. О. Ясиновской «Сложноподчиненные временные предложения с союзами *пока* и *пока не*». – М., 2016.

придаточном предложениях всегда выражены глаголами несовершенного вида» [10, с. 111].

Однако только ли видовременная семантика глаголов предопределяет характер отношений СПВ с союзом *пока*? Например, в предложениях:

**Пока мы жили на даче, дети смотрели телевизор;*

**Пока они ехали из Москвы в Иркутск, он читал ее письмо*

ситуации реализуются в одном времени и глаголами одного, несовершенного, вида, но предложения вряд ли можно назвать корректными, потому что ситуации, обозначенные в ПП, длятся дольше, чем ситуации, названные в ГП. И только расширив (различными способами) во временном аспекте ситуации, заключенные в ГП, до временных рамок, отраженных в ПП, можно сделать предложения корректными:

Пока мы жили на даче, дети ***смотрели телевизор, купались, ходили в лес****;*

Пока мы жили на даче, дети ***часто*** *смотрели телевизор;*

Пока мы ехали из Москвы в Иркутск, он читал ее ***письма;***

Пока мы ехали из Москвы в Иркутск, он ***много раз*** *читал ее письмо* и т. д.

Несколько преувеличенной кажется роль не только видовременной семантики глаголов-сказуемых ГП и ПП, но и роль союза *пока*, в формировании ограничительных отношений. Нельзя не согласиться с тем, что союз «вносит в предложение дополнительный оттенок ограничительного значения» [5, с. 351] и «фиксирует начальную и конечную границу, период совершения действия главной части не выходит за временные рамки действия придаточной» [7, с. 221], однако отношения полной ограничительной одновременности не передается самим союзом, союз только «фиксирует», эксплицирует отношения ограничительной одновременности. Основную роль играет координация пропозиций ГП и ПП: союз *пока* может быть употреблен только в том случае, если пропозиции ГП и ПП полностью совпадают по длительности.

При выражении частичной ограничительной одновременности исследователи обращают внимание (как и в случае полной ограничительной длительности) только на видовую семантику глаголов-сказуемых ГП и ПП: «в предложениях с союзом пока возможно соотношение разновидовых форм, при этом более частотным является наличие в придаточной части формы НСВ, а в главной – формы СВ: *Пока они ходили, взошло солнце и ярко осветило сад*» (А. Чехов). В предложениях подобного типа ПП обозначает длительное действие, на фоне которого происходит действие ГП» [8, с. 238]. В некоторых пособиях в качестве условия формирования частичной ограничительной одновременности называется возможность поставить к придаточной части вопрос «За какое время совершается действие главной части предложения?» [11: с. 152], что является абсолютно недопустимым в практике преподавания РКИ.

Обратимся снова к отрицательному материалу, который доказывает, что сочетание видового значения глаголов и наличие союза *пока* при созда-

нии семантики частичной ограничительной одновременности являются условиями, хотя и определяющими, однако не единственными.

Рассмотрим предложения:

(1) Пока мы ехали с работы домой, он прочитал письмо.

(2) *Пока мы ехали с работы домой, он прочитал «Анну Каренину».

(3) *Пока мы ехали из Москвы в Иркутск на поезде, он прочитал письмо.

(4) Пока мы ехали из Москвы в Иркутск на поезде, он прочитал «Анну Каренину».

В первом (1) и четвертом (4) предложениях пропозиции ГП и ПП совпадают по длительности во временном аспекте, что делает предложения корректными. Во втором (2) же и третьем (3) предложениях такой совместимости не обнаруживается: длительность ситуации ПП (2) слишком мала, чтобы уместить во времени ситуацию ГП, а в предложении (3) – слишком велика для реализации ситуации, названной ГП.

Любая возможность представить ситуации, названные ГП и ПП, совпадающими по длительности друг с другом, делают предложения корректными: *Пока мы ехали из Москвы в Иркутск на поезде, он прочитал* ***все письма.*** *Пока мы ехали из Москвы в Иркутск на поезде, он прочитал* ***несколько писем.*** *Пока мы ехали из Москвы в Иркутск на поезде, он* ***несколько раз*** *прочитал письмо*. *Пока мы ехали с работы домой, он прочитал* ***первые страницы из «Анны Карениной»****.*

Очень часто созданию координации смыслов, релевантной для возможности выразить частичную ограничительную длительность, является перфектная семантика глагола-сказуемого в главном предложении: *Пока мы* ***спали****,* ***пошел*** *снег.* Мы видим результат – снег пошел, но вместе с тем это результат, имплицирующий последующую длительность (снег начал идти и идет), так как данный глагол относится к группе глаголов начинательного образа действия. По этому поводу А. В. Бондарко отмечал: «Имплицитная длительность связана и с выражением (формами СВ) доведенной до предела начальной фазы действия. Это предполагает последующее имплицитное продолжение процесса, а отсюда вытекает длительность продолжения» [1, с. 104].

Таким образом, решающим условием при выражении ограничительной одновременности (как полной, так и частичной), и тем самым релевантным для выбора союза *пока* в качестве средства связи, является координация пропозиций ГП и ПП: данные пропозиции должны отражать ситуации, по длительности имплицитно или эксплицитно совпадающие друг с другом. При полной ограничительной одновременности пропозиция, названная ПП ограничивает во времени существование пропозиции, названной ГП. При выражении частичной ограничительной одновременности пропозиция, названная ПП, является фоном, на котором точечно реализуется пропозиция, обозначенная в ГП с имплицитно выраженной длительностью (предшествующей или последующей).

Библиографический список

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. – Л. : Наука, 1987. – 349 с.
2. Витгенштейн Л. В Логико-философский трактат. – М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. – 288 с. (Сер. «Памятники философской мысли»).
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
4. Дурст-Андерсен П. В. Ментальная грамматика и лингвистические супертипы // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 30–42.
5. Крючкова Л. С. Русский язык как иностранный: Синтаксис простого и сложного предложения : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – 464 с.
6. Моисеев Б. М. Время как философская категория и как физическая величина // Вестник ВГУ. Сер. Философия. – 2013. – № 1. – С. 155–162.
7. Панков Ф.И. Выражение временных отношений // Книга о грамматике. – СПб. : Златоуст, 2018. – 752 с.
8. Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов // Кокорина С. И., Бабалова Л. Л., Мете Н. А. [и др.]. – М. : Русский язык, 1985. – 408 с.
9. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
10. Сборник упражнений по синтаксису русского языка с комментариями: простое предложение / В. С. Белевицкая-Хализева, Г. В. Донченко, Г. Ф. Лебедева [и др.]. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1961. – 334 с.
11. Сложное предложение. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 200 с.
12. Фурс Л. А. Уровни категоризации в синтаксисе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 304–311.
13. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Р. Якобсон. Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С. 462–482.

© Одинцова И. В., 2022.

УДК 81:1:811.181.1

АСПЕКТЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОКРАШЕННОСТИ НЕОЛОГИЗМОВ КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ*

И. Палоши,
канд. филол. наук, преподаватель
palosi.ildiko@btk.elte.hu
Будапештский университет им. Лоранда Этвеша
Будапешт, Венгрия

Аннотация. В статье рассматриваются неологизмы русского языка коронавирусной эпохи. Анализу подвергаются словообразовательные процессы, в результате которых возникают слова с яркой эмоциональной окрашенностью, имеющие пренебрежительную или ироническую коннотацию. Ис-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003.

следование свидетельствует об активном использовании деривационного арсенала русского языка в бытовом общении, а также при онлайн-коммуникации.

Ключевые слова: неологизмы, язык коронавирусной эпохи, словообразование, семантика, коннотация.

SOME ASPECTS OF EMOTIONAL CONNOTATIONS OF NEOLOGISMS IN THE CORONAVIRUS ERA

I. Pálosi
Eötvös Loránd University
University of Budapest Loranda Eötvös
Budapest, Hungary

Abstract. The article examines the neologisms of the Russian language of the coronavirus era. Word-formation processes are analyzed, which result in words with a strong emotional content, having a pejorative and ironic connotation. The study shows the active use of the derivational arsenal of the Russian language in everyday communication, as well as in online communication.

Keywords: neologisms, covid-19 language, word-formation, semantics, connotation.

Введение

В последние два года, во время коронавирусной эпидемии русский язык обогатился огромным количеством новых слов, новых наименований новых явлений. К неолексемам можно причислить многочисленные заимствования (*зум-конференция*), дериваты от интернационализмов (*ковидник*), кальки (*социальная дистанция*), а также слова, которые появились в результате деривационных процессов, основанных на русских словах (*масочник*). Такой бум словообразования, несомненно, свидетельствует о высокой степени языковой креативности носителей русского языка. Актуальные процессы в лексиконе русского языка находят отражение в многочисленных лингвистических исследованиях, см. [1]; [2]; [3]; [4]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9]; [10]; [11], а также в словаре [12].

Как нам кажется, в актуальных словотворческих процессах активизируется полный словообразовательный потенциал русского языка. Для образования неологизмов употребляются префиксы (*анти-, без-/бес-, до-, за-, квази-, недо-, об-, от-, пере-, пост-, при-, про-, против-, псевдо-, с-, супер-, у-*: *антимасочник, антиваксить, бессимптомник, доковидный, докоронный, заковидиться, квазикарантин, обковидить, отковидить, перековидить, постковидный, постлокдаунский, провакцинный, противокоронавирусный, приковидиться, псевдоизоляция, сковидиться, суперраспространитель, уковидиться,*), суффиксы (*-ец, -ирова-, -ист, -ник, -нича-, -ниц-, -ну-,-нут-, -ова-, -ствова-, -шик, -щик: карантинец, ковидизировать, ковидист, дистанцион-*

ник, ковидничать, ковидница, ковиднуться, ковиднутый, ковидовать, ковидствовать, дистанционщик), а также конфиксы (*до-…-ся, за-…-ся, на-…-ся, рас-…-ся: досамоизоливаться, закарантиниться, накарантиниться, раскарантиниться*), наблюдается активизация процессов универбации (*дистанционка, коронка, удалёнка*), усечения (*дистант, наружа, корона*), словосложения (*вакцинотурист, вирусоскептик, ковидоистерия*), контаминации (*короноик – коронавирус + параноик; ковидарность – ковид + солидарность; карантейли – карантин + коктейли, гречник – гречка + грешник*) и других деривационных процессов.

Большая часть новых дериватов представляет собой не объективное описание внешних обстоятельств, каких-то признаков лиц или предметов, а отражение данных явлений в сознании говорящих, и тем самым выражает субъективное отношение говорящих к актуальной действительности. Языковая субъективация наблюдаемых внешних явлений часто происходит путем употребления оценочных аффиксов. Если принять во внимание историко-культурный контекст эпидемии, неслучайно, что среди неологизмов доминируют лексемы с отрицательной коннотацией. Можно полностью согласиться с Х. Вальтером и В. М. Мокиенко в том, что текущие словообразовательные процессы, связанные с пандемией, в большей степени носят эмоциональный, эмотивный и экспрессивный характер, чем номинативный характер [1, с. 33].

Повышенная эмоциональная насыщенность лексем коронавирусной эпохи часто проявляется в лексическом значении слов: *голомордый, голоносик, домосек, ковид-идиот, ковид-истерика, ковид-коллапс, ковид-паникёр, ковидопсихоз, коронадепрессия, коронаклетка, коронамонстр, намордочный режим, намордник, наручники* и т. д., которые Й. Митурска-Бояновска называет неосемантизмами [7, с. 460].

Наша статья посвящается новейшим дериватам в русском языке, выражающим пренебрежение, недовольство, негодование и иронию. Исследование проводится на неолексемах, в которых основа слов не обладает никакой коннотацией, их оценочный оттенок появляется за счет аффиксов. Заметим, что употребление таких неологизмов часто носит окказиональных характер. В рамках настоящего анализа попытаемся рассмотреть, какими деривационными способами можно передать отрицательное отношение к действительности, пренебрежение, иронию, пониженную или повышенную интенсивность действия.

1. Образование неолексем при помощи префиксоидов и суффиксоидов с оценочным значением.

Перечисляемые ниже префиксоиды и суффиксоиды придают отрицательную коннотацию производящему слову и тем самым выражают негативное или ироническое отношение говорящего к обозначаемому лицу или явлению. Некоторые из данных дериватов имеют пренебрежительный оттенок:

анти-: антиковидник, антимаскер, антимасочник, антимасочничество, антиперчаточник, антипрививочник;

-голик: карантиноголик;

квази-: квазикарантин, квази-локдаун, квази-изоляция;

-кратия: вакцинократия, карантинократия, ковидократия, коронакратия, эпидемиократия;

-ман/-мания: ковидоман/ковидомания, гречкомания, карантиноман/каранти-номания, маскоман/маскомания;

-оид: вакциноид, карантиноид, ковидоид;

псевдо-: псевдоизоляция, псевдоковид, псевдокоронавирус, псевдосамоизоляция, псевдоэпидемия, псевдопандемия;

-фоб/фобия: коронафоб/коронафобия, ковидофоб/ковидофобия/ ковидофобить, карантинофоб/карантинофобия, вакцинофоб, вакцинофобия.

Дериваты с суффиксоидом *-фил* обозначают человека, соблюдающего противоэпидемические меры: *ковидофил, коронафил, маскофил, карантинофил; вакцинофил* ’сторонник вакцинации’. Суффиксоид *-филия* передает принятие явлений, связанных с производящим словом: *вакцинофилия, карантинофилия, маскофилия.*

2. Образование имен существительных и прилагательных при помощи суффиксов.

Перечисляемые ниже суффиксы имеют разговорный, иногда просторечный оттенок. Интересно заметить, что среди оценочных суффиксов, передающих пренебрежительное значение, можно обнаружить и уменьшительно-ласкательные суффиксы, правда, они в большей мере имеют шутливый характер:

-аст/-аст-: ковидаст, ковидастый;

-ец: домосиделец, карантец, карантинец, ковидец, коронавирусец, сидидомец;

-ин-: ковидина;

-ище: ковидище, локдаунище;

недо-: недовирус, недоизоляция, недокарантин, недоковид, недокоронавирус, недолокдаун, недоограничение, недосамоизоляция, недостатистика;

-ня: ковидня;

-оид: карантиноид, ковидоид;

-ша: короняша;

-щина: ковидовщина;

-шка: короняшка, самоизоляшка;

-ут-: вируснутый, ковиднутый;

-ушка: ковидушка, удаленушка.

3. Образование глаголов.

Суффикс *-ну-*, как известно, передает внезапный, моментальный характер действия, см. *ковиднуться, коронавируснуть*. Сема моментальности подчеркивается и сочитается с семой резкости, грубости в значении суффикса *-ану-*: см. *ковиданyть*.

(1) Маску – на себя. Можно ли сохранить ментальное здоровье, когда мир *ковиднулся* (https://music.yandex.ru).

(2) … педагог мог бы на эти деньги коронавируснуть, а теперь будет, как все, сидеть на гречке (https://vk.com/wall-23419392_4012713?lang=en).

(3) Однако я вот, прогуливаясь по соцсетям, заметил, что почти весь мой бывший круг знакомств *ковиданулся* на всю голову (https://kondratio.livejournal.com/1285646.html).

Дериваты с конфиксом *на-+-ся* типа *наплакаться, навоеваться, накупаться* в лингвистической литературе обычно называются сативно-аугментативным способом глагольного действия. В семантическом поле данных глаголов темпоральное значение продолжительности или квантитативное значение интенсивности сочетается с прагматическим значением насыщенности. Чаще всего они оценивают действие положительно и передают значение удовлетворенности субъекта действия. Однако в зависимости от лексического значения глагольной основы данные глаголы могут указать не на насыщенность, а на пресыщенность субъекта действием, см. глаголы *наголодаться, намучиться, набедствоваться*. Следовательно, они могут иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. В случае коронавирусной лексики очевидно, что мы имеем дело с негативной оценкой ситуации. См. примеры (4)–(6).

(4) *Накарантинились*: россияне выступают против удаленной работы (https://chechersk.fpb.1prof.by/publications/news).

(5) Представители этого знака уже вдоволь «*накарантинились*» и даже «*налокданились*», поэтому бездельничать они совсем не настроены (https://vesti.ua/lite/goroskop/mesyats-aktivnosti-i-spokojstviya-goroskop-na-aprel).

(6) «*Насамоизолировался»*: в Перми человек напал на здание краевой прокуратуры (https://progorod59.ru/news/34752).

Доведение действия до нежелательного результата можно выразить при помощи конфикса *до-…-ся*, который содержит семы продолжительности и повышенной интенсивности. Немногочисленные глаголы финально-

отрицательного способа действия явно указывают на отрицательное отношение говорящего к чрезмерной продолжительности действия. См. примеры (7)–(8).

(7) Мы самоизолировались-самоизолировались и *досамоизолировались*. Какой следующий приказ – самоликвидироваться? (https://yatakdumayu.ru).

(8) Уманский вчера сказал, что *докарантинились* до того, что осенью будем есть траву с газонов, причем в прямом смысле (https://forum.taxi-service.com.ua/bytovuha/koronovirus).

4. Итоги.

Подытоживая наш анализ, с уверенностью можно установить, что в актуальных словообразовательных процессах большую роль играют оценочные аффиксы, выражающие отрицательное отношение к актуальной действительности.

Богатая лексика, относящаяся всего лишь к нескольким словообразовательным гнездам (*вакцина, изоляция, карантин, ковид, коронавирус, локдаун, маска, самоизоляция* и т. д.) показывает широкий диапазон возможностей для передачи субъективной оценки. Представленные примеры свидетельствуют о том, что помимо образного наименования лиц, явлений, действий, связанных с коронавирусной эпидемией, нередко происходит и их стигматизация.

Библиографический список

1. Вальтер Х. Аксиологическое пространство коронавирусной паремиологии (на славянском фоне) / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Новые слова и словари новых слов / под ред. Н. В. Козловской. – СПб. : ИЛИ РАН, 2020. – С. 33–44.

2. Геккина Е. Н. Ковид versus коронавирус: из наблюдений за регулярными случаями деривационных различий // Новые слова и словари новых слов / под ред. Н. В. Козловской. – СПб. : ИЛИ РАН, 2020. – С. 148–156.

3. Громенко Е. С. «Коронный» потенциал русского языка начала 2020-х годов // Новые слова и словари новых слов / под ред. Н. В. Козловской. – СПб. : ИЛИ РАН, 2020. – С. 45–61.

4. Козловская Н. В. «Коронавирус: бой продолжается…» (метафора войны в пандемийном дискурсе) // Новые слова и словари новых слов / под ред. Н. В. Козловской. – СПб. : ИЛИ РАН, 2020. – С. 101–109.

5. Левина С. Д. Новая болезнь в глагольной лексике коронавирусной эпохи // Новые слова и словари новых слов / под ред. Н. В. Козловской. – СПб. : ИЛИ РАН, 2020. – С. 157–166.

6. Минеева З. И. Неодериваты в русском языке эпохи пандемии // Новые слова и словари новых слов / под ред. Н. В. Козловской. – СПб. : ИЛИ РАН, 2020. – С. 167–177.

7. Митурска-Бояновска Й. Словообразование в русском языке в эпоху коронавируса // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное / под ред. Л. В. Рацибурской. – М. : Флинта, 2021. – С. 459–468.

8. Митурска-Бояновска Й. Словообразовательная контаминация в эпоху коронавируса (на материале разговорной речи и газетных заголовков) // Новые слова и словари новых слов / под ред. Н. В. Козловской. – СПб. : ИЛИ РАН, 2020. – С. 178–187.

9. Павлова А. С. Наименования коронавирусной инфекции Covid-19 в русском, английском и немецком языках: культурно-национальная специфика // Новые слова и словари новых слов / под ред. Н. В. Козловской. – СПб. : ИЛИ РАН, 2020. – С. 126–138.

10. Палоши И. О семантическом соотношении приставок недо- и пере- в зеркале лексики последних месяцев // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное / под ред. Л. В. Рацибурской. – М. : Флинта, 2021. – С. 552–560.

11. Радбиль Т. Г. Лексема самоизоляция как семантический неологизм в русской речи новейшего периода // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное / под ред. Л. В. Рацибурской. – М. : Флинта, 2021. – С. 640–649.

12. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост.: Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников [и др.] ; ред. кол.: Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Ю. С. Ридецкая. – СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с.

© Палоши И., 2022.

УДК 379.83:001.4

ЗАИМСТВОВАННЫЕ НЕОНОМИНАЦИИ В РАМКАХ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПРОДУКЦИЯ, РЕАЛИЗУЕМАЯ В ОБЪЕКТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ»

А. И. Савостина,
магистр, специалист по туризму
anfisa_savostina@mail.ru
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ЧТСУП «Сервис-Шкода» Турагентство «Немново Тур»
Гродно, Республика Беларусь

Аннотация. Научно доказано, что языки высокоразвитых стран прирастают за счет специальной лексики (более 90 % новых номинаций). Терминология сферы общественного питания, ввиду своей междисциплинарности, аккумулирует множество неономинаций, заимствованных из мировых языковых культур. В статье приводятся результаты научного исследования специальной лексики данной отрасли, а также анализируется степень ассимиляции заимствованных номинаций в русском языке.

Ключевые слова: терминология, термин, неономинация, ассимиляция, общественное питание.

BORROWED NEONOMINATIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE THEMATIC GROUP “PRODUCTS SOLD IN PUBLIC CATERING FACILITIES”

A. I. Savostina
Yanka Kupala State University of Grodno,
CHTSUP "Service-Skoda" Travel agency "Nemnovo Tour"
Grodno, Republic of Belarus

Abstract. It has been scientifically proven that the languages of highly developed countries are growing due to specialized vocabulary (more than 90 % of new nominations). The terminology of the public catering field, due to its interdisciplinarity, accumulates many neonominations borrowed from world linguistic cultures. The article presents the results of the scientific study of the specialized vocabulary of this industry, and also analyzes the degree of assimilation of borrowed nominations in the Russian language.

Keywords: terminology, term, neonomination, assimilation, public catering.

За последние десятилетия темпы глобальной интеграции стали гораздо более высокими и впечатляющими благодаря беспрецедентным достижениям в таких сферах, как технологии, средства связи, наука, транспорт и промышленность [1]. Глобализация затрагивает и такую часть общества и его культуры, как язык. Языковая глобализация – «это особая форма языковых контактов, при которой решающую роль начинают играть средства массовой информации» [3, с. 126].

С развитием информационных технологий изменения в языке стали происходить стремительнее, чем столетия назад. Неономинации приходят в язык практически ежедневно благодаря широкому культурному обмену посредством социальных сетей. Тесное взаимодействие языковых культур порождает массу неономинаций в сфере общественного питания, в частности, среди реализуемой продукции в заведениях данной отрасли.

В рамках магистерской диссертации автором были инвентаризированы 500 специальных номинаций сферы общественного питания г. Гродно, функционирующих в рекламных текстах сети Интернет. После систематизации терминологии по тематическому и деривационному признакам было выявлено порядка 157 номинаций продукции, реализуемой в объектах общественного питания, поделенных на 13 тематических групп.

Именно в раздел «Продукция, реализуемая в объектах общественного питания» вошло наибольшее количество неономинаций, заимствованных русским языком из самых разнообразных языковых культур.

Поскольку итальянская кухня является наиболее популярной европейской кухней мира, то и количество новых номинаций, заимствованных из итальянского языка, внушительно (частотность всех приведенных далее специальных номинаций взята из газетного корпуса «Национального корпуса русского языка» [2]):

- *болоньезе* (58 вхождений) – от итал. *pasta alla bolognese*, вид пасты, родом из Болоньи*;*
- *карбонара* (19 вхождений) – от итал. *pasta alla carbonara;*
- *прошутто* (16 вхождений) – от итал. *prosciutto* ‘окорок’, разновидность итальянской ветчины;
- *лазанья* (33 вхождения) – от итал. *lasagne,* блюдо, приготовленное из тонких листов теста со слоями разной начинки;
- *кальцоне* (1 вхождение) – от итал. *calzone*, закрытая форма пиццы в виде полумесяца;
- *тирамису* (36 вхождений) – от итал. *tiramisù* ‘взбодри меня’, многослойный десерт на основе сыра маскарпоне, кофе и печенья савоярди;
- *брускетта* (4 вхождения) – от итал. *bruschetta*, закуска из поджаренного хлеба, натертого чесноком и оливковым маслом;
- *ризотто* (75 вхождений) – от итал. *risotto* ‘маленький рис’ традиционное блюдо из риса;
- *латте* (58 вхождений) – от итал. *caffè latte* ‘кофе с молоком’;
- *макиато* (3 вхождения) – от итал. *caffè macchiato* ‘запятнанный кофе’.

Как видно, новыми для русского языка, т. е. наименее ассимилированными, терминами являются *кальцоне, брускетта, макиато*, в то время как *тирамису, лазанья, болоньезе* можно считать уже частично ассимилированными.

Часть новых номинаций сферы общественного питания была заимствована из французского языка:

- *макарун* (1 вхождение) – от фр. *macaron*, французское кондитерское изделие из миндальной муки в форме печенья;
- *мусс* (70 вхождений) – от фр. *mousse* ‘пена’, фирменный французский десерт;
- *суфле* (68 вхождений) – от фр. *soufflé*, выпекаемое блюдо из яичных желтков и взбитых белков;
- *фондю* (70 вхождений) – от фр. *fondue* ‘растопленный, тянущийся’, национальное блюдо швейцарской кухни из смеси различных швейцарских сыров с добавлением специй;
- *фраппе* (7 вхождений) – от фр. *frappé* ‘охлажденный’, холодный кофе, покрытый молочной пеной.

Неономинации *макарун* и *фраппе* на данный момент полностью не ассимилированы.

Значительный объем специальной лексики, имеющей отношение к продукции заведений питания, «пришел» в русский язык из английского:

- *чизкейк* (15 вхождений) – от англ. *cheese* + *cake* ‘сырный пирог’, блюдо, изготовленное из творога / творожного сыра;
- *маффин* (6 вхождений) – от англ. *muffin*, американский вариант кекса;
- *дринк* (12 вхождений) – от англ. *drink* ‘напиток’;

• *милк-шейк* (1 вхождение) – от англ. *milkshake* ‘трясти молоко’, молочный коктейль;

• *наггетсы* (24 вхождения) – от англ. *nugget* ‘самородок’, ‘кусочек (чего-л. ценного)’, американское блюдо из филе куриной грудки в хрустящей панировке;

• *буррито* (31 вхождение) – от исп. *burrito*, ‘ослик’, блюдо мексиканской кухни, представляющее собой разнообразную начинку (мясо, рис, овощи, сыр), завернутую в лепешку;

• *хот-дог* (66 вхождений) – от англ. *hot dog* – ‘горячая собака’, булка с сосиской, приправленной соусом;

• *снек* (34 вхождения) – от англ. *snack* ‘легкая закуска’;

• *микрогрин* (0 вхождений) – от англ. *microgreen*, молодые побеги растений, используемые в пище и для украшения блюд;

• *смузи* (43 вхождения) – от англ. *smoothie*, *smooth* ‘однородный, мягкий’, напиток из смешанных в блендере ягод, фруктов, овощей с добавлением молока, сока, льда или мороженого;

• *топпинг* (4 вхождения) – от англ. *topping* ‘вершина’, украшение блюда, чаще понимается как украшение коктейля / кофейного напитка;

• *крафтовое пиво* (9 вхождений) – от англ. *craft beer* ‘ремесленное пиво’, пиво, произведенное небольшими местными пивоварнями по индивидуальным рецептам.

Можно заметить, что номинации, имеющие отношение к быстрому питанию (фастфуду), например, *хот-дог*, *буррито*, находятся на этапе частичной ассимиляции. *Милк-шейк*, несмотря на кажущуюся популярность, является новым термином в русском языке, наравне с *маффин, микрогрин, топпинг, крафтовое пиво.*

Следующие «экзотические» номинации также являются новозаимствованными:

• *хумус* (11 вхождений) – от араб. حمص [хумус] ‘нут’, вид закуски на основе нутового пюре;

• *ласси* (6 вхождений) – от хинди लस्सी [лассии], индийский напиток на основе йогурта.

А номинации, называющие блюда грузинской кухни, постепенно закрепляются в русском языке:

• *хачапури* (76 вхождений) – от груз. ხაჭო [хачо] ‘творог’ + პური [пури] ‘хлеб’, традиционное грузинское мучное изделие в виде лодочки с сыром;

• *хинкали* (42 вхождения) – от груз. ხინკალი, блюдо пельменного типа в грузинской кухне.

Сфера общественного питания является современной развивающейся междисциплинарной предметной областью, терминология которой постоянно пополняется новыми единицами. Соответственно, стихийно складывающаяся терминология, в том числе в сети Интернет, требует грамотного упорядочения посредством использования инструментария терминологического менеджмента. В результате чего, с опорой на международные стандарты,

конструируется терминосистема, позволяющая определить место конкретной номинации в системе, наиболее и наименее развитые структуры терминов данной сферы, а также отношения между отдельными единицами, включая межъязыковые соответствия.

Библиографический список

1. Глобализация [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml (дата обращения: 01.03.2021).

2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: https://ruscorpora.ru/new/ (дата обращения: 28.02.2021).

3. Пикалев Н. С. Влияние глобализации на становление американской языковой культуры // Минбар. Исламские исследования. – М., 2014. – Т. 7, № 1. – С. 125–133.

4. Рычкова Л. В. Терминология в различных видах коммуникации // Терминология и знание: материалы II Международного симпозиума (г. Москва, 21–22 мая 2010 г.). – М. : Азбуковник, 2010. – С. 63–70.

© Савостина А. И., 2022.

УДК 81′37: 81′42

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СУБЪЕКТНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Е. В. Сирота,
канд. филол. наук, доцент
sirotaelena@mail.ru
Бельцкий государственный университет им. Алеку Руссо
Бельцы, Молдова

Аннотация. В работе рассматривается функционально-семантическое поле субъектности, структура его макро- и микрополей; анализируются средства репрезентации данного поля; выявляется специфика его семантик; особое внимание уделяется роли данного поля в рамках языковой картины русского этноса; дается анализ функционирования компонентов исследуемого поля в современном художественном дискурсе.

Ключевые слова: субъектность, бессубъектность, функционально-семантическое поле, ядро, периферия, агентивность, семантическая группа, парадигма.

REPRESENTATION OF THE FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD "SUBJECTIVITY" IN MODERN ARTISTIC DISCOURSE

E. V. Sirota
Alecu Russo Balti State University,
Balti, Moldova

Abstract. The work examines the functional-semantic field of subjectivity, the structure of its macro- and microfields; means of representation of the given

field are analyzed; the specificity of its semantics is revealed; special attention is paid to the role of this field in the framework of the linguistic picture of the Russian ethnos; the analysis of the functioning of the components of the investigated field in modern artistic discourse is given.

Keywords: subjectivity, non-subjectivity, functional-semantic field, core, periphery, agency, semantic group, paradigm.

В рамках современной лингвистической парадигмы вызывают интерес разнообразные картины мира, в которых изучаются не только культуроспецифичная лексика, но внимание привлекают и явления в области грамматики. Исследователи продолжают изучение функционально-семантических полей. В данных исследованиях особое место занимает поле субъектности, в частности, репрезентанты поля – безличные предложения. Так, в 1990-е годы ученые вели дискуссию о роли безличных предложений в отражении менталитета русского этноса. Высказывались мнения, что отмеченные синтаксические единицы отображают крайний фатализм русского народа, его пациентивную ориентацию, непричастность к течению явлений, подлинные причины которых до сих пор остаются непостижимыми (А. Вежбицкая).

Как справедливо отмечает Е. В. Устинова, «активное функционирование безличных предложений и появление новых лексем с семантикой безличности на протяжении всего XX столетия связано не столько с особенностями менталитета русского народа вообще, сколько с новой парадигмой культуры прошлого века (Ф. Ницше, Д. Чижевский, Д. Лихачев, А. Якимович, Е. Покровская), оказавшей огромное влияние и на развитие языка» [7, с. 5].

Следует отметить, что до сих пор в русском языкознании нет единого исчерпывающего определения оппозиции «субъектность / бессубъектность», так как не только само содержание этой пары, но и дефиниции семантических категорий, входящих в ее состав, в лингвистике довольно размыты. Важно отметить, что языковеды практически избегают использования терминов «агентивность» и «неагентивность», предпочитая им традиционные номинации категорий, связанных с понятием субъекта в целом: личность / безличность, подлежащность / бесподлежащность. В какой-то степени эти термины можно назвать активно употребляемыми как терминологические синонимы, поскольку они по своему содержанию отсылают нас к субъекту – его наличию или отсутствию в той или иной синтаксической конструкции (личные и безличные предложения, подлежащные и бесподлежащные конструкции и пр.). Однако мы полагаем, что однозначными синонимами их назвать нельзя, и не соглашаемся с тем, что некоторые исследователи (Н. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е. Галкина-Федорук и др.) в своих трудах употребляют эти термины недифференцированно. Более того, как нам думается, рассматриваемая оппозиция не является жесткой антонимичной структурой.

Исследователь Н. А. Слюсарева видит в категории персональности воплощение общеязыковой и функционально-семантической категории лица,

которая в ряде европейских языков реализуется в парадигмах притяжательных и личных местоимений и в рамках системы процессуального словоизменения [6, с. 93]. В данную парадигму входят три основных элемента, отражающиеся в сознании участников коммуникации: говорящего – слушающего – предмета речи. Первое лицо указывает на тождество участника факта сообщения с активным репрезентантом коммуникации, второе лицо свидетельствует о его идентичности реальному или потенциальному пассивному коммуникатну, т. е. адресату. Р. О. Якобсон и Э. Бенвенист выделяют следующие лица: а) личное – неличное; б) внутри личного: 1-е лицо (указывающее на отправителя) – 2-е лицо (указывающее на любого мыслимого участника сообщения и, более узко, на адресата); внутри 2-го лица: инклюзивное (указывающее на участие отправителя) – эксклюзивное (без такого указания). Это различие проводится в повелительном и побудительном наклонениях, ср.: *отдохнем* и *отдохни, отдохнемте* и *отдохните* [9, с. 103]. Лицо связано парадигматическими и функциональными отношениями с другими категориями глагола: наклонением, видом, временем, залогом. Отношения между 1-м, 2-м и 3-м лицами неоднородны и получают различные истолкования: «лицо» (1-е и 2-е) противопоставляется «не-лицу», «собственно-личное» значение – «предметно-личному». Категория лица относится к группе «синтагматически обусловленных» согласовательных категорий, выражающих «отношения субъекта и предиката в предложении» [5, с. 271].

А. В. Бондарко предполагает, что «высказывания типа *Светает / Смеркается / Моросит* по отнесенности их содержания к внешнему миру за пределами говорящего и адресата сопоставимы с семантикой 3-го лица, когда речь идет о предметах» [3, с. 24]. Отрицается тождество со значением лица, так как при безличности отсутствует указание на определенный предмет и на какой бы то ни было субъект. Вместе с тем ученым подчеркивается общее указание на «внешний источник» предикативного признака («от природы», «от окружающей среды», а не «от участников речевого акта»), которое вряд ли можно отрицать.

По мнению А. В. Бондарко, в истолковании семантических категорий важнейшее значение имеет признак онтологизма. Этот признак, с одной стороны, состоит в констатации детерминации рассматриваемых категорий восприятием окружающей действительности, а с другой – в тенденции лингвистики выявить существование категорий семантики, реализация которых осуществляется в процессах речемыслительной деятельности [3, с. 31]. Вслед за категорией личности/безличности, которую ряд исследователей называют когнитивно-коммуникативной (С. Недобух, И. Сусов и др.), можно представить агентивность и неагентивность как ситуации, которые, по определению, относятся к сфере онтологии и представляют собой ансамбль (или систему) взаимосвязанных онтологических компонентов. Компоненты можно разделить на два типа: партиципанты, или участники ситуации, и признаки, т. е. такие характерные признаки, название которых – партиципанты. Признаки и партиципанты подвергаются дальнейшей субкатегоризации. Среди признаков также можно выделить такие, как свойства, состояния, процессы, дей-

ствия и отношения. Партиципанты классифицируются по категориальным и реляционным характеристикам [2, с. 69].

На наш взгляд, трактовка субъектности как ситуации вполне уместна, так как по своим формально-содержательным характеристикам ситуация сходна с полем, которое также состоит из различных взаимосвязанных компонентов, однако, в отличие от ситуации, имеет более сложную иерархию (к примеру, в структуре поля выделяются макро- и микрополя, в то время как ситуация представляет собой менее сложное структурное образование – в ее пределах достаточно партиципанта, признака и их взаимоотношений, в ситуации нет сложных переплетений функционально-семантического характера, какие мы наблюдаем в ходе анализа поля). Термином «поле» обозначается в языкознании совокупность содержательных единиц (слов, понятий), покрывающую определенную область человеческого опыта [1, с. 334]. Функционально-семантическое поле (ФСП) – это система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т. п.), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций [4, с. 21–22].

При рассмотрении субъектности на первом месте стоит актант – существенный припредикатный элемент положения дел, необходимый для описания ядра семантической структуры. Во вторую очередь рассматривается предикат и его семантико-синтаксические особенности. Обусловлено это тем, что уже в самом названии мы расставляем акценты на актантах: немаловажную роль играет приоритетное рассмотрение участников ситуации и уже как следствие – их действий (или отсутствия каких бы то ни было действий).

Коммуникативная роль субъекта речевой деятельности помогает определить его объективные, наиболее существенные характеристики, не зависящие от точки зрения адресанта или ситуации общения. Д. Мюллер противопоставляет понятия «лицо» и «субъект», имея в виду под первым личные формы глагола как составляющие грамматической категории лица глагола, передающие информацию о лице и субъекте.

А. В. Бондарко указывает, что форма первого лица не только обозначает участие субъекта в событии, репрезентированном процессом. Если участник выражен формой множественного числа первого лица, то данная форма обладает возможностью характеристики участия говорящего в речевом акте, а не в событии, обозначенном в высказывании [3]. Неопределенно-личные глагольные формы близки по значению к безличным формам, обозначающим действие субъекта, который не является определенным. Инфинитивная форма, в отличие от безличных глаголов, имеет возможность раскрывать активность субъекта, показывать его разнообразные действия. То есть инфинитив в инфинитивных предложениях может быть средством выражения персональности, как, впрочем, и безличные формы глагола в некоторых случаях.

Т. В. Чумакова отмечает, что инфинитивные предложения являются компонентами синонимических парадигм, каждый из членов которых поразному выражает персональность. В результате говорящий может выбрать

именно ту синтаксическую модель, «которая является оптимальной в определенной речевой ситуации» [8, с. 77].

ФСП «субъектность» – это группировка лексических и грамматических (морфологических и синтаксических) средств русского языка, служащих для выражения различных вариантов семантики агентивности / неагентивности.

В качестве ядра макрополя субъектности выделяем подлежащее в структуре двусоставного предложения, так как в данной позиции роли субъекта (в концепции А. В. Бондарко – носитель предикативного признака) и агенса как припредикатного элемента, который производит либо контролирует свои действия, максимально сближаются.

В пределах макрополя субъектности возможно выделить два основных микрополя, в пространстве которых проявляются: субъект – производитель физического действия или поступка и субъект – производитель ментального действия, субъект – контролер физического действия или поступка и субъект – контролер ментального действия. Выделяются некоторые положения дел (передвижение, физическое воздействие, речевое действие, действие, каузирующее обладание, физиологическое действие, интеллектуальная деятельность, социальное действие), посредством которых субъект и действие (которое он производит и/ или контролирует) «вписан» в тот или иной фрагмент действительности реального, виртуального или внутреннего мира. В анализируемом фрагменте речь идет об активном участнике ситуации, то есть его грамматической характеристике – подлежащее в субъектно-предикатной (подлежащно-сказуемостной) конструкции – будет центром субъектных микрополей (в роли которого и будут выступать субъект – производитель и субъект – контролер соответственно).

Для русской языковой картины мира вышеперечисленные актанты являются семантико-грамматическими компонентами агентивных конструкций, представляющих положение дел как активное, находящееся под контролем, поддающееся рациональному объяснению и иллюстрирующее фрагмент реального (в меньшей степени – виртуального или внутреннего) мира. Такого рода конструкции действенны и динамичны на протяжении всего XX и в нач. XXI в., они функционируют независимо от преобладания черт классической или неклассической парадигм культуры. Агентивные конструкции традиционны и наименее культуроспецифичны по сравнению с безличными структурами.

Для субъекта – производителя физического действия или поступка свойственна активная позиция в положении дел:

– ***Все ходят*** *из комнаты в комнату в расстегнутых поддевках;* ***Все они,*** *когда въезжаешь во двор,* ***подтягиваются и низко-низко кланяются*** (И. Бунин);

– *А* ***девица подошла*** *вплотную к администратору и положила ладони рук ему на плечи;* ***Римский стукнул*** *себя кулаком по голове,* ***плюнул*** *и* ***отскочил*** *от окна;* ***Маргарита прыгнула*** *с обрыва вниз и быстро* ***спустилась*** *к воде* (М. Булгаков);

– *И вот –* ***я*** *снова* ***встал*** *и через половину вагона* ***прошел*** *на площадку;* ***Я заходил*** *по тамбуру в страшном волнении и* ***все курил, курил...*** (В. Ерофеев);

– ***Мы выпивали*** *свое самое дешевое вино;* ***Вышел я с Аней копать*** *песочек; Вчера* ***папа*** *мой* ***приезжал;*** *Вот* ***я*** *и снова* ***хожу*** *за молоком* (А. Битов).

Субъект – производитель физического действия совершает какое-то действие: в приведенных примерах из художественных дискурсов в основном перед нами положение дел, в основе которых – передвижение, собственно физическое (физиологическое) действие, социальное действие. Во всех случаях наблюдается активная позиция субъекта, безусловна подлежащно-сказуемостная связь актанта и предиката в рамках положения дел.

Субъект – производитель ментального действия отличается от предыдущего актанта лишь семантической характеристикой, грамматически он также является подлежащим в субъектно-предикатной конструкции и представляет агенса как активного деятеля (в данном случае имеется в виду такое положение дел, как интеллектуальная деятельность, речевое действие, социальное действие):

– ***Я*** *от удушья едва* ***сумел*** *им* ***ответить*** (В. Ерофеев);

– ***Я бился*** *над этой загадкой три года подряд* (В. Ерофеев);

– ***Я*** *хорошо* ***помню*** *это невыносимое место вашей книги* (А. Битов);

– ***Я*** *этим диагнозам* ***не доверяю****, – сказала Пульхерия* (Л. Петрушевская);

– *Это* ***я*** *все равно* ***не пойму*** (В. Пелевин);

– *Но сам* ***я предполагал****, что дело в другом* (В. Пелевин).

К области периферии поля агентивности можно отнести те случаи репрезентации субъекта, при которых он вербально не выражен, но является компонентом семантической структуры. Субъект можно восстановить только в ходе реконструкции предложения с тем условием, что его можно вписать в контекст определенного положения дел:

– *И даже теперь, когда* ***работы обсуждались*** *в комнате взрослых, дети не пошли в загул, не заорали, не задрались…* (Л. Петрушевская);

– ***Младенец был привезен*** *из роддома, заранее купили приданое, но мальчик (несостоявшийся, неуспевший отец) проявлял себя в дальнейшем беззаботно* (Л. Петрушевская).

В данных примерах прослеживается пересечение изучаемого поля с ФСП залоговости (активности / пассивновсти).

ФСП субъектности пересекается с группой других полей, к примеру, с ФСП залоговости, одушевленности / неодушевленности, определенности / неопределенности. Пересечения будут связаны с характеристиками агенса/неагенса (и их разновидностей) и ролью обозначенных актантов в том или ином положении дел.

Таким образом, рассматриваемое ФСП является одним из важнейших в русском языке, отражающем логические отношения между субъектом действия и остальными актантами предложения.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 606 с.
2. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л., 1977. – 204 с.
3. Бондарко А. В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб. : Наука, 1991. – С. 5–40.
4. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л., 1984. – 136 с.
5. Володин А. П. Лицо // Большой энциклопедический словарь: Языкознание. – М., 1998. – С. 378–385.
6. Слюсарева Н. А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. – М., 1986. – 315 с.
7. Устинова Е. В. Функционально-семантическое поле агентивности / неагентивности в современном русском литературном языке XX – нач. XXI вв. : дис. … канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2007. – 165 с.
8. Чумакова Т. В. Парадигматика однокомпонентных инфинитивных предложений с семантикой возможности / невозможности // Приволжский научный вестник. – 2013. – № 8-2 (24). – С. 74–78.
9. Якобсон Р. О. Избранные работы. – М., 1985. – 389 с.

© Сирота Е. В., 2022.

УДК 821.161.1, 81'32

ЖИТИЯ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ВЛАДИМИРА (АМБАРЦУМОВА) В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЖИТИЙ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ (К ВОПРОСУ О ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ТЕКСТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ)

Е. В. Суровцева,
канд. филол. наук, старший научный сотрудник
surovceva-ekaterina@yandex.ru
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ трех вариантов жития священномученика Владимира Амбарцумова – священника Максима Максимова, Вячеслава Марченко, священника Константина Островского. Нами выявлены разные принципы подачи материала и отбора фактов, количество и источники цитат, проведен предварительный анализ словарного запаса текстов (с цитатами и без цитат), сформулированы проблемы, встающие перед исследователем данной темы.

Ключевые слова: житие, житие новомучеников и исповедников, современная русская литература, текстология, компьютерная лингвистика, лексика, цитата.

THEHOLY LIVES OF HOLY MARTYR VLADIMIR (AMBARTSUMOV) IN THE CONTEXT OF THE MODERN HOLY LIVES OF THE NEW MARTYRS AND CONFESSORS (ON THE ISSUE OF TEXTUAL ANALYSIS OF TEXTS USING COMPUTATIONAL LINGUISTICS METHODS)

E. V. Surovtseva
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Abstract. The article presents a comparative analysis of three variants of the holy life of Holy Martyr Vladimir Ambartsumov – priest Maxim Maksimov, Vyacheslav Marchenko, priest Konstantin Ostrovsky. We have identified different principles of material presentation and selection of facts, the number and sources of quotations, conducted a preliminary analysis of the vocabulary of texts (with and without quotations), formulated the problems facing the researcher of this topic.

Keywords: holy life, holy life of new martyrs and confessors, modern Russian literature, textology, computational linguistics, vocabulary, quotation.

В русле проводимых нами исследований современных житий, в частности житий новомучеников и исповедников (наибольшее количество современных житий относятся именно к мученическому типу, так как в последние годы было канонизировано около 1800 пострадавших за веру), необходим сопоставительный анализ разных вариантов житий одного и того же святого.

На настоящий момент нам известно три жития священномученика Владимира (Амбарцумова): каноническое житие, написанное священником Максимом Максимовым (2003) для восьмитомного сборника житий новомучеников и исповедников Московской Епархии [7; 5]; житие, тяготеющее к каноническому, составленное Вячеславом Марченко (2011) [3]; детское житие, принадлежащее перу протоиерея Константина Островского (2012) [4] (подробнее о правомерности выделения этой разновидности житийного жанра см. в исследованиях Е. К. Макаренко и А. Э. Санько [1; 2; 6]).

Текстологический анализ выявляет разную манеру подачи материала, разные принципы отбора фактов (но эта вариативность касается только второстепенных событий).

У Марченко по сравнению с другими авторами житий более кратко говорится о семье Амбарцумова, о его жизни в Саратове, но упоминается, что его отец Амбарцум Егорович – уроженец города Шемахи Бакинской губернии (в этом городе ему было присуждено звание почетного гражданина). Житие Островского также содержит краткий рассказ о семье святого, который

завершает «воспитательный» пассаж о лютеранах: «Лютеранство признает Христа Богом, но отвергает большинство церковных таинств и исказило православную веру, хотя среди людей, исповедующих лютеранство, есть немало добрых и искренно верующих людей».

Во всех анализируемых нами текстах говорится, что Владимир Амбарцумов был талантливым физиком (он закончил физико-математический факультет Московского Императорского университета).

Причина смерти жены Владимира – пищевое отравление – названа только у Максимова.

Максимов же более подробно пишет о студенческих христианских кружках, в которых принимал участие Владимир Амбарцумович, упоминаются его поездка в Саров и Дивеево и предсказание блаженной Марии Ивановны Дивеевской о священничестве – ни у Марченко, ни у Островского этих подробностей нет.

В тексте Марченко содержится более подробный рассказ о причастности будущего святого к Даниловскому монастырю (Москва) и о даниловских старцах (Максимов упоминает только Георгия Лаврова, Марченко пишет о Георгии Лаврове и Павле Троицком).

Максимов подчеркивает аскетизм Амбарцумова, цитирует выдержки из его последнего допроса, чего нет ни у Марченко, ни у Островского.

Марченко включает в свой текст цитаты из воспоминаний Глеба Каледы о внешности Владимира Амбарцумовича и о его молитвенности.

Максимов говорит о том, что Валентин Свенцицкий, священник и известный писатель, крестил детей будущего мученика, Марченко упоминает просто их знакомство, Островский вообще не пишет о Свенцицком.

И Марченко, и Максимов упоминают о неприятии Владимиром Амбарцумовичем Декларации Сергия – Максимов указывает на то, что именно из-за этого неприятия Амбарцумов уволился на покой, чтобы не попасть под запрет на священнослужение. Арест будущего святого Марченко связывает также с неприятием Декларации. Марченко говорит и о том, что Амбарцумов служил с отцом Сергием Мечёвым, также канонизированным в 2000 году в сонме новомучеников.

Островский, в отличие от Максимова и Марченко, не упоминает об учебе Амбарцумова в Берлине (Берлинский университет в то время считался лучшим в мире по техническим наукам).

Островский заканчивает житие интереснейшим материалом, которого нет у Максимова и Марченко. Он говорит, что «Господь замечательно благословил семью Амбарцумовых», и далее приводит сведения о том, сколько священников вышло из семьи Амбарцумовых – Каледа (за Глеба Каледу вышла замуж дочь Владимира Амбарцумова Лидия), что дочь Лидии и Глеба Каледы стала игуменией Зачатьевского женского монастыря в Москве, что одна из внучек Владимира Амбарцумова стала супругой известного современного священника Александра Ильяшенко (у пары родилось двенадцать детей).

При анализе лексического состава текстов, проведенного с помощью автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум» (названная система разработана в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова), мы получаем количество слов в обоих житиях с цитатами и исключая цитаты, а также количество (в процентах) оригинального текста (мы приводим примерные цифры, так как проведена только автоматическая лемматизация). Примерное количество лексем в тексте Максимова – 920 с цитатами и 815 без цитат, приблизительный процент оригинального текста – 88,6; примерное количество лексем в тексте Марченко – 730 с цитатами и 670 без цитат, приблизительный процент оригинального текста – 91,8; примерное количество лексем в тексте Островского – 290 с цитатами и 275 без цитат, приблизительный процент оригинального текста – 94,8. Таким образом мы получаем объективные данные о большом проценте оригинального текста в анализируемых житиях – известно, что жития новомучеников и исповедников документальны, однако количество цитат может очень сильно отличаться в зависимости от наличия архивных документов и от творческой манеры конкретного автора, более или менее обильно цитирующего имеющиеся у него материалы.

У Максимова насчитывается 7 цитат, у Марченко – 9, у Островского – 1 (общая с Максимовым – предсмертные слова жены Владимира). В текстах цитируются Священное Писание, протоколы допросов, высказывания Амбарцумова, предсмертные слова его жены, воспоминания об Амбарцумове.

Далее приведем списки первых десяти самых частотных слов в рассматриваемых житиях с указанием частотности слова (нами даются списки из текстов как с цитатами, так и без цитат) (табл. 1–3).

Таблица 1

Список десяти самых частотных слов жития Владимира Амбарцумова, составленного М. Максимовым

	Житие Владимира Амбарцумова с цитатами		*Житие Владимира Амбарцумова без цитат*	
№№	*Лексема*	*Частотность*	*Лексема*	*Частотность*
1	в	134	В	124
2	и	80	И	69
3	Владимир	55	Владимир	55
4	он	52	Он	52
5	год	46	Год	42
6	на	42	На	37
7	отец	38	Отец	37
8	быть	36	Быть	29
9	с	32	С	28
10	не	25	Амбарцумович	18

Таблица 2

Список десяти самых частотных слов жития Владимира Амбарцумова, составленного В. Марченко

	Житие Владимира Амбарцумова с цитатами		*Житие Владимира Амбарцумова без цитат*	
№№	*Лексема*	*Частотность*	*Лексема*	*Частотность*
1	В	102	в	98
2	И	46	и	41
3	Год	32	год	32
4	Он	32	он	31
5	С	30	с	28
6	Владимир	24	Владимир	24
7	Быть	22	На	22
8	На	22	Отец	19
9	Отец	19	Быть	18
10	Московский	15	московский	15

Таблица 3

Список десяти самых частотных слов жития Владимира Амбарцумова, составленного К. Островским

	Житие Владимира Амбарцумова с цитатами		*Житие Владимира Амбарцумова без цитат*	
№№	*Лексема*	*Частотность*	*Лексема*	*Частотность*
1	В	25	В	25
2	И	25	И	23
3	Владимир	18	Владимир	18
4	Быть	16	Он	16
5	Он	16	Быть	12
6	Отец	11	Отец	10
7	Но	8	Амбарцумович	7
8	Амбарцумович	7	Год	6
9	год	6	На	6
10	на	6	Православный	6

На основании приведенных списков можно сделать предварительные выводы о языковых особенностях житий. Самым частотным словом является предлог «в», что свидетельствует о книжном стиле житий. Списки слов с цитатами и без цитат отличаются не только частотностью употребления того или иного слова, но и составом, однако во все перечни входят предлоги «в» и «на», союз «и», существительное «год», глагол «быть», имя священномученика Владимир.

Полученные нами списки слов должны быть проанализированы не только с точки зрения частотности тех или иных лексем. В дальнейшем необходим комплексный анализ всей лексики избранных нами текстов – как

для выяснения изменения их количества при удалении цитат, так и для выяснения лексического состава житий (какие-либо слова могут встречаться только в цитатах и отсутствовать в авторском тексте).

Итак, мы можем говорить о том, что три жития священномученика Владимира (Амбарцумова), составленные Максимом Максимовым, Вячеславом Марченко и Константином Островским, несколько отличаются по набору второстепенных биографических сведений о святом, объемом самого текста, его словарного запаса и количеством и набором цитат. Заявленная нами работа по сопоставительному анализу современных житий, составленных разными авторами, – текстологическому и лексическому (с помощью средств компьютерной лингвистики) – будет продолжена, будут сделаны более точные выводы относительно лексического состава текстов с цитатами и без цитат.

Библиографический список

1. Макаренко Е. К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Святоотеческие традиции в русской литературе / отв. ред. В. В. Соломонова, С. А. Демченков. – Омск : Вариант-Омск, 2010. – С. 155–164.

2. Макаренко Е. К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 95–102.

3. Марченко В. Священномученик священник Владимир (Амбарцумов) // Новомученики и исповедники Даниловские. – М. : Валаамское общество Америки, 2011. – С. 527–534.

4. Островский К. Священномученик Владимир (Амбарцумов) // Святые XX века. Краткие жития для детей. – Красногорск : Успенский храм, 2012. – С. 54–56.

5. Региональный Общественный Фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fond.ru/ (дата обращения: 01.10.2021).

6. Санько А. Э. Жития святых: особенности редакционно-издательской подготовки // Кирилло-Мефодиевская традиция в культуре России. Шестнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура» / сост. О. В. Терехова. – Челябинск : ЧГИК, 2018. – С. 231–235.

7. Священник Максим Максимов. Священномученик Владимир (Амбарцумов) // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии : в 8 т. – Т. 3 : Сентябрь – октябрь. – Тверь : Булат, 2003. – С. 206–216.

© Суровцева Е. В., 2022.

УДК 81`373.613

О РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ В ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА РОМАНА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» КАК ОБЪЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

В. Шетэля,
канд. филол.наук, доцент
szetela@mail.ru
Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена регионализмам в польском переводе романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» («Bohater naszych czasów»). Интерес вызывают единицы подлинника и способы их перевода на польский язык. Примеры некоторых подобных слов и их этимология позволяют определить русско-польское пространство использования в русской и польской речи этих слов.

Ключевые слова: комментирование, перевод, подлинник, польскоязычный текст, регионализм.

ABOUT REGIONAL VOCABULARY IN THE POLISH TRANSLATION OF THE TEXT OF THE NOVEL “HERO OF OUR TIME” BY M. Y. LERMONTOV AS AN OBJECT OF STUDY AND TEACHING

V. Szetela
Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia

Abstract. This article is devoted to regionalisms in the Polish translation of M. Y. Lermontov's novel "The Hero of Our Time"("Bohater naszych czasów"). The units of the original and the ways of their translation into Polish are of interest. Russian Russian-Polish usage examples of some similar words and their etymology allow us to define the Russian-Polish space of using these words in Russian and Polish speech.

Keywords: commentary, translation, original, Polish-language text, regionalism.

Психологический роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (M. Lermontow “Bohater naszych czasów”) давно получил признание у польского читателя, доказательством чего является неоднократное издание этого произведения на польском языке.

Одно из последних весьма авторитетных изданий на польском языке обладает по воле переводчика Вацлава Роговича (Wacław Rogowicz) рядом комментариев, которые должны приблизить польского читателя к пониманию края, в котором происходят события.

Данный том (Lermontow M. „Bohater naszych czasów”) следовало бы сравнить с его русским вариантом с точки зрения использования местных и общерусских регионализмов. Под рукой оказался вариант 1986 г. издания.

Безусловно, местный кавказский колорит данного перевода достигнут путем разного вида заимствований, а чаще всего – путем транслитерации на польский язык, использованных Лермонтовым в тексте романа местных (кавказских) слов и оборотов.

Имеются в виду, к примеру, такие слова, которые определяют: принадлежность персонажей к разным социальным группам; названия частей тела, поселений, оружия и всяких других приспособлений, блюд и напитков, одежды; слова, обозначающие способы верховой езды и другие, в том числе и называющие сказочных персонажи.

Это, к примеру, слова: **абрек** (abrek), **архалук** (archałuk), **аул** (auł), **башка** (baszka, входящая в состав фразеологизма baśka pracuje в знач. «голова работает, думает»), **гурда** (gurda, hurda), **гяур** (giaur), **джигитовка** (dżygitówka), **калым** (kałym), **нарзан** (narzan), **пери** (peri), **сакля** (sakla) и многие другие.

Каждое из этих слов имеет длительную историю в русском языке. Впрочем, употребление подобных слов перекликается у разных авторов XIX века, которые бывали на Кавказе, и тематика их произведений связана с этими горами.

Слово **абрек** из черкесского Abreg, восходящее к персидскому āvāra – „бродяга”, в русском языке активизировалось в период войны на Кавказе. Полное объяснение этого слова находим в примечаниях Л. Н. Толстого к тексту его произведения «Казаки»: «*Абреком* называется немирнóй чеченец, с целью вороства или грабежа переправившийся на русскую сторону Терека. *Примеч. Л. Н. Толстого*» [27, с. 25]. См. также толкование и употребление у других авторов: «кавказский горец, давший срочный обет идти бесстрашно на смерть» [6, с. 4]; «Это и не кровоместники и не абреки: лица их не закрыты башлыками» [3, с. 237].

Архалук – «короткий татарский кафтан, застегивающийся на крючки» [24, с. 231]. Встречается у многих авторов, напр.: «Ахалук мой, ахалук, Ахалук демикотонный, Ты работа нежных рук Азиатки благосклонной!» [19, с. 219]; «Белокурый был в темно-синей венгерке, чернявый просто в полосатом архалуке» [15, с. 65]; «молодой безусый офицер в новом стеганом архалуке, наверно, сделанном из женского капота» [29, с. 67]. В 1859 г. газета «Северная пчела» (№ 212, с. 850) в статье о пленении Шамиля дает следующее описание его одежды: «в черкеску черного русского сукна, с патронами на груди, обшитыми черными шелковыми лентами, в зеленом ахалухе из шерстяной материи» [13, с. 850]. Подробнее, см.: Шипова [32, с. 39]; М. Фасмер [31, т. 1, с. 90].

Аул (тюрк. аул) – «селение у кавказских горцев, киргизов и у некоторых других народов; у кочевников – группа кибиток, становище» [25, т. 1, стб. 223]. А. С. Пушкин и другие употребили это слово: «Он (Владикавказ. – *В. Ш.*) окружен осетинскими аулами» [20, с. 377]; «Ведет в Внезапную доро-

га; От ней в двадцати верстах Аул» [19, с. 191]; «Я догадался, что нахожусь в киргизском ауле» [4, с. 123]; «В течение всего дня и ночи артиллерия не переставала действовать по аулу. Бомбы разрушали большое число сакель» [8, с. 618]; «Истребление туркменских разбойничьих лодок при ауле Гасан-Гули, 19-го сентября 1852 года» [12, с. 545]; «(пленение Шамиля) Наконец в ауле засуетились, между саклями показалась толпа, – все с чалмами на голове» [13, с. 850]; «За Тереком виден дым в ауле…» [27, с. 16].

Гурда (кавказское от нов.-перс. kārd – „нож”) – «Шашки и кинжалы, дороже всего ценимые на Кавказе, называются по мастеру – Гурда» (примеч. Л. Н. Толстого) [27, с. 59]; «особый род уважаемых, старых сабель, шашек» [16, с. 408], см. пример такого употребления: «Ерошка по всему полку гремел. У кого первый конь, у кого шашка гурда, к кому выпить пойти, с кем погулять?» [27, с. 59]; «Офицеры, оставшиеся в комнатах, вынув шашку, разглядывали клинок на ней и решили, что это была настоящая гурда» [30, с. 372].

Гяур, гияур (из арабского kāfir – „неверный” через турецкое gâvur) – «презрительное название иноверцев у мусульман» [31, т. 1, с. 480]: «Стамбул гяуры нынче славят» [21, с. 483]; «Может ли существовать какая-нибудь священная связь с гяурами?» [3, с. 309]; «Турки весьма скупы на слова и тогда только многоречивы, когда бранят франков, то есть европейцев и всех гияуров…» [4, с. 163]; «Всякий правоверный должен был по закону спешить под это знамя, чтобы принять участие в борьбе с гяурами» [1, с. 162]. В качестве заглавия: «Он из опалы исключил: Певца Гяура и Жуана Да с ним еще два-три романа» [23, с. 199].

Такие слова создают целые словообразовательные гнезда, напр.: **джигит**, **джигитовать**, **джигитовка**.

Джигит (тюркское, напр.: чагат. jigit – „юноша, наездник”) – «лихой наездник» [31, т. 1, с. 510]: «Только несколько джигитов из удальства остались сзади и завязали перестрелку с ротой» [28, с. 406]; «И всадник, и лошадь повалились. Человек двадцать киргизов бросились поднимать джигита; с седла сняли дорогой арчак» [1, с. 465]. Оттуда **джигитовать**: «Особенно один на белом коне в черной черкеске джигитовал, казалось, шагах в пятидесяти от наших…» [28, с. 406] и **джигитовка** – «удалая верховая езда»: «татарская молодежь съехалась на скачку и джигитовку» [3, с. 222].

Калым (тюрк. kalyn) – «выкуп за невесту у народов Кавказа»: «Ему было семнадцать лет, когда я, заплатив калым за вторую жену свою, переехал жить к тестю …» [17, с. 186]; «Когда назначен день платить калым, то у родителей жениха собираются все родные его и невесты и празднуют это событие» [7, с. 661]; «*Калым* есть священная уплата семейству за девушку, которую берет мусульманин себе в жены» [14, с. 1059]. См.: у Шанского с указанием на Даля 1863 г. [33, с. 30].

Нарцан, нарзан (кабардинское нарт-санэ – „напиток сказочного богатырского племени нартов” [25, т. 7, стб. 442] – «минеральный ключ и вода из этого ключа»: «Текущих с гор рек до того места, в котором соединяясь обра-

зуют оне Нарцану, видно множество выходящих из земли притоков, коих вода оставляет сильную железную осадку» [10, с. 1265].

Пери (перс. pari – „окрыленный” от per – „крыло”) – «у древних персов добрая фея чарующей красоты, охраняющая людей от злых духов» [6, с. 487]: «Можно краше быть Мери, Краше Мери моей, Этой маленькой пери» [22, с. 490]; «В огне погибли не мечты, Статья, прекрасная, как Пери!» [5, с. 82]; «Душа его плавала, как индийская пери, в испарениях цветов, забыв досаду и надежду…» [2, с. 181].

Сакля (из тюркского < груз. saχli, ингуш. saχl; груз. sachli – „дом”) – «дом у горских народов Кавказа» [31, т. 3, с. 547]; «Около сакли толпился народ» [20, с. 377]; «Вешний день клонился к вечеру, и все жители … покидали сакли свои и толпами собирались по обеим сторонам дороги» [3, с. 222–223]; «(пленение Шамиля) Наконец в ауле засуетились, между саклями показалась толпа, – все с чалмами на голове» [13, с. 850] (См. также: Шегрен А. М. Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников, при разных случаях» // Московские ведомости. – 1846. – № 95. – С. 661).

Возможно, что некоторые из этих слов впервые для широкого польского читателя впервые появились благодаря переводу произведения М. Ю. Лермонтова, хотя в польской речи они могли быть в употреблении офицеров польского происхождения, участвовавших в кавказской войне.

В пометах на полях своего произведения М. Ю. Лермонтов дает соответствующие пояснения к кавказским выражениям. Пояснения более полные, чем в подлинном тексте, чаще к словам тюркского и арабского (местного) происхождения, имеются и в переводе на польский язык. Однако не находим, по вполне понятным причинам, пояснений к некоторым русским терминам у самого М. Ю. Лермонтова, а таких пояснений требовал перевод.

Значительное место на полях польского перевода занимают слова и понятия общерусского характера, т. е. имеются в виду единицы, употребляемые в русском языке вне зависимости от того, на какой территории происходят события романа.

Напр., слово **верста** – wiorsta – естественное слово для автора романа, все же требовало от переводчика пояснения: “ros. miara długości (1,06 km)” (здесь и далее наш перевод. – *В. Ш.*): «русская мера длины, 1.06 км») [34, s. 8]; **станица** – stanica: “osiedle kozackie” («казацкое поселение») [34, s. 180]: **урядник** – uriadnik: “podoficer w kozackich wojskach” («младший офицерский чин в казацких войсках») [34, s. 66] и другие.

Слово **линия** – **linia**: «wybudowana w XVIII i XIX stuleciach, w toku operacji wojskowych na Kaukazie, między Morzem Czarnym i Kaspijskim linia obronna, złożona z fortec» [34, s. 10]. Данное пояснение относится к словам: «Когда он приехал на Линию, я был подпоручиком…» [18, с. 200], ср.: «Kiedy przyjechał na linię, byłem podporucznikiem…» [34, s. 10].

В польском пояснении **линия** – это, во-первых, «укрепленная крепостями граница протяжностью от Черного до Каспийского моря, на которой были расположены русские войска» [34, т. 4, с. 436, примеч.]. Слово **линия** встречается и в других русских произведениях, тематически связанных с во-

енной службой, см., напр.: «2 марта 1845 г. Флигель-адъютант Орлов-Денисов послан был на Дон, чтобы переселить 300 семейств с Дону на Кавказскую линию и с предложением мало-помалу образовать там кордон» [26, с. 5]; «Вся часть Терской линии, по которой расположены гребенские станицы, …, носит на себе одинаковый характер и по местности и по населению» [27, с. 17]. Во-вторых, не всегда это слово связано с российской темой и обозначает вообще «оборонные рубежи эскадры; фронта, района, города, крепости, кордона», см. пример такого употребления: «Два Англинские корабли напали один за другим на последний корабль нашей линии» [11, с. 2]; «Маршал Монсей имел сражение по всей линии левого крыла с Аррагонскими Инсургентами» [9, с. 1338].

Иногда переводчик вынужден давать пояснения к авторским фрагментам текста. Например, у Лермонтова: «название Чертовой долины происходит от слова «черта», а не «черт», ибо здесь когда-то была граница Грузии» [18, с. 22]. Переводчик точно переводит этот фрагмент: “nazwa “Czertowa Dolina” pochodzi od słowa “czerta”, a nie “czort”, ponieważ tutaj była niegdyś granica Gruzji”, но вынужден дать пояснение: “wyraz ros. *czerta* oznacza m.in. linię graniczną; *czort* – czarta, diabeł” («русское слово черта обозначает между прочим линию границы») [34, s. 36].

Интерес с точки зрения переводческого дела может вызвать попытка перевести на польский язык название былинного персонажа, каким был **Соловей-разбойник** – Słowik-Zbój. Ср.: «ветер, врываясь в ущелья, ревел, свистал, как Соловей-разбойник…» [18, с. 221] и “wiatr, wdzierając się do szczelin skalnych, ryczał, świstał jak Słowik-Zbój...” [34, s. 37]. Особого пояснения к этому слову в польском переводе не дается, и только фантазия читателя может подсказать ему, каким образом птица с удивительным голосом может стать разбойником.

Здесь показаны лишь некоторые примеры единиц русского языка, переведенные на польский язык в связи с переводом романа М. Ю. Лермонтова.

В указанном томе перевода на польский язык имеются энциклопедические справки, касающиеся мест, где побывал М. Ю. Лермонтов и его персонажи, напр., дана справка об истории крепости Фанагория (Fanagoria). Достаточно много места переводчик посвятил первым переводам на польский язык романа «Герой нашего времени».

Отмечен, например, перевод Теодора Коэна 1847 г.

Упоминается изданный в Львове в 1848 г. рассказ Л. Б. «Дуэль на Кавказе. С воспоминаний русского офицера» (“Pojedynek na Kaukazie. Z pamiętników oficera rosyjskiego” pióra L [eszka] B [orkowskiego]). Переводчик, как видим, попытался расшифровать фамилию автора рассказа, скрывающегося под инициалами Л. Б.

Переводчик пытается также раскрыть подлинную историю прототипов персонажей Лермонтова. Как загадку приводит факт публикации в «Литературной газете» за 1842 г. стихотворения «На смерть Лермонтова» с подписью: Н. Вуич. Вологда (в подлиннике перевода написано следующее: “W czasopiśmie «Литературная газета» z 1842 r. jest wiersz «Na śmierć

Lermontowa» z podpisem «N. Wuicz. Wołogda»”) (наш перевод. – *В. Ш.*: «В журнале „Литературная газета“ от 1842 года напечатано стихотворение „На смерть Лермонтова“ с подписью „Н. Вуич. Вологда“»).

Изложенная информация лингвострановедческого характера является фоном дальнейших действий на занятиях по РКИ, а в частности – работы над проблемами перевода произведений русской литературной классики на польский язык и польской художественной классики – на русский.

В частности, предполагается, что на занятиях по переводу указанного здесь текста М. Ю. Лермонтова каждый из студентов должен перевести свой фрагмент польского текста на русский язык без доступа к подлиннику.

Последующее сравнение, после окончания работы, двух вариантов текста: собственного и авторского, раскрывают не только особенность подлинного текста, в плане материала, из которого он создан, а указывают на возможности выбора для их перевода соответствующих единиц.

Последующее описание способов перевода, которыми пользовались студенты, закрепляют усвоение материала в плане теории и практики.

Библиографический список

1. Абаза К. К. Герои и битвы: Общедоступная военно-историческая хрестоматия. С рисунками, картами и планами. – СПб., 1887. – 479 с.
2. Бестужев-Марлинский А. А. Лейтенант Белозор // Бестужев-Марлинский А. А. Повести. – М. : Правда, 1986. – С. 143–221.
3. Бестужев-Марлинский А. А. Аммалат-бек // Бестужев-Марлинский А. А. Повести. – М. : Правда, 1986. – С. 222–345.
4. Булгарин Ф. В. Иван Иванович Выжигин // Булгарин Ф. В. Сочинения. – М. : Современник, 1990. – С. 23–366.
5. Вельтман А. Ф. Странник / изд. подгот. Ю. М. Акутин. – М. : Наука, 1977. – 244 с.
6. Гавкин И. И. Краткий словарь иностранных слов. – 60-е изд. – СПб. ; Киев ; Харьков, 1912. – 745 с.
7. Газета «Московские ведомости». – М., 1846. – № 95. – С. 661.
8. Газета «Московские ведомости». – М., 1847. – № 80. – С. 618.
9. Газета «Санкт-Петербургские ведомости». – СПб., 1808. – № 91. – С. 1338.
10. Газета «Санкт-Петербургские ведомости». – СПб., 1809. – № 101. – С. 1265.
11. Газета «Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям». – СПб., 1808. – № 68. – С. 2.
12. Газета «Северная пчела». – СПб., 1853. – № 137. – С. 545.
13. Газета «Северная пчела». – СПб., 1859. – № 212. – С. 850.
14. Газета «Северная пчела». – СПб., 1859. – № 264. – С. 1059.
15. Гоголь Н. В. Мертвые души // Н. В. Гоголь. Собрание сочинений : в 6 т. – М. : Гос. изд. худ. лит., 1959. – Т. 5.
16. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб. ; М., 1880. – Т. 1.
17. Дурова Н. А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. – М. : Моск. рабочий, 1983. – 479 с.

18. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // М. Ю. Лермонтов. Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Правда, 1986. – Т. 4. – С. 197–337.

19. Полежаев А. И. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., ред. и примеч. Н. Бельчикова. – Л. : Сов. писатель, 1939. – 462 с.

20. Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. // Пушкин А. С. Сочинения : в 3 т. – М. : Худ. лит., 1986. – Т. 3. – С. 370–410.

21. Пушкин А. С. Заклинание // Пушкин А. С. Сочинения : в 3 т. – М. : Худ. лит., 1985. – Т. 1. – С. 482–485.

22. Пушкин А. С. Из Barry Cornwall // Пушкин А. С. Сочинения : в 3 т. – М. : Худ. лит., 1985. – Т. 1. – С. 490.

23. Пушкин А. С. Евгений Онегин : роман в стихах. – М. : Сов. Россия, 1983. – 280 с.

24. Словарь к художественным произведениям И. С. Тургенева // Афанасьев В., Боголепов П. Тропа к Тургеневу: Документально-художественная книга о жизни и творчестве И. С. Тургенева / науч. ред. П. Г. Пустовойт. – М. : Дет. лит., 1983. – С. 225–309.

25. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965. – Т. 1–17.

26. Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. – М. : Наука, 1989. – 811 с.

27. Толстой Л. Н. Казаки. Кавказская повесть 1852 года // Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 12 т. – М. : Правда, 1987. – Т. 3. – С. 5–154.

28. Толстой Л. Н. Как умирают русские солдаты (Тревога) // Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 12 т. – М. : Правда, 1987. – Т. 2. – С. 404–407.

29. Толстой Л. Н. Севастополь в августе 1855 года // Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 12 т. – М. : Правда, 1987. – Т. 2. – С. 62–121.

30. Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 12 т. – М. : Правда, 1987. – Т. 12. – С. 281–397.

31. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 1–4.

32. Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата : Наука. Казах. ССР, 1976. – 444 с.

33. Этимологический словарь русского языка / под рук. и ред. Н. М. Шанского. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – Вып. 8.

34. Lermontow M. Bohater naszych czasów / przełożył W. Rogowicz ; wstępem i objaśnieniami opatrzył W. Jakubowski. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1966. (Biblioteka Narodowa, № 153, Seria II.)

© Шетэля В., 2022.

УДК 81'367.626'37:811.161.1

ПРЕДИКАТИВНЫЕ, ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫЕ И СУБСТАНТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ГЛАГОЛА И ИХ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В ОТНОШЕНИИ К МОДАЛЯЦИИ*

В. В. Шигуров,
д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой
shigurov@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье исследуются морфологические предпосылки, необходимые для транспозиции языковых единиц из глаголов в межчастеречный семантико-синтаксический разряд вводно-модальных единиц. Обращено внимание на то, что модаляции в русском языке подвержены глаголы в формах предикативной, полупредикативной и субстантивной репрезентации. Установлено, что в транспозиционный процесс модаляции вовлечены глаголы в разных формах категорий вида, залога, наклонения, времени, лица, рода и числа. Охарактеризованы два типа модаляции глагольных словоформ – функциональный и функционально-семантический.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, транспозиция, модаляция, глагол, вводно-модальное слово и выражение, морфологические предпосылки.

PREDICATIVE, SEMI-PREDICATIVE AND SUBSTANTIVE REPRESENTATIONS OF THE VERB AND THEIR GRAMMATIC CATEGORIES IN RELATION TO MODALATION

V. V. Shigurov
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract: The article examines the morphological prerequisites necessary for the transposition of language units from verbs into the interparticle semantic-syntactic category of introductory-modal units. Attention is drawn to the fact that verbs in the forms of predicative, semi-predicative and substantive representation are subject to modulation in the Russian language. It is established that verbs in different forms of the categories of type, voice, mood, tense, person, gender and number are involved in the transpositional process of modulation. Two types of modalation of verbal word forms are characterized – functional and functional-semantic.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00013.

Keywords: Russian language, grammar, transposition, modalation, verb, introductory-modal word and expression, morphological prerequisites.

Русский глагол при широком его истолковании представляет собой, как известно, систему четырех основных форм, или репрезентантов, – 1) личных форм (предикативный репрезентант) типа *издаю, издаешь, издает; издается, будут издаваемы*; 2) деепричастных форм, деепричастий (полупредикативный репрезентант) типа *издавая, издаваясь, будучи издаваемы*; 3) инфинитивных форм, инфинитивов (субстантивный репрезентант) типа *издавать, издаваться; быть издаваемы*; 4) причастных форм, причастий (атрибутивный репрезентант) типа *издающий, издающийся, издаваемый, издававший, издававшийся.* Противопоставление указанных репрезентантов лежит в основе выделения, помимо пяти собственно глагольных категорий, модифицирующих действие (вид, залог, наклонение, время, лицо), еще одной категории – репрезентации (см., напр.: [3, с. 94–115; 4, с. 101–102; 6; 13, с. 7–11]).

Получая в речи разные манифестации, обусловленные коммуникативным намерением говорящего, глагол передает либо «чистый» процесс (в виде конкретного физического действия, движения, состояния, отношения и т. п.), либо осложненный, как утверждал А. А. Шахматов [11, с. 460–472], «сопутствующими представлениями» – обстоятельственностью (в деепричастии), субстантивностью (в инфинитиве) и атрибутивностью (в причастии). А. И. Смирницкий указывал на способность категории репрезентации в английском глаголе представлять действие в разных ипостасях: «как чистый процесс или же как процесс, осложненный другими (предметными или «признаковыми») моментами» [10, с. 247].

В полевой структуре глагола выделяется ядро (прототип) – финитные (предикативные) репрезентанты, обладающие уникальным набором грамматических категорий глагола, и периферия в виде инфинитивных (субстантивных), причастных (атрибутивных) и деепричастных (полупредикативных) репрезентантов, совмещающих, как известно, собственно глагольные признаки (не в полном объеме) с признаками других частей речи – существительных, прилагательных и наречий. Благодаря гибкой структуре глагол способен приобретать «грамматическую оболочку» частей речи, в зоне влияние которых он находится. Минимальным воздействие со стороны других классов слов оказывается в деепричастных формах глагола (лишь наречная функция обстоятельства, имеющая, к тому же, факультативный характер), максимальным – в причастных формах глагола (категории рода, числа, падежа прилагательных; краткие формы, атрибутивная функция; система окончаний) [12, с. 21–22].

Исследование четырех репрезентантов глагола в аспекте модаляции показывает, что все они, кроме причастий (в полной форме), вовлечены в рассматриваемый транспозиционный процесс и способны в одиночной позиции и / или в составе устойчивых оборотов употребляться в позиции вводно-модальных компонентов высказывания, отражая позицию субъекта модуса, который оценивает содержание и форму сообщаемого. Что касается кратких

форм причастий типа *издан*, то они входят в структуру аналитического пассива личных, деепричастных и инфинитивных форм глаголов СВ; ср.: *издаст – будет издан; издав – будучи издан; издать – быть издан* [2].

Можно говорить о вводно-модальных единицах, которые структурируются в русском языке с участием финитных форм глаголов (*думаю, считаю, допустим, положим, понимаешь, представьте, разумеется, кажись, пожалуй, говорят* и др.); инфинитивных форм глаголов (*признаться, видать, слыхать, знать* и др.); деепричастных форм глаголов [(*откровенно*) *говоря, судя* (*по всему*) и нек. др.]; форм кратких страдательных причастий, в том числе подвергшихся адъективации [*видимо, знамо, ожидаемо*; *(не в обиду будь) сказано*] [1, с. 125–131; 5; 7, с. 229–230; 8; 9].

Иллюстрацией могут служит примеры, извлеченные из Национального корпуса русского языка [http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 06.07.2021)]:

(1) Типовые контексты вводно-модального употребления **личных форм глаголов**: *Он профессиональный математик, и,* ***полагаю****, это лучшая рекомендация его кандидатуре* (С. Носов. Фигурные скобки); *И я подумал о чуде. Что если оно случится: ну,* ***допустим****, у этого скорняка…* (Б. Окуджава. Искусство кройки и житья); *Он то сидел на койке, обхватив голову руками и,* ***представьте****, раскачиваясь, что было неприлично для офицера русской армии…* (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны); *… Ну духи не знаю, как называются, только,* ***сдается****, вы их в «Арбат-престиж» брали…* (Д. Донцова. Доллары царя Гороха); *И, к чести его* ***будет сказано****, руководил Семечкин везде хорошо* (В. Михальский. Храм Согласия); *Замечательная была, как* ***передают****, женщина* (Л. Кассиль. Будьте готовы, Ваше высочество!);

(2) Типовые контексты вводно-модального употребления **инфинитивных форм глаголов**: ***Признаться****, не единожды утрачивал я присутствие духа в приближенном разглядывании Любы…* (В. Астафьев. Обертон); *С собой Ирина Матвеевна привезла фартук, который,* ***видать****, не придется надевать* (К. Капович. Свадьба); *«Райка,* ***слыхать****, на развод подала. Суда ждем»* (А. Боссарт. Повести Зайцева); ***Знать****, видел я ее название где-то в расписании…* (В. Астафьев. Пролетный гусь); *Писателя Маканина,* ***честно сказать****, не слушал…* (Е. Белкина. От любви до ненависти);

(3) Типовые контексты вводно-модального употребления **деепричастных форм глаголов**: ***Судя по всему****, это были опытные пикетчики, потому что активность их была хорошо организована* (А. Маринина. Иллюзия греха); *Положение,* ***мягко выражаясь****, щекотливое* (М. Анчаров. Теория невероятности); *Надо иметь невместимую душу, ширше облака (****изъясняясь словами акафиста****)…* (В. Никифоров-Волгин. Дорожный посох); ***Собственно говоря****, звонить было некуда…* (Ф. Искандер. Должники); ***Строго рассуждая****, абсолютный порядок недостижим…* (Э. Шим. Ребята с нашего двора).

В результате исследования установлено, что одна и та же глагольная лексема в разных формах репрезентации может участвовать в формировании нескольких вводно-модальных единиц. Показательны в этом плане следующие группы глагольной лексики:

Во-первых, это глаголы типа *представляется, кажется, пожалуй*, употребляющиеся в вводно-модальной функции в личных формах:

(4) (а) *Ваши сыновья, как мне* ***представляется****, приспособились к жизни в качестве почти общего существа, и советую Вам смириться с подобным положением вещей* (М. Чулаки. Борисоглеб);

(б) *Кригсман, который не очень уважал вино, все-таки вынужден был выпить и,* ***кажется****, больше, чем следовало…* (В. Быков. Главный кригсман);

(в) *Знаешь, мы,* ***пожалуй****, не увидимся больше…*(А. Чехов. Вишневый сад);

Во-вторых, это глаголы типа *слыхать*, употребляющиеся в вводно-модальной функции в форме инфинитива:

(5) (а) *«Райка,* ***слыхать****, на развод подала. Суда ждем». – «Это какого же суда?»* (А. Боссарт. Повести Зайцева);

В-третьих, это глаголы типа *знаю / знать; признаюсь / признаться; вижу, видишь (ли) / видать*, употребляющиеся в вводно-модальной функции в личных формах и формах инфинитивов:

(6) (а) *Меня уж призывали. Вам,* ***знаю****, тоже повестка выписана…* (Ю. Домбровский. Леди Макбет);

(б) *…Не придется,* ***знать****, быть им вместе, потому что назначенная встреча не состоится…* (А. Азольский. Лопушок);

(7) (а) *…Во мне,* ***признаюсь****, все-таки тоже живет язычник* (О. Глушкин. Письмо для Бога);

(б) *Тонко вы о моей последней книге написали. А я,* ***признаться****, и фамилии вашей раньше не слыхал…* (С. Довлатов. Иная жизнь);

(8) (а) *Он,* ***видишь ли****, на меня замахнулся. Но я строг. Я так дал ему лапой, что он покатился кувырком* (К. Сергиенко. До свидания, овраг);

(б) *…Было впечатление морского шторма, подкатывало от живота к горлу,* ***видать****, не только у Аркадия Лукьяновича…* (Ф. Горенштейн. Куча);

В-четвертых, это глаголы, используемые в вводно-модальной функции в личных, инфинитивных и деепричастных формах, типа *говорю (по совести) / (если) говорить (по совести) / говоря (по совести)*:

(7) (а) *…Мне тогда,* ***говорю по совести****, будет все равно, что со мной ни случись* (Е. Салиас. Аракчеевский подкидыш);

(б) ***Если говорить по совести****, то я душу на образование никак не променяю…* (И. Меттер. Директор);

(в) *Особый оттенок, таинственная жеманность несколько отделяла их от остальных пансионеров, но,* ***говоря по совести****, нельзя было порицать голубиное счастье этой безобидной четы* (В. Набоков. Машенька).

Глаголы, которые употреблялись бы в вводно-модальной позиции только в личных и деепричастных формах или только в деепричастных формах, не обнаружены. Нет и вводно-модальных слов и выражений, структурируемых атрибутивными формами глаголов.

Морфологическую базу модаляции представляют не только указанные формы глагольной репрезентации (деепричастия, инфинитивы, личные формы), но и присущие им грамматические категории – вид, залог, наклонение, время и лицо. Кроме того, для предикативной связи финитных глаголов с подлежащими в двусоставных вводных конструкциях могут быть использованы категории числа и рода: *Он,* ***я считаю****, практически ничем не интересовался* (координация в лице и числе); *Об этом, как* ***отметил*** *и сам* ***автор*** *работы, будет сказано позднее* (координация в роде и числе). В односоставных безличных вводных конструкциях глагольные формы ед. числа и среднего рода являются десемантизованными, т. е. «пустыми»: *Его,* ***казалось****, ничего не интересует*.

Как показало исследование, вводно-модальная функция свойственна глаголам в разных формах вида, залога, наклонения, времени, лица, числа и рода (с известными ограничениями). Проиллюстрируем это на видовой паре *говорить / сказать* в вводно-модальном употреблении.

Классификационная категория вида:

(а) Формы совершенного вида: *скажут, (откровенно) сказать, (не в обиду) будет сказано* и нек. др. (но не: *сказав*):

(9) *...Подумают – леший,* ***скажут****, на старости лет умом тронулся…* (И. Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»); ***Откровенно сказать****, я плохо его знаю* (В. Ардаматский. Ленинградская зима).

(б) Формы несовершенного вида: *говорит, (если прямо) говорить, (между нами) говоря* и др.:

(10) *Купи,* ***говорит****, в Москве цветной телевизор…* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней); *...В Москве погода людей тоже не баловала, а* ***если прямо говорить****, то была откровенно мерзопакостной* (Н. Дежнев. Принцип неопределенности); ***Между нами говоря****, был большой лодырь…* (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

Словоизменительная категория залога:

(а) Формы действительного залога: *скажем, скажешь, скажут, говорит, говорят, (надо) сказать, (если откровенно) говорить, (грубо) говоря* и др.:

(11) *Никто ведь не сможет ответить, почему ему нравится именно красный или,* ***скажем****, зеленый* (А. Геласимов. Рахиль); *А в клубе,* ***говорят****, и полов уж нет* (Б. Екимов. Фетисыч); *И мне этот Харин,* ***честно сказать****, малоприятен* (Р. Сенчин. Елтышевы); ***Грубо говоря****, случилось это прошлой зимой…* (В. Набоков. Подлец);

(б) Формы страдательного залога: *(не в укор им) будь сказано, (как) говорится* и нек. др.:

(12) *Она сняла перчатку; ручка была восхитительна и,* ***не в укор будь сказано нашим степным дамам****, редкой белизны…* (В. Сологуб. Метель); *Цивилизация,* ***как говорится****, сама пашет и сама топчет* (Ф. Искандер. Курортная идиллия);

Словоизменительная категория наклонения:

(а) Формы изъявительного наклонения: *говорю, говоришь, (как) говорится, говорят, скажут* и др.:

(13) *Теперь у него чудная жена,* ***как говорится****, типичная тургеневская женщина* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема);

(б) Формы сослагательного наклонения: *говорили бы, говорил бы, сказали бы* и нек. др.:

(14) *Вы, как* ***сказали бы*** *сейчас, первый диск-жокей Советского Союза* (Ф. Чеханков: Ненависть меня разрушает);

(в) Формы повелительного наклонения: *(не) говорите, (не) скажите, пусть говорят* и нек. др.:

Мне это вдруг перестало доставлять удовольствие и даже, напротив, я не хочу, ***пусть говорят*** (М. Пришвин. Дневники); *Вот вы говорите – любовь и голод правят миром, ну, может,* ***не говорите****, это все равно* (М. Анчаров. Самшитовый лес);

Словоизменительная категория (абсолютного) времени в финитных глаголах:

(а) Форма настоящего времени НСВ: *говоришь, говорите, говорят* и др.:

(15) *Ведь он,* ***говорите****, был казначеем, значит, заведовал хозяйством…* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей);

(б) Форма прошедшего времени НСВ и СВ: *говорил, говорили, сказали, было сказано* и др.:

(16) *…Что-то вырезали, что-то,* ***говорили****, будут доснимать* (Г. Бакланов. В месте светлом, в месте злачном, в месте покойном); *Один раз ему в составе группы солдат велели сопровождать грузовик, как им* ***было сказано****, с продуктами* (Д. Донцова. Микстура от косоглазия);

(б) Форма будущего времени НСВ и СВ: *будут говорить, скажут, скажу, скажете* и др.:

(17) *Что за жилка,* ***скажете*** *вы, подумаешь, – разве этим сильны дочери Евы…* (К. Арутюнова. Дочери Евы); *К чести его* ***будет сказано****, Отон не картавил* (И. Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя);

в) Форма перфекта СВ: *(не в обиду, не в укор и т. п.) сказано*:

(18) *Вот, например… пропустил два рабочих дня по причине, которую не мог объяснить как уважительную нашему, не в укор* ***сказано****, довольно бесчувственному руководству* (Е. Попов. Душевные излияния и неожиданная смерть Фетисова);

г) Форма одновременности деепричастий НСВ *(честно, откровенно и т. п.) говоря, (грубо и т. п.) выражаясь* и др.:

(19) *Честно* ***говоря****, он собирался сделать это еще раньше…* (А. Рекемчук. Мамонты);

д) Форма предшествования деепричастий СВ *сказав*: факты не обнаружены.

Словоизменительная категория лица:

(а) Формы 1-го лица: *говорю, скажу, скажем* и нек. др.:

(20) *Я мамку ругаю: меньше пей,* ***говорю****, просись на свинарник…* (Б. Екимов. Пиночет);

(б) Формы 2-го лица: *говоришь, говорите, скажешь, скажете, (не) говорите, (не) скажите* и нек. др.:

(21) *«Да какое,* ***говоришь****, недоразумение-то вышло?»* (В. Шукшин. Калина красная);

(в) Формы 3-го лица: *говорит (грит, грыт), говорят, скажут, пусть скажут* и нек. др.:

(22) *«А тебя, босяка, за то, что ты меня сам расстреливать на поле водил, я,* ***говорит****, живьем на тысячу и один кусок разрежу»* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей);

Словоизменительная категория числа:

(а) Формы единственного числа: *скажу, говорит* и др.:

(20) *Ничего особенного или настораживающего,* ***скажу честно****, я не заметил, – признался Трошин* (Е. Сухов. Делу конец – сроку начало);

(б) Формы множественного числа: *говорят, говорите, скажем, скажут* и др.:

(21) *Но публика там,* ***скажем откровенно****, так себе…* (Б. Левин. Инородное тело);

Словоизменительная категория рода:

(а) Формы мужского рода: *(как) говорил / сказал (Платон и др.)* и т. п.:

(20) *Несчастная любовь, долги, женитьба, творчество, конфликт с государством. Плюс,* ***как говорил*** *Достоевский – оттенок высшего значения* (С. Довлатов. Заповедник);

(б) Формы женского рода: *(как) говорила / сказала (учительница* и др.*)* и т. п.:

(21) *Может быть, попали,* ***как говорила*** *моя бабушка, в хорошие руки…* (Р. Киреев. Шишига);

(в) Формы среднего рода: *(как) говорилось, (как) сказано (в древних книгах…)* и др.:

(21) *А заперто здание было,* ***как говорило*** *предание, много десятков лет тому назад* (Н. Гейнце. Дочь Великого Петра).

Транспозиция глаголов в личной, инфинитивной и деепричастной формах в вводно-модальные слова и выражения имеет функциональный или функционально-семантический характер. Чаще всего это чисто грамматический процесс, протекающий в семантической зоне исходных глагольных лексем. В таких случаях мы имеем дело с двумя типами их употребления – с собственно глагольным (22) и вводно-модальным (23). Ср.:

(22) *Весь вопрос в том, как понимать добро. Вы* ***понимаете*** *его как благополучие* (И. Грекова. Без улыбок); *Редкий интеллигентный человек сумеет* ***признаться*** *даже себе самому…* (В. Пелевин. Бэтман Аполло);

(23) *Я,* ***понимаете****, вообще-то агроном…* (В. Шаламов. Колымские рассказы); *Меня,* ***признаться****, угнетает, что я думаю на работе не за себя, а за Мухина* (С. Носов. Фигурные скобки).

Значительно реже вводно-модальное употребление глагольной словоформы приводит к ее выходу за пределы глагольной лексемы и образованию нового слова, что дает основание говорить о морфолого-синтаксическом способе словообразования. Ср., например, контексты употребления грамматических и лексических омонимов *пожалуй* (глагол в личной форме), *знать* (глагол в форме инфинитива) (24) и *пожалуй, знать* (отглагольные вводно-модальные слова) (25):

(24) *На минутку* ***пожалуй*** *сюда* (П. Боборыкин. Китай-город); *Скажите мне… умоляю, я хочу* ***знать*** (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

(25) *Дети страха. Они,* ***пожалуй****, более жизнеспособны* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); *Ты что это? По материной дорожке,* ***знать****, собираешься?* (П. Бажов. Демидовские кафтаны).

Характер и степень ослабления или утраты (нейтрализации) тех или иных глагольных свойств у языковых единиц при функциональной (23) и функционально-семантической модаляции (25) различны, что требует в каждом конкретном случае специального рассмотрения. Очевидным является то, что глаголы в разных формах репрезентации – личных, деепричастных и инфинитивных с присущими им в той или иной мере грамматическими категориями вида, залога, наклонения, времени и др. способны демонстрировать на разных стадиях модаляции неодинаковую степень отхода от исходной глагольной лексемы и приближения к вводно-модальным словам и выражениям. Следует иметь в виду при этом, что по мере приближения к вводно-модальным словам и выражениям глагольные словоформы могут оказаться в зоне влияния и других классов слов – подчинительных союзов следствия (*выходит, значит*), утвердительных частиц (*разумеется*), предлогов (*судя по…*), этикетных и эмотивных междометий (*извините, простите*)] и межклассного семантико-синтаксического разряда предикативов с семантикой оценки с точки зрения зрительного и слухового восприятия (*видать, слыхать*) в рамках параллельно протекающих транспозиционных процессов конъюнкционализации, партикуляции, препозиционализации, предикативации.

Библиографический список

1. Баудер А. Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. – Таллин : Валгус, 1982. – 184 с.

2. Буланин Л. Л. Категория залога в современном русском языке. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 88 с.

3. Буланин Л. Л. Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – С. 94–115.

4. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. – М. : Просвещение, 1976. – 208 с.

5. Василенко Л. И. Структурно-семантическая роль модальных слов в тексте : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Минск, 1985. – 22 с.

6. Князев Ю. П. О статье Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/comm1.htm (дата обращения: 14.09.2021).

7. Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – М. : Рус. яз., 1989. – 639 с.

8. Кудрявцева М. И. Семантика модальных слов глагольного происхождения : автореф. дис. …канд. филол. наук. – Л., 1988. – 18 с.

9. Муковозова Т. И. Грамматический статус модальных слов : дис. … канд. филол. наук. – М., 2002. – 204 с.

10. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 440 с.

11. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – 2-е изд. – Л. : Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1941. – 620 с.

12. Шигуров В. В. Ближняя и дальняя периферия в системе русского глагола // Филология и журналистика в контексте культуры : материалы Всерос. науч. конф. – Вып. 2. – Ростов-н/Д, 1998. – С. 21–22.

13. Шигуров В. В. Типология употребления атрибутивных форм русского глагола в условиях отрицания действия / науч. ред. Л. Л. Буланин. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1993. – 385 с.

© Шигуров В. В., 2022.

УДК 82-293.22

ЖАНР КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕКАТЕРИНЫ II

Т. И. Акимова,
д-р филол. наук, профессор
akimova_ti@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема жанра комической оперы в творчестве Екатерины II, определяются авторская стратегия и жанровые составляющие, к которым относятся жанр комедии и жанр литературной сказки; обозначается идея произведений, написанных в жанре комической оперы, как утверждение мифологемы «золотого века» правления Екатерины II, а также выявляется специфика екатерининского просвещения и ее ориентация на формирование просвещенного российского двора.

Ключевые слова: жанр комической оперы, творчество Екатерины II, «галантный диалог» как авторская стратегия, комедия, литературная сказка.

GENRE OF COMIC OPERA IN THE WORK OF CATHERINE II

T. I. Akimova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article considers the problem of the genre of comic opera in the work of Catherine II, defines the author's strategy and genre components, which include the genre of comedy and the genre of literary fairy tale; it denotes the idea of works written in the genre of comic opera as a statement of the mythology of the "golden age" of the reign of Catherine II, and also reveals the specifics of Catherine's enlightenment and its orientation on the formation of an enlightened Russian court.

Keywords: genre of comic opera, the creativity of Catherine II, "gallant dialogue" as author's strategy, comedy, literary fairy tale.

Жанровая система русской литературы XVIII века оказывается в XXI столетии в центре внимания многих отечественных ученых, которые значительно расширяют представления о российской словесности, начиная с пере-

смотра поэтики отдельных жанров (Н. Ю. Алексеева [3], О. Б. Лебедева [10], Л. А. Казакова [8]) и заканчивая выделением новых векторов жанрового развития в литературном процессе того времени (П. Е. Бухаркин [5], И. Клейн [9], Т. В. Саськова [11]), во многом зависящем от культурной политики правящего монарха. Исследовательское внимание к жанру как таковому невозможно без выявления его генезиса, что невольно приводит к изучению русского литературного процесса XVIII века, максимально искаженного под воздействием советской идеологии. Если эпоха Петра I «пострадала» в меньшей степени от конъюнктурного взгляда советских ученых, то литературное творчество Екатерины II в этом отношении – совершенно закрытая книга по причине незаслуженного «выпадения» произведений писательницы-императрицы из социокультурного процесса XVIII столетия, впрочем, как и ее авторских стратегий, направленных на переакцентирование классицистической жанровой системы, в которой комической опере не было места.

Так, имеющиеся отечественные работы об изучении жанра комической оперы демонстрировали умалчивание важной роли (П. Н. Берков [4], А. В. Западов [7]), которую сыграла венценосная писательница в утверждении данного жанра в России, и только в последнее десятилетие (с появлением исследований Ю. В. Семёновой [12]) это положение стало меняться, высветив еще одну грань литературного таланта писательницы-властительницы: Екатерина II – либреттист.

Обращение императрицы Екатерины II к жанру комической оперы было вызвано задачей формирования в идеологии Просвещения придворной культуры, всецело соответствующей лучшим западным образцам. С этой целью она создает «Оперный дом» в начале своего царствования и ею же руководствуется, приглашая модного итальянского архитектора Д. Кваренги для появления в России Эрмитажного театра – «золотого века» придворного искусства.

Соединение остроты и развлечения, проявившееся в комедийном творчестве Екатерины II, в жанре комической оперы становилось несоразмерным в пользу большей развлекательности и камерности, приватности. Небольшое количество гостей, приглашенных к просмотру спектакля, должно было свидетельствовать об исключительности того положения, в котором оказывались избранные, смотрящие на театральное действо рядом с императрицей. Это свидетельствовало о высочайшей милости и доступ к большим возможностям придворной жизни, сопоставимым с мифологемой жизни в Раю.

Миф о золотом веке екатерининского правления формировался отчасти пышными декорациями, внушающими зрителям мысль об идиллическом пейзаже райских времен, в которых царили безмятежность, обилие и семейное счастье. Например, авторская ремарка относительно изображения сцены в комической опере «Февей» выглядит так: «Театр представляет приятную рощу; Февей на пригорке опочивает; музыка играет тихо; ему во сне является невеста его в балете; сея продолжается не более пяти минут, по окончании которого проснется, и встав, поет» [6, с. 463].

Еще более идиллическую картину рисует ремарка в комической опере «Храбрый и смелый витязь Ахридеич»: «Театр представляет зелёные сады» [6, с. 474], – которая предваряет выступление хора мамушек, нянюшек, царевен, поющих о прекрасной жизни на лоне природы:

Днём шумят потоки тихи, ветры веют,
И ключи из горок воду бьют;
Преширокиреки вод плескать не смеют,
А струи вод свежих в поле льют,
Сладко напояя землю растворенну,
Естество прекрасно обновят;
Обольщены очи, зрящи на Вселенну,
Нежны чувства тем увеселят» [6, с. 475].

В комической опере «Новогородскій богатырь Боеслаевич» в финале Хор возглашает наступление «золотого века»:

Торжествуйте Славенски народы,
У нас идут златые годы.
Воспримем с радости полные стаканы,
Восплещем громко и руками,
Заскачем весело ногами
Мы верные гражданы [6, с. 411].

Таким образом, тема счастливой жизни российского двора как в свернутом виде модели всего государства становится лейтмотивом всех комических опер Екатерины II, ориентированных как на зрителей-соотечественников, так и на европейских посланников, дипломатов, специально имеющих честь быть приглашенными в Эрмитажный театр по четвергам.

Изложенная императрицей в аллегорической «Сказке о царевиче Хлоре» модель гармоничного мироустройства [2], в котором счастливая жизнь иерархически устроенного общества зависела от понимания аристократией роли крестьян в социуме, а также от обеспечения и защиты их мирного труда, продолжалась теперь в виде состоявшегося проекта в жанре комической оперы. Эта преемственность жанров подчеркивалась переделкой аллегорической «Сказки о царевиче Февее» – продолжательницы вышеназванного сказочного произведения венценосной писательницы – в комическую оперу «Февей».

Преемственность жанров определялась в том числе авторской установкой на императорский двор и на демонстрацию подданными умения/неумения вести себя в царских покоях как главной задачи придворного, а также условием понимания каждым членом российского общества того места, которое он занимает в социальной иерархии. Эта идея звучит в комической опере «Федул с детьми» из уст крестьянки Дуняши, с одной стороны, смеющейся над желанием аристократа жениться на ней:

Я не знаю в свете жить…
Я советую тебе
Любить равную себе [6, с. 537], –

а с другой – как раз и скрепляющей в символическом «браке» дворян с крестьянством идиллию «золотого века». В то же время галантная культура здесь не способ подражания, а тонкая ирония, особенно для тех, кто стал ценить русское платье, фольклор и принял крестьянство как условие для наступления всеобщей счастливой жизни.

Итак, утвержденная императрицей модель социального устройства раскрывалась в жанре комической оперы двояким способом: через мифологему пиршества дворян, вернувшихся в далекое историческое прошлое, которое осталось запечатлено в народной памяти как еще не разделенная на сословия счастливая жизнь всего российского народа, что подчеркивалось фольклорным сюжетом пьес, и через ироническое высмеивание тех аристократов, кто еще желает ориентироваться на западные модели поведения, французскую моду и не ценит российский колорит.

Ироническое восприятие галантной культуры как заморской, не свойственной отечественному народному сознанию, звучит особенно отчетливо в комической опере «Горе-богатырь Косометович», в которой тема рыцарства подается в близости к образам романа Сервантеса «Дон-Кихот», и развивается в сюжет о неспособности русского богатыря – маменькиного сынка совершать подвиги и защищать даже самого себя. Следует отметить, что комический тон этой пьесы создается не в последнюю очередь говорящими именами как самого главного действующего лица, так и его советников-слуг, выполняющих наставление царицы защитить ее сына от всех опасностей:

«К р и в о м о з г ъ (про себя). Переломает он всю сбрую богатырскую и совсем тем она ему еще не по силе и по не нраву будет. (Отводит Горе-богатыря на сторону.) О чем сударь ты так много заботишься? Ведь дело твое в том, чтоб доспехи казисты были? Послушай мой совет, дай нам волю, мы сделаем тебе для легкости латы из картузной бумаги и выкрасим железным цветом; а вместо шишака со ржавчинами, сошьем тебе косую пушистую шапочку на хлопчатой бумаге с журавлиными перьями разных цветов, и ты будешь и казист, и зело лепен.

Г о р е б о г а т ы р ь. Хорошо, лишь скорее сделайте, а чтоб поспеть, то поеду на Мезенском иноходце буром» [6, с. 442].

Безусловно, в этом ироническом снижении образа сына-богатыря звучит и авторская самоирония, раскрывающаяся в образе заботливой матери нерадивого сына, стремящегося уехать из российского двора на войну, что отражено в переписке Екатерины II с сыном и невесткой. Именно авторская самоирония снимала сатирическую направленность данного произведения и утверждала тот ренессансный громогласный смех, в котором участвуют все зрители независимо от социальной принадлежности.

Наряду с использованием говорящих имен в жанре комической оперы выделяется еще один прием, используемый писательницей-императрицей ранее в жанре комедии, – это многочисленные пословицы, которые выступали в качестве дидактического элемента произведения просвещенной государыни. В жанре комической оперы дидактика полностью завуалирована общенародным смехом. Поэтому обращение автора к народному сознанию через де-

монстрацию в пьесах многочисленных пословиц, которые вытесняют салонные афоризмы и подчеркивают единение аристократической разумности с мудростью крестьянской, указывают на случившееся объединение прежде всего в самом авторе.

На изречении пословиц строится практически вся роль Федула из комической оперы «Федул с детьми»: «Молоденький умок, что вешний ледок», «Товар полюбился, и ум расступился», «Догадка лучше разума», «Всякая птица свои песни поёт», «Сказка сладка, а песня – быль».

Эта двунаправленность и на всенародность, и на элитарность екатерининской идеи, выражающей суть «галантного диалога» как авторской стратегии, позволяет венценосной писательнице балансировать между просветительством как исходящим движением снизу вверх (воспитывает переодетая в славянское платье и имитирующая народную речь императрица) и абсолютизмом как иерархически выстроенной социальной моделью, не требующей изменения.

Высмеиваемая Екатериной II откровенная «галантность» как бессмысленное подражание французской моде, заявленное еще в жанре комедии, в комической опере усиливается как способ авторской коммуникации со зрительным залом, представленным не столько рафинированными аристократами, сколько допущенными к процессу екатерининского просветительства посредниками, долженствующими передавать западному миру (посланники европейских государств) или российскому провинциальному дворянству (придворные) смысл идеологического послания писательницы-императрицы.

Появление многочисленных домашних театров в дворянских усадьбах доказывало успешность «галантного диалога» императрицы с подданными, а жанр комической оперы, формирующийся в творчестве Екатерины II на синтезе двух жанров – комедии и литературной сказки, – участвовал в формировании мифа о «золотом веке» екатерининского правления, для которого установка на двор-семью [1] переносилась на все российское общество и свидетельствовала о закреплении за российской государыней не только статуса «просвещенной монархини», но и «Матери народа российского».

Библиографический список

1. Акимова Т. И. Единство государственной и семейной морали в комедиях Екатерины II // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – № 8. – С. 112–118.

2. Акимова Т. И. «Сказка о царевиче Хлоре» Екатерины II: пространство идиллии как поле воспитания и государственного строительства // XVIII век: Литература в эпоху идиллий и бурь. – М. : Экон-Информ, 2012. – С. 227–236.

3. Алексеева Н. Ю. Русская ода: развитие одической формы в XVII–XVIII веках. – СПб. : Наука, 2005. – 368 с.

4. Берков П. Н. Русская комедия и комическая опера XVIII века // Русская комедия и комическая опера XVIII века. – М.; Л. : Искусство, 1950. – С. 5–66.

5. Бухаркин П. Е. Письма русских писателей XVIII века и развитие прозы: 1740-ые –1780-ые годы : дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 209 с.

6. Екатерина II. Сочинения императрицы Екатерины II. – СПб. : Изд-во А. Ф. Смирдина, 1849. – 672 с.
7. Западов А. В. Комическая опера // История русской литературы. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 4 / редкол. тома: Г. А. Гуковский, В. А. Десницкий. – Ч. 2. – С. 284–295.
8. Казакова Л. А. Жанр комической поэмы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX вв.: генезис, эволюция, поэтика : автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2009. – 53 с.
9. Клейн И. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 576 с.
10. Лебедева О. Б. Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX веков. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 464 с.
11. Саськова Т. В. Пастораль в русской литературе XVIII – первой трети XIX века : автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2000. – 42 с.
12. Семёнова Ю. С. Музыкально-театральная деятельность Екатерины II : автореф. дис. … канд. искусствоведения. – Казань, 2011. – 24 с.

© Акимова Т. И., 2022.

УДК 801.73

САРКАЗМ КАК ПРИЕМ КОМИЧЕСКОГО В ЦИКЛЕ СТИХОВ А. КОДАРА «РИМСКИЕ МОТИВЫ»

А. Т. Бактыбаева,
докторант
smile_1713@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются саркастические приемы художественного изображения настроения, чувств лирического героя и окружающей действительности 90-х годов XX века в цикле А. Кодара. Двуязычный казахстанский поэт новой волны в «Римских мотивах» подчеркивает, что сарказм – это едкая издевка, в основе которой не только желание автора обнажить контраст подразумеваемого и выражаемого, но и намерение подчеркнуть обнажение подразумеваемого. Установлено, что в цикле стихов сарказм посредством изменения фразеологизмов, использования грубой лексики, игры слов передает тему безумия, которая тесно переплетается с темой игры.

Ключевые слова: А. Кодар, ирония, лирический герой, русскоязычная поэзия Казахстана, цикл стихов.

SARCASM AS A COMIC DEVICE IN A CYCLE OF POEMS
A. KODAR'S POETRY CYCLE "ROMAN MOTIVES"

A. T. Baktybayeva
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article deals with the sarcastic methods of the artistic image of the mood, feelings of the lyrical hero and the surrounding reality of the 90s of the XX century in the cycle of A.. Kodar. The bilingual Kazakh poet of the new wave in "Roman motives" emphasizes that sarcasm is a caustic mockery, which is based not so much on the author's desire to expose the contrast of the implied and the expressed, but also on the intention to emphasize the exposure of the implied. It was found that in the cycle of poems sarcasm through the change of phraseology, the use of crude vocabulary, wordplay conveys the theme of madness, which is closely intertwined with the theme of the game.

Keywords: A. Kodar, irony, lyric character, Russian-speaking poetry of Kazakhstan, cycle of poems.

Различные приемы комического (смех, ирония, насмешка и др.) как форма общественной критики в русскоязычной литературе Казахстана широко применяются поэтами и прозаиками. Однако сарказм как один из основных приемов литературной критики отчетливо проявил себя лишь во второй половине XX века. Наиболее широко он представлен в русскоязычной поэзии Казахстана XX – начала XXI века, но при этом на сегодняшний день не существует ни одного литературоведческого исследования, посвященного специфике воплощения сарказма в лирике казахстанских поэтов. Цель статьи – рассмотреть способы выражения сарказма на материале цикла стихотворений «Римские мотивы» А. Кодара с позиции традиций казахской смеховой культуры. Цель определила решение следующих задач: 1) рассмотреть литературоведческий и лингвокультурологический аспекты сущности сарказма; 2) выделить и описать семантическую структуру саркастического высказывания в цикле стихов «Римские мотивы». Заметим, что мы опирались на компонентный анализ (при исследовании плана содержания значимых текстовых единиц); текстовый и контекстуальный анализ (выявление глубинного семантического плана) и их связь с национальной традицией.

Ауэзхан Кодар – казахстанский писатель новой волны, двуязычный поэт и драматург, культуролог и философ, литературный критик, переводчик казахской классики, главный редактор журнала «Тамыр». Литературные пристрастия казахстанского художника слова отличают необычайная широта и многообразие. Переводы произведений античной литературы, русской поэзии, английской «метафизической школы», литературные очерки, эссе и многое другое были опубликованы в его книгах на русском языке: «Крылатый узор» (1990), «Абай (Ибрагим) Кунанбаев» (1996), «Круги забвения» (1998), «Очерки по истории казахской литературы» (1999), «Степное знание: очерки по культурологии» (2002), «Зов бытия» (2006), «Порог невозврата» (2011).

На казахском языке были опубликованы две книги: «Қанағатқағанаты» (1994) и «Оралу» (2006). Произведения А. Кодара были переведены на английский, корейский и украинский языки.

Его многожанровое творчество объединяет ключевая мысль – сохранить и преумножить духовное богатство казахского народа, которое открыто к диалогу с другими культурами. Своеобразие современной национальной словесности осмысливается поэтом в контексте тесной взаимосвязи восточной и европейской классических литератур, что репрезентовано в цикле стихов «Римские мотивы». Сам автор подчеркивает: «Римские мотивы – это не стилизация, а попытка письма на несовпадающих цивилизационных и временных периодах… И если я, казах XXI века, как бы перевоплощаюсь в поэта античности, то это не отменяет и той реальности, в которой я живу. А эта реальность – руины. И жалеть о руинах не стоит. Как писал Аристотель, бытие сущего проявляется многообразно. Только дай нам бог разглядеть его новые модусы» [5, с. 76].

«Римские мотивы» представляют собой стихотворный цикл, состоящий из восьми стихотворений. Все они объединены общими структурно-стилевыми и проблемными принципами и представляют собой единый текст, полный сарказма в повествовании о мировоззрении, описании образа жизни и мыслей человека конца 1990-х годов. Целая эпоха с ее неотъемлемыми приметами и знаковыми событиями: развал Союза («римской эпохи»), массовое переселение в другие страны, тотальная безнравственность молодых и пожилых, разгул пьянства предстают в саркастической форме стихотворных заметок; сарказм как прием комического используется здесь в качестве инструмента социальной критики.

Напомним, что, по мнению литературоведов, сарказм – это высшая степень иронии, едкая, злая насмешка над изображаемым явлением [8]. М. Д. Кузнец и Ю. М. Скребнев относят к иронии употребление слов, словосочетаний и предложений в смысле, обратном тому, который непосредственно в них выражен, для критической оценки в характеристике предмета [6, с. 35–36]. Л. И. Тимофеев подчеркивает, что ирония – это «отрицательная оценка предмета или явления через его осмеяние. Комический эффект достигается тем, что истинный смысл события замаскирован. При иронии мы высказываем прямо противоположное тому, что подразумевается» [9, с. 55]. И. В. Арнольд считает иронию «выражением насмешки путем употребления слова в значении, прямо противоположном его основному значению и с прямо противоположными коннотациями, притворное восхваление, за которым в действительности стоит порицание. Противоположность коннотаций состоит в перемене оценочного компонента с положительного на отрицательный, ласковой эмоции на издевку, в употреблении слов с поэтической окраской по отношению к предметам тривиальным и пошлым, чтобы показать их ничтожество» [1, с. 86]. С. И. Походня обусловливает создание ироникосаркастического смысла стремлением автора выразить свое отношение к действительности косвенным путем, желанием скрыть реальную модальность высказывания. «Иронический смысл – это смысл такого предложения, выска-

зывания, текста в целом, в котором субъективно-оценочная модальность отрицательного характера содержится в подтексте и находится в отношениях противоречия, противопоставления с поверхностно выраженным содержанием, которое, в свою очередь, создается несоответствием традиционного и ситуативного значений языковых единиц» [7, с. 59]. Следовательно, современные исследователи фактически отождествляют иронию и сарказм, рассматривая их, с одной стороны, как стилистический прием, с другой – как вид комического.

Сарказм как средство изобличения недостатков успешно используется и в казахстанской художественной литературе, публицистике, журналистике. Именно сарказм как едкая и желчная ирония подчеркивает внутреннюю фальшивость, абсурдность, «анормальность» социума и всех общественных институтов в Казахстане 90-х годов:

Ну, так что же? От Рима остались теперь лишь руины.
И боюсь, что не варвары в этой развязке повинны [5].

И. Г. Жирова полагает, что практически любое ироническое высказывание может быть приближено к полюсу сарказма [3]. Все же сарказм более персонифицирован и индивидуален, более того, он, на наш взгляд, характеризует степень мировоззренческого кризиса автора. В основе такой критичности – чувство полной неудовлетворенности и разочарованности человека в окружающей его действительности:

Мне ни там, и ни здесь, и нигде не предвидится места,
Где ты, Лесбия, где? Только ты мне годишься в невесты [5, с. 77].

Мотивы разочарования и бренности бытия сближают эти строки А. Кодара с творчеством казахских жырау XVIII века. Однако если жырау вели диалог только со знатными людьми, то современный поэт нарочито подчеркивает свое «невысокое» положение. Здесь типологическая общность ироническо-саркастического начала поэта и родовых особенностей казахской национальной смеховой культуры – постоянное обращение: у жырау – к властителям «мира сего» с вопросом, *как и что делать*, тогда как у Кодара, *где люди вообще*?

Чувства и эмоции в произведениях жырау эксплицировались целостно. Если они описывали свое негодование, то оно тесно переплеталось с разочарованием и презрением. Не было ни малейшей нотки сочувствия или иронии. Сарказм как высшая степень иронии в поэзии Кодара сопровождает чувство негодования:

Живы мы иль мертвы? Как спросить, если нет дара речи?
Это Рим или мир? Мир не вечен, но Рим-то был вечен… [5, с. 79].

В этих строках очевидна анаграмматическая игра букв: мир-Рим. Риму уже в Античности (III век н. э.) стали давать эпитет Вечный (лат. Roma Aeterna). Это представление о «вечности» Рима сохранилось и после падения древнеримской цивилизации. Одно из значений слова «мир» в Толковом словаре Ушакова: «Вся жизнь в бесконечности». По нашему мнению, казахстанский поэт подчеркивает продолжительность, отчасти затянутость «безвре-

менья» конца 90-х годов XX века. Разумеется, все стихотворение пронизано мотивом гибели страны в образе «Рима»:

Время умерло…Мы обитаем в ничто и без сути.
Словно скалы недвижны секунды, часы и минуты [5, с. 79].

Особую роль в цикле стихов играет использование сниженной лексики: «козлище», «попойка», «зад», «кобыла» и др., – которая привносит игровую деконструкцию фразеологизмов и стертых метафор, каламбуров и шутки.

Рядом старый козел… Он весь потом воняет на совесть,
То ли в лужу, а то жахнуть в воздух натужно готовясь.
Ох, удружит сейчас! Как затянет козлиную песню!
Впрочем «ода козла» – это даже почетно и лестно! [5, с. 79].

Подобное нарочитое использование лексики с саркастическим оттенком, а также семантическая игра («затянет козлиную песню» явственно отсылает к античной драме и дезавуирует буквальный перевод названия «высокого» жанра трагедии), на наш взгляд, направлено на демонстрацию внутреннего противоречия героя и окружающих его людей, абсурдность обусловленных ими шаблонов мышления, демонстрирует кризисность современного мира в целом. Далее поэт развивает размышления о современности посредством фонетического каламбура:

Что же в них победит – дух мудизма иль талмудизма?
Сколь терпеть эту вонь, даже если в ней запах харизмы?! [5, с. 78].

Тема игры тесно переплелась с темой безумия. Мы солидарны с мнением М. В. Карякиной, которая указывает: «Само понятие игры на рубеже веков расширяется, обретает активность, распространяясь на явления и представления изначально неигровой природы. Процесс «игроизации» жизни человека связан с новым типом сознания, доминантой которого становится особый тип жизнеотношения, при котором человек легко меняет свой внешний образ (облик). В условиях неустойчивой, вечно становящейся действительности преобладающим в начале XX века оказывается игровой тип самоопределения личности творца» [4, с. 7]. На наш взгляд, это характерно и для литературы начала XXI века.

Лирический герой «Римских мотивов» А. Кодара, его взаимоотношения с Лесбией, Ювенцием, Катуллом и другими героями цикла, как зеркало, отражают черты безумного мира: жадность, страх, лицемерие, грубость, двуличие. Картины действительности, речь лирического героя и его чувства к Лесбии, «юным рабыням», которые он пытается проявить в различных ситуациях, свидетельствуют о его духовной опустошенности, неразвитости его внутреннего мира, утрате способности радоваться жизни, что как раз и выражается посредством мотива безумия. Подчеркивается это и саркастическим описанием деталей:

Вон колонны торчат, ничего не осталось от дома,
И повсюду трава в роли слуг моих и экономок.
И повсюду трава вместо юных рабынь моих знойных,
И латынь не звучит, не нужна она в войнах и бойнях [5, с. 78].

Саркастический смысл речи в обращениях направлен на представителей власти:

...Поцелуя желаешь? В Сенат напиши ты немедля.
И пришлют старика, что не очень в любви привередлив.
Здесь и белых полно, и цветных, и с брюшком, и дебильных.
Вон брюнеты, шатены, вон лысые ходят, блондины… [5, с. 81].

В этих строчках лирический герой и те, кто его окружают и на кого направлены «стрелы» сарказма, – предельно обнажены. При этом лирический герой не отделяет себя от современников, для которых представители власти и белые, и цветные, и с брюшком, и на одно лицо, но интонационно-саркастический контекст подчеркивает его неравнодушие к повседневным порокам общества, что выдает ощущение его вины за происходящее. Саркастический смысл передается при помощи использования в едином ряду слов, имеющих разную стилистическую окраску:

Пусть ты хром, косоглаз, не владеешь ни речью, ни слогом,
Пусть тебя красотой обделили суровые боги.
Я куплю тебе трость, к окулисту свожу, логопеду.
Разве ты виноват, что ты пьяница больше…[5, с. 78].

Саркастическое использование слов «непотребство», «выпьем, наливай», «козлиная попойка», «мы ныне без ласки, без пищи» и т. п. – это не заботы героя о насыщении своей плоти, как это может показаться на первый взгляд. Нам представляется, что здесь «насыщенность отождествляется с благополучием, пустота – напротив, знак беды. До наших дней сохранились мифологические представления о том, что пустое ведро в руках встречного принесет несчастье, что пустой стол на праздник предвещает бедность… Пустое, разряженное пространство противопоставлено в мифологии наполненному, как несчастное – счастливому» [2, с. 37]. Следовательно, поэт подчеркивает пустоту не только телесную и не столько ее, а наоборот, душевную.

Одним из важнейших средств моделирования «саркастического дискурса» в цикле стихов являются разнообразные повторы. Они проявляются на уровне лексики и синтаксиса:

Разве ты виноват, что на Форум тебя не пускают.
Что давненько тебя за … никто не ласкает?
Разве ты виноват, что тебя разлюбил твой патриций?
И никто из богов не желает с тобою водиться? [5, с. 78].

Если бы только расти, пробиваясь сквозь камни и плиты.
Иль сквозь время, что млеет, свернувшись в кибитке улиты.
Ей бы только расти, покрывая собой всю округу.
Все по кругу идет в этом мире, Луцилий, по кругу [5, с. 78].

Очевидно, что саркастический эффект эксплицируется через транспозиции: отрицательной формы предложения в утвердительную восклицательных предложений. Эксплицитная тональность синтаксической структуры указывает на высокую степень контекстности саркастического высказывания у А. Кодара.

Итак, ключевым средством создания комического в стихотворном цикле А. Кодара «Римские мотивы» становится сарказм. В восьми стихотворениях автор плодотворно соединил европейскую и казахскую литературные традиции с вызовом времени, социально-психологическими особенностями эпохи рубежа XX–XXI веков. Беря за основу мотивы игры, безумства, различные виды повторов, А. Кодар сарказм, репрезентованный в нескольких разновидностях (скрытый сарказм, саркастический смысл речи, саркастический пафос, саркастическое описание деталей окружающего мира), делает важнейшим художественным средством изображения современной реальности, ее уродливой трансформации.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 2000. – 301 с.
2. Ефимова Е. С. Священное, древнее, вечное… (Мифологический мир «Лета господня») // Литература в школе. – 1992. – № 3/4. – С. 36–41.
3. Жирова И. Г. Лингвистическая категория «эмфатичность» в антропоцентризме. Языковая личность Маргарет Тетчер в эмоционально-оценочном дискурсе. – М. : Кн. дом «Либроком», 2012. – 256 с.
4. Карякина М. В. Феномен игры в творчестве Леонида Андреева : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
5. Кодар А. Зов бытия. – Алматы : Таймас, 2006. – 528 с.
6. Кузнец М. Д. Стилистика английского языка / М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев. – М. : Просвещение, 2002. – 173 с.
7. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии. – Киев : Наук. думка, 1989. – 128 с.
8. Сарказм [Электронный ресурс] // Литература и язык: Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. А. П. Горкина. – М. : Росмэн, 2006 – URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/68589/Enciklopediya__Literatura_i_yazyk__(s_illyustraciyami).html (дата обращения: 15.05.2021).
9. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. – М. : Просвещение, 2005. – 549 с.

© Бактыбаева А. Т., 2022.

УДК 82:1:811.181.1

«ПРАВОСЛАВНЫЙ РОМАН» В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «НЕЗАВЕРШЕННОЙ ЛИТУРГИИ» ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСИЯ МОКИЕВСКОГО)

Е. А. Белоглазова,
аспирант
e.a.beloglazova@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье осмысливается роман «Незавершенная литургия» протоиерея Алексия Мокиевского. Установлено, что ключевыми чертами

этого произведения, относящегося к «православной прозе», становятся храмовый хронотоп, отображение процесса формирования самосознания героя, обретение им внутренней свободы.

Ключевые слова: протоиерей Алексий Мокиевский, православный роман, православная проза, современная русская литература.

«ORTHODOX NOVEL» IN MODERN RUSSIAN PROSE (BASED ON THE MATERIAL OF ARCHPRIEST ALEXY MOKIEVSKY'S «UNFINISHED LITURGY»)

E. A. Beloglazova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article analyzes the novel "Unfinished Liturgy" by Archpriest Alexei Mokievsky. It is established that the key features of this work, which belongs to the "Orthodox prose", are the temple chronotope, the display of the process of formation of self-consciousness of the hero, the finding of his inner freedom.

Keywords: Archpriest Alexey Mokievsky, Orthodox novel, Orthodox prose, modern Russian literature.

«Незавершенная литургия» – первое крупное произведение протоиерея Алексия Мокиевского, которое сам автор называет «православным романом», причем подобная жанровая разновидность, появляющаяся и развивающаяся в отечественной словесности на рубеже XX–XXI веков, нова для русской прозы, где традиционными разновидностями романа являлись авантюрный, психологический, бытовой, исторический, приключенческий, детективный и др. Развитие православного романа и шире – православной прозы – во многом обусловлено всё возрастающей ролью церкви в социокультурном сознании, акцентуацией роли христианских ценностей в современном социуме официальной идеологией и культурой после столь долгого забвения (не последнюю роль, заметим, в этом процессе играет вручаемая с 2011 г. Патриаршая литературная премия имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, призванная содействовать развитию взаимодействия православной церкви и российского литературного сообщества) [3]. Примечательно в этом контексте творчество Ю. Вознесенской, В. Ганичева, А. Сегеня, О. Николаевой, И. Чароты, а также священнослужителей протоиереев В. Чугунова, А. Ткачева, Н. Агафонова, А. Мокиевского, репрезентующих аксиологические ориентиры русского православия, пропагандирующих семейные добродетели, нередко изображающих трудный путь человека к вере.

Роман протоиерея Алексия Мокиевского «Незавершенная литургия» делится на пять глав, каждая из которых названа согласно особому авторскому замыслу, когда прт. А. Мокиевский поделил молитвенную фразу на пять частей: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков». Эти смысловые отрезки определяют структуру романа:

- Пролог
- 1-я глава – «Благословенно Царство...»
- 2-я глава – «...Отца и Сына…»
- 3-я глава – «...И Святаго Духа…»
- 4-я глава – «Ныне и присно…»
- 5-я глава – «И во веки веков»
- Эпилог – «Аминь».

Очевидно, что в названии глав отображена ключевая тема романа, поскольку именно с этого возгласа в православии всегда начинается вторая часть самого важного богослужения, во время которого совершается таинство Евхаристии – Божественной Литургии, литургия оглашенных. Напомним, что в древние времена, дабы принять святое крещение, верующие проходили весьма длительную подготовку: изучали основы веры, ходили в церковь, но молиться на литургии они могли только до перенесения Даров с жертвенника на престол. Оглашенные, готовящиеся принять веру, а также кающиеся, отлученные за тяжелые грехи от причастия, должны были выйти в притвор храма. Герои прт. А. Мокиевского и есть те самые «оглашенные», пришедшие к православной вере, которых Господь укрепил в их намерении и «огласил словом истины».

Хронотоп романа весьма своеобразен – «внутреннее», романное, время соотнесено с временем «большим», в котором протекают исторические события. После пролога, в котором речь идет о произошедшем десятилетия назад, первая глава ретроспективно отправляет читателя в 20-е годы XX века. Действие последних трех глав и эпилог снова переносятся в наши дни, однако все равно имеются отсылки к прошлому в виде воспоминаний героев о ранее прожитых годах.

Примечательно, что сюжет романа строится именно на временном парадоксе. В 20-е годы прошлого столетия отца Георгия Белова арестовывают представители Губчека непосредственно во время богослужения. Причем они пришли и помешали ходу службы именно в самый важный момент: священник подготовил в Чаше Святая святых – хлеб и вино, символизирующие Тело и Кровь Иисуса Христа, успел причаститься сам и как раз должен был выйти к народу, чтобы приобщить паству к Таинству Евхаристии. Согласно канону, священник не мог просто так оставить наполненную Чашу.

« – Я согласен пойти с вами куда хотите, но я не имею права оставить непотребленные Дары. Если нельзя закончить службу своим чередом, разрешите хотя бы потребить, ну то есть… съесть и выпить вот То, что стоит за вашей спиной. Это мой долг.

<...>

– Все! Хватит ставить условия! У тебя свой долг, у нас свой. Пошли!» [4, с. 56–57].

Священника арестовали и увели, Чаша так и осталась стоять на Престоле в алтаре, ее никто не трогал, поскольку другого священника не прислали: шли массовые аресты верующих. Только спустя много лет в храм вошел

отец Василий Сосновский и завершил богослужение, «вкусив Тело и Кровь Христа» из Чаши.

Интересно, что *до определенного события* время повествования для читателей не замедляется и не ускоряется. Однако отец Василий становится свидетелем необычного явления в том самом храме, где арестовали много лет назад отца Георгия. На глазах священника совершается чудо: величественное убранство алтаря полуразрушенного храма превращается в труху, после того как он завершил Божественную Литургию: «Озираясь одними глазами по сторонам, он видел, как чернеет иконная олифа, как истлевают ткани полотенец и завес, как рассыпаются оконные рамы <...> Только что снятая им фелонь выцвела, распалась и сдута сквозняком с истонченного шашелем стола» [4, с. 272–273]. Лишь теперь становится понятно, что *время в храме останавливалось на несколько десятилетий, а сейчас ускоренно «догоняет» его.* «Вам не кажется, что мы с вами стоим на рубеже времени и пространства? – тихо произнес отец Василий. – Мы с вами не только в церковь зашли, мы шагнули в вечность, над которой не властно мимотекущее время. То, что на церковном языке звучит как „во веки веков“, это не просто „очень долго“, это выражение вот такого состояния – надвременности свершающихся событий» [4, с. 255–256].

В романе достаточно большое количество персонажей, сразу нескольким действующим лицам отведены отдельные главы, поэтому первоначально сложно выделить главного героя. Тем не менее, на наш взгляд, главных действующих лиц в «Незавершенной литургии» три: священник Георгий Белов, Саша Фомин-младший, священник Василий Сосновский.

Повествование начинается со знакомства с отцом Георгием, которого задерживают комиссары, вторая глава посвящена семье Фоминых, третья – отцу Василию. В четвертой главе отец Василий едет к старцу Георгию, с которым читатель уже знаком из первой главы. В пятой же отец Василий вместе с семьей Фоминых направляются в храм для совершения назначенной им миссии.

В романе есть и второстепенные персонажи: Аверьян Петрович, Александр и Наталья Фомины, матушка Ирина, Вадим. Особое место занимает образ девочки Светы. Сначала про ее существование знает только Саша Фомин-младший. Она встречается ему на прогулках, помогает в ловле рыбы, но при этом не говорит с ним, а лишь поет непонятную, но очень красивую песню («Видехом Свет Истинный…»), а затем пропадает в самые неожиданные моменты. Позже ему удается заговорить с девушкой и познакомиться поближе. Света начинает казаться Саше неземной. Так, она очень красива, всегда босая, умеет проходить сквозь стены, перемещается бесшумно. Свое имя девушка не называла, его придумал Саша, когда на вопрос «Как тебя зовут?» она ответила: «И всяко еще аже нарече Адам душу живу, сие имя ему», что в переводе означает: «И как назвал Человек всякое животное, так и стали его величать» [4, с. 102–103].

Света учила Сашу ходить по воде: «Она как-то поманила меня рукой и говорит: „Гряди по мне“, ну, то есть „Иди за мной“. А я не сразу решился, но

потом, видя, как у нее это ловко выходит, пошел по воде. А потом как-то осознал под собою глубину, у меня аж дыхание перехватило. Я остановился, гляжу под ноги, и только на волнах покачивает. Жуть! Ну и сказал я что-то грубое от удивления. Не помню что. Тут же подо мной словно люк открылся, ухнул я в воду со всей дури. Доплыл кое-как до берега» [4, с. 115]. Этот эпизод отсылает нас к Священному Писанию, где в Евангелии от Матфея сказано: «...Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился?» [5, с. 62].

Света была «проводником» для главных героев, объясняла им, что нужно сделать для совершения миссии, на что указывает и ее имя: она фактически освещает путь другим. При ее описании повествователь отмечает, что она говорит на церковнославянском языке, а это невозможно, поскольку на нем не говорили славяне: он служил для написания церковных текстов и проведения богослужений. Этому есть объяснение: Света на самом деле – Ангел.

« – Кто вы? И как вы сюда попали? <...>

– Аз есмь посланник Бога Вышнего! Волею Вседержителя хранитель храма сего ныне предстою зде пред Господем Моим!» [4, с. 257].

Непонятная песня, которую она запевала несколько раз при Саше, была исполнена ею до конца только однажды: когда отец Василий продолжил службу, незавершенную когда-то отцом Георгием: «Видехом Свет Истинный, прияхом Дух Небесного, обретохом веру истинную, нераздельной Троице покланяемся: Та бо нас спасла есть» [4, с. 267]. Во время православного богослужения клирос поет это торжественное песнопение, которое выражает радость людей, вкусивших Святые Дары и переживающих благость соединения со Христом. Именно потому, что отец Георгий не успел причастить людей и Чаша осталась на Престоле, Ангел сначала не мог исполнить это песнопение полностью.

Трактуя образ Светы в романе и отмечая в связи с этим присутствие «мистической фантастики», Н. В. Володина отмечает: «В контексте христианской метафизики мистикой называется „особый род религиозно-философской познавательной деятельности“, предполагающей „возможность непосредственного общения между познающим субъектом и абсолютным предметом познания“ – сущностью всего, или Божеством» [2, с. 227]. В тексте протоиерея А. Мокиевского подобное общение является «взаимоотношением личности, микросреды и среды» и тем самым заменяет традиционную «романную ситуацию».

Центральным топосом романа становится церковь со всеми ее атрибутами, а ключевым – храмовый хронотоп. Именно в храме и вокруг него не просто происходят важнейшие события романа – читатель может проследить историю церкви: ее создание, расцвет, а затем постепенное умирание. Храм освящен в честь Покрова Пресвятой Богородицы, и, некогда величественный,

для жителей современных сел он был опасным местом. После ареста отца Георгия храм пустовал, но официально закрыт не был, хотя в то время эта участь была распространена для церквей. Прихожане оберегали храм, например сторож часами просиживал на колокольне и, завидев подходящих людей, спускался вниз, закрывал окна и двери, уходил в болота, куда никто не осмелился бы пойти. Люди пытались обложить храм взрывчаткой и подорвать – ничего не получалось, взбирались на звонницу, чтобы сбросить колокола, – падали и либо разбивались насмерть, либо оставались инвалидами на всю жизнь.

Церковь так и не была разграблена, поэтому позднее стала центром притяжения для грабителей и ценителей антиквариата, которые отправлялись в рискованное путешествие на лодках (храм стоял на отдельном острове): «Да она будто заговоренная, никому не давалась <...> А здесь ведь кладбищо кругом, кресты кованыё. Их с-под воды не видать. Ну, кто наткнется, лодку пробьет, да и потонет. В общем, гиблое место – нехорошее» [4, с. 11]. Позднее Саша Фомин станет изучать историю храма и выяснится, что место на острове сильное, намоленное – церковь здесь стоит с 1485 года.

Отец Василий, добравшись до алтаря, не мог поверить своим глазам: великолепное убранство, неостывшая Чаша, хлеб и вино, не утратившие вкуса, будто и не было этих нескольких десятков лет забытья. После того как отец Василий завершил Божественную Литургию и успел выйти, храм стал разрушаться: обрушились стены, рухнул купол: «Они увидели, что вместо привычного силуэта храма там, над зарослями, клубилось облако кирпичной пыли» [4, с. 275]. Позже храм на острове разобрали из-за опасности дальнейшего разрушения, а из остатков кирпича на том месте построили часовню и освятили в честь Покрова Богородицы.

Традиционная романная оппозиция «герой – общество» в «Незавершенной литургии» тоже представлена в эпизоде, когда Саше Фомину не поверил отец Сергий и не поехал с ним в заброшенный храм. Однако важнейшее противопоставление в православном романе – это отображение процесса формирования самосознания героя, обретение им внутренней свободы, которое не предполагает обязательного конфликта с окружающими, с миром, противопоставления своего Я другим [2, с. 227]. Процесс формирования личности верующей, непростой путь к вере наиболее выпукло представлен на примере судьбы священника Василия Сосновского, который был воспитан в неверующей семье и осознанно пришел в Церковь, затем у Саши Фомина-младшего и отца Георгия.

Итак, в «православном романе» «Незавершенная литургия» прт. А. Мокиевского, построенном в соответствии со смысловыми отрезками молитвы, открывающей литургию оглашенных, ключевым становится храмовый хронотоп. Храм в романе не просто место действия, но и символическое место, куда приходят заблудшие герои, стремящиеся к добру; именно здесь они находят укрепление в православной вере, в Боге. Само богослужение в «Незавершенной литургии» мыслится основой бытия; мотивы искушения, спасения души, образ ангела, помогающего заблудшим обрести себя,

«рифмуются» с евангельскими мотивами и образами. Все испытания главные герои проходят, уповая на Бога, при этом все персонажи – обычные современные люди – в процессе сюжетного развертывания либо становятся верующими, либо еще более укрепляются в вере.

Библиографический список

1. Бойко С. С. Сюжет и конфликт в современной прозе: роман протоиерея Алексея Мокиевского «Незавершенная литургия» // Новый филологический вестник. – 2016. – № 4. – С. 87–95.

2. Володина Н. В. Православный роман и его автор // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2006. – Т. 8 (1). – С. 226–228.

3. Леонов И. С. Тема нравственного поиска личности в православной художественной прозе XXI в. (на примере рассказов священника Ярослава Шипова «Пеликан» и «Должник») // Известия ВГПУ. – 2011. – С. 154–157.

4. Мокиевский Алексий (протоиерей). Незавершенная литургия. – СПб. ; М. : Пальмира, 2018. – 288 с.

5. Новый Завет. – М. : Благовест, 2011. – 1008 с.

© Белоглазова Е. А., 2022.

УДК 82-14

ЖАНРОВО-ВИДОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИКЛА ПУТЕШЕСТВИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С. П. Гудкова,
д-р филол. наук, профессор
sveta_gud@mail.ru
В. А. Самойленко,
аспирант
samojlenko.viktoria@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается синкретичная природа лирического цикла путешествий. В ходе анализа выявляются его жанрово-видовые особенности и классификационные принципы. Автор обращает внимание на способность данной жанровой формы синтезировать в себе черты лирического цикла и травелога.

Ключевые слова: лирический цикл путешествий, травелог, образ путешественника, маршрут путешествий, жанровый синтез, современная поэзия.

GENRE-SPECIES FEATURES OF THE TRAVEL CYCLE: A THEORETICAL ASPECT

S. P. Gudkova, V. A. Samojlenko
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article deals with the syncretic nature of the lyrical travel cycle. In the course of the analysis its genre-species features and classification principles are revealed. The author draws attention to the ability of this genre form to synthesize the features of the lyrical cycle and travelogue.

Keywords: lyrical travel cycle, travelogue, traveler's image, travel itinerary, genre synthesis, modern poetry.

Лирический цикл путешествий в современном литературоведении рассматривается как синкретичная форма, вобравшая в себя черты травелога и собственно лирического цикла. Отталкиваясь от характеристик каждой из вышеупомянутых литературных форм, можно выделить ряд жанрообразующих признаков цикла путешествия.

Образ путешественника.

Данная художественная категория конститутивна. Она является структурообразующим элементом в архитектонике цикла путешествий. Именно с образом путешественника связано и развитие сюжета, и возникновение центральных мотивов, вызванных переживаниями героя и его впечатлениями от художественной действительности и картин прошлого, вызванных ею.

Маршрут путешествия.

Этот элемент в структуре цикла путешествий является тематическим и структурным стержнем текста. Путь следования лирического героя может быть намеченным или уже реализованным, реальным или вымышленным. Его выбор зависит от той цели, которую ставит перед собой автор, создавая цикл путешествия. По мнению Н. М. Масловой, именно характер маршрута определяет набор фактов, которые наполняют произведение [4, с. 10].

Согласно точке зрения В. А. Шачковой, маршрут как структурообразующее понятие путешествия представляет собой «синтез объективных фактов, с которыми сталкивается путешествующий независимо от своей воли, и субъективный авторский отбор этих фактов, поскольку маршрут поездки в той или иной степени определяется в конечном итоге волей путешественника» [10, с. 280].

Исследователи отмечают, что маршрут выполняет функцию сюжета, поскольку влияет на хронотоп произведения, делая его «линейным». Лирический герой путешествует из одного места в другое, переживая в пути различные события, повествование которых предлагается в тексте в их временной последовательности.

Единая проблематика и общность сюжетных конфликтов.

Данные факторы свойственны не только циклу путешествий, но и другим типам циклически организованных текстов (различного вида лирическим циклам, эпическим циклам, книгам стихов и др.). Характер этих компонентов определяет образно-стилистические решения автора, а также подкрепляет единство его образа в тексте.

«Идея свободы», выдвинутая В. М. Гуминским [см.: 3, с. 41].

«Идея свободы» – конструктивный принцип травелога, и потому, на наш взгляд, он же является основополагающим и для лирического цикла путешествий. По мнению В. М. Гуминского, он заключается в неограниченных возможностях автора при выборе предметов изображения и при переходе от одного объекта изображения к другому, который происходит исключительно по его собственной воле, без подчинения «закономерностям, присущим произведениям с четко выстроенной фабулой» [3, с. 41].

«Идея свободы» – это также незамкнутость текста внутри себя как отдельного литературного объекта. Текст травелога, как и текст цикла путешествий, непосредственно связан с действительностью.

Циклический сюжет и размытие фабулы.

В цикле путешествий, как и в родственных ему поэтических формах, сюжет многослоен, состоит из целого ряда сюжетных ситуаций, существующих параллельно, а фабула «перестает играть сюжетообразующую роль, эта функция передается другими компонентами художественной структуры» [3, с. 11].

По мнению М. М. Гина, такие составляющие цикла, как единство идейно-тематического задания, проблематика, угол зрения, под которым и в соответствии с которым отбирается материал, и являются тем самым «организующим центром», который берет на себя функции фабулы. Подобную организацию текста, в которой фабульный стержень нечетко выражен, а его функции выполняют вышеуказанные компоненты, литературовед называет «обзорным принципом композиции» [1, с. 77]. Н. Н. Старыгина считает, что в таком материале, где реализуется бесфабульный тип связи, велико композиционное значение образа автора: «Развитие авторской мысли составляет внутренний сюжет цикла, связывающий все его компоненты в ассоциативной последовательности» [6, с. 25].

Относительная самостоятельность стихотворений цикла.

Каждый фрагмент цикла путешествий несет собственную смысловую нагрузку, относительно автономен по своей природе, но при этом открыт для взаимосвязи с другими фрагментами. В результате такой связи в цикле путешествий генерируются новые смыслы произведения, прочтение которых невозможно при рассмотрении каждого элемента в отдельности.

«Жанровая свобода» (В. М. Гуминский).

Принцип жанровой свободы – это способность произведения комбинировать внутри своей структуры разнородные элементы (жанры). Такой синтез позволяет автору решать не одну задачу, а сразу несколько. Их характер определяется в зависимости от того, какую цель он ставит перед собой, со-

здавая произведение. Так, наряду с художественной задачей автор может решать также социальные или политические задачи. Кроме того, благодаря данному принципу отчасти может решаться и практическая задача. Для автора цикла путешествий она состоит в непреднамеренном создании автором путеводителя для других путешественников, включающего наблюдения лирического героя о характере тех мест, в которых он побывал, а также об особенностях, обычаях и традициях, которые там бытуют.

Введение документальных элементов.

Историко-географические факты в цикле путешествий связывают произведение с реальной действительностью. Подчеркивая их роль, акцентируя на них внимание читателя, автор тем самым стремится сформировать у читателя ощущение достоверности происходящих в художественном контексте событий, описываемых им эпизодов. Включенные в художественный контекст историко-культурные факты приобретают новое идейно-смысловое наполнение, становясь элементом художественной формы. С данным признаком тесно связано введение в циклы путешествий многочисленной топонимики и ономастики. Упоминание географических названий, имен, описание флоры и фауны определенного пространства придают ощущение достоверности и убедительности поэтического текста, визуализируют маршрут путешественника, увлекая читателя в виртуальное путешествие.

Оппозиция «родное – чужое».

В центре этого противопоставления всегда находится сам лирический герой. Он рассматривает все посещенные им во время его реального или вымышленного путешествия места и все увиденное им там с точки зрения значимости для него самого, принадлежности ему, а также оторванности, отличности от родного ему мира. Чувство тоски, возникающее у него из-за расставания с родными местами или отдаления от них, провоцирует лирического героя на сопоставительное изображение художественной действительности.

Познавательная функция.

Через призму переживаний героя раскрывается его мировосприятие и передается жизненный опыт. Его субъективный взгляд, размышления, оценка возникают спонтанно, при этом они отчасти брошены попутно и недосказаны. Концентрируясь на этих отрывочных замечаниях лирического героя, читатель получает возможность для познания и освоения его отношения к миру.

Необходимо отметить, что, выделяя вышеперечисленные жанрообразующие признаки, мы, следуя традиции таких современных исследователей эволюции травелога, как В. А. Шачкова [10], М. Г. Шадрина [9], Е. А. Стеценко [7], В. А. Михайлов [5] и др., рассматриваем лирический цикл путешествий достаточно широко. На наш взгляд, данное жанровое образование вбирает в себя характерологические черты двух жанров: лирического цикла и травелога. Поэтому мы считаем, что в каждом конкретном поэтическом тексте современной литературы будет в большей степени превалировать (в зависимости от поставленных автором задач) либо ряд признаков лирического цикла, либо черты травелога [2].

Этот перечень структурно-семантических показателей поэтического путешествия может варьироваться в каждом отдельном контексте. Однако независимо от особенностей материала неизменным остается представление о цикле путешествий как о целостной поэтической форме, в которой сочетаются документальное и вымышленное начала, а также демонстрируется субъективное восприятие художественной действительности.

Поскольку проведенное исследование позволило выделить ряд устойчивых признаков стихотворного цикла путешествий, то можно утверждать, что эта литературная форма – особое жанровое образование. На его специфичность указывает и собственная типология. Так, можно выделить группы лирических циклов путешествий, которые различаются характером маршрута:

1) цикл путешествий с реальным географическим маршрутом (путешествие по реально существующему географическому пространству);

2) цикл путешествий с маршрутом по концептам и культурологическим образам (путешествие складывается из символов, олицетворяющих описываемую местность или культуру);

3) цикл путешествий с вымышленным маршрутом (путешествие по нематериальным объектам: по личным воспоминаниям, по исторической памяти).

Кроме того, данную жанровую разновидность можно классифицировать и с точки зрения хронотопа. Так, основываясь на выводах Л. В. Флёрко, можно выделить:

1) пространственные циклы путешествий (пространство играет организующую роль в цикле);

2) временные циклы путешествий (организующую роль в цикле играет время);

3) пространственно-временные циклы путешествий (пространство и время в цикле равноправны) [см.: 8].

Таким образом, лирический цикл путешествий – это циклическая поэтическая форма, претерпевающая в современном литературном процессе жанровую трансформацию. Вбирая в себя традиционные для литературного цикла признаки (общее название, авторская заданность композиции, самостоятельность входящих в лирический цикл стихотворений, тематическое единство стихотворений, сюжетно-композиционное единство стихотворений, сквозные мотивы и т. д.) и признаки жанра путешествия (образ путешественника, маршрут путешествия, познавательная функция, жанровая свобода), цикл путешествий в современной отечественной поэзии становится все более многомерным и неоднородным. Введение дополнительных лирических мотивов расширяет тематический комплекс цикла путешествий религиозно-философскими, любовными, социальными, политическими смыслами, что, с одной стороны, обогащает поэтический сюжет, а с другой – разрушает жанрово-типологические признаки поэтической формы. Изучение процесса трансформации данной жанровой формы позволяет наметить основные пути

развития как самого лирического цикла путешествий, так и современной отечественной поэзии в целом.

Библиографический список

1. Гин М. М. От факта к образу и сюжету: о поэзии Н. А. Некрасова. – М. : Сов. писатель, 1971. – 301 с.
2. Гудкова С. П. Современная русская поэзия: проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 300 с.
3. Гуминский В. М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе : дис. … канд. филол. наук. – М., 1979. – 184 с.
4. Маслова Н. М. Путевой очерк : проблемы жанра. – М. : Знание, 1980. – 116 с.
5. Михайлов В. А. Эволюция жанра путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX вв. : дис. … канд. филол. наук. – Волгоград : ВГПУ, 1999. – 224 с.
6. Старыгина Н. Н. Проблема цикла в прозе Н. С. Лескова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1985. – 25 с.
7. Стеценко Е. А. История, написанная в пути… (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.). – М. : ИМЛИ РАН, 1999. – 312 с.
8. Флёрко Л. В. Классификация и типология лирических циклов в литературоведении // Вестн. КазНУ. – Алматы, 2011. – № 1 (131). – С. 61–65.
9. Шадрина М. Г. Эволюция языка «путешествий» : дис. … д-ра филол. наук. – М., 2003. – 394 с.
10. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестн. Нижегор. ун-та. – 2008. – № 3. – С. 277–281.

© Гудкова С. П., Самойленко В. А., 2022.

УДК 372.882

ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ СКАЗОК А. П. АНИСИМОВОЙ В ШКОЛЕ

Л. Б. Гурьянова,
старший преподаватель
lyudmila010159@yandex.ru
Пензенский государственный университет
Пенза, Россия

Аннотация. Представлены основные вехи творчества писательницы, сказительницы, фольклористки А. П. Анисимовой. Рассмотрены основные отличительные черты ее литературных сказок, даются рекомендации по их изучению в школе.

Ключевые слова: литературная сказка, русская народная сказка, зачин, финал, образы-персонажи, языковое своеобразие сказок.

STUDY OF LITERARY FAIRY TALES A. P. ANISIMOVA AT SCHOOL

L. B. Guryanova
Penza State University
Penza, Russia

Abstract. The main milestones in the work of the writer, storyteller, folklorist A. P. Anisimova are presented. The main distinctive features of her literary tales are considered, recommendations are given for their study at school.

Keywords: literary tale, Russian folk tale, inception, finale, characters, linguistic originality of fairy tales.

Одним из известных и распространенных жанров фольклора является сказка – «эпическое, преимущественно прозаическое, произведение волшебного, авантюрного или бытового характера» [4, с. 202]. По мнению И. А. Книгина, «сказка – то, что рассказывается, устный рассказ о чем-либо интересном как для исполнителя, так и для слушателя, несмотря на то, что она всегда ориентирована на вымысел, будь то нравоучительные рассказы о животных, волшебные сказки, авантюрные повести, сатирические анекдоты» [4, с. 202]. Особое место в классификации сказок занимают литературные, созданные писателями. Это «многожанровый вид литературы, построенный на литературном синтезе» [5, с. 108]. По мнению Л. Ю. Брауде, литературная сказка – «авторское, художественное прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных принципах, либо сугубо оригинальное; произведение преимущественно фантастическое, волшебное, рисующее чудесные приключения вымышленных и традиционных сказочных героев и в некоторых случаях ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора, служит отправной точкой характеристики персонажа» [2, с. 234]. Главное отличие литературной сказки состоит в том, что она имеет автора, который может поднимать в своем произведении различные социальные, моральные, нравственные проблемы. Авторами литературных сказок были И. Гёте, Э. По, Э. Гофман, Г. Х. Андерсен, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, А. Н. Толстой и др.

В этом году исполняется 130 лет со дня рождения известной писательницы, поэтессы, собирательницы фольклора, автора рассказов для детей, сказительницы, песенницы, составителя и комментатора сборников загадок, пословиц и поговорок Александры Петровны Анисимовой. Сначала получив домашнее образование, затем окончив Мариинскую женскую гимназию в Симбирске, она учительствовала в школе, работала в библиотеке, стала успешным журналистом. С 1935 г. ее жизнь неразрывно связана с Пензенской областью. Много лет она работала в районных газетах Каменки и Башмакова, в этот период она начала записывать произведения устного народного творчества. В 1938 г. переехала в с. Поим, где прожила до 1952 г. За годы жизни в этом селе она издала 26 книг, среди них: «Песни и сказки», «Песни и сказки Поимского района», «Песни и сказки Пензенской области», «Народное красное слово», «Избранное» и т. д.

Песни на ее стихи вошли в репертуар Государственного хора имени Пятницкого и Северного русского народного хора.

Некоторые ее сказки переведены не только на языки народов СССР, но и на немецкий, сербохорватский и румынский.

Изучение литературных сказок в школе способствует формированию нравственных представлений учащихся, развивает их интерес к чтению и расширяет литературный кругозор. В программу по литературному краеведению Пензенской области включен раздел, посвященный знакомству с многообразием творческих интересов и подвижнической деятельностью поэтессы, фольклористки, сказочницы А. П. Анисимовой.

Цель данной статьи – определить основные элементы литературных сказок А. П. Анисимовой, дать рекомендации по их изучению в школе.

Необходимо обратить внимание школьников на то, что каждая литературная сказка А. П. Анисимовой опирается на фольклорные традиции, начиная с сюжета и заканчивая персонажами.

Действие большинства сказок происходит в привычной для русского человека обстановке, например в деревеньках Нетужиловка и Новая Нетужиловка («Две горошины»), в селе Привольное («Про деда Водяного»). Автору не всегда важно сообщить читателю, где протекает повествование, ей важнее показать обстановку, в которой происходят события, описанные в сказке. Так, сказка «Три Аннушки» начинается со слов: «Не в городе, а в селе, не в улице, а в переулке жили-были два брата – Кондрат и Игнат». А вот ярмарка, на которой продаются изделия братьев, показана достаточно подробно: «Народу … собралось многое множество – люди пришли-приехали кто с куплей, кто с продажей, кто на людей поглядеть, кто себя показать. Тут и споры, и разговоры, и катанье на карусели, и всякое веселье. Одно слово – ярмарка» [1].

Сказительницу привлекали и волшебные сказки, где не только действовали вымышленные персонажи, например старик Светозар и две его дочери Светлана и Смугляна («Две сестры»), но и события происходили в необычной обстановке, например «в некотором царстве, в очень дальнем государстве, за лесами, за горами, за холодными морями» («Царица Ледяница») [1].

В литературных сказках А. П. Анисимовой встречаются традиционные персонажи русского фольклора, например Водяной («Про деда Водяного»), старик Светозар («Две сестры»), Пресветлое Красное Солнышко («Светлый месяц и его невеста»). Однако образы-персонажи в ее сказках гораздо разнообразнее. Прежде всего, ее сказки населены обычными людьми: здесь можно встретить парня Максима и девушку Олимпиаду («Заколдованная липа»), мужика Ермилу, его брата Липата, бабу Ненилу («Ермиловы караваи») и т. д. Причем в наименовании персонажей отмечается творчество сказительницы. Так, в сказке «Царица Ледяница» действуют и атаман Буран, и воин Буря, и боярин Холод Лютый, и витязь Солнце.

Часто А. П. Анисимова поясняет, почему так называет героев. Так, в сказке «Три Ивана» в семье мужика Ивана и его жены появляются на свет три сына, каждый из которых тоже получает имя Иван, но по разным причи-

нам. Первый был назван в честь отца, второй – в честь одного деда, третий – в честь другого деда. «Растут три Ивана, один другого подгоняют».

Поскольку действие некоторых сказок происходит в советский период, то и персонажи называются не всегда в соответствии с фольклорной традицией. Так, в сказках герои могут быть названы по имени-отчеству, например сестры Варвара Петровна и Ненила Петровна («Как котенок лягушку ловил»). В некоторых сказках встречаются персонажи с «говорящими» фамилиями, связанными либо с занятиями героев, либо с их местом проживания. Так, в сказке «Две горошины» потомки бабушки, занимавшейся выращиванием гороха, стали Гороховыми; в сказке «Про деда Водяного» помогает бороться с засухой агроном Привольская, так как действие сказки происходит в селе Приволье; в сказке «Три Аннушки» читатели становятся посетителями выставки, где выставлены экспонаты, выполненные народными мастерами Игнатием Ивановичем, Иваном Игнатьевичем и Анной Никаноровной Горшениными, потомками гончаров.

В литературных сказках А. П. Анисимовой школьники могут встретиться с вариативными наименованиями персонажей: так, в сказке «Клад» они знакомятся с внучкой деда Наума Маринкой, которая впоследствии становится агрономом Мариной Григорьевной; в сказке «Счастливая зыбка» события происходят в избе лесничихи Пелагеюшки и лесника Матвеюшки, хотя его мужики чаще зовут Матвеем или Матвеем Ивановичем.

Кроме людей в сказках встречаются и животные, имеющие клички: медведь Михаил Иванович («Как мужик барина образовывал»), пес Черномордик или Черномордый («Заяц Белая Шубка»). Животные присутствуют во многих ее сказках, но чаще всего у них нет кличек или прозвищ, например скворец и скворчиха («На шесте был дворец») или котенок, мыши, лягушки («Как котенок лягушку ловил»).

Сюжеты сказок А. П. Анисимовой были тесно переплетены с реальной жизнью того времени, но они интересны как метод донесения информации в понятной форме. Так, в сказке «Три Аннушки» экскурсовод на выставке гончарных изделий рассказывает посетителям о преимуществе советского строя: «…в старое время в деревне талантливому человеку невозможно было развивать свои способности в полную силу. И ведь действительно, живя в деревне, какую культуру мог тогда видеть крестьянин? Научился грамоте – и то хорошо. А в наше время совсем по-другому люди живут, хотя бы и в деревне: газеты и книги читают, радио слушают, кино смотрят. А случится человеку из сельской местности в город приехать, так он может и в театрах, и в музеях, и на выставках побывать, посмотреть, чего другие достигают. Пожалуйста!» [1].

В сказках упоминаются исторические события, современниками которых были их герои. Так, в сказке «Три Аннушки», объясняя, почему так достоверно получилось у гончара изображение девушки, экскурсовод говорит: «Он показывает колхозницу военного времени, когда наши женщины во всех работах мужчин заменяли – и пахали, и сеяли, и косили, и возили». А сам автор куклы Иван Горшенин объяснил, почему он захотел ее сделать, на кого

она похожа: «Когда, – говорит, – я после войны возвратился домой, то нашел на нашей двери замок. И я пошел поискать кого-нибудь. И первая, кого я встретил в колхозе, была моя сестра. Она тогда работала старшим конюхом. За шесть лет она очень изменилась, в ее лице появилось для меня новое – необыкновенное упорство и сила. Потом я это же замечал и у многих других колхозниц. А лицо сестры прямо-таки врезалось мне в память, оно не давало мне покоя» [1].

Конечно, каждая сказка помогает школьнику понять, к каким жизненным идеалам он должен стремиться. Так, в сказке «Птица Радость» главная героиня долго ошибалась, пока не усвоила: «Нужно только не обмануться в своих желаниях, запросить у нее не чужую, а свою радость». В сказке «Как мужик барина образовывал» простому русскому мужику пришлось учить богатого барина житейским премудростям [1].

Образы персонажей литературной сказки отличаются неповторимой индивидуальной характеристикой. Во многих сказках очень подробно описано, чем обычно занимался русский мужик. Так, в сказке «Три Ивана» сыновья не только «в три топора столько хворосту нарубили, что хватит матери печь топить недели на две», но и «вперед людей попахались», так как «один пашет, другой обед варит, а третий лошади травы припасает да за водой на родник ходит» [1].

Еще более слаженной показана работа, когда герои сказок вступают в колхоз и работают на себя, а не на барина. Так, в сказке «Как нужда от старика отказалась» показано изменение материального положения героев сказки после того, как они стали колхозниками: «Дали им в колхозе работу по силе: старика в конюха поставили, а старуху цыплят караулить приставили. Трудодней у них каждый год много бывает, так что хлеба им вполне хватает. И корову они теперь заимели, отелится через две недели» [1].

Важно показать школьникам, как важен труд для человека. Известно, что сама сказительница умела многое делать сама: занималась ткачеством, делала гончарные изделия и писала картины маслом. Вот почему так подробно она описывает труд гончара в сказке «Три Аннушки»: «А Игнат этому делу и рад. Закончил он горшки, сколько ему полагалось, и принялся игрушки лепить. Много их наделал. А обливу пустил и красную, и зеленую, и желтую с белизной, и красную с желтизной. Обжигал сам, старшего брата и близко к печи не подпускал. И вот все у Игната готово. Расставил он в избе по полу всю эту детскую забаву – тут тебе и соловья-свистульки, и петушки – зубчатые гребешки, и лебеди с лебедятами, и уточки с утятами, и кони – шея дугой, грива волной, хвост трубой. А уж куклы!.. Ну что это за куклы – прямо загляденье! Барыни в шляпах, платья на них до долу, с оборками и разными подборками. Ну, мастер был! Ведь эти фасоны и всякие фестоны надо выделать» [1].

Необходимо обратить внимание школьников на речевое своеобразие сказок А. П. Анисимовой.

В некоторые из них она включает разные жанры русского фольклора.

Например, особый интерес представляет сказка «Высокая палата», ко-

торая содержит большое количество загадок, например, «А внизу, от темного порога, тихо вышла черная корова, по полям, долинам, по оврагам побрела она неслышным шагом. Ходит-бродит черная корова, вот она и свет весь поборола – призатих на время шум веселый, все уснули в городах и в селах», где под черной коровой подразумевается ночь. Еще более прозрачной кажется другая загадка: «Вот на склонах гор растут сады, зреют в них чудесные плоды: то ли яблочко, а то ли груша? То ли слива, то ли что получше? Их растил ученый садовод. Имя это знает весь народ. Человек совсем простого рода, из простого города Козлова, садовод совсем не чародей. Чем же славен он среди людей? Тем, что, разгадав умом природу, делал доброе всему народу». Речь здесь идет о И. В. Мичурине, знаменитом ученом-селекционере, создателе многих современных сортов плодово-ягодных культур.

Многие пословицы и поговорки русского народа читатели встречают в литературных сказках А. П. Анисимовой: день да ночь – сутки прочь («Две горошины»), щи да каша, пища наша («Три Аннушки»), лягушка поет – добрую весть подает («Как котенок лягушку ловил»), что прошло, того не воротишь – ветчинка уже съедена («Как мужик барина образовывал»).

Кроме того, некоторые сказки дополнены другими жанрами фольклора, например колыбельной:

– А баю, баю, баю,
Баю крошечку мою.
Баю, баю, баю, бай,
Спи, сыночек, засыпай.
Спи, малютка, засыпай,
Крепче глазки закрывай…(«Счастливая зыбка»).

Автор литературных сказок обращает внимание на речевое своеобразие разных персонажей. Так, в текст сказки «Три Аннушки» органично входят призывы ярмарочных зазывал: «Эх, ребятенки, веселые глазенки! Купите петушка, поет по-соловьиному. А вот конек, рыжий, как огонек, не бежит, а скачет. Цена пятак, отдал бы так, да больно деньги нужны. А вот куколка хороша – не барыня, а душа. Обливная, глазуреная, как жар горит, только не говорит. Кому уточку с утятами? Кому соловья? Не гляди, что глина, а было бы мило. Давайте подходите, товар глядите, за погляд денег не берем» [1].

В сказках достаточно часто встречаются рифмованные строки. Так, в сказке «Царица Ледяница» главная героиня, выходя на узорчатое крыльцо, дивится на белый свет:

«– Как прекрасно! Как бело! Всё снегами замело! И куда ни кину взоры, вижу дивные узоры!

И зовет она подругу, свою песенницу Вьюгу:

– Расскажи – кто этот мастер, кто дворец мой так украсил? Кто ковал кристаллы эти, выводил узоров сети?

Отвечает ей подруга:

– Знает наша вся округа, чьи затейливые руки это делали от скуки, – твой, царица, воин грозный, молодой Мороз Морозный» [1].

Большой интерес для школьников представляет лексический состав

сказок. В них наряду с известными словами встречаются и те, значение которых следует уточнить по словарю: стоеросовое дерево («Заколдованная липа»), сковородник («Птица Радость»), беремя дров («Три Ивана»), запрячь в роспуски шестерку лошадей («Клад»), небольшой положок («Две горошины») и т. д. Встречаются здесь и необычные грамматические формы: мать с ног сбилась, стряпаючи да гостей принимаючи («Птица Радость»), она, полынь-то, сыстари тут завелась («Как нужда от старика отказалась»), вот я и запозднилась («Птица Радость») и т. д.

У каждой сказки есть зачин, который помогает читателям понять, о чем будет идти речь или о каких героях сказок они узнают, например «За горами, за долами, за синими морями жил-был могучий старик Светозар. И было у Светозара две дочери, красотою равные, а обликом разные» («Две сестры») или «Неведомо когда, в стародавние года, в небольшой деревушке, на самом краю, жила бездетная вдова. Трудилась она, не ленилась, от своих рук кормилась – по летам в людях полола да жала, а по зимам белый лен пряла. За труды ей платили кто хлебом, кто зерном, а кто белым льном» («Светлый месяц и его невеста»).

Особое место занимает финал, где содержится моральная составляющая литературной сказки. Причем в зависимости от времени, когда развиваются ее события, финал может быть различным. Так, в сказке «Заколдованная липа» в конце сказки главные герои Максим и Липа сыграли свадьбу, но автор хочет обратиться к читателю: «Эта сказка про те давние годы, когда женщина не видала свободы. А кто здесь под богатым колдуном подразумевается, надо думать, что каждый и сам догадается». Сказка «Птица Радость» заканчивается словами: «На этом сказка кончается. Продолжать ее никому не запрещается. А мне бабушка только это и сказывала, а прибавлять ничего не наказывала». В сказке «Счастливая зыбка» двойной финал. Один из них посвящен главным героям: «Конечно, и Матвея с Пелагеей хвалили – сумели они детей и вырастить, и воспитать, и ко всякой работе приохотить».

А другой финал, или маленькая досказка, как называет ее автор, переносит читателя в реальную действительность, помогает увидеть связь сказочного сюжета и жизни: «…шли две женщины из школы с родительского собрания. Одна волнуется и говорит:

– Удивляюсь! Где же отец с матерью были? Неужели не видали, какой у них оболтус растет?

А другая на это сказала:

– Не следили за ним, пока маленький был, вот и вырастили дубину стоеросовую. Родители разные бывают. Иные и из пенька паренька смогут выходить.

Наверно, эта женщина что-нибудь слыхала про Матвея с Пелагеей.

А может быть, так это у ней, к слову пришлось?»

Таким образом, изучение литературных сказок А. П. Анисимовой неразрывно связано с изучением жанров русского фольклора. Если говорить о сказке, то «в методике основательно разработаны такие вопросы: обучение выразительному чтению на примере сказок, обучение разным видам переска-

за, поурочные рекомендации по анализу текста отдельных произведений школьной программы, использование возможностей словарной работы, проведение уроков внеклассного чтения по сказкам, развитие речи учащихся при изучении сказок, использование проблемных ситуаций на уроках по сказкам» [3, с. 75]. Изучая литературные сказки А. П. Анисимовой, учителя должны обращать внимание на основные элементы сказок, характеристику их персонажей, путем сравнительного анализа научить школьников отличать литературную и русскую народную сказку, детально прорабатывать их языковое своеобразие, обратить внимание на социальные проблемы, которые рассматриваются в некоторых сказках.

Безусловно, каждый школьник должен понимать, какой нравственный урок преподносит данная сказка, в чем ее мораль.

Конечно, важной составляющей подобных уроков должна стать рефлексия, в ходе которой учащиеся смогут поделиться впечатлениями от прочитанного, провести самооценку своего участия в учебном процессе, определить, как повлияло знакомство с литературными сказками А. П. Анисимовой на их представление о моральных ценностях человека, ответить на вопрос, могут ли они рекомендовать эти сказки для прочтения своим сверстникам.

Библиографический список

1. Анисимова А. П. Бабушкины янтари. – М. : Сов. писатель, 1959. – 180 с.

2. Брауде Л. Ю. К истории понятия «литературная сказка» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 36, № 3. – 1997. – С. 71–268.

3. Камалова Л. А. Изучение русских народных сказок в контексте «диалога культур» в школах Республики Татарстан. – Казань : РИЦ «Школа», 2006. – 153 с.

4. Книгин И. А. Словарь литературоведческих терминов. – Саратов : Лицей, 2006. – 270 с.

5. Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века: история, классификация, поэтика : учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 311 с.

© Гурьянова Л. Б., 2022.

УДК 82.09:93

МОТИВ СНА И ПРОБУЖДЕНИЯ В ЭПОСЕ «КАЛЕВИПОЭГ»

О. П. Ингл,
канд. филол. наук, ассистент профессора
kafrusizarlit@gmail.com
Военный институт иностранных языков
Монтерей, США

Аннотация. В статье рассматривается характер звучания мотива сна в эстонском эпосе «Калевипоэг».

Ключевые слова: эпос, книжная форма эпоса, Калевипоэг, сон, мотив, герой.

MOTIV OF SLEEP AND AWAKENING IN THE EPOS «KALEVIPOEG»

O. P. Ingle
Defense Language Institute
Monterey, USA

Abstract. The article examines the character of the sound of the dream motive in the Estonian epic «Kalevipoeg».

Keywords: epos, book form of epos, Kalevipoeg, dream, motive, hero.

Первое, что впечатляет в «Калевипоэге», – символизм, самое постоянное и частое проявление которого в мотиве сна. Через все сюжеты и микросюжеты проходит мотив сна Калевипоэга и других персонажей (43 описания сна). Даже в аду, где нет времени, так как нет солнца, Калевипоэг поел и прилег поспать. Помимо этого в языке поэмы регулярны ссылки на сон: «спали молот с наковальней», «что и в мыслях не держал он, / что во сне ему не снилось», «задремать в постели смерти», «в сновидении предвидеть», «мщенье и во сне не дремлет», «небывальщину такую / и во сне никто не видел». В этом сне просматривается не сонливость и дремота обломовского поместья, сон в «Калевипоэге» может олицетворять сон нации, когда вся нация следует основным инстинктам: поспали, поели и задремали, раздобыли еду, поели и снова уснули. Нет в такой жизни места интеллекту и позитивным эмоциям. Очевидно, что автор осведомлен об этом сне и хотел бы пробудить спящих, но не хочет это делать грубым толчком, а через всю поэму показывает сон, помогает читателю его видеть. Уже во вступлении певец (он же автор) обращается к брату и сестре (к эстонцам), приглашает их любоваться на пляску и слушать музыку: «Чтоб они не улетели / сновидением крылатым!» [1, с. 7]. Автор показывает разные виды сна: сон мертвых, сон воспоминаний, сны или видения духов, вещие сны, сон от физической усталости, естественный сон с наступлением ночи. Калевипоэг засыпает после стрессовых ситуаций: устал; поплакал, что не нашел мать; заблудился; после битвы с волками; бесами; с Дьяволом; после получения вестей о войне.

Самые злосчастные происшествия происходят с Калевипоэгом, когда он спит или забывается, как во сне. Первое, когда после бездумной пьянки в забытье гнева Калевипоэг убивает сына кузнеца. Он был настолько пьян и бессознателен, что, даже проснувшись, не вспомнил, что с ним случилось. Колдун заворожил Калевипоэга, и тот проспал семь недель, когда его народ был в беде. Пока Калевипоэг спал, дикие звери съели его коня. Меч отрубил ноги Калевипоэгу «в дремоте»: «Но твое заклятье, витязь, / С прежним кузнеца заклятьем / Меч в дремоте перепутал» [1, с. 220].

Другим персонажам сон так же часто приносит рок. Несчастный мужичок с палец уснул в котомке Калевипоэга, пока тот бился с бесами. Калевипоэг обнаружил его мертвым со следами побоев. Даже колдун стал жертвой сонного состояния. Туслар встал после сна и спросонок не успел спрятаться, что стоило ему жизни.

Нежелание спать и наблюдение сна в поэме указывает на более высокое состояние. К примеру, Молодец-Звезда заявляет: «Не хочу я спать, бабуся, / Отдыхать я не желаю. / Веки звезд не тяжелеют, / Не смыкаются ресницы» [1, с. 15]. Духи предков спят, а духи природы – нет. Певец бодрствовал, когда Калевипоэг спал: «Твой певец смотрел в раздумье / на твои пути дороги /... спи усталый витязь» [1, с. 52]. В некоторых случаях и Калевипоэгу не спится: «Нескончаемые игры / гнали сон от глаз девичьих» [1, с. 146], и Калевипоэг забыл про сон, веселясь с девушками.

К концу поэмы один из товарищей охраняет сон остальных, т. е. они спят по очереди, один из них бодрствует. Как только все засыпают, случается беда. В первый раз все уснули – дочка неизвестного великана собрала всю спящую команду в фартук и отнесла отцу, смекалка (проявление ясной бодрствующей мысли) спасла их от гибели, они сумели разгадать загадки великана, и тот их отпустил. Во второй раз заснули – русалки пришли плести сны, перепутав правдивые с обманными [1, с. 176, 185, 189]. Дочь колдуна хотела утопить Калевипоэга во сне, но он вовремя проснулся и преградил камнем путь воде [1, с. 160].

Калевипоэг пробуждается от злости, когда ему снится призрак сына кузнеца; от горя, узнав о бедствиях войны в конце поэмы, не мог ни ночью спать, ни днем радоваться [1, с. 219]; и когда оставил свой народ в трудные времена: «Не смыкал он вежд ночами, / сна отрадного не ведал» [1, с. 220]. Герой оказывается недостаточно эмоционально и интеллектуально зрелым, чтобы пробудиться с помощью энергии эстетического наслаждения, от радости (не считая веселых игр, которые инициировали девицы в аду). Неслучайно он оставил свой страждущий народ, сам накликал на себя смерть и застрял на пороге ада. Это можно объяснить тем, что время Калевипоэга прошло и народу нужны другие герои, нужен более развитый, пробужденный правитель.

Ф. Р. Крейцвальд перед каждой песней называет основные сюжеты, каждую новую песнь начинает зачином. Первые песни повествуют о мифическом времени, в котором Калев прилетает на орле и Линда выбирает его в мужья, хотя могла бы выйти замуж за Солнце, Месяц и т. д. Линда родила «много сыновей и дочек», но самый сильный, красивый и умный – Калевипоэг, который родился после смерти отца, ему отец завещал свои земли. Сыновья выросли. Финский знахарь Туслар заговаривает и похищает Линду, Таара (божество древних эстонцев), ответив на ее мольбы, насылает других божеств оглушить знахаря молнией и превращает Линду в скалу. Калевипоэг вплавь по морю отправляется к «финским скалам» отомстить злодею знахарю за похищение матери и преподать урок другим насильникам. Услышав печальное девичье пенье, добирается до берега, насильно соблазняет девушку, та, оступившись, падает в море, тонет и становится русалкой. Герой продолжает путь с намерением найти мать и убить обидчика матери. Он даже не подумал, что сам стал насильником и невольным убийцей.

С этого эпизода Калевипоэг по своему расписанию регулярно ложится спать и подкрепляется едой, когда встает. С одной стороны, сон Калевипоэга

может символизировать спящую совесть героя, т. е. его совесть находится в оковах сна. Его эмоции неутолимой печали, безудержной ярости – это те же оковы сна. Эти сонные оковы, как заразная болезнь, распространяются и на окружение Калевипоэга. Когда он путами связал коня, а сам уснул, конь не смог спастись от диких зверей, растерзавших его. Древняя Книга мудрости прикована цепями в башне крепости Калевипоэга, т. е. древнее мудрое слово приковано и не востребовано ни правителем, ни подчиненными. Калевипоэг железными оковами приковал Рогатого в аду, не ведая, что самого его ожидает такая же участь – быть прикованным, но у ворот ада. Мораль такова, что герой, правитель в оковах сна не может принести освобождение, а только оковы.

Далее по сюжету Калевипоэг, добравшись до дома знахаря, сражается с «войском чертовым», убивает Туслара. Заснув после убийства, видит во сне мать, проснувшись, разгадывает сон: мать умерла. Остолбенел на два дня от осознания потери. Придя в себя, вспомнил, что у финнов есть известный мастер кузнец, и решил завернуть к нему − купить лучший меч. У мастера выбрал меч. В честь гостя устроили пир-попойку, на которой Калевипоэг убил своим новым мечом сына кузнеца, когда тот выступил защитником обиженных девиц. Кузнец заклинает меч убить убийцу невинного сына. Калевипоэг возвращается домой, наконец, понимает, что «зло двукратное свершил он: / Первый раз – беды не чая, / Во второй – по неразумью» [1, с. 75].

По жребию ему выпадает власть над землями отца (хотя отец и завещал земли младшему, братья сами пытаются решить, кому ими владеть). Калевипоэг приносит жертву духу воды, автор-певец комментирует сцену жертвоприношения в дубраве: «Мудрой древности заветы / Племя новое забыло» [1, с. 87].

Калевипоэг как правитель сразу принимается за дело, но не править, а пахать, засеивать свои поля и засаживать леса. Десять дней без остановки он работал, заснул от усталости; пока спал, дикие звери съели его коня. Проснувшись, мечом расправился с волками и медведями. Устал. Не успел задремать, гонец принес весть о войне. Женщины плачут, мужчины готовятся к битве. Калевипоэг отправил гонца спать и сам прилег. Появляется новый гонец. Проснувшись, Калевипоэг не смог разобраться, видел гонца во сне или наяву. Гонец «снежнокудрявый» старец, говорит, что помнит золотые времена, когда Калевипоэг был младенцем, говорит, что жаль, что тот уснул и не закончил пахоту, теперь народ его будет голодать, и обещает ему помочь завершить работу. Старец, знавший дни, «когда рождались звезды, / солнце ставили на место», предупреждает: «Слушай же, Калевипоэг, / Избранный вождем народным, / До тех пор, пока ты княжишь, / Охраняешь землю нашу / Изобилье, мир и счастье / Будут цвесть – на радость людям, / Но недолго длиться будет / Век богатый и счастливый. / Сгинет сильный, будет слабый / Верховодить над слабейшим / На беду всему народу» [1, с. 98].

Старец пророчит возмездие за убийство и месть и, «как призрак», исчезает. Калевипоэг не пытается понять слова и пророчества мудрого старца, игнорирует его предложение помочь.

Калевипоэг отправляет первого гонца к войску с приказом готовиться к битве. Гонец выкинул приказ в море и затянул песню, полную дурных предчувствий. Тем временем Калевипоэг с Алевом (братом-другом) отправляется купить коня, чтобы завершить пашню. По дороге встречают «братьев злыдней», которые просят Калевипоэга разрешить спор, кому из них принадлежит болото. Алев в духе пушкинского Балды перехитрил болотных чертей, вернулся к другу, после состязания с Водяным друзья получают много золота и всякого добра, все это Калевипоэг отсылает финну кузнецу в уплату долга за меч. На этом заканчивается первый цикл. Основной сюжет рождения, грехов молодости и начала правления Калевипоэга прерывается множеством микросюжетов: родители утопленницы сажают разные деревья во дворе в память о дочери, дуб вырос до неба, старуха нашла мужичка под крылом орла, он вырос в исполина и срубил дуб, из него вырубили мосты, несчетно кораблей и лодок; из останков съеденного дикими животными коня возникают курганы, озера.

Во втором цикле Калевипоэг становится великаном, о чем узнаем, когда он в своем кармане находит гонца человеческих размеров. Отправляет Алева с платой к финскому кузнецу и решает построить города-крепости. Олева назначает зодчим, а сам берется поставлять строительный материал. В этом цикле представлены легенды об основании первых городов Таллинна и Тарту, появляются исторические названия селений, рек, озер. Калевипоэг поспал, поел, как обычно перед любым начинанием, и потом – напрямик через Чудское озеро (он становится такой огромный, что по озеру шагает как по луже) пошел в Псков купить доски для постройки города. На обратном пути колдун с головой кабана (собирательный образ разных колдунов эстонского фольклора) хотел погубить Калевипоэга, но ему не удалось, и он скрылся. Калевипоэг поел и уснул. Пока Калевипоэг спал, колдун выкрал меч и заколдовал его, а потом случайно уронил в реку. Калевипоэг проснулся, догадался, кто похитил меч, увидел меч на дне реки. Калевипоэг заклинает меч отрубить ноги тому, что завладеет им, а сам с досками на плече идет домой. Вдруг на него накинулись дети колдуна, лысый ежик подсказал ему, как расправиться с ними, за это Калевипоэг дал ему шубку с иголками (сказка о том, как ежик иголки получил). В драке он переломал все доски. Калевипоэг поел, заснул, тем временем колдун подкрался к нему и заговорами околдовал на непробудный сон. Калевипоэг видит во сне кузнеца Ильмарине, который выковал небесный свод и звезды, будто тот кует ему меч, но появляется призрак убитого сына кузнеца и заявляет, что убийца такого меча не достоин. Калевипоэг от бешеной ярости просыпается. Проснувшись, понимает, что спал семь недель. Поел и пошел обратно в Псков за досками. По дороге слышит плач пастушка, потому что волк схватил и тащит его овцу. Калевипоэг прибил волка камнем, да так, что тот сам стал камнем. На этот раз, когда переходил через озеро привычным путем, напрямик, его чуть не затянуло в глубину. Далее пошел в Виру. Встретил бабку, которая пела заклинания: «Мудрость тайную постигнув... / Вновь отправился в дорогу» [1, с. 138]. Снова поспал. Проснувшись у болота, увидел огонь, думал, что ему повезло, а оказалось,

что это дети Рогатого дьявола готовили отцу и домашним ужин. Калевипоэг спускается в пещеру Рогатого. Жилище дьявола, семейный и жизненный уклад очень напоминают помещичью усадьбу. Там с Калевипоэгом происходят разные сказочные приключения. Калевипоэг в битве почти победил Рогатого (с помощью девушек), но тот уменьшился до «лужицы и дымка» и испарился. Калевипоэг, водрузив на плечи десять мешков золота и девушек, идет домой. Бесы и водяной преследуют их, но они спасаются приемами героев волшебных сказок. Вернулся на свою землю и узнал, что пока он, околдованный, спал семь недель, дома началась война. Сосватал девушек за Алева, Сулева и Олева. Не думая об обязанностях правителя военного времени, Калевипоэг распевает песни и решает отправиться с товарищами на корабле на край света. «Старцы из земли Суоми» говорят, что плыть надо в направлении Полярной звезды. Заметим, что Калевипоэг «повелел корабль построить – / всех богаче и прекрасней», наряжает и снаряжает свою команду, сам облачается в «золотой кольчужный панцирь». Похоже, что у него пробуждается интерес к эстетической красоте. Уже на корабле Калевипоэг поет о том, «как мир явился, / Как гнездо для солнца вили, / Для луны сплетали кровлю» [1, с. 171–172]. Финские черти подняли бурю, Калевипоэг сбился с пути, пришлось причалить в Лапландии, там чародей лопарь Варрак объяснил путешественникам, что «Нет дорог и нет тропинок, / Что ведут к границе мира. / Ведь у мира нет границы...» [1, с. 174], и предложил помочь им добраться домой. Калевипоэг настаивает, чтобы за награду чародей показал им край света: «Отвечал лукавый Варрак: / – Подари ты мне в придачу / То, что дома приковали / У тебя к стене цепями» [1, с. 174]. Калевипоэг соглашается. Варрак встал у руля. Путешественники легли спать, одного поставили в дозор. Далеко на севере повстречались с полупсами-полулюдьми. Когда Калевипоэг хочет в отместку за смерть коня перепахать их земли, чтобы на них ничего не росло, используется древний мотив пахоты земель злобными великанами. После нескольких приключений герои поворачивают домой, Калевипоэг поет, поучая других не повторять его поход, так как у мира нет границ. А дома дрозды встречают корабль пеньем: «Только дома – зреет счастье, / Лишь на родине веселье» [1, с. 179].

С возвращением путешественников «Золотое время счастья / Расцвело в пределах эстов» [1, с. 181], но ненадолго, «тысячи убийц свирепых» напали на них с моря. Калевипоэг возглавляет битву и выигрывает ее. Потом наставляет свой народ, «как ему поведал ворон», и в будущем объединяться и биться с врагами. Герои отправляются через леса и болота разнести весть о победе, там попадают в сказочную коллизию с ведьмой и мальчиком с рожками и колокольчиком. Несколько раз поели, поспали.

Калевипоэг снова спускается в ад, «шел подземный мир низвергнуть» [1, с. 195]. Перебил адские полчища. Увидел призрак матери за прялкой, который подсказал ему, как набраться силы. Калевипоэг победил Рогатого и заковал его в цепи. Набрал золота и выбрался из подземелья, где Алев ждал друга «с тревогой и любовью» [1, с. 203]. Вернулись домой. Олев построил еще три города. Калевипоэг пирует в своем окружении, приносит жертвен-

ную пищу верховному духу Уку, друзья по очереди поют. На пир является чародей Варрак и просит отдать обещанную ему прикованную цепями в башне древнюю Книгу мудрости. Калевипоэг «в похмелье», не задумываясь, отдает книгу, ненужную ему «сказку старую, чужую». По злой иронии, путешествуя на край света, чтобы познать мир (хотя в какой-то момент Калевипоэг говорит, что мудрость ценнее золота), Калевипоэг отдает книгу, кладезь мудрости отца кормчему, доставившему корабль путешественников на родину, колдуну Варраку. Утром гонцы приносят весть, что идет «множество людей железных / От границ земли поляков / Убивать людей и грабить» [1, с. 209]. Гонцов по традиции накормили и отправили спать. Этот повторяющийся сюжет с вестниками войны наводит на мысль, что о них не просто заботятся, а хотят накормить и усыпить, чтобы не тревожили беспечных правителей [см. об этом: 2].

Калевипоэг, наконец-то, теряет сон, отправляется к могиле отца за советом, но там тишина. Приказывает собрать войско, зарыть ценности до мирных времен. Все богатыри собрались на битву. Семь дней бились с поляками и татарами и побили их. Калевипоэг передает власть Олеву и становится отшельником: «Не смыкал он вежд ночами, / Сна отрадного не ведал. / Много дней в лесу ни пищи, / Ни питья не принимал он» [1, с. 220]. Калевипоэг больше не следует своему привычному режиму сна и приема пищи. Казалось бы, оковы сна начинают спадать с героя, но тут сбывается проклятье кузнеца. Калевипоэг ступает в реку, где лежал заговоренный меч: «Но твое заклятье, витязь, / С прежним кузнеца заклятьем / Меч в дремоте перепутал» [1, с. 220].

Меч отрубает ноги Калевипоэгу по колена, «Стоны Калевого сына /... И теперь через столетья, / слышатся, не умолкая». Душа Калевипоэга отлетела в небо, но верховный бог Таара не мог решить «На какую должность в небе / сына Калева поставить» [1, с. 223] и, обсудив вопрос со своим советом, определяет его сторожить ворота ада. Воскрешенный Калевипоэг отсылается на землю. Используя свою исполинскую силу, Калевипоэг ударил скалу у входа в ад, и его кулак «на века» в ней застрял. Когда команда Калевипоэга спала, русалки переплели их сны, перепутав правдивые с обманными. В одном из них был наказ Калевипоэгу не разбивать скалу у входа в ад. Из-за того что он нарушил этот наказ, рука его застряла в скале. В народе есть поверье, что если пламя воспламенится с двух концов множества лучин, то это освободит руку Калевипоэга и он «в дом отцовский возвратится – / Счастье созидать потомкам, / Прославлять страну родную» [1, с. 220].

Во втором цикле десятки боковых микросюжетов несколько отвлекают от главной линии повествования и придают эпосу калейдоскопичность. Автор приносит в жертву эпическую монументальность, чтобы показать лучшие образцы устной эстонской традиции. Из всего многообразия отметим следующие боковые сюжеты: по дороге Калевипоэг встречает мужичка, который едва спасся от ведьмы и ее сыновей, посадил мужичка в свою котомку, его там укачало, и он уснул; после битвы с детьми колдуна Калевипоэг полез в котомку за едой и обнаружил мертвого мужичка в следах побоев; сказочная

баллада о рабе пастушке-сиротке, который поет жалобные песни о своей горемычной судьбе; лесная дева услышала его пение и послала ему яйцо, которое, превращаясь из одного предмета в другой, стало овцой. С волшебной овцой «счастлив стал раба сыночек» [1, с. 134]. Встречаются в этом цикле повторы. Одну из девушек, спасенных Калевипоэгом из ада, прямо перед сватовством похищает колдун Туслар, хотя по сюжету ранее Калевипоэг его уже убил, но убивает еще раз, чтобы освободить невесту для Олева.

Часто Калевипоэг не просто ложится спать, но тщательно приготавливается ко сну – устраивает себе постель, для этого выкорчевывает деревья, таскает камни, щебень и песок. О таких постелях, которые и теперь возвышаются в ландшафте Эстонии, говорится в народных легендах и в поэме.

Мотив сна, звучащий в «Калевипоэге», – один из ключевых мотивов, характеризующих народ, образ его мыслей и поведения.

Библиографический список

1. Калевипоэг. Эстонский народный эпос / собр. и обр. Ф. Р. Крейцвальд ; перевели с эстон. яз. В. Державин, А. Кочетков. – Таллин : Ээсти раамат, 1979. – 250 с.

2. Шаронова Е. А. «Калевала», «Калевипоэг», «Масторава»: эпико-исторический диалог / Е. А. Шаронова, О. П. Ингл. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2017. – 148 с.

© Ингл О. П., 2022.

УДК 801.73

АВТОРСКАЯ МАСКА В РЕЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Р. А. Кадеева,
студентка
kafrusizarlit@gmail.com
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается феномен авторской маски в осмыслении современного отечественного литературоведения. Анализируются подходы отечественных исследователей к изучению этого феномена.

Ключевые слова: современное отечественное литературоведение, рецепция, маска, автор, феномен.

AUTHOR'S MASK IN THE RECIPTION OF MODERN RUSSIAN LITERARY STUDIES

R. A. Kadeeva
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article deals with the phenomenon of the author's mask in the contemporary Russian literary criticism. The approaches of domestic researchers to the study of this phenomenon are analyzed.

Keywords: modern Russian literary criticism, reception, mask, author, phenomenon.

В современном отечественном литературоведении маска как один из способов авторской репрезентации в тексте, одна из форм авторской идентичности становится объектом осмысления целого ряда исследователей, поскольку «решение проблемы авторской маски позволяет по-новому увидеть и представить специфику эволюции авторского сознания, проблем авторства и всего комплекса вопросов, связанных с развитием авторского сознания на фоне истории русской литературы» [26, с. 5].

Сразу оговоримся, что в некоторых исследованиях, претендующих на восполнение «лакун» в исследовании феномена маски, фактически повторяются проблемы, обозначенные в литературоведении еще в начале 2000-х гг. Так, Н. Ю. Шишкова указывает на «трудность» в восприятии маски, «отсутствие» терминологической определенности либо терминологической двойственности одного явления: «При использовании данного термина отмечают, что в ряде работ термин авторская маска смешивается с понятиями амплуа, псевдоним, имидж, образ автора» [33, с. 47]; Р. А. Бакиров «устанавливает» в качестве времени появления маски в литературных текстах рубеж XVIII–XIX веков, выделяя прежде всего литературу предромантизма как «явления самого по себе порубежного» [2, с. 75]; Н. В. Волкова, рассматривая феномен маски в синтезе с такими понятиями, как «роль» и «двойник», определяет маску как «некое „чужое Я“, в которое облачается, за которым скрывается – ненароком или преднамеренно – „я“ истинное» [11, с. 101]. Напомним, однако, что и четкое разграничение феноменов маски, псевдонима, мистификации, образа автора, амплуа и т. д., и детальное осмысление генезиса, этапов становления и развития этого феномена в отечественной словесности, и анализ маски как важнейшего способа сокрытия собственного «я» уже были представлены в работах О. Ю. Осьмухиной [23–26].

Весьма примечательными нам представляются работы, в которых феномен маски рассматривается на материале творчества русских и зарубежных писателей, что позволяет конкретизировать причины появления маски в текстах различных историко-литературных периодов, дополнить существующие представления о средствах ее репрезентации в художественных и нехудожественных произведениях. К примеру, исследование маски как спо-

соба создания комической ситуации и средства осмеяния общественных пороков дано в статье А. Н. Кузнецовой, которая в «Перпендикуляре» и «Моем деле» М. Веллера классифицирует маски в зависимости от объекта смеха и выделяет пять групп масок: 1) *общество как объект смеха*, где высмеивается автором всё общество, его нравы, мечты, порывы; 2) *политика / политический деятель как объекты смеха*, где причиной смеха становится политический процесс, причем сугубо в переплетении с культурой; 3) *персонаж / конкретный человек / лицо как объекты смеха*, когда автор смеется над определенным человеком или персонажем; *4) определенное (конкретное) явление как объект смеха*, где комическое достигается из-за некого события действительности; 5) *конкретные событие / случай как объекты смеха,* где автор смеется над каким-либо курьезным и необычным случаем [20, с. 147]. Е. А. Григорьева, исследуя влияние на творчество Дмитрия Быкова «Ордена куртуазных маньеристов», приходит к выводу, что куртуазный маньеризм – это и есть способ создания маски. Тот случай, когда именно культурная программа и среда, в которой находится автор, диктует условия для создания маски. Таким образом, автор статьи выделяет маски, которые создаются прозаиком в соответствии с культурной программой Ордена. Такими масками являются маска молодого образованного барича, маска героя, неспособного быть счастливым в любви, а также маска поэта, причем, «вставая на новую точку зрения, конструируя иную „маску“, поэт стремится воплотить свое лирическое „я“» [13, с. 56].

Н. Ю. Шишкова рассматривает принцип повествования от первого лица в «Записках Желтоплюша» У. М. Теккерея, где маска героя помогает автору «познакомиться с жизнью „достопочтенного“ Элджернона в мельчайших подробностях, узнать все, что происходит за закрытой дверью, проникнуть во все тайны, запертые на дне сундука» [32, с. 145]. Помимо возможности показать тайный мир хозяев маска лакея Желтоплюша позволяет «автору реальному» подчеркнуть и сатирический характер произведения, выразить свое отношение к высшему обществу, «изобличить, высмеять, показать во всей неприглядности черты характера, качества и пороки, присущие представителям современного автору общества» [32, с. 147]. А. А. Климонтова анализирует маску автора-нарратора в теккереевской «Ярмарке тщеславия». И здесь, на наш взгляд, интерес в творчеству У. Теккерея отнюдь не случаен и вызван его хорошо известным пристрастием к игре с повествовательными инстанциями, включением «автора» в систему персонажей. А. А. Климонтова полагает формами авторского присутствия в «Ярмарке тщеславия» многочисленные обращения автора к читателю, из-за которых создается впечатление, словно читатель является его давним другом, большое количество риторических вопросов, которые создают иллюзию диалога, а так же постоянная смена масок: «Читателям даются факты в какой-то степени достоверные, а где-то и выдуманные. Созданию сложного образа шута, обладающего качествами мудреца, способствует игра автора в знание-незнание, смена масок и точек зрения» [18, с. 34].

Вполне закономерно осмысление авторской маски осуществляется в последнее десятилетие и в пространстве метапрозы, где текстообразующими факторами априори являются фигуры автора, выдающего себя за автора «реального» и автора «фиктивного». Так, З. М. Чемодурова рассматривает место автора и функцию авторской маски в метапрозаической «Женщине французского лейтенанта» Дж. Фаулза, где «маска автора выступает в качестве нарративно-прагматической основы субъектно-объектных отношений в метапрозаических художественных текстах, коммуникативным центром, позволяющим реальному творческому субъекту интимизировать общение с реальным адресатом, вовлекать его в активную игру, в моделирование вымышленного мира» [31, с. 171]. Солидарна с литературоведом А. С. Клещева, замечающая: «Одним из текстообразующих факторов метапрозы является игровой образ „автора на бумаге“. Иными словами, автор создает эффект присутствия реального творца в созданном им произведении. В то же время он является героем своего же вымышленного мира» [17, с. 45]. Маска как художественный прием в романе М. Фриша «Назову себя Гантенбайн» рассматривается в статье М. И. Бента. Маска в творчестве Фриша, наряду с маской автора, является, по мнению исследователя, носителем черт времени и среды, неким обобщающим образом эпохи [4, с. 92]. Авторское присутствие в тексте романа стало возможным благодаря персонажам Эндерлина и Гантенбайна, которые создаются Фришем не только как сугубо авторская маска, но и как способ репрезентации сознания интеллигенции. Примечательна и статья Ю. В. Булдаковой, где материалом рассмотрения становится фан-фикшн романа Э. Юдковского «Гарри Поттер и методы рационального мышления»: важнейшей формой авторского присутствия автора в игровом по своей природе тексте называются эпиграфы-дисклеймеры, с помощью которых автор признает приоритет канонического текста и отказывается от его авторства [8, с. 213]. А. А. Асланова, рассматривая коммуникативную стратегию «речевой маски» в прозе Айрис Мердок, выделяет игровую форму повествования как базу для построения маски: «В основе формирования коммуникативной стратегии «речевая маска» лежит подражание, пародирование с целью создания игровой ситуации» [1, с. 450].

Особый интерес представляют работы, в которых объектом исследования становится маска в лирическом произведении. Так, в статье А. А. Барановской, посвященной женской маске И. Северянина, рецепция женского сознания в лирике поэта проявляется в комплексе стилистических приемов и метафор, с помощью которых автор доносит душевное состояние героини: «И. Северянин использует маску женщины для того, чтобы передать конфликт внутренний «замужняя невеста» и конфликт внешний сон – явь» [3, с. 590]. А. Г. Бичевин рассматривает маску как одну из форм субъектного выражения авторского сознания в ранний период творчества Н. Гумилева, когда поэт тяготеет к тому, чтобы «скрывать себя», в связи с чем ученый выделяет две формы масок: *«маска-символ»* и *«маска-метаморфоза»*, причем если «маска-символ» сопряжена «с комплексом стереотипных реакций; опыт лирического героя определяется через воспроизведение форм условных пер-

сонажей, раскрывающихся по готовым формулам, существующим в историко-литературном контексте» [5, с. 4], то «маска-метаморфоза» создает «предельно обобщенный, абстрактный образ, обладает способностью тотальной деформации облика» [5, с. 4]. При этом роль обеих масок – выражение «идеи свободы». Г. Н. Божкова и Н. Н. Шабалина полагают, что М. Цветаева «присутствует» в каждом произведении, скрываясь за различными масками, способом же создания маски является «цветопись, включающая в себя теплую палитру, введение в произведение таких цветов, как астра и рябина, являющихся символом нелегкой судьбы поэтессы, ее одиночества и печали» [7, с. 34].

В ряде работ осмысливаются коррелирующие с маской феномены псевдонима и мистификации [30]. По О. Р. Демидовой, «псевдоним есть неподлинное, осознанное и с определенной целью вымышленное имя или фамилия писателя, артиста, политического деятеля – т. е. какой-либо публичной фигуры» [14, с. 213]. Рассматривая появление псевдонимов писателей-сказочников, Л. В. Грибина отмечает, что причины, которые вынуждают писателей брать другие имена, разнообразны, но чаще связаны с тем, что «некоторые авторы не хотели признаваться в том, что они создавали сказки» [12, с. 21]. Псевдонимы А. А. Ахматовой, Д. Хармса, С. Довлатова рассматриваются Г. Ф. Ковалевым как показатель неповторимой индивидуальности и уникальной жизненной истории [19, с. 8]. Весьма примечательны исследования О. А. Милевского, выполненное в русле атрибутивных работ, о таинственном псевдониме Л. А. Тихомирова [22], М. С. Манюхиной о псевдонимах Сенковского [21], а также статьи Т. А. и А. В. Снигиревых [29], В. В. Волкова и С. Г. Янович [10] о специфике псевдонимов Г. Чхартишвили. Феномен мистификации затрагивается Ю. Н. Шутовой [34], М. Г. Жанцановой [15], Ю. А. Изумрудовым [16], Е. В. Романенко [27], при этом практически во всех работах исследователи исходят из хорошо известных свойств мистификации, осмысливая сквозь ее призму творчество того или иного художника слова. Отдельные исследования посвящены изучению процесса «перехода» псевдонима в литературную маску: достаточно вспомнить статьи Н. Л. Блищ об эволюции псевдонима А. Синявского «Абрам Терц» [6], А. В. Быкова и Н. Н. Шабалиной о процессе «перетекания» псевдонима в авторскую маску в творчестве В. П. Буренина, писавшего под псевдонимом «Выборгский пустынник» [9].

Несколько особняком стоит работа С. В. Синцовой: исследуя маску не просто как художественный прием, но как процесс взаимодействия двух форм культуры – фольклора и литературы в «Майской ночи…» Н. В. Гоголя, автор статьи приходит к выводу, что именно маска представляет собой некий фундамент для тесного взаимодействия двух пластов – фольклорного и литературного: «Мотив маски выступает своеобразным культурным «аттрактором», порождая в сознании Гоголя одновременно и «народные» образы, и сугубо литературные ассоциации. В результате в повести образуется целая цепь условных «точек», в которых литературные и фольклорные влияния настоль-

ко сближаются, что частично утрачивают свою отчетливую культурную маркированность» [28, с. 39].

Таким образом, становится очевидно, что предложенная О. Ю. Осьмухиной концепция авторской маски и форм ее функционирования инспирировала в последнее десятилетие появление ряда работ, использующих методологию литературоведа, в которых феномен маски (авторской, литературной) и коррелирующих с ним явлений псевдонима, мистификации рассматривается на самом разнообразном историко-литературном материале.

Библиографический список

1. Асланова А. А. Коммуникативная стратегия «речевая маска» в прозе Айрис Мердок: функции и средства выражения // Гуманит. и социал. науки. – 2014. – № 2. – С. 450–453.
2. Бакиров Р. А. Феномен формирования литературной маски: предромантик Г. П. Каменев глазами казанского литературоведа Е. А. Боброва // Вестн. МГОУ. Серия: Русская филология. – 2012. – № 6. – С. 75–82.
3. Барановская А. А. Маска женщины как репрезентация авторского сознания в сборнике И. Северянина «Громокипящий кубок» (на примере стихотворения «Berceuse осенний») // Молодой ученый. – 2015. – № 20 (100). – С. 588–590.
4. Бент М. И. «Тайный соглядатай»: авторские «маски» в романе М. Фриша «Назову себя Гантенбайн» // Вестн. ЧелГУ. – 2012. – № 36 (290). – С. 92–95.
5. Бичевин А. Г. «Маска» как феномен субъектной структуры в ранней лирике Н. С. Гумилева // Вестн. ТГУ. – 2014. – № 379. – С. 5–9.
6. Блищ Н. Л. Авторская маска как проводник стилевых стратегий: от А. Ремизова к А. Синявскому (А. Терцу) // Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2012. – № 1. – С. 6–11.
7. Божкова Г. Н. Лицо и маска в лирике М. И. Цветаевой / Г. Н. Божкова, Н. Н. Шабалина // Филол. науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5–2 (35). – С. 34–36.
8. Булдакова Ю. В. Формы авторского присутствия в тексте фан-фикшн (интернет-публикация романа Э. Юдковского «Гарри Поттер и методы рационального мышления») // Филология и культура. – 2016. – № 2 (44). – С. 211–215.
9. Быков А. В. Псевдоним В. П. Буренина «Выборгский пустынник» как литературная маска / А. В. Быков, Н. Н. Шабалина // Обществ. науки. – 2015. – № 2. – С. 11–17.
10. Волков В. В. Борис Акунин в зеркале лингвокультурологии: секреты коммерческого успеха и лингвокультурный смысл псевдонима / В. В. Волков, С. Г. Янович // Язык и культура. – 2013. – № 6. – С. 168–176.
11. Волкова Н. В. Маска, роль, двойник... к проблеме двойничества в русской литературе // Язык и культура. – 2014. – № 14. – С. 101–106.
12. Грибина Л. В. Псевдонимы писателей-сказочников: причины появления и приемы образования // Вестн. Майкоп. гос. технол. ун-та. – 2014. – № 1. – С. 18–24.
13. Григорьева Е. А. Дмитрий Быков в «Ордене Куртуазных Маньеристов» (к проблеме создания авторской маски) // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. – 2012. – № 3. – С. 49–56.
14. Демидова О. Р. Литературный псевдоним как феномен культуры // Парадигма: Философско-культурологический альманах. – 2017. – № 26. – С. 122–136.
15. Жанцанова М. Г. Японские мистификации Бориса Пильняка // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2013. – № 8. – С. 45–47.

16. Изумрудов Ю. А. «Блоковская» мистификация Бориса Садовского // Вестн. ННГУ им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 6. – С. 199–204.

17. Клещева А. С. Категория автора в метапрозе // Символ науки. – 2017. – № 7. – С. 44–46.

18. Климонтова А. А. Формы авторского присутствия в романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» // Вестн. НовГУ им. Ярослава Мудрого. – 2013. – № 72. – С. 32–35.

19. Ковалев Г. Ф. О псевдонимах отечественных писателей // Науч. вестн. Воронеж. гос. архит.-строит. ун-та. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 15. – С. 6–13.

20. Кузнецова А. Н. Авторская маска юмориста в творчестве М. Веллера // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых / под общ. ред. Ж. А. Храмушиной, А. С. Поршневой, Л. А. Запеваловой, А. А. Ширшиковой. – Екатеринбург : УФУ, 2013. – С. 141–147.

21. Манюхина М. С. «Барон Брамбеус» в русской литературе: история одного псевдонима // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. – Тамбов : Юком, 2015. – С. 96–98.

22. Милевский О. А. К вопросу об установлении поэтического псевдонима Л. А. Тихомирова // Вестн. Нижневарт. гос. ун-та. – 2012. – № 4. – С. 32–35.

23. Осьмухина О. Ю. Авторская маска в русской прозе 1760–1830-х гг. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саранск, 2009. – 40 с.

24. Осьмухина О. Ю. Авторская маска Деда Антропа в новеллистике М. Волкова // Вестн. ННГУ им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 4. – С. 243–247.

25. Осьмухина О. Ю. Маска как средство авторепрезентации в новеллистике М. Е. Кольцова середины 1920-х – начала 1930-х гг. // Изв. Самар. науч. центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2017. – Т. 19, № 1. – С. 102–105.

26. Осьмухина О. Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия: монография. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – 288 с.

27. Романенко Е. В. Художественная интерпретация пинкертоновских мотивов в литературной мистификации Майка Йогансена // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 84–89.

28. Синцова С. В. Мотив маски как основа взаимодействия фольклорных и литературных традиций в «Майской ночи...» Н. В. Гоголя // Филология и человек. – 2015. – № 2. – С. 30–39.

29. Снигирева Т. А. Псевдонимное речетворчество Б. Акунина / Т. А. Снигирева, А. В. Снигирев // Урал. филол. вестн. Сер. Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2014. – № 1. – С. 172–183.

30. Тихомирова Е. Г. «Маскарад имен» – псевдонимика (альтернативные самопрезентации) // Соврем. проблемы науки и образования. – 2013.– № 1. – С. 391.

31. Чемодурова З. М. Рефлексивная авторская игра в метапрозе // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2013.– Т. 7, № 2. – С. 160–171.

32. Шишкова Н. Ю. Авторская маска в повести У. М. Теккерея «Записки Желтоплюша» // Актуальные проблемы гуманит. и естеств. наук. – 2016. – № 9–1. – С. 144–147.

33. Шишкова Н. Ю. Авторская маска как литературоведческое понятие // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. – 2016. – № 2. – С. 45–48.

34. Шутова Ю. Н. Литературная мистификация как результат реализации стратегии жизнетворчества писателей Серебряного века // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2014. – № 3 (56). – С. 152–155.

© Кадеева Р. А., 2022.

УДК 82-3

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ И. А. БУНИНА И А. И. ТИНЯКОВА (ОДИНОКОГО))

Е. А. Казеева,
канд. филол. наук, доцент
kazeeva-ea@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье представлен опыт сопоставительного анализа образа учителя в рассказах И. А. Бунина и А. И. Тинякова (Одинокого). Делается вывод о том, что в своих произведениях писатели обращаются к изображению непростой судьбы образованного человека в провинции, который из-за сложных материальных условий не может приносить пользу людям на педагогическом поприще.

Ключевые слова: И. А. Бунин, А. И. Тиняков (Одинокий), образ, учитель, рассказ.

THE IMAGE OF THE TEACHER IN RUSSIAN LITERATURE AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE STORIES OF I. A. BUNIN AND A. I. TINYAKOV (LONELY))

E. A. Kazeeva
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article presents the experience of comparative analysis of the image of the teacher in the stories of I. A. Bunin and A. I. Tinyakov (Lonely). It is concluded that in their works the writers turn to the image of the difficult fate of an educated person in the province, who, due to difficult material conditions, cannot benefit people in the pedagogical field.

Keywords: I. A. Bunin, A. I. Tinyakov (Lonely), image, teacher, story.

На протяжении всей истории развития человеческого общества вопросы образования и воспитания подрастающего поколения волновали передовых людей своего времени, что привело в конечном итоге к появлению профессии учителя. В Древней Руси образование было тесно связано с религией, поэтому школы чаще всего открывались при монастырях и наставниками в них были духовные лица. В XVIII столетии, после реформ Петра Великого, возникает потребность в большом количестве образованных людей, поэтому открываются государственные школы, в которых наряду с духовными появ-

ляются и светские учителя. Кроме того, в дворянской среде XVIII–XIX веков было широко распространено домашнее образование. Часто наставниками молодых людей становились иностранцы, не имеющие необходимой квалификации и, следовательно, не умеющие или не желающие дать своим воспитанникам достойные знания. Данное обстоятельство получило художественное преломление в русской литературе, например в произведениях Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина. Реформы 1860–70-х годов дали мощный толчок развитию отечественного образования, что нашло отражение и в художественной литературе. Образы учителей на страницах своих произведений воссоздают Н. Г. Помяловский, П. Д. Боборыкин, А. И. Эртель, Г. И. Успенский, А. П. Чехов и др.

В настоящей статье представлен опыт сравнительной характеристики двух рассказов рубежа XIX–XX веков, центральными персонажами которых являются учителя. Рассказ И. А. Бунина «Тарантелла: Из жизни деревенской интеллигенции» (впоследствии – «Учитель»), написанный в 1894 году, впервые был опубликован в 1896 году в журнале «Новое слово». В 1897 году он вошел в состав первого прозаического сборника писателя «На край света». Рассказ А. И. Тинякова (Одинокого) «Сельский учитель» увидел свет на страницах орловского гимназического рукописного журнала «Школьные досуги» в 1902 году. Нами уже отмечалось, что начинающий писатель А. И. Тиняков испытывал интерес к творчеству своего старшего коллеги по перу, о чем свидетельствуют, во-первых, критическая заметка Одинокого, содержащая разбор бунинского рассказа «Эпитафия»; во-вторых, обращение начинающего автора к бунинским темам, сюжетам и образам [4]. Можно предположить, что А. И. Тиняков-гимназист прочел сборник «На край света» по совету своего классного наставника Ф. Д. Крюкова, который в те годы сотрудничал в журнале «Русское богатство». По всей вероятности, Ф. Д. Крюков рекомендовал своему питомцу «Тарантеллу» после появления в 1902 году на страницах этого журнала рецензии П. Ф. Якубовича [10]. Отметим, что интересующие нас рассказы неоднократно привлекали внимание исследователей [5; 8; 9; 11; 12], однако сопоставительный анализ образа учителя в данных произведениях осуществляется впервые.

Несомненное сходство рассказов И. А. Бунина и А. И. Тинякова обнаруживается уже при их первом прочтении. Во-первых, оба автора обращаются к изображению жизни провинциальной интеллигенции. Напомним, что увидевший свет на страницах журнала «Новое слово» рассказ «Тарантелла» имел подзаголовок «Из жизни деревенской интеллигенции». Эта тема является ключевой и в ранней прозе Одинокого, представленной на страницах журнала «Школьные досуги» («Дневник гимназиста», «Дневник бывшего гимназиста», «Вьюга», «Станция»). Во-вторых, сходство интересующих нас текстов обнаруживается на уровне заглавий, точно отражающих их тематику. Примечательно, что рассказ И. А. Бунина впоследствии подвергся серьезной авторской правке, причем первоначальное заглавие «Тарантелла» в 1912 году заменяется заглавием «Учитель». В-третьих, оба текста написаны сравнительно юными авторами: Бунину шел 24-й год (рассказ написан в Полтаве

в августе 1894 года), Тинякову было почти 16 лет (рассказ написан в Орле в сентябре 1902 года).

Непосредственное обращение к сюжету интересующих нас произведений позволяет сделать вывод о том, что А. И. Тиняков, создавая образ своего учителя, ориентировался на бунинский текст. Во-первых, одинаков возраст главных героев – им 23 года. Во-вторых, оба автора используют краткие портретные характеристики, но делают это по-разному. Так описывает внешность своего учителя, Николая Нилыча Турбина, И. А. Бунин: «Турбину шел двадцать четвертый год. Был он белокур, очень высок ростом, худ и от застенчивости очень неловок» [3, с. 58]. В процессе повествования автор постепенно вводит в текст новые портретные детали, например, в эпизоде, описывающем визит героя в дом Линтваревых: «Но все-таки он (Турбин. – *Е. К.*) присел к столу, предварительно посмотрев на стул и раздвинув полы сюртука, расставил острыми углами свои тонкие ноги и, поставив локоть на колено, стал пощипывать кончики своих жидких белесых усов» [3, с. 77]. В дальнейшем И. А. Бунин обращает внимание читателя на отдельные черты внешности учителя с помощью оценочных характеристик, даваемых ему другими персонажами рассказа. Так, лавочница, наблюдая, как Турбин перепрыгивает через лужи, говорит: «То-то несуразный-то!» [3, с. 62]; священник смеется над высоким ростом и худобой героя [3, с. 63]; Кондрат Семеныч называет его «циркулем» [3, с. 67]. А. И. Тиняков описывает портрет своего учителя, Антона Ивановича Окунева, в самом начале рассказа и больше к нему не возвращается. Примечательно, что автор делает акцент на описании одежды героя: «Это был молодой человек, лет двадцати трех, в ватном пальто, рыжей фуражке, засученных довольно высоко брюках и прорванных калошах» [6, с. 2]. Портретные характеристики обоих героев, при их незначительном отличии, свидетельствуют о том, что учителя довольно молоды, бедны, застенчивы и оттого очень неловки.

Сходство интересующих нас образов учителей обнаруживается и в повествовании об их прошлом, особенно о безрадостном детстве. Так, Турбин родился в бедной семье, рано потерял мать, а с отцом, сельским дьяконом, так и не смог наладить доверительных отношений. Однако бунинский учитель – почтительный сын: свое небольшое жалование он посылает на лечение отцу, тоскует по его обществу, пишет ему нежные письма, мечтает о поездке в родительский дом. Тяжелое материальное положение не дает Турбину возможность закончить семинарию, лишь через некоторое время ему удается сдать экзамен на сельского учителя. «Грустное детство» [6, с. 4] выпало и Окуневу, родившемуся в семье пьяницы-сапожника. Страдая от брани и побоев отца, герой постоянно испытывает чувство одиночества: «Около него не было человека, придя к которому он мог бы рассказать о своем детском горе (радостей у него не было), о своей тоске, недоразумениях, который бы мог рассказать ему о другой жизни, которой он не знал, о лучшей, радостной, счастливой и свободной жизни» [6, с. 4]. По настоянию отца Антон Иванович сначала учится в духовном училище, где он приобретает охоту к занятиям и немногочисленные познания. Однако курс Окунев окончил в учительской

семинарии, которая незначительно расширила знания героя и развила у него «некоторую наклонность к винопитию» [6, с. 4]. Как видим, отдельные черты биографии героев рассказов отличаются несомненным сходством. Даже выбор ими педагогической профессии не был осознанным, а проистекал из крайней бедности молодых людей.

Схожи и обстоятельства дальнейшей жизни героев интересующих нас рассказов. После окончания учебы молодые люди хлопочут о месте и, в конце концов, его получают: Турбин становится учителем земской школы в селе Можаровке, Окунев – в селе Борисове. Из рассказа И. А. Бунина читатель узнает, что его герой служит уже больше года; А. И. Тиняков начинает повествование с описания приезда Окунева во вверенную ему школу. Квартиры обоих педагогов находятся в здании самой школы, причем оба автора подчеркивают такие их особенности, как неудобное расположение, холод, грязь, плохое освещение. Описание места жительства учителя в рассказе Одинокого более подробное: квартира с одним окном, «длиною не более четырех аршин, а шириной аршина в три» [6, с. 7]. Обстановка ее состоит из деревянной кровати, изрезанного ножом и залитого чернилами стола, хромоногого стула, лампы с разбитым абажуром и вбитого в стену гвоздя, который служит вешалкой для одежды. Отметим, что описание интерьера в рассказах призвано продемонстрировать крайнюю бедность их хозяев, ведь жалование сельского учителя не давало достаточных средств для жизни. Несмотря на то, что Турбин бережлив и предусмотрителен (из-за выделенного содержания проводит лето у богатого лесорубщика, переходит обедать от священника к дьячку, стремится немного заработать корреспонденциями), он так и не может воплотить в жизнь свою мечту – поехать на Святки домой. Все его скудные сбережения потрачены на новый тулуп и на лечение отца. Очень беден и Окунев: он ездит в вагоне третьего класса; часто торгуется (сначала с мужиком, который везет его со станции в Борисово, затем со священником из-за суммы, выделяемой на стол); владеет скудным имуществом, помещающимся в «невзрачном и совсем не объемистом чемодане» [6, с. 2].

Несомненно, материальные затруднения, которые испытывают герои, влияют на то, как они исполняют свои служебные обязанности. Повествуя о педагогической деятельности Турбина, И. А. Бунин использует такие слова и словосочетания, как «неохотно», «с усилием», «утомительная работа», «беспокойство», «злоба». Отметим, что герой, поступая на службу, мечтал сделать свою школу образцовой, планировал писать статьи, посвященные народному образованию, составлять учебники, искать состоятельных покровителей. Однако постепенно учителем овладевало безразличие, лишь изредка нарушаемое отдельными всплесками энергии. Желая донести до учеников знания, Турбин «сперва /.../ горячился, напрягал все усилия говорить понятней и сдержаннее» [3, с. 61]; потом, глядя на осенний пейзаж за окном, вновь становился равнодушным. Подобная судьба постигла и Окунева, который, кроме всего прочего, успокаивал свою грусть и отдыхал от утомительных занятий с помощью вина: «В душе его желание трудиться и приносить пользу все больше и больше угасало, а кругом не было никого и ничего, кроме вод-

ки, что могло бы поднять его дух и оживить его» [7, с. 8]. Как уже было отмечено выше, поприще сельского учителя стало крахом надежд Турбина. И. А. Бунин подробно рассказывает о несбывшихся мечтах своего героя: в семинарии он мечтал об обеспеченной жизни городского священника, намеревался быть просвещенным человеком, надеялся на интересные знакомства. Приехав в Можаровку, Николай Нилыч рассчитывал стать передовым учителем, затем поступить на службу на завод, войти в общество Линтварева. Вскоре желания Турбина становятся более скромными: поехать на праздник к отцу, отправиться в гости к двоюродной сестре, в доме которой собирается местная молодежь. О мечтах Окунева в рассказе А. И. Тинякова прямо не говорится, но имеются указания на то, что герой по приезде в Борисово мечтал об общественно полезной жизни: «Начиналась новая жизнь…» [7, с. 7]. Однако разочарование постигает и его. Таким образом, непростые жизненные обстоятельства не дают возможности героям принести пользу людям своей служебной деятельностью.

Круг общения героев интересующих нас рассказов также имеет много общего: и Турбин, и Окунев поддерживают знакомство со священником и местным помещиком. Конечно, круг контактов бунинского учителя более обширен: это лавочник Грибакин, чья супруга была увлечена Николаем Нилычем, дистиллятор Таубкин, разорившийся помещик Кондрат Семеныч, подкурщик Слепушкин, дьячок о. Алексей, гости Линтваревых. Отметим, что А. И. Тиняков, рассказывая о круге общения Окунева, постоянно ориентируется на рассказ И. А. Бунина. Так, создавая образ священника о. Андрея, Одинокий объединяет в нем черты нескольких бунинских персонажей – о. Федора Рокотова, дьячка о. Алексея и существующего лишь в мечтах Турбина о. Николая. Окунев, так же как и Турбин, проводит вечера и столуется у местного священника – просвещенного человека, свободно ведущего беседы на разные темы. Именно благодаря о. Андрею Антон Иванович получает сведения о местных жителях. Создавая образ борисовского помещика Василия Акимыча Коршунова, А. И. Тиняков соединяет в нем черты бунинских Линтварева и Кондрата Семеныча. Как и последний, Коршунов малообразован, неглуп, претендует на остроумие. Окунев, так же как и Турбин у Линтварева, изредка посещает Коршунова, ужинает там и играет в карты. И в том, и в другом рассказе в барском доме собираются гости, однако в доме Линтваревых посетители более изысканны (флотский офицер, доктор, богатый помещик Беклемишев, княжны Трипольские), чем в доме Коршунова (писарь, землемер, псаломщик, священник из соседнего села). Однако Линтварев готов оказывать покровительство школе и ее учителю, Коршунов же отличается скупостью. Посещение героями рассказов местной знати заканчивается по-разному: единственный визит Турбина, вызвавший в его душе противоречивые чувства (робость, удивление, смущение, осознание своего низкого общественного положения и некультурности, комфорт, причиной которого становятся выпитая водка и дружеский тон одного из гостей), закончился позорной сценой – бешеной пляской пьяного учителя под рубинштейновскую «Тарантеллу». Напротив, неоднократные визиты в дом Коршу-

нова приятны Окуневу: долгие посиделки, выигрыш в карты, хорошая водка приводили к тому, что «…Антону Ивановичу было весело возвращаться даже в свою каморку» [7, с. 7].

В рассказах И. А. Бунина и А. И. Тинякова изображен один обычный день из жизни сельского учителя. Оба героя просыпаются очень рано, после нехитрого туалета отправляются в грязный, холодный класс, где их уже ждут шумные ребятишки. Большая часть дня (до половины второго / до двух часов) отводится школьным занятиям. В рассказе А. И. Тинякова о них повествуется более подробно: «И каждый день он (Окунев. – *Е. К.*) решал с одними задачи, другим диктовал статьи из «Родины», третьих учил буквам и слогам» [7, с. 5–6]. После следовал обед у дьячка / священника и домашние дела – чтение книг и проверка тетрадей. Николай Нилыч читал некогда взятый им у товарища номер журнала «Современник», в котором его особенно привлекала статья о русском судопроизводстве. Антон Иванович увлекался художественной литературой: постоянно перечитывал тургеневские «Записки охотника» и случайно попавший к нему третий том сочинений А. П. Чехова. Завершался день визитами: Турбин проводил вечера в доме священника, где играл на орехи и музицировал с поповной; Окунев отправлялся к о. Андрею, но после раннего ужина сразу же уходил. Иногда герой А. И. Тинякова бывал у Коршунова, где развлекался с его гостями. Изредка описанный выше распорядок дня дополнялся прогулками: Николай Нилыч ранней осенью гуляет в поле; Антон Иванович, утомившись от скучных уроков, зимой бродит по окрестностям с ружьем. Турбин в свободное время играет на гитаре, Окунев предпочитает скрипку.

В обоих рассказах писателей рубежа XIX–XX веков жизнь героев развивается на фоне пейзажей, между которыми обнаруживается несомненное сходство. Описания поздней осени, производящие мрачное впечатление на читателя, несомненно, перекликаются. Печальная картина ненастной осени представлена в произведении И. А. Бунина: «В конце сентября, в октябре дожди лили с утра до ночи. <…> Деревня приняла темный, жалкий вид. Холодный ветер затягивал окрестности туманной сеткой дождя. <…> Турбин вставал еще при огне, в ту неприязненную пору, когда, после мрачной дождливой ночи, над грязными полями, над колеями дорог, полными водою, недовольно начинал дымиться белый рассвет» [3, с. 61]. Рассказ А. И. Тинякова открывается картиной осеннего пейзажа, настраивающего читателя на драматическое восприятие последующих событий: «Стояла глубокая осень. Хмурилось и плакало серенькое небо, закутавшись в мутные, серые облака. <…> Оглянувшись вокруг, он (Окунев. – *Е. К.*) ничего не увидел, кроме полуголых деревьев, грязи, мокрых кур и бабы…» [6, с. 2]. Несомненно, описание приезда Окунева на станцию и его пути в Борисово на мужицкой телеге отсылает нас к бунинскому рассказу. Напомним, что Турбин, занимаясь со своими учениками, смотрит в окно и видит тянущиеся по грязи обозы, мокнущих мужиков и лошадей: «И все представлял учитель самого себя едущим на вокзал в телеге: телега медленно качается, хлюпает по дороге, и заливается-стонет ветер, гнет в поле одинокую голую березку…» [3, с. 62]. Отметим,

что жизнь Окунева показана автором на фоне природного календаря: учитель приезжает в школу осенью, а покидает Борисово в середине мая, после экзаменов. Турбин же живет в Можаровке больше года, однако действие рассказа разворачивается осенью и зимой. А. А. Ачатова справедливо отмечала, что «пейзаж в рассказах Бунина одно из главных средств психологической характеристики. С его помощью раскрывается внутреннее состояние человека, его настроение, его радости и страдания» [1, с. 97]. Подобную же функцию пейзаж выполняет и в рассказе А. И. Тинякова: его цель – показать читателю тяжелое душевное состояние Окунева. В рассказе Одинокого пейзажная зарисовка лишь однажды противопоставлена переживаниям героя: Антон Иванович созерцает расцветающую весеннюю природу, в то время когда его душа разрывается от боли. Именно в прекрасный майский вечер учитель чувствует сильную тоску, которую пытается выразить в игре на скрипке: «Всю, всю свою горькую, безрадостную жизнь, всю свою разбитую душу вложил он в эту игру» [7, с. 9].

Полагаем, что анализируемые нами тексты объединяет и их финал, представляющий собой рассказ о нравственной гибели сельских учителей: Турбин и Окунев, одинокие, никем не понимаемые, переживают духовную смерть. Так, Николай Нилыч, испытывающий сильный стыд из-за своего позорного поведения в доме Линтварева, погружается в тяжкую атмосферу кутежа. И. А. Бунин детально фиксирует стремительно меняющееся настроение своего героя: отчаянная смелость, веселье, сопровождающие танец, сменяются машинальными действиями, спутанным сознанием, в которых сливаются тарантелла и жестокое похмелье. Итог жизни Турбина подводится во внешне незначительном диалоге Кондрата Семеныча и печника: «– Вот те и педагог! – сказал он с сожалением. – Пропал малый» [3, с. 88]. Окружающая среда стала и причиной нравственной гибели Окунева. Его отчаяние настолько сильно, что, возвращаясь домой, герой думает о самоубийстве: «Он облокотился на решетку и стал смотреть на блестящие рельсы. В голове у него мутилось, душа плакала. У него не было своих желаний, своей воли. Что-то влекло его» [7, с. 11]. Появившийся кондуктор помешал возможному самоубийству, однако финал рассказа, как и у Бунина, свидетельствует о духовной смерти Окунева. Герой приезжает к пьяному отцу, вместе с которым отправляется в трактир пропивать учительское жалование.

Таким образом, в центре внимания И. А. Бунина первоначально оказывается происшествие – скандальное поведение пьяного учителя в гостях у местного помещика (отсюда первоначальное заглавие произведения «Тарантелла»). Однако наиболее прозорливые современники писателя, оценивая рассказ, сделали акцент именно на достоверном изображении жизни сельской интеллигенции. Так, А. И. Эртель писал: «Все тут, по-моему, совершеннейшая правда. Тип (учителя) нарисован смело, объяснен правильно, включая и его „падение“» [2, с. 151]. С этим мнением впоследствии согласился и сам И. А. Бунин, изменив заглавие на «Учитель». Подобная интерпретация текста, на наш взгляд, оказалась близка и А. И. Тинякову, сделавшему ее основой для своего рассказа. Оба автора обращаются к изображению непростой

судьбы образованного человека в провинции, который из-за сложных материальных условий не может приносить пользу людям на педагогическом поприще.

Библиографический список

1. Ачатова А. А. Пейзаж в дореволюционных рассказах И. А. Бунина // Уч. зап. Том. ун-та им. В. В. Куйбышева. – 1963. – № 45. Вопросы метода и стиля. – С. 97–103.

2. Бабореко А. Бунин и Эртель // Рус. литература. – 1961. – № 4. – С. 150–151.

3. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. – М. : Худож. лит, 1987. – Т. 2. – 510 с.

4. Казеева Е. А. Осмысление произведений новейшей отечественной словесности на страницах рукописного журнала «Школьные досуги» (на примере рассказа И. А. Бунина «Эпитафия») // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: сб. ст. XVII Всерос. науч.-практ. конф. – Арзамас : Арзамас. филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского», 2018. – С. 193–200.

5. Крутикова Л. В. «На край света» – первый сборник рассказов И. Бунина // Вестн. ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. – 1961. – № 20, вып. 4. – С. 82.

6. Одинокий. Сельский учитель // Школьные досуги. − 1902. − № 1. − С. 7−15 / Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева (ОГЛМТ). – 10677/490 оф. РК. – 1521.

7. Одинокий. Сельский учитель (окончание) // Школьные досуги. − 1902. − № 2. − С. 5−11 / ОГЛМТ. – 10677/490 оф. РК. – 1521.

8. Попова Ю. С. Образ учителя в одноименном рассказе Ивана Алексеевича Бунина // Науч. вестн. Воронеж. гос. архит.-строит. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 2 (25). – С. 34–39.

9. Титова В. Г. Комментарии к рассказу И. А. Бунина «Учитель» // Бунин И. А. Собрание сочинений : в 6 т. – М. : Худож. лит, 1987. – Т. 2. – С. 482–484.

10. Якубович П. Ф. <Рец. на кн.: Бунин И. Рассказы. Т. I. СПб., 1902> // Рус. богатство. – 1902. – № 7. – С. 103–107.

11. Янковский Ю. З. И. А. Бунин и С. В. Васильченко (Опыт сравнительной характеристики рассказа И. Бунина «Тарантелла» и двух редакций рассказа С. Васильченко «Антон Вова») // Бунин И. А. : сб. ст. – Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 1971. – С. 157–162.

12. Kazeeva E. A. A teacher's image in the story by gymnasium student A. I. Tynyakov «Village teacher» // Modern science. – 2018. – № 1-1. – P. 127–129.

© Казеева Е. А., 2022.

УДК 398.1

НРАВСТВЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ НАРОДНЫХ ПЕСЕН, БЫТУЮЩИХ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Г. И. Канакина,
канд. пед. наук, профессор, зав. кафедрой
kanakina-kafedra@mail.ru
Пензенский государственный университет
Пенза, Россия

Аннотация. Статья посвящена современным проблемам бытования и сохранения народной песенной традиции в России. В ней рассматриваются

нравственные приоритеты текстов народных песен Пензенского региона. Анализируется язык текстов лирических песен, в котором проявляется их нравственная и эстетическая ценность.

Ключевые слова: народная культура, песенный фольклор, лирическая песня, нравственные приоритеты народных песен.

MORAL PRIORITIES OF FOLK SONGS, LIVING IN THE PENZA REGION

G. I. Kanakina
Penza State University
Penza, Russia

Abstract. The article is devoted to the contemporary problems of the existence and preservation of the folk song tradition in Russia. It examines the moral priorities of the texts of folk songs of the Penza region. The language of lyrics of lyric songs is analyzed, in which their moral and aesthetic value is manifested.

Keywords: folk culture, song folklore, lyric song, moral priorities of folk songs.

Проблемы сохранения, возрождения и развития традиционной народной культуры в XXI веке приобретают все большую актуальность. Одна из основных задач государства – сохранение базовых основ многонациональной культуры России, национальных языков и литературы, памятников фольклора, популяризация духовно-нравственного наследия народов Российской Федерации. Изучение русской культуры способствует всестороннему развитию личности, формированию национального самосознания, идеалов, ценностей, нравственных норм, характерных для русского этноса. Особая роль в этом принадлежит фольклору. В устном народном творчестве сохранились особенные черты русского народа, его нравственные ценности и приоритеты. В нем фокусируются накопленные веками наблюдения за различными сторонами жизни, оцениваются разные жизненные позиции.

Уникальным, самобытным памятником культуры является русская народная песня – часть устного народного творчества. Старинные песни живут в веках, передаваясь из поколения в поколение. Мелодии и тексты лучших из них бытуют в народе многие сотни лет.

Исследованием русских народных песен занимались известные фольклористы Т. М. Акимов, П. А. Бессонов, П. В. Киреевский, Н. П. Колпакова, С. Г. Лазутин, А. И. Соболевский и др. В Пензенском регионе и за его пределами известны имена собирателей народных песен, бытующих на сурской земле, А. П. Анисимовой «Народное русское слово» (1959), Е. Медянцевой «Народные песни Пензенской области» (1961), О. П. Мартыненко «Фольклор Пензенской области» (1977) и др.

Сегодня интерес к народной песне не ослабевает, этому способствует появление множества фольклорных коллективов и этнических ансамблей. Делаются новые записи, появляются новые сборники: «Песни тарханских

крестьян» (1992) [8] и «Реченька» (1995) А. Г. Тархова, «Реченька-река, крутые берега» (2008) А. Тарховой, «Касаточка» (2011) Е. Чудовой, «При беседах» (2008) Н. Маркиной и др.

Музыкально-поэтическое наследие русской деревни сохраняется во многих районах Пензенской области, где в отдельных селениях его живым воплощением являются народные самородки – певуньи и плясуньи. Несмотря на то, что пензенский песенный фольклор представляет значимое явление в современной культуре, он недостаточно глубоко и полно исследован. До сих пор старинные народные песни хранятся в русской глубинке, в памяти старожилов. Студенты историко-филологического факультета ПГУ во время фольклорной практики записывают старинные народные песни, бытующие на территории Пензенского края. Экспедиции по сбору народных песен организуют и фольклорные ансамбли. В Пензенской области к середине 90-х годов насчитывалось более 300 аутентичных коллективов русских, татарских, мордовских и чувашских ансамблей.

Сегодня наиболее известны ансамбль русской этнической музыки «Миряне», ансамбль народной музыки «Злато-Серебро» (о голосе его солистки когда-то восхищенно отозвалась Людмила Зыкина: «Наталья Мещерякова – это хранительница культурного наследия страны, это «Серебряный голос России»), «Славяне» (в 1978–2009 годах – ансамбль «Реченька»), «Старгород» и др. Их цель – не только исполнение народных песен, но и изучение и пропаганда лучших образцов русской песенной культуры. В их репертуаре как широко известные народные песни, так и оригинальные, записанные на территории нашего региона. Многие из них перешли в область пассивного бытования и не известны широкому кругу слушателей. Народные традиции поддерживают и молодые исполнители. Хорошо знают в Сурском крае и за его пределами ансамбли «Лель», созданный на базе музыкального училища им. А. А. Архангельского; «Юрьев день», ансамбль студентов Пензенского колледжа культуры и искусств; детские фольклорные ансамбли «Росиночка», «Берегиня», «Веретёнце» и др.

Фольклорные ансамбли не раз становились лауреатами и дипломантами всероссийских и международных конкурсов и фестивалей. В Пензе стало традицией проведение конкурсов народной песни: Открытый межрегиональный фестиваль фольклорных коллективов «Пензенский хоровод», участие в котором принимают фольклорные певческие ансамбли, отдельные исполнители народной песни и танцевальные коллективы со всей России. Один раз в три года на Пензенской земле проводится Межрегиональный фестиваль-конкурс «Песни родной стороны» им. А. Г. Тархова. В 2003 году на Пензенской земле зародилась добрая традиция проведения городского конкурса исполнителей народной песни «Жемчужинки России» имени нашей землячки, великой русской певицы Лидии Андреевны Руслановой, чье исполнение народных песен считают эталонным. Стал традиционным этнокультурный фестиваль «Сурский Яръ». Ансамбли народной песни г. Пензы и области участвуют в ежегодной акции «Ночь искусств».

Пензенская область имеет сложную историю заселения, поэтому фольклорный материал следует рассматривать как результат культурного взаимовлияния, взаимопроникновения традиций славянских, финно-угорских и тюрко-татарских народов. Исследователь песенной культуры Пензенской области А. А. Тархова объясняла это так: «В силу того, что исследуемый регион расположен на западном склоне Приволжской возвышенности, граничащей с Рязанской, Тамбовской, Саратовской, Ульяновской областями, Мордовской АССР, где сравнительно на небольшой территории в тесном соседстве проживают с давних времен угры (мордва, мещера, буртасы), славяне (вятичи, кривичи), волжские булгары (казанские татары и татары-мишари), в народно-песенной традиции проявились разнообразные формы связи музыкального материала с условиями его возникновения» [9].

Единой дефиниции народной песни нет, как нет и единой классификации жанров народного песенного творчества. Причина тому – изменчивость назначения песни в народном обиходе. Н. М. Лопатин, например, подразделял народные песни на две большие группы: лирические и обрядовые. Характеризуя лирические песни, он отмечал: «Лирические песни составляют богатый и обширный отдел песенной поэзии русского народа: в них выражались и до сих пор выражаются лирические чувства русского человека в самых разнообразных условиях его быта за всю его историческую жизнь, в силу чего и получили они неисчерпаемое многообразие текстов и напевов и разнообразие их вариантов» [5]. Лирическая песня – величайшее музыкально-поэтическое создание народа, неотъемлемая составляющая его духовного богатства. Она глубоко отражает жизнь, раскрывает его думы и чаяния. В народной песне заложены этические и эстетические идеалы, стремление к добру, правде, счастью. Вся жизнь народа отразилась в ней.

В центре нашего внимания старинные лирические песни, которые записаны в разное время в селах Пензенской области, и те, которые исполняются сегодня пензенскими фольклорными ансамблями.

Несмотря на многообразие песенных жанров, на огромное количество песенных сюжетов, в основе народных песен лежат вечные нравственные ценности: любовь к родной земле, красота труда и ратного подвига, высокое нравственное благородство, вера в победу добра над злом, справедливости над неправдой и обманом, любовь, крепкая дружная семья и др. В лирических песнях отразился особый музыкальный мир, передающий глубину чувств русского человека. По мнению известного исследователя народных песен С. Г. Лазутина, по отношению к лирической песне «точнее было бы говорить не о сюжете, а о сюжетной ситуации» [4, с. 44]. Содержание песен отражает различные стороны быта, семейных и социальных отношений. Наиболее частыми сюжетными ситуациями, лежащими в основе народных лирических песен, являются человеческие эмоции: «Два основных цикла человеческих эмоций – радость и горе с их многочисленными тематическими подразделениями – составляют основное содержание народных лирических песен» [3, с. 207]. Лирическим песням присуще многообразие эмоционального настроения, в них можно выделить песни трагические, оптимистические,

сатирические и юмористические. В народных лирических песнях отражен характер народа, его доброта, искренность, щедрость, душевность. Тексты народных песен восхищают своей простотой, доступностью изложения, выразительностью и особой сердечностью.

Эстетическая ценность фольклорных текстов проявляется прежде всего в их языке. В лексической системе русских народных песен заключены культурные, ментальные константы, важную роль играют лексемы *душа, совесть, воля, сердце, любовь, доля.* Эти слова раскрывают сущность человека, его внутренние переживания. Лексика, представляющая негативные эмоции лирического героя, также традиционна. Это *измена, разлука, смерть:*

Не велят Маше на реченьку ходить,
Не велят Маше молодчика любить.
Молодой парень – любовник дорогой,
Он не чувствует любови никакой,
Какова любовь на свете горюча,
Горюча любовь, слезами улита [6, с. 54].

Разговорно-просторечная лексика (*сиреть, атколь, шабрики, маво, тятькин, бабеночку, вор-каналья, ну-кося, конопель, жальнее* и т. п.) еще ярче проявляет народный характер песни, подчеркивает ее самобытность.

Для народных песен характерна трансформация звукового облика слова, нарочитое наращение (*вчерась*) или сокращение (*вишь).* Довольно часто присутствуют явное «аканье», смещение ударения, стяжение гласных, что позволяет говорить о естественности языка народной песни. Вот как, например, поется старинная песня, записанная в Малой Сердобе:

Напаю я мужа пьянава,
Палажу яво сиреть двара,
Завалю яво саломаю,
Падажгу с агнем лучинаю.
Сама выбигу на улицу,
Закричу я громким голасам
Приближенным сваим шабрикам:
– Не видали, атколь туча шла,
Не слыхали, где жа гром гримит?
Маво мужа маланьёй сажгло,
Миня Господи памилавал...

В народных песнях наблюдается использование модифицированных вариантов слов – существительных, прилагательных, наречий – со значением умаления, что свойственно народной культуре, народно-поэтическому самовыражению (*долюшка, горюшко, ноченька, тошнехонько*):

Ты рассизенький ты мой голубочек,
Ох ты за что же в гости не летаешь.
Ох ты горюшка моего не знаешь, не знаешь,
Ох голосочка моего не слышишь не слышишь (Из репертуара ансамбля «Лель»).

Героем народных песен обычно является обобщенный образ, номинированный апеллятивами *молодец, девушка, муж, жена, матушка, батюшка, свекровь* и др. Ономастическое пространство лирических песен довольно ограничено. Среди женских имен наиболее распространены *Маша* (*Машенька*, *Марья, Марьюшка*), *Катя* (*Катерина*), *Дуня* (*Дуняша*), *Таня* (*Танюша*). Мужские имена в народных песнях встречаются значительно реже. Чаще других это имя *Иван* (*Ваня, Ванюша*). Антропонимы-именования лирических героев чаще всего употребляются в сокращенной форме, разговорном варианте. Иногда эти имена употребляются с отчеством:

Тут летел-то орёл через двор,
Он ударил крылом об терём,
Подавал свет-Марьюшке добрую весть,
Подавал Степановне добрую весть –
Да что у Ивана-то в доме есть,
Что у Васильича в доме есть:
На дворе-то стоит конь, как орёл,
На коне-то сидит сам сокол свет Иван,
Господин Иван, свет Васильевич [1, с. 118].

Употребление собственных имен обязательно для исторических образов-символов: «*Пугачев* в темнице», *«Ленин* волю вольную отстоял», «Казнь *Степана Разина», «*Про полковника *Лопухина»,* «*Платов* в гостях у француза» («Про *Платова-казака»*) и др.

Топонимы и гидронимы в народных лирических песнях встречаются также в песнях исторических. Это *Казань-город* и речка *Казанка,* где «Семь лет с силушкой Грозный стоял», *Страхань* (Астрахань), где объявился «добрый молодец Емельян Пугач», *Москва, Красная площадь,* где «скатилась с плеч казацких удалая голова» Степана Разина.

В некоторых вариантах песен употребляются топонимы, подчеркивающие их пензенское происхождение. Так, в одной из песен о войне с турками есть такие строки:

Положил милый головку
На чужой на стороне,
На чужой дальней стороне,
На турецкой на войне.
За Тамбовскою заставой
Он на кладбищах лежит,
Серый памятник тяжелый
Над могилою стоит.

В Пензе есть кладбище за Тамбовской заставой. В другой, рекрутской песне упоминается название пензенского села Верхозим, где до 1917 года был призывной пункт царской армии [6, с. 49]:

Верхозим – село богато,
Там приемная палата.
Во приемну едут-скачут,
Из приемной выйдут – плачут ...

Синтаксис текстов народных песен достаточно прост и незамысловат. Основной его особенностью является употребление устойчивых атрибутивных словосочетаний *родной батюшка, родимая матушка, милый дружочек, дорогая подруженька, ретивое сердечко, белая березонька, глазки голубые, губки алые* и др.:

Его глазки голубые
В небо синее глядят.
Его губки, губки алы
О любви не говорят (Из репертуара ансамбля «Реченька»).

Довольно часто лирические плясовые народные песни строятся на основе инверсии:

Во лузьях, во лузьях,
Ещё во лузьях, зелёнаих лузьях,
Ещё во лузьях, зелёнаих лузьях.
Выросла, выросла,
Вырастала трава шёлковая,
Вырастала трава шёлковая.
Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые,
Расцвели цветы лазоревые (Песня записана в селе Михайловка Лунинского района).

Для народных песен характерны повтор и переход конца фразы в следующий стих, что придает песне особую ритмичность. Этот прием часто используется в хороводных песнях, например в песне, записанной в селе Канаевке Городищенского района:

Красны девицы тонцы водили,
Ой лёли-лёли, тонцы водили.
Поводивши, они приустали,
Ой лёли-лёли, они приустали.
Приуставши, они привздохнули,
Ой лёли-лёли, они привздохнули.
Привздохнувши, они привзоснули,
Ой лёли-лёли, они привзоснули....

Традиционная народная лирическая песня зачастую строится на приеме композиционного параллелизма: с одной стороны, даются образы-символы из мира природы, а с другой – образы реальные, из жизни. Об этом А. Н. Веселовский писал: «Общая схема психологической параллели нам известна: сопоставлены два мотива, один подсказывает другой, они выясняют друг друга, причем перевес на стороне того, который наполнен человеческим содержанием» [2, с. 144]. Примером такого параллелизма может стать композиция одной из пензенских песен:

Соловей кукушку уговаривал:
– Полетим, кукушка в тёмненький лесок,
Сядем мы, кукушка, на любой кусток,
Совьём мы, кукушка, тёпло гнёздышко,

Выведем, кукушка, два детёныша,
Тебе куковёнка, а мне соловья.
<...>
Мальчишка девчонку звал-обманывал:
– Поедем, девчонка, в Казань-город жить.
Казань-город славный, на горе стоит ... [6, с. 39].

Особую трогательность народной песне придает неточная, примитивная рифма внутри стиха:

Вечор девку,
Вечор девку сговорили
За старова мужа.
За старова обманули,
Сказали,
Что старому жить недолга ... (Из репертуара ансамбля «Славяне»).

Образность и выразительность народных песен создается также за счет протягивания гласных и включения междометий *эх, ай, ой, да, ды, й*:

Да Маша шьёт, шитво бросает – да,
Ей не сидится да за й, за иглой – да,
Ей не шьё…отся, не й, не сидится да –
Ра…й разлюби…ил дружок-то милой (Из репертуара ансамбля «Лель»).

Пензенский край славится богатейшей народной культурой, в том числе песенной. Высоко оценил наследие края академик Д. С. Лихачев: «Многообразное культурное наследие, сохраненное в Пензе... делает ее важнейшим центром культуры российской провинции». Для сохранения этого богатства молодому поколению необходимо активнее изучать народное творчество, исследовать сокровища народной песни. Как справедливо замечает пензенская фолк-певица Марта Серебрякова, «надо народную песню продвигать, знакомить с лучшими ее образцами. Она ведь устанавливает связи между людьми разных поколений, объединяет, располагает к общению, раскрывает душевность русского человека» [7].

Библиографический список

1. Анисимова А. П. Народное красное слово. – Пенза : Пенз. кн. изд-во, 1959. – 158 с.

2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Л. : Гослитиздат, 1940. – 650 с.

3. Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – 284 с.

4. Лазутин С. Г. Русские народные песни. – М. : Просвещение, 1965. – 289 с.

5. Лопатин Н. М. Русские народные лирические песни [Электронный ресурс] / Н. М. Лопатин, В. П. Прокунин; под ред. В. Беляева. – URL: http://etmus.ru/wp-content/uploads/ 2012/08/РНЛП.pdf (дата обращения: 14.08.2021).

6. Мартыненко О. П. Фольклор Пензенской области / Рязан. пед. ин-т. – Рязань, 1977. – 92 с.

7. Полупанов В. Сударыня барыня. Почему народная песня сейчас не самый популярный жанр? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты : [сайт]. – URL:

https://aif.ru/culture/person/sudarynya_barynya_pochemu_narodnaya_pesnya_seychas_ne_samy_populyarnyy_zhanr (дата обращения: 14.08.2021).

8. Тархов А. Г. Песни тарханских крестьян / сост. и авт. предисл. А. Тархов; муз. ред. Е. Каплунова; отв. за вып. Л. Алексеева; Всерос. муз. о-во, Муз. о-во Пенз. обл. – М., 1992.

9. Тархова А. А. Традиционная культура русской деревни середины XIX–XX вв. (на материалах Пензенской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dissercat.com/content/traditsionnaya-kultura-russkoi-derevni-serediny-xix-xx-vv-na-materialakh-penzenskoi-oblasti (дата обращения: 14.08.2021).

© Канакина Г. И., 2022.

УДК 801.73

СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ

А. Д. Карпов,
аспирант
antonkarpov1996@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации жанра исторического романа на рубеже XX–XXI веков. Анализируется пласт произведений, созданных в этом жанре. В результате исследования были определены основные особенности и тенденции развития современного исторического романа.

Ключевые слова: исторический роман, детектив, Б. Акунин, жанр, постмодернистская литература.

SPECIFIC TRANSFORMATION OF THE GENRE OF THE HISTORICAL NOVEL OF THE FRONTIER XX–XXI CENTURIES

A. D. Karpov
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines the problem of transformation of the genre of the historical novel at the turn of the XX–XXI centuries. A layer of works created in this genre is analyzed. As a result of the study, the main features and trends in the development of the modern historical novel were identified.

Keywords: historical novel, detective story, B. Akunin, genre, postmodern literature.

Ситуация рубежности XX–XXI веков ознаменовалась пиком в развитии постмодернизма и весьма специфичной репрезентацией исторического повествования, для которого стали характерны историческая метапроза, временное искажение, интертекстуальность [5, с. 11]. Художники-постмодернисты нередко сознательно искажают или додумывают исторические образы до неузнаваемости («Генерал в своем лабиринте» Г. Г. Маркеса, «Попугай Флобера» Дж. Барнса), а также делают повествование фрагментарным и нелинейным («Няня» Р. Кувера). В этом случае говорить о развитии исторического романа как о жанре, предполагающем хронологическую точность и выдерживающем ключевые признаки «классического», условно говоря, исторического повествования, достаточно сложно.

Особое представление истории – характерная черта прозы постмодернизма. Согласно М. Н. Липовецкому, весь пласт исторических произведений этого направления можно определить как «историографическую метапрозу» [1, с. 115]. Склонность к рефлексии и отказ от концепции исторической правды становится неотъемлемой частью поэтики постмодернизма. Идея о множественности истины и ее относительности влияет на структуру текста. Еще одна особенность историзма в литературе 90-х – «метапрозаическое переосмысление эпистемологических и онтологических границ между историей и литературой» [1, с. 200]. История, согласно этому определению, являет собой сложный синтез мифов, шифров, трактовок, языков, дискурсов и т. д. Прошлое – метатекст, который находится в постоянном процессе самопереписывания и вольного трактования. Отсюда главенствующая роль таких приемов, как интертекстуальность и ирония. В 1990-х гг. вовлечение в нарратив исторического повествования мифологии становится весьма расхожим приемом отечественных романистов (В. Шаров, В. Яницкий, А. Королев, Н. Исаев, В. Пьецух).

Разновидности, в том числе и современной, исторической прозы исследует С. И. Чупринин, выделяя, во-первых, собственно исторический роман (Л. Н. Толстой, Ю. Н. Тынянов), традиции которого угасают из-за балансирования подавляющего большинства авторов «на зыбкой грани между скандальной и гламурной литературами» [4], во-вторых, альтернативно-исторический роман как «тип прозы, исследующей не состоявшиеся в реальности варианты истории нашего мира» [4]. Среди текстов, развивающих альтернативные сюжеты истории, стоит выделить «Остров Крым» В. Аксенова (1979), в основе которого лежит допущение, что большевикам в 1920 году не удалось разгромить врангелевскую армию, в силу чего в регионе воцарилась буржуазная демократия. Роман В. А. Пьецуха «Роммат» (1985) обращен к XIX веку: что было бы, если бы в 1825 году победили декабристы? Однако данная разновидность романа ближе к фантастическому жанру, нежели к историческому [2]. И наконец, по мнению С. И. Чупринина, еще одной разновидностью исторического романа в последние десятилетия становится криптоисторический роман, в котором писатели пытаются ответить на вопросы истории, исходя из недоверия к общепринятым трактовкам тех или иных исторических событий, а также из убежденности в том, что в основе каждого

события лежит тайна, которую можно раскрыть, опираясь не столько на обнаруженные факты, сколько на собственную интуицию и собственную логику (романы «Разборки олимпийского уровня» Валентина Леженды и «Д'Артаньян – гвардеец кардинала» Александра Бушкова) [4].

По мнению М. Н. Липовецкого, вовлечение в нарратив исторического повествования мифологии становится популярным приемом отечественных романистов: новеллистика Виктора Ерофеева, роман «До и во время» (1993) Владимира Шарова, «Эпизоды одной давней войны» (1989) Владимира Яницкого, повесть «Голова Гоголя» (2009) Анатолия Королева, роман «Гений на островах» (1987) Николая Исаева [1].

Указанные черты толкования истории наиболее отчетливо прослеживаются в творчестве В. А. Пьецуха. Прозаик особое внимание уделяет интертекстуальности, скрытому цитированию, находится в непрестанном диалоге с предшествующем наследием. В произведениях малой формы Пьецух переосмысляет классические сюжеты, занимается стилизацией, возрождая ушедшую манеру обстоятельного рассказа о давно минувшем. Это придает обыденным сюжетам пафос исторического повествования (новеллы «Потоп», «Новая московская философия», «Центрально-Ермолаевская война»).

Иное понимание истории репрезентовано в творчестве В. В. Ерофеева. Объединяя разные эпохи, наполняя текст отсылками к классическому наследию, пародируя современный дискурс, прозаик создает так называемый межвременной сказ: «Письмо к матери», «Попугайчик». В прозе В. А. Пьецуха и В. В. Ерофеева история лишена ореола объективности. Она «релятивна и патологична, она рождается из культурных мифов и травестирующих эти мифы анекдотов, она бессмысленна и бесконечна, она саморазрушительна и вечна» [2].

1990-е годы отмечены новым всплеском интереса к исторической романистике. На общем фоне выделяются историческая повесть о Смутном времени «Царица Смуты» (1998) Л. И. Бородина, роман о Никоне, Аввакуме и царе Алексее Михайловиче «Раскол» (1998) В. И. Личутина и роман Д. М. Балашова «Святая Русь» (1997), завершающий цикл «Государи Московские». Обладающий большой эрудицией Д. М. Балашов апеллирует к массивам исторических фактов, мастерски воссоздает образ эпохи, становится апологетом русского национального возрождения, воспевает мессианство и подвижничество народа. Его концепция истории вдохновлена теорией пассионарности Л. Н. Гумилева. Прозаик усложняет хронотоп романа, совмещая исторический и современный пласты с целью постигнуть идею времени.

Весьма примечательно, кроме того, творчество А. В. Иванова, автора нескольких исторических романов. «Сердце Пармы» (2003) – роман о покорении Великой Перми. В основе книги – события второй половины XV века. Среди персонажей Василий II Тёмный, который, согласно летописи, отправил в Пермь верейского князя Ермолая с детьми Михаилом и Василием. Другой роман пермского автора – «Золото бунта, или Вниз по реке теснин» (2010) описывает события, происходившие на Урале во второй половине XVIII века. Воссозданный колорит постпугачевской эпохи становится ареной

для увлекательного детективного сюжета и приключенческих перипетий. В произведении наблюдается характерный для прозы постмодерна синтез жанровых схем.

На рубеже XX–XXI веков интерес к отечественной истории существенно обострился, что связано не только с переходным характером эпохи, попыткой понимания того, «куда мы движемся», но и с возникшей в связи с этим социальной полемикой, актуализацией общественного запроса на построение «единой концепции истории» – непротиворечивого, объективного, аналитического описания российского исторического процесса, преодоление субъективизма, «госзаказа», излишнего идеологизирования, каким были отмечены годы перестройки. Как справедливо отмечает Я. В. Солдаткина, именно тогда предпринимаются «попытки пересмотра» советского прошлого, наблюдаются «отказ от векторной концепции времени, характерной для отечественной историографии, влияние постмодернистской философии, ощущение „краха империи“» [3, с. 29], а также появляются псевдонаучные изыскания в области «новой хронологии». Все это, безусловно, повлекло за собой появление широкого пласта различных модификаций исторической прозы на рубеже XX–XXI веков. Это касается, во-первых, произведений беллетристических (примером могут служить детективные циклы Бориса Акунина, в которых история является лишь фоном для остросюжетного повествования), во-вторых, альтернативно-исторических романов как «типа прозы, исследующей не состоявшиеся в реальности варианты истории нашего мира» [4, с. 43]. Безусловно, эта разновидность романа ближе к фантастическому жанру, нежели к историческому [2, с. 135]. Примечательны в этом отношении «Все, способные держать оружие» А. Лазарчука, «Каменный мост» А. Терехова, «Укус ангела» П. Крусанова, романы альтернативной истории о мифической стране «Ордусь», написанные авторским коллективом под псевдонимом Хольма ван Зайчика и педалирующие не познавательные, но развлекательные стороны исторической прозы. В этом же ряду стоит криптоисторический роман («Усмешки Клио» В. Точинова, «Двойник Цезаря» В. Познина, «Завещание ночи» К. Бенедиктова, «Орфография» Д. Быкова, «Дезертир» А. Валентинова, «Последний кольценосец», «Евангелие от Афрания» К. Еськова). С одной стороны, подобные тексты профанируют исторический жанр, а с другой – явственно высвечивают необходимость его обновления, что со всей очевидностью демонстрируется в отечественной прозе 2000–2010-х годов в историософских повествованиях Л. Юзефовича («Журавли и карлики»), Захара Прилепина («Обитель»), Е. Водолазкина («Лавр»), М. Голубкова («Миусская площадь»), авантюрно-приключенческих романах А. В. Иванова («Сердце Пармы», «Золото бунта, или Вниз по реке теснин», «Тобол») и др. В последних наблюдается синтез исторического и авантюрного начала, что может рассматриваться в общем контексте популяризации литературы современной, ее адаптации под запросы читателя массового.

Таким образом, историческую прозу рубежа XX–XXI веков, по сравнению с предшествующими периодами (творчество А. С. Пушкина, Л. Н. Тол-

стого, Д. С. Мережковского М. А. Алданова и др.), выдвигающими оригинальные концепции исторического развития, философски осмысливающими историческую судьбу России, отличают, во-первых, жанровые трансформации (сращение собственно исторического романа с романом авантюрным, житийным), во-вторых, общая тенденция к «омассовлению» исторического дискурса (псевдодокументализм, пренебрежение реалистическими мотивировками событий, использование исторических сюжетов в целях занимательности и др.).

Библиографический список

1. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1997. – 317 с.

2. Некрасова И. В. «Другая» история: версии современной прозы // Литература. Театр. Слово. Духовно-эстетический опыт эпохи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Н. С. Филатова, Э. А. Радаева. – Самара : Научно-технический центр, 2019. – С. 133–143.

3. Солдаткина Я. В. Современная словесность: актуальные тенденции в русской литературе и журналистике. – М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2015. – 160 с.

4. Чупринин С. И. Жизнь по понятиям: Русская литература сегодня. – М. : Время, 2007. – 768 с.

5. Эсалнек А. Я. Русский роман в аспекте интертекстуальности // Рус. словесность. – 2012. – № 6. – С. 11–15.

© Карпов А. Д., 2022.

УДК 81:1:811.181.1

ХРОНОТОП РЫЦАРСКОГО РОМАНА В ПРОИЗВЕДЕНИИ МАКСА ФРАЯ «ГНЕЗДА ХИМЕР. ХРОНИКИ ОВЁТГАННЫ»

А. А. Князева,
магистрант
alina.sh0ammo@mail.ru
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается специфика преломления хронотопа рыцарского романа в романе М. Фрая «Гнезда Химер. Хроники Овётганны». Установлено, что важнейшей структурообразующей моделью данного фэнтези-романа является хронотоп рыцарского романа, который травестируется автором в бытовую сферу. Случай не только правит жизнью героя, но и персонализируется в образе волшебных существ и предметов. Время распадается на ряд отрезков-авантюр и гиперболизируется, необычное и чудесное нормализуется.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, Макс Фрай, хронотоп, рыцарский роман, карнавал, фэнтези, авантюрное время, сказка.

CHIVALRIC ROMANCE CHRONOTOPE IN THE NOVEL «NESTS OF CHIMERAS. CHRONICLES OF OVËTGANNA» BY MAX FREI

A. A. Knyazeva
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

Abstract. The present article considers the specifics of chronotope of the novel «Nests of chimeras. Chronicles of Ovëtganna» by M. Frei. The chivalric romance chronotope, which is parodied by the author, has been established to be the most significant structure-generating model of the given fantasy-novel. Coincidence does not only rules the life of the hero, but also is personalized as magic creatures and things. Time disintegrates in periods-gambles and is being exaggerated, unusual and magical is becoming usual.

Keywords: M. Bakhtin, Max Frei, chronotope, chivalric romance, carnival, fantasy, adventure-time, fairy tale.

Общеизвестно, что примерно с середины XII столетия в европейской словесности происходит становление и развитие рыцарского романа, который содержал в себе признаки не только романа, но и эпоса, а также сказочной фантастики: за основу взята судьба протагониста, в повествование включен ряд сказочных персонажей и мотивов, используется особая модель хронотопа. По словам М. М. Бахтина, хронотоп этот представляет собой «разнообразно чужой и несколько абстрактный мир» [1, с. 301], где особая роль отведена фантастике. Поэтому логично, что впоследствии именно жанр фэнтези активно использовал и трансформировал данный тип хронотопа, поскольку он, по наблюдению Т. Н. Бреевой и Л. Ф. Хабибуллиной, характеризуется «жанровой незавершенностью», объясняемой, с одной стороны, «собственно природой литературного масскульта, а с другой – самой жанровой природой» [3, с. 10–11]. Канон фэнтези постоянно расширяется и осложняется, вбирая в себя различные жанровые модели, органично взаимодействующие друг с другом. Одной из таких моделей становится рыцарский роман, а точнее, особый тип его хронотопа.

Оговоримся, что хронотоп рыцарского романа, подробно описанный М. М. Бахтиным в работе «Формы времени и хронотопа в романе», являет собой комплекс разноплановых признаков, тесно взаимодействующих с романом греческого типа. Основными можно считать распад времени на ряд отрезков-авантюр, где важным элементом становится испытание героев и вещей на тождество, нормализация чудесного, игра случая, который «персонифицируется в образе добрых и злых фей, добрых и злых волшебников, подстерегает в зачарованных рощах и замках и т. п.» [1, с. 303]. Важно наличие подвига, прославление главного героя, его сюзерена или прекрасной дамы. Также герой и его волшебный мир являются одним целым: сменяются города и страны, но единым остается представление о подвиге и позоре, одни и те же славные имена звучат по всему миру. Цельность с чудесным миром

подчеркивает и происхождение героя, который так же чудесен: необычайны обстоятельства его рождения, физическая мощь, история детства и юности. «Чудесный мир в авантюрном времени» [1, с. 304] наполнен сказочной символикой, каждая вещь в нем имеет свое волшебное происхождение и предназначение. Особая роль в подобном романе отводится сновидениям, поскольку они начинают влиять на время, приобретать формообразующую функцию.

Именно в романе М. Фрая «Гнезда Химер. Хроники Овётганны» хронотоп рыцарского романа становится основообразующим в развитии сюжета, травестируется автором в бытовую сферу путем подмены каноничных персонажей и ситуаций низменными, комическими и неэстетичными. Формально мы имеем хронотоп рыцарского романа, но с ироикомическим наполнением. В средневековых декорациях «*колдуны – сплошные алкоголики, превращают дерьмо в вино, <…> красавицы – непременно с двумя головами; предприниматели делают бизнес исключительно на торговле дерьмоедами, разбойники – идиоты, к тому же ещё и беспомощные …*» [9, с. 476].

С начала повествования автор погружает читателя в авантюрное время мира Хомана, куда главный герой – Макс – попадает при помощи сна. Это не только является отголоском традиции шаманизма [7], поскольку «ядром шаманских воззрений является идея о путешествии шамана по всем мирам Вселенной» [2, с. 41] посредством сновидений, но и указывает на первую особенность, присущую хронотопу рыцарского романа, – формообразующую функцию сновидений и субъективную игру со временем (*«Всего несколько часов назад жизнь моя была прекрасна и удивительна»* [9, с. 14], – отмечает Макс, просыпаясь в неизвестном замке). Сны здесь не банальная игра воображения – они являются «окнами в другую реальность» [6, с. 281]. Автор отвергает мифологическую концепцию, согласно которой «победа, достигнутая в борьбе со сном, продолжительное бодрствование являются типичным испытанием в период инициации» [10, с. 132] и проявлением «духовной силы» [Там же]. Духовная сила Макса, наоборот, заключается в возможности видеть сны, менять с их помощью реальность. В комментарии к тексту автор указывает на сновидческую деформацию времени, при этом отказываясь называть точные временные рамки происходящего – *«всегда есть другое время»* [9, с. 14]. В новом мире Хомана Макс «рождается» по ошибке незадачливого колдуна, что делает его особенным: неожиданным образом он появляется на полу замка Альтаон, напугав всех его обитателей, чем заслуживает первое имя – Маггот («демон» на языке кунхё). Можно предположить, что Маггот здесь является либо видоизмененным именем Фагот и отсылает нас к рыцарю, члену свиты Воланда (Коровьев), либо же трансформированным немецким «mein Gott», что в переводе значит «боже мой», что звучит комично для будущего незадачливого рыцаря. Известно, что для текстов Макса Фрая характерна языковая игра, в особенности игра с немецким языком. Например, как отмечает М. Захарова, даже имя автора «Макс Фрай – max frei (нем.) – «„максимально свободно“» [4].

Таким образом, с самого начала намечается линия отождествления мира Хомана и главного героя: они оба чудесны, «сделаны из одного куска»

[1, с. 303]. Хотя данный мир не является его родиной и Макс в нем иноземец, он путешествует по суше и по морю, встречает прекрасных дам, демиургов, пиратов, воров, охотников; везде становится своим, его чуждость не акцентируется. Здесь он «дома», поскольку дом его – чудо. Однако задача героя – не прославление своего имени в веках, а возвращение в конкретное место, в город Ехо, откуда он прибыл; но именно на этом пути Макс и совершает свои подвиги, случай сопровождает его всюду. У него есть временное ограничение, также свойственное сказкам и рыцарским романам: необходимо выбраться из мира Хомана до конца года, иначе он станет заложником Гнезд Химер – темницы *«для невезучих демонов вроде тебя, тех, кто попал в чужой Мир не по собственной воле»* [9, с. 194].

Отправная точка – традиционный для рыцарского романа средневековый замок, Альтаон (перекликается с топонимом «Альбион», характерным для Артурианских циклов), хозяином которого является Конм Таонкрахт, Великий Рандан Альгана, иначе говоря, влиятельный феодал с множеством слуг, среди которых в основном интеллектуально ограниченные люди. Отметим, что Таонкрахт – беженец и в прошлом земляк Макса, прибывший в мир Хомана чудесным образом из нашего мира, пытаясь скрыться от инквизиции *(«– От инквизиции <…> а чему ты удивляешься? Так называли себя святоши, которым были ненавистны обладатели чудесных заклинаний»* [9, с. 64]*)*. Это снова относит нас к вопросу о субъективной игре со временем, поскольку, как отмечает сам Макс, хозяин замка *«должен был родиться лет на семьсот раньше меня»* [9, с. 64]. Поскольку Таонкрахт прибыл из земной эпохи Средневековья, то и живет он по средневековым порядкам. Это отмечает и исследователь А. В. Таран, полагая, что Хомана живет «по законам феодального общества, а кое-где оно даже кастовое», где «образцово-показательная эксплуатация «недочеловеков» (к их же выгоде, вроде бы, начиная с «дерьмоедов» из болотных рас Грэу и Бэу) процветает, хотя близятся перемены» [8]. Как и всякие стереотипные феодалы, Таонкрахт мечтает о продлении своей жизни и увеличении могущества, для чего он и вырывает Макса из его реальности, полагая, что вызывает демона.

Время романа распадается на «ряд отрезков-авантюр», объединенных одной общей целью: поиск пути домой. Макс путешествует через непроходимые леса в поисках волшебной Быстрой Тропы, переплывает через море в компании страмослябских пиратов, отправляется в паломничество к богу Варабайбе, колесит по различным материкам мира Хомана, повсюду случайно сталкиваясь с нужными ему людьми, завоевывая почет и уважение где-то своей экстраординарностью, а где-то чертами характера. Об этом свидетельствуют также названия глав: каждая глава представляет собой краткую историю какой-либо авантюры Макса («Великий Рандан», «Альвианта Дюэльвайнмакт», «Страмослябские пираты»). Так, со своим другом Хэхэльфом он случайно встречается на пиратском корабле, когда того берут в плен. Случай становится всеопределяющим в романе, читатель ожидает именно его «чудесное становится обычным (не переставая быть чудесным)» [1, с. 302]. Не обходится и без персонификации случая в образе чудесных существ и

неожиданных предметов обихода, однако здесь Макс Фрай совмещает традиционный хронотоп рыцарского романа с карнавальной тематикой. Подобный «случай» поджидает героя в лесах, замках, городах. Ярким примером тому является встреча Максом в лесу дерьмоедов, персонифицирующих собой карнавальную тематику «телесного низа». Они нужны *«чтобы жрать дерьмо, разумеется. <…> Как это можно – зарывать дерьмо в землю? Там же Урги живут!»* [9, с. 109]. Чудесное приключение, которое переживает Макс в связи с дерьмоедами, заключается в сцене охоты на данных существ *(«[Мэсэн] принялся лупить дубиной по своему шлему. Он выдерживал какой-то своеобразный ритм, от которого мне стало не по себе…»* [9, с. 122]). Обыгрывается сказочный мотив волшебных предметов, полученных от старших, по В. Я. Проппу, «предмет, принесенный из иного мира» [5, с. 282] (например, Макс получает волшебное одеяло от старших божеств). При этом исследователь замечает, что нет такого предмета, который «не мог бы фигурировать как предмет волшебный» [5, с. 277], поэтому Макс Фрай, хоть и идет по традиционной схеме преподношения герою предметов одежды, предметов обихода и др., наделяет эти предметы карнавальной эстетикой, связанной с вопросом телесного низа. Так, из предметов выделяется волшебный кувшин, способный превращать в вино все, что угодно. Но используют этот кувшин экстраординарно: *«…мой приятель пристрастился превращать в вино собственное дерьмо. Говорит, что это – самое великое чудо…»* [9, с. 476]. Мы имеем дело с чудесами, но весьма специфичными, отсылающими нас к пародийности с целью карнавального развенчания традиционных мифологических артефактов и волшебных существ.

Организующую роль в повествовании играет также и испытание Макса на тождество, в нашем случае – на верность долгу вернуться в город Ехо. На протяжении всего путешествия герою сулят многочисленные богатства, власть, почет и уважение. У него появляются друзья по всему миру Хомана, даже волшебные ветра уговаривают его остаться. Интересно то, что роль дамы сердца импровизированного рыцаря отводится как раз ветру, причем именно ветер Овётганна («и как бы Хугайда») мешает герою выполнить задуманное. Если в традиционных рыцарских романах подвиги совершаются во имя дамы или сюзерена, то здесь Макс совершает «антиподвиг» вопреки даме, желая выбраться из ее мира, а «влюбленный ветер» [9, с. 486] пытается этому помешать. К тому же прослеживается связь с «Дон Кихотом»: Макс, хоть и обладает могуществом колдуна, подобен идальго Дон Кихоту, поскольку выступает в роли незадачливого рыцаря, вступающего в новый мир. Напротив, его друг Хэхэльф, с которым они вместе путешествуют, реализовывает себя как Санчо, поскольку проворен, смекалист, больше знает о реальном мире. Обязателен и связанный с идеей тождества момент перемены имени: как уже было упомянуто ранее, в начале романа Максу дают имя «Маггот», впоследствии урги (одна из высокопоставленных каст Хоманы) дарят герою имя «Ронхул», что являет собой факт принятия чудесного иностранца в новый для него мир.

Здесь же появляется основообразующая тематика судьбы (заимствованная фэнтези также из авантюрных и рыцарских романов), которая и определяет кольцевую композицию произведения: Макс отправляется в путешествие за ответами на вопросы, колесит по миру, но в итоге возвращается в то же место, откуда и прибыл, в замок Альтаон. Гнезда Химер, куда так отчаянно боялся попасть герой, оказались фикцией, шуткой местных богов, поскольку *«если бы мы не напугали тебя до полусмерти, ты бы и пальцем не пошевелил для собственного спасения»* [9, с. 485]. Традиционно для фэнтези главной движущей силой является не воля героя, а судьба, предназначение, а случай определяет все. Однако здесь автор иначе трактует тему судьбы: не судьба заставляет героя совершать подвиги, а герой своими действиями и подвигами определяет судьбу (*«…твои действия привели в движение колесо судьбы, и оно постепенно закрутилось в другую сторону. А если бы ты просто сидел и ждал, тебе досталась бы иная судьба»* [9, с. 486]).

Таким образом, становится очевидно, что важнейшей структурообразующей моделью фэнтези Макса Фрая «Гнезда Химер. Хроники Овётганны» является хронотоп рыцарского романа, который травестируется прозаиком в бытовую сферу. Время здесь распадается на ряд отрезков-авантюр (об этом свидетельствуют названия глав, где каждая является отдельным приключением), необычное и чудесное «нормализуется», случай не только правит жизнью героя, но и персонализируется в образе необычных волшебных существ (например, дерьмоедов) и предметов. Главный герой – Макс – такой же чудесный, как и мир, в который он попадает: чудесно его рождение и природа. Отчетливо проявляется гиперболизм времени, которое растягивается и сжимается по воле автора, велико влияние снов, приобретающих формообразующую функцию.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 234–407.

2. Борко Т. И. Мотивационная семантика в структуре архетипного сознания (на примере исследования мифологии «превращения» в зверя в шаманизме) [Электронный ресурс] // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Психология. – 2012. – № 6 (265). – С. 18–21. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=17715255 (дата обращения: 12.09.2021).

3. Бреева Т. Н. «Русский миф» в славянском фэнтези : монография / Т. Н. Бреева, Л. Ф. Хабибуллина. – М. : Флинта: Наука, 2016. – 184 с.

4. Захарова М. В. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка [Электронный ресурс] // Знамя. – 2006. – № 5. – URL: http://web.archive.org/web/20181007102313/http://magazines.russ.ru/znamia/2006/5/za12pr.html (дата обращения: 12.09.2021).

5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 366 с.

6. Руднев В. П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.

7. Сафрон Е. А. «Дорога шамана»: мотив сна-путешествия в повестях М. Фрая / Е. А. Сафрон, М. В. Лукашевич // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. – 2018. – Т. 24, № 3. – С. 102–108.

8. Таран А. В. Макс Фрай. «Почвенничество» внутри «западничества», и наоборот: свой среди чужих, чужой среди своих [Электронный ресурс] // Культура в современном мире. – 2012. – № 1. – URL: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/KVM_archive/articles/2012/01/2012-01_r_kvm-s9.pdf (дата обращения: 13.09.2021).

9. Фрай М. Гнезда Химер. Хроники Овётганны. – М. : АСТ, 2017. – 576 с. (Миры Макса Фрая).

10. Элиаде М. Аспекты мифа. – М. : Академический проект, 2001 – 240 с.

© Князева А. А., 2022.

УДК 398.1

СКАЗКИ А. П. АНИСИМОВОЙ: ВОПЛОЩЕНИЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ И ТВОРЧЕСКАЯ ОРИГИНАЛЬНОСТЬ

Н. Г. Кузнецова,
канд. филол. наук, доцент
kuznetsova1878@mail.ru
Педагогический институт им. В. Г. Белинского
Пенза, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению фольклорных традиций, получивших воплощение в сказках А. П. Анисимовой; доказывается их творческая оригинальность.

Ключевые слова: А. П. Анисимова, сказка, фольклоризм, жанр, сюжет, конфликт.

ANISIMOVA'S TALES: THE EMBODIMENT OF FOLKLORE TRADITIONS AND CREATIVE ORIGINALITY

H. G. Kuznetsova
V. G. Belinsky Pedagogical Institute
Penza, Russia

Abstract. The article is devoted to the embodiment of folklore traditions embodied in the fairy tales of A.P. Anisimova, and their creative originality is proved.

Keywords: A. P. Anisimova, fairy tale, folklorism, genre, plot, conflict.

Особое место в творческом наследии А. П. Анисимовой (собирательницы русского фольклора, сказочницы, автора песен) занимают сказки: мудрые, добрые, с ярко выраженной фольклорной основой и в то же время свидетельствующие о творческой оригинальности их талантливого автора. Персонификация природных явлений – одна из особенностей фольклорных жанров, в том числе сказок.

В русских народных сказках действуют (как живые существа) Ветер, Месяц, Солнце, Мороз. В сказке «Две сестрицы» метафорически представлено с научной точки зрения объяснимое явление смены дня и ночи. «Темная ночь» и «Светлый день» – это прекрасные дочери князя Святозара, красавицы Смугляна и Светлана (говорящие имена). Вспыльчивый Святозар, обидевший ни в чем не повинную дочку Смугляну, тщетно пытается ее догнать, чтобы попросить прощения. «Так и идут вековечной чередой одна за другой две сестрицы – темная ночь Смугляна и светлый день Светлана. Рядом со Смугляной, шаг в шаг, шествует и старый добрый Святозар» [1, с. 11]. В сказке «Царица Ледяница» светлое, доброе начало воплощено в образе царевны Майи, а темное, недоброе – в образе царицы Ледяницы. Ледяница из тщеславия решила покорить царство прекрасной Майи, где не бывает зимы, где всегда зелень, цветы, ласково греет солнышко. Ей помогает Мороз. Но и у Майи есть помощник – жених Солнце. В этой сказке метафорически объясняется смена времен год. «Каждый год в походы ходит царь Мороз с своей царицей своенравной Ледяницей. Каждый год Мороз лютует, ледяным дыханьем дует» [1, с. 24]. Но холода и метели обязательно сменяются теплом и солнышком. Добро побеждает.

Все беды вдовы, героини сказки «Светлый месяц и его невеста», начались с нарушения ею табу: нельзя, по народным поверьям, ходить в полночь за водой (недоброе может приключиться), а она пошла... Нарушение табу героями – типичная завязка многих народных сказок. Потом второй раз нарушает запрет вдова: велел ей месяц зачерпнуть звездочку справа, а ей больше «глянулась» звездочка слева... За неоднократное нарушение табу вдова, в духе народных сказок, наказана суровыми жизненными испытаниями.

У сказки «Как мужик барина образовывал» много общего с русскими народными бытовыми сказками. Герой (смекалистый мужик) и антигерой (жадноватый высокомерный барин); конфликт (мужика с барином как власть имущего с бесправным); сюжет (мужик проучил барина за жадность и спесивость).

Сказка «Птица Радость» затрагивает тему истинных и мнимых ценностей. Волшебная птица способна исполнить одно-единственное желание. Кто-то предпочитает богатство, кто-то – семейное счастье. Кому-то нужны годы, чтобы понять, что счастье не в богатстве, а в любви, уважении. Два раза ошиблась девушка, но счастье все же обрела. Героиня в традициях народной сказки показана в трудных поисках своего счастья. Волшебная птица из сказки Анисимовой напоминает жар-птицу из русских народных волшебных сказок своей мудростью и даром исполнять заветные желания людей.

Большая группа сказок Анисимовой – советские сказки. Особенность большинства из них: начинается повествование в дореволюционные времена, а затем происходят перемены социального характера. Во многих сказках А. П. Анисимова упоминает колхоз; говорит о преимуществах коллективного ведения хозяйства, которое помогло модернизировать сельское хозяйство и поспособствовало росту благосостояния крестьян. Сюжеты и фабулы этих сказок решаются в основном на бытовом социальном уровне с упоминаниями

многих подробностей быта. Герои этих сказок чаще всего простые труженики (агрономы, трактористы, доярки).

Типичный для русской народной сказки герой-правдоискатель фигурирует в советской сказке «Три Ивана»: младший Иван отправляется в город искать «правду». И находит эту «крестьянскую правду»: надо работать «всем селом, на общей земле». Речь идет, конечно же, о колхозе. Выясняется, что «правду» герой отыскал в Кремле, где видел «его». Безусловно, речь идет о Ленине [1, с. 73].

В сказке «Все баре пропали» пастух, молодой парень, который пас помещичье стадо, упал в овраг, ударился головой и проспал 30 лет. Проснувшись, он обнаруживает глобальные социальные перемены: стада, земли теперь принадлежат колхозу. Парень решил, что Колхоз – необыкновенно богатый помещик, захвативший власть и все-все земли. Перемены ему пришлись по душе. Он охотно вступает в колхоз и хорошо работает.

Сказка «Как нужда от старика отказалась» в духе народных сказок осуждает лень. Один Старик весь день лежит на печи; лошадь и корову они с женой продали, а деньги быстро «прожили». Никто из односельчан не хочет дать взаймы муки ленивому старику. Он пытается переложить ответственность за свою бедность на Нужду: мол, это она, коварная и недобрая, довела его до нищеты. Но Нужда возмущена: дело вовсе не в ней, а в лени стариковской. Сказка провозглашает преимущества колхозной жизни: совместный, дружный труд обеспечивает людям сытую, радостную жизнь. Дед и его жена вступили в колхоз. И хлеба им теперь хватает, и корову завели.

Сказка «Про деда Водяного» в духе русских народных сказок обожествляет водную стихию. Живущий в селении Привольное Водяной, пришедший в сказку Анисимовой из народных волшебных сказок, влюбляется в красивую девушку, несколько раз пытается ее похитить. Когда муж увез ее из села, Водяной впадает в тоску. Стали люди замечать: вода в их плодородном крае пошла на убыль; болота пересохли; столб в чудесном родничке становился все ниже и ниже. Местные жители связали эти перемены с тоской Водяного по полюбившейся ему девушке. Но вот прошло много лет. И явилась в эти края девушка-агроном; ее корни – из здешних мест, тут жили ее деды-прадеды. И она находит научное объяснение происходящему. Вода ушла из этих мест, так как запруды не строились; верховья оврагов не укрепляли; о приовражном лесонасаждении не заботились. Пришли жители деревни к выводу: агроном – потомок по женской линии той девушки, в которую был много лет влюблен Водяной, и приехала сюда, чтобы «привести Водяного в дисциплину».

У сказки «Ермиловы караваи» тоже много общего с народными бытовыми сказками. Фигурируют два брата, один из которых богат и жаден, и бедный брат, но добрый по натуре человек (такие два типа братьев встречаются в бытовых сказках русского народа). Далее сюжет разворачивается тоже по схеме бытовой сказки: бедный брат вынужден идти на поклон к богатому (Ермиле) и получает отказ. Ермил не поделился с братом хлебом, пожалел для него каравай. Как и в народных сказках, обличается жадность. Анисимо-

ва по-своему наказывает жадного человека: его десять огромных караваев хлеба (испеченных, кстати, из жадности, экономии) превратились в огромные камни. Ближе к финалу сказки читатель оказывается уже в советской эпохе: в деревне, где жили эти два брата, советская власть, люди вступили в колхоз. А вот легенда о превратившихся в камни караваях хлеба, о жадном Ермиле жива. В конце сказки находится научное объяснение этим огромным камням: это красный гранит, валуны. Занесло их сюда давным-давно. Однако и случай, произошедший в этой деревне много лет с жадным Ермилой, не отрицается.

В сказках Александры Петровны воплотились и события Великой Отечественной войны («Про бабу Домну»; «Скороходы-сапоги»; «Птичка из дареного яичка»). Обратимся к сказке «Птичка из дареного яичка». «По селу комиссия ходила, принимала от колхозников подарки бойцам-фронтовикам», а к «вдовой и бездетной старушке» решила не заходить. Но бабушка сама пришла и попросила передать в качестве подарка для бойцов Красной Армии «одно яичко дорогое» [1, с. 93]. Положили бойцы это яичко на печку, прочитав письмо от старушки. И вдруг стали происходить чудеса: яичко стало увеличиваться в размере; сделалось таким большим, что пришлось разобрать на землянке крышу. На двадцать первый день из «огромнейшего яйца» «вылупился самолет новейшей конструкции, последнее слово передовой военной техники» [1, с. 95]. Достался он молодому и отважному летчику, который остался накануне без самолета. И полетел он лично поблагодарить эту старушку за ценный и дорогой для Армии подарок. О чем эта сказка? О том, что горячая любовь к Родине, желание принести реальную, ощутимую пользу для своей страны, хоть немного приблизить Победу способны творить настоящие чудеса. Вот такая чудесная «птичка» «вылупилась» на устрашение фашистам.

Хороши сказки Анисимовой для детей. Сказка «Заяц Белая Шубка» знакомит маленьких читателей с приключениями зайчишки-несмышленыша. В доступной, занимательной форме дети узнают о том, как трудно животным выживать в условиях дикой природы, особенно зимой. Сказка учит осторожности, остерегает от излишней самонадеянности. «Хорошо живу – и сытый, и не битый!» – говорит зайчишка [2, с. 214]. Мир дикой природы, его особенности предстают и в сказке «На шесте был дворец». Скворцам приходится проявлять находчивость, смекалку, чтобы уберечь себя и своих деток от толстого, важного, хитрого кота. Помогает им в этом добрая старушка. Познавательна сказка для маленьких «Как котенок лягушку ловил». Ребенок узнает о пользе лягушек в дикой природе. Поселившиеся в доме двух сестер-старушек лягушата выполняют роль барометров: теперь старушки знают, какую погоду ожидать, похолодание или потепление. «Лягушки за несколько дней ненастье чуют. Старые люди давно это заприметили, поэтому и говорят: «Лягушка поет – добрую весть подает» [2, с. 220]. Сказка убеждает и в том, что безобразного в природе нет, в ней царит гармония.

Многие сказки Анисимовой в стилевом отношении не только повторяют наработки сказочных безымянных мастеров прошлых веков, но и вносят

новое, профессиональное, характерное для современной социальной действительности тех лет. Анисимова, обращаясь к традиционной для сказок борьбе добра и зла, придумывает своих персонажей. Очень колоритны образы властной, тщеславной Ледяницы; приветливой, позитивной Майи; задумчивой, спокойной Смугляны; веселой, непоседливой Светланы; вспыльчивого Святозара; скупого и равнодушного к чужой беде Ермила. Запоминается проспавший тридцать лет парень, решивший, что Колхоз – имя богатейшего помещика, захватившего власть в государстве. Сказки Анисимовой учат читателей героизму и доброте, справедливости, терпимости в отношениях друг с другом, прививают любовь к людям труда, призывают к заботе о друзьях и близких, к искренней и преданной любви. У Александры Петровны свои, оригинальные решения пришедших на страницы ее сказок вечных тем и проблем: борьбы Добра и Зла; истинных и мнимых ценностей; поиска человеком своего счастья, правды.

С. Я. Маршак благодарит Александру Петровну за присланные книги: «Вы рождены сказочницей и останетесь ею до последних дней. У нас не слишком много людей, которые так глубоко чувствуют сказочный стиль и словарь, как Вы» [3, с. 284].

Библиографический список

1. Анисимова А. П. Избранное / [вступит. ст. С. Трегуба]. – Пенза : Кн. изд-во, 1956. – 27 с.

2. Анисимова А. П. Сказки. – Пенза : Пенз. обл. изд-во, 1952. – 148 с.

3. Трегуб С. Пензенская сказочница и песенница: [вступит. ст.] // Анисимова А. П. Избранное. – Пенза : Кн. изд-во, 1956. – С. 3–6.

© Кузнецова Н. Г., 2022.

УДК 82-3: 801.73

АРХИВАЦИЯ ПРОШЛОГО В РАССКАЗЕ М. ШИШКИНА «ПАЛЬТО С ХЛЯСТИКОМ»

И. Р. Куряев,
канд. филол. наук, преподаватель
kuryaev.ilgam@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается формирование повествования о прошлом семьи и страны, процесс архивации семейного и личного опыта и воспоминаний, а также роль «вещей» как деталей повествования и фотографий в малой прозе М. Шишкина.

Ключевые слова: прошлое, память, архив, монтаж, фотография, М. Шишкин.

ARCHIVING THE PAST IN M. SHISHKIN'S SHORT STORY "THE HAIL-BELT OVERCOAT"

I. R. Kuryaev
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article considers the formation of a narrative about the past of the family and country, the process of archiving family and personal experiences and memories, as well as the role of "things" as narrative details and photographs in M. Shishkin's short prose.

Keywords: Past, memory, archive, montage, photograph, Mikhail Shishkin.

Тема прошлого – личного, семьи, страны – является одной из наиболее важных в современном литературном процессе. В ситуации нагромождения нарративов, символов и полей симулякров в современной культуре обращение к памяти предстает попыткой найти основу, нечто незыблемое, позволяющее личности не потеряться в постоянном потоке меняющихся кодов. Поэтому исследование памяти как таковой, процессов ее восстановления, восполнения, трансформации в (не)художественном тексте, ее подмены и исчезновения в сегодняшней литературе становится частью большого проекта, призванного – через акцентирование внимания на личном, «банальном», «незначительном», через разработку поэтики «новой искренности» – восстановить само пространство прошлого, материальное наполнение эпох для утверждения культурных, общечеловеческих доминант и артикуляции, проговаривания травм, вызванных чередой исторических катастроф и трагедий XX–XXI веков. В этом контексте особое место занимает проза М. Шишкина.

Так, в своих произведениях писатель развивает особый принцип работы с понятиями прошлого и памяти. Почти в каждом своем тексте М. Шишкин, разворачивая многоплановые сюжеты, в которых «время выключено» [3, с. 19], совмещает через монтажное соположение гетерохронные пласты текста (прошлое и настоящее), отражающиеся в друг друге и резонирующие друг с другом. Тем самым истории, относящиеся к различным эпохам (будь то начало XX века или позднесталинское время), сопоставляются с историей личной, рифмуются через мотивный комплекс и предстают специфической метафорой друг друга. При этом – через репрезентацию настоящего и прошлого, а именно через перечисление событий, явлений, героев, писатель конструирует потенциально незавершимый архив. Он служит для сохранения самого образа мира, его фиксации, а также для «воскрешения» образов прошлого, существующего через людей, – посредством Слова – в вечном пространстве литературы. Рассмотрим, как этот процесс фиксации и архивации прошлого работает в рассказе «Пальто с хлястиком» (2010).

Текст рассказа, начинаясь с описания фотографии Роберта Вальзера (что вводит визуальный код в текстовое пространство) и рассуждений о смерти, связывает через фигуру нарратора серии различных ситуаций, со-

относящихся с образом матери. Так, уже сама ориентация на процесс вспоминания («очень хорошо помню» [5, с. 10] и проч.) способствует фрагментации повествования, его постоянному изменению и трансформации в монтажных сопряжениях. При этом в тексте реализуется определенная конструкция, а именно: нарратор, находящийся в актуальном моменте (но в то же время виртуальном пространстве, «за текстом») акцентирует внимание на виртуальных образах-воспоминаниях, словно проводит абстрактную дугу, описывающую определенные области прошлого, необходимые для нарратора в актуальном моменте [цит. по: 2, с. 298]. Отпуск на Волге вместе с матерью и дядей Витей, случай с хоккеистом Бобби Кларком, вечер памяти Высоцкого, посещения больницы, похороны – все эти фрагменты прошлого не даны в развернутом виде, они представляют собой короткие зарисовки, монтируемые друг с другом. Поэтому можно сказать, что образы-воспоминания здесь не обретают автономности. Согласно воле нарратора определяются их границы, они трансформируются и «переливаются» в иные образы-воспоминания. Оттого подобные конструкции можно опознать как цепочки flashback. Например: «Очень хорошо помню, как я испытывал это в первый раз. Мне одиннадцать. Запах горящих под Москвой торфяников…» [5, с. 10], «Мама была учительницей, преподавала русский и литературу, к тому времени она стала уже директором нашей 59-й на Арбате» [Там же, с. 12], «Для канадских хоккеистов в посольстве был устроен прием» [Там же, с. 16], «Я в четвертом классе. <…> Из Матвеевской мы ездили в школу на 77-м автобусе» [Там же, с. 23].

Тем самым перед читателем предстает галерея образов, становящихся своеобразной репрезентацией жизни. «Наверное, если чем-то можно измерить прожитую жизнь – то количеством этих отпущенных тебе встреч» [5, с. 10]. Кроме того, сама цепочка этих образов-воспоминаний становится также попыткой фиксации образов в развитии и целостности, во-первых, посвященных матери нарратора, во-вторых, окружающих эпохи, которым она принадлежала. И здесь важно отметить, что всякое воспоминание начинается именно с визуального образа, прошлое привязано к определенным деталям. Как отмечал А. Бергсон, деталь в ее оптическом образе «вступает в отношения с пробуждаемым “образом-воспоминанием”» [2, с. 297]. К тому же важно также здесь отметить и тезисы Ж. П. Сартра: «Каждая греза, и даже каждая ее фаза и образ составляют собственный мир» [цит. по: 2, с. 312] и «тому или иному аспекту вещи соответствует своя зона воспоминаний, грез или мыслей» [2, с. 297], – подчеркивающие важность детали в (не)художественном пространстве.

Таким образом, мы можем сказать, пространство текста рассказа становится каталогом деталей, вещей (как «носителей подлинного смысла» [4, с. 135]), вызванных памятью и фиксирующих определенное место на временной шкале. Детали способствуют разворачиванию самого пространства, включению в него все большего количества нюансов и деталей. Например: «Вот, собственно, и вся история [про хлястик], ничего особенного. Но для мамы этот случай был так важен, что она вспоминала его и незадолго перед

смертью» [5, с. 24]. Симптоматично, что в самом названии рассказа указана деталь, напрямую связанная не только с конкретным случаем, но и с образом матери. И даже в ситуации наложения друг на друга разнородных деталей, принадлежащих различным временным пластам, они сохраняют за собой саму потенцию разворачивания мира вокруг себя, актуализируют через метонимию все целое, к которому они принадлежат, и, сопротивляясь полноценному включению в новое целое, сохраняя за собой автономию образа, они влияют на это новое целое, формируя многоуровневую и многовекторную систему отношений. Например: «И мама умерла и живет одновременно. Лежит в гробу с православным бумажным венчиком на лбу и сопит во сне в том доме отдыха. И все сливается в единое целое: и пальто с хлястиком, и беззубая улыбка Бобби Кларка, и сугроб Роберта Вальзера, и тот раздолбанный 77-й, который когда-то не дотянул до Дорогомиловской, и пришлось топать по лужам. И я, печатающий сейчас на моем ноутбуке эти слова. И тот или та я, кто читает сейчас эту строчку» [5, с. 30]. Сополагаясь рядом, детали и создаваемые ими пространства, объединенные принципами фрактала и памяти, в монтажном сопряжении создают разноуровневую текстовую ткань, сводящуюся к нарратору и его актуальному моменту, формируют семантическую наполняемость текста, связанную с «поиском утраченного времени». Текст становится путешествием по деталям, их перебиранию, перетасовыванию каталога прошлого, формирующего географию и объемное пространство этого прошлого, данного в динамике.

Таким образом, нарратор здесь словно предстает в роли куратора в музее собственного прошлого. Он, выбирая определенные образы-воспоминания, рождающиеся из деталей, формирует особую траекторию движения по карте воспоминаний, по пространству собственного прошлого, разворачивающегося подобно незавершимому фрактальному узору. При этом сама эта траектория строится под воздействием punctum'ов [1, с. 45], деталей, не поддающихся общей систематизации и формирующих вокруг себя особое – знакомое только нарратору – семантическое поле. Хлястик пальто из обычного предмета становится метонимическим образом прошлого, позволяющего развернуть объемное пространство прошлого, которое опять же формирует образ матери рассказчика.

При этом само это движение по прошлому продиктовано попыткой возвращения этого прошлого. Так, рассказ начинается с фотографии как факта прошлого, вторгающегося в настоящее. Сам визуальный образ, как мы отмечали выше, является своеобразным символом определенной области воспоминаний. И потеря этого образа – в том числе и особенно фотографии (как факта быта, которому человек передоверяет хранение своей памяти) – заявляет об образовавшемся зиянии. «Между операциями, когда проводила какое-то время не в больницах, а дома, мама разбирала накопившиеся за жизнь фотографии. Попросила купить альбомы и вклеивала в них карточки, каждую подписывала, кто на ней изображен, и иногда записывала на широких полях связанные с этими людьми истории. Получился семейный архив – для внуков. После ее смерти я перевез альбомы к себе. А когда уезжал в Швейца-

рию, оставил все это у брата. Альбомы хранились у него в подмосковном доме. Дом подожгли. Все наши фотографии сгорели. У меня осталось только несколько детских карточек» [5, с. 22–23]. Потерянные фотографии становятся символом потерянной памяти о матери. Подобное же зияние отмечает нарратор и в жизни Изабеллы Юрьевой, которая – опять же через другую область-воспоминание и деталь («Я тогда был уверен, что все эти голоса со старых пластинок – давно умерших людей. <…> Потом выяснилось, что Изабелла Юрьева жива» [5, с. 26]) – репрезентуется в тексте, предстает лишенной прошлого и тем самым становится определенной рифмой к образу матери нарратора. Именно пустота ее прошлого, зияние сподвигает писателя на создание ее биографии, заполнение ее прошлого деталями и образами, пусть и ложным, но каталогом вещей: «Мне хотелось вернуть ей уничтоженную жизнь» [5, с. 26].

Тем самым в контексте этого рассказа писательство становится актом восстановления. Рифмуя эти две пустоты, нарратор заявляет – через фиксацию деталей, образов, через их постепенную каталогизацию – о возможности через Слово восполнить зияние и дать бессмертие. При этом нарратор здесь воспроизводит своеобразное движение от гипомнесиса (механической записи, а именно фотографии, их потеря, их возвращение, рассматривание) к движению по памяти (как способе актуализации прошлого в ситуации потери фотографий и записей с последующим их возвращением, рассматриванием) – и снова к гипомнесису (рассказу как материальному хранилищу фрагмента фрактального узора прошлого) [6, с. 233]. От перебирания архивов – через свободное движение по ризоматическим пространствам памяти, становящееся актом собирания и архивации – к фиксированным (передоверенным физическим носителям) воспоминаниям и образам.

Таким образом, можно сказать, что рассказ «Пальто с хлястиком» представляет собой пример работы с прошлым в ситуации его утраты, его зияния. В этом случае сам акт писательства соотносится с идеей воскрешения в Слове и процессом архивации воспоминаний, перевода их из набора разнонаправленных образов в элементы единого пространства, формирующего специфический образ – человека и прошлого.

Библиографический список

1. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2011. – 272 с.

2. Делёз Ж. Кино. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. – 560 с.

3. Лашова С. Н. Поэтика Михаила Шишкина: система мотивов и повествовательные стратегии : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Пермь, 2012. – 20 с.

4. Оробий С. П. «Вавилонская башня» Михаила Шишкина. Опыт модернизации русской прозы. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. – 161 с.

5. Шишкин М. П. Пальто с хлястиком // Шишкин М. П. Пальто с хлястиком : короткая проза, эссе. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. – С. 7–30.

6. Ямпольский М. Изображение: курс лекций. – М. : НЛО, 2019. – 424 с.

© Куряев И. Р., 2022.

УДК 82-3

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА РУСАЛКИ В НОВЕЛЛАХ О. М. СОМОВА «КУПАЛОВ ВЕЧЕР», «РУСАЛКА»

А. Е. Лапокина,
студентка
kafrusizarlit@gmail.com
М. А. Тростина,
канд. филол. наук, доцент
trostina@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу образа русалки, представленного в русской романтической новелле XIX века. Авторы рассматривают фольклорные истоки образа, показывают пути его трансформации в рассказах О. М. Сомова.

Ключевые слова: русалка, фольклор, мифология, народная демонология, романтическая новелла, романтизм, О. М. Сомов.

LITERARY TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF A MERMAID IN O. M. SOMOV'S SHORT STORIES "KUPALOV EVENING", "MERMAID"

A. E. Lapokina, M. A. Trostina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the image of a mermaid, presented in a Russian romantic novel of the XIX century. The authors view the folklore origins of the image, show the ways of its transformation in the stories of O. M. Somov.

Keywords: mermaid, folklore, mythology, folk demonology, romantic novel, romanticism, O. M. Somov.

В истории отечественной литературы первая треть XIX в. ознаменована зарождением и активным развитием романтического направления, обратившего внимание писателей на тайны человеческой души, загадочной и непостижимой. Попытки передать «невыразимое» (В. А. Жуковский) приводят художников слова к мистическим мирам, в которых граница между явным и иллюзорным становится условной и размытой, а герой выступает жертвой рока, предопределенности. В поисках гармонии и идеала герой романтических произведений вступает в поединок с силами природы, с олицетворенными носителями зла, с пошлым, лицемерным светом. На фоне этих идей романтики ищут новые формы литературного повествования: «приключения,

детективные загадки и почти триллерные ситуации» [12, с. 7]. Балладу, элегию и непростой по своей структуре жанр романтической новеллы можно назвать основными жанрами того времени.

Новелла как «небольшое, очень насыщенное событиями, экономно о них рассказывающее повествование с четкой фабулой» [1, с. 37] привлекала читателя декабристской эпохи остротой сюжетных ситуаций, парадоксальностью разрешения конфликтов, непредсказуемостью развязки, оставляющей минорное послевкусие, некую недоговоренность, свидетельствующую о том, что тайна остается тайной и разгадать ее невозможно. «Романтическая новелла понимает „удивительное“ по-другому и гораздо шире, глубже, многообразнее. Удивительное, „неслыханное“ у романтиков – это и прямо сверхъестественное, т. е. мистическое или сказочное, и необычайные психологические обстоятельства (возникающие в „граничных“ ситуациях за счет особой чувствительности героев или их таинственных, подсознательных влечений), и странные, причудливые характеры людей (демонические натуры, меланхолические неудачники, чудаки, беззаботные «счастливчики» и т. п.), и яркие проявления национального или местного бытового либо иного колорита», – так определяет отличительные признаки этого жанра М. Е. Мелетинский [8, с. 162].

А. В. Барыкина выделяет в новеллистике первой трети XIX в. новеллы-сказки, новеллы-былички, готические новеллы, новеллы-мифы и их модификации, указывая, что «в основе практически всех рассмотренных новелл лежит невероятное – сказочное, таинственное или сверхъестественное событие. В произведениях проявляется интерес писателей к мистике, к поведению человека при встрече с нечистой силой, мнимой или инфернальной» [2, с. 3].

К жанру фантастической новеллы обращались А. А. Марлинский, М. П. Погодин, О. М. Сомов, М. Н. Загоскин, А. Погорельский, черпавшие образы и мотивы произведений в устной народной поэзии.

О. М. Сомов – писатель, вошедший в русскую литературу благодаря рассказам из народной жизни, так называемым малороссийским былям и небылицам («Русалка» (1829), «Оборотень» (1829), «Кикимора» (1829), «Сказки о кладах» (1830), «Купалов вечер» (1831), «Бродячий огонь» (1832), «Киевские ведьмы» (1833) и «Недобрый глаз» (1833) и т. д.). «Стремясь в литературно-фантастических произведениях к “причудливости” без сказочности, Сомов-беллетрист улавливает динамику такого по-настоящему развивающегося фольклорного образования, как быличка – культурного текста, восточнославянскую мифологию отразившего более полно, чем сказка», – подчеркивает О. И. Тиманова [11, с. 47]. Исследователь выявляет связь новеллистики Сомова с книжно-письменной традицией, отмечая при этом, что упоминание славянских богов разных уровней для отечественных авторов прозаических литературных сказок XVIII в. было непременным требованием канона. Между тем нельзя оставить без внимания фольклорное влияние на творческий метод писателя-романтика, активно включавшего в образную систему своих рассказов представителей народной демонологии, среди которых центральное место занимают леший, русалка, кикимора, а также люди, наде-

ленные сверхъестественными способностями: ведьма, оборотень, кикимора, колдун и т. п.

Вопрос о демонологических образах в русской новеллистике первой трети XIX в. мало изучен современной фольклористикой. Мы можем говорить об обращении ученых к творчеству отдельных авторов указанного периода, в чьих литературных произведениях присутствуют мифологические персонажи, в том числе и русалка. Так, О. И. Тиманова рассматривает персонажей восточнославянского фольклора в «Малороссийских былях и небылицах» О. М. Сомова. В них она выделяет особо образы лешего, кикиморы и русалки, отмечая в последней «максимальную туманность этого языческого образа» [11, с. 47]. По мнению ученого, наиболее очевидной и «прямо усвоенной отечественными литераторами первой трети XIX столетия оказывается символика образа (русалки), обусловленная романтическими представлениями о вечной молодости и красоте» [11, с. 47]. О. Б. Костылева акцентирует внимание на русской фантастической новелле первой трети XIX в. и рассматривает образ колдуна как существа демонологического, «враждебного человеку и православной вере» [5, с. 104]. Фольклорные образы в романтических новеллах О. М. Сомова анализировал и Н. А. Дроздов, сделавший вывод о том, что «фольклорная и романтическая традиции были для писателя материалом для создания совершенно необычных сюжетов и ситуаций. Важнейшая особенность новелл заключается в невозможности однозначной трактовки сюжетной коллизии, поскольку ни фольклорная, ни романтическая сюжетные линии не разрешаются традиционно» [3]. К представителям данной научной области относятся также М. В. Лобыцына, М. И. Журина, И. А. Рыбко и др.

Объектом нашего исследования являются новеллы О. М. Сомова «Русалка» (1831) и «Купалов вечер» (1831), в которых литературной трансформации подвергается образ обитательницы водного пространства. «Как принадлежащие к миру природы – „иному“, потустороннему, „чужому“ для человека – образы низшей мифологии воспринимались в народном сознании как демонологические существа и имели общее название „нечистая сила“, или „нечисть“», – отмечает Е. Л. Мадлевская [7, с. 310]. Русалка – наиболее яркий представитель «галереи» низших божеств. В народном сознании она предстает существом женского пола, обитающим вблизи водоемов и развлекающимся путем заманивания потенциальной жертвы в свои сети.

Согласно поверьям, русалкой становится девушка, умершая неестественной смертью (убита кем-то, утонула во время купания, самоубийца и др.). Д. К. Зеленин указал и иные народные версии о происхождении русалок, которыми могли стать некрещеные дети, души предков и др. В устных демонологических рассказах ярко и образно представлены особенности внешности русалок, примечательных «русыми или зелеными волосами… длинными до самой земли». Часто они являются человеку, оказавшемуся в сфере обитания мифологического персонажа в неурочный час, сидящими на берегу и расчесывающими свои волосы. Русалки практически всегда наги, но бывают и исключения, о чем сообщили очевидцы, наблюдавшие русалку

в «блестящей одежде, при взгляде на которую текут слезы» [4, с. 180]. Ученый отмечает, что в фольклоре некоторых народов сохранилось поверье о том, что русалкам не нравится ходить нагишом и они ходят в баню, чтобы украсть у «баб» одежду. Русалочий рост обычно очень велик, телосложение крепкое и крупное. Указывается также, что у русалок длинные отвисшие груди, что свидетельствует об их материнском начале и плодовитости. У владимирской русалки «груди большущие», у архангельской – «большие вислые груди» [Там же].

Русалка эротична. Она жаждет любви, выставляя себя напоказ, демонстрируя наготу и раскрепощенность. Поскольку за время земной жизни девственница не успела насладиться «женским счастьем», она стремится испытать его, оказавшись в новой ипостаси, поэтому всеми силами старается приблизить к себе мужчину (юношу) и получить желаемое. Жертва, как правило, оказывается безоружной перед чарами мифологического существа, ведь наяву мужчине, живущему в мире строгих нравственных запретов и моральных принципов, не приводилось сталкиваться с таким открытым совращением и соблазном. Только вот добром эта встреча не заканчивается – представительница мира мертвых, как и другие ей подобные, редко оставляет земного человека живым. От русалки, в отличие от обычной девушки, веет холодом, в ее губах и руках нет тепла: «…совсем как женщина, только в лице краски (румянца) нет да руки тощие и холодные» [4, с. 160].

На традиционные народные представления о демонологических персонажах, сформировавшиеся в крестьянской среде, на протяжении XVIII–XIX вв. в значительной степени повлияли литературные источники, в частности чрезвычайно популярные в начале XIX в. романтические произведения В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, О. М. Сомова, Т. Г. Шевченко и многих других. В свою очередь, литературные персонажи создавались под явным влиянием своих фольклорных прототипов.

В рассказах Ореста Сомова образ русалки гармонично соединяет в себе «природные» и литературные черты. В начале «Купалова вечера» писатель обращается к народным поверьям о мести русалок земным девушкам, наслаждающимся беззаботным девичеством и имеющим возможность испытать любовь и внимание со стороны представителей мужского пола: «На десятой неделе по святой Пасхе, сохранившей древнее народное название „русальной“, или „русальской“, ни одна деревенская девушка не решится пойти в лес без товарок, именно из боязни „злых русалок“, которые, по народному представлению, на это время переселяются из речных и озерных омутов в леса» [10, с. 94]. «Русальная» неделя, по народному календарю, предшествует дню Ивана Купала, в который русалки водят хороводы на берегу, плетут венки и зазывают юношей для собственного удовольствия.

Действие рассказа О. М. Сомова происходит именно в вечер накануне Ивана Купала в эпоху раннего русского Средневековья. Сомов обращается к описанию народной традиции разжигания костров и ведения хороводов в знак чествования языческого божества («Мы все держимся старой веры и

ушли сюда из стольного Киева, чтобы здесь на приволье скакать через зажженные костры и плясками праздновать нашего бога» [10, с. 94]). Однако витязь Кончислав весьма отдаленно напоминает русского князя. Он изображается в романтическом духе: загадочным, впечатлительным, одиноким – и явно напоминает персонажа рыцарских романов, отвергнутого холодной Дамой сердца.

Русалка (в рассказе принявшая облик земной девушки Услады (от глагола «услаждать, доставить наслаждение»)) предстает перед юношей «самой пригожей, самой резвой, самой приветливой». Она заметно отличается от других девушек; юноша видит ее «красавицей» и мгновенно подпадает под ее обаяние («игривость и одушевленный смех милой девушки совершенно очаровали витязя»), а затем начинает испытывать физическую страсть («соколиный взор витязя загорелся огнем желания; высокая грудь его волновалась и силилась вырваться из берегов своих»). Именно это и нужно дьяволице, в поведении которой начинают проскальзывать природные черты («отвечала она с таким взглядом и усмешкой, что у витязя огонь пробежал по всем жилам и кровь пронзительным пламенем прихлынула к сердцу»). Русалка жаждет жертвы и, ощутив близкую победу, преображается, становится еще более раскованной, страстной, манящей, она преследует ту же цель, что и ее мифологический прототип, – защекотать жертву до смерти, о чем не раз упоминает Д. К. Зеленин: «Беда тому, кто их встретит: они прежде привлекают внимание встретившегося своею красотою, заводят затем с ним разговор, любезничают и, наконец, свою жертву, увлекшуюся сердечными порывами, защекочивают до смерти» [4, с. 164].

Сомов ярко и детально показывает изменения в поведении девушки-русалки, противостоять которой герой не в силах, ведь он всецело отдался ей: «Услада все громче и громче смеялась, сильнее и сильнее щекотала витязя» [10, с. 95]. Кончислав чувствует холодность поцелуев, ощущает сырость и «смертную дрожь», которая «пронимает до самых костей». Последняя метафора символизирует приближение смерти. Его отчаянная попытка вырваться из объятий мстительницы не избавляет от «мучительной дрожи» – его смертный час пробил.

Финальная метаморфоза с Усладой («перед ним сидела, ему коварно усмехалась злобная Русалка») усиливает романтическую тональность финальной сцены. «Приветливая незнакомка» предстает ведьмой, напоминающей злую мачеху-ведьму из повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница», отличавшуюся от толпы девушек-русалок темной злобной душой, распознанной Левкой. Вместе с тем сомовская Услада – образ несравненно более богатый и многогранный. Она соединяет в себе и жажду страсти, и мстительность, и порывистость, и упоение природной стихией, и сама она – органичная часть природы – в этом Сомов остается верен фольклорной традиции.

В рассказе «Русалка» О. М. Сомов вновь обращается к изображению обитательницы водоемов. В центре повествования оказывается история земной жизни девушки Горпинки, по воле трагической судьбы ставшей русал-

кой. Единственная дочь красавица Горпинка была рождена «на отраду» своей матери. Автор красочно описывает внешность героини, рожденной для любви и счастья: «…она росла, как молодая черешня, высока и стройна; черные ее волосы, заплетенные в дрибушки, отливались как вороново крыло под разноцветными скиндячками, большие глаза ее чернелись и светились тихим огнем, как два полуистухших угля, на которых еще перебегали искорки» [9, с. 136]. Однако жизнерадостной Горпинке недолго приходится купаться в безмятежном девичестве: на ее пути встретился «злой искуситель» – лях Казимир Чепка, легкомысленный и ветреный юноша.

Романтический мотив «тоски по милому», знакомый читателю по множеству произведений мировой литературы, в новелле Сомова развивается по традиционному сценарию: девушка сохнет, хиреет, теряет интерес к жизни, подобно бюргеровской Леноре. Ее душевное состояние отражается и на внешнем виде («от света померкли ясные очи, от частых вздохов теснило грудь ее девичью», «иссохла как былинка»), и на поведении («бродила почти беспрестанно по лесу, уходила рано поутру, приходила поздно ночью»). Наступает момент готовности отдать душу дьяволу ради встречи с возлюбленным. Попытки матери предостеречь дочь не приводят к успеху. Страсть побеждает разум. После встречи с колдуном («Что сказал он ей, никто того не ведает» [9, с. 139]) девушка домой не возвращается.

В дальнейшем «один монастырский рыболов видел молодую девушку на берегу Днепра: лицо ее было исцарапано иглами и сучьями деревьев, волосы разбиты… но он не посмел близко подплыть к ней из страха, что та… бродящая душа какой-нибудь умершей…» [Там же]. Так в рассказе находят выражение суеверные представления о перевоплощении в русалок людей, умерших неестественной смертью. Рыболов видит Горпинку, находящуюся в состоянии перехода из мира живых в мир мертвых. Вся она олицетворяет муку, на смену которой придут упоение свободой и безмятежность.

Однако Горпинке-русалке не сразу удастся избавиться от оков и страданий земной жизни. Тоскующая мать с помощью совета колдуна буквально «за левую руку» выдернет ее на целый год из желанного русального мира, но все усилия матери не спасут проклятой души. Впечатляют картины мучительного пребывания русалки в родном доме, где она год сидит неподвижно, будто живой мертвец: «…все так же неподвижно сидит она, опершись головою на руки, все так же открыты и тусклы глаза ее, бессменно глядящие в печь, все так же мокры волосы» [9, с. 141]. Дом становится для девушки-русалки ненавистным, ее тянет туда, где «все молодеют и становятся так же резвы, как струйки водяные», «так же игривы и беззаботны, как молодые рыбки», где все «легки и свободны».

Описывает прозаик и поведение русалок в своем кругу: они бегают с «гиканьем, ауканьем, быстро как вихрь». Эти особенности поведения «народных» русалок отмечает и Зеленин: «Русалки живут в воде, но в известное время в году *бегают по лесам и по полям*…» [4, с. 163], «Русалки на Троицкой неделе... купаются в реках, качаются на деревьях, бегают по полю» [4, с. 167], русалки «тяготятся одиночеством, они появляются группами и,

как молодые девушки, веселятся и хохочут» [6, с. 67]. В поединке между жизнью и смертью в новелле Сомова, как и положено в романтическом произведении, побеждает смерть. На русальной неделе, когда, по народным поверьям, нечисть обретает особую силу и становится опасной для человека, которому следует быть осторожным, Горпинка разрывает круг, который держался на материнской любви, ведь дьяволица была среди людей только телом, а душой – со «своими».

В народной прозе встречаются единичные сюжеты об «оживлении» русалки в результате божественной помощи: «Народ верит, что если на русалку надеть крест, то она человеком сделается (д. Брюховая Вязниковского у.). В д. Мальцевой Вязниковского у. мне рассказывали даже о двух случаях, когда на русалках женились деревенские парни, причем священник будто бы через крещение сделал их предварительно людьми» [4. с. 161]. Горпинка в новелле Сомова возвращена из русалочьего мира не божественным промыслом, а колдовской помощью. Ее мать искала помощи не от креста, а у колдуна. Магическим предметом, который должен был вернуть Горпинку к человеческой жизни, стала черная свеча, выступившая символом ее грешной жизни. В итоге преступница не была прощена Господом, но пострадала ли она от этого? Скорее нет, поскольку только так она смогла отомстить своему совратителю, которого нашли мертвым в лесу на следующий день после ее побега. На лице его были запечатлены следы предсмертного ужаса («лицо было сине, и все жилы в страшном напряжении»), на теле не было физических увечий. Читателю нетрудно догадаться, что Казимир Чепка жизнью расплатился за свое легкомыслие. Девушка-русалка расправилась с ним традиционным русалочьим способом: «…покойника русалки защекотали» [9, с. 143].

Проведенный анализ двух новелл О. М. Сомова позволяет сделать вывод о том, что представленный в них мифологический образ подвергся литературной трансформации. Народные поверья о девушках, умерших неестественной смертью, в рассказах Сомова романтизируются, персонажи сохраняют и «природные» свойства (особенности внешности и функции) и приобретают индивидуальные черты. Героини Сомова лишены статики, на протяжении повествования они совершают пространственные перемещения, легко преодолевая границу между двумя мирами. Кроме того, они наделены «личной» судьбой, способны к перевоплощению и более трагичны в отличие от природных духов.

Библиографический список

1. Абдуллаева Д. Б. Новелла как жанр литературы // Наука и образование сегодня. – 2017. – № 5 (17). – 114 с.

2. Барыкина А. В. Жанр новеллы в русской литературе первой трети XIX века : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 27 с.

3. Дроздов Н. А. Фольклорная и романтическая традиции в новеллах О. М. Сомова «Русалка» и «Киевские ведьмы» [Электронный ресурс]. – URL: http://mir.spbu.ru/iindex5725.html?option=com_k2&view=item&id=755:rpj&Itemid=208 (дата обращения: 10.10.2021).

4. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. – М. : Индрик, 1995. – 432 с.

5. Костылева О. Б. Художественный мир прозы Ореста Сомова / О. Б. Костылева, А. Ф. Петренко. – Пятигорск : Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2011. – 231 с.

6. Лапокина А. Е. Образная система современных суеверных рассказов о водяных духах / А. Е. Лапокина, М. А. Тростина // Материалы XXIII науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского гос. ун-та им. Н. П. Огарёва. – Саранск, 2019. – С. 64–69.

7. Мадлевская Е. Л. Русская мифология : энциклопедия. – Л. : Мидгард : Эксмо, 2005. – 784 с.

8. Мелетинский М. Е. Историческая поэтика новеллы. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 275 с.

9. Сомов О. М. Были и небылицы. – М. : Сов. Россия, 1984. – 368 с.

10. Сомов О. М. Купалов вечер. – Киев : Днипро, 1991. – 558 с.

11. Тиманова О. И. Мифологические персонажи восточнославянского фольклора и особенности их воплощения в «Малороссийских былях и небылицах» О. М. Сомова // Общество. Среда. Развитие. – 2007. – № 3 (4). – С. 44–58.

12. Янушкевич А. С. Путешествие в страну романтизма : новые подходы к изучению русского романтизма первой трети XIX века // Филологический класс. – 2004. – № 12. – С. 5–14.

© Лапокина А. Е., Тростина М. А., 2022.

УДК 821.161.1

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Г. ЯХИНОЙ СОВРЕМЕННЫМ ОТЕЧЕСТВЕННЫМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕМ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКОЙ

А. В. Логинова,
студентка
kafrusizarlit@gmail.com
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается процесс восприятия современными критиками и литературоведами творчества Г. Яхиной. Установлено, что при всей разноречивости и разнородности оценок ее романов большинство исследователей полагают важнейшей причиной их востребованности у читательской аудитории особый способ изложения прошлых трагических событий страны, что помогает переосмыслить их, избавиться от постоянно тревожащей общество травмы.

Ключевые слова: Г. Яхина, рецепция творчества, современная литература, современное отечественное литературоведение.

RECEPTION OF G. YAKHINA'S CREATIVITY BY MODERN NATIONAL LITERARY CRITICISM AND LITERARY STUDY

A. V. Loginova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article deals with the process of perception of G. Yakhina's works by modern critics and literary critics. It is found that for all the controversy and heterogeneity of evaluations of her novels, most researchers believe the most important reason for their relevance among the audience a special way of presenting the past tragic events of the country, which helps to rethink them, get rid of the constantly disturbing trauma society.

Keywords: G. Yakhina, reception of creativity, modern literature, modern Russian literary criticism.

Начнем с очевидного: популярность книг Г. Яхиной – уникальный случай в современной отечественной литературе: два ее романа, в том числе и дебютный, являются бестселлерами, третий же относился к самым ожидаемым новинкам 2021 года. Несомненно, важную роль в «раскрутке» ее творчества сыграла недавняя экранизации романа «Зулейха открывает глаза», сопровожденная мощной рекламной кампанией. Однако при всей востребованности у читательской аудитории отношение критиков и литературоведов к прозе Г. Яхиной неоднозначно.

Портал «Медуза» опубликовал видеоролик, где литературный критик Г. Юзефович, во многом определяющая сегодня «шкалу» популярности того или иного писателя, выводит формулу успеха Яхиной, которая противоречит традиционной. По мнению Г. Юзефович, читательский успех прозаика возник абсолютно вне контекста успеха профессионального, поскольку критики не были в восторге от романа [9]. Вопрос о том, почему произведения Яхиной пользуются интересом у большого числа читателей, стал темой не одного десятка рецензий.

Оговоримся, что одна из составляющих писательского успеха – присуждение книгам литературных премий. Нельзя отрицать тот факт, что «премиальные» произведения априори интересны потенциальному читателю, поскольку подтверждают профессиональный статус обладателя в глазах как читателей, так и издателей. Романы Г. Яхиной являются лауреатами отечественных и зарубежных премий, что увеличивает ее популярность у читателей и формирует и без того сложившееся скептическое отношение у некоторых литераторов.

Захар Прилепин неоднократно отмечал, что роман «Зулейха открывает глаза» получил премию «Ясная Поляна» совершенно заслуженно, ярко выраженный политический контекст в присуждении «Большой книги» [6] он исключает. Однако существуют мнения, ставящие это под сомнение. Так, И. Савкина и А. Розенхольм отмечают, что критерии премий, полученных

книгой «Зулейха открывает глаза», достаточно разные: «Ясная Поляна» поддерживает продолжателей литературной традиции, а премия «НОС», напротив, создана для выявления и поддержки новых трендов в современной художественной словесности на русском языке [7, с. 1]. Кроме того, исследователи в статье «Секрет ее успеха» предлагают ряд причин, объясняющих, почему роман «Зулейха открывает глаза» вызывает интерес «у профессионалов, дилетантов, консерваторов и новаторов» [7, с. 2]. Во-первых, жанровая гибридность романа: в «Зулейхе…» встречаются описания коллективизации, быта татарской деревенской семьи, робинзонады, благодаря сосуществованию которых книга способна угодить читателям с разными предпочтениями. Во-вторых, сериальность, а точнее мелодраматичность произведения, что увеличивает его аудиторию, прибавляя тех, «кто при чтении текста концентрируется не на ужасах ГУЛАГа, а на истории главной героини» [7, с. 2]. В-третьих, о трагических исторических событиях пишет не их современник, а писатель «с дистанции», что позволяет ему легко говорить о травматическом опыте страны. В продолжение мысли исследовательниц добавим, что, действительно, при всех фактографических неточностях, роман воплощает весьма репрезентативную писательскую стратегию, сочетающую элементы масскульта и весьма необычным ракурсом освещения истории с акцентом на «историю повседневности», что в принципе отражает общую тенденцию развития современной исторической прозы с ее вниманием не столько к историческому процессу или историческим реалиям, сколько к бытию частного человека, вплетенному в «большую» историю.

Правда, по авторитетному мнению П. Басинского, обращение современного автора к исторической теме не гарантирует ему успеха, поскольку проще «прилепиться» к актуальной теме, чем написать действительно достойное произведение. Рассуждая об «алхимии превращения трагической исторической темы в высокую художественную прозу» [3], критик пишет, что только искренности и знаний мало, необходимо умело перевоплощаться в своих персонажей: «Тут недостаточно пересказать то, что бабушка рассказала, тут надо самой на время этой бабушкой стать» [3]. По мнению литературоведа, в романе «Зулейха открывает глаза» эта «алхимия» произошла удачно. Кроме того, П. Басинский указывает на удачную манеру письма Яхиной, реалистичную, вполне понятную широкому кругу читателей и одновременно позволяющую выпукло и зримо живописать и историю, и человека: «…если она показывает нам глухую и ослепшую старуху-татарку, которой то ли сто лет, то ли еще больше, мы ее слышим и видим как живую» [3].

Созвучна с П. Басинским и Г. Юзефович, тоже отмечающая мастерство Г. Яхиной в умении сфокусироваться на деталях: «Читая, как Зулейха гладит по носу полуторамесячного жеребенка, чувствуешь сразу и шершавость ее ладони, и бархатистость лошадиной шкуры, и теплый исходящий от животного запах» [10]. Каждый подобный эпизод критик называет «зародышем чуда». По ее мнению, популярность произведения как раз и объясняется сосуществованием в нем банальности и чуда, поскольку читатель, пытаясь «проследить это чудо на уровне хотя бы одной сюжетной линии» [10], разочаро-

вывается, но при этом не теряет интерес, а «упрямо продолжает щелкать кнопкой зума, выискивая, выглядывая в романе Г. Яхиной что-то, что объяснило бы мирное сосуществование и чуда, и полного его отсутствия» [10].

Российский литературовед и критик К. Анкудинов называет Яхину «способной писательницей», однако оказавшейся не на своем месте. По мнению К. Анкудинова, внимание ридеров и исследователей-литературоведов к роману «Зулейха открывает глаза» объясняется доступностью языка и интересом к теме: «…и беллетристика, и «литература социального звучания» в одном флаконе» [1]. Однако сам критик оценивает роман весьма скептически, ни в коем случае не относит его к «большой» литературе, ибо находит в нем фактические ошибки и очевидны «ляпы». К примеру, К. Анкудинов, комментируя фрагмент текста «Сентябрь встретил солнцем… Пришла мошка», отмечает: «Разве таёжный гнус является в сентябре?» [1]. Литературовед, оценивая стремление Яхиной занять определенную нишу в современном литературном процессе, иронически замечает, что она может стать автором хороших «мистических детективов», но из-за стремления стать знаменитой в «высшем литературном свете» «высказывается о том, чего она не знает» [1].

На «несостыковки» романа указывает и А. Жучкова в статье «Посмотри в глаза чудовищ». Во-первых, Зулейха, оказавшись в Казани, видит в руках прохожих папки, портфели, тубусы и т. д. Критик задается вопросом, откуда неграмотная татарка, ни разу не выезжавшая из деревни, может знать название перечисленных предметов? [4, с. 4]. Во-вторых, в тексте романа А. Жучкова замечает лингвистические ошибки: так, анализируя фрагмент текста «Юзуф срывается с места и топочет за дверь», подчеркивает, что «сорваться с места» и «топотать к двери» – это разные типы движения, разная скорость, стремительность [4, с. 6]. В-третьих, ошибки, связанные с незнанием культуры: критик считает, что во фрагменте «Зулейха пересказывала сыну … сказки и легенды: про длиннопалых лохматых шурале…; про лохматую водяную су-анасы», используя для определения одно и того же прилагательное: «лохматые шурале», «лохматая водяная», автор, может, неумышленно, но призывает к сопоставлению существ, «а это – удар по культурному коду» [4, с. 6].

Справедливости ради отметим, что и по поводу национальной тематики первого романа Г. Яхиной мнения критиков были весьма разнородные. По мнению А. Жучковой, приводить названия предметов татарского быта без перевода было не лучшим решением автора, поскольку «русский читатель, наталкиваясь на татарское слово, просто не понимает, о чем идет речь» [4, с. 7]. Также Жучкова пишет о том, что использованное Г. Яхиной выражение „жебеген тавык“ на самом деле переводится как «нерасторопная курица», а не «мокрая курица» [4, с. 7]. Л. Аннинский высказал противоположную точку зрения, обратив внимание на национальный аспект. Во-первых, отметил, что репрессированными являются не только одни татары: «Русские, татары, пара чувашей, трое мордвинов, марийка, хохол, грузинка и выживший из ума немец... Одним словом, полный интернационал…» [2, с. 3]. Во-вторых, «татарскую мелодию» романа критик объясняет стилистическими

особенностями текста. Л. Аннинский считает, что наличие непонятных слов татарского происхождения в тексте объясняется желанием автора, чтобы все время чувствовался «привкус», а читатель, в свою очередь, может перевести незнакомое слово, воспользовавшись словарем в конце книги [2, с. 3]. И с этим трудно не согласиться, ибо отечественная литературная традиция содержит подобные примеры, демонстрирующие желание автора создать национальный колорит (достаточно вспомнить, к примеру, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, снабженные словарем «малороссийских» слов, поясняющим читателю «столичному» не вполне понятные слова и выражения).

Хотя на сегодняшний день творчество Г. Яхиной представлено не одним романом «Зулейха открывает глаза», но именно дебютный текст привлек большее внимание общественности, поднял для обсуждения ряд насущных вопросов, которые остаются актуальными и при выходе романов «Дети мои» и «Эшелон на Самарканд». Так, А. Москвин справедливо отмечает, что на авторе, первая книга которого пользуется большой популярностью, лежит не меньшая ответственность, поскольку ожидания от последующих книг будут весьма завышены. Во втором произведении писательница выдерживает уже хорошо опробованную стратегию «Зулейхи…»: вновь описываются сталинская эпоха, Поволжье, вновь маленький человек является главным героем. Однако А. Москвин уверенно называет «Детей моих» новой историей, приводя существенные доказательства. Здесь помимо исторической эпохи, судьбы незаметного человека читательское внимание занимает волшебный немецкий фольклор, в котором «закодирована народная мудрость и многовековая память» [5].

Г. Юзефович откликнулась на каждый из романов Г. Яхиной, проследив за тенденцией развития ее писательских навыков. В рецензии на «Дети мои» Юзефович отмечает изменения в авторской манере письма. Если сюжет первого романа был прямолинеен и наряду с детально прописанными фрагментами имелись «пустоты, едва намеченные пунктиром», то во втором романе мораль «затерялась» в облаке слов, звуков и фантазий, оттого перестала быть простой, а «пустота» скрылась за «буйной стилистической и жанровой игрой, богатой образностью и изысканными аллюзиями». Однако критик не берется отнести все вышеперечисленное к достоинствам романа, поскольку, по ее мнению, банальность сюжета заменяется обилием прилагательных, наречий, поэтических образов и «прочих вербальных красот», из которых читателю предстоит «выпутаться» [9]. Идея второго романа, несмотря на старания автора «соорудить целый крупнобюджетный фэнтези-мир», мало отличается от идеи первого: в любых обстоятельствах, даже самых ужасных, человек может прожить полноценную и достойную жизнь, «…но мы и с первого раза неплохо поняли», – отмечает критик [9].

Очевидное сходство с первым романом писательницы Г. Юзефович находит и в третьем ее произведении «Эшелон на Самарканд». Мысль о том, что «в любом аду вполне можно выгородить себе небольшой уголок и прожить там обычную, вполне счастливую жизнь» реализуется и здесь,

но на другом историческом фоне – голод в Поволжье 1920-х годов. Анализируя произведение, критик приходит к мысли, что дети в романе – средство искупить вину за свое прошлое каждого встречающегося на пути взрослого. По мнению Г. Юзефович, писательница намеренно использует такой прием, поскольку нужда массового читателя – осмыслить и принять собственное прошлое. С помощью наивной, простой и доброй сказки куда проще «залечить раны российской исторической памяти», помочь читателю войти в гармонию с прошлым [11].

Мысль о том, что книги Г. Яхиной – способ найти гармонию с прошлым, развивает Н. Эппле. Он отмечает, что Яхина в каждом из романов стремится основываться на документальных фактах. Многие критики называют «Эшелон на Самарканд» притчей, однако автору принципиально важна историческая реальность романа, поскольку она и является неким феноменом ее творчества. Этот феномен заключается в том, что задача Гузели Яхиной – помочь читателю эмоционально преодолеть «травматическое» прошлое, вытащить тему голода Поволжья из подсознания. Для достижения этого результата она применяет нетипичные для подобного жанра романа средства, делает историю об ужасных событиях нестрашной, доступной для читателя, чтобы тот, переосмыслив ужас 30-х годов прошлого столетия, больше не возвращался к нему как к исторической травме. Так, внимание Яхиной к документальным сюжетам объясняется именно терапевтической задачей [8].

Также Н. Эппле, рассматривая творчество писательницы в целом, делает выводы об очевидной взаимосвязи трех ее романов. По мнению ученого, роман «Эшелон на Самарканд» развивает сильные стороны первых двух яхинских текстов. Вполне реалистичная «Зулейха открывает глаза» имеет некую безумную линию доктора Лейбе, а именно подробно описанное фантастическое «яйцо». В сущности, именно эта часть сюжета ложится в основу «магического реализма» второго романа – «Дети мои», похожего больше на литературную сказку. Третье произведение – «Эшелон на Самарканд» выглядит возвращением к реализму, «но возвращением куда более зрелым», однако и здесь есть отсылки к «яйцу» Лейбе: голодный бред Сени-чувашина и внутренний монолог Загрейки [8].

Стоит отметить, что помимо сходства между романами прозаика литературные критики находят линии сопоставления и с другими произведениями русской и зарубежной литературы. Ряд исследователей отмечают, что в основе романа «Зулейха открывает глаза» лежит робинзонада, т. е. герои произведения, как и в романе Даниеля Дефо «Робинзон Крузо», пытаются выжить вдали от цивилизации. Тот же Л. Аннинский пишет, что исповедальность романа, связанная с тем, что в его основу легли семейная трагедия и робинзонада, помноженная на несколько десятков персон, с добавлением крика: „Шаг вправо, шаг влево – считается побег!“ – заставляет всецело проникнуться произведением [2, с. 2].

Г. Юзефович отмечает, что в романе «Дети мои» есть отсылка к роману Е. Водолазкина «Лавр»: «…под сенью яблонь, на которых никогда не пере-

водятся спелые яблоки, Клара родит дочь и умрет», еще больше отсылок в произведении на толкиеновское Средиземье, большая часть фантастического мира романа построена на аллюзиях на Толкиена, доказательство тому – фрагменты, где немецкие колонисты «товарищу Сталину… видятся карликами…», или где Бах, в отличие от растяпы Бильбо Бэггинса, не забыл взять носовой платок [9].

Н. Эппле сравнивает произведения Г. Яхиной с творчеством Ахматовой и Солженицына в России и Тони Моррисон и Уильяма Стайрона за рубежом [8]. Особенностью, объединяющей их, является то, что они стремятся описать историческое событие так, чтобы, как заявляет сама Яхина, превратиться «из объекта истории своей страны в ее субъект» [12].

Таким образом, остается резюмировать, что творчество Г. Яхиной представляет собой достаточно заметное явление в современной литературе и является неотъемлемой частью и одной из важнейших составляющих нового российского социокультурного сознания конца XX – начала XXI века. Творчество писательницы, при всей «разности» художественных достоинств ее прозы, по мнению ученых, сочетает в себе элементы масскульта и исторического повествования, что позволяет прозаику не просто осмыслить, но переосмыслить прошлые трагические события страны, избавиться от старой, но постоянно тревожащей общество травмы. Число литературно-критических работ, посвященных романам Г. Яхиной, невелико, причем большинство из них содержит анализ различных аспектов «Зулейхи…», тогда как «Дети мои» и «Эшелон на Самарканд» оказываются практически на периферии исследовательского интереса.

Библиографический список

1. Анкудинов К. Три чёрных карты [Электронный ресурс]. – URL: https://lgz.ru/article/-14-6732-08-04-2020/tri-chyernykh-karty/ (дата обращения: 10.09.2021).
2. Аннинский Л. А. Зулейхины миги: рецензия на роман Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2016 (2015) // Отечественная литература как фактор сохранения русской идентичности в глобальном мире : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Самара, 18 мая 2017 г.) / редкол.: Н. С. Филатова, Э. А. Радаева. – Самара : Научно-технический центр, 2017. – С. 15–20.
3. Басинский П. Невероятное, очевидное [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2015/05/25/basinsky.html (дата обращения: 12.09.2021).
4. Жучкова А. В. Посмотри в глаза чудовищ: рецензия на книгу: Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015 // Полилингвиальность и транскультурные практики. – 2020. – Т. 17, № 4. – С. 571–582.
5. Москвин А. Пора вернуться на берег [Электронный ресурс] // Литературная газета : [сайт]. – 2019. – URL: https://lgz.ru/article/-37-6704-11-09-2019/pora-vernutsya-na-bereg/ (дата обращения: 11.10.2021).
6. Прилепин З. Прилепин: Роман «Зулейха открывает глаза» рекомендую всем : интервью [Электронный ресурс]. – URL: https://nsn.fm/culture/culture-prilepin-roman-zuleykha-otkryvaet-glaza-rekomenduyu-vsem (дата обращения 15.09.2021).
7. Савкина И. «Секрет ее успеха»: размышления о романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» / И. Савкина, А. Розенхольм // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2016. – № 3–4. – С. 22–25.

8. Эппле Н. «Эшелон на Самарканд» и терапия советской травмы [Электронный ресурс]. – URL: https://gorky.media/reviews/eshelon-na-samarkand-i-terapiya-sovetskoj-travmy/ (дата обращения: 11.09.2021).

9. Юзефович Г. Гузель Яхина выпустила роман о поволжском немце «Дети мои». С отсылками к Толкиену. Зачем ей понадобился фэнтези-мир? [Электронный ресурс]. – URL: https://meduza.io/feature/2018/05/06/guzel-yahina-vypustila-roman-o-povolzhskom-nemtse-deti-moi-s-otsylkami-k-tolkienu (дата обращения: 10.09.2021).

10. Юзефович Г. Следы на воде, Зулейха и завидное чувство Веры Стениной. Женская проза: обзор [Электронный ресурс]. – URL: https://meduza.io/feature/2015/05/29/sledy-na-vode-zuleyha-i-zavidnoe-chuvstvo-very-steninoy (дата обращения: 10.10.2021).

11. Юзефович Г. «Эшелон на Самарканд»: Гузель Яхину обвинили в плагиате, но проблема романа не в этом. Трагедию в Поволжье автор превратила в комфортную сказку [Электронный ресурс]. – URL: https://meduza.io/feature/2021/03/13/eshelon-na-samarkand-guzel-yahinu-obvinili-v-plagiate-no-problema-romana-ne-v-etom (дата обращения: 10.09.2021).

12. Яхина Г. «Можем себе позволить». Колонка Гузель Яхиной о советском вчера и сегодня [Электронный ресурс]. – URL: https://style.rbc.ru/impressions/604a3d789a7947c5b4cfd743 (дата обращения: 15.09.2021).

© Логинова А. В., 2022.

УДК 821.161.1

СПЕЦИФИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «ТАЙНЫЕ ВИДЫ НА ГОРУ ФУДЗИ»

А. П. Марьюшкина
магистрант
sivis_amary@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. Статья посвящена осмыслению интертекстуальных связей романа В. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи». Выявляются отсылки, цитации и трансформации как формы интертекстуальности, указываются их функции.

Ключевые слова: В. Пелевин, интертекстуальность, широкое и узкое понимание, аллюзии, цитатность, постмодернизм.

THE SPECIFICS OF INTERTEXTUAL CONNECTIONS IN V. PELEVIN'S NOVEL "SECRET VIEWS OF MOUNT FUJI"

A. P. Maryushkina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article is devoted to understanding the intertextual connections of V. Pelevin's novel "Secret Views of Mount Fuji". References, citations and

transformations as forms of intertextuality are identified, their functions are indicated.

Keywords: V. Pelevin, intertextuality, broad and narrow understanding, allusions, citation, postmodernism.

Общеизвестно, что с момента возникновения термина «интертекстуальность» прошло более полувека, однако ввиду многоаспекности данного понятия в науке так и не выработалось точного и исчерпывающего определения. В настоящее время интертекстуальность принято рассматривать с позиций широкого и узкого понимания термина. Так, узко интертекстуальность понимал Ж. Женетт и относил ее к одному из видов транстекстуальных отношений, которые представляют собой присутствие в тексте другого(-их) текста(-ов) через цитаты, аллюзии, реминисценции или плагиат. Причем подобные включения, как правило, маркированы. В подобном ключе интертекстуальность исследовали С. Г. Филиппова [12], Н. А. Кузьмина [5]. Также речь идет об узком понимании термина, когда исследователи принимают во внимание только взаимодействия определенных типов текста (Ю. П. Солодуб [11], А. К. Жолковский [3]).

В широком понимании интертекстуальность понимают как «авторскую стратегию построения текста с использованием ресурсов других текстов, невербальных систем и дискурсов» [10]. Широта понимания отражается в расширении формальных признаков интертекстуальности, например наличие в тексте влияния другого писателя или целого направления, бродячих сюжетов (И. В. Арнольд [1]), общих жанровых признаков (Л. П. Прохорова [10]), взаимодействий вербальных и невербальных дискурсов, общности композиционных структур (Н. В. Петрова [9]). Подобной точки зрения придерживались и исследователи, находящиеся у истоков данного понятия: Ю. Кристева [4], Р. Барт [2].

В настоящей статье мы будем исходить из узкого понимания интертекстуальности.

В романе «Тайные виды на гору Фудзи» само название интертекстуально. Оно не только отсылает к известному хайку Кобаяси Иссы, но является лейтмотивом произведения. О полисемантичности этого стихотворного произведения говорится в самом начале романа, раскрывая метафору дальнейшего повествования: «*Стих этот многократно переводился и цитировался – его упоминает Сэлинджер в повести «Фрэнни и Зуи», а братья Стругацкие даже взяли из него название своей повести «Улитка на склоне». Название моего стартапа содержит в себе ту же референцию. Моя фамилия, как вы догадываетесь, в самом центре этого смыслового облака – что еще делать Улитину в нашем мире? <…> Мол, ползи, улитка, вверх, к чуду, и не надейся даже, что доползешь, а пребывай в здесь и сейчас, пока не сдохнешь от стресса… Важна не цель, а движение, работа, возвращение кредита и все такое прочее*» [7, с. 16], «*Климат на вершине горы Фудзи примерно соответствует нашей тундре. Самая низкая зафиксированная температура – минус тридцать восемь по Цельсию. Самая высокая – плюс семнадцать.*

Мало того, что там снег круглый год, вершина Фудзи вдобавок еще и вулканический кратер. А сама гора Фудзи – это активный вулкан, извержение которого может начаться в любой момент. Те улитки, которые слушают Кобаяси Иссу где-то там на склоне, ничего не знают. Но улитки на вершине помнят про это каждую секунду…» [7, с. 17].

Таким образом, «улитками» являются все герои произведения: кто-то уже достиг вершины и теперь балансирует между льдом и пламенем, чтобы сохранить свое место (Юрий, Федор и Ринат), кто-то шел к своей цели и достиг ее (Таня), а кто-то продолжает карабкаться к вершине (Дамиан). Также данная метафора отсылает к ранее написанному Пелевиным роману (о чем свидетельствует один из эпиграфов под авторством Рамы Второго) – «Empire V» и его продолжению «Batman Apollo». Главный герой дилогии также рассуждал о Фудзияме и судьбе улиток, однако акцентировал совершенно иное:

«О, Улитка! Взбираясь к вершине Фудзи,
можешь не торопиться…

Вынув ручку, я дописал:

Там на вершине Фудзи улиток полно и так» [7, с. 23].

Герой дописывает хокку, придавая ему законченное значение: не важно, в какой сфере ты хочешь добиться вершин, все ниши уже кем-то заняты. Это также дает посыл дальнейшему сюжетному развертыванию. С первого дня, как Роман Шторкин стал вампиром Рамой, ему твердили, что он на вершине эволюции и является частью правительства этого мира. Однако позднее к нему приходит понимание, что он ни на какой не вершине, а в яме, где много таких же «недоправителей», владеющих только частицей скрытой от мира информации, более того, есть еще много тех, кто гораздо ниже, – «ныряльщики», и еще ниже – Batman. Истинное же могущество принадлежит лишь свободным, которые находятся вне Фудзиямы этого мира, вне каких-либо социальных и экономических рамок, вне иллюзии – это Великий Вампир, Дракула и его наставник Озирис.

Помимо этого между романами прозаика идет перекличка идеологических интенций, в частности относительно денег и гламура. Так, в романе «Тайные виды на гору Фудзи»: «*Деньги – это наркотик, на который сегодня с младенчества сажают всех. Девяносто девять процентов, как ты, наверно, заметила, пребывают в ломке. Один процент вроде бы прется, но…*» [7, с. 193]. В дилогии деньги – это продукт М5, ради которого вампиры «вывели» человечество. По вампирской идеологии (параллель богатеи – «кровососы») люди живут лишь затем, чтобы зарабатывать и тратить деньги. Люди бесконечно чувствуют «ломку» по деньгам, а вампиры – по баблосу, который перегоняется из М5. Подобная мысль звучала и в «Generation П» в теории «анально-оральных вау-импульсов». В дилогии и «Тайных видах на гору Фудзи» ее в полной мере продолжает понятие гламура-дискурса: «*Гламур – это изобретение патриархии. Это внедренная в женскую психику троянская программа, которую патриархия ежедневно апдейтит через весь свой инструментарий «женских» в кавычках журналов и сайтов*» [7, с. 179] («Тай-

ные виды на гору Фудзи»), «*Чтобы девушка поняла, что она нищая уродина, ей надо открыть гламурный журнал, где ей предъявят супербогатую красавицу. Тогда ей будет с чем себя сравнить. – А зачем это нужно девушке? – Ну-ка, объясни сам, – сказал Иегова. Я задумался. – Это нужно… – и вдруг вампирическая логика правильного ответа стала мне очевидной, – это нужно, чтобы те, кого гламурные журналы превращают в нищих уродов, и дальше финансировали их из своих скудных средств!»* [8, с. 92] («Empire V»).

Дискурс непосредственно связан с гламуром, ибо «*чтобы продать товар, надо сначала продавить борозду в мозгах*» [7, с. 193], причем его влиянию подвергаются не только богатые, а все люди без исключения. Для обозначения гламуро-дискурса обычных людей автор выдвигает понятие «нарратив продвинутой бедности», при котором люди отказывают себе в еде и отдыхе, для того чтобы заработать деньги на тренды и предметы роскоши. Такое мышление здесь В. Пелевин называет «нарративный ум», аналогом которого является «ум Б» в дилогии о вампирах.

К «Empir V» отсылает также звуковое сочетание, «придуманное» Татьяной для улучшения концентрации, – здыын, что является набором клавиш кириллицей вместо латиницы. Таким же способом пользовались Рама и Гера.

К «сквозным» идеям относятся иллюзорность мира и невозможность передать истину словами: «*Нарративный ум – как бы встроенное в нас СМИ, которое делает вид, что информирует нас о «событиях нашей жизни», но на деле просто погружает нас в глюк, где нам велено жить. А еще точнее – создает фейк, называющий себя нами. Да-да, я не случайно вспомнил это слово. «Фейк ньюз» – это не булькающее в интернете говно. Это мы сами. Наш язык содержит слова «Я» и «оно» не потому, что они отражают природу реальности, а исключительно по той причине, что этого требует нарративный ум*» [7, с. 226]. Или: «*Таня, я видел краем глаза в четвертой джане. Но словами ничего не ухватишь – это как суп вилкой есть. Скажу тебе только, что все без исключения в нашем мире ложь. И мы сами тоже»* [7, с. 232].

Это во многом объясняется большой ролью буддистских верований в произведениях В. Пелевина, что наиболее отчетливо проявляется здесь, по словам Г. Юзефович, «самом буддистском». Действительно, в книге описывается как путь монахов-аскетов к просветлению с подробностями всех 16 джан, так и тернистый путь возвращения русских олигархов к истокам, через нарушение Неискупимых Грехов и Десяти Заповедей методом, испытанным на самом Будде.

Помимо буддизма в тексте упоминаются и другие религии: ислам (в диалоге Федора Семеновича и Дамиана, в котором последний высказал мысль о том, что духовная информация теряет свой исходный смысл при вербализации, однако последователи ислама считают Коран непреложным авторитетом [7, с. 116]), христианство («*Посланник не выше пославшего, вспомнила Таня евангельское…*» [7, с. 59], метафора Христа в пустыне в сравнении с буддийской «Темной ночью духа» [7, с. 248]), иудаизм (в связи с еврейским происхождением Юрия).

Исследователи нередко размышляют об отношении В. Пелевина к религии, опираясь на тексты его романов. «Тайные виды на гору Фудзи» не стали исключением. В частности, осуждается «памфлетизм» его изложения религиозных положений (ислам в «Числах», христианство в «Чапаеве и Пустоте» на «блатном» языке), буддизм также не может быть исключением. Еще в начале своего творческого пути В. Пелевин не ставил своей целью превозносить его или же кого-то агитировать. Он по многим положениям соответствовал его мировидению – не более. Как ислам и христианство, его также можно «переводить» на язык арго (причем разных возрастных и социальных групп). В этом кажущемся противоречии ничего, наш взгляд, необычного нет, потому что ни в одном из текстов ни одно из верований (включая языческие) не осуждается и не осмеивается. Эти искажения и ирония относятся лишь к их носителям, которые под влиянием определенных, действующих в силу их положения (как общественного, так и пространственно-временного) условий смотрят на мир именно под таким углом, словно кривое зеркало, отражая светлое и истинное в обезображенном и примитивном виде. Фактически осмеивается не религия, но мир, в котором нет места подлинным ценностям и истине. В «Тайных видах на гору Фудзи» это проявилось наиболее четко. Саядо Ан, как и двое других монахов, показаны мудрыми и всезнающими учителями, которые согласились участвовать в подобной сомнительной авантюре лишь для поддержки своего храма (хотя могли бы так же свободно заработать эти деньги инвестициями, как это сделал их незадачливый ученик). Джаны тоже описаны красочно и мелодично, с подобающими восклицаниями относительно их несравнимой благости. Иронизируется лишь стремление приземленных, глубоко привязанных к материальным благам людей к «духовному фастфуду». И все же мораль очевидна: как бы ни старались современные «деятели» измерить деньгами (продать или купить) все сакральное, чистое и высокое, всегда найдется то, что ни за какие деньги не купишь. А самое главное – место, где уже ничего нельзя купить (и некому).

Важной для повествования является аллюзия-пасхалка к повести братьев Стругацких «Улитка на склоне». Она также имеет метафору в названии, однако здесь улитка имеет обратное значение. Если у В. Пелевина улитка – это символ целеустремленности, то у Стругацких – замкнутости и невежества. Герои повести, подобно улиткам, взирают с Белых Скал на Лес, но не могут увидеть и понять, что там происходит, они смотрят вверх, но не знают, как туда добраться, а потому продолжают сидеть в своих ракушках и выполнять абсурдные предписания Управления. В Лесу также множество «улиток», которые сидят в раковинах невежества и рассказывают друг другу небылицы о внешнем мире, не подозревая о наличии истинных «хозяев» – женщин-русалок, способных управлять жизнью и смертью, видеть то, что не под силу увидеть «улиткам» даже с помощью самых современных технологий. Таким образом, упоминание в начале романа этой повести предвосхищает дальнейшую ветвь повествования о мезоамериканском феминизме.

Еще одна отсылка к творчеству Стругацких возникает при описании третьей джаны, которую В. Пелевин сравнивает с «абсолютным наркотиком» из «Хищных вещей века» [7, с. 213].

Ведя свой дневник, Федор Семенович нередко отталкивается от произведений русской и зарубежной литературы. К русской словесности отсылками могут быть как аллюзии на известные произведения («*Выхода не было – я видел это так же отчетливо, как граф Толстой в своей „Исповеди“*» [7, с. 229], «*Под поезд на станции она не хотела точно, а ничего лучше национальная культурная память предложить не могла*» [7, с. 157] (мысль, возникшая у Татьяны вместе с желанием расстаться с жизнью), «*Вон у Толстого в «Войне и мире», помните? В двенадцатом году, когда Наполеон наступал, в светских салонах вводили штрафы за французскую речь*» [7, с. 325]), так и указания на самих писателей и моменты их биографии («*С такой точностью, кажется, не реконструировали даже пушкинскую дуэль*» [7, с. 75] о первой встрече Татьяны и Федора через много лет, «*Я про Александра Блока такое читал – что он на Васильевском острове бордель целиком снимал*» [7, с. 85], упоминание «памятных мест», где когда-то был Пушкин [7, с. 139], «*Над ней просто издевались – голос был отчетливо мужским. Настолько мужским, что даже напомнил ей Высоцкого на медленной скорости, услышанного однажды в детстве*» [7, с. 163], «набоковское содрогание Мнемозины» [7, с. 316], «*Ринат потом назвал именем «Миту» самую дорогую борзую суку на своей псарне. Почти чеховская „Мисюсь“*» [7, с. 339], памятник Гоголю [7, с. 357], «*В прошлый раз листва была редкой и желтой, и во всем сквозила какая-то элегическая усталость, словно бы пушкинская преддуэльная тоска…*» [7, с. 402]).

Цитата из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, о которой задумался Дамиан перед тем, как нечаянно нашел путь к седьмой джане («*что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!»* [7, с. 150]), в романе В. Пелевина является своеобразной аппроксимацией «Сутры сердца». Эта отсылка имеет несколько иную функцию – ассоциативную. Подобным приемом прозаик «популяризирует» религиозные и научные тексты, делая их более доступными для понимания. Помимо этого, кстати, в «Тайных видах на гору Фудзи» есть и другие интертекстуальные сближения с романом М. Булгакова: Жизелло – Азазелло как проводник героини в мир мистики и волшебства, ночные ритуалы и обряды посвящения, употребление особых, переносящих в другие измерения, напитков.

Из отсылок к зарубежной литературе можно выделить следующие отсылки со схожей функцией – сравнения, для изображения ситуации или явление (ассоциативное сближение образов). Так, вселенная Дж. Р. Р. Толкиена [7, с. 28], «реальная» магия, открывающаяся в джанах, сравнивается с магией вселенной Гарри Поттера [7, с. 137]; «*Я учу их, как мастер Йода учил подпольщиков-джедаев*» [7, с. 172]; «*Но ни один Моисей за всю историю так и не вывел свой народ из двух последних абзацев „Великого Гэтсби“»* [7, с. 225] (имеется в виду: не пересек «зеленого луга оргиастического будущего»); «*Какой-то Эсхил, „Персы“*» [7, с. 321]; «*Светит древняя магическая луна,*

колют глаза бриллиантовые россыпи звезд (вот где Али-Баба спрятал свои сокровища)» [7, с. 337]; «сезам откройся» [7, с. 364]). Аллюзия на «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпэри возникает дважды: в первый раз для описания ощущений Федора, вызванных изменениями в восприятии после вступления его на путь сукка-виппасаны [7, с. 220]; во второй – при окончательном возвращении на круги сансары: «*Маленькому принцу вернули наконец отжатый по беспределу астероид*» [7, с. 340].

Традиционно в романах Пелевина многие сравнения передаются через узнаваемые образы кинематографа, например: «*как говорили герои "Звездных войн", fully operational*» [7, с. 373], «*Эти фантастического вида излучатели с широкими раструбами-трезубцами – словно из "Стар трека" или "Звездных войн"*» [7, с. 311], «*Трамп и заговор джедаев*» [7, с. 332], при описании того, как игуаны набрасывают манги на мужчин, их крюки сравниваются с ксеноморфами из «Чужих» [7, с. 364].

Переосмыслению подвергаются и строки известных советских песен: «*Знаете песню – "много в поле тропинок, только правда одна…". О чем эти слова? Вот о чем: когда у вас есть средства, имеет смысл сосредоточиться на мудром выборе эксклюзивной тропинки… А правда в свое время найдет нас сама без всяких инвестиций*» [7, с. 21]; «*Если у вас нету тети, то вам ее не потерять. А если вы не живете, то вам и не, то вами и не, то вам и не умирать…*» [7, с. 228] – к мысли Федора о том, что если исчезнет «Я» (тот, кем ты себя считаешь), то умирать будет некому, – это и есть подлинное бессмертие (идиома, возникающая во всех текстах В. Пелевина). Большое внимание уделяется детской песенке из советского мультфильма «Крокодил Гена» про «волшебника в голубом вертолете». Автор переносит ее на реалии взрослой жизни, и таким образом вместо «волшебника» мы получаем олигарха, прилетевшего на арендованном самолете, который показывает в воображении женщины «кино» о красивом и обеспеченном будущем, но тут же улетает, оставив ее у разбитого корыта упущенной молодости. «*Россия – страна волшебников*» [7, с. 169] = «Россия – страна разбитых надежд».

Обыгрываются крылатые выражения: «*Чем дальше в лес, тем толще партизан*» [7, с. 134] («Чем дальше в лес, тем больше дров»), «*Ты не мечешь крюк перед свиньями*» [7, с. 390] («метать бисер перед свиньями»). В первом случае это часть особого школьного фольклора, взятая для передачи колорита советского детства героя, во втором – измененный под определенную речевую ситуацию фразеологизм: игуаны действительно не могут метать свой крюк перед недостойными целями из-за сильного побочного эффекта.

Отдельного рассмотрения требуют цитаты. Как и в других романах писателя, в «Тайных видах на гору Фудзи» есть прямые цитаты с их первозданным смыслом («*Было нечего надеть, стало некуда носить*» [7, с. 20] из стихотворения «Новогоднее платье» А. Вознесенского) и переосмысленные, например «Много ли человеку земли нужно» Толстого: «*Толстой, как я понял, издевался таким образом над бизнес-сообществом. <…> Я тогда подумал, что правильный вывод из сказки такой – бизнес надо верно планировать. Чтобы точно знать, сколько земли успеешь реально обежать за день*»

[7, с. 130–131] (трактовка, подходящая под образ успешного бизнесмена), а далее ее дальнейшее перенаправление и перефразирование: «*Много ли человеку блаженства нужно? Да хватит, пожалуй, и третьей джаны, Лев Николаевич*» [7, с. 133]; или «*Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые, его призвали всеблагие как собеседника на пир…*» [7, с. 195] Ф. И. Тютчева, здесь Федор рассуждает о том, что он вполне ведет жизнь, описанную в стихотворных строках: смотрит программы новостей о бедах человечества, а после обеда погружается в медитативные сферы небожителей вместе с саядо Аном. Снова переосмысление. Подобные смысловые каламбуры имеют лишь одну цель – доказать и показать читателю, насколько гибким бывает слово, причем не только под влиянием веяний эпохи, но и в устах отдельно взятого человека.

В тексте нередко приводятся и косвенные цитаты, например: «*Наслаждение было тонкой формой боли*» [7, с. 135] – отсылка к творчеству Юкио Мисимы, «*Это значит, что прекрасных мгновений нет. Хотя бы по той причине, что ни одно из них не остановится, как ни проси. Любое мгновение предаст, и мы – это просто череда обреченных мгновений*» [7, с. 223] – к «прекрасному мгновенью» Фауста). Они несут эстетическую функцию, эффект которой усиливается, когда «получатель» улавливает заложенный в подобных фразах информационный код.

Таким образом, роман «Тайные виды на гору Фудзи», как и предыдущие романы В. Пелевина, изобилует «пасхалками», аллюзиями, цитатами, перекличками с ранее написанными произведениями, с произведениями других писателей – русских и зарубежных, а также является своего рода популярным «путеводителем» в мир буддистских верований и эзотерики.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб. : СПбГУ, 1999. – 444 с.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – 615 с.
3. Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. – М. : РГГУ, 2005. – 652 с.
4. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М. : РОССПЭН, 2004. – 652 с.
5. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах поэтического языка. – М. : Ком-Книга, 2007. – 268 с.
6. Пелевин В. О. Бэтман Аполло. – М. : Изд-во «Э», 2017. – 544 с.
7. Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи. – М. : Эксмо, 2019. – 416 с.
8. Пелевин В. О. Empire „V“. – М. : Изд-во «Э», 2017. – 416 с.
9. Петрова Н. В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англо-американского короткого рассказа. – Иркутск : ИГЛУ, 2004. – 395 с.
10. Прохорова Л. П. Интертекстуальность в жанре литературной сказки (на материале английских литературных сказок) : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Иркутск, 2003. – 22 с.
11. Солодуб Ю. П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 51–57.

12. Филиппова С. Г. Интертекстуальность как средство объективизации картины мира автора : дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2007. – 180 с.

© Марьюшкина А. П., 2022.

УДК 821.161.1

АБСУРДИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ Д. ХАРМСА В ТВОРЧЕСТВЕ Д. ЛИПСКЕРОВА («СОРОК ЛЕТ ЧАНЧЖОЭ»)

Г. А. Махрова,
учитель
mahrova.ampleewa@yandex.ru
ОСП «Такушевская СОШ»
с. Такушево, Теньгушевский р-н, Республика Мордовия
О. Ю. Осьмухина,
д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой
osmukhina@inbox.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь прозы Д. Липскерова с творчеством Д. Хармса. Установлено, что, синтезируя в романе «Сорок лет Чанчжоэ» абсурдистские (прием деконфигурации образов, резкая смена действий, трюковость, элементы буффонады и т. д.) и постмодернистские (цитатность, интертекстуальность, пародийность) приемы, Д. Липскеров создает текст, сочетающий элементы поэтики реализма и постмодернизма, фантасмагорию с философской проблематикой.

Ключевые слова: Д. Липскеров, Д. Хармс, роман, интертекстуальность, абсурдизм, поэтика ОБЭРИУ, пародия.

THE ABSURDIST TRADITION OF D. KHARMS IN THE WORKS OF D. LIPSKEROV ("FORTY YEARS OF CHANJOHE")

G. A. Makhrova
Takushevo Secondary School, Takushevo village
Tengushevsky district, Republic of Mordovia
O. Yu. Osmukhina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines the relationship between the prose of D. Lipskerov and the work of D. Kharms. It is established that Lipskerov synthesizes the absurdist (the method of deconstruction of images, abrupt change of actions, gimmickry, elements of buffoonery, etc.) and post-modernist (quotation, in-

tertextuality, parody) devices in the novel "Forty Years of Changjohe". He creates a text that combines elements of realism and post-modernism, phantasmagoria with philosophical themes.

Keywords: D. Lipskerov, D. Kharms, novel, intertextuality, absurdism, poetics of OBERIU, parody.

Общеизвестно, что читательскую известность Д. Липскеров приобрел прежде всего как прозаик – автор романа «Сорок лет Чанчжоэ», а затем – нескольких сборников рассказов. Опираясь на справедливое мнение О. В. Вдовиченко, впервые указавшей, что «на романное творчество писателя («Сорок лет Чанчжоэ», «Пространство Готлиба», «Последний сон разума», «Родичи») оказали очевидное влияние эстетика французского сюрреализма, и прежде всего – творческие эксперименты ОБЭРИУтов и приемы «абсурдистского» театра Д. Хармса» [2, с. 121], мы полагаем небезынтересным выявить и рассмотреть в прозе Д. Липскерова приемы, унаследованные им от театра абсурда Д. Хармса.

Возвращенный в «большую» литературу и, как следствие, в историю литературы, Д. И. Хармс сегодня привлекает к себе все больше внимания, о чем свидетельствует значительное число публикаций. «Следует рассматривать творчество Хармса не как неудавшуюся попытку выразить невыразимое, что входило в замысел модернизма, но как успешную попытку выразить ограниченность и невозможность этого предприятия. Хармс, таким образом, относится к той обширной категории писателей, которые, для того чтобы ответить на великие экзистенциальные вопросы, задавались целью узнать, что сказано, и которые в своей поэтической практике отважились с тоской ответить: ничего», – так крупнейший исследователь творчества Д. Хармса Ж.-Ф. Жаккар завершает монографию о нем [3, с. 468].

Упрощенно эту популярную схему, в рамках которой говорят о поэтике ОБЭРИУ как о последнем этапе эволюции поэтики авангарда, можно изобразить так: осознание того, что статичный язык и обусловленное им мышление не отражают истинную, постоянно меняющуюся, «текучую» реальность, а наоборот, отделяют нас от нее, дает толчок многочисленным попыткам авангардистов создать новый поэтический язык, действующий «в обход» механизмов обыденного мышления, и, соответственно, и самим выйти на иные, новые уровни сознания («…расширить до бесконечности границы своего мира, найдя некое абсолютное Слово» [3, с. 460], – как подчеркивает Ж.-Ф. Жаккар). Эти попытки терпят крах, и, соответственно, в творчестве ОБЭРИУтов «поэтика текучести» сменяется «поэтикой разрыва», главным принципом которой становится абсурд – абсурд сознания нереальности, неистинности создаваемого нашим мышлением мира и в то же время невозможности помыслить его каким-то другим способом.

Система связей, созданная языковым мышлением, уже не воспринимается как истинная, но создать какую-то другую человек не в силах, – соответственно, предметом изображения становится бессвязность, нереальность нашего способа существования. «Европейская культура в это время начинает

особенно много заниматься своеобразным и до поры до времени новым «мыслеощущением». Оно есть у Джойса и Беккета, у Антонена Арто, Кафки, Музиля. И есть у Хармса. Приблизительно его можно передать словами: «человек на все способен». Он неготовый, он (по Сартру) «существо без сущности», то есть какой угодно во всех отношениях. Вот приходит домой, а там какая-то неизвестная, непонятная для чего зашедшая к нему старуха, мертвая, и он ее – сапогом по зубам. И прочее. И покойники, то есть «беспокойники», на все способы. Тоже вытворяют штуки, не хуже живых. Мертвоживые злодобрые существа в странном мире ведут себя как угодно. Речь идет о новом состоянии мира – всякого мира» [7, с. 74–75]. Абсурдистское видение мира складывается из трех элементов: мир безграничен, мир един, мир хаотичен. Только в таком случае – как понимал и Ницше – мир обратим и относителен, и все домыслы человека о добре и зле – не более чем недоразумение.

В созданной Хармсом модели мира не существует ничего окончательного. Все может стать иным, не таким, каким оно в данный момент является. Живое/мертвое, доброе/злое, страшное/приятное и др. – это крайне зыбкие обозначения, а на самом деле границ и противоположностей, которые этими обозначениями фиксируются, вовсе не существует. Поэтому в его произведениях используется «сюжет-маятник». Хармс умело пускает в ход «циркулярные» сюжеты, в которых действие ходит по кругу: «…то, что происходит в жизни и искусстве, наверняка какая-то кажимость, что-то преходящее, а в вечности, когда окажемся, то все поймем» [7, с. 74].

Влияние приемов поэтики Д. Хармса отчетливо прослеживается в романном творчестве Д. Липскерова. В частности, абсурдистские приемы Д. Хармса, функционирующие в его «малой» прозе, со всей очевидностью заимствуются Липскеровым в его первом романе «Сорок лет Чанчжоэ». «Равно как и Хармс в «Голубой тетради № 10» сумел выразить «ощущение ужаса перед неизбывностью неорганического, аморфного, бессознательного бытия, которое пронизывает двести тринадцать страниц беккетовского „Безымянного“» [5, с. 234], так и Липскеров продемонстрировал в своем первом романе абсурдность мира и существования человека в нем.

Как уже было отмечено, одной из особенностей *«абсурдного произведения»* является перевернутость, алогичность мира, его полная неадекватность по меркам *нормального* человека. В связи с этим мир и люди, его населяющие, предстают для героев произведения отчасти враждебными, пытающимися либо изменить или сломать его принципы, его миропорядок и жизненные устои, либо запутать, *свести с ума*. В прозе Хармса подобное нарушение, перевертывание встречается почти в каждом произведении. Героям его произведений постоянно приходится приспосабливаться к меняющемуся вокруг них миру, искать новые пути решения своих проблем.

К примеру, в рассказе Д. Хармса «Во-первых и во-вторых» обычные и не совсем обычные персонажи находятся в состоянии постоянного пути, невероятных встреч и обретений. Герои идут сами не зная куда, с каждым «во-вторых и в-третьих» увеличивая свою численность. На их пути встречаются разные предметы, люди, явления, они попадают в различные, меша-

ющие им передвигаться ситуации: то самый маленький человек на земле слишком медленно идет, то самый большой человек на земле слишком быстро идет, то осел в лодку не умещается, то лодка торчит из крыши машины, то ноги большого человека мешают рулить и многие другие, не менее абсурдные случаи подстерегают героев рассказа. В этом одновременно выражается и отчужденность людей от мира, их неприспособленность к его правилам, то есть непохожесть на остальной мир и, с другой стороны, их умение приспосабливаться, они не готовы, но «способны на все»: «Мы совсем растерялись, не знали, что и делать, да маленький человек совет подал: «„Пусть, – говорит, – длинный человек в автомобиль сядет, а осла к себе на колени положит, а лодку руками над головой поднимет“» [6, с. 259]. Следует заметить, что данное произведение отчасти напоминает детскую сказку «Теремок». Но если в сказке герои с потерей дома теряют и смысл своей дружбы, то у Хармса герои мужественно преодолевают все препятствия и трудности, встречающиеся на их пути, правда, непонятно, зачем им все это нужно, ведь смысла в их путешествии изначально не было и нет, а концовка данного рассказа такова: «Выехали мы из города и поехали, а куда приехали и что с нами там приключилось, об этом мы вам в следующий раз расскажем» [6, с. 261]. Другими словами, весь смысл рассказа сводится к тому, *что* будет рассказано потом, а когда именно и будет ли рассказано вообще, не ясно.

Еще одна особенность хармсовского перевернутого мира – предопределенность событий и вещей в нем. Другими словами, в таком мире почти все уже есть и трудно создать нечто новое, изобрести свое, уникальное. Так, герой «Сказки» Ваня (имя, кстати, весьма симптоматично – оно со всей очевидностью отсылает к фольклорному образу Иванушки-дурачка) никак не может написать свою собственную сказку, так как, по утверждению его подруги Леночки (Елена Премудрая), все сюжеты, предлагаемые Ваней, уже расписаны и существуют в других сказках: «…Ваня взял карандаш и написал: «Жил-был король…» – Такая сказка уже есть, – сказала Леночка <…> Ваня взял карандаш и написал: «Жил-был разбойник…» – Подожди! – крикнула Леночка. – Такая сказка уже есть! <…> Ваня написал: «Жил-был кузнец…» – Такая сказка тоже есть! – закричала Леночка» [6, с. 275–276]. Примечательно то, что и про самого Ваню сказка тоже есть, и он может даже прочитать ее в седьмом номере журнала «Чиж», что говорит о полной предопределенности и неизменности существующего бытия и миропорядка, человек лишь его небольшая частичка, неспособная что-либо изменить: «Ваня купил «Чижа» № 7 и прочитал вот эту самую сказку, которую только что прочитал ты» [6, с. 278]. Можно привести еще достаточное количество примеров, подтверждающих, что мир в прозе Хармса – это нечто нелогичное, неупорядоченное, хаотичное, но в то же время предопределенное, и изменить эту предопределенность человеку достаточно трудно.

Следует отметить также и невероятные «переходы» героев из одного состояния в другое, то есть *смерть*. Смерть может случиться по совершенно абсурдным обстоятельствам или причинам. Так, у Хармса одни герои умирают, объевшись толченым горохом, а другие уходят из жизни, узнав об

этом, и т. д. (рассказ «Случаи»). При этом истинное или, точнее, обыденное значение смерти нивелируется, границы между состояниями размываются, абсурдными в перевернутом мире становятся чувства людей, например чувства жалости и сострадания. Так, никто особо не сожалеет о чьей-либо смерти, смерть – это часть бытия, поэтому она неизбежна, а следовательно, и переживать особо не стоит. После череды нескольких смертей и несчастных случаев, произошедших с героями, автор лишь досадно и даже с недовольством замечает: «Хорошие люди и не умеют поставить себя на твердую ногу» [6, с. 354]. То есть люди сами виноваты, что не могут «удержать себя в руках», если можно так сказать в отношении удержания себя от смерти.

Подобное присуще и романам Д. Липскерова 1990–2000-х гг., в частности его первому роману «Сорок лет Чанчжоэ». Абсурдная реальность начинает выстраиваться едва ли ни с первых строк книги, а точнее с его заглавия. Автор называет город Чанчжоэ «старинным русским» городом. Однако название этого «*русского*» города говорит, по меньшей мере, о топографической близости Китая. Кстати, в названии города Чанчжоэ, по мнению Н. Г. Бабенко, прослеживается очевидная тенденция русской прозы рубежа XX–XXI вв. к созданию «топонимов-фиктинонимов» [1, с. 34], о чем свидетельствуют вполне соотносимые с Чанчжоэ вымышленные онимы Онлирия (Ю. Ким «Онлирия», «Остров Ионы»), Нефтеперегоньевск (В. Пелевин «Священная книга оборотня») и др. Отечественные прозаики порубежной эпохи создают вымышленные топонимы как средства «конструирования географического сегмента художественного пространства» [1, с. 36] с целью создания эффекта полуреальности происходящего.

Далее, назвав город *«старинным»,* автор отводит на его существование всего лишь сорок лет, что для «нормального» города срок крайне небольшой. Как и у Хармса, у Липскерова герои постоянно сталкиваются со всевозможными «невероятными случайностями». Более того, удивительные вещи происходят с самыми обычными людьми в их повседневности. Так, например, у Хармса муха может совершенно беспрепятственно пролететь сквозь голову человека, изменив при этом и самого человека, и всю его последующую жизнь: «Одна муха ударила в лоб бегущего мимо господина, прошла сквозь его голову и вышла из затылка. Господин, по фамилии Дернятин, был весьма удивлен: ему показалось, что в его мозгах что-то просвистело, а на затылке лопнула кожица, и стало щекотно. Дернятин остановился и подумал: «Что бы это такое значило? <…> Но больше об этом я думать не буду, а буду продолжать свой бег». С этими словами господин Дернятин побежал дальше, но как он ни бежал, **того уж всё-таки не получалось** [выделено нами. – *О. О., Г. М.*]» [6, с. 293]. Вполне сопоставим у Липскерова эпизод появления в городе Чанчжоэ кур. Ничего не подозревавший капитан Ренатов совершенно спокойно сидел во дворе своего дома, пил липовый чай и созерцал картины русского осеннего пейзажа, как *вдруг* на горизонте, откуда ни возьмись, появилось полчище кур, которое не просто повлекло за собой смерть Ренатова, но и весь город Чанчжоэ превратило в нечто невообразимое: «Было уже слишком темно, чтобы он мог легко разглядеть явление, но Семен Ильич,

вдавив окуляры в глаза, с необъяснимым ужасом понимал, что происходит нечто сверхъестественное, недоступное его пониманию, о чем никто не слыхивал и не видывал сроду… Неожиданно в небесах вспыхнуло молнией, что-то в природе надломилось, и взору Семена Ильича предстало зрелище поистине необычайное, способное и в душу просвещенного внести смуту. По «климовскому» полю, по всему его поперечнику, на сколько хватало взора, усиленного биноклем, в полнейшей тишине мчались куры <…> Капитан Ренатов погиб через четверть часа после того, как уразумел, что происходит. Он рассчитывал, что куры не смогут перемахнуть через реку, но, к его удивлению, тысячи птиц, захлебываясь в бурлящей воде, послужили живой дамбой для напирающих сзади миллионов» [4, с. 4]. Примечательно, однако, что к смерти Ренатова, равно как и к нашествию кур, жители города, включая самого Ренатова, отнеслись предельно спокойно, последней мыслью капитана перед смертью было: «Господи, подумал перед смертью Семен Ильич. Ведь среди них нет петухов. Ни одного!.. Одни куры!..» [4, с. 4]. Очевидно, в романе Д. Липскерова, равно как и в прозе Д. Хармса, смерть – явление вполне обыденное, и отношение персонажей к ней достаточно небрежное.

Кроме приема перевертывания мира и нивелирования границ жизни и смерти для создания абсурдной реальности оба автора используют игру со временем. Время представляется как нечто живое, или, по крайней мере, осязаемое, видимое: то, что можно перестроить, переделать, доделать или вернуть, нагнать. Так, у Хармса герой Дернятин после ряда произошедших с ним неприятностей «встал, почистил свой костюм, послюнил пальцы и пошел по голубой дорожке нагонять время. Время на девять минут убежало вперед, и Дернятин шел, нагоняя минуты» [6, с. 294–295]. Игра Липскерова со временем сводится к его сжатию и растягиванию – сорок лет существования города вмещают столько событий, сколько хватило бы не менее чем на несколько тысячелетий, – а также к его переделыванию и «доделыванию»: если персонажи что-то сделали не так или захотели чуть-чуть подправить некоторые моменты, время может вернуться в исходную точку (благодаря потере памяти и т.п.) и герой с легкостью изменит весь мир, если, конечно, захочет; кроме того, он может стать совершенно другим человеком. Это происходит, например, с Генрихом Шаллером, превратившимся из отставного полковника в отца-пустынника Лазорихия и перенесшимся на сорок лет назад в момент основания города: «„Ах да! – вспомнил Шаллер. – Меня зовут Мохамедом Абали. Я – отец-пустынник, отшельник“. Мохамед Абали успокоился оттого, что все встало на свои места, вновь забрался в землянку и вылез оттуда уже с кружкой. Сыпанул в нее горсть песка и поставил на камень, ожидая чудесного появления воды» [4, с. 146]. Таким образом, время, как и весь мир, в котором существуют персонажи романного пространства у Липскерова, ненормально, абсурдно в своей основе, способно менять свой ход, растягиваться, сокращаться и даже может давать герою возможность догнать себя и перестроить. Обретение истинной реальности бытия невозможно в нормальном времени, но возможно в отдельном, автономном времени, в котором распадаются любые временные связи.

Важную роль в абсурдизации реальности играют метаморфозы, а также превращения / искажения / переустройство отдельных частей тела людей в совершенно немыслимые вещи. Так, у Д. Хармса живот превращается в зеркало: «Когда показался голый женин живот, профессор потер его ладонью и посмотрел в него, как в зеркало» [6, с. 304]. У героев Липскерова к финалу романа начинают расти куриные перья, проявляются зооморфные признаки. Подобные метаморфозы не воспринимаются чем-то невероятным ни у одного, ни у другого прозаика, поскольку и Хармс, и Липскеров изображают мир абсурдный, фантасмагорический, в котором понятия нормы/абсурда взаимозаменяемы. Заметим, что у Липскерова наряду с изменением внешних форм героев происходит и смена имен, что приводит не просто к изменению «фасада» человека, но и к метаморфозам «внутренним» – переменам его личностных ценностей, самосознания, самопонимания и всей жизни в целом. Так, большинство персонажей романа «Сорок лет Чанчжоэ» после первой потери памяти получают новые имена и иную судьбу, обретая возможность выстраивать свою жизнь «с чистого листа».

Таким образом, раннее творчество Д. Липскерова ориентировано на традицию литературы абсурда в целом и художественные опыты Д. Хармса в частности. Синтезируя в романе «Сорок лет Чанчжоэ» абсурдистские (прием деконфигурации образов, резкая смена действий, трюковость, элементы буффонады и т. д.) и постмодернистские приемы (цитатность, интертекстуальность, пародийность), Д. Липскеров создает текст, сочетающий элементы поэтики реализма и постмодернизма, фантасмагорию с философской проблематикой.

Библиографический список

1. Бабенко Н. Г. Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лингвопоэтической нормы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2008. – 45 с.

2. Вдовиченко О. В. Культурфилософский контекст абсурда в художественном сознании России рубежа XX–XXI вв. (на материале творчества В. Пелевина, Д. Липскерова) : дис. … канд. культурологии. – Саранск, 2009. – 170 с.

3. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. – СПб. : Гуманит. агентство : Академ. проект, 1995. – 470 с.

4. Липскеров Д. М. Сорок лет Чанчжоэ. – М. : Вагриус, 1997. – 384 с.

5. Токарев Д. В. Курс на худшее. Абсурд как категория текста у Д. Хармса и С. Беккета. – М. : НЛО, 2002. – 336 с.

6. Хармс Д. И. Полет в небеса: сборник. – М. : Сов. писатель, 1991. – 336 с.

7. Якимович А. К. Магическая вселенная. Очерки по искусству, философии и литературе XX века. – М. : Галарт, 1995. – 168 с.

© Махрова Г. А., Осьмухина О. Ю., 2022.

УДК 821.161.1

ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В РУССКОЙ ПРОЗЕ XIX–XX ВЕКОВ

О. Ю. Осьмухина,
д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой
osmukhina@inbox.ru
Н. В. Чекашева,
студентка
kafrusizarlit@gmail.com
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье выявляется традиция становления и развития детской темы на материале отечественной прозы XIX–XX веков. Анализируются наиболее важные с точки зрения детской проблематики произведения русских писателей. Раскрываются сущность, особенности проявления феномена детства и его различные интерпретации.

Ключевые слова: русская проза, феномен детства, тема детства, тема семьи, мотив сиротства.

THE PHENOMENON OF CHILDHOOD IN RUSSIAN PROSE OF THE XIX–XX CENTURIES

O. Y. Osmukhina, N. V. Chekasheva
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article reveals the tradition of the formation and development of the children's theme in literature based on the material of Russian prose of the 19th-20th centuries. The important works of Russian writers from the point of view of children's problems are analyzed. The essence, features of the manifestation of the phenomenon of childhood and its various interpretations are revealed.

Keywords: Russian prose, the phenomenon of childhood, the theme of childhood, the theme of family, the motif of parentlessness.

Общеизвестно, что устойчивый интерес к проблеме детства, осмыслению особенностей детского сознания, созданию целого комплекса представлений о закономерностях становления личности в системе социума возникает на стыке целого свода гуманитарных наук – от антропологии и философии, культурологии до психологии и литературоведения. Феномен детства становится одним из важнейших в творчестве русских писателей начиная с XIX столетия – деятели эпохи романтизма впервые раскрыли психологию детской души и придали категории детства в общественном сознании статус

общечеловеческой ценности. Как справедливо отмечает Г. Д. Гачев, положение образа ребенка в отечественной словесности «двойственное»: «Ребенок занимает место в ее (*русской литературы*) поле как чистое нравственное сознание, как мысль особой чистоты и прозрачности <…>. Другой аспект попадает в русскую литературу – это детская жертва и нравственные проблемы для взрослых, встающие в связи с ней» [3, с. 100].

С середины XIX века тема детства постоянно присутствует в творческом сознании русских писателей. К детству как главному периоду, формирующему личность, обращаются А. Погорельский в «Черной курице…», В. Одоевский в «Пестрых сказках», И. Гончаров в «Обломове», М. Салтыков-Щедрин в «Господах Головлёвых», причем детство традиционно представляется как пора невинности и чистоты. Наиболее полное выражение эта тема приобретает в творчестве Л. Н. Толстого – в его знаменитой трилогии, а также в «Детских годах Багрова-внука» С. Т. Аксакова, где детство неразрывно связано с темой семьи.

Семья всегда являлась в русской литературе средоточием высших нравственных ценностей, основой морали, заложенной в ребенке. Неразрывная внутренняя связь ребенка и родителей, осложненная мотивом взаимосвязи ребенка и природы, становятся доминантными в построении образа главного героя и разработке детской темы в романе «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, где внутренний мир маленького героя обогащается социально-психологическим содержанием, в него входят ситуации и столкновения, в преодолении которых и протекает становление человека, подготавливающее его к равноправному участию в жизни [10]. Примечательно, что повествование в «Детских годах Багрова-внука» прекращается накануне важнейшего события в жизни Сережи – поступления в гимназию, когда детство героя закончилось и границы камерного детского мира раздвинулись.

В творчестве Л. Н. Толстого намечаются два основных направления развития детской темы. Во-первых, произведения о детях, его трилогия «Детство. Отрочество. Юность» [2]. Подчеркнем, что трилогия явилась принципиальной для развития детской темы в русской литературе и оказала влияние на формирование темы детства в творчестве В. Г. Короленко, Д. В. Григоровича, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. П. Чехова, А. И. Куприна. Во-вторых, создание писателем развернутого цикла произведений для детей, к которым относятся «Азбука», «Новая азбука», «Книги для чтения». Л. Н. Толстому первому принадлежит попытка выработки универсального языка детских произведений – лаконичного, выразительного, и особого стилистического устройства детской прозы, учитывающего тип и темпы психологического развития ребенка. В трилогии же «Детство. Отрочество. Юность» повествование ведется от лица главного героя., однако рядом с детским и юношеским образом Николеньки Иртеньева дан четко очерченный образ авторского «я», образ взрослого, умудренного опытом «умного и чувствительного» человека, взволнованного воспоминанием о прошлом, заново его переживающего и критически оценивающего.

Следующей «вехой» в осмыслении отечественными прозаиками детской темы становится «Детство» А. М. Горького, созданное во многом под влиянием толстовской трилогии, – это не только исповедь писателя, но и первые впечатления о нелегкой жизни, воспоминания о тех, кто находится рядом в период формирования его характера. Детство, изображенное А. М. Горьким, далеко не безоблачный период. Это не только история души ребенка, но и широкая картина русской жизни, осмысленная в социальном плане. Главный герой Алеша Пешков всматривается в эту жизнь, в окружающих людей, пытается понять истоки зла и враждебности, тянется к светлому, отстаивает свои убеждения и нравственные принципы. Повествование ведется здесь не по хронологическим вехам: яркие картины и образы детства возникают как результат наиболее сильных впечатлений, оставшихся в сознании ребенка при столкновении с действительностью: мрачное и трагическое дано в противопоставлении со светлым и радостным, что производит наиболее сильное впечатление на душу ребенка. Равно как и у Л. Н. Толстого, все изображенное в повести представлено одновременно и глазами ребенка, главного героя, находящегося в гуще событий, и глазами умудренного жизненным опытом рассказчика, который и сохраняет непосредственность детского мировосприятия, и дает глубокий социально-психологический анализ происходящего. При этом ключевым остается изображение крепнущего сознания ребенка, процесс его человеческого самоутверждения в противоборстве с окружающей средой.

В начале XX столетия тема детства воплощается не только в сочинениях женщин-писательниц, отличающихся позднеромантическими тенденциями, например Л. А. Чарской («Записки гимназистки», «Записки сиротки», «Приютки»), но и в сатирической прозе А. Т. Аверченко, М. М. Зощенко, Тэффи. Так, Тэффи включала рассказы о детях во многие свои книги на протяжении всего творческого пути и подметила множество особенностей, свойственных детям: эмоциональность, хвастовство возрастом и в то же время уважение друг к другу. В ее прозе отсутствуют искусственно смоделированные типы «благовоспитанных» детей или нравоучительные истории о «хороших детях». Тэффи свободно и естественно говорит на языке ребенка, передает детские переживания, фантазии, детскую наивность, простодушную веру в чудеса, трогательную попытку «приподняться на цыпочки», стать вровень со взрослыми, их миром. «Маленькие герои писательницы всегда оставляют в своей жизни место Великой тайне, и они никогда не устают удивляться и радоваться» [12, с. 218–222].

«Детская» тематика и проблематика воплощается отчасти и в прозе М. А. Шолохова, где, равно как и у его предшественников, ребенок, при всей своей хрупкости, наделяется силой, способной вернуть закаменевшую, отчаявшуюся человеческую душу к свету, жизни, спасти от падения («Шибалково семя»). Тема детства, образ ребенка становится одной из ключевых и в литературе русского зарубежья «первой волны», где само детство мыслится «потерянным раем», а образы детства непосредственно передаются сквозь призму воспоминаний главных героев (к примеру, пути Шишкова у Набокова или

Вани у Шмелева) [5; 8]. Таким образом, очевидно, что в отечественной словесности формируется вполне устойчивая традиция «взрослой» литературы о детях и детской душе (от С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого до Тэффи, А. Белого, В. В. Набокова, И. А. Бунина и др.), причем детский мир, нередко автономный от взрослого мира, стереоскопически высвечивает взрослый мир в «правильном» свете.

Продолжает развитие темы детства в отечественной литературе Б. Л. Пастернак в повести «Детство Люверс», где главная героиня Женя и ее брат Сережа находятся в напряженных отношениях с родителями: «Все, что шло от родителей к детям, приходило невпопад, со стороны, вызванное не ими, но какими-то посторонними причинами, и отдавало далекостью, как это всегда бывает, и загадкой…» [9, с. 119]. Со временем Женя и вовсе стала себя чувствовать даже спокойнее в одиночестве: «Матери не было в тот день. Женя об этом не жалела. Ей казалось даже, что она ее отсутствию рада». Общение с матерью девочке заменял книжный мир, в который она погружалась с головой: «Женя воротилась к себе и взялась за «Сказки». Она прочла повесть и принялась за другую, затая дыхание. Она увлеклась и не слыхала, как за стеной укладывался брат» [9, с. 123]. Процесс взросления, превращения Жени из девочки в женщину проходил эмоционально тяжело: «Женя стояла у окна и плакала... Внезапная мысль осенила ее. Она вдруг почувствовала, что страшно похожа на маму ... Чувство это было пронизывающее, острое до стона» [9, с. 144]. Изображая «детское» и «женское» в своей героине, как справедливо отмечает Т. Антудова, Пастернак продолжает традицию М. Ю. Лермонтова. «Детство Люверс» перекликается с поэмой Лермонтова «Сказка для детей». Сам выбор «взрослеющей девочки в качестве главного действующего лица с развитым внутренним миром отсылает именно к поэме М. Ю. Лермонтова как к единственному прецеденту» [1, с. 9] и к ее героине Нине, которая «рождена для мук и счастья» [1, с. 9].

Справедливости ради отметим, что в 1920–30-х годах в русской словесности развивается и проза о беспризорниках, в которой, по сравнению с осмыслением детства в классической русской словесности, мыслившей его как лучший, светлый период в жизни личности, мир ребенка изображается как жестокая школа жизни, где утрачены ключевые первоосновы (дом, семья), сопрягается с проблемой сиротства и сложным комплексом нравственной проблематики. Примечательны в этом контексте «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко, где на примере детской исправительной колонии показан процесс перевоспитания детей-беспризорников, роман «Странники» В. Я. Шишкова, перекликающийся с «Республикой ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева, в котором также развивается тема беспризорничества. Причем произведение можно отнести к роману воспитания, поскольку главные герои в конце концов становятся примерными советскими гражданами, обретшими настоящую семью. За всеми персонажами (Филька, Амелька, инженер Вошкин) стоит тяжелая сломанная детская судьба. С каждым из них произошла трагедия, связанная с потерей родителей. Брошенные дети психологически ломаются под гнетом жестокой реальности: они устраивают массовые побо-

ища, пристращаются к алкоголю, наркотикам. Несмотря на открытое и беспристрастное изображение всего того, что происходит с уличными подростками, автор не показывает их как людей окончательно погрязших в пороках, падших, пропащих для общества. В душе героев есть и доброта, и чистосердечие, и любовь к ближнему. Дети улиц – это такие же наивные, беззащитные дети, но по воле судьбы постигшие самые грязные и тяжелые стороны жизни.

Тема детства занимает важное место в творчестве А. П. Платонова («Котлован», «Чевенгур», «Счастливая Москва»), который в ее интерпретации, с одной стороны, сближается с произведениями М. А. Шолохова, Б. Л. Пастернака, изображая детей, лишенных всего в пореволюционную эпоху, тем самым акцентируя внимание на одном из важнейших аспектов темы детства – сиротстве [4]. С другой стороны, вслед за Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым и др. в концепт «детство», «дети» А. П. Платонов вкладывает особый смысл: «дети – спасители человечества»; в детстве «образуется» ум и сердце ребенка; дети – проблема общечеловеческая, от решения которой зависит судьба культуры, цивилизации; в любви ребенка к матери и отцу «заложено» его будущее чувство «общественного человека». В прозе А. П. Платонова тема детства репрезентуется посредством образов детей-сирот, мотивов одиночества, страдания и смерти. Во всех произведениях А. П. Платонова детская беда, смерть ребенка всегда является маркером неправильного мироустройства, ложности, исчерпанности тех основ, на которых строится социум. Смерть детей, подчеркивающая ужас происходящего, маркирует в платоновском мире очевидное нарушение исконных связей между людьми, прежде всего связей родовых, семейственных. По А. П. Платонову, следующему гуманистическим традициям русской классической литературы, счастливая будущность, построение «нового» мира невозможно ценой детского горя и детских смертей.

Совершенно иначе тема детства раскрывается в повести А. П. Гайдара «Тимур и его команда», где писатель изображает образцовую группу сверстников, активно проявляющих себя в пространстве взрослого мира. Писатель «создает миф об идеальной и опирающейся на романтические социальные установки любой детской субкультуры, включающей в свою модель справедливого лидера, идею дружбы, а также полуигровой характер деятельности» [11, с. 12]. Примерная команда подростков занимается благотворительностью: тимуровцы бескорыстно помогают тем, кто в этом нуждается (колют дрова, приносят воду, оберегают территорию). Вся идеология группы детей строится на понятиях благородства, честности, ответственности, милосердия.

Идеальная модель мира создается и в цикле рассказов «Сладкий остров» А. Яшина, в которых «реальность и сказочность увиденного сливаются воедино как в детском, так и во взрослом восприятии мира. Сказка создается воображением человека, способного увидеть ее в обыденной жизни» [6, с. 110]. Детство соотносится здесь с метафорой «возвращенного рая, где время и пространство жизни превращаются в добрую сказку», гармонично сосуществуют детскость взрослых и самостоятельность детей [6, с. 111].

Современные отечественные прозаики, крайне редко избирающие ребенка (подростка) сюжетно значимым образом, тем не менее нередко обращаются к «детской» теме, следуя, как справедливо отмечают О. Ю. Осьмухина и А. В. Казачкова, в ее разработке «классической традиции (Л. Е. Улицкая), а также предлагая весьма своеобразные ее интерпретации: от символического изображения детства и младенчества как «утраченного рая» (Т. Н. Толстая), соотнесенности его с темой тотального сиротства и одиночества (П. В. Санаев, Д. М. Липскеров) до детской жертвенности и слияния с вечностью (В. Г. Сорокин)» [7, с. 55].

Таким образом, детство становится одной из важнейших тем в творчестве русских писателей: начиная с XIX столетия русские прозаики раскрывали психологию детской души и придавали категории детства в общественном сознании статус общечеловеческой ценности. В отечественной словесности формируется вполне устойчивая традиция «взрослой» литературы о детях и детской душе (от С. Т. Аксакова, Л. Н. Толстого, Тэффи, А. Белого, М. Горького, В. В. Набокова, И. А. Бунина, И. С. Шмелева до П. Санаева, В. Пелевина, Р. Янышева, Е. Мурашовой, М. Петросян), причем в прозе современной детский мир, нередко автономный от мира взрослого, стереоскопически высвечивает его, ставя подчас «неудобные» вопросы об атрофии способности любить и сострадать, очевидном упрощении понимания человечности.

Библиографический список

1. Антудова Т. А. «Детство Люверс» и «Сказка для детей»: мотивы женственности и детства в творчестве Пастернака и Лермонтова // Голоса молодых ученых. – М. : МПГУ, 2011. – Вып. 23. – С. 4–11.
2. Бирюков П. В. Родители и дети в произведениях Л. Н. Толстого. – М. : МГУ, 1988. – 165 с.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира / [предисл. Е. Сидорова]. – М. : Сов. писатель, 1988. – 445 с.
4. Грязнова А. Ю. Категории сиротства и родства в художественном мире Андрея Платонова : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2013. – 21 с.
5. Кондаков В. Н. Мифологема «Потерянный рай» в художественной структуре повести И. С. Шмелева «Лето Господне». – Калининград : Терра, 1994. – 315 с.
6. Неверович Г. А. «Сладкий остров» как метафора детства (Цикл рассказов Александра Яшина) // Северный текст русской литературы. – Архангельск : Изд-во Поморского гос. ун-та, 2013. – Вып. 3. – С. 108–114.
7. Осьмухина О. Ю. Специфика воплощения «детской» темы в современной отечественной прозе: многообразие рефлективных практик / О. Ю. Осьмухина, А. В. Казачкова // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. Сер.: Филология. – 2012. – № 4, т. 1. – С. 47–55.
8. Осьмухина О. Ю. Специфика воплощения образов детства в литературе Русского Зарубежья «первой волны» (на материале прозы В. В. Набокова) // Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Самара : СНЦ РАН, 2011. – С. 140–144.
9. Пастернак Б. Л. Детство Люверс: повести; автобиогр. очерк. – М. : Дет. лит., 1991. – 223 с.
10. Романова Н. И. Языковое своеобразие повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» // Язык классической литературы: доклады междунар. конф. : в 2 т. – М. : Кругь, 2009. – Т. 1. – С. 207 – 216.

11. Токарева Т. Н. Формирование принципов изображения героя в советской детской прозе 1920-х – 1930-х гг. : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2013. – 19 с.
12. Трубилова Е. М. В поисках страны Нигде // Аверченко А. Рассказы; Тэффи. Рассказы. – М. : Молодая гвардия, 1990. – С. 208–223.

© Осьмухина О. Ю., Чекашева Н. В., 2022.

УДК 398:37.018.43:004.7

БАЙКИ О ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СМЕХОВОГО ФОЛЬКЛОРА

А. А. Раслова,
студентка
anastasya_ras@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье исследуются понятие смеховой культуры и сам феномен смеха; рассматриваются современный смеховой фольклор и жанры, входящие в его состав. Анализируются устные юмористические рассказы о дистанционном образовании, записанные от студентов и преподавателей Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, являющиеся частью современного смехового фольклора. Приводятся основные темы, отраженные в байках.

Ключевые слова: дистанционное обучение, студент, преподаватель, байка, юмористический рассказ, смеховая культура, современный смеховой фольклор.

HUMOROUS STORIES ABOUT DISTANCE LEARNING IN THE CONTEXT OF MODERN LAUGHTER FOLKLORE

A. A. Raslova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article explores the concept of laughter culture and the phenomenon of laughter itself; examines modern laughter folklore and the genres that make up it. The article analyzes humorous oral stories about distance education, recorded from students and professors of the Ogarev Mordovia State University, which are part of modern laughter folklore. The main themes reflected in the tales are given.

Keywords: distance learning, student, professor, tale, humorous story, humour culture, modern laughter folklore.

Во все времена человеческой истории смех выступал как средством постижения действительности, так и реакцией на ее явления. Именно поэтому он неоднократно становился объектом научного исследования [3; 4; 8; 9; 12].

С развитием общества формировалась и народная смеховая культура, противостоящая официальным культурным формам и церемониям – церковным и государственным. Само понятие смеховой культуры было впервые введено в научный обиход М. М. Бахтиным в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». Исследователь выделил три основные разновидности народной смеховой культуры: обрядово-зрелищные формы, словесные смеховые произведения (устные и письменные), различные формы и жанры фамильярно-площадной речи [3].

Изучением русской «смеховой культуры» и ее специфики занимались Д. С. Лихачев, А. М. Панченко и др. Введенное Лихачевым понятие «смеховой мир» объединило широкий ряд культурных феноменов Древней и Средневековой Руси, в том числе и фольклор [9]. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский в работе «Новые аспекты изучения культуры Древней Руси» обращают внимание на противопоставление в русской христианской культуре смешного серьезному. Святость здесь исключает смех. Для некого «левого мира», связанного с колдовством, языческой магией, характерен ритуальный смех, лишенный комизма [11]. С. С. Аверинцев, анализируя феномен смеха, выделяет разные виды смеха от благородного до цинического, хамского, «в акте которого смеющийся отделывается от стыда, от жалости, от совести». Главным же в смехе он считает освобождение [1]. Современные ученые Л. С. Лихачева и К. А. Фадеева выделяют два уровня смеховой культуры: вневременной уровень и актуальный. Под актуальным уровнем они понимают «злободневные шутки, появляющиеся после какого-то значимого для данного общества события и со временем теряющие свою актуальность» [10, с. 137].

Самое непосредственное выражение народная смеховая культура находит в устном народном творчестве. Несмотря на очевидную связь данных феноменов, термин «смеховой фольклор» до настоящего времени остается «неузаконенным» в фольклористике. Т. В. Колядич применяет его в отношении детской сатирической поэзии, направленной на осмеяние недостатков, промахов, просчетов и нелепых поступков как самих детей, так и всех тех, кто так или иначе вступает с ними во взаимодействие (учителя, родители, бабушки и дедушки и т. д.) [7].

Между тем роль смеха и его функции в устной народной поэзии давно оказались в центре научного внимания. В. Я. Пропп в работе «Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре» подчеркивает животворящую функцию смеха, так как он обладает силой создания жизни. Именно поэтому «рождение ребенка или символическое новое рождение в обрядах инициации и сходных ему обрядах сопровождается смехом» [12]. М. Казымоглу, исследуя азербайджанский фольклор, делает акцент на магической функции смеха,

отмечая, что «в системе архаического мировидения смех, в первую очередь, был связан с образом солнца». Именно поэтому он выступает в большинстве случаев как источник счастья, однако «бывают моменты, когда смех приобретает негативный оттенок» [6]. В статье «Смех в досвадебном фольклоре адыгов» Л. А. Гутова отмечает, что в адыгском устном народном творчестве предсвадебного периода смех является полифункциональным, при этом на первый план выходит эстетическая функция. Автор подчеркивает, что жанры смехового фольклора здесь не столько высмеивают недостатки жениха и невесты, сколько создают атмосферу свободы и доброжелательности, что в свою очередь способствует проявлению взаимных симпатий между молодыми людьми [5].

Автор данной статьи под смеховым фольклором понимает совокупность произведений, содержащих в себе юмористический (реже сатирический) отклик на события действительности и выполняющих развлекательную функцию. К жанрам смехового фольклора можно отнести анекдоты, байки, застольные приговорки, прибаутки, побасёнки, докучные сказки и т. д.

Смеховой фольклор не теряет своей актуальности и в современном мире, так как выполняет ряд функций, способствующих передаче знаний, защите, приспособлению к внешним и внутренним ограничениям, преодолению страха перед непредсказуемостью жизни и т. д.: воспитательную, критико-обличающую, защитную, функцию психологической разрядки, социально-объединяющую, оценочную, функцию передачи социально-культурного опыта, ценностно-ориентационную и др. [10, с. 141].

В. Я. Пропп в книге «Проблемы комизма и смеха» отмечает, что нельзя строго противопоставлять комическое трагическому. На наш взгляд, специфика смехового фольклора как раз и заключается в том, что она совмещает в себе оба этих полярных, по мнению других ученых (например, Аристотеля [2]), понятия, что она способна облечь в смеховую форму трагические стороны действительности.

Уникальное свойство фольклора – способность быстро и оперативно реагировать на общественные изменения – находит выражение прежде всего в устных рассказах, содержащих коллективную оценку того или иного события, причем диапазон такой оценки довольно широк и событие может представляться совершенно по-разному в зависимости от целого ряда факторов, базирующихся в народном сознании на принципе «с одной стороны, вроде как хорошо, а с другой – вроде, и не очень». Подтверждение вышесказанному можно найти в фольклоре современного городского пространства, а именно в активно продуцирующих сейчас рассказах о COVID-2019, жанровая специфика которых обстоятельно рассмотрена в работах К. Н. Шишкановой и М. А. Тростиной [13; 15].

Пандемия коронавируса, охватившая мировое пространство, в первые же дни стала новой темой для обсуждения во всех социокультурных сообществах. В устном репертуаре появились первые отклики на эпидемию в виде толков и слухов, «мифов», пословиц-переделок и афоризмов, отражающих разные аспекты темы, начиная от происхождения вируса и заканчивая срока-

ми его окончания. COVID-19 вторгся в нашу жизнь внезапно и проявился как в бытовой, так и в социальной сфере. В связи с переходом всех государственных и ряда частных организаций на так называемую удалёнку школы, техникумы и высшие учебные заведения были вынуждены осваивать новый формат обучения, а именно дистанционный.

Под дистанционным обучением следует понимать вид обучения, предполагающий преимущественно опосредованное взаимодействие педагога и обучающихся с активным использованием информационных и коммуникационных технологий, который направлен на развитие личности обучающегося и усвоение стандарта знаний, умений и навыков, согласованных сторонами процесса обучения [14, с. 301].

Если в начале XXI века внедрение новых технологий стало активно проводиться для улучшения качества образования, то в условиях всеобщей самоизоляции и перехода учебных заведений на «удаленку» использование современных методов стало единственной возможностью передачи знаний, а дистанционное обучение – единственно возможным форматом их получения.

Перевод школьников и студентов на дистанционный формат обучения в связи с возникшей во всем мире пандемией вызвал широкий общественный резонанс. Большинство людей познакомились с так называемым дистантом впервые. Именно поэтому не готовые к такой форме обучения учащиеся и преподаватели столкнулись с рядом проблем, которые в свою очередь заложили основу для массы баек, «сплетен», «толков», анекдотов и т. д.

Предметом данного исследования выступают байки о дистанционном образовании как новое явление в городском фольклоре. Материал исследования составили юмористические рассказы, записанные от учащихся школ и вузов, расположенных на территории Республики Мордовия, в период с мая по сентябрь 2020 года. Проанализировав фольклорный материал о дистанционном обучении, можно выделить следующие темы, отраженные в устных рассказах школьников, студентов и преподавателей.

1. «Плохой» Интернет. Большое число учащихся, а нередко и преподавателей, во время дистанционных занятий не имели устойчивого интернет-соединения, что способствовало рождению курьезных случаев в учебном процессе и при сдаче зачетов и экзаменов *(«У некоторых студентов наших были проблемы с Интернетом. У одной девочки, она заочница, для того чтобы подключиться к зуму, ей приходилось подниматься на возвышенность, а в ее селе на возвышенности размещается кладбище. Поэтому для того чтобы прийти на занятие, она шла на кладбище»; «Моей одногруппнице, для того чтобы выступить с докладом, пришлось подниматься на крышу, где ловит связь»).*

2. Техническая неподготовленность преподавателей, проявляющаяся в отсутствии у них знаний компьютерных технологий и особенностей дистанционных учебных программ, необходимых для полноценного проведения онлайн-занятий. В большинстве случаев в роли таких преподавателей выступают люди пенсионного возраста, чем и объясняется отсутствие у них подобных навыков (*«Когда у нас Аркадий Петрович проводил дистанционно*

лекцию, он спросил: „Как сделать громче?“ Ну, Диман (его, кстати, уже отчислили) и говорит: „Alt +F4“. Ну, препод и отключился. Мы угорали месяц»; «Когда мы перешли на дистанционку, нужно было проводить лекции. Их проводила пожилая женщина, к ней приходила ее бывшая ученица, которая сейчас у нас практику ведет, и настраивала ей сначала компьютер, чтобы она могла на нем работать. А потом, когда она уходила и та начинала вести лекции, она раза 4-5 за всю лекцию говорила: „Студенты, вы здесь? Вы тут? Вы не пропали?“, – потому что у нее потухал экран. Мы сначала не понимали, почему она это говорит, а потом она нам объяснила, говорит: „У меня просто все потухает, и я думаю, куда-то вы пропадаете“. Мы ей говорим: „Вы мышкой подвигайте. У вас спящий режим“»).

3. «Мухлёж» на дистанционных занятиях и экзаменах со стороны студентов, рассчитывающих на возможность при подготовке к ответу воспользоваться Интернетом или дополнительным материалом, чему будет способствовать отсутствие у преподавателя видимости полной картины того, что на самом деле происходит у предприимчивого студента по ту сторону экрана. Многие студенты ссылались при этом на технические помехи, в момент которых у них была возможность найти и сформулировать ответ, пока преподаватель не видит или не слышит их. Иногда этот прием и вовсе позволял уйти от ответа *(«Был экзамен по философии, мне попался билет, который я не знаю. Специально отключилась от Сети и сказала, что ноут вырубился. Спокойно подготовилась и сдала экз на 5. Каждый крутится как может, как говорится»; «Мы собирались на экзамен в одной хате и друг другу все делали. А чтобы было непалевно, отвечали с разных уголков комнат, чтобы обои разные были»).*

4. Технические неполадки в совокупности с легкомысленным отношением преподавателей и студентов к работе в онлайн-формате. Комичные ситуации, представленные в байках этой тематической группы, возникают по вине тех или других участников учебного процесса, забывших отключить камеру или микрофон по завершении учебного занятия и представших на всеобщее обозрение частично одетыми (сверху, так как всё, что под столом, не видно в камеру) или частично одетыми (снизу) в домашнюю одежду *(«Сообщение в мессенджере от классной руководительницы: „Дорогие родители! Учтите, что многие дети на парах включают камеру и микрофон. На заднем плане периодически мелькают родители в трусах“»; «Был случай на экзамене, где препод был с включенной камерой, забыл, видимо, и встал. Это было фиаско, братан. Потому что он был в трусах в сердечку»; «Знаешь же приложение Zoom. Там постоянно лекции проводят, и первый раз, когда заходил, решил пораньше, проверить: получится зайти или нет. Так вот, зайти получилось, только препод тоже решил пораньше зайти. Камера автоматически включилась. И там я в трусах и с бутером во рту. Пришлось извиняться и отключаться, чтобы штаны надеть»).*

5. Смешные ситуации, связанные с «аватарками» в конференциях. Наиболее популярными здесь являются байки о несоответствии «картинки» и реальной действительности, в которой при онлайн-занятии большинство сту-

дентов выглядят по-домашнему, что обычно сильно отличается от «красивой картинки», которую выбирают для аватара. Часто также встречаются истории о необычном выборе картинки для «аватарки», которая призвана развеселить и поднять настроение аудитории и преподавателю *(«Самое смешное – это были аватарки в зуме у нашей группы. Все поставили сурков, пьющих вино. Каждая пара в зуме – это праздник и поднятие настроения»; «Мы поставили на фон мусорку, не оч приятный район, и у одной одногруппницы это было так реалистично, как будто она реально там находится, и препод по русскому обратил на это внимание и как-то смешно высказался, что-то вроде „рановато вы туда попали“, а он у нас в теме, молодой, и угорали всю пару»).*

6. Смешные ситуации, к которым приводит отсутствие непосредственного субъект-субъектного отношения между преподавателем и студентом *(«У нас в группе учитель задал задание по биологии и толком не объяснил, что нужно делать, мы просили его рассказать, как все правильно сделать, и тогда он просто вышел из беседы и вернулся только, когда мы уже сдали домашнее задание»).* Рассказчики подчеркивали тот факт, что нередко при занятиях на различных платформах (например, Zoom или Skype) студенты и школьники не включают камеры и микрофоны, отчего у преподавателей и учителей складывается ощущение, что их не слушают *(«Современное дистанционное занятие похоже на старый спиритический сеанс: – Света, ты с нами? – Света, ответь, если ты нас слышишь»; «У тебя зум завис или ты замер, чтобы на вопрос не отвечать?»).*

7. Сложность проведения ряда предметов в дистанционном формате *(«Дистанционка с творческими вузами не прокатит. Ибо представьте себе картину: голый натурщик позирует в скайпе десятерым. Это уже не живопись, это вебкам»; «– А что это сын из комнаты в комнату бегает? – Да у него физра по ватсапу»).*

8. Неготовность родителей школьников заниматься с детьми по школьной программе в силу отсутствия у них необходимых знаний и профессиональных педагогических навыков, следствием чего является ярко выраженная негативная реакция с их стороны на необходимость обучения детей в дистанционном формате. *(«На третий день карантина мать четырех детей изобрела вакцину от коронавируса»; «СМСка от родительницы: „А что, разве нельзя детей отправить в школу, а школу закрыть на карантин? Я бы им покушать-то каждый день носила, а то у меня уже нервный тик начинается“».)*

Во время дистанционного обучения появились новые варианты и версии расхожих в школьной среде учительских штампов и афоризмов: *«Дежурный, мне что теперь, самой монитор вытирать?»; «Кто отвечать будет? Ну просто хор звонков!»; «Выйди и зайди в Zoom нормально!»; «Сидим! Звонок для учителя, это – в дверь, еду привезли»; «– Кто там шуршит под партой? – Это наш кот лоток копает»; «Иванов, в личку к директору!»; «Файл с домашкой на другом ноутбуке он забыл! А голову ты не забыл?»;*

«Что смешного? Скинь ссылку, вместе посмеемся»; «Маму с папой быстро к монитору».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что о перспективе полного перехода на обучение в подобном формате говорить рано. И пока существует онлайн-обучение, запас смешных и курьезных историй о дистанционном обучении будет регулярно пополняться.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. – М. : Наука, 1992. – С. 7–19.
2. Аристотель. Поэтика. Риторика / [пер. с древнегреч. В. Аппельрота, Н. Платоновой]. – СПб. : Азбука, 2013. – 346 с.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М. : Худож. лит., 1990. – 541 с.
4. Бергсон А. Смех / [пер. с фр. И. Гольденберга]. – М. : Панорама, 2000. – С. 96–206.
5. Гутова Л. А. Смех в досвадебном фольклоре адыгов // Научный диалог. – 2019. – № 8. – С. 109–121.
6. Казымоглу М. Магическая сущность смеха в фольклоре // Восток-Запад: литература и художественная культура : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Ф. С. Сайфулиной. – Казань, 2017. – С. 154–167.
7. Капица Ф. С. Русский детский фольклор : учеб. пособие / Ф. С. Капица, Т. М. Колядич. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 314 с.
8. Карасев Л. В. Философия смеха. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1996. – 221 с.
9. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. – 295 с.
10. Лихачева Л. С. Смеховая культура как способ производства, трансляции и потребления смешного / Л. С. Лихачева, К. А. Фадеева // Известия Урал. федерал. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – № 4 (144). – С. 135–144.
11. Лотман Ю. М. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Вопросы литературы. – 1977. – № 3. – С. 156.
12. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. – М. : Лабиринт, 1999. – 285 с.
13. Тростина М. А. Народные рассказы о COVID-19 как феномен современного городского фольклора / М. А. Тростина, К. Н. Шишканова // Урал. ист. вестн. – 2021. – № 2 (71). – С. 177–185.
14. Хузиахметов А. Н. Структура и содержание дистанционного обучения в системе высшего профессионального образования / А. Н. Хузиахметов, Р. Р. Насибуллов // Образование и саморазвитие. – 2012. – № 5 (33). – С. 42–46.
15. Шишканова К. Н. «Ковидный» фольклор как новое явление в городской субкультуре / К. Н. Шишканова, М. А. Тростина // Русский фольклор Мордовии в контексте отечественной культуры : сб. материалов Всерос. науч. конф. (Пятые всерос. науч.-пед. чт.), г. Саранск, 25–26 февр. 2021 г. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2021. – С. 157–164.

© Раслова А. А., 2022.

УДК 82-14

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИКЛА ПУТЕШЕСТВИЙ М. АМЕЛИНА «ИТАЛЬЯНСКАЯ СИМФОНИЯ»

В. А. Самойленко,
аспирант
samojlenko.viktoria@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются художественные особенности цикла путешествий М. Амелина «Итальянская симфония». Обращается внимание на жанровую специфику, архитектонику, особенности поэтического стиля. В ходе анализа делается вывод о значимости комического дискурса, интертекстуальности в раскрытии основной поэтической идеи цикла.

Ключевые слова: М. Амелин, современная поэзия, лирический цикл путешествий, жанровая специфика, образ Италии, комический дискурс, ирония.

ARTISTIC FEATURES OF THE TRAVEL CYCLE OF M. AMELIN "ITALIAN SYMPHONY"

V. A. Samojlenko
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines the artistic features of M. Amelin's travel cycle "Italian Symphony." Attention is drawn to genre specifics, architectonics, features of the poetic style. The analysis concludes the significance of comic discourse, intertextuality in revealing the main poetic idea of the cycle.

Keywords: M. Amelin, modern poetry, lyrical cycle of travel, genre specifics, image of Italy, comic discourse, irony.

В современной отечественной поэзии, отличающейся многообразием стилей, жанрово-видовым своеобразием, активное развитие получило такое сверхжанровое образование, как лирический цикл. Из всего тематического многообразия лирических циклов (любовный, пейзажный, религиозно-философский, цикл путешествий) особое место в современном поэтическом процессе занимает лирический цикл путешествий, имеющий характерные жанрообразующие признаки: маршрут путешествия, мотив дороги, образ путешественника, оппозиция «свое – чужое» и др. [см.: 3]. Активное развитие данного жанрового образования связано с интересом современного человека к путешествиям. Современный мир открыл множество возможностей пере-

движений как по стране, так и по всему миру. Оговоримся, что лишь в последние два года ситуация изменилась в связи с пандемией. До этого времени открытость географического пространства дала возможность совершать туристические, деловые, рабочие, творческие поездки, которые вдохновили поэтов на создание циклов путешествий. Как и полтора века назад, сегодня наиболее привлекательной страной для путешественников остается Италия, завораживающая туристов своей богатой историей, культурой, великолепной природой [см.: 6].

Образ Италии в современном цикле путешествий представлен в творчестве Е. Рейна («Сапожок», 1994), Л. Лосева («Итальянские стихи», 1996), А. Наймана («Итальянские стихи», 2000), А. Кушнера («Итальянский цикл», 2000), О. Николаевой («Равелло», 2001) и мн. др. Особое место в этом ряду принадлежит М. Амелину и его циклу путешествий «Итальянская симфония» (2001–2002).

Заметим, что поэтическая манера М. Амелина отличается от поэтики других современных авторов особой увлеченностью Античностью и классицистической традицией, на что повлияла профессиональная деятельность поэта: изучение древнегреческого и латинского языков, переводы Гомера, Пиндара, Катулла; филологические исследования творчества Г. Р. Державина, В. К. Тредиаковского, А. Д. Кантемира и др. Благодаря его деятельности в современное литературное пространство вернулась древняя архаика, обновленная с учетом нового времени. Современному автору становятся близкими традиции поэтов-классицистов. Он возрождает забытую систему жанров, образов, тем. Поэт возвращает утраченную ныне цельность, строгость, гармоничность отечественного стиха, что позволило Т. Бек назвать М. Амелина «архаистом-новатором» [2, с. 186]. В своих стихах поэт мастерски комбинирует разнообразные стили и приемы, добавляя современное звучание в классические образцы. На пространстве своих текстов М. Амелин соединяет древнюю архаику с приемами постмодернистского письма. Соединяя высокое и низкое, прошлое и современное, поэт выражает своего рода «тоску по мировой культуре», дает возможность заново переосмыслить знакомые классицистические тексты. Исследователи отмечают и необычный синтаксис, свойственный амелинскому письму. Многочисленные инверсии, эллипсисы, анжамбеманы – призваны не столько затруднить понимание смысла, сколько обратить внимание на необходимость вдумчивого проникновения в глубинные смысловые пласты текста. Интонационная замедленность амелинского стиха, с одной стороны, реконструирует архаичный стиль, а с другой – призывает читателя к прочтению кодовых знаков и смыслов, которые несет в себе текст.

Именно в таком ключе выстраивается и его цикл путешествий «Итальянская симфония, в пяти частях, с эпиграфами и посвящениями» (2001–2002). Важное значение в понимании данного цикла приобретает название цикла, ориентированное на музыкальное наполнение. Отчасти угадывается здесь и отсылка к «Итальянской симфонии» Мендельсона, который также собрал впечатления и настроения для нее, путешествуя по Италии. Именно

итальянский юг и посещение Неаполя подтолкнули композитора к написанию романтической музыки, наполненной звуками итальянской экзотики и национальным колоритом. Подобно великому композитору, современный поэт также выстраивает свой цикл из отдельных поэтических фрагментов с разным темпом, настроением и эмоциональным наполнением, что в итоге создает целостное представление о путешествии. Поэт также обращает внимание на мирную итальянскую повседневность, вещи, детали интерьера, что и создает определенное настроение.

Важное значение в понимании основной поэтической идеи цикла, как мы уже отметили, приобретают эпиграфы и посвящения. Открывают цикл романтические строки из стихотворения Н. Гоголя «Италия» («Италия – роскошная страна! / По ней душа и стонет, и тоскует…»), что дает автору повод вступить в поэтический диалог с писателем-классиком. Каждая последующая часть имеет посвящение определенным лицам. И это становится поводом к осмыслению некой уже высказанной ранее мысли об Италии. Вступая в спор со своими оппонентами, поэт предлагает новый взгляд на те или иные итальянские образы.

Первое стихотворение «Аэропорт „Леонардо да Винчи“» – своеобразная завязка поэтического сюжета. Некое вступление, увертюра к основному голосу оркестра, которым руководит автор. Плавный темп, характерный для вступительной части симфонии, повествует об идиллическом восприятии лирическим героем начала путешествия по «роскошной стране». С высоты птичьего полета ему открывается Италия, которая так притягивает любого туриста своей красотой и богатой историей. Однако уже во вступительной части поэт отказывается петь дифирамбы этой сказочной стране. Он предлагает беспристрастное повествование о реальных впечатлениях туриста-путешественника по современной Италии:

Италия, лоскутным покрывалом
железной птицы лежа под крылом,
озерясь и бугрясь, о небывалом
не грезит и не помнит о былом,
вся в настоящем, в суетном сегодня, –
ниспослана ей благодать Господня [1, с. 161].

Первую часть поэт посвящает самому себе, отсюда и актуализация авторского я, утверждение субъективного взгляда. Тем самым поэт подтверждает, что он будет свободен от традиционного взгляда на страну, которую так восторженно воспели предшественники. Уже в первой части за «торжественным Величием» проступает авторская ирония, которая красной нитью проходит через весь цикл.

Усиливается она во второй части – «Отель “Gea”», где автор иронизирует по поводу ненасытной жажды туристов успеть увидеть и запечатлеть все красоты Италии («день – за два, / ночь – за две»). Отсюда – мимолетность, торопливость, поверхностность взгляда, невозможность понять ценность наблюдаемого пространства, проникнуться достояниями древней цивилизации:

Языком коснящим под небом
смесь Инглиша с Итальяной
ворочать устав, как ком,
вином и пищей с особым
плодом и с постоянной
боролись жаждой потом [1, с. 162].

Причем поэт активно использует и самоиронию. Его лирический герой, тесно слитый с образом самого поэта, является частью туристической массы, которая ищет в Италии прежде всего романтическую атмосферу, потерянную в повседневной суете. Иронический контекст усиливается введением архаичной лексики, многочисленными инверсиями и поэтическими переносами. Высокий стиль, создаваемый автором, направлен прежде всего на формирование комического эффекта в репрезентации образа современного туриста.

В комичном ракурсе представлены М. Амелиным и образы античной мифологии. Великолепный знаток Античности дает ироническую трактовку богу Силену, сыну Пана (или Гермеса) и нимфы. Третья часть цикла «Изваяние Силена в Капитолийском музее» неслучайно посвящена современной поэтессе – Ирине Ермаковой. Поэт вступает в диалог с И. Ермаковой, написавшей стихотворение «Пан» и посвятившей свою книгу «Колыбельная для Одиссея» М. Амелину, куда вошло и данное стихотворение. Но если И. Ермакова обыгрывает известный миф, «согласно которому смерть Пана для первых христиан означала смену эпох, конец языческой и начало новой – христианской», то М. Амелин разрушает представление о мифологическом ореоле античного героя, создавая собственный анекдотический образ Силена. И. Ермакова отталкивается от сексуальной трактовки образа великого Пана, который своей «нежной флейтой» будит природный Эрос:

И потянулись друг к другу спросонок влюбленные твари
Теплая дрожь пробежала по водам по листьям по спинам
Вышла из мрака седая с перстами багровыми Эос
Чтобы послушать горячую флейту твою [5].

М. Амелин же, напротив, лишает своего героя сексуальности, трактуя его как мраморную скульптуру, музейный экспонат:

ни на что похотливый скопец не годен,
безоружный же муж никому не нужен,
оттого и поставлен в музее – Музам
на поругание [1, с. 163].

Таким образом, через иронический мотив «утраты сексуальности» поэт проецирует взгляд на утраченное былое величие Древнего мира, превратившегося сегодня в своего рода музейный комплекс для зевак-туристов, совершенно не знающих историю и культуру страны. По справедливому замечанию В. В. Мироши, «славное мифологическое прошлое персонажа противопоставляется бесславному настоящему. <…> „высокие“ и китчевые пластические образы современного Рима – от бытовой вещицы до скульптуры – обнаруживают общность смысла в мотивике комической утраты сексуальности» [8, с. 526–527].

Диалог как с поэтами-классиками, так и поэтами-современниками становится сюжетообразующим в «Итальянской симфонии» М. Амелина. Очевидные аллюзии и реминисценции, отсылки к Античности пронизывают весь цикл, наполняя его многочисленными смыслами. Наиболее сложной, на наш взгляд, является четвертая часть – «Опыт о Неаполе», посвященная поэту, эссеисту Павлу Белецкому. Исследователи расценивают данный текст как продолжение спора поэтов по поводу эссе П. Белецкого «Символика пещеры и скитания Одиссея», на что указывают мифологемы пещеры, врат, изваяний, присутствующие у М. Амелина [7].

Данная часть является своего рода предупреждением. Современный поэт пытается снять ореол романтического преклонения перед завораживающей красотой итальянского города, дабы не потерять голову, как это было когда-то с Батюшковым и Баратынским («…есть и враждебное нечто, – не шутка: / Батюшков тихо лишился рассудка / и в кипарисовый гроб / лег Баратынский не здесь ли когда? – / Да, твоего – чур не я – панибрата / слишком опасен удел» [1, с. 165]).

Пытаясь абстрагироваться от восторженно-клишированного образа Неаполя, созданного как классиками русской литературы, так и современными авторами, поэт предлагает читателю вместе с ним спокойно и беспристрастно посмотреть не только на внешнюю красоту этого города, но и на внутреннюю.

Комический контекст не меняется и в финальной части цикла «Pozzuoli Ischia Porto», посвященной поэту-современнику – Глебу Шульпякову. Смеем предположить, что М. Амелин ориентирован на творчество одного из величайших поэтов XX столетия – Уистена Хью Одена, творчество которого активно переводил Г. Шульпяков. Англо-американский поэт некоторое время проживал на итальянском острове Искии и воспел его в своих стихах. Поэтические отсылки к жанру интеллектуальной лирики поэта-предшественника в сочетании с пародированием и иронией усиливают трагическое мироощущение автора по поводу шаблонности трактовки значимости великих исторических мест, однотипности их представления современному туристу-путешественнику:

Так, выглянув и канув,
мне внятно не смогли
про остров трех вулканов,
торчащий невдали,
поведать хоть немного
за полтора часа,
но глас раздался Бога,
разверзший небеса, —
жар и мороз по коже
в словах не передашь:
да, «Pater noster» все же
не то, что «Отче наш» [1, с. 167].

Таким образом, «Итальянская симфония» М. Амелина, подобно симфонии Мендельсона, порождает атмосферу итальянского карнавала. Но поэтический карнавал, основанный на синтезе классицистических и постмодернистских приемов, в отличие от музыкального, воссоздает не народный танец Средневековья, а картину современного «танца на костях» истории Великой Империи. Через постмодернистские приемы письма М. Амелин актуализирует значимый для русской поэзии мотив – разрушение Великой Империи под влиянием современной цивилизации. Ирония, ерничество, литературная игра, пародирование подчеркивают авторскую боль по утраченным ценностям, забвению культурных традиций. Этой цели служит и отказ от традиционного лирического я. Используя образ ролевого героя, туриста-простачка, от лица которого ведется повествование, современный поэт пытается отойти от клишированной интерпретации «итальянского текста», шаблонного восприятия значимости Италии в истории становления мировой цивилизации.

Библиографический список

1. Амелин М. Гнутая речь. – М. : Б.С.Г.-Пресс, 2011. – 464 с.
2. Бек Т. Сев на Пегаса задом наперед, или Здравствуй, архаист-новатор // Дружба народов. – 1997. – № 7. – С. 186–188.
3. Гудкова С. П. Особенности сюжетосложения лирических циклов путешествий в русской поэзии Мордовии конца XX – начала XXI вв. / С. П. Гудкова, О. Ю. Осьмухина, В. А. Самойленко // Вестн. угроведения. – 2020. – № 3 (10). – С. 436–445.
4. Гудкова С. П. Современная русская поэзия: (проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм). – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 298 с.
5. Ермакова И. Колыбельная для Одиссея. Книга стихов [Электронный ресурс]. – М. : Журнал поэзии «Арион», 2002. – 124 с. – URL: http://www.vavilon.ru/texts/prim/ermakova3.html (дата обращения: 13.08.2021).
6. Коломова Н. П. Италия в русской культуре Серебряного века. – М. : Наука, 2005. – 470 с.
7. Магомедов А. Свой остров [Электронный ресурс] // Арион. – 1995. – № 3. – URL: https://www.arion.ru/mcontent.php?year=1995&number=85&idx=1379 (дата обращения: 13.08.2021).
8. Мароши В. В. Физиология Рима: «Римский дискурс» в новейшей русской поэзии // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв. : сб. ст. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – С. 523–529.

© Самойленко В. А., 2022.

УДК 821(4/9).09

ТРАДИЦИИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В РОМАНЕ В. В. ОРЛОВА «АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ»

Е. А. Сафрон,
канд. филол. наук, доцент
00inane@gmail.com
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия,
Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия

Аннотация. В работе рассматриваются компоненты русского фольклора (персонажи, верования, лексические средства, свойственные народной речи), используемые В. В. Орловым в романе «Альтист Данилов». Выясняется, что автор обращается как к прямому заимствованию фольклорных образов, так и приему аллюзии.

Ключевые слова: русалка, фольклор, домовой, городское фэнтези, сверхъестественный, демон, мотив смертельной угрозы.

TRADITIONS OF RUSSIAN FOLKLORE IN THE NOVEL BY V. V. ORLOV "THE VIOLIST DANILOV"

E. A. Safron
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia

Abstract. The work examines the components of Russian folklore (characters, beliefs and customs, lexical means inherent in folk speech) used by V. V. Orlov in the novel “The Violinist Danilov”. It turns out that the author addresses both the direct borrowing of folklore images and the reception of allusion.

Keywords: mermaid, folklore, brownie, urban fantasy, supernatural, demon, motif of mortal danger.

Роман «Альтист Данилов» (1980) входит в трилогию Владимира Викторовича Орлова (1936–2014) «Останкинские истории» наряду с романами «Аптекарь» (1988) и «Шеврикука, или Любовь к привидению» (1997) и является самым известным произведением автора, которое гораздо чаще попадает в поле внимания критиков [13, с. 20], нежели литературоведов.

Цель настоящего исследования – выявить элементы отечественной фольклорной традиции в романе «Альтист Данилов». Интерес непосред-

ственно к материалу устного народного творчества обусловлен жанровой спецификой изучаемого произведения: перед нами сатирическое городское фэнтези (сверхъестественные существа действуют в рамках пространства современного города, в центре произведения – протагонист, стремящийся к неизведанному, одержимый музыкой, автор высмеивает советский стиль жизни, наконец, художественный мир романа ориентирован на фольклорно-мифологическую традицию) [12, с. 57–62].

В данной ситуации под фольклором понимается вся совокупность возможных форм проявления народной культуры: как словесные жанры, так и ремесла, верования, ритуалы.

В анализируемом романе были выделены следующие фольклорные элементы:

1) персонажи;
2) верования и обычаи, связанные с этими персонажами;
3) словесные обороты, свойственные народной речи.

В частности, было установлено, что в «Альтисте Данилове» фигурируют только представители «низшей» мифологии (домовые, демоны, утопленники, русалки, персонификации болезней – лихорадки), т. е. те, которые, согласно С. Ю. Неклюдову:

1) проявляют активность в настоящее время;
2) проживают рядом с человеком;
3) выходят на прямой контакт с человеком и не нуждаются в посреднике;
4) управляют отдельным небольшим локусом [10].

Домовые. Авторская интерпретация делает эти образы полностью антропоморфными и сохраняет их основную функцию – функцию охраны жилища: «…в дом с башенкой на Аргуновской улице, где по ночам при ЖЭКе встречались останкинские домовые <…> Домовой Велизарий Аркадьевич, смешной старик из особняка в стиле модерн <…>. С домовым Федотом Сергеевичем из разрушенных палат семнадцатого века Данилов часто спорил об архитектуре» [11, с. 7].

И в современных обстоятельствах домовой остается блюстителем традиций. К примеру, домовой Федот Сергеевич восхваляет отечественную архитектуру прошлого и осуждает работы иностранных корифеев модернизма: «…сердился, когда Данилов защищал Гропиуса и Сааринена, говорил ему: «„Ах, бросьте, они скучны и убоги, все их балки и линии не стоят одного нашего коробового свода“» [11, с. 7].

Новаторством автора в вопросе оригинальной интерпретации фольклорных образов является факт смертности сверхъестественных существ, которым за прегрешения против мира нечистой силы грозит вечное развоплощение: «…домовой Иван Афанасьевич, превратившись в нечто прозрачное и зеленое, с хрустальным звоном взлетел в останкинское небо <…> туда, откуда возврата нет. <…> Иван Афанасьевич не имел право любить земную женщину. Потому его и не стало» [11, с. 8].

Взаимоотношения внутри сообщества домовых отражают принципы советского тоталитаризма: на сцену В. В. Орлов выводит образ идейного доносчика, полагающего, что любой, кто нарушает законы мира нечистой силы, должен быть наказан самым жесточайшим образом. Так, домовой Георгий Николаевич сам признается, что принял участие в развоплощении Ивана Афанасьевича: «Он под конец жил неправильно… Я ему правду в глаза говорил» [11, с. 10], «…что я сделал, то и сделал, и мне еще за это спасибо скажут» [11, с. 8].

Демоны. Облик демонов, создаваемый писателем, тяготеет к антропоморфному, кроме того, персонажи обладают и умением полностью менять свою внешность, что полностью соответствует народным представлениям о демоне/черте [6, с. 439]: «…это был уже не совсем Валентин Сергеевич. <…> Личико счетовода превращалось во властное лицо, пенсне растаяло, толстовка стала необыкновенной важности сюртуком <…> бывший Валентин Сергеевич вырос <…> это теперь был строгий и могущественный начальник Канцелярии от Того Света» [11, с. 468]. Отметим, что превращения демонов сопровождаются взрывом, что отсылает нас к навеянной христианскими представлениями идее о том, что черти обитают в огненном аду.

В. В. Орлов, так же как и в случае с домовыми, сохраняет традиционную для демона/черта функцию – вредительство человеку и ненависть ко всему, что с ним связано: «со рвением стажировался в группах, готовивших землетрясения, стихийные бедствия и ограбления банков» [11, с. 33], «шептали раздраженно: „Фу ты! Человеком пахнет!“» [11, с. 31]. Однако сама интрига в романе строится на основе противостояния, возникающего между демоном-протагонистом, стремящимся помогать людям, и прочими демонами, придерживающимися «традиционной точки зрения».

Русалки. Несмотря на то что образ русалки в романе прямо встречается только в нескольких эпизодах, автор систематически нас к этому образу отсылает. В частности, в мире демонов существуют целые институты, занимающиеся скрупулезным изучением русалок: «…очень заинтересовал Данилова отдел сексопатологии русалок. В нем были подотделы рейнских, миссурийских, волжско-камских, дунайских и прочих русалок. <…> Данилов даже заволновался: а вдруг среди прикомандированных к институту русалок он встретит знакомых, хорошеньких, разумеется» [11, с. 434].

Мотивы смертельной угрозы и красоты, связанные с образом русалки, определяет ее тесную связь с фигурой утопленника-музыканта: покойный исполняет песню для увеселения прекрасной девушки: «…еще в русалочьем институте увидел напоминание об утопших музыкантах. И тут им отдали целую лабораторию. <…> Утопшие музыканты издавна играли в оркестрах при водяных и русалках. <…> Всюду стояли магнитофоны на кленовых листьях <…> Своей музыки здесь, видимо, не могли создать, пользовались земными достижениями. Данилов услышал ансамбли «Лед Цеппелин <…> «Пинк Флойд» и прочие, услышал он колыбельную Моцарта и незабвенную «Стою на полустаночке». Наверное, эту музыку заказывали русалки» [11, с. 435]. По мнению фольклористов, умерший музыкант представляет собой рудиментар-

ный след жертвоприношения, которое ранее осуществлялось в честь водяных и русалок [5, с. 348], при этом в отечественном фольклоре нами не были выявлены случаи связи сверхъестественных персонажей, обитающих в воде, с музыкой, кроме «Былины о Садко и Морском царе», в отличие, скажем, от североевропейской традиции, где широко распространены сюжеты о водяном, выступающем в качестве учителя музыки, о музыканте, становящемся жертвой подводных обитателей [15, S. 316–317].

Согласно Д. К. Зеленину, русалки относятся к категории «заложных» покойников, т. е. людей, умерших неестественной смертью [2, с. 145], «недостойных уважения и обычного поминовения, а часто даже вредных и опасных» [2, с. 40]. По данным Ф. Богуславского [1, с. 174], М. Федеровского [14, с. 75–76], образ русалки связан с мотивом щекотания: русалки пытаются защекотать насмерть молодых мужчин и утопить их. Н. А. Криничная полагает, что мотив щекотания и вызываемый им смех способствуют переходу индивида из мира живых в потусторонний мир мертвых. Исследовательница проводит аналогию с лешим, который перед переходом в иной мир раскатисто смеется [5, с. 363].

Семантика угрозы для жизни реализуется и на страницах романа В. В. Орлова: «Потом он увидел объявление: «Научная группа проблем щекотания». <…> При нынешних темпах любви, при нынешних вкусах нелегко было русалкам находить паузы для щекотания. А если не защекотать клиента, то как превратить его в утопленника? <…> Нынче многие, сильные когда-то, приемы стали убогими, в лучшем случае они доводят до слез, но не до желаемого конца…» [11, с. 434].

Русский фольклор наделяет русалок либо полностью антропоморфным телом, либо в отдельных, и достаточно редких, случаях наличием зооморфного признака в виде рыбьего хвоста («верхняя часть тела до пупа человечья, а нижняя – рыбья» [3, с. 68]). Сравним с текстом романа: «На ампирной кушетке <…> сидели четыре русалки (в эластичных костюмах типа «Садко», хвосты – в поролоновых чехлах на «молниях», волосы лишь у одной зеленые, у других – крашеные: рыжие, фиолетовые, серебряные» [11, с. 434]. Согласно традиционным народным представлениям, русалки чаще всего обладают светлыми, рыжими, темными [8, с. 8] волосами, и лишь только в редких случаях зелеными [9, с. 81–82].

Следуя фольклорной традиции, В. В. Орлов большую роль уделяет мотиву расчесывания русалками волос: «Институт оптимальных способов расчесывания зеленых волос русалок» («А еще, что ли, у них есть какие волосы?» – задумался Данилов) [11, с. 430]. Дело в том, что, согласно народным представлениям, русалка вычесывает из волос воду, тем самым способствуя росту растительности [5, с. 117], повышает урожайность, кроме того, цвет волос акцентирует внимание на ее фитоморфной природе: волосы русалки уподобляются траве [5, с. 331].

Русалочьи черты можно обнаружить и в образе возлюбленной Данилова Наташи:

1) после знакомства с девушкой демон внезапно ощущает в себе необходимость хранить ей верность, хотя ранее отношения с земными женщинами не мешали его полигамии;

2) роковая красота Наташи завораживает не только Данилова, но и его демонического приятеля Кармадона, из-за чего они даже бьются на дуэли, вследствие которой последний становится инвалидом;

3) образ Наташи связан со смертью: ее бывший любовник Михаил Коренев кончает жизнь самоубийством, оставляя ей предсмертное письмо; девушка и сама признается, что хотела утопиться в Каме, после того как расталась с Михаилом;

4) Наташа работает швеей, т. е. связана с тканями, нитями, что также сближает ее с образом русалки [2, с. 191];

5) известно большое количество фольклорных сюжетов, строящихся на основе мотива неразделенной трагической любви, заставляющей девушку утопиться и стать русалкой, но даже и потом не имеющей сил отказаться от этого чувства: и после смерти она продолжает преследовать предмет своей страсти. Так же и Наташа привязывается к Данилову: неотступно следует за ним, караулит вечерами после спектаклей.

Лихорадка как персонификация болезни и ритуалы борьбы с ней

Еще один персонаж, несущий человеку угрозу, используемый писателем, – лихорадка. Ее, согласно сюжету, Данилов встречает, когда отправляется на суд за преступления, совершенные против демонов: «Увидел крестьянскую девушку в деревянных чеботах, тоненькую, чернобровую <…> подбежала к ручью, стала бросать в воду <…> кусочки мелко порубленного яйца, сваренного вкрутую. При этом она приговаривала: «Тети-хилоти, вас семьдесят семь, нате плату вам всем <…> Будто шли средние (по людским понятиям) века. Тогда лихорадок было семьдесят семь, и, чтобы избавиться от болезни, следовало бросить в реку семьдесят семь зерен проса или ячменя или какого другого злака или же разрубленное на семьдесят семь частей яйцо. <…> Сотрудник лаборатории, воплотившийся <…> в весеннюю лихорадку (зимняя должна была бы выглядеть жадной трясущейся старухой), и швырял в воду кусочки яйца» [11, с. 429]. Яйцо, как замечает Н. А. Криничная, является символом вечного возрождения жизни и ее сохранения (что характерно как для языческих, так и для христианских обрядов), поэтому становилось традиционным предметом для ритуалов, направленных на излечение от болезней [5, с. 281].

По свидетельству крестьян Пензенской губернии, этимология наименования лихорадок объясняется тем, что они «лихо радуются» мучениям больных [2, с. 228]. Согласно Д. К. Зеленину, лихорадки также относились к русалкам (в качестве доказательства исследователь приводит пример заговора, собственноручно записанного крестьянином из Саратовского уезда: «Спаси, Господи, Святой отец Пафнутий и Пахомий и Марой, спаси рабу от 77 Иродовых дочерей русалык, угони силу бесию за горы за долы за темные лесы!» [2, с. 227]). Народная традиция отличала сестер-лихорадок по внешнему облику и манере поведения: они могли представляться в образе то старух, то

молодых красавиц, трясущихся от холода, жалующихся на ломоту в костях и т. п. [2, с. 228].

Согласно творческому замыслу писателя, демоны, живущие в сверхъестественном мире, получившем название «Девять Слоев», постоянно ищут способы противоборства с людьми, однако научный эксперимент, проводимый сотрудником института в *личине* лихорадки (который он надевает подобно карнавальному костюму), носит откровенно пародийный, шуточный характер, т. е., по сути дела, не имеет смысла, ведь сам автор устами протагониста говорит, что времена Средневековья давно прошли, медицина шагнула далеко вперед и очевидно, что никто уже давно не прибегает к подобным методам лечения: «Еще в пору юности Данилова все их старания и находки были названы устаревшими и ненаучными» [11, с. 429].

В. В. Орлов в романе озвучивает ряд способов избавления от лихорадок, явно заимствованных из фольклорных источников [4, с. 185–188]: «Больной мог есть кал собачий и мышиный, пить кровь скота <…> употреблять настойку навоза на водке. Больной мог найти осину с расщелиной, пролезть через нее три раза, оставив в расщелине хворь. <…> Мог сказаться отсутствующим, заколотить дверь дома и повесить на нее табличку: «Его нет, уехал». Родственники могли положить больного на телегу и мчать ее на бешеной скорости по канавам, рвам, камням, колдобинам и тем самым вытрясти лихорадку. Они же могли с колами в руках гнать больного в поле или в лес, а когда страдалец упал бы обессиленный, вбить кол поострее рядом, пригвоздив болезнь к земле» [11, с. 429].

Обозначенная специфика поведения обитателей Девяти Слоев позволяет причислить его к категории «кромешного», «антимира», описанного еще в древнерусских сочинениях («Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Повесть о разорении Рязани Батыем»), который, по словам Д. С. Лихачева, не только высмеивает представителей потустороннего измерения, но и «служит возвеличиванию мира „настоящего“, „истинного“» [7, с. 45] – мира истинных гуманистических ценностей. Именно по этой причине мир демонов с его псевдонаукой выглядит фальшивым, карнавальным, лишенным логики, а все попытки демонов победить человека только акцентируют внимание на их бессилии. Однако посыл автора очевиден: «В изнаночном мире читатель «вдруг» узнавал тот мир, в котором он живет сам» [7, с. 53].

Репрезентация «народного» разговорного стиля осуществляется писателем с помощью сравнений, чья семантика определяется фольклорно-мифологической традицией [12, с. 58–59]: «Тихо стало на Аргуновской <…> будто грустный удавленник начал к ним ходить» [11, с. 8], «Смотрела она на Данилова удивленно, с трепетом, как Садко на рыбу Золотое перо» [11, с. 54]; речевые формы, традиционно свойственные народной песне: «– Ах ты, миленок мой, Данилов, что же ты прячешься-то от меня? Аль другую полюбил?» [11, с. 156]. Обращает на себя внимание тот факт, что подобные сентенции свойственны именно персонажам из сверхъестественного мира, что лишний раз подчеркивает их *иную* природу, связь с мифическим прошлым, которая актуализируется через речь.

Подводя итоги, отметим: фэнтезийная природа произведения позволяет прямо вводить в текст фольклорных персонажей, однако В. В. Орлов идет дальше, вовлекая читателя в игру по выявлению аллюзий – отдельных черт, сближающих главных героев с устной народной традицией. В этом плане особенно интересным образом является Наташа, которая как будто скрывает от Данилова свою настоящую природу, символизируя собой не только женское начало, но и вечную тайну бытия (сам Данилов, будучи музыкантом, является вполне предсказуемой жертвой Наташи-русалки). Среди фольклорных персонажей, изображаемых в романе, именно русалка оказывается психологически сильнее главного героя, демонстрируя победу великого чувства любви над всеми остальными переживаниями и эмоциями.

Библиографический список

1. Богуславский Ф. Село Юриновка (Новгородсеверского у. Черниговской губ.) в историческом и этнографическом отношениях // Черниговские губ. ведомости. – 1855. – № 21. – С. 174.
2. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М. : Индрик, 1995. – 432 с.
3. Иванов П. В. Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках. Материалы для характеристики миросозерцания крестьянского населения Купянского уезда // Сборник Харьковского Историко-филологического общества. – 1893. – Т. 5: Труды Педагогического отдела Историко-филологического общества. – Вып. 1. – С. 23–74.
4. Калашников В. Русская демонология. – М. : Ломоносовъ, 2014. – 208 с.
5. Криничная Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора. – М. : Гаудеамус, Академ. проект, 2004. – 1008 с. – (Summa).
6. Левкиевская Е. Мифы русского народа. – М. : Астрель : АСТ, 2002. – 528 с.
7. Лихачев Д. С. Бунт кромешного мира // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. – С. 45–59.
8. Логиновский К. Д. Записки Общества изучения Амурского края (Владивостокского отделения Приамурского отд. РГО). – Владивосток, 1904. – Т. 9, вып. 1 : Материалы к этнографии забайкальских казаков. – 135 с.
9. Маркевич Н. А. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. – Киев : Тип. И. и А. Давиденко, 1860. – 171 с.
10. Неклюдов С. Ю. На земле, в небесах и на море: заметки о «семантических» пространствах мифа [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov50.htm (дата обращения: 06.10.2021).
11. Орлов В. В. Альтист Данилов. – М. : ТЕРРА, 1994. – 560 с.
12. Сафрон Е. А. Жанровое своеобразие романа В. В. Орлова «Альтист Данилов» // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. – 2017. – № 1. – С. 57–62.
13. Якушева Г. В. Образ и мотивы Гете в отечественной словесности XX века // Гете в русской культуре XX века / под ред. Г. В. Якушевой ; науч. совет «История мировой культуры» РАН. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2004. – С. 11–44.
14. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej: Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. – Kraków, Warszawa, 1897–1981. – T. 1. – 1897. – 462 s.
15. Näck // Nordisk Familjebok. Konversationslexikon och realencyklopedi. – Stockholm : Nordisk Familjeboks Förlägs AB, 1914. – S. 316–317.

© Сафрон Е. А., 2022.

УДК 811:81.25:82(091)

УИЛЬЯМ МОРРОУ И ЕГО ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ЧИТАТЕЛИ

А. Б. Танасейчук,
д-р культурологии, профессор
atandet@rambler.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. Статья знакомит с личностью и особенностями творчества американского писателя и журналиста Уильяма Морроу (1854–1923), с историей восприятия его произведений в Америке и нашей стране, обсуждаются проблемы перевода.

Ключевые слова: Уильям Морроу, восприятие, перевод, литература США в России, новелла.

WILLIAM MORROW AND HIS FIRST RUSSIAN READERS

A. B. Tanaseichuk
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article introduces the personality and art peculiarities of William Morrow (1854–1923) – American writer and journalist, studies the history of his works perception in the US and in our country, and discusses the problems of translation.

Keywords: William Morrow, perception, translation, US literature in Russia, short story.

Некоторое время назад автор настоящих строк опубликовал статью, посвященную малоизвестному в нашей стране, но весьма оригинальному и признанному у себя на родине американскому прозаику рубежа XIX–XX веков. Уильяму Чемберсу Морроу (William Chambers Morrow, 1854–1923) [12, с. 205–208]. Статья носила обзорный характер и своей целью ставила знакомство русскоязычной аудитории с творческим обликом незаурядного новеллиста. В расширенном виде этот текст превратился в предисловие к первому сборнику произведений писателя на русском языке, изданному совсем недавно [10, с. 7–18; 13]. Разумеется, многое осталось за пределами упомянутой статьи, в частности, «сюжет» о первых встречах русскоязычного читателя с рассказами американского автора. История этого знакомства довольно непроста и весьма необычна, а потому с ней имеет смысл познакомиться. Но прежде всего несколько слов о самом Морроу.

Амброз Бирс (1842–1914?), американский классик, сказал как-то: «Морроу обладал поразительным даром писать страшные истории. Его рас-

сказы заставляли читателя буквально наяву чувствовать, как по спине, извиваясь, скользит змея с омерзительно холодной кожей, а от ужаса шевелятся волосы. Многих от его историй бросало в дрожь, а кое у кого даже не хватало отваги читать их в уединении» [15, p. 336]. Хотя Морроу сочинял не только рассказы, но и романы (у него их три: один детективный и два в жанре мелодрамы), его «вотчиной» была психологическая новелла (термин, введенный в оборот Э. А. По). Литературная репутация писателя зиждется прежде всего на единственном новеллистическом сборнике «Обезьяна, идиот и другие персонажи» (*The Ape, Idiot and Other People*). При жизни автора он издавался только раз – в 1897 году [17]. Наследие Морроу-новеллиста, конечно, обширнее. Усилиями американских исследователей к настоящему времени собран основной корпус его короткой прозы – около сорока произведений. Некоторые из рассказов в наши дни включаются в антологии *weird*-прозы, в последние годы появляются и авторские сборники. В США Морроу давно считается одним из классиков англоязычной «страшной прозы».

У. Морроу был, главным образом, «журнальным писателем». Его тексты – художественные и публицистические (последние, по обычаю времени, не всегда подписаны) – рассыпаны по страницам калифорнийских (*Californian*, *Overland Monthly*, *San Francisco Examiner*, *Call*, *San Francisco News Letter*) и национальных (*Lippincott Magazine*, *Philadelphia Magazine*, *Munsey's Magazine*, *Smart Set*) периодических изданий. Большинство из них до сих пор не переизданы и широкому читателю совершенно не известны.

Как можно понять по рассказам (а также по немногочисленным сохранившимся фотографическим портретам), Морроу был личностью своеобразной. Судя по всему, серьезное влияние на его психику наложили впечатления детства. Он был «южанином» из богатой плантаторской семьи и оказался свидетелем эксцессов «покорения» Юга северянами: видел кровь, жестокость, насилие… Повлияла, разумеется, и личная трагедия: смерть единственного сына в младенчестве. Мать – жена писателя – не смогла оправиться от удара, да и отец, судя по всему, тоже.

Морроу сотрудничал во многих журналах, но был нелюдим, жил в уединении и не любил публичности. Поэтому известно о нем совсем не много. Как и многие калифорнийцы, на Западе он был человеком пришлым: его родина – «Глубокий Юг», штат Алабама, город Селма. В двадцать лет Морроу оставил родные пенаты и перебрался в Калифорнию. Сначала обитал в Сан-Франциско, затем перебрался в тихий провинциальный Сан-Хосе.

«Страшную прозу» тогда писали многие, но Морроу с самого начала отличался «лица необщим выраженьем». Его тексты числят обычно по «ведомству» *suspense* или *weird tales*, но данное жанровое определение едва ли полностью соответствует тому типу историй, которые сочинял автор. Прежде всего, он явно не стремился развлечь читателя. Если в его коллизиях и присутствуют элементы «готики», приключения, «страшилки» и т. п., – для него они не самоценны. Писатель был устремлен к изучению человеческой души, феноменов и состояний, возникающих в моменты глубоких нервных переживаний и фрустрации. Автора очень интересовал феномен девиантного пове-

дения, его формы, истоки и скрытые мотивы. Вероятно, потому его истории так густо населяют «девиантные» герои. С позиции «нормального» человека их поступки, мысли и деяния трудно объяснимы, но по-своему они последовательны и логичны. Автор постоянно задается вопросами: что есть «норма»? и всегда ли «ненормальное» поведение на самом деле является таковым? Морроу собственные сочинения подобного рода называл «психологическими этюдами», иногда – «исследованиями», но неизменно «упаковывал» их в форму увлекательного повествования – с нетривиальным сюжетом, героем и ситуацией.

При жизни литератор был не слишком успешен: уж очень необычны его рассказы. Читатель нередко недоумевал: всерьез это или писатель над ним посмеивается? Что это: «страшный рассказ» или ядовитая ирония? Слава приходит к Морроу *post mortem*. В 1923 году Винсент Старретт, один из ведущих американских литературоведов того времени, посвящает ему пространную статью [18, p. 118–125], в которой называет писателя «одним из самых недооцененных современных авторов», «тонким стилистом», наделенным, к тому же, «поразительным воображением»; вписывает его в национальную традицию психологической новеллы; провозглашает учеником Эдгара Аллана По и Амброза Бирса. На рубеже 1920–30-х годов знаменитый журнал *Weird Tales* публикует главные новеллы Морроу. Переиздаются его книги, особенно успешно – «Обезьяна, идиот и другие персонажи». А затем… его надолго забывают. Полномасштабное возвращение писателя к англоязычной аудитории происходит уже в XXI веке, в эпоху Интернета: из небытия его извлекают поклонники жанра, затем подключаются литературоведы, издатели; появляются исследования, антологии, ведется розыск утраченных текстов, прижизненных газетных и журнальных публикаций; восстанавливаются факты биографии и т. д. Теперь его творчество – очевидный и немаловажный факт литературной истории США рубежа XIX–XX веков.

С Россией и русскоязычным читателем у Морроу отношения иные. Настоящее «масштабное» знакомство с новеллистикой американца происходит только сейчас: в 2021 году авторитетный журнал «Иностранная литература» публикует на своих страницах подборку рассказов Морроу и статью о нем [9, с. 209–236]; двумя месяцами позже появляется первая книга американского автора на русском, составленная главным образом на основе знаменитого сборника «Обезьяна, идиот и другие персонажи». Сборник включает десять рассказов, должным образом откомментирован, содержит, кроме предисловия [12, с. 208], перевод упоминавшегося эссе В. Старретта [11, с. 319–328], ряд других материалов. Казалось бы, тема таким образом закрыта и дата «первого» знакомства установлена. Однако в процессе подготовки указанных публикаций обнаружился целый ряд фактов, которыми имеет смысл поделиться.

Прежде всего, автор настоящих строк в 2016 году опубликовал подборку рассказов У. Морроу на страницах регионального литературно-художественного журнала «Странник» [8, с. 151–178]. Затем израильский русскоязычный журнал «Млечный путь» опубликовал два его рассказа

[6, с. 205–215] и статью о Морроу [14, с. 215–218]. Это была своего рода «преамбула» к публикации в «Иностранной литературе» и к появлению полноценной книги. Подготовка последней заставила провести специальные разыскания, и в результате выяснилось: А. Б. Танасейчук – не единственный переводчик историй Морроу на русский язык. Оказалось, в 2015 году на страницах популярного журнала «Ступени оракула» опубликован перевод одного рассказа [4, с. 30–31], затем в составе изданной в 1998 году небольшой книжки обнаружился еще один рассказ, – правда, без указания авторства [7, с. 43–56]. Дальнейшие поиски привели к факту публикации рассказа У. Морроу «Заключенный» на страницах антологии «Американская новелла», вышедшей в Петрограде в 1923 году. Кстати, в библиографии составителя (В. Азова / Ашкенази) указан другой переводчик (Л. Гаусман); на самом деле перевела текст О. Пржецлавская [3, с. 117–135]. Дальнейшие изыскания (в журнальных фондах РГБ) привели еще к двум открытиям. Прежде всего, выяснилось, что новеллы американского автора переводили на русский язык и до революции. Нам удалось найти две публикации. Обе в петербургском журнале «Сборник русской и иностранной литературы». Первый рассказ («Золотой склеп» / *A Golden Sepulchre*) был опубликован в 1912-м [5, с. 19–32], второй («Два феномена» / Two Singular Men) в 1913 году [2, с. 59–71]. Оба перевода (в традициях того времени) были анонимными. Можно предположить, что существуют переводы и других новелл автора на русский, однако обнаружить их не удалось. Но сверкой оригинала и перевода, а затем и сборника новелл писателя, изданных на французском языке, установлено, что переводы осуществлялись не с англоязычного первоисточника, а с франкоязычной книги.

Дальнейшие поиски привели к неожиданному: оказывается, еще в 1901 году, в журнале «Вестник Европы» была опубликована обстоятельная статья-рецензия на упоминавшийся выше сборник У. Морроу, изданный в Париже в 1901 году [16]. Ее автор Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867–1941) – переводчица, видный литературный критик, одна из первых отечественных филологов-зарубежников. Рецензия объемная и обстоятельная: автор анализирует книгу в целом, останавливается на отдельных рассказах; обнаруживает «генетическую связь» американского автора с Эдгаром По, сравнивая сюжеты и манеру.

Данное обстоятельство превращает, казалось бы, проходной материал в серьезное исследование – целостный анализ творческого метода писателя и его художественных особенностей [1, с. 409–415]. Хотя критик и не называет имени Амброза Бирса среди учителей Морроу, в целом ее восприятие автора как последователя По вполне обосновано и профессионально мотивировано. По сути, Венгерова первой среди исследователей представила творческий портрет писателя, на двадцать с лишним лет опередив В. Старретта – соотечественника автора.

Таким образом, складывается довольно парадоксальная ситуация: настоящее знакомство русскоязычной аудитории с творчеством уникального американского прозаика-новеллиста происходит только сейчас, в наши дни, –

без малого через столетие после его смерти, но приоритет первого серьезного исследования особенностей поэтики и эстетики У. Морроу оказывается за отечественной наукой.

Библиографический список

1. Венгерова З. А. W.C. Morrow. Le signe, L'Idiot et autres gens // Вестник Европы. – 1901. – № 7. – С. 409–415.
2. Морроу У. Два феномена // Сборник русской и иностранной литературы / анонимн. пер. с фр. – 1913. – № 17. – С. 59–71.
3. Морроу У. Заключенный / сост. В. Азов; пер. с англ. О. Пржецлавской // Американская новелла. – Вып. 1. – Пг.: Атеней, 1923. – С. 117–135.
4. Морроу У. Заколдованный грабитель / пер. с англ. Б. Косенкова // Ступени Оракула. – 2015. – № 20. – С. 30–31.
5. Морроу У. Золотой склеп // Сборник русской и иностранной литературы / анонимн. пер. с фр. – 1912. – № 11. – С. 19–32.
6. Морроу У. Новеллы / пер. с англ. А. Танасейчука // Млечный Путь. – Иерусалим, Израиль, 2016. – № 2 (17). – С. 205–215.
7. Морроу У. Оригинальная месть / пер. с англ. М. Гейвандовой // Существо из ниоткуда. – М. : Росмэн, 1998. – С. 43–56.
8. Морроу У. Рассказы / пер. с англ. А. Танасейчука // Странник. – 2016. – № 5. – С. 151–178.
9. Морроу У. Три рассказа / пер. с англ. и вступл. А. Танасейчука // Иностранная литература. – 2021. – № 8. – С. 209–236.
10. Морроу У. Ч. Неукротимый враг / пер. с англ. А. Танасейчука. – Саранск, 2021. – 336 с.
11. Старретт В. Искусство У. Ч. Морроу // Морроу У. Неукротимый враг / пер. с англ. А. Танасейчука. – Саранск, 2021. – С. 319–328.
12. Танасейчук А. Б. «Странные» истории Уильяма Морроу // Иностранная литература. – 2021. – № 8. – С. 205–208.
13. Танасейчук А. Б. Уильям Морроу: сочинитель «странных» историй // Морроу У. Неукротимый враг / пер. с англ. А. Танасейчука. – Саранск, 2021. – С. 7–18.
14. Танасейчук А. Б. Уильям Морроу: сочинитель «странных» историй // Млечный Путь (Иерусалим, Израиль). – 2016. – № 3 (18). – С. 215–218.
15. Bierce A. The Collected Writings. – N.Y. : The Citadel Press, 1946. – 810 p.
16. Morrow W. C. Le signe, L'Idiot et autres gens. – Paris, 1901. – 300 s.
17. Morrow W. Ch. The Ape, Idiot and Other People. – Philadelphia : Lippincott & Co., 1897. – 306 p.
18. Starrett V. The Art of W.Ch. Morroy // Starrett V. Buried Caesars: Essays in Literary Appreciation. – Chicago : Covici-McGee Company, 1923. – P. 118–125.

© Танасейчук А. Б., 2022.

УДК 82-1/-9

MASH-UP НА РУССКОЙ ПОЧВЕ: «ТИМУР И ЕГО КОМАНДА И ВАМПИРЫ»

А. П. Трушкина,
магистрант
trualena1998@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности литературной пародии в стиле mush-up на примере текста Т. Королевой «Тимур и его команда и вампиры». Установлено, что автор не только переосмысляет повесть А. Гайдара, включая в нее мистический контекст, но и обогащает новыми мотивами, а также модифицирует классических персонажей.

Ключевые слова: mush-up, трансформация жанров, интертекстуальность, массовая литература, претекст, хоррор.

MASH-UP ON RUSSIAN SOIL: «TIMUR AND HIS TEAM AND VAMPIRES»

A. P. Trushkina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines the features of a literary parody in the style of a mush-up on the example of the text by T. Koroleva «Timur and his team and vampires». It has been established that the author not only reinterprets the story of A. Gaidar, including in it a mystical context, but also enriches it with new motives, and also modifies the classic characters.

Keywords: mush-up, transformation of genres, intertextuality, mass literature, pretext, horror.

Как известно, в последние десятилетия происходит активный процесс становления новых литературных жанровых форм. Причем происходит это за счет трансформации канонических структур. Взаимодействие массовой и элитарной культур, воздействие на литературу кино, СМИ, телевидения, Интернета стали основой для создания оригинальных жанров. Как утверждает А. А. Дзюба, «литературная ассимиляция привела к порождению интертекстуальных жанров, одним из которых является мэшап» [3, с. 87]. Отметим, что первоначально этот термин появился в музыке и подразумевал создание композиции, в которой смешиваются (англ. mush-up – смешивать) две или более части других песен. Позднее понятие стало применимо и к литературе. Дзюба предлагает рассматривать mush-up как гибридное направление в словесности. «Главным

критерием, отличающим мэшап-романы, является наличие в канве повествования классического художественного произведения элементов ужасов и фантастики: вампиров, оборотней, зомби, роботов» [3, с. 87].

Первое литературное mush-up-произведение – роман С.-Г. Смита «Гордость и предубеждение и зомби», вышедший в 2009 году. Текст имел успех у аудитории, что породило немало подражателей. Так, через некоторое время в свет вышли приквел «Гордости и предубеждения и зомби: Рассвет ужаса» Стива Хокенсмита, «Разум и чувства и гады морские» Бена Уинтерса, «Мэнсфилд Парк и мумии» и «Нортенгерское аббатство и ангелы и драконы» Веры Назариан, «Эмма и вампиры» Уэйна Джозефсона, «Мистер Дарси, вампир» Аманды Грэйнд, «Андроид Каренина» Бена Уинтерса. Билл Чолгош стал автором «Приключений Гекльберри Финна и зомби Джима». Шерри Браунинг Ирвин использовала произведение Шарлотты Бронте в качестве основы для романа «Джейн Слэйр». Портер Грэнд модифицировал произведение Луизы Мэй Олкотт, назвав его «Маленькие женщины и оборотни», а Линн Мессина − «Маленькие вампирские женщины». Американские авторы использовали классические произведения в качестве претекста, добавив элементы хоррора. Благодаря этому хорошо известные романы обрели новое звучание за счет жанрового синтеза.

Через пару лет любопытный эксперимент провела Татьяна Королева, в результате чего российский читатель увидел книгу «Тимур и его команда и вампиры» (очевидно, что поэтику заглавия писательница позаимствовала у западных коллег) – переосмысление одной из ключевых повестей соцреализма «Тимур и его команда» А. Гайдара.

Согласно подсчетам исследователей, зарубежные авторы включают в работы до 90 % классического текста. Королева, в свою очередь, использует лишь 5 % исходной повести, причем она не только перерабатывает произведение Гайдара, обогащая повествование элементами хоррора и фантастики, но и ссылается на претекст, выделяя цитаты курсивом. Ср.: «Все исправные роботы похожи друг на друга, все неисправные роботы неисправны по-своему. Все смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой, в чьи обязанности входило техническое обслуживание бытовых роботов I и II класса» [6, с. 8] – «*Вот уже три месяца, как командир бронедивизиона полковник Александров не был дома. Вероятно, он был на фронте. В середине лета он прислал телеграмму, в которой предложил своим дочерям Ольге и Жене остаток каникул провести под Москвой на даче* <…> Взяла моду – брать взрослые книги по моему читательскому билету. Мопассана читаешь, а у самой тройка по истории!» [4, с. 3–4].

Важно отметить, что в американских пародиях авторы сохраняют сюжет, лишь «разбавляя» его сверхъестественными образами, которые являются второстепенными персонажами. В российском же mush-up сюжетная линия не совпадает с классической. Если у А. Гайдара фабула организована вокруг добрых поступков пионера Тимура и его друзей, то у Королевой – во-

круг образа вампира и его авантюр. Причем существо из потустороннего мира – один из главных персонажей.

Как и претекст, произведение Королевой начинается с переезда Ольги и Евгении Александровых за город по просьбе отца. Однако уже с первых строк повествование начинает обретать мистическую канву. Так, Женя делится наблюдениями о том, что у нее, сестры и папы необычные шрамы от прививки: «Вот какая – похожа на цветок лилии» [4, с. 4]. Отметим, что цветок выбран автором неслучайно: подобный символ встречается в одной из книг цикла «Академия вампиров» Р. Мид. Золотая лилия – татуировка у алхимиков, дающая им право открывать тайну существования вампиров тем, кто о них не знает. Т. Королева предлагает свою интерпретацию. Во-первых, лилия – отличительный знак истребителей кровопийц, а во-вторых, этот символ является признаком «невинности и королевской славы» [4, с. 77].

Подчеркнем, что mush-up Королевой полностью соответствует критериям массовой литературы: тривиальность и формульность. Поэтому текст изобилует клишированными приемами. Например, для создания атмосферы тревоги автор использует страшную историю бабы Нюры об оборотне; чтобы намекнуть читателю на принадлежность персонажа к иному миру, писательница «селит» его в дом под номером 13; в тексте большое количество лексем из ассоциативно-семантического поля «Нечистая сила», под которым понимается совокупность лексических единиц, имеющих негативную коннотацию и наделяющихся определенными мифологическими функциями [4, с. 4]. Кроме того, напряжение достигается за счет синтаксического параллелизма, создающего объемную и зловещую картину: «Закат полыхал над кровавым заревом, огненные блики скользили по оконным стеклам. Силуэты деревьев в заброшенном саду казались черными, даже старый сарай выглядел опасным. Вдруг упала приставленная к его стене лестница, метнулись неясные тени, зашуршала трава, провода над крышей задрожали. Звякнуло где-то разбитое стекло. Недобро вскрикнула испуганная птица» [4, с. 7]. Разумеется, основные события происходят ночью.

Ключевое место, как было сказано ранее, занимает образ вампира Армана, который является сюжетообразующим. Несмотря на то что в первичном тексте этот герой отсутствует, косвенно он все-таки связан с классической повестью: Арман представляется дядей Тимура, Георгием Гореевым. Однако просит называть себя иностранным именем.

Вокруг персонажа сосредоточен весь комплекс шаблонных представлений о вампирах. Прежде всего это проявляется во внешности персонажа. Писательница использует закрепившийся в искусстве мотив сексуальной привлекательности вампира (достаточно вспомнить картину Ф. Бёрн-Джонса «Вампир» (1879), новеллу Дж. Ш. Ле Фаню «Кармилла» (1872), сагу С. Майер «Сумерки» (2008–2012), телесериал «Дневники вампира» (2009–2017)). Таким образом, Арман – «видный мужчина, статный и высокий, похожий на артиста из заграничной киноленты <…> Пожалуй, он был красивым» [1, с. 10]. Единственное, что выдает его истинную сущность, – пронзительный взгляд и чрезвычайно бледная кожа. Особую притягательность обретает

и Ольга после того, как Арман обращает ее в вампира: «Родная сестра показалась Жене совсем чужой, незнакомой и очень взрослой женщиной. Глаза у нее лихорадочно блестели и были бездонными из-за огромных зрачков. Волосы непостижимым образом отросли, потемнели и спадали почти до самой талии, ногти тоже казались длинными и очень острыми, а губы темными – как красное вино» [4, с. 178].

Т. Королева оставляет своему герою такие физические особенности, как недюжинная сила и необычные телодвижения: «…с кошачьей грацией перемахнул через забор и тоже помчался в сторону станции» [4, с. 11]; «Но даже в искусственной тьме Арман сохранил способность ориентироваться по движению – как летучая мышь» [4, с. 139]; «Арман размахнулся – жаль, как жаль, что его сейчас никто не видит! – лезвие косы со свистом обрушилось вниз – туда, где мрак был особенно плотным и теплым. Раздался короткий вскрик, затем тяжелый глухой удар» [4, с. 140].

Также, придерживаясь современной традиции изображения вампиров, прозаик неоднократно отмечает чрезмерный педантизм своего персонажа и любовь к изысканному гардеробу: «Арман брезгливо поморщился, отряхнул с пиджака налипшую травинку и направился к забору дачи. Он презирал несовершенство даже в мелочах – ему срочно требуется переодеться» [4, с. 121]; «Только сегодня незнакомец сменил безупречный костюм на шелковую рубашку и жилет. Через его руку было переброшено легкое летнее пальто, а глаза прикрыты темными очками» [4, с. 45].

Однако автор, представляя кровопийцу максимально привлекательным, не умалчивает о его реальном происхождении. Вампир – оживший мертвец, что подчеркивается в тексте: «Тела раненых сбрасывали в общие могилы вместе с мертвецами, город очень быстро наполнился вурдалаками и оборотнями. Парижане трепетали от ужаса и боялись покидать дома после заката. Но отважным комиссарам Конвента удалось изловить самого опасного вампира – маркиза Анре де Лакло Сангланта, по прозвищу Арман – ледяной поцелуй <…> Но нашлась невинная и чистая душа, которая одна во всем свете способна выпустить вампира из оков, и пожалела его…» [4, с. 128–129].

Вампир Татьяны Королевой по традиции боится чеснока, соли, серебра, осинового кола, крапивы. При этом текст не лишен новаторства: кровопийцу может остановить и символ Советского Союза – красная звезда. «…силы серебряному кресту добавляла алая пятиконечная звезда! На всех рубашках, майках и футболках мальчишки была нашита нагрудная пентаграмма – древний знак защиты от силы зла, эмблема тайного ордена истребителей нечисти» [1, с. 79]. В повести А. Гайдара Тимур и его команда изображали этот знак на тех домах, которые они оберегали от банды Мишки Квакина, в пародии – от Армана и «обращенных».

С образом вампира связана и любовная линия произведения. Ольга, как типичная героиня «розового романа» [5, с. 69], влюбляется в загадочного иностранца с первого взгляда. С момента знакомства и до трагичного финала личность Армана полностью занимает сознание девушки. Все поступки Ольги на протяжении повествования связаны с попытками понравиться таин-

ственному гражданину. В этом отношении наиболее показательна развязка: Ольга, желая быть с избранником до конца своих дней, даже решается провести старинный обряд для соединения кровей. «Она быстро выхватила нож и резко провела лезвием по ладони – открылась небольшая ранка <…> Арман не мог отвести от нее глаз, – вдруг резкая боль вывела его из забытья. Решительная девушка полоснула тем же лезвием по его ледяной ладони» [4, с. 161]. Любопытно, что вампир, изначально жаждущий заполучить души обеих сестер, в финале предлагает Ольге бежать и спасаться. Разговор Ольги и Армана напоминает знаменитую сцену из «сумеречной саги» С. Майер: Эдвард раскрывается перед Беллой и тоже пытается отговорить ее от общения с ним. Однако, в отличие от американской героини, Александрова даже не подозревала, что ее возлюбленный – представитель иного мира.

Отметим, что мотив любви между вампиром и обычной девушкой – довольно частое явление в российской массовой литературе. Достаточно вспомнить серию книг «Охотник на вампиров» О. Грибовой и роман «Злая кровь» Е. Таничевой. В своих произведениях авторы «вампирских саг» принципиальное место отводят сцене «вампирского поцелуя», ставшей клишированной. Т. Королева тоже не лишает свой текст этого яркого фрагмента: «Вампир вскочил на ноги – судьба снова проиграла ему, – он расхохотался горьким ледяным смехом падшего демона <…> Он обнял Ольгу, их губы соединились. Это был поцелуй равных» [4, с. 162].

Интересен образ профессора Колокольникова. Очевидно, что персонаж mush-up Королевой – результат трансформации гайдаровского доктора Ф. Г. Колокольчикова и, на наш взгляд, сочетающего рационализм и веру в эзотерику Абрахама Ван Хельсинга из «Дракулы» Брэма Стокера. Писательница дает очень краткую характеристику своего персонажа, но этого вполне хватает, чтобы соотнести его с легендарным врачом-метафизиком, охотником на вампиров: «Его противник [Колокольников. – *А. Т.*] был когда-то очень силен, раз сумел уберечь свою магию после отмены религии и сопутствующего мракобесия» [4, с. 139]. Подчеркнем, что схватка профессора с вампиром описана в духе триллера. Здесь напряжение достигает своего пика, закономерно вызывая у читателя состояние тревоги и яркие эмоции.

Все вышеперечисленное подтверждает, что Татьяне Королевой удалось создать отечественный вариант mush-up. Она умело синтезирует соцреалистическую повесть с мистическими образами и мотивами. Однако, в отличие от западных пародий, писательница модифицирует характеры главных персонажей.

Например, Ольга Александрова из произведения Гайдара – ответственная и серьезная девушка, на плечи которой возложено воспитание младшей сестры. В разговоре с Женей ее подруга Таня утверждает, что Ольга «очень злая» [4, с. 9]. Девушка, действительно, проявляет строгость по отношению к Евгении, но это происходит не вследствие ее тяжелого характера. Строгость объясняется, во-первых, беспокойством и стремлением уберечь ребенка от опасностей, а во-вторых, желанием сохранить авторитет. Спокойно, как и

положено советской гражданке, Ольга относится к знакам внимания Георгия Гореева.

Подобную характеристику нельзя дать героине Т. Королевой. Ольга легкомысленна и наивна. Как было сказано ранее, на протяжении всего текста она занята лишь мыслями об Армане. «Сказала, что пойдет за керосином в колхозный сельмаг, а сама прихватила пляжное полотенце и купальник <…> Почти весь день Ольга провела на берегу реки <…> Только ее новый знакомый так и не появился среди отдыхающих. Ольга, разочарованная и заскучавшая, встряхнула полотенце, оделась и отправилась в колхозный магазин за керосином» [4, с. 41–45].

Гайдаровский Тимур – идеал литературы соцреализма. Неудивительно, что в советское время образ юноши оказался настолько жизненно достоверным, что вызвал симпатию у тысячи подростков. В пародии парень хоть и стоит на стороне Добра, считая своим предназначением защищать деревню от шайки Квакина, однако его поведение оставляет желать лучшего. Яркое подтверждение тому – драка с Женей на кладбище и эпизод с сигаретами.

Евгению современный автор оставил неизменной, лишь разнообразив ее речь сниженной лексикой: «Я, как Золушка, то с тряпкой, то с веником» [4, с. 4], «Что же мне, молчать, как мещанке?» [4, с. 5], «Я свешу такую плюху» [4, с. 44], «Пусти меня – дура!» [4, с. 36]

«Тимур и его команда и вампиры» отличается от советской повести и наличием религиозного мотива. Персонажи неоднократно обращаются к Богу (чаще всего призывы звучат из уст комсомолки Ольги), а также не скрывают у себя наличие символов веры – нательных крестов и святой воды. Впрочем, религия в тексте оправдана: она выступает инструментом борьбы со Злом нечеловеческого происхождения.

Таким образом, «Тимур и его команда и вампиры» – яркий представитель литературного mush-up на российской почве. Причем Татьяна Королева не только переняла опыт американских собратьев по перу, но и расширила жанр путем введения новаторских элементов. Она переосмыслила классических персонажей, сделала вампира одним из главных героев, а также обогатила текст дополнительными мотивами.

Библиографический список

1. Гайдар А. Тимур и его команда : повести, рассказы, киносценарии. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 352 с.

2. Дзюба А. А. Киберпространство интертекстуального романа Б. Х. Уинтерса «Андроид Каренина» // Litera. – 2019. – № 1. – С. 87–95.

3. Дзюба А. А. Формирование жанровых канонов литературного направления мэшап (на материале романов С.-Г. Смита «Гордость и предубеждение и зомби», Б. Х. Уинтерса «Андроид Каренина», Б. Х. Уинтерса «Разум и чувства и гады морские») // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 4 (77). – С. 391–395.

4. Королева Т. Тимур и его команда и вампиры. – СПб. : Астрель-СПб, 2012. – 186 с.

5. Литовская М. Читать нельзя изучать : Книга о массовой литературе для учеников и учителей / М. Литовская, И. Савкина. – М. : Кабинетный ученый, 2017. – 150 с.
6. Толстой Л. Н. Андроид Каренина / Л. Н. Толстой, Б. Уинтерс. – М. : Астрель, 2011. – 768 с.

© Трушкина А. П., 2022.

УДК 82-1:821.161.1«20»

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ИТОГОВОЙ» КНИГИ СТИХОВ Е. РЕЙНА «ИЗБРАННОЕ» (1993)

А. В. Хозяйкина,
аспирант
a.hozyaikina@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается художественное своеобразие «итоговой» книги стихов на примере издания Е. Рейна «Избранное». Автор обращает внимание на особенности поэтического стиля Е. Рейна, анализирует метажанровую структуру книги и ее проблемно-тематические особенности.

Ключевые слова: Е. Рейн, современная поэзия, «итоговая» книга стихов, художественное своеобразие, тематические особенности, лирический герой, мотив.

ARTISTIC ORIGINALITY OF THE FINAL BOOK OF POEMS E. REINA «SELECTED» (1993)

A. V. Hozyaikina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines the artistic originality of the «final» book of poems on the example of E. Rein's book «Selected». The author focuses on the peculiarities of the poetic style of E. Rein, analyzes the meta-genre structure of the book and its problem-thematic features.

Keywords: E. Rein, modern poetry, «final» book of poems, artistic originality, thematic features, lyrical hero, motive.

Современная отечественная поэзия постоянно развивается, приобретает новые прочтения и смыслы. Поэтам свойственны творческая индивидуальность, экспериментаторство, желание выделиться среди других, в связи с чем расширяется и многообразие жанрово-видовых форм [см.: 1]. Особенно интересными нам кажутся поэты рубежа XX–XXI вв., которые занимаются актив-

ной разработкой новых тем, переосмыслением классических образов и мотивов. На поэтической арене современности появляется все больше имен, поэтических техник. Особое место в современном поэтическом процессе занимает творчество Е. Рейна.

Евгений Рейн – русский писатель и сценарист (принадлежащий к так называемому старшему поколению поэтов-традиционалистов). Поэзия Е. Рейна получила широкую известность и признание на литературной арене, это доказывают полученные премии: Пушкинская премия в области поэзии (2004), премия «Поэт» (2012) и др.

Поэзия Е. Рейна изображает историю России 1960–70-х гг. вместе с населяющими ее людьми, их предрассудками и жизненными принципами, особенностями времени, к которому принадлежит и сам поэт. В качестве ключевых особенностей творчества Е. Рейна современники отмечают исповедальность, чрезмерную бытописательность и детализацию, отсутствие яркой цветовой гаммы, простоту, легкость, прозаизацию стиха [1, с. 198].

Отдельно стоит сказать о том, что поэзия Е. Рейна по жанровой принадлежности и тональности большинства стихотворений элегичная; для нее характерна ретроспективность. По мнению И. Бродского, основной темой поэтического творчества Е. Рейна является «конец вещей, конец, говоря шире, дорогого для него – или, по крайней мере, приемлемого – миропорядка» [4, с. 9]. Примечательно, что погибает и разрушается этот миропорядок не одномоментно, а шаг за шагом – постепенно. Поэзия Е. Рейна – это распад, расщепление всего, что окружает лирического героя: нравственных ориентиров, ценностей, отношений с близкими и знакомыми, даже исторических связей. При этом поэтический мир писателя разнообразен и прост.

Е. Рейн принадлежит к поэтам-урбанистам, в его книгах есть два излюбленных пейзажа, противоположных по своей атмосфере и настроению: пространство города Ленинград («*Пешком возвращаясь с прогулки, / Гляжу на огни и дома, / Но ключик от этой шкатулки / Найти не хватает ума. / Подумать – Васильевский остров / Так близко – достанешь рукой!*» [4, с. 18]) и что-то среднее между Балтикой и Черноморьем («*Великий кофе на морской веранде. / Батум, как кекс, нарезан на куски. / А сливки по утрам невероятно, / Невероятно, сказочно густы*» [4, с. 31]).

Поэты современности находятся в постоянном поиске новых жанровых форм, позволяющих наиболее репрезентативно выразить авторские чувства и эмоции. Одной из наиболее ярких из них, привлекающих внимание современных поэтов, является книга стихов. В отечественном литературоведении широкое распространение получила особая ее разновидность – «итоговая» книга стихов [см.: 2], под которой вслед за О. В. Мирошниковой мы понимаем метажанровое образование, обладающее сложной продуманной автором структурой, в состав которого могут входить не только поэтические произведения, но и прозаические, драматические. Ключевая особенность «итоговой» книги стихов – тематическая, выражающаяся в использовании принципа столкновения (наложения) эпох, который позволяет сделать акцент на конеч-

ности, рубежности, предельности времени и вместе с тем подвести итог жизни и творчества [3].

Наследие Евгения Рейна насчитывает более двадцати пяти сборников. Наиболее интересна в рамках данного исследования книга стихов «Избранное» (1993), которую открывает предисловие И. Бродского, содержащее детальный анализ творчества Е. Рейна, особенностей и специфических черт его поэтического стиля.

Обращает на себя внимание архитектоника книги. Она состоит из четырех глав: «Имена мостов», «Береговая полоса», «Темнота зеркал», «Предсказание»; стихотворения внутри глав имеют хронологическую последовательность.

Заголовочный комплекс книги стихов «Избранное» не показателен, но, если проанализировать внутреннюю структуру, становится понятно, что названия глав метафоричны. Их связывает наличие образов-символов рубежности, которые расположены по нарастающему постепенно пределу. Мост как наиболее обытовленный и знакомый человеку символ перемен, изменения, перехода из одного состояния в другое; полоса как символ более продолжительного, пограничного рубежа; зеркало как грань между посюсторонним и потусторонним мирами (или как предмет, предоставляющий возможность познакомиться с границами собственной личности). Своеобразной кульминацией (с точки зрения первичного анализа названий глав книги стихов) является последняя глава – «Предсказание», содержащая ответ на вопрос: что ждет современный автору мир?

Первая глава «Имена мостов» посвящена не только Петербургу (как может показаться читателю на первый взгляд): автор упоминает Тбилиси и Батуми, словно перемещается в пространстве и времени. Лирический герой активно наблюдает за городами, параллельно ищет ответы на вечные вопросы: «*Если вглядеться в последнюю темень, / Свет ночника вырывает из мрака / Бешеной нежности высшую степень, – / В жизни, как в письмах, помарки с размаха*» [4, с. 23]. Герой, тождественный автору-рассказчику, ищет себя, задумывается о своем предназначении, понимает, что потерялся, забылся: «*Там, где остров приподнят на крутом берегу, / за пустым стадионом рыданья копя, / я стою мастодонтом, забывшим себя*» [4, с. 26]. Но после небольшого замедления понимает, что, несмотря на трудности и ошибки, пути «назад» нет, нужно продолжать двигаться к намеченной цели.

Как было сказано ранее, характерной особенностью «итоговой» книги стихов является обращение к проблемам современности, мотив рубежности времени и подведения творческих итогов. Лирический герой задумывается над вечными вопросами: рассуждает о том, что такое счастье, человеческая жизнь, реальная действительность, и не находит ответа: «*Нет вылета. Зима. Забит аэродром. / Базарный грош цена тому, как мы живем. / Куда мы все летим? Зачем берем билет? / Когда необходим один в окошке свет*» [4, с. 38]. Герой обеспокоен быстротечностью жизни, ее бурным движением, которое не всегда поддается описанию: «*Мой век окончен? Он не начат, / Я только что рожден. / Сам перегрыз я пуповину, / Сегодня прожил полови-*

ну, / Что будет завтра днем?» [4, с. 37]; или «*Должно еще что-то случиться, / А что, разберемся потом. / Граница, гробница, грибница / – Мерещатся ночью слова*» [4, с. 46].

Поиск ответов на «вечные» вопросы сквозной нитью проходит через главу «Береговая полоса». Однако лирический герой уже не просто рассуждает на фоне сменяющих друг друга пейзажей и лиц, он подмечает изменения, происходящие с миром, разочаровывается в окружающей действительности: «*На поле темно-красном светла диагональ. / И было в с е напрасным / Но только э т о жаль*» [4, с. 89].

В «Береговой полосе», продолжая искать ответы на философские вопросы, автор рассуждает о ремесле поэта. Лирический герой, приближенный к образу автора, рассуждает о неоцененности своего творчества, его «пустячности», о слишком большом количестве поэтов – представителей времени: «*Я читал им запальчивые стихи, / возмечтав о судьбе Рембо, / и внимательно за ними следил / в створки сдвинутые трюмо. / И один недовольно в усы ворчал, / а другой веселел зрачком. / Так я понял, что я их пронять не смог, / что явился я с пустяком. / Я, пожалуй, был симпатичен им, / но ведь ждали они не меня, / каждый час мог явиться другой поэт, / представляющий времена*» [4, с. 100].

Характерная для Е. Рейна ретроспективность позволяет анализировать собственное творчество. Автор не только размышляет о своих стихотворениях – в третьей главе «Темнота зеркал» он поднимает проблемы соотношения искусства и современности, задумывается о роли литературы в современной действительности, о предназначении поэта. В стихотворении «Дом поэта», рассуждая о творчестве Эндре Ади, он говорит и о поэтическом деле в целом и признается: «*Не разрушайте дом поэта / Среди корысти и беды, / По случаю кончины света / И всяческой белиберды <…> И, наконец, диванный валик, / Где Ади умер молодым, / Мне виден через тот хрусталик, / Которым в вечность мы глядим. / И нам понять доступно это, / И выразить дана нам мощь, / Приют поэта, дом поэта – / Прихожая небесных рощ*» [4, с. 210]. Для Е. Рейна поэтическое творчество связано с чем-то важным, особенным, вечным; автор подчеркивает божественное происхождение лирика и акцентирует внимание на наличие у поэтов «мощи», благодаря которой появляется возможность не только взглянуть в прошлое, но и понять его описать.

Рассуждая о собственном предназначении и судьбе, лирический герой, ощущающий на себе крах привычного миропорядка, говорит: «*Я – последнее слово в цепочке, / и в конце этой жизни пустой / вы теперь уже без проволочки / отпустите меня на покой*» [4, с. 252]. Глава «Темнота зеркал» наиболее ярко отражает конечность привычного мира, потому что во всем встречающемся на пути лирического героя, отражающем его он видит крах, разочарование, предел.

Четвертую главу «Предсказание» открывает стихотворение «Дельта», содержащее отсылку к «Береговой полосе» (второй главе книги), которая загрязнена (будто после крушения): «*В столетнем парке, выходящем к морю, / Была береговая полоса / Запущена, загрязнена ужасно, / Во-первых, отмель*

состояла больше / Из ила, чем из гальки и песка, / А во-вторых, везде валялись доски, / И бакены измятые, и бревна, / И ящики, и прочие предметы / Неясных материалов и названий» [4, с. 259]. Глава продолжается описанием череды смертей (сосед, няня), лирический герой понимает, что мир уже не будет прежним, а люди, окружающие его, далеки от нравственного идеала. Но в финальных строках главы он говорит о непредсказуемости судьбы, словно надеясь на то, что возможен и счастливый конец: «*Невежда, полузнайка, знаю я: / пифагорейцы точно рассудили, / что вечен круг преображенья жизни. / Но в человеческой судьбе загадка есть, / какой-то повторяющийся образ – / попробуй-ка его уразумей*» [4, с. 295].

Наряду с тематическими (содержательными) особенностями в книге стихов присутствуют и дополнительные (формальные) признаки, свойственные «итоговой» книге стихов. По мнению И. Бродского, Е. Рейн – чрезвычайно вещественный поэт. Его стихотворениям свойственна глубокая детализация, которая на формальном уровне выражается в большом количестве существительных: именно предметы, города, вещи, люди имеют для поэта особое значение. Стихотворение «У лукоморья» (отсылающее нас к «Руслану и Людмиле» А. С. Пушкина), богатое прилагательными, является скорее исключением из правил: *«„У лукоморья дуб зеленый...“ / Мясной, тяжелый суп соленый / Да мутноватая бутыль. / Четвертый день несносный дождик, / Экскурсовод, лесник, художник / Погоды ждут – все гиль*» [4, с. 36].

Е. Рейн использует лексику, принадлежащую к разным пластам: высокому и низкому, из-за чего происходят «обытовление» глубоких, философских смыслов, «прозаизация» стиха, формирование искренней, разговорной тональности. Читатель чувствует, что общается со старым знакомым, который через лирического героя делится своими мыслями, переживаниями.

Поэт опирается на традиции писателей-классиков, он активно использует прямые цитаты, отсылки и реминисценции: «*„На холмах Грузии лежит ночная мгла…“ / Теперь спеши. Душа на все готова. / Я слышу крик полночного орла – / Последнее напутственное слово*» [4, с. 48]. Е. Рейн упоминает Гомера, Вальтера Скотта, Улисса, А. А. Ахматову, Я. П. Полонского и др.

Как нами было замечено ранее, «итоговая» книга стихов – метажанровое образование: ей свойственны синкретичность, проявляющаяся в смешении крупных и небольших по объему жанровых форм, прозаических и поэтических; подчиненность разных ее компонентов единой цели, наличие предисловий или послесловий, объясняющих характер построения издания. В книге «Избранное» Е. Рейна представлена сложная структура. В ней есть развернутое предисловие, репрезентирующее образ поэта, главы выстраиваются из стихов, написанных в хронологической последовательности, внутри глав присутствуют как лирические стихи, так и баллады, поэмы. Несмотря на кажущееся, на первый взгляд, обилие смыслов (городов, образов, деталей), они представляют собой поэтическое единство. За размышлениями о «вечных» вопросах мы видим авторскую тревожность, обеспокоенность современной действительностью и судьбой мира. Ему важно донести до читателя, что в сложном мире современности значимым остается поэтическое слово.

Таким образом, книгу Е. Рейна «Избранное» можно считать «итоговой» книгой стихов. В ней присутствуют мотив рубежности бытия, быстротечности времени, философская проблематика (выраженная в поиске ответов на «вечные» вопросы), соотнесенность с реальной действительностью, связанная с неравнодушным откликом на проблемы эпохи; подведение творческих итогов (стадии поэтического творчества). Единство формы и содержания позволяет рассматривать данное издание не только как «итоговую», но и как рубежную книгу стихов в современной отечественной поэзии.

Библиографический список

1. Гудкова С. П. Современная русская поэзия (проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм). – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 300 с.
2. Гудкова С. П. Характер развития «итоговой книги стихов» как крупной жанровой формы в современной русской поэзии Мордовии // Вестн. угроведения. – 2019. – № 1 (9). – С. 19–29.
3. Мирошникова О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика: монография. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2004. – 339 с.
4. Рейн Е. Избранное / предисл. Иосифа Бродского. – М. ; Париж ; Нью-Йорк : Третья волна, 1993. – 304 с.

© Хозяйкина А. В., 2022.

УДК 8.82-31

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТИ В. БЫКОВА «СОТНИКОВ»

Е. А. Шаронова,
д-р филол. наук, профессор
sharon.ov@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
А. В. Шаронов,
студент
Факультет довузовской подготовки
и среднего профессионального образования
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается художественное своеобразие повести В. Быкова «Сотников», акцент делается на характере звучания в ней мотива Голгофы.

Ключевые слова: В. Быков, Сотников, Иисус Христос, Голгофа, искупление, предательство, художественное своеобразие, герой.

ARTISTIC STORY BY V. BYKOV «SOTNIKOV»

E. A. Sharonova, A. V. Sharonov
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines the artistic originality of V. Bykov's story «Sotnikov», the emphasis is on the character of the sounding of the Golgotha motif in it.

Keywords: V. Bykov, Sotnikov, Jesus Christ, calvary, redemption, betrayal, artistic originality, hero.

На рубеже 60–70-х гг. XX в. в советской литературе вдруг мощно зазвучал мотив Голгофы. Появились произведения, в которых герои, осознанно или интуитивно, стремятся обрести свою Голгофу – идут к ней, ищут ее, она им даруется, и они на нее восходят, чтобы обрести себя. Здесь мы назовем только три книги, в которых присутствует этот мотив: «Москва – Петушки» (1969) В. Ерофеева, «Сотников» (1970) В. Быкова, «Калина красная» (1973) В. Шукшина.

Во всех трех случаях право на Голгофу герои получают, пройдя через мучительные духовные испытания, и выходят каждый к своему лобному месту абсолютно духовно и нравственно совершенными. Но нам предлагается и иной тип героя – героя, который решается на восхождение во имя очищения собственной души, но ему в нем отказывают, ибо Голгофу следует заслужить.

Сосредоточимся сейчас на анализе художественного своеобразия повести В. Быкова «Сотников», делая акцент на характере звучания в ней мотива восхождения к духовным вершинам через физические и нравственные страдания.

В центре повествования – судьбы двух героев, которых случайно/неслучайно свела война. Есть искушение думать, что судьбы эти переплелись. Но это не так: каждый из них проходит свой собственный путь, совершает свое собственное восхождение на вершину, но они оказываются обреченными друг на друга.

И эта обоюдная обреченность обозначается писателем уже в самом начале истории: «Они шли лесом по глухой, **занесенной снегом дороге, на которой уже не осталось и следа от лошадиных копыт, полозьев или ног человека**. Тут, наверно, и летом немного ездили, а теперь, после долгих февральских метелей, все заровняло снегом, и, если бы не лес – ели вперемежку с ольшаником, который неровно расступался в обе стороны, образуя тускло белеющий в ночи **коридор**, – было бы трудно и понять, что это дорога» [1, с. 293]. Из этого отрывка становится понятным, что и Рыбак, и Сотников начали новый путь, они идут по чистому, запорошенному, никем еще не тронутому снегу, оставляя на нем новые следы. Это во-первых. Во-вторых, они идут по длинному коридору, образованному лесом. Коридор отличается от дороги тем, что не позволяет идущему выбрать направление пути – сбиться с пути или обрести путь. Коридор связывает человека и направление движения. Поэтому Рыбак и Сотников, шагая по этому коридору, не могут избавиться друг от друга не только вначале,

когда идут след в след («– За мной, за мной держи. По следам, так легче, – издали сказал Рыбак, направляясь в кустарник» [1, с. 301]), но даже тогда, когда решают идти по правой и левой сторонам коридора («Рыбак все еще стоял, отвернувшись от ветра, когда Сотников кое-как приволокся к нему. Он **уже не придерживался его следа** – ступал куда попало, лишь бы не упасть. И, подойдя, неожиданно увидел: под ногами была дорога. Они ничего не сказали друг другу, вслушались, вгляделись и медленно пошли вверх – один по правой, а другой по левой колеям дороги» [1, с. 302]). Обозначилась внутренняя дорога жизни каждого из них, но коридор при этом никуда не делся – они продолжают быть обреченными друг на друга.

Образ Голгофы не только дан в повести как метафора духовных испытаний героев, но и физически присутствует в виде холма/склона, на который поднимаются Рыбак и Сотников: «Наконец кустарник остался позади, перед ними **полого поднимался склон**, снега здесь стало меньше. Но идти вверх оказалось не легче. Сотникова все больше одолевала усталость, появилось какое-то странное безразличие ко всему на свете. В ушах тягуче, со звоном гудело – от ветра или, может, от усталости, и он огромным усилием воли принуждал себя двигаться, чтобы не упасть. <…> На середине длинного склона стало и вовсе плохо: подкашивались ноги. <…> **Рыбак вырвался далеко вперед – наверно, старался достичь вершины холма**, чтобы оглядеться <…>. Снеговой холм полого поднимался к звездному небу и где-то растворялся там, исчезая в тусклом мареве ночи. <…> Рыбак все еще стоял, отвернувшись от ветра, когда Сотников кое-как приволокся к нему. **Он уже не придерживался его следа** – ступал куда попало, лишь бы не упасть. И, подойдя, неожиданно увидел: под ногами была **дорога**» [1, с. 302]. Именно это восхождение на некий холм оказывается для них решающим, ибо в результате определяются те самые внутренние нравственные пути, по которым с этой минуты движутся герои: «Они ничего не сказали друг другу, вслушались, вгляделись и медленно пошли вверх – один по правой, а другой по левой колеям дороги» [1, с. 302].

Сотников меняется сразу же после того, как оказывается на вершине холма. До этого момента он так или иначе интересовался происходящим, реагировал на Рыбака, энергично с ним общался, рефлексировал, вспоминал. Но, приблизившись к холму, вдруг почувствовал «какое-то странное безразличие ко всему на свете», «он огромным усилием воли принуждал себя двигаться, чтобы не упасть», «ему было все равно куда идти» [1, с. 301–302]. Откуда вдруг взялись безразличие и апатия у очень честолюбивого и упорного в достижении целей Сотникова? Очевидно, что их не следует объяснять только его болезнью. Сотникову «все равно было куда идти» потому, что он осознал, что путь его избран и определен, что, в какую бы сторону он ни повернул, окажется там, где ему предписано быть. Он отказывается от выбора, ибо выбор кем-то уже совершен за него.

На наш взгляд, для понимания образа Сотникова важное значение имеет отсутствие воли к выбору. Выбор всегда связан с представлениями о будущем. А категориями будущего Сотников не мыслит в принципе. Его интересует прошлое, к будущему он равнодушен.

Сотникову уготована судьба Иисуса Христа, но В. Быков этот замысел реализует в переосмысленном и осложненном варианте. Иисус Христос восходит на Голгофу невиновным, принимая на себя беды и страдания, грехи и преступления дюжинных людей. Сотников тоже хочет защитить Дёмчиху, старосту Петра, девочку Басю, Рыбака и единолично принять смерть. Но это его решение не столько жертва для других, сколько искупление собственного греха, ибо все эти люди оказались на плахе по его вине. И он эту вину осознает, принимает и хочет исправить. Однако никто из приговоренных ни разу не обвинил Сотникова в своих несчастиях. И Петр, и Дёмчиха, и даже Рыбак своими палачами считают только немцев и полицаев, что еще более вызывает в Сотникове желание спасти их, защитить их жизни собственной смертью. Страстность, с которой Сотников стремится принести себя в жертву – обрести свою Голгофу, абсолютно возвышает его над всеми и отдаляет ото всех, ибо его смерть не имеет в себе ничего бытового, не связана ни с чем земным. Она порыв и вознесение: «Сотников не мог согласиться с мыслью, что его смерть явится нелепой случайностью… Как и каждая смерть в борьбе, она должна что-то утверждать, что-то отрицать и по возможности завершить то, что не успела осуществить жизнь. Иначе зачем тогда жизнь? Слишком нелегко дается она человеку, чтобы беззаботно относиться к ее концу» [1, с. 414].

Очевидно, что Сотников не умеет жить, жизнь у него не очень получается. Но смерть ему удается. Был все же момент, когда Сотников вдруг засомневался в действенности смерти, но решил войти в нее с достоинством. Смерть – это его высокое высказывание. Именно поэтому ему так не нравится, что немцы придумывают для него тривиальную казнь – через повешение. Он хочет, чтобы был расстрел, ибо расстрел – это благородно и мужественно.

Образ Сотникова на протяжении всего повествования активно развивается в плане его внешнего восприятия. Изначально он представляется физически слабым, жалким, ничтожным, безынициативным по сравнению с Рыбаком человеком. Сотников постоянно мешает Рыбаку: не только не помогает, но ограничивает осуществление всех его замыслов, поэтому вызывает раздражение у читателя. Но не у Рыбака, который терпелив, сострадателен, внимателен к своему странному спутнику – то поделится зернами, то предложит полотенце вместо шарфа, то слово доброе скажет в качестве поддержки и пр. Поведение Рыбака после его «взлета» на вершину холма остается неизменным: он активен, как и прежде, ему все дается легко, он качественно деятелен, уверен в своих действиях (собственно, ему спутник и не нужен совершенно, он легко справился бы без помощника – не только такого слабого, как Сотников, но и более энергичного), живо воспринимает мир, абсолютно адекватен ему, легко откликается на происходящее, добр и отзывчив. Иными словами, Рыбак представлен автором как идеальный человек – никаких отрицательных черт он не имеет. И во всем является полной противоположностью Сотникову: он живет жизнь, не задумываясь над ней каждую секунду, жить он умеет и жизнь любит, а она любит его, одаривая множеством способностей, пригодных для радостного существования; Сотников же живет тяжело, каждое свое действие подвергает глубокому осмыслению, собой не доволен, ревностно относится к впечатлению,

которое производит на окружающих, постоянно стремится к полноценному выражению себя.

И еще одно их различает: Рыбак устремлен в будущее (будущее – это жизнь, перспектива), Сотников сосредоточен на прошлом, образа будущего он не создает. Отсюда возникает разное пространственно-временное существование героев. Рыбак охватывает все три времени: прошлое, настоящее, будущее; Сотников же мыслит прошлым, даже настоящее для него не актуально. Но зато Сотников устремлен ввысь, в идеальное космическое пространство, привлекательное для него, но чуждое для Рыбака. И эта космичность Сотникова позволяет ему преодолеть время и пространство, он оказывается над ними, подобно Христу он остается в вечности. Рыбак же поглощается земным.

Сотников и Рыбак, будучи такими разными, вынуждены вместе прошагать сквозь жизненный коридор, который приготовила для них судьба; в унисон переживать физические и духовные испытания, выпавшие на их долю. Даже петлю они принимают одновременно: Сотников единожды, а Рыбак надевает на себя петлю дважды – в первый раз, когда подталкивает Сотникова на виселице, и, оставшись в живых физически, навечно затягивает на себе петлю предателя и убийцы (вспомним мысль Сотникова, приведенного на плаху и увидевшего, что осталась всего одна не занятая петля: «Одна на двоих», – почему-то подумалось Сотникову, хотя было очевидно, что это петля него» [1, с. 430]; и во второй раз, когда, не справившись с душевными муками, решает повеситься в уборной, намереваясь сделать петлю из собственного ремня, которого у него не оказывается.

Рыбак легко преодолевает физические трудности, которые для него и не трудности вовсе, ибо он здоровый, сильный, ловкий, умелый молодой мужчина, поэтому он быстрее поднимается на холм, легче передвигается по снежному полю, без напряжения тащит на себе барана для своих товарищей, метко стреляет, прекрасно ориентируется в лесу, в поле, в деревне, в мирном и в военном быту. И все это для него не подвиг, а естественные проявления жизни: могу, поэтому делаю с удовольствием. Но когда жизнь предлагает ему духовную работу, когда он оказывается перед нравственным выбором, он не знает, что делать, не знает, какое решение будет правильным. И здесь ему приходится труднее, чем физически слабому Сотникову, ибо Сотников не выбирает, а следует наивысшему предписанию в своих поступках.

Нет ничего удивительного в том, что между жизнью и смертью Рыбак в острейшую свою минуту выбирает жизнь. Мы выше говорили, что он умеет жить, хочет жить, знает, как жить. А смерть его пугает, он просто не может представить себя неживым. И он начинает выживать – вступает в сговор со следователем. Но даже решившись на сотрудничество с немцами, Рыбак стремится вести себя идеально, т. е. не предает своих товарищей, не выдает реальной информации о расположении партизанских отрядов, говорит только о том, что и без него известно. И он уверен в правоте своего выбора, ибо, оставшись в живых сейчас, потом он надеется выискать возможность перебраться к своим.

Однако уверенность Рыбака в себе исчезает, когда от его рук погибает Сотников. Им овладевает отчаяние от осознания, наконец, того, что произошло,

и от понимания, что изменить уже ничего нельзя (оказывается, жизнь не всесильна). И тогда Рыбак созревает до необходимости обретения своей Голгофы: «Рыбак рванул скрипучую дверь, заперся на проволочный крючок, взглянул вверх. Потолок был невысоко, но для его нужды высоты, видимо, хватит. Между неплотно настланных досок вверху чернели полосы толя, за поперечину легко можно было просунуть ремень. Со злобной решимостью он расстегнул полушубок и вдруг застыл, пораженный – на брюках ремня не оказалось. И как он забыл, что вчера перед тем, как их посадить в подвал, этот ремень сняли у него полицаи. Руки его заметались по одежде в поисках чего-нибудь подходящего, но нигде ничего подходящего не было. <…> За перегородкой топнули гулко подошвы, тягуче проскрипела дверь – уходила последняя возможность свести счеты с судьбой. Хоть бросайся вниз головой! Непреодолимое отчаяние охватило его, он застонал, едва подавляя в себе внезапное желание завыть, как собака» [1, с. 438]. Очевидно, что Голгофа – дар, на который не всякий имеет право. Предатель – не имеет. И это позволяет В. Быкову не восхититься порывом Рыбака, а высмеять его. Для реализации благородной вспышки героя автор отправляет его в уборную, связывая праведную идею Рыбака с телесным низом и таким образом профанируя ее.

Повествование построено так, что одновременно раскрываются судьбы двух случайно столкнувшихся на войне людей. Они зеркально отражаются друг в друге. Каждый из них вышел в путь свой и проходит его так, как ему суждено. Изменить предначертанное невозможно, ибо Иисус Христос никогда не станет Иудой, а Иуда – Христом; бытийное мышление – не сравняется с бытовым; мир всегда будет двигаться Сотниковыми, а не Рыбаками.

Библиографический список

1. Быков В. В. Сотников. – М. : Правда, 1988. – 448 с.

© Шаронова Е. А., Шаронов А. В., 2022

УДК 821.161.1821.161.1

ТВОРЧЕСТВО АНДРЕЯ РУБАНОВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Т. О. Шорина,
студентка
kafrusizarlit@gmail.com
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается рецепция творчества А. Рубанова современной литературной критикой и литературоведением; определяется место писателя в отечественном литературном процессе.

Ключевые слова: А. Рубанов, современная русская проза, литературный процесс, рецепция, особенности творчества.

CREATIVITY OF ANDREY RUBANOV IN THE CONTEXT OF MODERN RUSSIAN LITERATURE

T. O. Shorina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines the reception of A. Rubanov's creativity by modern literary-study and literary criticism; the place of the writer in the domestic literary process is determined.

Keywords: A. Rubanov, Modern Russian prose, literary process, reception, features of creativity.

Современная отечественная проза – явление сложное, многообразное, отличающаяся жанровым и тематическим разнообразием, многочисленными экспериментами, осуществляющимися в самом широком диапазоне (от элитарной до массовой словесности, репрезентующих различные авторские интенции, ориентированных на потенциально разных читателей), и художественными открытиями. Литературный процесс «нулевых» полифоничен, лишен единого метода и «однолинейности», «одноуровневости», по словам М. А. Черняк, новейшая литература «не только рассказывает о современности, а скорее, ведет разговор с современниками, по-новому ставит вечные для человека вопросы быта и бытия» [13, с. 12].

Одной из ключевых проблем современной отечественной прозы становится поиск нового героя. К этой проблематике, как известно, обращались прозаики и XIX века (И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский), и XX столетия – от М. Горького, М. Шолохова, «деревенщиков», С. Довлатова, Венедикта Ерофеева до С. Шаргунова, С. Минаева, А. Иванова и др. Наиболее заостренно эта проблема рубеже XX–XXI веков проявилась в прозе Андрея Рубанова, прозаика, сценариста, журналиста, предпринимателя, чей дебютный роман «Сажайте, и вырастет» (2005) вошел в шорт-лист литературной премии «Национальный бестселлер». Затем выходят романы «Великая мечта», «Йод», сборники рассказов «Тоже Родина», «Стыдные подвиги», которые объединяет одна идея – автобиография самого писателя Андрея Рубанова. В произведениях автор лаконично описывает события из своей жизни, ставшие «ключевыми в формировании личности прозаика и главного персонажа его автобиографических произведений» [10, с. 353]. Во всех текстах первого десятилетия нового века прозаик демонстрирует трезвый взгляд на повседневность, социальную и политическую жизнь, попытку сильного, зрелого мужчины, в любых ситуациях сохраняющего достоинство, задуматься над собственным бытием, вечными вопросами.

За прошедшее пятнадцатилетие романы и рассказы Рубанова неоднократно входили в шорт- и лонг-листы литературной премии «Национальный бестселлер» («Сажайте, и вырастет», 2006; «Великая мечта» и «Жизнь удалась», 2007; «Психодел», 2011; «Патриот», 2017), главный приз которой он все-таки получил в 2019 г. за роман «Финист – ясный сокол». Также Андрей Рубанов – финалист «АБС-премии» (международная премия им. Аркадия и Бориса Стругацких) за романы «Хлорофилия» (2010) и «Живая земля» (2011). В 2017 году стал лауреатом литературной премии «Ясная Поляна» в номинации «Современная русская проза» за роман «Патриот».

Примечательно, что если в ранних произведениях прозаик, по сути, создает единый метатекст о себе самом (его герой явственно автобиографичен, повторяет этапы авторского пути, наделен его узнаваемыми чертами и является носителем авторской маски), причем часто литературный текст балансирует на грани фактографичности и художественной условности, автора весьма сложно отделить от персонажа, хотя на документальной достоверности он и не настаивает, то романы последних лет: «Финист – ясный сокол», «Человек из красного дерева» – принципиально иные, обращенные к истории, сочетающие в себе элементы принципиально разных жанровых структур (фэнтези, детектив, роман воспитания и т. д.). При этом проза А. Рубанова, не «форматная», не ориентирующаяся на читательские запросы, достаточно редко удостаивается внимания литературоведов и критиков.

В том небольшом количестве статей, которое опубликовано на сегодняшний день, объектом внимания исследователей становится лежащая на поверхности проблема поиска героя в рубановских произведениях, что вполне закономерно: автобиографический принцип в ранних романах и рассказах становится ключевым. Так, в романах «Сажайте, и вырастет», «Великая мечта» главный герой – молодой парень Андрей, который в процессе поиска «золотой жилы», зарабатывая с боссом Михаилом сотни тысяч и миллионы долларов, попадает в тюрьму. Наивный, но в то же время сильный духом нувориш Андрей Рубанов не сдается: ведь все было обговорено заранее и в тюрьме он пробудет недолго. Трансформируя традицию «лагерной прозы», писатель создает, условно говоря, «тюремный роман», где история героя разворачивается на фоне иного мира Общей Хаты, живущей по совершенно особым правилам и законам, где попадающий туда человек кардинально меняется.

Критики справедливо отмечают, что в ранних романах Рубанова «герой и автор слиты в автобиографическом симбиозе, однако с 2012 года намечается их расхождение» [3, с. 125]. Автор становится взрослее, переосмысливает свою жизнь, но герой остается все таким же «пацаном», желавшим покорить мир, каким он был в предыдущих романах. Но после пятилетнего «отпуска» от «лихорадочной фиксации своей биографии» [3, с. 125] Андрей Рубанов выпускает в свет новый роман – «Патриот», где герой уже не Андрей с подростковым желанием «прогнуть» весь мир под себя, а Сергей Знаев – брутальный зрелый герой, ведущий упрямое противостояние за свой магазин, воплощающий для него всё, что связано с родиной. Прозаик теперь отходит

от формы автобиографии, но все же, как пишет А. Жучкова, все его герои, в том числе и Знаев, «заражены горячечным и болезненным самоутверждением. Хилые и невысокие, они стремятся стать заметными, значимыми, доказать миру свою мужскую суть» [3, с. 127]. Кроме того, А. Жучкова указывает, что и в «Патриоте» (2017), и в антиутопии «Хлорофилия» (2009) прозаик движется к более мощным социальным обобщениям. Автобиография, по мнению исследовательницы, сменяется размышлением писателя о судьбе своего поколения, мировоззрение, жизненные целеустановки которого воплощены в образе Сергея Знаева. В антиутопии «Хлорофилия» повествуется о мире XXII века, мире России, живущей с девизом «Ты никому ничего не должен». Как замечает А. О. Хужахметов, «в романе упоминается и о традиционной для новейших антиутопий экологической катастрофе…» [12, с. 144]. Но главный смысл произведения, конечно, заключается не в экологической обстановке, но в экономической зависимости одного государства от другого, связанной с «состоянием российской экономики в условиях современной китайской экономической экспансии» [12, с. 144].

Е. В. Комовская рассматривает антиутопию А. Рубанова с точки зрения перехода человечества из одной стадии, гомо сапиенса, в стадию гомо флоруса. Влияние экологической, экономической и политической обстановки сказывается здесь не на конкретном человеке, но на всем обществе в целом. Е. В. Комовская отмечает, что «если авторы предшествовавшей литературы общие проблемы рассматривали через призму частного, то современные писатели проектируют судьбы каждого читателя и человечества в целом безотносительно к индивидуальным историям жизни» [4, с. 24].

Ю. О. Тюленева рассматривает проблему специфики создания автобиографического героя в романах «Сажайте, и вырастет», «Великая мечта», а также в рассказах из сборника «Стыдные подвиги», делая вывод, что «автобиографический герой Рубанова также является своеобразной попыткой прозаика нарисовать портрет „потерянного поколения“, то есть русской молодежи, чье мировоззрение формировалось в период смены политического строя в России конца XX века: от социализма к капитализму» [10, с. 352].

Проблема героя русской прозы поднимается еще в одной работе Ю. О. Тюленевой – «Художественная концепция человека в дилогии Андрея Рубанова: „Готовься к войне!“, „Патриот“». Исследовательница анализирует концепцию человека в них и делает вывод, что «пришедшая на смену социалистической идеология раннего капитализма в России травмировала сознание молодежи, заменив духовные ценности материальными» [11, с. 302]. Сам Рубанов отмечает, что после распада СССР стремление к быстрому обогащению стало главной целью и центром целого поколения.

А. О. Хужахметов в обзорном исследовании, сосредоточенном на идейно-тематическом своеобразии «Хлорофилии», отчасти затрагивает и другие тексты писателя. Так, он лаконично характеризует сюжеты романов Рубанова, акцентируя внимание в каждом на образах главных героев [12].

По мнению А. Жучковой, если герой-мужчина в прозе автора-мужчины логично и уместно существует, то появление главной героини в романе

«Психодел» (2011) уже интригует. Кажется, что мужская, рваная и емкая, проза, до этого так отличавшая стиль Рубанова от остальных писателей, сменится на более мягкую, плавную и развернутую. Но нет, Андрей Рубанов не уходит от своих принципов, поэтому, как отмечает А. В. Жучкова, «главная героиня, бодрая девушка Мила, была все тем же Андреем Рубановым, но в женском платье: собранно, деловито и цинично стремящимся прогнуть мир под себя» [3, с. 125]. В продолжение мысли исследовательницы добавим, что подобные персонажи рубановской прозы вполне закономерны: его нувориш Андрюха, «патриот» Знайка, дева-воительница Мила, персонажи второго плана, равно как и автор, явились порождением советской эпохи, оказавшимся в принципиально новых условиях и пытающимся приспособиться к новой реальности, осуществить в ней себя.

Интерес к рубановским текстам отчасти возобновился после получения «Финистом…» Нацбеста, что вызвало прежде всего «непрофессиональные» читательские дискуссии в социальных сетях (обсуждались жанр и язык произведения, причем явственно проявлялись стереотипные читательские представления и об истории русского языка, и о «сказочности» как таковой) [см.: 6]. Литературные критики также откликнулись на роман рядом рецензий и обзоров. Так, Е. Вежлян обращает внимание на специфику построения книги, отмечая оригинальность писательского приема: «Автор залезает внутрь сказочного сюжета и пытается воссоздать в подробностях мир, в котором были бы возможны подобные события, если бы не способ, которым все это излагается» [1]. М. Визель указывает на органичное сочетание в «Финисте…» славянского и исторического фэнтези, заключая, что именно благодаря рубановскому роману фэнтези стало «частью литературного мейнстрима» [2]. Н. Кочеткова справедливо полагает, что Рубанов, равно как и В. Пелевин, выходит за жанровые рамки «чистого» фэнтези, несмотря на сказочность и связь с фольклором, его текст прочно связан с реальностью, но «его привязка другого рода – не обстебывание общественно-политических и мировоззренческих перемен, а размышление над тем, что есть любовь, традиция, равенство и уважение» [5]. Н. Ломыкина метафорически определяет «Финиста…» как «роман-заклинание», в котором «славянский сказ перерождается из архетипического фэнтези в большой роман», подчиненный «особому ритму» [7]. Е. Михайлов обозначает очевидные параллели «Финиста…» с эпопеей Толкиена и известной сказкой А. Платонова [8], сетуя, правда, что в романе слишком мало женских персонажей [9]. Справедливости ради укажем, что не все рецензенты единодушны в оценках романа: например, Г. Юзефович полагает рубановский текст «поспешным», изобилующим многими «несостыковками», отличающимся «нестройностью» и «непродуманностью» романного языка, к тому же, по ее мнению, художественному миру, «творимому языковыми средствами (а именно таким способом в первую очередь и создаются фэнтези-миры), тоже ощутимо недостает целостности и внутренней логики...» [14].

Таким образом, очевидно, что проза А. Рубанова, претерпевшая очевидную эволюцию от ранних романов с ярко выраженным авторефлективным началом, автопсихологизмом, где заглавный герой фактически являлся

носителем авторской маски, к текстам многомерным в жанровом и стилевом отношении и сложно структурированным, представляет собой яркое явление современного литературного процесса, в котором прозаик прочно занял собственную нишу.

Библиографический список

1. Вежлян Е. Золотой дом, стихи-наркотики и смертельная белизна [Электронный ресурс]. – URL: https://literaturno.com/overview/knigi-fevrala/ (дата обращения: 10.10.2021).
2. Визель М. 5 книг недели. Выбор шеф-редактора (24) [Электронный ресурс]. – URL: https://godliteratury.ru/articles/2019/02/08/5-knig-nedeli-vybor-shef-redaktora-24 (дата обращения: 12.10.2021).
3. Жучкова А. В. Похороны сына века. Роман А. Рубанова «Патриот» // Вопросы литературы. – 2018. – № 1. – С. 123–135.
4. Комовская Е. В. От гомо сапиенса до гомо советикуса к гомо флорусу (на основе романов-идей А. А. Зиновьева и А. А. Рубанова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6-1. – С. 22–24.
5. Кочеткова Н. Проклятие и инцест. Русская сказка и «Сто лет одиночества» на новый лад: главные книги февраля [Электронный ресурс]. – URL: https://lenta.ru/articles/2019/02/28/rubanov/ (дата обращения: 12.10.2021).
6. Курочкина А. А. Жанровая природа романа Андрея Рубанова «Финист – ясный сокол» и горизонт читательских ожиданий // Палимпсест. Литературоведческий журнал. – 2019. – № 2. – С. 111–127.
7. Ломыкина Н. Неоправданные ожидания: вышли два новых больших романа Сальникова и Рубанова [Электронный ресурс]. – URL: https://www.m24.ru/articles/kultura/18022019/154735 (дата обращения: 12.10.2021).
8. Михайлов Е. Пионеры, вампиры и другие [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3868067?query=%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 12.10.2021).
9. Михайлов Е. «Финист – ясный сокол» Андрея Рубанова: птичку жалко [Электронный ресурс]. – URL: https://daily.afisha.ru/brain/11326-finist-yasnyy-sokol-andreya-rubanova-ptichku-zhalko/ (дата обращения: 10.10.2021).
10. Тюленева Ю. О. Особенности автобиографизма в прозе А. Рубанова // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 2 (51). – С. 352–354.
11. Тюленева Ю. О. Художественная концепция человека в дилогии Андрея Рубанова: «Готовься к войне!», «Патриот» // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 4 (65). – С. 300–302.
12. Хужахметов А. О. В поисках героя своего времени. Андрей Рубанов // Вопросы литературы. – 2016. – № 6. – С. 139–147.
13. Черняк М. А. Отечественная проза XXI века: предварительные итоги первого десятилетия. – СПб. ; М. : САГА : ФОРУМ, 2009. – 176 с.
14. Юзефович Г. «Финист – Ясный сокол»: русское народное фэнтези от автора «Патриота» и сценариста «Викинга» [Электронный ресурс]. – URL: https://meduza.io/feature/2019/02/26/finist-yasnyy-sokol-russkoe-narodnoe-fentezi-ot-avtora-patriota-i-stsenarista-vikinga (дата обращения: 10.10.2021).

© Шорина Т. О., 2022.

УДК 82.09:821.511.152

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ДРАМАТУРГИИ А. ТЕРЕШКИНА

Ю. Г. Антонов,
д-р филол. наук, зав. кафедрой
antonov-ug69@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются пьесы А. Терешкина о Великой Отечественной войне. Основное внимание уделяется анализу персонажей, выявлению особенностей их характеров. Обращается внимание на жанровую специфику произведений и их композиционное построение.

Ключевые слова: мордовская драматургия, А. Терешкин, Великая Отечественная война, пьеса, персонаж, характер, действие, композиция, монодрама.

ARTISTIC REPRESENTATION OF THE EVENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE DRAMA BY A. TERESHKIN

Yu. G. Antonov
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article deals with A. Tereshkin's plays about the Great Patriotic War. The main attention is paid to the analysis of characters, revealing peculiarities of their characters. Attention is paid to the genre specificity of the works and their compositional structure.

Keywords: Mordovian drama, A. Tereshkin, The Great Patriotic War, play, character, action, composition, monodrama.

Великая Отечественная война, ставшая школой мужества и героизма, является объектом пристального внимания национальной литературы. Она получила всестороннее отражение в различных жанрах и формах мордовской художественной словесности. Особый интерес у писателей вызывает человек, оказавшийся в неимоверно тяжелых условиях. Исследование

истоков человеческого характера происходит в ситуациях, предполагающих нравственный выбор, который обнаруживает такие качества как добро и зло, мужество и страх, духовный подъем и нравственная деградация. Все это позволяет писателям выявить в персонаже его идейно-этические основы, наиболее четко проявившиеся в военных обстоятельствах.

Объектом художественного анализа мордовской драматургии о Великой Отечественной войне чаще всего становится характер человека, оказавшегося в тяжелых условиях войны. Образ человека художественно исследуется в двух аспектах – на фронте в боевых условиях и в тылу в трудовых буднях. Такой подход позволяет глубоко раскрыть все нюансы его характера – от видимых до самых глубинных, о которых и сам он, может быть, не догадывался.

В пьесах А. Терешкина, драматургическое творчество которого является заметным явлением в мордовской литературе 1970–1980-х годов, оба выше указанных аспекта присутствуют. В целом же его драматургии свойственно обращение к историческим событиям, оказавшим значительное влияние на развитие нашей страны. В его пьесах художественно интерпретируются события первой русской революции, Гражданской войны и Великой Отечественной войны.

Обращаясь к эпизодам военного времени, А. Терешкин стремится не столько воспроизвести батальные сцены, сколько выявить внутренний мир персонажа, в котором, как в зеркале, отразились происходящие события. Драматург стремится показать связь между военными событиями и частной жизнью своего героя, определить, как она повлияла на его жизненные устремления. Все это он с напряженным драматизмом рисует в пьесах «Седьмые сутки пути», «Сороковины» и «Язык», отличающихся напряжённостью действия, остротой нравственных конфликтов, глубиной и содержательностью коллизий и человеческих характеров.

В основе пьесы «Седьмые сутки пути» документальные материалы, подтверждающие реалии военного времени – помощь мордовского народа белорусскому. Только что освобожденной от оккупации Белоруссии идет по железной дороге помощь из Мордовии – эшелон везет зерно, скот и самые необходимые вещи. Драматургическое действие разворачивается во время следования эшелона. Оказалось, что недлинный путь затягивается, и у сопровождающих возникают трудности, преодолевая которые они раскрывают многие черты своего характера. Автор, ставя своих героев в сложные обстоятельства, исследует их разные характеры, объединенные одной целью – доставить порученный им груз до места назначения.

Центральными персонажами пьесы являются молодой комиссар Сергей Романов и три женщины, которые помогают ему, – Анна, Евдокия и Ирина. Драматург изображает своих героев в драматические моменты, способствующие раскрытию их гуманных характеров, отличающихся цельностью и чистотой. Ими движет мысль, быстро доставить измученному оккупацией белорусскому народу помощь. На седьмые сутки следования заканчивается корм для скота. Женщины-труженицы прикладывают все свои

усилия для того, чтобы достать корм для скота. Они не жалеют ни себя, ни своего комиссара. Помощь приходит от коменданта станции, который, нарушив все приказы и инструкции, находит фураж, чтобы накормить животных.

Преодолев одну трудную ситуацию, персонажи оказываются в другой. На недавно освобожденной территории много опасностей. Она практически напичкана скрывающимися от правосудия дезертирами и предателями, которые готовы на любые преступления. Предатели Дымич и Федор, узнав о содержимом эшелона, пытаются ограбить его. Путь им преграждает молодой комиссар. Он, не задумываясь совершает героический поступок, погибает, защищая сопровождаемый груз. Острая драматическая ситуация показывает смелый характер комиссара эшелона. Он до конца остается преданным порученному делу, беззаветно служит Родине. Детальному выявлению черт характера комиссара помогает ретроспективный взгляд автора. В боях под Орлом война оставила Сергею отметину, сделала инвалидом, но не сломила. Сергей не отсиживается дома, а считает своей обязанностью, своим долгом помочь Родине в час опасности.

Характеры женщин, действующих в пьесе, разные по индивидуальным чертам, но их объединяет большая душевная теплота, высокая нравственность и подлинный гуманизм, который они проявляют даже в отношении людей, совершивших преступления.

Анна как самая старшая и мудрая способна найти выход из трудной ситуации, помочь другим не совершать необдуманные поступки. Автор наделяет ее душевным равновесием и сердечной теплотой. Качества ее характера проявляются в острых ситуациях, когда необходимо поступать обдуманно, а не идти на поводу у эмоций. Она останавливает Евдокию, которая ради спасения скота готова пожертвовать семенным зерном, при этом в ее словах не только житейская мудрость, но и глубокий философский смысл.

А н н а. Не дури, Дуська. Семена травить нельзя. Без них жизнь не начнёшь [2, с. 223].

Индивидуальными чертами характера обладает образ Евдокии, пережившей личную трагедию – она потеряла на войне любимого человека. Вот как об этом с большой проникновенностью и сочувствием говорит Анна.

А н н а (*Ткачуку*). Трудно бабе… Весной сорок первого просватали ее… Свадьбу собирались играть. Всей деревней. А тут война. Вскоре и похоронка пришла… Вот и осталась наша Евдокия ни жена, ни вдова, ни невеста… [2, с. 237].

Несмотря на удар судьбы, она сохраняет в себе такие качества, как красивая душа, верное любящее сердце, стремление к самоотверженности.

Драматург при раскрытии образа Евдокии использует «принцип внутреннего контраста, когда за внешней колючестью и нетерпимостью обнаруживается нежная душа» [3, с. 74]. Об этом красноречиво свидетельствую следующие слова.

А н н а. Не такая она. Напускное все… Золотое у нее сердце. Вот мы коров везем в Белоруссию. Колхозные они. А одна, Краснушка, – ее личная. Сама на станцию привела. Хоть и семья у них большая. А в дороге, помните? Под Рязанью эшелон с детьми нам встретился. С сиротами. Евдокия весь хлеб, что на дорогу выдали, им отнесла… [2, с. 237].

Драматург определил свою пьесу как народную драму. Данное определение подтверждается действием произведения и поступками персонажей, которые в «народной драме поставлены в такое положение, когда лучшие из них гибнут за высокие идеалы, высокие цели» [1, с. 21]. Гибель комиссара в драме свидетельствует об этом. Он защищает жизнь других, жертвует собой не на поле боя, а в обстоятельствах, которые не предполагали такого трагического финала. В пьесе также представлен широкий спектр персонажей, относящихся к разным мировоззренческим и ментальным группам населения, что подчеркивает широкий охват драматургом типических характеров военного времени.

Герои терешкинских пьес – люди с разными жизненными ориентирами, но среди них большинство с высокими идеалами. Они каждый по-своему стремятся быть полезными в столь трудный час для Родины, и в них присутствует человеколюбие, несмотря ни на какие личные перипетии. Это автор стремится донести в драме «Сороковины», в которой присутствует яркая палитра персонажей, представляющая различные взгляды на трудное военное время. События в пьесе разворачиваются глубоко в тылу. Домой на сороковой день после «гибели» возвращается солдат Петр, которого даже после получения похоронки (как выяснится позже ошибочной) продолжает ждать старая мама, чье сердце подсказывало – сын жив. С этой глубоко драматичной завязки начинается развитие действия в пьесе, направленное на выявление внутренних сил характера действующих лиц в трагических обстоятельствах войны. Они не покладая рук и не зная устали трудятся ради общей победы над ненавистным врагом.

Драма отличается четким построением композиции, динамичным действием и образным языком персонажей. Развитие событий автор стремится показать в концентрированном виде в небольшом по объему пространстве и сокращенном до минимума времени. Он сосредоточен не столько на событиях, сколько на психологии людей, их чувствах и мыслях, наиболее рельефно проявившихся в сложившихся обстоятельствах.

Женские образы, занимающие в пьесе центральное место, автор вырисовывает в реальных и правдивых тонах. В их характеры ему удалось заложить типические черты тружениц тыла, которые ради победы готовы последнее. Среди женских образов заметно выделяется Пелагея. В ней драматург сконцентрировал такие качества характера, как нравственная стойкость, способность преодолевать трудности, готовность помогать людям. Автор наделил ее чутким вниманием к окружающим – к ней идут люди, и для каждого она находит нужное слово, способное обогреть душу и успокоить сердце.

Другие женские образы, хотя и менее яркие, также несут идейный смысл. Немного с иных позиций раскрывается характер Варвары. Важной ее чертой является способность к внутренним переживаниям, которые она не показывает окружающим, что придает некую таинственность. Однако она тоже способна сострадать и помогать другим – принимает в свой дом эвакуированную девочку, которая становится для нее второй дочерью.

Трагичен в пьесе образ Трофима, которому пришлось пройти трудный путь к осмыслению своего места в жизни. Он проявил трусость, испугался за свою жизнь. Попытался спрятаться за спинами своих ушедших на фронт односельчан. Он калечит себя, лишь бы не идти на войну – принимает отраву, которая гробит его здоровье. От него отвернулись не только односельчане, но и родная мать. Драматург не дает конкретных деталей, помогающих понять поступок Трифона. Проявленная трусость, малодушие являются причинами предательства Родины и себя самого. Осознание совершенного приходит поздно, и трагическая смерть является логическим концом в развитии этого образа.

Драма А. Терешкина «Сороковины» отличается запоминающимися образами, четкой линией сюжета, индивидуальной речью персонажей, использованием элементов фольклора, которые придают произведению жизненную достоверность и способствуют показу внутреннего мира действующих лиц.

Иную картину военной действительности драматург воссоздает в пьесе «Язык». Прежде всего, необходимо отметить жанровую специфику данного произведения – монодрама, которая редко встречается не только в его творчестве, но и в целом в национальной драматургии. Обращение А. Терешкина к этой жанровой разновидности свидетельствует о его стремлении глубже раскрыть человеческий характер в трагических обстоятельствах войны.

В монодраме один активно действующий персонаж – это разведчик Иван Супонин, который в диалоге с молчаливым собеседником рассказывает о своей жизни как фронтовой, так и довоенной. Во время своего монолога перед нами предстает человек с богатым внутренним миром, со своим взглядом на окружающую действительность и глубокой оценкой происходящего.

Драматург наделил своего персонажа богатым и весьма метафоричным языком, при помощи которого он способен не только увлекательно говорить о боевых буднях, но и предаваться лирическим воспоминаниям о прошлом и раздумьям о будущей мирной жизни, где его ждут любимые жена и сын.

Несмотря на тяжелейшие обстоятельства, в которых оказывается Иван – выполняет ответственное задание за линией фронта, берет в плен «языка», теряет лучшего фронтового друга – он не лишается самообладания. Все его помыслы и устремления направлены на достижение поставленного перед ним приказа, выполняя который он не прячется за чужие спины, а рискует своей жизнью. Страшная война для него в какой-то мере стала обычным делом, которое он привык выполнять хорошо и не перекладывать

на других. Обо всем этом он искренне и весьма убедительно говорит в своем рассказе-монологе.

В пьесах о Великой Отечественной войне усилия А. Терешкина направлены на анализ внутреннего мира героя, его моральных качеств, характера, которому присущи гуманность и сострадание, обнаженных военными обстоятельствами.

Библиографический список

1. Брыжинский В. С. Драматическая история земляков // Терешкин А. Крестник Его Величества. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2007. – С. 5–28.

2. Терешкин А. Крестник Его Величества. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2007. – 328 с.

3. Чернов Е. И. Конфликты и характеры мордовской драматургии / Е. И. Чернов, Ю. Г. Антонов. – Саранск : Крас. Окт., 2002. – 104 с.

© Антонов Ю. Г., 2022.

УДК 821.161.1.09.18

РОЛЬ ФИННО-УГОРСКОГО ЭТНОСА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Г. Е. Горланов,
д-р филол. наук, профессор
elizar41@mail.ru
Пензенский государственный университет
Пенза, Россия

Аннотация. В статье рассматривается созревшая проблема выявления этногенеза русского литературного языка и роль в этом процессе финно-угорских этносов, в частности, мокши и эрзи.

Ключевые слова: русичи, финно-угры, «русьский», старославянский язык, Аввакум, В. О. Ключевский, архетип, самосознание, этногенез.

THE ROLE OF FINNO-UGRIAN PEOPLE IN THE FORMATION OF RUSSIAN LANGUAGE

G. E. Gorlanov
Penza State University
Penza, Russia

Abstract. This paper studies the problem of revealing Russian literary language by way of ethno-genesis. The author makes conclusions about the significant role of Finno-Ugrian people (Moksha and Erzya) in that process.

Keywords: Russians, Finno-Ugrians, Russian language, Old Slavic language, Avvakum, V. O. Kluchevsky, architype, self-identity, ethno-genesis.

Одним из первых российских авторов, писавших об угро-финских племенах, был автор «Повести временных лет» Нестор. Когда заходит речь об этом грамотном человеке, успешно усвоившем изобретенную Кириллом и Мефодием азбуку, то невольно напрашивается знакомая всем идеология, которую взял писатель. Из всех племен, живших на территории Древней Руси, Нестор выделяет «кротких и тихих» полян, осевших по Днепру. Возможно, именно к ним принадлежал сам летописец, служивший в Киево-Печерской лавре. Хвалит он их, восторгается ими. Совершенно по-другому характеризуются им древляне, кривичи, радимичи и прочие языческие племена славян, «не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон». Проживали они на территории, относящейся к современным Московской, Рязанской, Калужской, Тульской областям. Если верить Нестору, а сомнений здесь много, были они славяне, но жили «яки звери». Были еще и третьи народы, отдающие дань Руси, не входящие в сообщество славян. Автор перечисляет их: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печора, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы. Эти народы, по сведениям Нестора, «говорят на своих языках, они от колена Иафета».

Особенно не повезло народам Мокша и Эрзя, их летописец умудрился объединить в один этнос – «мордва», хотя каждый из них уже раньше был известен под своим исконным именем. С легкой руки Нестора это объединяющее название существовало вплоть до двадцатого столетия. На картах истории нет этих народов. Справедливость, в конце концов, торжествует: игнорируемые летописцем Мокша и Эрзя, несмотря ни на что продолжают жить и вносить свой вклад в развитие России.

По истечении многих веков трудно говорить о точных особенностях языка древней поры по причине исчезновения многих архивных документов и намеренных искажений фактов прошедших эпох, начиная с времени написания «Повести временных лет». В дальнейшем новые правители историю подделывали в угоду своим режимам. Важнейшим событием для Руси стало создание церковнославянского языка Кириллом и Мефодием. В «Повести временных лет» сказано: «А словеньск язык и Русьский один есть». В XVIII веке так оно и будет с разными условностями, но в XII–XIII говорить о таком единстве было преждевременно, по той простой причине, что разговорный «русьский» уже давно распростанился на территории теперешней европейской части России задолго до создания церковнославянского языка. Существенную роль в его становлении и пропаганде сыграла Русская Православная Церковь. Началось все с перевода на старославянский (церковнославянский) язык «Евангелия».

Долгое время на Руси существовало два разных языка со своими функциями: старославянский язык, применяемый грамотными священниками на богослужениях в церквах, и разговорный русский, на котором общались народные массы. В быту монахи также пользовались этим же разговорным, как и их прихожане. О старославянском нам известно изрядно, поскольку он был предметом изучения. А как звучал разговорный русский? На этот вопрос

тоже можно найти ответ, хотя стопроцентно аргументированно судить не приходится. Здесь необходимо обратить внимание на одну существенную особенность: письменный старославянский язык был, а самих носителей языка не было. Не было, несмотря на то, что на протяжении многих веков призывали ими быть религиозные и культурные деятели, играя на патриотических чувствах населения. Агитация подобного рода достигла своих успехов, лживая гипотеза постепенно превратилась в миф о существовании славянства на территории всей России. Их не было, и нет, если не иметь в виду славян-поляков, сыгравших в истории государства Российского существенную роль.

Кто же тогда населял территорию восточной части Российского государства? На этот вопрос дает точный ответ известный российский историк угро-финского происхождения В. О. Ключевский. По его мнению, *«великорусское племя было делом новых разнообразных влияний…при том в краю, который лежал вне старой коренной Руси и в XII в. был более инородческим, чем русским краем. Финские племена водворялись среди лесов и болот центральной и северной России еще в то время, когда здесь не заметно никаких следов присутствия славян»* [5, с. 40].

Акцентирую внимание на выражении «и в XII в.». Стало быть, и раньше, и в XII веке «незаметно никаких следов присутствия славян». Еще раз сошлюсь на странный парадокс: славян как таковых не было, а письменный славянский язык существовал. И не только существовал, но и действовал. Кого же учили грамотные священники, если не было славян? Ответ напрашивается само собой – тех, кто жил в это время на указанной территории – народы «от колена Иафета», по уничижительному выражению Нестора. Современные культурологи к финно-угорским народам относят финнов и близких к ним по этногенезу – эстонцев, карел, марийцев, ижорцев, ливов, венсов, коми-пермяков, коми-зырян, мурому, мокшу, эрзю, удмуртов и др. Кроме того среди этих народов необходимо назвать «русичей», («росов», «русов»), живших вперемешку с финно-уграми в отдельных регионах европейской России. Напрашивается в данном случае хрестоматийная строчка Сергея Есенина, чьи родовые корни уходят в финно-угорский этнос: «Затерялась Русь в мордве и чуди». По теме можно было бы озвучить и стихи Александра Блока, родословная которого по материнской линии связана с пензенским краем: «Чудь начудила, да Меря намерила // Гатей, дорог да столбов верстовых» («Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?»). Все они пользовались «одним языком» (по мнению Ключевского) при наличии у каждого племени своего языкового диалекта. И все-таки, при всей диалектной разности, удачней и успешней остальных оказался язык русичей. Именно он и стал главенствующим в дальнейшем своем развитии. Совершенство его в первую очередь сказалось в расположении к письменному славянскому языку. Основания были весьма убедительными для названия разговорного языка русским.

Многонациональной земле российской впору пришелся благодаря усилиям христианской православной церкви язык Кирилла и Мефодия.

Никаких враждебных действий не ощущал он со стороны разных языковых диалектных форм многих народов. Долгое время у письменного и разговорного языков были свои функции. Летописания, жития святых, поучения, служба в церквах велась на старославянском языке (например, «Слово о законе и благодати» Киевского митрополита Иллариона), в общении же народные массы с превеликим удовольствием пользовались разговорным языком. Этим языком написан свод законов «Русская правда», претендующий на стилевую ясность.

Об особенностях звучания русского языка можно судить по замечательному памятнику «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». На страницах этих мемуарных воспоминаний употребляется церковнославянский язык, но преимущество все-таки отдано «природным просторечиям». Протопоп Аввакум (в миру Аввакум Петрович Петров), житель Нижегородских окраин, эрзянин по происхождению, освоив русский язык, обучившись старославянскому языку, обрел мировую известность благодаря письменному языку. Также можно сказать и о земляке Аввакума патриархе Никоне (в миру Никита Минич Минин). Из этой среды вышли избавитель от польской иноземщины Кузьма Минин (возможно, родственник патриарху Минину), крестьянский вождь Степан Разин (фамилия произошла от слова «разя» – прозвище эрзян). Впору здесь сказать о разумении письменного языка не только русичами, но и угро-финнами. Аввакум полюбил язык русичей, с которыми жил по соседству. Понятие национального самосознания вполне было объяснимо в ту историческую эпоху, тем более Аввакум разумом и душой сросся в единое целое с церковью. Потому-то он уже не язык эрзи называл родным – «люблю свой русский природный язык». Служитель церкви, представитель «от колена Иафета», Аввакум Петрович не прочь был поучать самого царя русского Алексея Михайловича: *«Ведаю разум твой умеешь многими языки говорить, да што в том прибыль? С сим векам останется здесь, а во грядущом ничим же пользуют тя. Воздохни-тко по-старому, как при Стефане бывало, добренько,* ***и рцы по-русскому языку:*** *«Господи, помилуй мя грешнаго». А киръелейсон-от отставь: так елленя говорят, плюнь на них! Ты, веть, Михайлович, русак, а не грек.* ***Говори своим природным языком, не уничижай ево и в церкве и в дому, и в пословицах.*** *Как нас Христос научил, так и подобает говорить. Любит нас Бог не меньше греков; предал нам и грамоту нашим языком Кирилом святым и братом его. Чево же нам еще хочется еще лутче тово? Разве языка ангельска?»* [4, с. 152].

Для протопопа Россия «наша», называет ее «нашей Русской землею» [4, с. 125] Нигде он не называет людей по национальностям. Освоив язык старославянский, будучи церковнослужителем, всех людей (они для него прихожане) называет русскими. На Байкале с его коренными людьми, находящимися «в многоверстовых дальностей» от Московии, и там для него, как для патриота-священника, – везде русские. Слово для него – Божеское дарование людям, оно «сродственно с душой». Отсюда и твердое убеждение: «Любит нас Бог не меньше греков; предал нам и грамоту нашим языком

Кириллом святым и братом его». За подарок Божий россияне, в широком контексте этого понятия, должны быть благодарны. Ибо нет на свете ничего «лутче тово». Естественно, Кирилла и Мефодия он чтит потому, что язык, ими созданный, оказался письменным, живущим многие века и даже после смерти человека. Написанное рабом Божьим в определенный период времени может благодаря письменной речи жить и в другие века, как продолжает жить «Евангелие». Такую роль не мог играть разговорный язык Аввакума детского и юношеского периода, когда он жил в родном Нижегородском крае, и даже русский язык, коим говорили в Московии. Однако мощь его многократно усилится в случае единения письменного и разговорного языков. По этой причине Аввакум Петров не ограничился только использованием церковнославянской лексики, но дал образцы речений в автобиографическом «Житии...». В письмах царю и прихожанам он чаще использовал более демократичный разговорный язык – именно его использование поможет глубже донести речь до слушателя. Вместе с тем, нетрудно заметить еще одну важную особенность, характерную для Аввакума, уже не столько как писателя, сколько мыслителя. Рассуждая о слове, он говорит о первостепенности дела над словом. Если есть в душе говорящего любовь к Богу, то через жизненные слова обретет язык правильную форму, а если не будет такой уважительности к Богу, то язык окажется мертвым. Такое замечание особо может пригодиться пиитам, у которых во время творений на первое место выплывает душевное (сердечное) отношение к изображаемому предмету. Сказанное касается только природного разговорного языка. В языке церковнославянском, вплоть до начертания самих букв, уже заложено божественное начало, которое не предусматривает изменений, над таким языком уже поработал Создатель, вдохнув частичку души в способности Кирилла и Мефодия. Чем сосредоточеннее ищет душа своего выражения в языке, тем надежнее его находит в жизненном бытии. Отсюда вытекает и недоумение автора: «Чево же нам еще хочется еще лутчетово»? [4, с. 152]. О состоянии языка Божеского беспокоился Аввакум, интуитивно чувствуя его необыкновенность. И не ошибся слуга Божий в своих откровениях, обессмертив свое творчество, объединив в один общий союз язык разговорный и старославянский.

По такому же пути пошли многие писатели, жившие и ныне живущие на огромной территории России, в родословной которых была не только кровь русичей.

В истории русской литературы справедливо укоренилось мнение о начале нашего литературного языка с А. С. Пушкина. Формально такая гипотеза правильная, а вот по жизненным фактам все началось с Аввакума. Наша филология могла бы развиваться успешнее, если бы не был под запретом на многие столетия автор «Жития…», вплоть до 1861 года. В списках это произведение распространялось только среди старообрядцев. Сразу же после его «второго рождения» на него обратили внимание ведущие русские писатели. Автор хрестоматийных слов о «великом, могучем…»

русском языке И. С. Тургенев вымолвил после прочтения «Жития…»: «Вот она, живая речь московская». Высоко оценил его литературный дар Лев Толстой. Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» обращал внимание на дар протопопа стилиста, что язык его «бесспорно многоразличен, богат, всесторонен и всеобъемлещ». За искренность чувств хвалил его земляк по Нижегородской губернии А. М. Пешков (М. Горький), отметив также новаторство писателя.

Перечитывая «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» обращаешь внимание на простоту изложения, пишет он, как говорит, а говорить он умеет в разных интонационных плоскостях. Сам он называет свой язык «просторечием», «природным», с характерным для русского языка разговорно-бытовым стилем. Как особенную стилевую манеру академик В. В. Виноградов отмечает «синтез»: «Красные слова» (красноречие), церковно-книжная речь и просторечие, чередуясь и сочетаясь в стиле Аввакума, вступают в тесное взаимодействие и новый синтез» [1].

Уже во времена Аввакума и, скорее всего, благодаря ему уходили надуманные «уллино-славянские» речения, придавая разнообразие природному «русьскому языку», хотя на первых порах сказывалось влияние польского литературного языка, особенно в пиитикосложениях (силлабическая). Процесс обновления языка формировал постепенно языковые «штили» – «высокий и низкий», а потом уже и «средний штиль».

По-разному складывались судьбы называемых Нестором этносов. Многие из них к настоящему времени не существуют на исторических картах, некоторые продолжают заставлять говорить о себе. В любых случаях ничто не уходит из жизни бесследно – память остается в назидание потомкам. В. О. Ключевский, так комментирует проблему: *«Ныне в центральной Великороссии нет уже в живых остатков этих племен: но они оставили по себе память в ее географической номенклатуре. На обширном пространстве от Оки до Белого моря мы встречаем тысячи не русских названий городов, сел, рек и урочищ. Прислушиваясь к этим названиям, легко заметить, что некогда на всем этом пространстве звучал один язык, которому принадлежали эти названия. И что он родня тем наречиям, на которых говорит туземное население нынешней Финляндии и финские инородцы среднего Поволжья, мордва, черемисы»* [5, с. 40].

Обратим внимание на цифры, озвученные ученым, – «тысячи нерусских названий». Слово, как известно, тесно связано с мышлением, а коли так, то именно язык этих народов, в их числе Мокша и Эрзя, свидетельствуют характер проживавших и проживающих народов. Современные мордовские ученые, им надо отдать должное, много сделали для этимологических комментариев этого лексического запаса. Специально занимавшийся языковой проблемой автор стихотворного мордовского эпоса «Масторава», историк и философ, доктор филологических наук А. М. Шаронов в книге «Меря, Эрзя, Русь: автохтонный аспект» приводит, по его словам, «краткий список» на одиннадцати страницах [6, с. 127–137].

По сути дела, совершенное учеными филологами и лингвистами, в том числе и Саранска, об участии финно-угров в создании «великого и могучего» русского языка подтверждает гипотезу историка В. О. Ключевского. А если еще учесть увлечение этим ученым лингвистикой, когда обучался в Московском университете у известного историка русского языка Ф. И. Буслаева, то его рассуждения о «едином языке» и «тысячах нерусских названий» имеют особый обоснованный смысл. Каждый из народов, живущих в восточной части европейской России, включая сюда Среднее Поволжье, вносили и вносят свою толику в мощь одного наиболее успешного языка, которым начинали говорить русы.

В становлении русского языка великую роль сыграли и татары, жившие в соседних селах с финно-уграми. Показательна в этом отношении судьба писателя А. И. Куприна, родившегося в Наровчате, ныне Пензенской губернии. По отцу он относился к обрусевшим татарам-мишарям, начинавшим свою историю жития в Касимовском царстве, располагавшемся между Московией и Казанским ханством, объективно говоря, на мордовских землях. Три столетия Кулунчаки по материнской линии жили в селах теперешней Республики Мордовия. Папа же его родом был из мордовского села Спасск Пензенской губернии, а учился по юридической части в Темникове. Город Спасск основан в 1663 года как вотчина Новоспасского монастыря на земле мордвина Богданова. Первоначально село называлось Богданов. В основном здесь проживало мордовское население. То есть русский писатель имеет родословную двух дружественных народов. Более подробно об этом можно посмотреть в книге «Русский этногенез в аспекте национального самосознания» [2].

Уместно вспомнить для обобщения и малороссов (окраинцев), живших в юго-восточной части России. Н. В. Гоголь зачастую намеренно заинтересованно выделял русский язык, ибо от его значимости зависели судьбы всех литератур многонациональной России. Литератор Г. П. Данилевский вспоминал спор русского и украинского ученого О. М. Бодянского с Гоголем о русской литературе: *«Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски, надо стремиться к поддержке и упорядочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантом для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня – язык Пушкина. Какою является Евангелие для всех христиан, католиков, лютеран и гернгунтеров… Нам, малороссам и русским, нужна одна поэзия, спокойная и сильная, нетленная поэзия правды, добра и красоты. Русский и малоросс – это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение одной в ущерб другой, невозможно»* [3, с. 92–100]. Рассуждая так, Гоголь считал, что, как и в политике, важно объединение княжеств, «оукраин» народов, необходимо объединение языков, ради укрепления одного главного, который будет утверждаться, используя достижения братских народов. Подводя итог размышлениям о единой родной душе, справедливо называть такой единой душой язык Русов, Мокши и Эрзи – коренных народов России.

Библиографический список

1. Виноградов В. В. О задачах стилистики // Русская речь / под ред. Л. В. Щербы. – Пг., 1923. – 296 с.
2. Горланов Г. Е. Русский этногенез в аспекте национального самосознания. – М., 2021. – 272 с.
3. Данилевский Г. П. Знакомство с Гоголем (из литературных воспоминаний) // Сочинения. – Изд. 9-е. – Т. XIV. – СПб., 1902. – С. 92–100.
4. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / подготовка текста, составление, вступ. статья и комментарии Н. С. Демковой. – М. : Азбука-Аттикус, 2012. – С. 152.
5. Ключевский В. О. Исторические портреты. – М. : Правда, 1990. – 624 с.
6. Шаронов А. М. Меря, Эрзя, Русь: автохтонный аспект : монография / под общ. ред. д-ра филол. наук проф. Е. А. Шароновой. – 2-е изд., испр. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2019. – 308 с.

© Горланов Г. Е., 2022.

УДК 811.511.152.2:371.32

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ НА УРОКАХ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

В. П. Гришунина,
канд. филол. наук, доцент
grishunina.64@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье атором подчеркивается тезис о том, что межпредметная связь на уроках по языку способствует не только получению новых знаний, умений и навыков, но и формированию в сознании учащихся целостной картины мира.

Ключевые слова: метапредметность, учебный предмет, познавательная ценность, урок, связь, родной язык, мокшанский язык, неродной язык.

IMPLEMENTATION OF INTERDISCIPLINARY CONNECTIONS IN THE LESSONS OF THE MOKSHAN LANGUAGE AS A NON-NATIVE LANGUAGE

V. P. Grishunina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. In the article the author emphasizes the thesis that interdisciplinary communication in language lessons contributes not only to the

acquisition of new knowledge, skills and abilities, but also to the formation of a holistic picture of the world in the minds of students.

Keywords: meta-subject, a subject, the cognitive value of the lesson, the link, the native language Moksha language, second language.

Межпредметность в школьном учебном процессе – явление не новое, но, на наш взгляд, актуальное. Проблема межпредметных связей актуальна на сегодняшний день в связи с введением ФГОС.

Цель нашей статьи – показать познавательную ценность межпредметных связей на уроках мокшанского языка как неродного для русскоязычного и смешанного контингента обучающихся.

Актуальность проблемы реализации межпредметных связей очевидна тем, что, во-первых, требует увеличения объема информации, сообщаемой учащимся, что в свою очередь приводит к необходимости внесения качественных изменений в содержание образования; во-вторых, тем, что ширится процесс интеграции наук, появляются новые школьные дисциплины, требующие умения комплексно применять знания из различных предметов.

Учитывая, что современная система образования направлена на формирование интеллектуально развитой личности с целостным представлением языковой картины мира, самостоятельность предметов, их слабая связь друг с другом порождают определенные трудности в формировании у обучающихся целостной картины мира.

Будущее сегодняшнего ученика напрямую зависит не столько от количества знаний, им усвоенных, сколько от того, насколько четко сформированы его общеучебные умения и навыки, способности применять эти знания на практике и в повседневной жизни.

Республика Мордовия – многонациональная республика. Поэтому в школах мокшанский язык преподается для русскоязычного и смешанного контингента обучающихся. Говоря о предмете «Мокшанский язык», можно отметить, что его основу составляет национальная культура. При всех исторических обстоятельствах мокшане и эрзяне не утратили пока еще свои языки, сохранили себя как этносы, донесли до наших дней своеобразную культуру.

Фактически процесс овладения мокшанским языком является моделью процесса общения, в котором учитель и ученик выступают как личностно равные речевые партнеры.

Во всех школах Республики Мордовия мордовский (мокшанский и эрзянский) язык как государственный ведется со 2-го по 7-й классы. В Федеральном реестре размещены примерные общеобразовательные рабочие программы по предметам «Мокшанский язык», «Эрзянский язык» со 2-го по 7-й класс [2], [5]. Изданы к ним учебные пособия и методические рекомендации [3], [4].

Если говорить о предметных результатах мокшанского языка, то они направлены на правильную артикуляцию звуков, усвоение определенного лексического материала, понимание речи учителя, умение составления во-

просов и ответов на них, также краткое описание предмета, составление небольших текстов по наблюдаемой или воображаемой ситуации. Все эти методы позволяет решить ИТ (информационная технология), которая кроме того дает возможность расширить знания обучающихся о закономерностях пространственной организации мира, развитии страны на разных этапах, возможность формирования мышления, чувства любви не только к родному, но и «чужому» языку, эффективного речевого развития.

Кроме того, метапредметные связи отражают комплексный подход к воспитанию и обучению, позволяют вычленить как главные элементы содержания образования, так и взаимосвязи между учебными предметами в школе. Здесь мы выделяем связь мокшанского языка с историей мордовского края, мордовской литературой, русским языком, математикой, музыкой.

Конечно же, видовое многообразие заданий и упражнений и их баланс определяются методической концепцией учебной книги, многообразием видов информации и способами ее обработки. Так, при закреплении или изучении темы «Имя прилагательное» можно использовать задание: «Вспомнить названия произведений или сказок (в зависимости от возраста детей) из мордовской литературы, русской и зарубежной, где встречается имя прилагательное» («Сыре Варда», «Чёрная корова», «Волшебный мёд», «Кели Мокша», «Велень тейтерь», «Кедровай пяштть», «Раужо палмань», «Сын эрзянский», «Лямбе кядьса», «Хрусталень пайкт», «Мокшень стирь», «Келу ведь», «Новая родня», «Ожудова, вишке коволхт» и др.

Отметим, что уроки мокшанского языка с использованием межпредметных связей могут быть:

а) *фрагментарными* – когда лишь отдельные вопросы содержания раскрываются с привлечением знаний из других предметов;

б) *узловыми*, реализующими межпредметные связи на протяжении всего урока с целью полного и глубокого изучения его темы;

в) *бинарными*, на которых чередуются теоретические и практические вопросы, теоретическое обоснование непосредственно предшествует практическим приемам, умениям, навыкам;

г) *синтезированными* (интегрированными), когда органически сливаются знания из ряда учебных предметов при раскрытии содержания всего урока, при этом воспроизведение опорных знаний может являться лишь первым этапом урока.

Тема «Знакомство с героями мордовских сказок» (мокшанский язык, 5-й класс) [5], является связующим звеном или перекидным мостиком для ознакомления с историей и культурой мордовского народа, с его традициями и обычаями, и формированием духовно-нравственного отношения к своей стране, к природе родного края, к культурному наследию мордовского народа (см. Ф. Атянин «Серебряное озеро», В. Мишанина «Куйгорож», А. Тяпаев «Сельведь-богатырь»; музыкальная сказка «Иненармунь» [1] и мн. др.).

Можно использовать следующий практический материал с заданием:

«Перевести выделенные слова и выражения из сказок на мокшанский язык».

Русский	**Мокшанский**
Жили-были	*Эрясть-ащесть*
Когда-то	*Кати-мзярда*
Медведь-богатырь	*Офта-богатырь*
Тут и сказке конец	*Тяса ёфксть пецка*
Плохой друг попался	*Кальдяв ялгась повсь*

Отметим, что музыка при изучении литературных произведений помогает сформировать у детей многогранное представление о разных явлениях мира, позволяет ставить в широком контексте вечные вопросы о смысле жизни, о добре и зле, о смерти и бессмертии.

Здесь же мы хотим отметить, что связь между предметами проявляется не только с дисциплинами гуманитарно-художественного направления, но и с естественно-математическими. Они позволяют расширить, углубить знания учащихся не только в области филологии, но и способствуют формированию познавательного процесса, помогают создать представление о мире и человеке в едином целом.

На наш взгляд, межпредметная связь мокшанского языка с математикой очевидна при знакомстве с миром фразеологизмов, пословиц, поговорок, загадок, содержащих в своем составе числительные. Так на уроках мокшанского языка как неродного ученикам можно предложить упражнение с заданием: «Выписать названия животных и имена числительные из следующих загадок, пословиц и поговорок».

Фкя нумолста кафта кетть аф ваткат. (С одного зайца две шкуры не снимешь).

Сяда алаша фкя тярдьса тяряф. (Сто лошадей одним путом спутаны).

Фкя шляпа ала ниле братт. (Под одной шляпой четыре брата).

Тёжянь вальмязе – тёждя сталмозе. (Тысяча окон у меня – лёгок мой груз).

Пацянза кафта, сюреса стафкат. (Два крыла, ниткой прошиты).

Сисемксть ункстак – весть керк. (Семь раз отмерь, один раз отрежь).

Фкя пилеват сувай, омбоцева лиси. (В одно ухо влетает, в другое – вылетает).

Колма кизот шалхконц карась, сяс и нолапарькс арась. (Три года в носу ковырялся, поэтому и ленивцем стал).

Кафта нумол мельгя панят – фкявок аф кундат. (За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь).

Комотнемс фкяста омбоцети. (Перепрыгивать с одного места на другое) [6], [7].

Эти примеры дают возможность понять роль математики в мокшанском языке, в мордовской культуре.

Тему «Имена существительные собственные и нарицательные» в 5-м классе [5] можно связать с географией. Правильное написание географических названий формируется при работе с текстовым материалом.

Например:

1. Рассмотрите географическую карту Республики Мордовия. Выпишите географические названия (топонимы), которые имеют в своем составе компонент *лей/ляй* «река». Составьте с ними 2–3 предложения.

2. Исправьте ошибки в собственных именах и запишите предложения правильно.

Саша офтин эряй Саранск ошса Полежаевонь ульцяса.

Кизонда щаванц и матяканц мархта моли мокша ваймама куду.

Кода Мордовия республикать столицанц лемоц?

3. Работа в парах. Найти и исправить ошибки в тексте (проверка на интерактивной доске). (Дается текст о Мордовии).

Республикась ащи Восточно-Европейской равнинать види ширесонза, Москуть и Волга ляйть ёткса. Север ширде ащи серцек Нижегородскяй аймакть мархта, северо-востокса – Чувашиять мархта, шинь стяма ширде – Ульяновскяй областть мархта, юг ширде – Пенза аймакть, шинь мадома ширде – Рязанскяй областть.

Итак, 1) межпредметные связи – это целевые и содержательные совпадения, объективно существующие между учебными дисциплинами, и организационные формы использования материала в процессе изучения тех или иных явлений; 2) все учебные предметы учат языковой норме, формируют умение связно излагать полученные знания, т. е. создавать тексты соответствующего стиля речи; эти задачи в одних предметах специально сформулированы, в других – не сформулированы, но реализуются в учебном процессе; 3) межпредметные связи создают все предпосылки для создания на уроке активной речевой среды, помогающей развитию познавательных, эмоциональных, духовных, речевых способностей учащихся.

Межпредметные связи на уроках способствуют развитию поликультурного образования, т. е. с одной стороны, способствуют этнической идентификации и формированию культурного самосознания обучаемых, а с другой стороны препятствуют их этнокультурной изоляции от других народов, и несомненно повышают уровень владения мокшанским языком русскоязычных и смешанного контингента учащихся, что особенно актуально на сегодняшний день.

Неоспоримо и то, что для современного образования необходима ориентация на межкультурный аспект овладения языком, так как языковая культура является неотъемлемой и существенной частью культуры человека в целом.

Библиографический список

1. Иненармунь [Элекатронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=RHNUxfSmVvU (дата обращения: 13.08.2021).

2. Миронова М. Н. Примерная рабочая программа учебного предмета «Мокшанский язык (государственный)» для 2–4 классов образовательных организаций. – Саранск : МРИО, 2018. – 31 с.

3. Рогожина В. Ф. Мокшанский язык. 6 класс. Пятый год обучения : учеб. пособие / В. Ф. Рогожина, В. П. Гришунина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2018. – 136 с.

4. Рогожина В. Ф. Примерная рабочая программа учебного предмета «Мокшанский язык (государственный)» для 5–7 классов образовательных организаций / В. Ф. Рогожина, В. П. Гришунина. – Саранск : МРИО, 2018. – 49 с.

5. Рогожина В. Ф. Мокшанский язык. 5 класс. Четвертый год обучения : учеб. пособие / В. Ф. Рогожина, В. П. Гришунина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2017. – 144 с.

6. Самородов К. Т. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. – Саранск : Мордов. кн. изд.-во, 1986. – 280 с.

7. Шуляев А. Д. Идень фольклор / кочказень, аноклазень печатьс и текстттненди ингольдень валсь А. Д. Шуляевонь. – Саранск : Книга, 2016. – 120 с.

© Гришунина В. П., 2022.

УДК 82-32(470.345)

ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ КОД РАССКАЗОВ А. БРЫЖИНСКОГО

Н. И. Ермина,
аспирант
nataliaermina@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье определяется проблемно-тематический диапазон рассказов эрзянского писателя А. Брыжинского, выявляются разновидности психологического, социально-бытового, сатирического рассказа, анализируются принципы структурирования системы персонажей в произведениях, оценивается роль прозаика в актуализации проблем современной действительности.

Ключевые слова: современный мордовский рассказ, А. Брыжинский, автор, проблематика, жанровая форма, персонаж.

PROBLEM AND THEMATIC CODE OF STORIES BY A. BRYZHINSKY

N. I. Ermina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article defines the thematic range of stories by the Erzyan writer A. Bryzhinsky, identifies the varieties of psychological, social and everyday, satirical stories, analyzes the principles of structuring the system of characters in

works, assessed the role of the prose writer in the actualization of the problems of modern reality.

Keywords: modern Mordovian story, A. Bryzhinsky, author, problems, genre form, character.

В современном литературоведении жанровый подход признается продуктивной исследовательской стратегией, поскольку позволяет определить основные тенденции литературного процесса, объективно оценить его художественный уровень. В концепции М. М. Бахтина жанр – это не только формально-содержательная структура (единство тематики, стиля, композиции), но и бытийная и экзистенциальная сущность человеческой коммуникации [1]. Теория ученого о первичных и вторичных жанрах убеждает в том, что не существует жанра вне речи (коммуникации), как и речи не существует вне жанра. Оба понятия обладают метафизической природой и состоят в неразрывных отношениях с социумом. Современные исследователи отстаивают видение жанра как «фундаментальной социально-гуманитарной категории», «сориентированной с действительностью на взаимодействие, безотлагательно реагирующей на социально-историческое событие» [4, с. 79, 81].

На наш взгляд, именно жанр предопределяет специфику «считывания» информации – отражение действительности глазами писателя, обуславливает индивидуальный стиль автора, его художественную манеру, конструирование же самого жанра зависит от внешних факторов – культурно-исторических условий. Активность жанра рассказа в мордовской литературе рубежа XX–XXI веков объясняется общественно-политическими обстоятельствами, которые нуждаются в оперативном художественном осмыслении. Крупные жанры (роман, повесть, драма) требуют определенного временного промежутка для выстраивания нарратива, сюжетно-композиционной структуры и т. д. Рассказ оказался наиболее коммуникативным жанром, вступившим в диалог с действительностью, отразившим ее в разных формах и проявлениях. Данное утверждение подтверждается нами на примере анализа рассказов эрзянского автора А. Брыжинского.

Рассказы писателя органично вписываются в контекст мордовской литературы начала XXI столетия. В них прослеживаются характерные черты современной национальной прозы, в частности широкий тематический диапазон, актуализация нравственно-философской проблематики, «тяготение к емкой художественной детали, обогащение арсенала изобразительно-выразительных средств, <…> отражение целостности бытия во всем многообразии, сложности и противоречивости, выявление нравственной сути, духовной содержательности человеческого мира» [7, с. 11–12]. По формально-тематическим показателям рассказы можно определить как психологические, социально-бытовые и юмористические.

Лирико-психологические рассказы А. Брыжинского отличаются стремлением раскрыть душевное состояние персонажей, их внутренние

импульсы, обращением к смыслообразующим концептам, придающим повествованию философское, экзистенциальное звучание. Таковы произведения «Семь раз отмерь – один раз отрежь», «Письмо матери», «Надежный друг», «Костер души», «Узел любви», «Встреча» и другие. В рассказе «Надежный друг» описана трагическая судьба Ивана Матюшкина. Мужчина живет в замкнутом мире, он одинок. Несколько лет назад во время родов умерла его жена Настя, ребенка спасти также не удалось. О создании другой семьи, поиске личного счастья Иван не думает – слишком велика потеря, душевная боль не отпускает. Он устроился на работу лесником, «старался хотя бы на лоне природы найти успокоение» [2, с. 116]. Другом и помощником ему стал пес Валет, которого Иван взял щенком у своего друга. Они привыкли друг к другу, ни на минуту не расставались, «словно каким-то единым целым чувствовали себя» [2, с. 116]. Образ Валета воспринимается персонифицированным, наделенным человеческим сознанием – каждый из гостей «здоровается с ним», он «добродушно смотрит на них», «умными глазами благодарит присутствующих за поздравления в адрес своего хозяина», «снует туда-сюда по берегу», «не может поверить пропаже», «бегает и ждет любимого друга» [2, с. 117, 118].

С Матюшкиным случилась трагедия – он утонул в реке во время купания. Все произошло на глазах у собаки. «С визгами-стонами, протяжным воем она бегала вдоль реки» [2, с. 117]. Валет провел на берегу несколько дней в ожидании своего хозяина, отказывался принимать пищу с рук прохожих, «взгляд его был грустным, из глаз текли слезы» [2, с. 118]. Через несколько недель собака умерла от истощения. Она так и не ушла с берега, ждала хозяина, осталась преданной ему. Автор обращается к приему «отстранения» – вопросы нравственно-этического плана решаются не в плоскости человеческих взаимоотношений, а проецированы на животное, которое осмысливается символом преданности, верности. Писатель использует не типичные средства психологизации (внутренний монолог, несобственно-прямая речь), а образ животного, который в семантико-содержательной структуре текста становится «выразительной деталью, которая создает подтекст и помогает избежать длинных описаний» [5, с. 288].

Конфликт рассказа «Письмо матери» психологический – противоречия в душе и мыслях персонажей. Автор художественно исследует сложные межличностные отношения двух самых близких людей – матери и сына. Ситуация недопонимания между Степаном и его матерью Марией Петровной приводит к разрыву их общения на долгие годы. Со стороны героини читатель наблюдает чрезмерную опеку сына, строгий контроль его действий, желание навязать свое мнение даже в выборе невесты. Степан способен на компромисс, однако отказаться от любимой женщины, которая не нравится матери, он не может. Психологический кризис причиняет боль обоим. Посредством несобственно-прямой речи, воспоминаний героя автор раскрывает его глубокие переживания по поводу сложившейся ситуации, к тому же явившейся причиной серьезных проблем со здоровьем. Только когда Степан оказывается на больничной койке, Мария Петровна забывает все

обиды, осознает ошибки, корит себя за то, что чуть «не исковеркала жизнь родной кровиночки» [2, с. 60]. Финальная сцена рассказа эмоциональна, лирична, вызывает глубокую рефлексию реципиента, актуализирует онтологические вопросы о человеческих взаимосвязях, ценности межличностной коммуникации.

По утверждению исследователей, социально-бытовая проза направлена на «образное воспроизведение эпохи, времени и личности, общества и человека, их неразрывной связи друг с другом» [6, с. 1496] в контексте вневременных нравственно-этических, философских проблем. Социально-бытовые рассказы А. Брыжинского «Горение», «Встреча», «Сила любви», «Домовенок» и другие являются отражением реалий окружающей действительности, поиска новых идеалов, авторского взгляда на современника, его нравственную сущность.

В рассказе «Доверие» автор изображает банальную ситуацию: кто-то из учеников украл часть денег, предназначенных для поездки класса на экскурсию. Молодая учительница Лидия Васильевна обескуражена случившимся, она не знает, на кого подумать, кого обвинить. Необходимо было деликатно поговорить с каждым из учеников, не обидеть их подозрением, недоверием. Удалось выяснить, что деньги взял Ведясов Коля. Мальчик раскаялся в совершенном, осознал свой проступок («Поверьте, всю жизнь не забудутся мне эти деньги…» [2, с. 132]), объяснил, что деньги взял на время, до зарплаты матери, чтобы купить конструктор, о котором давно мечтал. Лидия Васильевна поступила гуманно и профессионально: она скрыла ото всех эту историю, не причинила ребенку психологическую травму.

Вторая часть рассказа передана в ретроспективной форме. Учительница вспоминает аналогичный эпизод со своим участием. Несколько лет назад, проживая в студенческом общежитии, она без спроса взяла у соседки по комнате Вали Рюминой «сотканный из тонких белых ниток узорчатый» платок. Никакого умысла в ее действиях не было: обычно девушки любят примерять на себя чужую одежду. Лида лишь хотела понравиться однокурснику Коле Письмаркину, который пригласил ее в кино. Далее события разворачиваются в детективном русле. Девушке не удалось вовремя вернуть платок на место, подруга обнаружила пропажу, рассказала об этом в группе. Факт пропажи вызвал интерес и бурное обсуждение среди студентов. Вскоре выяснилось, что Лиду видели в этом платке в кинотеатре. Валя не обозлилась на Лиду, выслушала ее, поняла и простила. Поступив иным образом, она сломала бы ей жизнь. Спустя несколько лет этот случай помог молодой учительнице найти выход из конфликтной ситуации. В рассказах А. Брыжинского бытовые проблемы разрешаются в соответствии с авторской гуманистической позицией, а персонажи оцениваются сквозь призму их нравственного потенциала. Герои произведений решительны и активны, готовы к любым испытаниям, умеют отстаивать свою позицию, в житейских ситуациях придерживаются традиционных этических норм.

Особый пласт новеллистики А. Брыжинского – юмористические рассказы, сюжетные перипетии которых составляют «не глобальные

проблемы общественного плана, а художественное исследование внутренних противоречий личности, духовно-нравственного потенциала человека, … изображение нравственной деградации персонажей, попирания ими моральных норм» [3, с. 218]. Произведения «Телефон виноват», «„Жаркая” встреча», «Вася-генерал», «Донжуан из Петровки», «Богатая Фекла» и другие основаны на анекдотическом сюжете. Малая фольклорная форма ассимилирована в глубь текста таким образом, что на примере описанных в рассказах курьезов современной жизни можно воссоздать общую картину действительности. Прозаик обращается к анекдотам, в которых представлены нелепые ситуации, приводящие к комическому эффекту.

В рассказе «„Жаркая” встреча» развернут сюжет анекдота о внезапном возращении мужа, заставшего свою жену с любовником. Портрет главного героя Николая Гарынкина передан глазами другого персонажа и описан в ироничных тонах. «Бажанов радостно смотрел на друга. Тот был голубоглазым красавцем с роскошными кудрями. Только одно не понятно Федору: Коля раньше был темноволосым, теперь у него волосы светлые» [2, с. 54]. Метаморфозы с внешностью Гарынкин объяснил так: «Вычислил: женщинам больше нравятся кудрявые парни со светлыми волосами. Поэтому пришлось перекраситься. Надо идти в ногу со временем, следить за модой и… учитывать потребности представителей прекрасного пола» [2, с. 54]. Любвеобильный Гарынкин постоянно заводит романы с «красивенькими женщинами», номера телефонов которых записывает в нотную тетрадь, таким образом зашифровав от жены. Обаятельный, красноречивый мужчина нравится женщинам, и пользуется этим. Он ведет себя уверенно, заносчиво, считает себя «великим спецом по обожанию сердец» [2, с. 57]. Однажды очередная «жаркая» встреча с возлюбленной завершилась неожиданным возращением мужа-боксера, который проучил пылкого любовника. После этой сцены приподнятое эмоционально-психологическое состояние Гарынкина меняется, избитый и униженный он выносит жизненный урок.

Любовная интрига составляет сюжет рассказа «Телефон виноват». Описанная комическая ситуация одновременно и реалистична, и парадоксальна – жена уличила мужа в связях с другими женщинами и проучила его. Прозаик не доводит обстоятельства до фантастики и гротеска, они вполне реалистичны и осязаемы, чем вызывают не только смех, но и яркие ассоциации читателя. Комизм произведения усиливается характерным для анекдота неожиданным финалом – вместо ожидаемой возлюбленной на свидание с мужчиной приходит его жена. В рассказах писателя в комической форме изображаются курьезы личной жизни, осмеиваются слабые черты характера, возможно, они лишены серьезного общественного значения, однако изумляют, обнажают то, что скрыто от поверхностного взгляда, становятся «показателем нравов».

Высказанные положения позволяют сделать вывод о том, что рассказы А. Брыжинского отличаются тематической многоплановостью, актуализацией разнообразных аспектов современности. Писатель художественно решает семейно-бытовые проблемы, проецируя их на социум, вопросы

межличностного общения наделяет экзистенциальным, онтологическим содержанием. Проблемно-тематический код произведений обуславливает многообразие жанровых форм (психологический, социально-бытовой, юмористический рассказ), типологию персонажей, в авторской концепции призванных отразить жизнь во всех ее проявлениях.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. – Т. 5 : Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М. : Русские словари, 1996. – С. 159–207.
2. Брыжинский А. «Жаркая» встреча. – Саранск : Крас. Окт., 2013. – 680 с.
3. Ермина Н. И. Специфика моделирования комического дискурса в рассказах мордовского писателя Н. Ишуткина [Электронный ресурс] / Н. И. Ермина, С. В. Шеянова // Вестник угроведения. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 216–224. – URL: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/ vu/n._i._ermina.pdf (дата обращения: 13.09.2021).
4. Жиляков С. В. Жанровая проблема после М. М. Бахтина (онтологические заметки) [Электронный ресурс] // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2015. – Т. 1, № 1 (3). – С. 79–84. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_ 23585447_74316384.pdf (дата обращения: 12.09.2021).
5. Калашникова Л. В. Разновидности психологического рассказа в марийской литературе 1960–1980-х годов [Электронный ресурс] // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 1. – С. 287–291. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_ 11902870_29242226.pdf (дата обращения: 13.09.2021).
6. Муллагулова А. М. Концепция героя в социально-бытовых башкирских рассказах [Электронный ресурс] // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 3 (1). – С. 1495–1500. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18772065_ 20277383.pdf (дата обращения: 14.09.2021).
7. Шеянова С. В. Современный мордовский роман (1980–2000-е гг.) : типология, проблематика, поэтика : автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Саранск, 2014. – 41 с.

© Ермина Н. И., 2022.

УДК 81'36:811.511.182:811.161.1

СПЕЦИФИКА ИМЕННОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ В МОКШАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Г. С. Иванова,
д-р филол. наук, профессор
galina17-05@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности именного словоизменения в мокшанском языке, отличающие его от русского языка; исследуются признаки прафинно-угорского языка, проявляющиеся при агглютинации реляционных аффиксов.

Ключевые слова: мокшанский язык, русский язык, словоизменение, падежная система, аффикс, агглютинация.

SPECIFIC CHARACTERISTICS OF NOMINAL WORD CHANGES IN MOSHAN AND RUSSIAN LANGUAGES

G. S. Ivanova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines the features of the nominal inflection in the Mokshan language, which distinguish it from the Russian language; the features of the Prafin-Ugric language are investigated, which are manifested in the agglutination of relational affixes.

Keywords: Mokshan language, Russian language, inflection, case system, affix, agglutination.

Существует ряд общих для финно-угорских языков признаков, отличающих мокшанский язык от русского языка. Почти все основные признаки проявляются в именном словоизменении [2; 3; 6].

1. Многопадежность. В отличие от индоевропейских языков, финно-угорские языки отличаются многопадежностью (в мокшанском языке 13 падежей, в эрзянском – 12, в венгерском – 17, в коми-пермяцком – 24, а в некоторых диалектах больше и т. д.).

Если в русском языке по каждому склонению изменяется отдельная группа существительных, то в мокшанском языке все существительные склоняются по всем трем типам; основное (неопределенное) склонение называет предмет, номинатив единственного числа является исходной формой (одновременно также диагностической формой), она не имеет грамматического оформления [4], например: *ялга* ‘друг’, *патя* ‘дядя’, *куд* ‘дом’, *вирь* ‘лес’, *панда* ‘гора’, *ки* ‘дорога’, *тоду* ‘подушка’, *инези* ‘малина’ и др.

В указательном (определенном) склонении три падежа; к основе номинатива основного склонения присоединяется морфема определенности [2, с. 152]: в единственном числе – *-сь, -ць; -ть; -ти;* во множественном числе – *-тне; -тнень;- тненди*, например: *ялга-сь* ‘друг-этот’, *ялга-ть* ‘друга-этого’, *ялга-ти* ‘другу-этому’, *ялга-тне* ‘друзья-эти’, *ялга-тне-нь* ‘друзей-этих’, *ялга-тне-нди* ‘друзьям-этим’.

В притяжательном склонении 10 падежей; имена существительные склоняются по шести рядам: *mon'* ‘мой’, *ton'* ‘твой’, *son'* ‘его/ее’, *min'* ‘наш’, *t'in'* ‘ваш’, *s'in'* ‘их’, и в каждом из этих рядов имеются свои специфические показатели.

2. Наличие лично-притяжательных (посессивных) суффиксов. В русском языке принадлежность предмета чаще всего выражается с помощью притяжательных местоимений, мордовские языки от финно-угорского праязыка сохранили суффиксы притяжательности, выражающие принадлежность предмета к 1-ому, 2-ому или 3-ему лицу единственного или множественного числа. Изменение существительного с лично-притяжательным суффиксом по падежам организовалось в отдельное склонение – притяжа-

тельное. Поэтому в притяжательном склонении, кроме падежных формантов, имена существительные приобретают суффиксы принадлежности, причем лично-притяжательный суффикс после аблатива имеет свойство видоизменяться (табл. 1).

Таблица 1 – Лично-притяжательные суффиксы мокшанского языка

Субъект и объект в ед. ч.		Субъект – ед. ч., объект – мн.ч.	
До аблатива	После аблатива	До аблатива	После аблатива
1 л. *-зе* 2 л. *-це* 3 л. *-ц*	*-н* *-т* *-нза*	*-не* *-тне* *-нза*	*-н* *-т* *-нза*
Субъект – мн. ч., объект – ед.ч.		Субъект и объект во мн. ч.	
До аблатива	После аблатива	До аблатива	После аблатива
1 л. *-ньке* 2 л. *-нте* 3 л. *-сна*	*-нк* *-нт* *-ст*	*-ньке* *-нте* *-сна*	*-нк* *-нт* *-ст*

В косвенных падежах, начиная с аблатива, при единственном числе субъекта одни и те же формы выражают как единственное, так и множественное число объекта; совпадение форм единственного и множественного числа объекта наблюдается также при множественности субъектов.

Последовательность агглютинации падежных и лично-притяжательных формантов до аблатива и после аблатива изменяется (табл. 2).

Таблица 2 – Последовательность агглютинации посессивных и падежных формантов

Субъект и объект в ед. ч.		Субъект – ед. ч., объект – мн.ч.	
Генитив	Аблатив	Генитив	Аблатив
1 л. *ялга-зе-нь* 2 л. *ялга-це-нь* 3 л. *ялга-н-ц*	*ялга-до-н* *ялга-до-т* *ялга-до-нза*	*ялга-не-нь* *ялга-тне-нь* *ялга-нзо-н*	*ялга-до-н* *ялга-до-т* *ялга-до-нза*
Субъект – мн. ч., объект – ед.ч.		Субъект и объект во мн. ч.	
До аблатива	После аблатива	До аблатива	После аблатива
1 л. ялга-нько-нь 2 л. ялга-нте-нь 3 л. ялга-сно-н	*ялга-до-нк* *ялга-до-нт* *ялга-до-ст*	*ялга-нько-нь* *ялга-нте-нь* *ялга-сно-н*	*ялга-до-нк* *ялга-до-нт* *ялга-до-ст*

3. Действие закона сингармонизма. В мордовских языках большинство падежных формантов имеют двухвариантное оформление: вариант с гласным переднего ряда и вариант с гласным заднего ряда. Их агглютинация к основе слова подчиняется закону палатально-велярного сингармонизма: переднерядный аффикс присоединяется к основе с гласным переднего ряда и мягким

согласным, а заднерядный – к основе с гласным заднего ряда и твердым согласным [1; 6; 9]. Эта особенность прафинно-угорская, или даже прауральская, ее сохранило большинство финно-угорских языков [7].

Действие закона сингармонизма во всей словоформе отмечали многие исследователи (Д. В. Бубрих, Х. Паасонен, А. А. Шахматов, Э. Итконен, Н. Ф. Цыганов и др.). Финский исследователь Х. Паасонен считал явление «прогрессивной палатальной аттракции гласных» изживающим себя в современных диалектах, хотя признавал его существование в общемордовском языке, где «между основой и аффиксами имели место те же фонетические закономерности, что и между слогами основы» [13, с. 105]. Ассимилятивное влияние гласного первого слога на последующие и его тесную связь с гармонией гласных подчеркивал Н. Ф. Цыганов [10, с. 32]. А. А. Шахматов видел причину нарушения «общефинского закона» в появлении редуцированных гласных и смягчении согласных [11, с. 773–774]. Э. Итконен отмечал, что уподобление «гласных в окончаниях нельзя объяснить как случайное распределение фонем» [12, с. 264].

В мокшанском языке историческое явление ярко представлено в формах латива, пролатива, а в диалектах еще и аблатива, абессива. Явление прогрессивного сингармонизма находит проявление и в форме множественного числа основного склонения, где суффикс выступает в двух вариантах – твердом *-т* и мягком *-ть*: первый агглютинирует к твердому согласному, второй – к мягкому согласному основы (табл. 3).

Таблица 3 – Агглютинация падежных формантов

Падежи	Абл.	Лат.	Пролат.	Абесс.
Варианты	*-да, -де (-та, -те)*	*-и, -у*	*-га, -гя*	*-фтома, -фтеме*
Вирь ‘лес’	*вир-де*	*вир-и*	*вирь-гя*	*вирь-фтеме*
Куд ‘дом’	*куд-та*	*куд-у*	*куд-га*	*куд-фтома*
Номинатив мн. числа *-т/-ть*				
Ляй – ляйх-ть ‘река – реки’			*Ков – коф-т* ‘месяц – месяцы’	
Пей – пейх-ть ‘зуб – зубы’			*Куз – кус-т* ‘ель – ели’	
Кяль – кяльх-ть ‘язык – языки’			*Вал – валх-т* ‘слово – слова’	

Как показывает иллюстративный материал, на морфемном шве наблюдаются ассимилятивные процессы, которые приводят к изменению фонетического состава словоформы [4; 5; 8].

4. В русском языке существительные изменяются по всем падежам и в единственном, и во множественном числе; в мокшанском языке в основном склонении отдельную форму множественного числа имеет только именительный падеж, а в косвенных падежах одна и та же форма выражает как единственное, так и множественное число. Определить единичность или множественность предметов можно только в контексте, например: Коля *ялгадонт* башка мон тоса киньге аф содан «Кроме вашего друга Коли я там

никого не знаю»; Тинь лама *ялгадонт* «У вас много друзей». Данная особенность отличает мордовские языки от других финно-угорских языков.

В мордовских языках в системе именного словоизменения четыре суффикса множественного числа: *-т/ть, -не, -н, -к*. Каждый из них имеет свою область применения: *-т/ть* употребляется в основном склонении (примеры смотрите выше), а также в указательном склонении как один из компонентов сложного суффикса *-тне* (*-т+-не*), вторым компонентом которого выступает суффикс указательной множественности *-не*, этимологически восходящий к указательному местоимению *ня* ‘эти’.

В указательном склонении, кроме *-тне* используется еще упрощенный вариант *-не*, это инновационное образование появилось в результате выпадения показателя множественного числа *-т*: *-тне* присоединяется к основам на гласный (за исключением гласных *и (ы), у (ю)* в двусложных словах) и согласные *д, дь, т, ть, н, нь,* например: *варма – варма-тне* ‘ветер – ветра эти’, *панда – пант-тне* ‘гора – горы эти’, *пиле – пиле-тне* ‘ухо – уши эти’, *ки – ки-тне* ‘дорога – дороги эти’, *кшы – кшы-тне* ‘хлеб – хлеба эти’, *куд – кут-тне* ‘дом – дома эти’, *кядь – кят-тне* ‘рука – руки эти’, *тарад – тарат-тне* ‘ветка – ветки эти’, *стакан – стакат-тне* ‘стакан – стаканы эти’, *ломань – ломат-тне* ‘человек – люди эти’, остальные основы принимают *-не*, например: *вазь – вась-не* ‘шапка – шапки эти’, *ор – орх-не* ‘шуба – шубы эти’, *марь – марьх-не* ‘яблоко – яблоки эти’, *вал – валх-не* ‘слово – слова эти’, *мяль – мяльх-не* ‘мысль – мысли эти’, *келазь – келас-не* ‘лиса – лисы эти’, *имож – имош-не* ‘ягода – ягоды эти’, *маци – мацих-не* ‘гусь – гуси эти’, *куцю – куцюф-не* ‘ложка – ложки эти’ и др.

В притяжательном склонении используются суффиксы *-н, -к*. Особенность выражения числа в притяжательном склонении заключается в том, что существует необходимость обозначения числа обладателя и обладаемого. В мокшанском языке отдельные форманты для единственного и множественного числа имеются во всех рядах в первых трех падежах – номинативе, генитиве, дативе – начиная с аблатива формы единственного и множественно числа не различаются, поэтому определить его можно только контекстуально.

Несмотря на то, что число свойственно как для обладателя, так и для обладаемого, однако не во всех рядах притяжательного склонения числовая дифференциация обладаемых прослеживается последовательно. Так, показатель *-н* употребляется в номинативе, генитиве и дативе рядов *монь* ‘мой’, *тонь* ‘твой’, *сонь* ‘его’, например:

(монь) *цёра-зе* – (монь) *цёра-не* «мой сын – мои сыновья»

(тонь) *цёра-це* – (тонь) *цёра-т-не* «твой сын – твои сыновья»

(сонь) *цёра-ц* – (сонь) цёра-*н-за* «его сын – его сыновья»

В рядах «минь ‘наш’, тинь ‘ваш’, синь ‘их’» «первоначальные функции суффиксов *-н, -к* как показателей множественного числа предмета обладания и обладаемого стерлись» [2, с. 148], например: *цёра-ньке* ‘наш сын; наши сыновья’, *цёра-нько-нь* ‘нашего сына; наших сыновей’, *цёра-нько-нди* ‘нашему сыну; нашим сыновьям’, *цёра-до-нк* ‘от нашего сына; от наших сыновей’; *цё-*

ра-нте ‘ваш сын; ваши сыновья’, *цёра-нте-нь* ‘вашего сына; ваших сыновей’, *цёра-нте-нди* ‘вашему сыну; вашим сыновьям’, *цёра-до-нт* ‘от вашего сына; от ваших сыновей’ и т. д.

5. Отсутствие согласования определения с определяемым словом. В русском языке при склонении определения с определяемым словом определение ставится в том же роде, числе и падеже, что и определяемое слово; в мокшанском языке грамматическое оформление получает только определяемое слово, в то время как определение остается неизменным на протяжении всей парадигмы, например:

Номинатив	*оцю цёра* ‘старший сын’
Генитив	*оцю цёра-нь* ‘старшего сына’
Датив	*оцю цёра-нди* ‘старшему сыну’
Аблатив	*оцю цёра-да* ‘от старшего сына’
Инессив	*оцю цёра-са* ‘в старшем сыне’
Элатив	*оцю цёра-ста* ‘от старшего сына’
Иллатив	*оцю цёра-с* ‘в старшего сына’
Латив	–
Пролатив	*оцю цёра-ва* ‘по старшему сыну’
Транслатив	*оцю цёра-кс* ‘как старший сын’
Компаратив	*оцю цёра-шка* ‘со старшего сына’
Абессив	*оцю цёра-фтома* ‘без старшего сына’
Каузатив	*оцю цёра-нкса* ‘из-за старшего сына’
Номинатив мн. числа	*оцю цёра-т* ‘старшие сыновья’

Эту прафинно-угорскую особенность сохранили оба мордовских языка (мокшанский и эрзянский). Дело в том, что в финно-угорских языках прилагательное – неизменяемая часть речи, поэтому тип связи между определением, выраженным прилагательным, и определяемым словом, выраженным существительным, – примыкание.

Таким образом, разносистемность русского и мокшанского языков проявляется в специфике именной парадигматики каждого языка; мокшанский язык, как язык финно-угорской группы, сохранил основные реляционные признаки праязыка: многопадежность, действие сингармонизма при агглютинации двухвариантных аффиксов, наличие показателей обладателей и обладаемых, отсутствие согласования между определением-прилагательным и определяемым словом-существительным.

Библиографический список

1. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1953. – 272 с.

2. Грамматика мордовских языков / под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск : Мордов. гос. ун-т, 1980. – 431 с.

3. Иванова Г. С. Словоизменительный потенциал имени существительного в язы-

ках агглютинативного типа (на материале диалектов мокшанского языка) / Г. С. Иванова, И. Я. Жебраткина // Язык и культура. – 2020. – № 49. – С. 66–82.

4. Иванова Г. С. Явление сандхи в мокша-мордовском языке [Электронный ресурс] / Г. С. Иванова, Л. В. Ишаева // Гуманитарные науки и образование: научно-методический журнал. – 2015. – № 2 (22). – С. 109–111. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23935796_58638894.pdf (дата обращения: 18.10.2021).

5. Левина М. З. Мокшень диалектологиясь : тонафнемань пособия. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – 176 с.

6. Ломакина Т. И. Мокшень кяль 6 / Т. И. Ломакина, Г. С. Иванова. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2004. – 192 с.

7. Основы финно-угорского языкознания. – М. : Наука, 1975. – 484 с.

8. Седова П. Е. Функционирование русских заимствований в мокшанском языке // Финно-угорские языки в современном мире: функционирование и перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию проф. Д. В. Цыганкина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2020. – С. 73–77.

9. Цыганкин Д. В. Ассимилятивный потенциал сингармонизма в языках агглютинативного типа / Д. В. Цыганкин, Г. С. Иванова // Вестник угроведения. – Т. 9, № 3. – 2019. – С. 510–518. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41135458_94917123.pdf (дата обращения: 18.10.2021).

10. Цыганов Н. Ф. Из истории вокализма непервого слога эрзянского говора // Филологические доклады. – Саранск : Мордгиз, 1948. – Т. 2. – С. 28–37.

11. Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. – СПб. : Тип. Импер. АН, 1910. – 878 с.

12. Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // FUF. – Helsinki, 1946. – B. XXIX, Heft 1–3. – P. 222–337.

13. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Akademishe Abhandlung. – Helsingfors, 1893. – Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. – Helsingfors : Société Finno-Ougrienne, 1903. – 123 p.

© Иванова Г. С., 2022.

УДК 82.09:821.511.152

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТА И ХАРАКТЕРА В ПЬЕСЕ А. ПУДИНА «РУБЕЖ»

Ю. В. Кабанова,
аспирант
julija0292@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности конфликта и характеры исторической пьесы Александра Пудина «Рубеж». Производится анализ образной системы произведения.

Ключевые слова: мордовская драматургия, конфликт, образ, пьеса.

FEATURES OF THE CONFLIKT AND CHARACTER IN THE PLEY OF A. PUDIN "RUBEZH"

Yu. V. Kabanova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines the features of the conflict and the characters of the historical play by Alexander Pudin "Rubezh". The analysis of the figurative system of the work is carried out

Keywords: Mordovian drama, conflict, image, play.

Изучение развития драмы как рода литературы позволяет открыть мир национальной литературы, постичь ее неповторимость и многогранность, тем самым познать все разнообразие человеческой культуры.

Прошло достаточно времени с тех пор, как появились первые произведения мордовской драматургии. Процесс развития мордовской драматургии, как и других родов литературы, сложен – от одноактных агитационных пьес до значительных историко-героических и социально-бытовых драм, художественно ярко и правдиво решающих многообразные проблемы действительности, объективно отражающих многомерный характер и духовный мир человека.

Современная мордовская драматургия все чаще обращается к прошлому, и в этом проявляется не только стремление к расширению жанрово-тематических форм нашей литературы, но и желание ликвидировать ее идейно-эстетические проблемы в художественном осмыслении истории. Драматурги с новых, во многом изменившихся, позиций смотрят на вехи истории, которые несли в себе коренные изменения в общественный уклад жизни.

Спектр исканий современной мордовской драматургии в произведениях на историческую тематику обогащается как в количественном, так и в качественном отношении. Расширяются тематические границы, критерии отбора характеров и конфликтов обновляются с учетом общего литературного процесса в России.

Обращение к прошлому позволяет драматургам возродить нехарактерный для современной мордовской драматургии жанр исторической драмы. В этом жанре наиболее успешно реализует себя мордовский драматург Александр Иванович Пудин, начавший свое творчество со второй половины 1980-х годов.

Драматическое творчество Александра Пудина насчитывает более 40 пьес. Своеобразные, не похожие одна на другую, пьесы А. Пудина написаны как на родном мокшанском языке («В пустом доме люди», «Анахореты, или Угол для сирот», «Очаг» и др.), так и на русском языке. Пудинские пьесы вывели на сцену нового героя, более сложного и непривычного. Конфликт в его пьесах, отражая духовные возможности

личности, закономерно перемещается от воспроизведения внешних ситуаций в сферу внутренних, душевных переживаний героев.

Особое место в творчестве драматурга занимает историческая пьеса «Рубеж». Драма написана в 2004 году с использованием архивных документов. В основу пьесы положены события Великой Отечественной войны. Однако в произведении основное внимание концентрируется не на самом историческом событии – войне, а на образе человека, волею судьбы вовлеченного в театр боевых действий. Выводя на сцену страдающих людей, с поломанными судьбами и разбитыми чувствами, обнажая ужасы военных действий – смерть, голод, опустошенные дома и сожженные земли, А. И. Пудин показывает, что война – это разрушительная сила, которая приносит каждому человеку непреодолимую боль и страдания.

Действие пьесы разворачивается осенью и зимой 1941 года, когда в лютые морозы оборонительные рубежи на подступах к Москве возводили женщины, старики и дети, поскольку все мужчины были отправлены на фронт. Драматург рассказывает о героическом подвиге женщин, которые работали в тяжелых, нечеловеческих условиях в эти страшные военные годы, тем самым приближая час Победы.

О женщинах, стойко переносивших тяготы военного времени, также рассказывается в повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие…», поставленной режиссером Юрием Любимовым в 1971 году на сцене Театра на Таганке.

Несмотря на схожесть тематики, в произведениях авторы преследовали разные цели. В сюжете пьесы «А зори здесь тихие…» нашли отражение сцены реальных сражений русских девушек с фашистскими захватчиками и гибели героев в неравном бою. В пьесе Александра Пудина «Рубеж» мы не видим батальных картин, герои пьесы находятся в тылу, о боевых действиях узнаем только из разговоров персонажей. На первый план здесь выступают сложные и неоднозначные отношения между людьми в тяжелой военной обстановке.

«Правдивое изображение событий, показ человека во всей совокупности морального и физического состояния – отличительная особенность драмы „Рубеж“» [1].

У каждого героя пьесы свой характер, поэтому тяжелейшие условия военного времени каждый из них воспринимает по-разному.

Так, ленинградская учительница Ольга, по воле случая оказавшаяся в Москве, отличается от других прямотой и смелостью. Она не боится высказать свое мнение и часто жалуется на тяжелые условия жизни и быта. Сомневается в необходимости строительства оборонительной линии, отнимающей все силы.

Ударница Фима, наоборот, уверена, что оборонительный рубеж необходим. Фима, как и многие женщины, проводившие своих отцов, мужей и сыновей на фронт, работает воодушевленно, старается помочь всеми силами.

«Ф и м а. Немец здесь пойдет, где наши мужики схоронятся? Ну, подумай сама. И будут они от фашиста, как зайцы тикать? Вдоль реки» [3].

Даже в предродовой горячке Фима не покидает строительные работы и наравне со всеми упорно трудится, поскольку считает это малой частью того, что женщины могут сделать для своих родных, оказавшихся на поле боя.

В пьесе раскрывается образ юной девушки Клавдии, которая старается не отставать от других, хотя видно, что ей тяжело и морально и физически. Но чистая душа Синички, так называли Клавдию товарищи, не в силах справиться с ударами судьбы. Оказавшись жестоко обманутой участковым Юшкиным, молодая девушка погибает, так и не дождавшись окончания строительства рубежа.

Юшкин, которого можно считать виновником смерти 18-летней Клавдии, безразличен к участи женщин, оказавшихся в тяжелом положении. В его силах облегчить тяжелую судьбу тружениц, но он не предпринимает никаких мер и тщательно скрывает свое бездействие.

Поначалу никто из женщин, за исключением Ольги, не догадывался о настоящей сущности участкового Юшкина.

«О л ь г а. Не вспоминай про этого мерзавца. Так и рыщет, как собака. Вынюхивает. Смотрит, кого на крючок свой подсадить да потом использовать. Слышала, девкам прохода не дает?

Ф и м а. Не наговаривай на человека. Хорошо, что у нас участковый свой, богдановский. Как никак, договориться можно» [3].

Противоположным Юшкину является образ Кобылкина Ивана Христофоровича (Ведуна), командира отделения трудоармейцев. Он проявляет доброту и отцовскую заботу практически во всем.

Так, в диалоге с подростком Петей, который желает уйти на фронт, на помощь отцу, это наглядно проявляется: «Ты должен к ним как к сестрам относиться. Бережно. С любовью. Они же милушки… Лебедушки…».

Эти слова дают исчерпывающую характеристику Ведуна по отношению к женщинам. Участие Ивана Христофоровича чувствуется в, казалось бы, случайной гибели участкового Юшкина, попавшего под обвал покрытия строящегося оборонительного рубежа. Здесь Ведун несет роль избавителя окружающих от злодея, который издевался над людьми, находящимися и без того в тяжелом положении.

Столь значительные различия в характерах не помешали героям сплотиться, когда над всеми нависла угроза смертельной опасности. Так, в пьесе изображена символичная сцена. Ночью на лагерь трудящихся напал волк и девушки, не испугавшись, смогли расправиться с опасным хищником:

«Ф и м а. Кажись, мы его так…Голыми руками приглушили, девки.

Тишина.

Е в д о к и я. Мы? Голыми руками?

Ф и м а. Ей-богу…Отяжелел…Держать не могу…

Ф и м а вынимает руку из волчьей пасти, тот сползает на пол.

О л ь г а. Матерый… Но мертвый.

К л а в д и я. Ура! Мы победили! Мы победили!

Ф и м а (устало, но твердо). И так будет с каждым, кто нападет на наш отчий дом» [3].

Сцена с волком является кульминационной, поскольку происходит в тот самый момент, когда напряжение среди героев достигает высшей точки и многие, обессилев от тяжелой работы и лишений, теряют веру в возможность Победы в войне. Общая победа над хищником дает новый духовный импульс, помогает героям обрести силы, дает надежду на то, что общий враг в виде фашистских захватчиков также будет повержен.

В пьесе «Рубеж» драматург глубоко раскрывает внутренний мир своих героев, выстраивая его в соответствии с этическими идеалами, разделяя по степени духовной зрелости, поведению в сложных и ответственных жизненных ситуациях.

Как мы видим, результаты войны для людей могут быть разными. Для кого-то война является средством приобретения воинских чинов и высокого социального статуса. Но для большинства людей война – это страдание и горе.

В 2005 году пьеса «Рубеж» стала лауреатом Всероссийского конкурса драматургов «Факел памяти», в 2006 году – дипломантом открытого конкурса драматургов «Драматургия Добра». Опубликована в сборнике пьес «Факел памяти», посвященном 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, а также в сборнике пьес Александра Пудина «Назад, к победам».

Премьера спектакля по пьесе Александра Пудина «Рубеж» состоялась в 2009 году на сцене Московского академического театра им. В. Маяковского в дни празднования 68-й годовщины битвы под Москвой. Режиссером-постановщиком спектакля выступил Александр Блинов, который рассказал, что ему очень близка тема, затронутая в драме: «Моя мама сама прошла через такой же рубеж в Удмуртии, поэтому эта история – она и моя личная. Моя память очень цепко держит ту морозную зиму. Этот рубеж тогда проходил через всю страну. Через каждое сердце. Не зря второе название пьесы – „В глубине сердца“» [2].

Художественный руководитель Московского академического театра им. В. Маяковского Сергей Арцибашев отметил, что зритель увидел на сцене правдивую драматическую историю. Автор, глубоко раскрывая характеры своих героев, убедительно доказывает, что военные подвиги были не только на поле боя, но и в тылу.

Сам Александр Пудин пишет: «Про „Рубеж“» могу определенно сказать: я совершенно честен перед своими героинями, которым досталась горькая доля (не бабья!) – вгрызаться в сорокоградусные морозы 1941 года в промерзшую до основания землю, рыть оборонительный рубеж для защиты столицы. Этой пьесой я хотел выразить «окопную» женскую правду, о которой слышал от очевидцев и участниц тех событий, читал в архивных материалах. Подумайте, 1,75 кубометра в день – такова норма для женщин, которая не давала скидки ни на молодость, ни на болезнь, ни на беременность этих страдалиц, по сути – настоящих праведниц. Поэтому мои

трудоармейцы выковали свою Победу, и по качеству она не уступает никакой другой» [2].

Подводя итог, можно смело сказать, что творчество драматурга А. И. Пудина – знаменательное явление современной мордовской литературы, свидетельство качественно новых идейно-эстетических и художественных сдвигов, связанных с приходом в литературу современного поколения молодых писателей. С его пьесами мордовская драматургия, по существу, впервые получает широкое мировое звучание и признание.

Главное достоинство произведений драматурга не только в их специфических драматургических свойствах, но и в умении автора локальные национальные проблемы поднимать до большого общечеловеческого звучания. Умение видеть и показывать через проблемы национального быта преломление общезначимых проблем и забот современной жизни придает пьесам А. И. Пудина зримую конкретность остроактуальных социальных явлений и противоречий, остро выявившихся ныне в общественной и нравственной жизни всех народов нашей страны.

Библиографический список

1. Антонов Ю. Г. Зарождение и пути развития мордовской драматургии : монография. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – 258 с.

2. Их победа... – Мир новостей [Электронный ресурс]. – URL: http://mirnov.ru/arhiv/mn832/mn/15-2.php/.

3. Пудин А. Пьесы : в 3 кн. – Саранск : Крас. Окт., 2007. – Кн. 2. – 364 с.

© Кабанова Ю. В., 2022.

УДК 81’373.21:811.511.152

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРДОВСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ

Н. В. Казаева,
канд. филол. наук, доцент
nikazaeva@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются различные виды трансформаций (фонетические, морфологические, семантические и др.) мордовских географических названий при освоении их русским языком. Источником изучения послужили топонимы (в основном, ойконимы и гидронимы), извлеченные из топонимических словарей, а также картографические и полевые материалы автора.

Ключевые слова: мордовские географические названия, мордовские языки, русский язык, фонетические трансформации, морфологические трансформации, семантические трансформации, калькирование, ложная этимология (переосмысление), сокращения, переименование.

TRANSFORMATION OF MORDOVIAN GEOGRAPHICAL NAMES IN THE RUSSIAN LANGUAGE ENVIRONMENT

N. V. Kazaeva
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines various types of transformations (phonetic, morphological, semantic, etc.) of Mordovian geographical names when mastering them in Russian. The source of the study was the toponyms (mainly oikonyms and hydronyms) extracted from toponymic dictionaries, as well as cartographic and field materials of the author.

Keywords: Mordovian geographical names, Mordovian languages, Russian, phonetic transformations, morphological transformations, semantic transformations, tracing, false etymology (reinterpretation), abbreviations, renaming.

Мордовская топонимическая система как особая лексическая группа складывалась в течение длительного периода в своеобразных историко-географических и этнолингвистических условиях. Известно, что мордва на протяжении многих веков контактировала с различными этносами, что оставило заметный след в культуре края, а также оказало влияние на формирование и развитие топонимии. Одним из давних соседей мордвы является русский народ. Длительные контакты, а позднее и освоение территории мордовского края русскоязычным населением привели к трансформации многих мордовских географических названий в русскую топонимическую систему.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть виды трансформаций мордовских топонимов в русской языковой среде на территории Республики Мордовия. Топонимия исследуемого региона представляет собой ценнейший источник изучения истории мордовских и русского языков, а также их взаимодействия на данной территории в различные периоды контактирования. Обращение к данной теме объясняется возросшим в сопоставительном языкознании научным интересом к проблемам контактирования языков и культурного освоения «зон контактов» на отдельно взятой территории. Анализ мордовских некартографических и картографических топонимов, зафиксированных в официальных документах, позволяет выявить причины и виды трансформаций топонимов в условиях межъязыкового контактирования.

Результаты взаимодействия мордовских и русского языков на разных уровнях языковой системы находят отражение в работах многих исследователей [1, с. 3–10; 5, с. 68–75; 9, с. 94–100 и др.]. Однако в мордовском языкознании до сих пор нет отдельной работы, в которой детально рассматривались бы проблемы взаимодействия языков в сфере топонимии. Некоторые виды адаптации и пути освоения мордовских топонимов русским языком лишь фрагментарно изучались в статьях лингвистов [3, с. 30–33; 9, с. 105–106; 10, с. 116–117]. Более подробно процессы адаптации и причины появления вариантов топонимов (параллельных наименований) описаны в работах венгерского исследователя Ш. Матичака [11, с. 145–152; 12, с. 115–127]. Автор, опираясь на различные классификации типов адаптации в специальной литературе, в том числе и по финно-угорской топономастике, выделяет фонетическую, морфологическую, грамматическую и семантическую адаптации [12, с. 114].

В топонимической системе Республики Мордовия выделяются два основных пласта топонимов – мордовский и русский. Многие исконные мордовские географические названия адаптировались под влиянием русского языка, изменив свой первоначальный вид. Полные или частичные изменения проявляются на разных языковых уровнях – фонетическом, морфологическом и лексическом.

Фонетическая трансформация находит проявление в том случае, когда заимствующий язык полностью или частично заменяет отсутствующие в нем звуки или сочетания звуков. В результате фонетической трансформации мордовские топонимы приспосабливаются к фонетической системе русского языка, что приводит к искажению их звукового и графического облика.

Следует отметить, что фонетические системы мордовских и русского языков незначительно отличаются друг от друга. Это прежде всего касается эрзянского литературного языка, фонетический строй которого состоит из 5 гласных ([а], [о], [у], [и], [э]) + гласная [ä], которая встречается в некоторых диалектах эрзянского языка) и 28 согласных фонем (для сравнения: в русском языке 6 гласных и 36 согласных). Более разнообразен состав фонем мокшанского языка: 7 гласных ([а], [о], [у], [ъ], [и], [э], [ä], последняя отсутствует в средневадовском диалекте мокшанского языка) и 33 согласных. В нем имеются нехарактерные для русского языка глухие сонорные девокализованные согласные Л, Л’, Р, Р’, Й [7, с. 13].

Несмотря на минимальную разницу фонетических систем контактирующих языков, мордовские географические названия, переходя в русскую топонимическую систему, меняют свой звуковой облик, замещая при этом отдельные звуки и их сочетания наиболее близкими по качеству к оригинальным.

Отметим некоторые мордовско-русские соответствия, проявляющиеся на фонетическом уровне:

а) в области гласных:

морд. *е* – русск. *и*: ойк. *Пичеенейка* (морд. *пиче* ‘сосна’ + *-ней* < *лей* ‘река’ + *-ка*) – *Пичинейка* (Ат), *Пичинейские Выселки* (Атр), ойк. *Сире Пиченьгуж – Старые Пичингуши* (Елн) и т. д.

Отметим, что замена гласного *е* на *и* происходит не во всех названиях. Ср.: морд. *Пиченя* – карт. *Пичевка* (ЗП), морд. *Пичепулоня* – карт. *Пичеполонга* (Атр), морд. *Лепляй* – карт. *Леплей* (ЗП) и др.;

морд. *а* – русск. *о/е*: ойк. *Поваделе – Поводимово* (Дбн), ойк. *Керата – Керетино* (Квл), ойк. *Мокшень Коламаз – Мордовское Коломасово* (Квл);

морд. *о* – русск. *а*: ойк. *Поювеле – Паёвка* (Кдш), ойк. *Пойвеле/Мокшень Пою – Мордовская Паёвка* (Инс);

морд. *ы* – русск. *у*: ойк. *Тыргак – Турдаково* (Дбн);

б) в области согласных:

морд. *к* – русск. *г*: ойк. *Кузым* (< *куз* ‘ель’ + *-ым*) – *Гузынцы* (Ббр), ойк. *Клышка – Глушково* (Кдш);

морд. *п* – русск. *б*: ойк. *Полдаська – Болдасево* (Ич);

морд. *с* – русск. *з*: ойк. *Сайця – Зайцево* (Крс);

морд. *з* – русск. *с*: ойк. *Пилезеле – Пилесево* (Ат), ойк. *Сырезеле/Сырезьбуе – Мордовские Сыреси* (Ат), ойк. *Мокшень/Сире Мазканя – Мордовское Маскино* (Крс), ойк. *Пермезь – Пермиси* (Ббр);

морд. *ц, ць* – русск. *ч*: ойк. *Ицяло – Ичалки* (Ич), ойк. *Кацялай* (< антр. *Каця* + *-лай* < *-лей*) – *Качелай* (Кчк), ойк. *Кацятав/Кацядав – Кочетовка* (Инс), ойк. *Куцянвеле – Кученяево* (Ард), ойк. *Кецяд – Лесное Кичатово* (Тмн), ойк. *Полаця – Полочино* (Елн), ойк. *Сабанцеле – Сабанчеево* (Ат), ойк. *Цёлпанова – Челпаново* (Ат), гидр. *Цярманав – Чермелей/Черменей*, гидр. *Ляця – Ляча* (Атр);

морд. *д* – русск. *т*: гидр. *Дожга* (< тюрк. *таш/даш* ‘камень’) – *Ташага* (Ббр), ойк. *Пошаду веле – Большие Мордовские Пошаты* (Елн), ойк. *Сире Терьган – Старая Дергановка* (Квл);

морд. *ж* – русск. *ш*: ойк. *Боражвеле – Барашево* (Атр), ойк. *Ботужале – Батушево* (Ат), ойк. *Адаж – Адашево* (Кдш);

морд. *рх (Р), рьх (Р’)* – русск. *р*: ойк. *Крхтаж – Курташки* (Атр), ойк. *Парьхця – Парца* (ЗП), ойк. *Пархка – Мордовские Парки* (Крс).

Отмечены такие случаи, когда и в мордовской, и в русской топонимических системах функционирует одно и то же название, сохранившее диалектные особенности одного из мордовских языков: гидр., ойк. *Кивчей* (СШ) (< м. диал. *кив,* лит. *кев* ‘камень’ + *чей* ~ *шяй* ‘болото’), гидр. *Пишля* (Рз), гидр. *Пишляй* (Атр), ойк. *Мордовская Пишля*/*(Мокшень) Пишля* (Рз), ойк. *Татарская Пишля* (Рз), ойк. *Нижний Пишляй* (Атр), в которых компонент *Пишля/Пишляй* состоит из сочетания лексем *пише* (диал.) ‘липа’ (лит. *пяше*) + *ляй* ‘река’.

Как видно из большинства примеров, глухие согласные мордовских языков в процессе заимствования топонима в начале слова переходят в звонкий согласный, что вполне характерно для русского языка. В мордовских же языках звонкие согласные в начале слова в большинстве случаев встречаются в звукоподражаниях (*бамкадемс* ‘ударить’, *зэрнемс* ‘грохотать’)

и заимствованных словах (*барабан, жюри*). Звонкий согласный, находящийся между двумя гласными, наоборот, оглушается.

Также выявлено, что аффрикаты *ц* и *ць* при трансформации заменяются на звук [ч], который в русском языке всегда мягкий, в эрзянском – только твердый, а в мокшанском языке встречаются оба варианта – [ч], [ч’].

Отметим, что фонетическая адаптация не является продуктивным способом интеграции мордовских топонимов в русскую топосистему. Она, как правило, редко проявляется в чистом виде, чаще всего выступает одновременно с морфологической адаптацией: ойк. *Крхтаж* > *Курташки* (Атр), ойк. *Кузым* > *Гузынцы* (Ббр), ойк. *Поваделе* > *Поводимово* (Дбн) и др.

При морфологической трансформации иноязычное название теряет присущие языку-источнику грамматические признаки, приобретая категории (род, число и др.) заимствующего языка. Финно-угорские топонимы, в том числе и мордовские, попадая в русскоязычную среду, прежде всего, стараются принять показатель рода, категория которого, как известно, отсутствует в финно-угорских языках.

Одним из наиболее распространенных способов морфологической трансформации является суффиксация. Мордовские топонимы оформляются суффиксами русского языка, с помощью которых определяется род наименования. В словообразовательной адаптации чаще всего участвуют следующие суффиксы:

-ов/-ев: ойк. *Анаю* > *Анаево* (ЗП), ойк. *Атерь* > *Атюрьево* (Атр), ойк. *Болду* > *Болдово* (Рз), ойк. *Пулокс* > *Лесное Плуксово* (Тмн), ойк. *Сире Сендру* > *Старое Синдрово* (Крс), ойк. *Тыргак* > *Турдаково* (Дбн), ойк. *Пулокс* > *Лесное Плуксово* (Тмн) и др.;

-ин: ойк. *Вечкеня* > *Мордовское Вечкенино* (Квл), ойк. *Жарав* > *Журавкино* (ЗП), ойк. *Каргаша* > *Каргашино* (ЗП), ойк. *Кельге* > *Кельгинино* (ЗП), ойк. *Вечкеня* > *Мордовское Вечкенино* (Квл), ойк. *Сире Маманя* > *Старое Мамангино* (Квл) и некоторые другие;

-овк/-евк: ойк. *Жуку* > *Жуковка* (ЗП), ойк. *Од Толку* > *Новая Толковка* (Квл), ойк. *Оцяду* > *Ачадовка* (ЗП), ойк. *Пиченя* > *Пичевка* (ЗП), ойк. *Сире Сомай* > *Старая Самаевка* (Квл) и т. д.

Отметим тот факт, что мордовские ойконимы с показателем *-веле* и его вариантами (*-эле/-еле/-але/-ле*) в результате приспособления в большинстве случаев передаются на русский язык путем присоединения к мордовской основе суффикса *-ов/-ев* (реже *-ин*), например, *Отяжэле* > *Атяшево* (Ат), *Боражвеле* > *Барашево* (Атр), *Капазэле* > *Капасово* (Ат), *Кочкурвеле* > *Кочкурово* (Кчк), *Темяжеле* > *Темяшево* (СШ), *Парынзэле* > *Паракино* (Ббр), *Сайнеле* > *Сайнино* (Чмз) и др.

Своеобразной формой морфологической трансформации является плюрализация, т. е. появление топонимов, оформленных аффиксами множественного числа *-и/-ы*: ойк. *Кешал/Кишал* (< м. *кяше* ‘дёготь’ + м. *ал* ‘низ’) – *Кишалы* (Атр), ойк. *Шуварвеле* (< м. *шувар* ‘песок’) – *Шувары* (СШ), ойк. *Нацянал* (< эрз. *начко* ‘сырой’ + эрз. *нал* ‘роща’) – *Наченалы* (Чмз), ойк. *Пермезь* (< дохр. антр. *Пермесь/Пермезь*) – *Пермиси* (Ббр),

ойк. *Пичеур* (< эрз. *пиче* ‘сосна’ + *ур* ‘склон возвышенности’) – *Пичеуры* (Чмз), ойк. *Крхтаж* (м. *крхтамс* ‘опалить’) – *Курташки* (Атр), *Сырезäле* (< дохр. антр. *Сыресь*) – *Мордовские Сыреси* (Ат), *Пиксяська* (< дохр. антр. *Пиксай/Пиксась*) – *Пиксяси* (Ард) и др.

Мордовские названия, функционирующие в речи русскоязычного населения, подвергаются и семантической трансформации, которая осуществляется двумя способами: 1) калькирование – полное или частичное; 2) ложная (народная) этимология или переосмысление. Представленные пути освоения заимствованных топонимов выделяют многие исследователи.

Наиболее продуктивным способом освоения финно-угорских, в том числе и мордовских, топонимов русским языком являются топонимические кальки. При калькировании меняется форма топонима, но не меняется значение.

Выделяется полное и частичное калькирование. Полная калька представляет собой точный перевод мордовского названия на русский язык: м. *Шуварня* (< м. *шувар* ‘песок’ + *-ня*) > карт. *Песчанка* (ЗП), м. *Пичевеле* (< м. *пиче* ‘сосна’ + м. *веле* ‘село’) > карт. *Барки* (Квл), м. *Лепляй* (< м. *лепе* ‘ольха’ + *ляй* ‘река’) > карт. *Ольховый* (ЗП), м. *Од Кужа* (< м. *од* ‘новый’ + *кужа* ‘поляна’) > карт. *Новая Поляна* (ЗП), м. *Од Шямонь* (< м. *од* ‘новый’ + *шямонь* ‘ржавчина’) > карт. *Новые Ржавцы* (Квл) и др.

В процессе частичного или неполного калькирования переводится только один из компонентов заимствованного названия, обычно это определение (атрибут): *Од Бадеку > Новое Бадиково* (ЗП), *Таштo Селища > Старые Селищи* (Ич), *Вирь Сазан > Лесная Сазоновка* (Квл), *Вишка Эрьмезёнка > Малые Ремезёнки* (Чмз), *Вирь (ало) Тавла > Подлесная Тавла* (Кчк), *Руз Найман > Русские Найманы* (Ббр) и т. д. Как видим, по мере семантической адаптации топонимов происходит и фонетико-морфологическое переосмысление названия.

И. И. Муллонен отмечает, что «полные кальки, внешне идентичные русским топонимам, выявить значительно сложнее, чем полукальки» [6, с. 18]. При обнаружении и тех, и других важно учитывать как лингвистические, так и историко-географические сведения.

При ложной этимологии (переосмыслении) иноязычный, в нашем случае мордовский, топоним переосмысливается, видоизменяется в понятное для носителей русского языка географическое название, созданное на базе русских слов. Случаи реализации переосмысления в топонимии Республики Мордовия не часты. В качестве примеров данного вида трансформации можно привести следующие названия: гидр. *Вишлей* (предположительно от русск. *выше*) < морд. *вашо/ваша* ‘жеребенок’ + *-лей* ‘река’, гидр. *Водоляй* (русск. *вода*) < морд. *ведь* ‘вода’ + *-ляй* ‘река’ [9, с. 106; 12, с. 121].

Кроме выше представленных типов трансформации географических названий в топонимии выделяются и другие виды: сокращения (опрощение), лексические трансформации и переименование (деноминация) [4, с. 18, 21–23].

Сокращения в области топонимии, как и в языке в целом – результат экономии языковых средств. Сокращенные названия возникают благодаря устранению одного из компонентов имени, в результате чего имя может свободно функционировать в разговорной речи: *Кецяд* (< антр. *Кецят*) – оф. *Лесное Кичатово* (Тмн), *Ордаж* (< антр. *Ордаж/Ордаш*) – оф. *Лесное Ардашево* (Тмн), *Пархка* (< антр. *Паркай*) – оф. *Мордовские Парки* (Крс), *Пишля* – оф. *Мордовская Пишля* (Рз), *Пумбра* – оф. *Мордовские Дубровки* (Ат), *Кужа* (< *кужо* ‘поляна’) – оф. *Мордовская Поляна* (ЗП), *Сырезäле* (< дохр. антр. *Сыресь*) – оф. *Мордовские Сыреси* (Ат), *Маризеле* (< дохр. антр. Маресь) – оф. *Большое Маресево* (Чмз) и др.

Сокращенные названия, как правило, функционируют в устной речи и характерны для мордовской топонимической системы, а официальные формы используются в документах.

Как видим из примеров, при освоении таких ойконимов русским языком добавляется какой-то атрибут, указывающий на национальный состав поселения, месторасположение или величину объекта (*мордовское, лесное*, *большое* и др.). Это, видимо, происходит для того, чтобы более детально объяснить мордовское название, значение которого может быть совершенно непонятным для носителей русского языка.

Переименование, или деноминация, как вид трансформации также имеет место в топонимии. Переименование географических названий может происходить по различным причинам (политическим, идеологическим, социальным). Представим пример подобного рода трансформации. На карте Дубенского района Республики Мордовия имеется населенный пункт с официальным названием *Пуркаево*. В генеральной переписи мордвы Алатырского уезда (1624) населенный пункт упоминается с названием *Налетево*, а *Малая Морга тож*, на речке Чеберчинке Кельдюшевского беляка Верхосурского стана. Из «Переписной книги мордовских селений Алатырского уезда 1671 года» видно, что деревня именовалась как «*деревня Налетева, а Малая Морга тож*». Это означает, что населенный пункт обоснован переселенцами из «деревни Старая Морга на речке на Пергозине» (ныне село Морга). Из этой же книги видно, что дохристианское имя Налетка упоминалось в деревне Старая Морга и в 1624 году (Налетка Баженов). В 1966 году село *Налитово* переименовано в село *Пуркаево* в честь генерала армии Максима Алексеевича Пуркаева – уроженца села Налитово [2, с. 185]. Таким образом, в результате переименования появился новый ойконим, в основе которого увековечено имя советского военачальника, генерала армии Пуркаева М. А. – уроженца данного села.

В настоящее время для обозначения данного населенного пункта жители соседних деревень использует 3 названия: *Налитова* (< дохр. антр. *Налетка*), *Пичале* (< эрз. *пиче* ‘сосна’ + *-але* < *веле* ‘село’) и *Пуркаево,* функционирующее в качестве официального. Переименование топонимов, как видим, приводит к вариативным соответствиям, т. к. наряду с вновь появившимся именем в речи местного населения продолжают функционировать и прежние названия.

Ученые отмечают, что при переименовании географических объектов нередко создаются удачные топонимы, но немало случаев, когда возникают обезличенные, а порой сильно искаженные названия [4, с. 23]. Поэтому следует с осторожностью и соблюдением соответствующих законов и правил подходить к деноминации географических объектов, учитывая их культурно-историческую ценность и уникальность.

Таким образом, анализ мордовских некартографических и картографических топонимов, позволяет сделать вывод о том, что мордовские по происхождению названия в русской языковой среде подвергаются различного рода трансформациям (фонетическим, морфологическим, семантическим, калькированию, переосмыслению, сокращениям, переименованиям) и постепенно переходят в топонимическую систему русского языка, вытесняя старые варианты произношения или, в лучшем случае, функционируя параллельно. В настоящее время первоначальный облик эрзянских и мокшанских топонимов находит все меньшее отражение в официальных документах (картах, дорожных указателях); они сохранились прежде всего в речи представителей старшего поколения.

Трансформация географических названий мордовского происхождения в русской языковой среде явилась результатом сложного взаимодействия языков разных систем, с учетом их специфики и характерных особенностей.

Сокращения

Гидр. – гидроним; диал. – диалектное; лит. – литературный; м. – мокшанский; морд. – мордовские языки; ойк. – ойконим; оф. – официальное название; русск. – русский; тюрк. – тюркские; эрз. – эрзянский.

Ард – Ардатовский район; Ат – Атяшевский район; Атр – Атюрьевский район; Ббр – Большеберезниковский район; Дбн – Дубенский район; Елн – Ельниковский район; ЗП – Зубово-Полянский район; Инс – Инсарский район; Ич – Ичалковский район; Квл – Ковылкинский район; Кдш – Кадошкинский район; Крс – Краснослободский район; Кчк – Кочкуровский район; Рз – Рузаевский район; СШ – Старошайговский район; Тмн – Темниковский район; Чмз – Чамзинский район.

Библиографический список

1. Бубрих Д. В. Лингвистические данные к вопросу о древности связей между мордвой и восточными славянами // Записки МИИИЯЛИЭ. – Саранск, 1947. – № 7. – С. 3–10.

2. Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР: названия населенных пунктов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1987. – 264 с.

3. Казаева Н. В. Адаптация мордовских топонимов в русской языковой среде // Материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (г. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г.) / редкол.: Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен [и др.]. – Петрозаводск, 2014. – С. 30–33.

4. Кириллова Л. Е. Трансформация удмуртских географических названий / Л. Е. Кириллова, М. А. Самарова // Научный диалог. – 2018. – № 8. – С. 9–33.

5. Коляденков М. Н. К вопросу о заимствованиях в мордовских языках // Записки МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1946. – № 5. – С. 68–75.
6. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования : автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Йошкар-Ола, 2000. – 43 с.
7. Современные мордовские языки. Фонетика / сост. и общ. ред.: Л. В. Бондаренко, О. Е. Поляков. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1992. – 208 с.
8. Цыганкин Д. В. Память, запечетленная в слове: словарь географических названий Республики Мордовия. – Саранск, 2005. – 432 с.
9. Цыганкин Д. В. Русско-мордовские языковые контакты (на лексическом уровне) // Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. – Саранск, 2000. – С. 94–106.
10. Цыганкин Д. В. Топонимическая система мордовских языков // Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа : сб. избр. ст. – Саранск, 2011. – С. 106–117.
11. Maticsák S. A hivatalos és nem hivatalos mordvin településnevek kérdéséről // Magyar nyelvjárások, XXXIII. – Debrecen, 1996. – P. 145–152.
12. Maticsák S. A Mordvin Köztársaság településneveinek rendszere. – Debrecen, 1995. – 207 old.

© Казаева Н. В., 2022.

УДК 81’ 367.622=511.152

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОБИРАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО И ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

Е. Ф. Клементьева,
канд. филол. наук, доцент
klementeva.71@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу собирательных существительных русского и эрзянского языков. Рассматривается сходство и различие категории собирательности в сопоставляемых языках. Уделяется внимание способам передачи данного значения на лексическом и словообразовательном уровне.

Ключевые слова: русский язык, эрзянский язык, имя существительное, категория, собирательность, множественность, способ.

CONTRASTIVE ANALYSIS OF COLLECTIVE NOUNS IN THE RUSSIAN AND ERZYA LANGUAGES

E. F. Klementyeva
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article deals with the contrastive analysis of collective nouns in the Russian and Erzya languages. The similarities and differences of the collec-

tiveness category in the compared languages are considered. A special attention is paid to the ways for communication of this meaning at the lexical and word-formation levels.

Keywords: the Russian language, the Erzyan language, noun, category, collectiveness, plurality, method.

Категория собирательности свойственна всем языкам, независимо от их типологических различий. Однако между языками обнаруживаются существенные несоответствия в объеме и способах выражения собирательности, а также в характере соотношений ее со значениями единичности и множественности [2, с. 11].

Собирательные существительные образуют лексико-грамматические классы слов, выражающих целостно воспринимаемые, совокупные множества лиц, животных, предметов и явлений действительности. Категория собирательности имеет свою лексическую базу и систему словообразовательных типов. Собирательные имена отличаются также рядом характерных морфологических и синтаксических признаков, проявляющихся прежде всего в функциональном и структурном отношении к грамматической категории числа [2, с. 5].

Структура собирательных имен в сопоставляемых языках может быть различной. Это могут быть слова с лексическим значением собирательности (*народ, стая, мусор; раське* «род», *ушмо* «войско», *вирь* «лес») и слова, собирательное значение которых выражено словообразовательными аффиксами (*родня, детвора, листва; авидень* «мама (моя) и другие с ней», *килейпуло* «березняк», *ярсамопель* «еда»). Кроме того, собирательное значение некоторых существительных может быть выражено контекстуально. Метафорический, а чаще всего метонимический перенос также служат для образования слов с семантикой собирательности в сопоставляемых языках (*Село спало – Велесь удось*).

В русском языке одним из грамматических признаков собирательных существительных является отсутствие формы множественного числа. Категория единственного числа является их постоянным морфологическим признаком. Собирательные имена существительные и соответствующие существительные в форме множественного числа считаются синонимичными формами выражения одного значения – множественности. Кроме того, еще одной особенностью подобных существительных является их невозможность сочетаться с числительными. В качестве количественного определения могут употребляться неопределенно-количественные слова типа *много, немного, мало* и др.

Эрзянский язык в этом случае представляет другую картину. Некоторые собирательные имена свободно образуют формы множественного числа, другие уже в своем составе имеют этот суффикс. Однако это не является критерием разграничения существительных с собирательным значением. Следует отметить, что в эрзянском языке не только названные имена присоединяют

суффиксы множественности, но и слова с вещественной и отвлеченной семантикой.

Итак, в сопоставляемых языках прежде всего принято выделять две группы собирательных существительных:

1) имена существительные, собирательное значение которых выражено лексически;
2) имена существительные, у которых значение собирательности выражается морфологическими средствами словообразования.

На лексическом уровне собирательность в разной степени представлена во всех языках, и она проявляется в наличии особого подкласса существительных, обозначающих нерасчлененное множество. Имена существительные этой группы уже в своем лексическом значении имеют значение множественности.

Семантический подход к собирательности мы находим еще у М. В. Ломоносова в его «Российской грамматике»: «Собрание многих видов вместе часто представляется уму нашему в одном понятии и имеет для того одно нарицательное имя, которое собирательным называется. Таковы суть *полк*, *собор*, *лес*, *стадо*» [5, с. 29].

Однако по мнению некоторых исследователей, к собирательным именам не следует относить слова типа *народ, толпа, стая* и др., поскольку они не имеют соответствующих единичных наименований, их единство не всегда представляет собой единство однородных предметов, и они могут употребляться в форме обоих чисел. Такой точки зрения придерживаются Н. М. Шанский, А. Н. Тихонова [7, с. 99–100].

В сопоставляемых языках в составе подобных существительных можно выделить два больших класса:

1) собирательные существительные со значением совокупности лиц;
2) собирательные существительные со значением совокупности предметов.

Каждая из этих групп, в свою очередь, объединяет множество лексико-тематических подгрупп. К лично-собирательным существительным относятся имена со значением совокупности лиц (рус. *бригада, команда, народ, полк*; эрз. *раське* «народ», *сядо* «сотня», *ушмо* «войско»). В эту группу входят также существительные, обозначающие совокупности животных, насекомых, птиц (рус. *стадо, стая, табун*; эрз. *веле* «рой», *кильдема* «скотина»).

Собирательные существительные, обозначающие совокупность предметов, объединены под одной единицей номинации сходством признаков, функций и т. п. Данный тип слов более употребителен в обоих языках. К числу таких существительных относятся слова типа рус. *багаж, букет, мебель*; эрз. *вирь* «лес», *паро* «добро, богатство», *пусмо* «букет».

Словообразовательно собирательное значение выражается с помощью суффиксов в русском языке и суффиксов и аффиксоидов – в эрзянском.

В русском языке выделяется большое количество суффиксов с собирательным значением: -ств- (*духовенство*, *студенчество, человечество*), -j-

(*белье, тряпье*), -н'- (*малышня, ребятня, солдатня*), -няк- (*березняк, дубняк*), -ник- (*малинник, осинник*), -в- (*ботва, братва, листва*), -ија- (*комсомолия, пионерия*).

Менее продуктивными являются суффиксы -ур- (*агентура*, *профессура*), -от-/-ет-, образующие собирательные существительные от абстрактных понятий (*беднота, нищета*), -ат (*деканат, пролетариат*), -итет (*генералитет, криминалитет*), -ёжь (*молодёжь*), -ар-/-вор- (*мошкара, детвора*), -ур- (*адвокатура, клиентура*). К ним могут быть отнесены и другие единичные суффиксы, такие как, например, -ниц- (*конница*), -ытьб- (*голытьба*), -арий (*инструментарий*), -ай (*урожай*).

Имена существительные, содержащие в своей структуре единичные суффиксы, обозначают, как и собирательные существительные с продуктивными и малопродуктивными суффиксами, собирательное множество тех, кто назван производящей основой.

В эрзянском языке также большую группу собирательных имен образуют существительные, данное значение которых выражено словообразовательно. В литературном языке и диалектах продуктивным суффиксом является *-де/-ди*, присоединяющийся к терминам родства и выражающий значение «названное лицо и другие с ним»: *авидень* «мама (моя) и другие с ней», *патидень* «старшая сестра (моя) и другие с ней».

В эрзянском литературном языке и диалектах широко распространены формы на *-нек (-нэк/-н'ик/-н'екä/-н'ики)*. Образования с данным суффиксом обозначают лицо или предмет, совместно с которым или в сопровождении которого совершается действие, и имеют значение собирательного множества. Наряду со значением сопроводительности и собирательности образования на *-нек* (*-нэк*) употребляются со значением полного охвата количественно неисчислимых предметов: *веленек* «всем селом», *покшнэк-вишканек* «и стар и млад» [3, с. 626].

Довольно продуктивным средством образования собирательных существительных является словопроизводство с помощью аффиксоидов. Напомним, аффиксоид – это словообразовательный аффикс, в котором объединены признаки самостоятельного слова и суффикса; иначе говоря, в нем обозначены значения отдельного слова и суффикса [8, с. 34]. К аффиксоидам, передающим значение собирательности, относятся *-буе, -мезе, -пель, -пуло, -чи* и другие.

Аффиксоид *-буе* присоединяется к собственным именам в форме генитива и передает значение совокупности лиц по их родоначальнику (*Митяньбуень* «все, кто относится к роду Дмитрия»). В современном языке данный аффикс встречается также в составе названий некоторых населенных пунктов: *Баеньбуе* «Баево», *Орданьбуе* «Ардатов», *Таразбуе* «Тарасово».

Аффиксоид *-мезе* также прибавляется к собственным именам или терминам родства, обозначая совокупность лиц во главе с названным лицом: *Мишамезть* «Миша и еще кто-то с ним», *Танямезть* «Таня и еще кто-то с ней». Форма именительного падежа подобных существительных всегда маркирована суффиксом множественного числа *-т/-ть*. Это еще раз является

подтверждением исторической связи категорий множественного числа и собирательности.

Если *-мезь* присоединяется к термину родства, то это значит, что речь идет о множестве обладаемых, относящихся только к первому лицу: *Ава-мез'т' кортас'т' икел'е'н' шкат'н'ед'е* – «Мама (моя) и другие с ней говорили о прежних временах» [2, с. 38-39].

В эрзянском литературном языке и диалектах распространенным словообразовательным аффиксом является аффиксоид *-пель.* Присоединяясь к отглагольным существительным, он образует слова со значением собирательного множественного: *каванямопель* «угощение», *ярсамопель* «еда». Иногда структуры с этой морфемой могут обозначать и единичный предмет из общего количества подобных предметов.

Не менее употребляемым словообразовательным формантом является *-пуло*, с помощью которого производятся существительные, обозначающие совокупность деревьев, кустарников, а также других предметов: *килейпуло* «березняк», *инзейпуло* «малинник». В эрзянских диалектах его продуктивность гораздо шире, чем в литературном языке.

Собирательные существительные, образованные с помощью аффиксоидов *-пуло, -пель*, свободно образуют формы множественного числа: *инзейпулот* «малинники», *килейпулот* «березняки», *ярсамопельть* «еда, кушанья», *симемапельть* «питье, напитки», при этом у последних указывая на разнородное множество [4, с. 258].

На основе вышеизложенного материала приходим к выводу, что в русском и эрзянском языках категория собирательности находит свое выражение на лексическом и словообразовательном уровнях. Отличительной особенностью русских производных собирательных существительных является их невозможность образовывать формы множественного числа. В эрзянском языке часть таких имен образует эти формы свободно. Собирательные имена существительные, названное значение которых выражено на семантическом уровне, равномерно представлены в сопоставляемых языках.

Библиографический список

1. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1953. – 265 с.

2. Клементьева Е. Ф. Категория собирательности в эрзянском языке. – Саранск : Красн. Окт., 2003. – 79 с.

3. Клементьева Е. Ф. О грамматическом статусе образований на -нек в эрзянском языке // Вестник угроведения. – 2018. – Т. 8, № 4. – С. 625–630.

4. Клементьева Е. Ф. Числовая характеристика собирательных имен в эрзянском языке // Вестник угроведения. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 254–261.

5. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7 : Труды по филологии. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 389–578.

6. Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа. – Саранск : Изд-во Мордов. унта, 2015. – 284 с.

7. Шанский Н. М. Современный русский язык : в 3 ч. / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – М. : Просвещение, 1987. – Ч. 2 : Словообразование. Морфология. – 256 с.
8. Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология. – Саранск : [б. и.], 2000. – 280 с.

© Клементьева Е. Ф., 2022.

УДК 811.511.152.2

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ

М. З. Левина,
канд. филол. наук, доцент
lev.mariya@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие мордовских языков с русским языком, в процессе которого проникают заимствования, относящиеся к самым разнообразным сферам жизни. Обращается внимание на освоение русских заимствований в морфологической системе мордовских языков.

Ключевые слова: мокшанский язык, эрзянский язык, русский язык, заимствования, морфологическая система, освоение, адаптация.

MORPHOLOGICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN BORROWINGS IN MODERN MOKSHA LANGUAGE

M. Z. Levina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines the interaction of the Mordovian languages with the Russian language, in the process of which borrowings from the most diverse spheres of life penetrate. Attention is drawn to the development of Russian borrowings in the morphological system of the Mordovian languages.

Keywords: Moksha language, Erzya language, Russian language, borrowings, morphological system, mastering, adaptation.

История развития человеческого общества едва ли знает случаи, когда бы народ, нация жили обособленной жизнью. Между ними с древних времен существуют взаимоотношения в каких-либо областях жизни и деятельности. Поэтому нет и языков, которые бы развивались изолированно, без взаимо-

действия с другими языками (как родственными, так и неродственными), не оказывая друг на друга влияние.

Язык – это важнейшее из средств межличностного общения. Любой язык неразрывно связан с мышлением, что определяет его с позиции универсального механизма, управляющего человеческим поведением. Любой язык контактирует с другими языками, и в процессе контактов в него проникают заимствования, которые относятся к самым разнообразным сферам жизни.

На протяжении всей своей истории мокшанский и эрзянский языки взаимодействовали с языками других семей, приобретая новые характерные черты и элементы иноязычных культур.

Иноязычные заимствования с точки зрения морфологической интеграции приобретают двоякий характер. Заимствуемое слово или идет путем унаследования грамматических принципов принимающего языка, или соблюдает требования языка-источника, что делает его в заимствующем языке исключением. Заимствованное слово считается грамматически освоенным, когда оно подчиняется правилам заимствующего языка, т. е. подчиняется строю языка, включающего «систему морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций, способов словопроизводства» [8, с. 113].

«Заимствования, закрепившиеся в языке, приспосабливаются к грамматическому строю и звуковым особенностям воспринявшего их языка. Иногда меняется и первоначальное значение заимствованного слова. Многие из них органически входят в систему языка, приобретая все формы, характерные для коренных мордовских слов», – отмечает в своей работе Д. В. Цыганкин [14, с. 180].

Морфологическое освоение русских слов приводит к приобретению ими грамматических значений, свойственных данному языку, и возможности изменяться, т. е. склоняться или спрягаться по грамматическим правилам мордовских языков.

Проблеме изучения контактов русского и мордовских языков посвящены исследования Д. В. Бубриха [1], М. Н. Коляденкова [5], Д. В. Цыганкина [12, 13, 14], М. Д. Имайкиной [4], Т. М. Шеяновой [15, 16], О. Е. Полякова [9, 10] и других.

В течение веков мордовские языки и их диалекты находятся в непосредственном окружении русских говоров. Поэтому взаимодействие мордовских языков с русским является причиной обогащения морфологической системы, появления новоэлементов, не свойственных его структуре.

Влияние русского языка проявляется во всех уровнях языка: наиболее ярко – в фонетике, лексике, синтаксисе. Наиболее устойчивой против проникновения инородных (заимствованных) элементов является морфология языка. Однако длительные контакты с русским народом привели к тому, что влияние русского языка затронуло даже мордовское словообразование и словоизменение. Отметим, что морфологическая адаптация заимствований обусловлена разным типологическим строем русского и мордовских языков, которые относятся к флективному и агглютинативному строям.

Освоение существительных. В мордовских языках для имен существительных характерны грамматические категории числа, падежа, определенности-неопределенности, притяжательности. Следует отметить, что между тремя типами склонения (неопределенное, определенное и притяжательное) существуют четкие границы в оформлении форм.

Русские заимствования, проникая в морфологическую систему, приобретали соответствующие морфологические категории – число, падеж, склонение. Например:

а) категория числа (табл. 1):

Таблица 1

Ед. число	Мн. число (суф. ***-т, -ть***)
roź «рожь»	*roś-ť* «ржи»

б) категория склонения (табл. 2–3):

Таблица 2

Определенное склонение		
Падеж	Ед. число	Мн. число
Ном./Им.	*roź-ś* «рожь (эта, та)»	*roś-ńe* «ржи (эти, те)»
Ген./Род.	*roź-ť* «ржи (этой, той)»	*roś-ńe-ń* «ржи (этих, тех)»
Дат.	*roź-ťi* «ржи (этой, той)»	*roś-ńe-ńďi* «ржи (этим, тем)»

Таблица 3

Притяжательное склонение		
Ряд местоимений	Единственное число	Множественное число
Монь (мой, моя, мое)	*roź-e-źe* «рожь (моя)»	*roź-ńe* «ржи (мои)»
Тонь (твой, твоя, твое)	*roź-će* «рожь (твоя)»	*roś-ńe* «ржи (твои)»
Сонь (его, ее)	*roź-e-c* «рожь (его/ее)»	*roź-e-nza* «ржи (его/ее)»

Нужно отметить, что не всегда заимствованные существительные изменяются по нормам и правилам грамматики мордовских языков. В ряде говоров мокшанского языка можно наблюдать употребление таких слов в форме русского творительного падежа вместо мокшанского транслатива. Например, в смешанных говорах мокшанского языка характерны образования: *robotams učit'əĺom / učit'əĺəm,* мокш. лит. *pokəďəms ućiťəĺks* «работать учите-

лем». К исконным словам в данном значении русская флексия не присоединяется.

Освоение прилагательных. В отличие от русского языка прилагательные в мордовских языках подразделяются на качественные и относительные. Следует отметить, что процесс освоения охватывает не все прилагательные. Некоторые заимствования сохраняют присущие им фонетические и морфологические особенности. Например, если ударение в заимствованном слове падает на окончание, то в мокшанском языке оно остается без изменения, если же в языке-источнике прилагательное имеет суффикс **-sk-**, **-ck-**, то в мокшанском языке конец слова оформляется формантом **-äj**, после твердых согласных и **š**, **šč**, **č**, **ž** в конце слова выявляется формант **-aj**: *bəjavoj (lomań)* «боевой (*человек*)»; *savetskäj (pinkś)* «советское (*время*)»; *tkackäj (stanok)* «ткацкий (*станок*)»; *rajonnaj (gaźeta)* «районная (*газета*)»; *śvežaj (kal)* «свежая (*рыба*)».

Качественные прилагательные в мордовских языках образуют степени сравнения: положительную, сравнительную и превосходную. Положительная степень – исходная форма прилагательного. Сравнительная степень образуется с помощью усилительных частиц *śada* или *śadənga*, а также с помощью существительного или местоимения в аблативе, с которым сравнивается что-либо: *bəjavoj (śťiŕ)* «боевая (*девушка*)» – *śada bəjavoj (śťiŕ)* «более боевая (*девушка*)»; *tońďədət bəjavoj (śťiŕ)* «боевая больше, чем ты» и т. д. В образовании превосходной степени участвуют частицы *iń, samaj* «наи-, самый»: *iń bəjavoj (śťiŕ)* «самая боевая (*девушка*) и т. д.

В отличие от русского языка во многих финно-угорских языках, в том числе и в мордовских, прилагательное не имеет категории рода и является неизменяемой частью речи, при соединении с именами существительными не подвергаются никаким изменениям. Данная характерная особенность мордовскими языками унаследована от уральского языка-основы. Имя прилагательное, служащее определением, ставится перед существительным и не изменяется по числам и падежам. Примеры приведены в табл. 4.

Таблица 4

Падеж	Род	Русский язык	Мокшанский язык
Ном./Им.	муж.	*боевой парень*	*bəjavoj ćora*
	жен.	*боевая девушка*	*bəjavoj śťiŕ*
Ген./Род.	муж.	*боевого парня*	*bəjavoj ćorať*
	жен.	*боевой девушки*	*bəjavoj śťiŕť*
Дат.	муж.	*боевому парню*	*bəjavoj ćoraťi*
	жен.	*боевой девушке*	*bəjavoj śťiŕťi*

Войдя в мордовские языки, заимствованные имена прилагательные так же, как и исконно мордовские, употребляются и в препозиции, и в постпози-

ции (в качестве сказуемого с суффиксами сказуемости). Например: *mon bəjavojan* – я боевая(ой); *ton bəjavojat* – ты боевая(ой) и т. д.

Освоение местоимений. Наиболее проницаемой оказалась сфера местоимений. В мокшанском языке используются русские частицы *koj-* «кое-», *-ńebuť* «-нибудь» для образования неопределенных местоимений, причем частицы присоединяются как препозитивно, так и постпозитивно. Например:

центр. диалект	юг.-вост. диалект	перевод
koj-kijə	*koj-kije*	«кое-кто»
koj-meźə	*koj-meźe*	«кое-что»
koj-kodamə	*koj-kodama*	«кое-какой»
koj-konat	*koj-konat*	«некоторые»
koj-məźarə	*koj-məźara*	«несколько»

В некоторых говорах западного диалекта мокшанского языка употребляются формы с частицей *-ńebut'* «-нибудь». Например: *kijə-ńebut'* «кто-нибудь», *meźə-ńebut'* «что-нибудь», *kodama(ə)/ кама-ńebut'* «какой-нибудь».

В смешанных диалектах мокшанского языка в говорах сел Киртели, Урюм, расположенных на территории Татарстана, местоимения могут образовываться с помощью отрицательной частицы *ńe-* «не», заимствованной из русского языка. Например: *ńe-meśt'* «нечего», *ńe-kiń* «некого», *ńe-kodama* «никакой», или «какой» со значением отрицания.

В качестве словообразовательной морфемы используется слово *hoš/hot': hoš/hot' kijə* «кто-угодно», *hoš/hot'meźə* «что-угодно», *hoš/hot' kodama* «какой-угодно», *hoš/hot' məźara* «сколько угодно».

Вышеуказанные примеры свидетельствует о том, что некоторые деривационные морфемы проникли в область мокшанского диалектного словообразования.

Освоение глаголов. Глаголы в мордовских языках имеют грамматическую категорию лица, числа, времени, наклонения, спряжения. Проанализировав морфологическое освоение глаголов, следует отметить: а) заимствуется основа глагола, которая оформляется формообразующими и словообразовательными суффиксами: мокш. *ćita-ndams* «читать», *kaca-ndams* «качать», мокш. диал. *xvorajams* «заболеть» (от рус. *хворать)* и т. д. Такой же способ освоения описан Н. В. Бутыловым при освоении тюркских глаголов в мордовских языках [2, с. 22].

Влияние русского языка особенно сказалось в системе наклонения, где наблюдается процесс вытеснения суффиксальных или синтетических форм аналитическими конструкциями. Система глагольного словоизменения мокшанского языка охвачена данным процессом. Суффиксальные формы сослагательного наклонения осложнены заимствованной из русского языка частицей *ba* «бы». Например: *moĺəĺəń ba* «пришел бы», *moraĺəń ba* «пел, попел бы», *śormadəĺəń ba* «написал бы».

В некоторых говорах мокшанского языка формы условного и условно-сослагательного наклонений, образующиеся с помощью суффиксов (усл.

-*ďäŕä*, усл.-сосл. -*ďäŕäĺ*), также вытесняются аналитическими конструкциями с использованием заимствования «если» *jeśĺi.* Например: центр. [*jeśĺi śińge(ə) t'iiˣt' t'afta – t'ä(e) jofśi uĺi kaĺďav*], мокш. лит. [*t'ijəńďäŕäjˣt' śińge t'afta – t'ä jofśi uĺi kaĺďav*] «Если они также сделают – это совсем плохо»; [*jeśĺi ba ton mońďejńə märgəĺət' / mon ba saĺəń*], мокш. лит. [*märgəńďäŕäĺət' mońďejńe(ə) / mon ba saĺəń*] «Если бы ты мне сказал(а), я бы пош(е)л(а)» [6, с. 29].

Вытесняются образования условного наклонения в смешанных говорах мокшанского языка. Данные формы не употребляются в речи не только молодежи, но и среднего поколения. Вместо них функционируют конструкция с русскими заимствованиями *jeśĺi* «если», *koĺe(i)* «коли», *tək/tı̨k* «так». Например, в говорах с. Киртели, Урюм:

[*jeśĺi moĺat viŕi – śävəmak mońge*], мокш. лит. [*moĺəńďäŕat viŕi – śävəmak mońge*] «Если пойдешь в лес – возьми и меня»;

[*koĺi uĺat kuca – tək sajan*], мокш. лит. [*uĺəńďäŕat kuca – tək sajan*] «Если будешь дома – так приду».

По мнению Л. И. Тураевой, слово *tək/tı̨k* «так» является видоизмененной русской частицей *так*, которая приобрела семантику условности [11, с. 16].

Конструкции с преобразованной частицей *так* встречаются и в центральном диалекте мокшанского языка. Например: [*sajat – tək učtä(e)*] «Если придешь – так подожду».

Формы желательного наклонения, оформленные формантом -*ĺeksəĺ,* также выходят из употребления. В некоторых говорах мокшанского языка они полностью вытеснены аналитическими образованиями с русским заимствованием *хотел.* Например: центр. диалект *mon hat'el morams,* мокш. лит. *moraĺəksəĺəń* «я хотел петь (попеть)», центр. диалект *ton hat'el morams,* мокш. лит. *moraĺəksəĺət'* «ты хотел петь (попеть)» и т. д. [7, с. 188].

Интересным фактом является употребление глагольного заимствования *pošolt'e* со значением «идите» вместо литературной формы *arda*, которое обозначает в смешанных говорах мокшанского языка только «пойдемте».

Следует также отметить, что вся общественная, научно-техническая, агрономическая терминология, а также наименования, относящиеся к различным областям культуры и искусства, заимствованы из русского языка.

Таким образом, морфологическое освоение слов, заимствованных в результате длительного контактирования с русским языком, отражает тот факт, что любой народ живет не изолированно, а в соприкосновении с другими народами, которые воздействуют друг на друга. Чаще всего все заимствованные слова, которые выявляются в мордовских языках, подчиняются морфологическому строю мокшанского и эрзянского языков, их грамматическим правилам и нормам. Нередки случаи проникновения заимствований в своем первоначальном виде. К возможным причинам заимствований относятся отсутствие в родном языке эквивалента для нового понятия, тенденция к использованию аналитических конструкций с заимствованным словом вместо

суффиксальных или синтетических форм, стремление к устранению омонимии и полисемии в мордовских языках.

Библиографический список

1. Бубрих Б. В. Лингвистические данные к вопросу о древности связей между мордвой и восточными славянами // Записки МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1947. – № 7. – С. 3–10.

2. Бутылов Н. В. Морфологическое освоение тюркских заимствований в мордовских языках [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/morfologicheskoe-osvoenie-tyurkskih-zaimstvovaniy-v-mordovskih-yazykah (дата обращения 18.10.2021).

3. Иванова Г. С. Тяниень пингонь мокшень кяль. Фонетика. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2016. – 124 с.

4. Имайкина М. Д. Неень шкань эрзянь келес. Фонетика : учебник. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 316 с.

5. Коляденков М. Н. К вопросу о заимствованиях в мордовских языках // Записки МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1946. – № 5. – С. 68–75.

6. Левина М. З. Из истории классификации диалектов мокшанского языка // Финно-угорский мир. – 2015. – № 3 (24). – С. 24–35.

7. Левина М. З. Обогащение морфологической системы мокшанского языка под влиянием русского // Взаимодействие и взаимовлияние языков и литератур народов Поволжья и Приуралья : материалы Межрегион. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. П. Аристэ. – Саранск, 2006. – С. 185–189.

8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.

9. Поляков О. Е. Культура, хозяйственная деятельность и язык древней мордвы (предков мокши и эрзи) / О. Е. Поляков, М. З. Левина // Вестник Мордовского университета. – 2015. – Т. 25, № 3. – С. 73–79.

10. Поляков О. Е. Русский язык – основной источник обогащения мордовских языков // Труды МНИИЯЛИЭ. Проблемы мордовско-русского билингвизма. – Саранск, 1985. – Вып. 81. – С. 3–14.

11. Тураева Л. И. Эрзянские говоры верховьев рек Черемшана, Шешмы и Кучуя на территории Татарской АССР : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту : [б. и.], 1973. – 21 с.

12. Цыганкин Д. В. Некоторые фонетические изменения в заимствованных словах из русского языка (на языковых материалах шугуровского диалекта) // Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1960. – Вып. 20. – С. 41–46.

13. Цыганкин Д. В. Русско-мордовские межъязыковые контакты (на лексическом уровне) // Проблемы межъязыкового контактирования: Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1981. – Вып. 61. – С. 3–19.

14. Цыганкин Д. В. Фонетическое и грамматическое освоение слов, заимствованных из русского языка и через русский язык (по материалам говоров эрзянского языка) // Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1962. – Вып. 23. – С. 117–196.

15. Шеянова Т. М. Влияние русского языка на развитие словарного состава мордовских языков. – Саранск : Изд. Мордов.ун-та, 1983. –80 с.

16. Шеянова Т. М. Русские заимствования в мордовских языках / Т. М. Шеянова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1999. – 36 с.

© Левина М. З., 2022.

УДК 82.09:821.511.152

СТРАТЕГИИ ПСИХОЛОГИЗМА В ПОВЕСТИ Г. ПИНЯСОВА «КРЕСТ»

Н. Н. Левина,
канд. филол. наук, доцент
lev.nataliyan@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. Основные результаты статьи связаны с научной рефлексией авторской стратегии психологизма в повести Г. Пинясова «Крест», исследованием совокупности, значимости и функциональности методов и средств постижения, полного и глубокого раскрытия внутреннего мира художественных образов. Автор исследования приходит к выводу, что в целях создания наиболее полноценного художественного образа автор сочетает и взаимодополняет внешние (визуальные портреты, прямые авторские размышления, поступки, образы-символы, сны, диалоги и др.) и внутренние (монологи, воспоминания, исповеди, эмоциональные реакции и др.) характеристики.

Ключевые слова: повесть, психологизм, художественный образ, форма, прием, психологический анализ, внутренний мир.

STRATEGIES OF PSYCHOLOGISM IN THE STORY OF G. PINYASOV "THE CROSS"

N. N. Levina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The main results of this article are related to the scientific reflection of the author's strategy of psychologism in G. Pinyasov's novel "The Cross", the study of the totality, significance and functionality of methods and means of comprehension, full and deep disclosure of the inner world of artistic images. The author of the study comes to the conclusion that in order to create the most complete artistic image, the author combines and complements external (visual portraits, direct author's reflections, actions, symbolic images, dreams, dialogues, etc.) and internal (monologues, memories, confessions, emotional reactions, etc.) characteristics.

Keywords: novel, psychologism, artistic image, form, technique, psychological analysis, inner world.

Психологизм как литературное явление подразумевает пристальное внимание автора к внутреннему миру персонажа, глубокое проникновение в

тайники его души, подробное описание и анализ различных эмоциональных порывов, состояний, внимание к оттенкам переживаний и чувств [3; 4; 5]. Современные авторы в пределах одного произведения для раскрытия душевного состояния художественного образа используют, как правило, различные формы, которые во взаимодействии друг с другом приобретают способность глубже и нагляднее характеризовать внутренний мир героя.

Творческие опыты современного мордовского прозаика Г. Пинясова не стали исключением. В национальном литературоведении на протяжении нескольких десятилетий продолжается критическое осмысление его прозы. В работах критиков [6; 8] неоднократно подчеркивалось, что психологизм в его произведениях является доминантой художественного самовыражения, автора, прежде всего, интересуют «драмы, разыгрывающиеся в душах героев» [7, с. 4]. Усиленное внимание к внутреннему миру человека формирует основные формы и приемы интерпретации персонажей, среди которых необходимо отметить совокупность внешних описаний (портрет, интерьер, обстановка действия, художественные детали, диалоги, образы-символы, пейзажи) и внутренних характеристик персонажа (монологи, исповеди, ретроспекции, воспоминания, эмоциональные реакции, изложение мыслей, чувств, переживаний), а также оценку происходящему от лица повествователя.

Обращением к психологии образа, внимательным отношением к внутренним движениям и мотивации поступков героя отличается повесть Г. Пинясова «Крест». Писатель сосредоточил свой интерес на обыкновенных характерах, но в то же время они неоднозначны и многогранны.

Один из героев повести – Алексей Миронович Сявкин, по уличному – Буйвол, человек уже немолодой. Другой – Сергей Пуряев, друг детства Шурка, сына Алексея. Сюжетно-композиционное построение произведения основано на столкновении их жизненных интересов. Они являются представителями одного социального слоя, но разных возрастных категорий.

История взаимоотношений героев уходит в прошлое. Алексей когда-то причинил зло семье Пуряевых – увел со двора корову, единственную кормилицу. Сергей обещал отцу перед смертью, что обязательно узнает и накажет вора. Автор реализует конфликт на постоянном столкновении героев и развивает ход сюжета как нравственный суд одного человека над другим.

Способы репрезентации характера Алексея, центрального персонажа повести, позволяют автору дать достаточно реалистическое описание человеческого поведения.

Внимание Алексея полностью сосредоточено на материальном обогащении. Жажда наживы научила его воровскому делу. Сначала он прибирал к рукам колхозную скотину, позже добрался и до частных дворов. Утверждение автора «для матерого ворюги ничего святого не существует» вполне оправдано – Алексей со своими дружками не щадил ни сирот, ни стариков, ни инвалидов. Слова, с усмешкой произнесенные перед иконами, указывают на его жизненную позицию: «На небе, говорят, мягче, а на земле сытнее» [9, с. 39]. Но автор не оставляет надежды реанимировать своего

героя, неоднократно указывая на его мозолистые руки и здоровое тело. Эти внешние детали значат, что не только воровским делом промышляет герой, ему не чужда и крестьянская работа. Он лучший плотник в деревне. Его руками построено немало домов. С мыслями о житейских делах просыпается утром Алексей. Совсем скоро растает снег, нужно будет вспахать огород, посадить его, дрова заготовить, а там, глядишь, и травы вымахают – пора за косу браться.

Сочетание положительных и отрицательных черт в характере героя сопровождается постоянными переменами в его настроении. Автор неоднократно обращает на это внимание, реализуя при этом различные формы и приемы психологизма: воспоминания, самоанализ, испытание страхом разоблачения и др. Различные элементы поэтики образа (детали, образы-символы, предметы, пророчества), наделенные определенной смысловой нагрузкой, также способствуют обрисовке психологического портрета и подчеркивают шаткость душевного равновесия персонажа.

Определенные художественные средства в дальнейшем развитии сюжета приобретают символическое значение, как бы «предсказывают» развитие событий и, что немаловажно, являются важной причиной внутренних терзаний Алексея. Они входят в поток размышлений героя, стимулируют мысль, эмоционально переживаются и порождают страх в его душе.

Так, упоминая и комментируя сны героя, автор-повествователь вызывает у читателя чувство тревоги за его дальнейшую судьбу. Как-то в прошлые годы Алексея сны одолели. Только вздремнет – окажется на лугу. Травы по грудь. Не косит Алексей, а песню поет. Зеленая строчка за ним тянется ровная, сочная. Как сказала соседка Алда – сухая темнолицая старуха, прослывшая местной гадалкой, трава во сне – мучение, маета. Тогда Алексей лишь раскатисто рассмеялся над словами старухи. А зря. Дальнейший ход событий складывается так, что пророчество соседки Алды начало сбываться.

Впервые душевное равновесие Алексея было нарушено дурной вестью о гибели дружка по воровскому делу. Тот замерз в поле у стога соломы. Весной того же года погиб второй товарищ по воровству – в лесу бревном придавило. С тех пор страх обуял Алексея и стал постоянным спутником, обручем стянул ему грудь. Автор неоднократно обращается к пророческим словам соседки-гадалки, постоянно сверлившим мозг героя: «Трава – мучение, маета». Художественный образ травы, символизирующий нечто негативное, мучитиельное, призван усиливать тревогу и боязнь в психологическом состоянии персонажа.

Однако душевные страдания Алексея не были связаны с воровским прошлым. Он не спешил каяться в содеянном. По мере развития образа его положительные характеристики сдают свои позиции и отступают на второй план. Больше всего Алексея мучил страх быть разоблаченным. Авторские комментарии внутренних ощущений героя способствуют обрисовке его психологического портрета. Сергей Пуряев, чувствуется, всерьез взялся за

него. Буйвол пытается понять мысли Сергея. Уже который раз он прокручивает в памяти недавнее событие, когда тот его вытащил из полыньи. Тогда Алексей, испугавшись за свою жизнь, в минуты отчаяния взболтнул лишнее, выдал себя. А Сергей наконец получил ответ на давно мучавший его вопрос. Процесс воспоминания и внутренняя оценка произошедшего автором описаны подробно, что позволяет эксплицитно раскрыть эмоциональный фон героя.

Чтобы докопаться до глубин психологических состояний и переживаний персонажей, Г. Пинясов обращается к художественной детали, которая «обязательно обратит на себя внимание читателя и не отпустит без попытки ее истолкования» [2, с. 535]. Таковой в повести является доска, при помощи которой Пуряев вытащил из ледяной воды обидчика своей семьи. Сергей, поняв, что вор, укравший корову со двора – это Алексей, вручил ему спасительную доску, велел беречь ее и долго жить. Алексей, сам не зная зачем, прислонил ее к забору возле дома. С тех пор этот предмет каждый день напоминает ему о случившемся, пророчит разоблачение и неизбежность нравственного суда.

С эпизода спасения начинается разлад с самим собой в душе Алексея. Свои душевные муки Буйвол топил «озверином», так он называл водку. Какой-то период он пил нещадно, разгонял домашних. Однако душевные терзания не исправляют героя, а скорее ломают его. Алексея все больше и больше охватывают чувства тоски, отчаяния, зыбкости душевного равновесия.

Автор неоднократно обращается к приему литературного сна. Включение сновидений в структуру текста воспринимается не столько как «психофизическое явление, а как важный элемент художественного произведения, имеющий репродуцирующий смысл, выполняющий символическую функцию в составе целого» [1, с. 39]. Данный прием позволяет рассмотреть внутренний мир персонажа в несколько необычном ракурсе. В одном из случаев сон выполняет свою обычную функцию – дает возможность Алексею увидеть себя со стороны: во сне происходит материализация внутреннего мира, его душевного состояния, и сам герой одновременно оказывается субъектом и объектом сновидения. В другой раз посредством сна дается оценка его делам и поступкам от лица покойного отца: «Сынок, совсем пропащий ты человек. Изгнал ты своего внутреннего Бога. Ворованным куском мяса выжал... Стал ты слепее самого незрячего... И моей жизни не хватило открыть тебе глаза. Война, проклятая, сократила... Э-эх, какое дело не успел сделать!

– Отец, ты слишком суров. Я не только воровал. Больше строил. Дома, как колокола, возводил. Люди в них живут и радуются, детей растят. Не зря живу!

– Построенные тобой дома пусты, как и душа. Они не освещены небесным светом. В каждом ты оставил толику жадности, горькой желчи. Ты не щадил ни вдову, ни старуху, ни больного. Всегда греб под себя, как

разъяренный бык копытом. Вот почему сотворенное тобой незряче и бездушно...

– Отец, не сердись, но я не слепец. Вижу свою дорогу, кусок хлеба на столе...

– Ворованный хлеб, сынок, никогда вкусным не бывает. Он существует только для плоти, но не поможет вкусить радости праведника. Пора уже понять тебе простую истину: не всякий видит, у кого есть глаза, не всякий слышит, кто имеет уши...» [9, с. 42–43].

Как уже было отмечено, душевные переживания Алексея позволяют судить о внутреннем дискомфорте, но не о покаянии в содеянном. С развитием сюжетной линии ощущение тревоги и страха усиливается все больше и больше.

Душевное беспокойство чувствует и Шурок, сын Алексея. Он – эпизодический персонаж, однако его психологический портрет напрямую указывает на воровскую натуру отца. В целом автор интерпретирует его образ посредством суммарно-обозначающей формы психологизма, описывая его быт и комментируя переживаемые ощущения. Материально Шурок обеспечен, хорошо зарабатывает. Но внутреннее удовлетворение от материальных благ не испытывает. Чувствует, что все, что имеет, – своровaнное, из чужих рук вырванное. Вроде имеет все, а показать людям невозможно, боязно. Поэтому и не чувствует вкуса жизни. Тяжелым камнем на сердце легло известие о том, что и к краже коровы Пуряевых причастен отец. Семейная жизнь Шурка также не складывается. Автор не наделил семейную чету духовной близостью: «В навозе, в чужом дерьме барахтаюсь... С Люсей никак не клеится. Из дома уеду – нет на душе радости, возвращаюсь – сердце не щекочет близость встречи... < … > А я – как бесхозный козел. Точнее, пустоцветы мы с ней... Поездил, покатался по свету, за природой понаблюдал и заметил: нормальный цветок земные соки тратит, чтобы здоровое семя вырастить, а пустоцвет расходует их на яркие краски» [9, с. 51].

Чувствуя на себе тяжесть отцовских грехов, Шурок не испытывает радости жизни. Поэтому его гибель кажется закономерной.

Гибель единственного сына усилила душевный разлад Алексея. Чувство вины перед сыном наводит его на мысль, что это он должен лежать в могиле вместо него. «Видать, ошибся Господь – не ту душу взял» [9, с. 96], – рассуждает герой.

Полным антиподом Алексея представлен Сергей Пуряев. Два этих героя взаимозависимы, что в той или иной степени проявляется на протяжении всего повествования. Сергей зарабатывает свой хлеб честным трудом. Он механик в колхозе. Герой еще молод, но жизненные позиции его давно уже сформированы. Жизненный уклад Сергея хорошо представлен в диалоге с Шурком, другом детства: «Завидую тебе, Сережа. У тебя кругом все свое: дом, семья, сад. Даже во дворе своим навозом тянет. <…> Вижу: ты человеком себя на земле чувствуешь. И место свое, и цену свою знаешь» [9, с. 50–51].

Автор наделяет своего героя трудолюбием, честностью, серьезным отношением к людям, конкретностью, твердой жизненной позицией. Доминирующей чертой его характера является ощущение внутренней силы, спокойствия и уверенности. Он не способен к лицемерию, лжи. Поэтому даже по отношению к Алексею, свершая над ним нравственный суд, он предельно честен.

На протяжении всего повествования автором подчеркивается несхожесть характеров героев. Это противоборство двух полярных жизненных позиций, взглядов, эмоциональных миров и даже внешних характеристик. Очевидно, что у них нет шансов на примирение. Алексей испытывает чувство страха, тревоги, внутреннего дискомфорта, в то время как в душе Сергея царят спокойствие, уверенность и внутреннее превосходство.

Г. Пинясов давно зарекомендовал себя как мастер психологических характеристик. Чтобы глубже заглянуть в самые потаенные уголки души своих героев, он посредством прямых форм психологизма, «через психологические процессы – ощущение, восприятие, память, воображение, мышление, волевые решения, чувства раскрывает закономерности жизни того и другого типа людей» [6, с. 76].

В художественный нарратив автор также включает многочисленные элементы косвенной формы психологизма – сны, притчи, байки, истории, описания, портреты и др. Они обладают достаточной степенью самостоятельности, имеют свою стилистическую окраску, особую композицию, играют важную роль в формировании психологической характеристики персонажа и в плане осмысления идейного содержания произведения определяют перспективы развития сюжета.

Речь повествователя, его комментарии происходящего также расширяют диапазон словесно-художественных средств раскрытия внутренних движений и мотивов поведения героев.

Таким образом, в художественном мире Г. Пинясова психологизм занимает значительное место. Творческое сочетание и полифункциональность различных форм и приемов постижения глубин человеческого характера позволили автору создать яркие и запоминающиеся образы.

Библиографический список

1. Абдуллина А. Ш. Символы снов в романе Т. Гариповой «Бөйрәкәй» («Буренушка») / А. Ш. Абдуллина, О. В. Лысова // Проблемы востоковедения. – 2019. – № 2 (84). – С. 39–45.

2. Андросова Т. Л. Особенности художественной детали в повести В. Гаврильевой «Любовь осени» / Т. Л. Андросова, Т. Н. Васильева // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 5 (78). – С. 534–537.

3. Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. – М. : Языки русской культуры, 2007. – 653 с.

4. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – Л. : Художественная литература, 1977. – 448 с.

5. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. – М. : Флинта, 2008. – 248 с.

6. Жиндеева Е. А. Исповедальность повествования Г. Пинясова (на примере повестей «Крест», «Последний из Каргужей») // Мордовская филология в контексте национальной культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Саранск, 23–24 марта 2006 г.) / под ред. В. М. Макушкина ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2006. – С. 73–79.

7. Зайцева Е. Л. К вопросу о поэтике психологизма в романной прозе А. Ф. Писемского [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. – 2007. – № 1. – С. 3–7. – URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-poetike-psihologizma-v-romannoy-proze-a-f-pisemskogo/viewer (дата обращения: 14.08.2021).

8. Малькина М. И. Повесть: обновление традиций // Современная мордовская литература (60–80-е годы) : в 2 ч. / М. И. Малькина, Т. И. Кубанцев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1991. – Ч. 1. – С. 134–158.

9. Пинясов Г. Старые раны : повести и рассказы. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1995. – 384 с.

© Левина Н. Н., 2022.

УДК 81' 373. 613 : 811. 511. 152. 2

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА В МОКШАНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ АКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

П. Е. Седова,
канд. филол. наук, доцент
polya.sed@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. Словарный состав современного мокшанского языка насыщен заимствованиями из русского языка. Перенимая слова, мокшанский язык становится богаче, получает импульс для новых возможностей. Современный мокшанский литературный язык отражает период заимствований из русского языка и через него иноязычных заимствований. Вследствие этого язык отражает социально-экономические и политические изменения в стране.

Ключевые слова: лексика, мокшанский язык, заимствования, русский язык, языковые средства, возможность, развитие, источник, иноязычные.

BORROWING FROM THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE MOKSHAN LANGUAGE AS A RESULT OF AN ASSETYYS HOM LANGUAGESINTERACT IN THE MODERN WORLD

P. E. Sedova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The vocabularu of the modern Mokshan language is full of borrowings from the Russian language. Russian language borrowings in the Mokshan language can be viewed by periods. Adopting words, the Mokshan language becomes richer, gets an impulse for new opportunities. The modern Mokshan literary language is characterized by a period of saturation of borrowings from the Russian language fnd foreign language borrowings. This is due the socio-ekonomic and politikal changes in thecountry.

Keywords: vocabulary, Mokshan language, borrowing, Rassian, language means, possibility, development, source, foreign language.

Существующие в настоящее время в мокшанской лексике русские слова пришли в нее в разное время. Важнейшим периодом формирования лексики считается начало XX в., пополнение словарного состава заимствованной из русского языка лексикой осуществляется на протяжении XX–XXI вв. Мордовские языковеды, характеризуя развитие словарного состава мокшанского языка, отличают подвижность, изменчивость, стремление к развитию и совершенствованию как за счет своих ресурсов, так и за счет заимствований. В данной статье будут рассмотрены пути обогащения лексического состава мокшанского языка заимствованиями иноязычного происхождения.

Поэтапное развитие лексического состава мокшанского языка в итоге приводит к изменениям в словарном составе из-за тесного контакта с русским языком. Однако в последнее время мордовские лингвисты и люди, которым небезразлична судьба родного языка, с тревогой смотрят в будущее: мокшанский и эрзянский языки незаметно утрачивают свою самобытность и красоту, а устную речь рядового мокшанского человека характеризует изобилие русских слов и выражений, часто не самого лучшего качества. Волна русских, а чаще других иноязычных заимствований, хлынувшая в мокшанский язык благодаря целому ряду технологических открытий, по мнению творческих людей, способна обеднить мокшанский язык, не сохранив его былой красоты.

Мокшанский литературный язык характеризует лексический пласт, называющий какой-либо предмет, действие, названия которых исторически уходят в язык-основу. Этимологический словарь под редакцией известных мордовских языковедов Д. В. Цыганкина, М. В. Мосина отражает возникновение лексического материала мокшанского и эрзянского языков в разные периоды [7]. Например, слова *кептерь* «лукошко, корзина», *лов* «снег», *лофца* «молоко», *лувомс* «читать» происходят от финно-угорского языка-

основы; *ломань* «человек» иран.; *айгор* «жеребец», *алаша* «лошадь» тюрк. и т. д. В этимологическом словаре наряду с исконными словами достаточно слов и выражений, называющих предмет, явление объективной действительности, которые заимствованы из русского языка: *баславамс* «благословлять», *басямс* «беседовать, разговаривать, успокаивать», *кила* «кило», жадовамс «жадничать», *кальдяв* «плохой» и др. Но это вовсе не говорит о нарушении норм литературного языка, а наоборот способствует обогащению мокшанского письменного языка различными лексическими средствами [5, с. 140]. Этот лексический пласт является активной частью мокшанского языка и широко отражается в мокшанских текстах: *Ломаттне илиень кептерьса кунцесть калхт, шуфтонь налса шавондсть зверьхть, ярхцсесть толмар вельхксса рястаф сивольда, кедняста сташендсть ляпе и лямбе орнят* [4, с. 156]. – «Люди плетеными корзинами ловили рыбу, деревянными стрелами убивали зверей, ели жареное на костре мясо, из шкур шили мягкие и теплые шубки».

Перед исследователями встает вопрос: где источник лексического многообразия? Этот источник – прежде всего в живой речи, так как мокшанин часто употребляет русские заимствования, называя предмет или действие. Иногда это происходит и на мокшанском, и на русском языке, например: *Тя мезе, Ванька? – Аф няйсак, што ли,* ***ур, белканя****. Синь эздост тяса лама* [6, с. 9] – «Это что, Ванька? – Не видишь, что ли, белка. Их здесь много». Авторы в своих произведениях образно отражают ненужное употребление заимствований из русского языка. Иногда это объяснимо тем, что в мокшанском языке есть синонимические ряды, обогащение которых происходит разным путями, один из которых – заимствования из русского языка: *ур* – белка, *прважамс – ильхтемс* «провожать», счастье – *паваз*, шуба – *ор* и др. [5, с. 141]. Языковой материал свидетельствует о наличии в языке вариантов, работа с которыми служит формированию мокшанского литературного языка. Заимствованная лексика рассматривается, анализируется с точки зрения вариантности, и авторами отбираются наиболее приемлемые варианты для дальнейшего развития письменного литературного языка.

С начала формирования мокшанского литературного языка, его лексического состава, к иноязычной лексике относились двояко: либо заимствование – это хорошо, служит его обогащению; либо – это угроза для самого существования национального языка, что приводит к потере индивидуальности. Одной из причин употребления русскоязычных слов может являться плохое знание лексики родного языка, в письменном языке – низкая культура переводчиков. Другой – в принятых еще в прошлом веке решениях по стабилизации национального языка указывалось, что социальную, политическую, производственно-техническую и научную терминологию следует заимствовать из русского языка. В учебниках по мокшанскому языку до сих пор сохранилась эта тенденция, русская терминология частично перешла в мокшанский язык: *Сёрмадыхне ёрасть максомс эрявикс содамошит мокшень кяльть валлувксонц коряс: валхнень смузьснон, эвондамаснон, синонимкс, омонимкс молемаснон, антонимонь парань тиендемаснон, активнай и пас-*

сивнай валонь запасти сувсемаснон, диалектнай валхнень вельде литературнай кялень валлувксть козякодоманц, исконнайкс или лия кяльста сявфокс улемаснон [2, с. 3].

Изменения в лексическом составе начали происходить в 90-е годы прошлого столетия. С этого времени творческая интеллигенция активно занялась проблемами национального возрождения и возобновила борьбу за чистоту мокшанского языка, так как этот вопрос начал обсуждаться и частично реализовываться на десятилетие раньше. Вместо русских заимствований, стихийно проникших в национальный литературный язык, все чаще стали вводиться неиспользуемые слова родного языка, например, вместо *заграница – омбомастор*, *традиции – кой, желание – мяль, здоровье – шумбраши, земля – мастор, честный – виде, чистый – ару, пример – кепотькс, взгляд – ванф, природа – перьфпяль* и другие.

Но все же к заимствованиям в мокшанском языке во все периоды относились осторожно. Авторы учебников, творческие люди, составители «Мокшанско-русского словаря» (1998 г.) творчески подходят к расширению, обогащению лексического состава. В словаре дано большое количество заимствований из русского языка, при работе с ними авторы предлагают расширение основного значения русского слова, дополняя его мокшанским элементом. Мокшанский язык характеризуется образованием словоформ, где к заимствованному слову присоединяется исконная часть и появляется таким образом новое значение, например, со словом *баба* сочетали *кой* «обычай» – *бабань койхть* в словаре дается перевод «старушечьи привычки» В современном языке данное понятие расширило значение до «исконные, давние правила, обычаи». Или в словах, подобных *бабондамс* «помогать при родах», идет словообразовательный процесс употребления заимствований из русского языка с мокшанским суффиксом *-нд*, который подробно исследован в мордовском языкознании [6, с. 75]. Некоторые слова были «взяты» в речь так давно, что говорящий на мокшанском языке не ощущает их «чужести», например, слова *ведарка* «ведро», *грабамс* «грабить», *грацъ* «грач», *казна* «клад» и др. Процесс заимствования слов – явление нормальное, а в определенные исторические периоды даже неизбежное. В принципе, освоение иноязычной лексики обогащает словарный запас перенимающего языка, в данном случае мокшанского.

В современный период развития мокшанский язык становится богаче, перенимая слова русского языка, получает импульс для новых возможностей. Заимствованные слова в лексике современного мокшанского литературного языка хотя и представляют довольно весомый пласт, но, нужно отметить, что лишь небольшая их часть выступает в качестве межстилевой общеупотребительной лексики [1, с. 10]. Подавляющее большинство их имеет стилистически закрепленное употребление в книжной речи и характеризуется в связи с этим узкой сферой применения (выступая как термины, профессионализмы, книжные слова и т. д.). Об этом свидетельствует яркий пример: *Андрей Яковлевич аф фкя киза пчкафнесь ломатть госпитальхнень эса, ульсь Турциять каршес войнаса, отставкас лисемденза меле, кода честнай ломань, лядсь*

эряма омба масторса [3, с. 22] – «Андрей Яковлевич не один год лечил людей в госпиталях, был на войне против Турции, после отставки, как честный человек, остался жить за границей». Пример свидетельствует о лексическом ограничении, только русские слова раскроют полностью смысл текста: *отставка* – это военный термин, слово *война* можно заменить как *тюрема*, но не будет смысла, как и сочетание *честнай ломань* – можно перефразировать в *виде ломань*, но смысл не сохранится.

Заимствование слов из русского языка в мокшанский во все периоды развития идет двумя путями: устным и письменным (через посредство книг). При письменном заимствовании слово изменяется сравнительно мало, при устном же облик часто изменяется сильнее: *капста* «капуста» *письм*., *калаця* «калач» *письм*., *заговня* «заговенье» *устн*., *пролоп* «проволока» *устн*. и др.

В мокшанском языке заимствование слов из русского языка – естественный и необходимый процесс. Каждый период развития языка характеризуется определенными лексическими заимствованиями, которые не только способствуют развитию и обогащению мокшанского языка, но и проводят коренной перелом в жизни общества. Изменения, происходящие в лексике мокшанского языка, нуждаются во внимательном изучении и освещении с позиций объективности и исторической целесообразности. Приведем такой пример: *Максим Бебанонь творческяй сатфксонза ламоширденнетольхть аф аньцек тематическяй, но и жанровай и художественнай вешфксонь ширдевок* [3, с. 22] – «Творческие достижения Максима Бебана были многогранны не только с точки зрения тематических требований, но и жанровых, и художественных».

Заимствованная лексика мокшанского языка практически зеркально отражает развитие лексического состава русского языка. Этот процесс характеризуют экстралингвистические факторы. Заимствования русского языка по времени позднее входят в мокшанский язык, обозначая иноязычными словами некоторые специальные виды понятий. Например, в современный период развития общества для обозначения строгого карантина в русском языке закрепилось английское слово *локдаун*, то же слово начало употребляться и в мокшанском языке.

Представленные ниже факторы характеризуют словарный состав мокшанского письменного языка заимствованиями, характеризующимися чисто лингвистическими тенденциями.

1. Заимствования упрощают смысловую структуру многозначного исконного слова. В результате значения слов становятся близкими, но не совпадающими: рус. *всеобщий – тотальный,* мокш. *тотальнай – марнек; увлечение – хобби,* мокш. *хобби – кельгома тев* и др.

2. Иноязычные слова называют наименования из нескольких слов одним словом: *импортный* – вместо «омбомасторста ускф», *гардероб* – вместо «щамонь ванфтома васта», *офис* – вместо «покодема васта», *прожектор* – «валдопты вии тол» и т. п.

3. Заимствованное слово оценивается как более престижное: *самоизоляция* – вместо мокш. *сембонь эзда башка,* или *самоизоляциясь*, *индивидуаль-*

ный – вместо мокш. *башка (фкя*), или *индивидуальнай*, *консенсус* – вместо мокш. *марстонь мяль* и т. п.

Рассматриваемые процессы в мокшанском языке характеризуют русские заимствования как лексические элементы, переходящие из лексической системы одного языка в лексическую систему другого языка, их отличие только в орфографическом виде, фонетическом оформлении и морфологических особенностях [3]. Таким путем входят и закрепляются разные типы лексических заимствований не только из русского языка, но и через русский язык. Важным принципом классификации заимствований является уровень их освоения в мокшанском.

С рассмотренными типами лексических заимствований сосуществуют также лексические кальки. Наблюдаются примеры лексического освоения, на основании которых можно сделать вывод о том, что происхождение омонимов является в определенных случаях результатом фонетического совпадения между русским словом и мокшанским. Например: мокш. *лама* «много», рус. *лама* «животное с длинной шерстью»; мокш. *мода* «земля», рус. *мода* «стиль одежды» и др. Это лексическое (семантическое) освоение происходит, когда русское слово соответствует по звучанию и графическому облику мокшанскому слову, хотя оно имеет другое значение [2, с. 24].

В современный период лексическое своеобразие мокшанского языка характеризуется не только большим количеством заимствований из русского, но и обогащением – через русский язык – англицизмами. За последние двадцать лет процесс проникновения англицизмов в русский и, соответственно, мокшанский языки значительно усилился, что связано с коренными социально-экономическими и политическими изменениями, происшедшими в России.

Библиографический список

1. Иванова Г. С. Тяниень пингонь мокшень кялень лексикология : тонафнемань пособия / Г. С. Иванова, П. Е. Седова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – 84 с.

2. Иванова Г. С. Тяниень пингонь мокшень кяль. Фонетика (нюрьхкяня курс). – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2016. – 124 с.

3. Мокша : художественно-публицистический журнал. – 2016. – № 4.

4. Пинясов Г. И. Вирявань руця : ёфкст, азкст, повесть. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 2004. – 416 с.

5. Седова П. Е. Коммуникативно-стилистическая роль синонимов в мокшанском языке // Финно-угорский мир. – Т. 12, № 2. – 2020. – С. 136–143

6. Седова П. Е. Функционирование русских заимствований в мокшанском языке // Финно-угорские языки в современном мире: функционирование и перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию проф. Д. В. Цыганкина (г. Саранск, 22 окт. 2020 г.). – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2020. – С. 73–77.

7. Цыганкин Д. В. Этимологиянь валкс / Д. В. Цыганкин, М. В. Мосин. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – 228 с.

© Седова П. Е., 2022.

УДК 82-32

КОНЦЕПТ «МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ» В РУССКОЙ И МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Н. Б. Цыганкова,
студентка
czygankova-2001@mail.ru
Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева
Саранск, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается аспект материнской любви на примере рассказа Л. Е. Улицкой «Дочь Бухары» и повести Г. И. Пинясова «Пятый сын». Проанализировано, чем сюжетная канва данных произведений схожа и чем отлична, каково их художественное своеобразие.

Ключевые слова: концепт, архетип, образ, мать, тема.

THE CONCEPT OF "MOTHER'S LOVE" IN RUSSIAN AND MORDOVIAN LITERATURE: COMPARATIVE ANALYSIS

N. B. Tsygankova
Mordovian State Pedagogical University
Saransk, Russia

Abstract. This article examines the aspect of maternal love on the example of L. E. Ulitskaya's story "The Daughter of Bukhara" and G. I. Pinyasov's story "The Fifth Son". It is analyzed how the plot outline of these works is similar and what is different, what is their artistic originality.

Keywords: Concept, archetype, image, mother, theme.

В литературе, как и в других видах искусства, существуют темы, образы, мотивы, сюжеты, которые проходят через века и остаются актуальными. Как правило, это некий концентрат смысловых соединений, некая вечная роль или субстанция, без которой невозможно представить существование человека. По нашему мнению, одним из таких образов и является концепт «материнская любовь».

Безусловно, образ матери, ее отношение к детям, семье являются архетипичными в мировом литературоведении. Если вслед за И. П. Смирновым и А. М. Панченко предположить, что литература имеет «определенный набор центральных образов-архетипов» [2, с. 33–49], то, вне всякого сомнения, образ матери будет одним из самых значимых и востребованных и писателем, и читателем.

Литературный процесс представляет собой совокупность самых различных сюжетов, в том числе касающихся взаимоотношений матери и детей. Примеров тому множество: Иисус Христос и Богородица («Библия»), княгиня Ольга и Святослав («Повесть временных лет»), Матрена Тимофеевна и Демушка (Н. А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо») и т. д. И если в русском фольклоре мать была представлена как хранительница очага, покорная жена-труженица, то позднее в художественных текстах классиков русской литературы данный образ стал эволюционировать и получил дополнительную коннотацию.

В целом в литературе повторяемость сюжетов и образов объясняется во многом стремлением сохранить культурный код и трактуется с точки зрения верности человека общенациональным идеалам. В этом отношении концепт «материнская любовь» занимает одно из центральных мест.

Учитывая, что «материнская любовь» как концепт содержит «некий микросюжет, содержащий предикат (действие), агенса, пациенса и несущий более или менее самостоятельный и достаточно глубинный смысл» [1, с. 56], попробуем выявить основные признаки данного явления. Мы уверены, что внимание писателей направлено именно на образ матери с позиций изображения ее как нравственного идеала, воплощения безусловной любви к своим детям, всепрощения и самопожертвования во имя их. Примечательным является то, что писатели рассматривают материнство не как инстинкт, а как некую программу, заложенную в женщину и основанную на ее личных детских воспоминаниях и ее представлении о правильности поведения родительницы.

Тема материнской любви имеет глобальный характер и присутствует во всех национальных литературах. Так, мордовская литература воспевает материнскую любовь и сам образ матери практически во всех крупных художественных произведениях, назовем некоторые из них: К. Г. Абрамов «Степан Эрьзя», А. Д. Куторкин «Яблоня у большой дороги», М. И. Дерябин «Чубаровы», В. А. Кижняев «В Родниках», «Теплое лето», «Поздняя весна», В. Д. Еремкин «Стряпухины», Т. Ф. Якушкин «Испытание», И. А. Янюшкин «Вишни зацветут завтра», Г. И. Пинясов «Пятый сын» и др.

Одним из путей аналитической работы над выявлением реализации заявленного нами концепта является сравнительно-сопоставительное изучение образцов русской и национальной литературы, что само по себе имеет значительный образовательный потенциал. Более многопланово рассмотрим его на примере сравнительно-сопоставительного анализа рассказа Л. Е. Улицкой «Дочь Бухары» и повести Г. И. Пинясова «Пятый сын».

Современная русская писательница Л. Е. Улицкая отправляет читателя в послевоенный май 1946 года. Сюжет прост, события разворачиваются в Москве. Старый доктор встречает внука – майора медицинской службы Диму. В отличие от Л. Е. Улицкой Г. И. Пинясов точно определяет месяц

июль, указывая, что время было послевоенное. В повести «Пятый сын» в Мордовию, а именно в деревню Пичпора, приезжает работать на завод Саша Урбан. Мы видим, что пространственно-временная организация произведений схожа. Авторы точно отмечают и описывают время и место, чтобы передать настроение эпохи, людей, которые с новыми силами строят послевоенную жизнь.

Матерью в повести «Пятый сын» является бабушка Аксинья. Ей больше семидесяти лет, много лет она одна и часто по душевной доброте впускает приезжих к себе пожить. Г. И. Пинясов заостряет внимание на взгляде женщины, который показался герою странным. Она смотрела на него, не отводя глаз, когда тот совершал обеденный рацион: «…Саша вдруг марязе, што азоравась сельмонь апак чипоряк ваны лангозонза» [3, с. 15] / Саша вдруг почувствовал, что хозяйка внимательно смотрит на него. (Перевод построчный. Наш. – Н. Ц.). Сила любви матери проявляется с первых строк рассказа о своих детях. Четырех сыновей она потеряла на войне. Аксинья рассказывала о каждом сыне и плакала, но не навзрыд, а тихо, печально, но до конца не смирившись с потерей: «…тонадсь опапты пичефксонц кирдема» [3, с. 18] / Привыкла терпеть удушающую печаль. (Перевод построчный. Наш. – *Н. Ц.*). Герой сразу заметил силу характера этого человека. Душа ее не очерствела от такого количества бед, страданий, а, наоборот, научилась ценить добро. Именно поэтому старушка старалась радовать других. Эпизод с детьми, которых Аксинья часто угощает садовыми яблоками, это подтверждает.

Л. Улицкая описывает жертвенную мать, которая отказалась от многого ради воспитания своего больного ребенка. Бухарой назвали эту красавицу, которая носила в себе житейскую мудрость. В этом рассказе раскрывается судьба матери и ее новорожденной дочери Милы. Безусловная любовь Али к своей дочери пронизывает сюжетную канву и достигает кульминации (эта девочка с синдромом Дауна может гораздо больше, чем другие с этим заболеванием) в момент осознания первых побед девочки. Автор именует ее именно Милой, а не Людмилой, так как таковой является дочка только для матери.

Оба автора – и Г. И. Пинясов, и Л. Е. Улицкая – вводят в произведения эпизоды, которые связаны с болезнью детей. Любовь Аксиньи как матери особенно проявляется, когда Саша получает производственную травму, которая приковывает его к постели. Она отказывается отдавать его куда-либо, с этим названным взрослым ребенком она расцвела вновь, несмотря на свой пожилой возраст. Саша сам чувствует силу привязанности к этому человеку: «Виде, бабась шиста шис арсесь коль сяда кельговикс и малакс» [3, с. 28] / Правда, бабушка изо дня в день становилась все любимее и ближе. (Перевод построчный. Наш. – *Н. Ц.*). Ее материнское сердце чувствовало любые изменения, происходящие в жизни Саши, например, ссору с любимой девушкой. Аксинья сама ждала почтальона, чтобы донести весть до больного

сына. Автор детализирует момент, когда Аксинья отправляет письмо в Москву в надежде на спасение здоровья Саши. И именно в клинике она произносит слова, которые поражают силой мудрости главного врача. Раскладывая фотографии своих сыновей, она говорит, что ей отрезали 4 пальца, они погибли на войне и молит о том, чтобы спасли пятого: «Вов, ниле сурнень керозь…илядсь аньцек фкяняня, сявок сюреня вельде нюрьги» [3, с. 56].

Нравственно-философский аспект проблемы умело подчеркивается автором. Аксинья чувствовала болезни своего сына: например, Сашу беспокоила спина, когда он находился в больнице, и в этот же момент автор переносит нас в бабушкин дом, где заостряет внимание на том, что она не может разогнуть спину. Этим писатель доносит до читателя мысль о неразрывной духовной связи матери и сына. Здесь отражается и национальный менталитет, уникальность образа подлинной матери-героини, многодетной женщины, способной чувствовать чужую боль как свою.

Ситуация, описанная Л. Е. Улицкой, не менее драматична. Аля тоже не считала жизненным препятствием болезнь своей дочери, она воспитывала ее полноценным ребенком, позволяла баловаться, совершать самостоятельные поступки даже в детском возрасте: «…месила тесто и лепила, лепила» [5, с. 240]. Писательница обличает отношение к девочке отца, который бросает семью и не считает Милу живым человеком. «Мир мужской и мир женский разные миры. Местами пересекаются, но не полностью. В женском мире большее значение приобретают вопросы, связанные с любовью, семьей, детьми» [4, с. 230].

Обе героини смогли достойно нести звание матери. Авторы проводят их через тернистый путь для того, чтобы показать характер, силу материнской любви, которая способна совершить многие подвиги.

Библиографический список

1. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1994. – 136 с.

2. Панченко А. М. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. / А. М. Панченко, И. П. Смирнов // Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв. – Л. : Наука, 1971. – С. 33–49.

3. Пинясов Г. И. Кочкаф произведенят : кафта томса. – Саранск : Мордовскяй книжнай издательствась. – Т. 1 : Повестть. – 2013. – 541 с.

4. Улицкая Л. Принимаю все, что дается : интервью // Вопросы литературы. – 2000. – № 1. – С. 215–237.

5. Улицкая Л. Рассказы // Большая литература. – М. : Эксмо, 2007. – 480 с.

© Цыганкова Н. Б., 2022.

УДК 82.09:821.511.152

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЖНОЙ СФЕРЫ В ПОВЕСТИ А. ДОРОНИНА «ВОЛЧИЙ ОВРАГ»

С. В. Шеянова,
д-р филол. наук, профессор
sheyanovas@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье анализируется система персонажей в повести эрзянского писателя А. Доронина «Верьгиз латко» («Волчий овраг»), исследуются художественные приемы обрисовки характеров, обусловленные как индивидуально-авторским мировидением, так и проблемно-тематическим кодом произведения, в котором художественно реконструированы события периода коллективизации.

Ключевые слова: современная мордовская повесть, А. Доронин, система персонажей, проблематика, тематика, авторская концепция.

THE SPECIFICS OF BUILDING A SYSTEM OF CHARACTERS IN THE STORY OF A. DORONIN "WOLF GULLY"

S. V. Sheyanova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article analyzes the system of characters in the story of the Erzya writer A. Doronin "Wolf Gully", explores the artistic methods of characterizing, which are due to both the individual author's worldview and the problem-thematic code of the work, in which the events of the collectivization period are artistically reconstructed.

Keywords: modern Mordovian story, A. Doronin, character system, problematic, subjects, author's concept.

Проблемы типологии, моделирования, концепции системы персонажей в художественном тексте являются наиболее сложными и дискуссионными в современном отечественном литературоведении. Об особой роли персонажей в содержательной структуре произведения свидетельствовал еще В. Г. Белинский. В учении Г. Н. Поспелова «персонаж – это не сумма деталей, из которых слагается изображение человека, но целостная личность, воплощающая характерные черты жизни и вызывающая к себе определенное отношение читателя», поэтому «при уяснении идеи эпического или драматического произведения важно понять, прежде всего, функцию системы персо-

нажей – ее значение и смысл. Именно с этого естественно начинать рассмотрение новеллы или романа, комедии или трагедии» [2, с. 160–161]. В. Е. Хализев изучает роль автора в структурировании персонажной сферы и заключает, что персонаж «предстает как воплощение писательской концепции, идеи, т. е. как нечто целое в рамках иной, более широкой, собственно художественной целостности (произведения как такового). Он зависит от этой целостности, можно сказать, по воле автора ей служит» [5, с. 206], убеждает в том, что «автор неизменно выражает (конечно же, языком художественных образов, а не прямыми умозаключениями) свое отношение к позиции, установкам, ценностной ориентации своего персонажа» [5, с. 206].

Исследование системы персонажей в отдельных текстах позволяет выявить индивидуально-авторские преференции писателя, его мировоззренческую позицию, нравственные принципы, коррелирующие с духовными запросами социума в целом. Проблема структурирования персонажной сферы в произведениях мордовских прозаиков нуждается в постоянном мониторинге, поскольку авторы обращаются к сложной организации системы персонажей, усложняют взаимосвязи между ними, отказываются от традиционного в национальной литературе 1960–1980-х годов контрастного изображения образов, заменяют внешний социальный конфликт внутриличностным, что приводит к многообразию смыслов в процессе интерпретации текста.

Материалом исследования в статье выбрана повесть А. Доронина «Волчий овраг» [3] – первое в мордовской литературе произведение, в котором воссоздаются жизнь и быт крестьянства в начале 1930-х годов, начавшийся процесс коллективизации, обстоятельства насильственного переселения семей раскулаченных поволжских крестьян в необжитые степи Казахстана. По утверждению историков, «среди депортационных кампаний советской истории, «кулацкая ссылка», охватившая 2 миллиона человек, занимает совершенно особое место. <…> Выселению подлежала наиболее вредительская и активная часть кулачества с семьями» [1, с. 238]. В настоящее время эпоха «великих переломов» вызывает интерес не только историков, социологов, но и литераторов, представляющих художественную версию общественно-политических событий, обстоятельств того времени. Объяснимо стремление А. Доронина реанимировать этот пласт в истории страны, раскрыть жестокие последствия необдуманных политических решений власти, обнажить человеческие трагедии с тем, чтобы вынести нравственный урок из прошлого.

В повести «Волчий овраг» писатель отказывается от изображения широкого общественного фона, он акцентирует внимание на отдельных судьбах переселенцев, представителей разных национальностей, разного вероисповедания, которые вынуждены были поменять привычный образ жизни, приспособиться к суровым условиям степи, наладить быт, выстроить новые взаимоотношения, искать пути самореализации, не имея возможности покинуть предписанное место проживания. Писатель проводит мысль о том, что в жестоких обстоятельствах герои смогли сохранить традиции, этические нормы своего народа, передать молодому поколению гуманистическое сознание того, что является столпом крестьянского миропорядка.

А. Доронин отражает разные аспекты жизни персонажей-переселенцев – бытовую, семейную, культурную, духовную. Автор создает галерею художественных образов, в которых сосредоточены «психологические, духовные болезни и изломы, порожденные «советской властью», борьба между человечностью и всем, что враждебно простым законам нравственности» [4, с. 61]. Посредством обрисовки индивидуальных судеб в повести утверждается неразрывная взаимосвязь истории и личности, манифестируется идея памяти как фундаментального концепта человеческой жизни, как основы будущего.

Объявленные «кулаками», без суда обвиненные в преступлениях, лишенные дома, состояния, потерявшие родных и близких крестьяне были вывезены в суровую степь на постоянное место жительства без права реабилитации. Персонажи не дифференцируются по социальному статусу, в оказавшейся ситуации они все равны – обобранные, униженные, безвольные. Но в них так же, как и раньше, сильно трудовое начало, именно трудолюбие, хозяйская жилка, природная смекалка позволили им одержать первую победу над степью: через несколько месяцев в Волчьем овраге появляется небольшое селение из «домов-землянок, мазанок», покрытых «дубовыми стволами и ветками». Его жители трудятся в «едином хозяйстве», возглавляемом бывшим рабочим Путиловского завода Акимом Макаровым, в колхозе «Степь». Некогда в родном краю они отказались вступить в колхоз, не восприняли идеи коллективного хозяйствования, до последнего защищали нажитое богатство, здесь, в глухой степи, все сложилось само собой. Жители Волчьего оврага распахивают степь, осваивают и обрабатывают ее плодородные участки, выращивают зерновые культуры, выполняют план по хлебозаготовкам. В описании трудовой и бытовой деятельности переселенцев А. Доронин придерживается логики исторического процесса, изображает обстоятельства предельно реалистично и достоверно.

Эпическое спокойствие, идиллический тон повествования сопровождают рассказ о жизни мордовской семьи Сыреськиных до раскулачивания, сменяющийся напряженным драматизмом, перемежающимся с трагизмом. Глава семейства, Спиридон Васильевич, был истинным тружеником, любил землю, наслаждался результатами своего труда, имел добротный дом, крепкое хозяйство. По пути в Казахстан он погиб в поезде от болезни, его тело выбросили за обочину дороги на одной из остановок. Гибель персонажа символична: крестьянин оказался лишен не только дома, он не находит последнего пристанища и после смерти. История семьи Сыреськиных оставляет тягостное впечатление человеческой боли, тоски, безысходности.

Посредством ретроспективного повествования автор реконструирует разные периоды жизни мордвина Николая Куракшова. Во время Гражданской войны он служил в дивизии Чапаева, был ранен, после демобилизации женился на любимой девушке Клавдии. Семья нажила добротное хозяйство, имела сад, пасеку. Трудолюбивый, смекалистый Николай любил все делать основательно, по-крестьянски. Счастье семьи составляют не только материальные блага, но и вечные человеческие ценности – любовь, преданность,

верность, которые оказались разрушены дошедшими до села коллективизационными действиями, жестким предложением вступить в «единое хозяйство». Миколь и Клавдия отказались, за что были наказаны: сперва местные «активисты» отравили все запасы зерна в их амбаре, обложили непосильным налогом, затем семью объявили «кулаками» и разлучили супругов. От пережитого стресса мужчина тяжело заболевает. Накануне смерти ему причудилось, что он находится на малой родине, «видит свой дом, просторный, двухкомнатный. Только вот окна забиты старыми досками. У крыльца – высокие лопухи, огород зарос полынью. Показалась Клавдия, машет ему рукой, зовет с собой на небо…» [3, с. 449]. (Перевод здесь и далее подстрочный. Наш. – *С. Ш.*)

А. Доронин отказывается от характерного для литературы советского периода принципа переформатирования мировоззренческой идеи, его персонажи остаются верны идеалам, сформированным многовековым опытом российского крестьянства. На первый взгляд, адаптировавшиеся к новому месту, непривычному образу жизни, сложным бытовым условиям люди смиренно принимают свою судьбу, открыто не конфликтуют с представителями власти. Историки утверждают, что «спецпереселенцы находились в состоянии растерянности и подавленности. Они не высказывали массового недовольства действиями власти. Несмотря на озлобленность и скрытую враждебность, большинство отличались дисциплинированностью и желанием восстановить свои хозяйства и гражданские права» [6, с. 37]. При этом герои повести переживают глубокую психологическую драму. К примеру, Николай Куракшов так и не смирился со своим положением переселенца, он не воспринимает в отношении себя определение «кулак». Герой не может принять трансформировавшуюся общественно-политическую действительность, контрастирующую с его мировоззренческой позицией, духовными и нравственными запросами, этическими принципами.

В повести разворачивается сага о семье татарина Ибрагима Минуллина, представителя определенной этнической и конфессиональной традиции, предписывающей почитание и соблюдение обычаев, национальных нравственных постулатов и т. п. У героя своя жизненная философия, согласно которой, «свобода – самое ценное в жизни. И стойкость. Если у человека есть опора – он нигде не пропадет» [3, с. 415]. Мужчина пережил смерть жены, раскулачивание, насильственное изгнание, переселение в казахстанскую степь, гибель сыновей и единственной дочери. Ибрагим-хан (так его прозвали в Волчьем овраге) с горечью размышляет о том, за что его признали «кулаком»? Он всю жизнь трудился на Волге – выгружал баржи, работал в рыбацкой артели, один растил троих детей, не доедал, ничего не пробовал кроме «рыбного супа и черного хлеба». Ибрагим отказался вступить в колхоз, был выселен с семьей из родного дома, потерял связь с сыновьями и дочерью. От людей старик узнал, что его свободолюбивые и гордые сыновья не смирились с ролью пленников – они были убиты при попытке к бегству, дочь Наиля повесилась, не выдержав надругательств и унижений начальника колонии.

Психологические нюансы, ментальные тонкости, отсылающие к национальной характерности, дают знать о себе и в холодной степи. Оплакивающий близких, гордый и непокоренный Ибрагим лишен инстинкта выживания любой ценой, до определенного времени его не беспокоит будущее и обреченность на бессрочный срок ссылки, однако с рождением правнука его мироощущение меняется. В пожилом мужчине зарождается острое желание жить, бороться. В маленьком Назиме он видит продолжателя своего рода, которому передаст традиционные этнические ценности и память о предках. Образ Ибрагим-хана сочетает в себе индивидуальные характеристики и типичные национальные черты, его судьба, вписанная в контекст истории, становится отражением эпохи.

Многочисленная семья Остапа Ковальчука, которая была выслана в Казахстан из Украины, также стала жертвой коллективизации. Однако дом Остап потерял уже давно. Он воевал против большевиков на стороне Нестора Махно, после бегства белого офицера скрывался в лесу. Отсутствие дома у героя получает обобщенную символическую семантику: крестьянин без дома становится олицетворением неблагополучия всего мироустройства. Архетип «дом» таким образом наполняется в повести оригинальным смысловым оттенком. Понятия «дом», «родительский очаг», «память», «род», «семья» для крестьянства имеют особый философский подтекст, воспринимаются онтологическим смыслом бытия, их нивелирование ведет к разрушению традиционного миропорядка. Нестор и его сыновья мечтают о своем доме не только как об убежище, но и как о родовом очаге, способствующем продолжению рода, сохранению национальной идентичности. «За три месяца они возвели несколько обмазанных глиной и побеленных мелом мазанок, которые составили небольшую улицу выстраиваемого в степи хутора» [3, с. 423]. Таким образом автор эксплицирует идею возрождения духовных и материальных основ крестьянского мира, нравственных ценностей крестьянства, разрушенных политиками понятий «свобода», «великодушие», «гуманизм», «ответственность».

В соответствии с народно-крестьянскими воззрениями, кроме дома только труд составлял стихию, которой всецело отдавался землепашец. Не тяга к бродяжничеству, не стремление к перемене мест, а именно труд искони составлял и бремя, и радость крестьянского существования. Только в работе находит смысл и оправдание своей жизни оказавшийся на чужбине Остап Ковальчук. Вопреки всем обстоятельствам его связи с землей разорвать сложно, он остается носителем патриархального крестьянского мировоззрения. Размышляя о своей семье и судьбе соотечественников, он осознает, что необходимо планировать будущее, построить дом, наладить быт, обеспечить себя хлебом и продуктами. Для этого у него есть все необходимое – трудолюбие, мастеровые руки, смекалка, напористость. Именно заботой о людях и земле-кормилице обусловлено поведение Остапа, выбор методов руководства вверенной ему бригадой, поэтому он призывает «вспахивать степь насколько возможно глубоко», чтобы сделать ее плодородной, дающей хорошие урожаи. У сурового нравом, пользующегося авторитетом Остапа

расписан каждый час, в потоке большого количества дел он боится потратить день бесцельно, грамотно распределяет людей на полевые работы, на добычу глины для строительства мазанок. Посредством данного колоритного образа в повести воссоздаются трудовые традиции украинского крестьянства, его судьба в контексте истории страны.

Посредством образов Ульяны и Моти Сыреськиных, Розы Минуллиной, Андрея Разинского, Акима Макарова в повести персонифицирован конфликт человека и опирающейся на антигуманные принципы идеологии. Каждый из персонажей – индивидуум с особенностями психологии и мировосприятия, национальной и конфессиональной ментальностью, однако у них общая судьба, в которой отражаются последствия исторической катастрофы. Оказавшиеся в эпицентре политических событий и противоречий эпохи люди становятся творцами истории, а в настоящее время эти персонажи способствуют «расшифровке» кода прошлого.

Итак, система персонажей в повести А. Доронина «Волчий овраг» составляет семантически сложную систему, обусловленную стратегией нарратива текста, его проблемно-тематическими особенностями. «История» героя в произведении основана на раскрытии его биографии, социального статуса, общественной роли, интенций в субъективированной форме, что способствует имплицитному расширению пространственно-временного хронотопа повести, усилению лирико-психологического начала в ней.

Библиографический список

1. Алексеева Л. В. Начало «кулацкой ссылки» на Тобольский север (1930) [Электронный ресурс] // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 238–252. – URL: https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/198/105 (дата обращения: 15.09.2021).

2. Введение в литературоведение / под ред. Г. Н. Поспелова. – М. : Высш. шк., 1988. – 528 с.

3. Доронин А. Верьгиз латко // Доронин А. Кавто томсо кочказь произведенят. – Саранск : Книга, 2018. – Т. 1. – С. 394–452.

4. Текенова У. Н. «Последняя надежда ссыльного Евсея Боровикова» Д. Каинчина: судьба человека на переломах истории [Электронный ресурс] // Филология и человек. – 2018. – № 4. – С. 48–62. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36513495_13012673.pdf (дата обращения: 16.09.2021).

5. Хализев В. Е. Теория литературы. – М. : Высш. шк., 2002. – 438 с.

6. Шекшеев А. П. «Мужичья чума»: крестьянская ссылка на территории Енисейской Сибири (1929–1934 гг.) [Электронный ресурс] // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2020. – № 2 (32). – С. 29–48. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44289120_92471291.pdf (дата обращения: 17.09.2021).

© Шеянова С. В., 2022.

УДК 070: 366.636:008

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАТЕКСТОВ О КУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ СМИ)

А. В. А. Аль-Руфайе,
магистрант
Ameeralrufaiee@yahoo.com
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье проводится анализ структурно-содержательных особенностей медиатекстов о культуре российских СМИ, так как журналистика столкнулась с проблемой, связанной с привлечением аудитории. Традиционные медиа перестали конкурировать только между собой, к ним присоединились новые оппоненты: социальные сети, каналы в сети Интернет. Но при этом время, которое готов тратить потребитель на все СМИ, не поменялось существенно.

Ключевые слова: культура, средства массовой информации, конвергенция в СМИ, специфика подачи, медиатексты, интернет-СМИ.

THE SPECIFICS OF THE PRESENTATION OF MEDIA TEXTS ABOUT CULTURE IN THE CONTEXT OF CONVERGENCE

A. V. A. Al-Rufaye
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article analyzes the structural and content features of media texts about the culture of the Russian media, since journalism has faced a problem related to attracting an audience. Traditional media stopped competing only with each other, new opponents joined them: social networks, channels on the Internet. But at the same time, the time that the consumer is willing to spend on all media has not changed significantly.

Keywords: convergence, culture in conditions of convergence, mass media, convergence in mass media, specifics of presentation, media texts, Internet media.

Медиакультура как особая сфера речевого бытия представляет большой интерес. Понятие «культура» рассматривается некоторыми учеными как

неоднозначное, трудное для концептуализации и даже неоперативное. Несмотря на свою непростую репутацию, культура остается выдающимся объектом изучения. Влияние критических теорий и социального конструктивизма делает критическую межкультурную коммуникацию подходящей основой для изучения представлений и дискурсивных конструкций культуры [3, с. 11].

Культура обеспечивает прочную основу для изучения способов, с помощью которых определенные представления кажутся более мощными или естественными, чем другие. Это также подчеркивает тот факт, что мы живем в сетях культурных дискурсов – некоторые из них невидимы для нас, в зависимости от контекста, – некоторые переплетаются с другими дискурсами.

Главным достоинством этой структуры является ее акцент на проблематизации культуры, что снижает риски принятия ее как должного. Таким образом, критическая межкультурная коммуникация также побуждает исследователей задумываться о своем академическом и культурном происхождении. Это может помочь человеку осознать степень его знаний и, следовательно, способствует уменьшению культурных предубеждений в академическом дискурсе.

В целом осознание представлений, которые мы имеем о себе и других, а также причин, по которым эти представления создаются и передаются, имеет центральное значение для развития понимания и терпимости по отношению к другим. Это особенно актуально сейчас, когда все больше и больше людей пересекает границы и общение между культурами происходит быстрее, проще и, следовательно, становится все более распространенным.

Интернет-СМИ сегодня выполняют функции информатизатора в обществе и коммуницируют с аудиторией посредством прямого общения. Интернет-сайты руководствуются такими же принципами, но при этом имеют свои особенности. Сегодня практически стерлась грань между классическими СМИ и новыми медиа, поскольку каждое издание имеет свой сайт и представительство в социальной сети [1, с. 32].

Аудитория активно использует социальные сети, которые пользуются популярностью у аудитории по ряду причин: во-первых, новости в социальных сетях распространяются гораздо быстрее, чем в других источниках; во-вторых, информация распространяется посредством комментариев.

Все популярные издания периодически занимаются обновлением информации в социальных сетях Telegram, TikTok. В результате первичного анализа распределения читателей по социальным сетям аудитория российских изданий в социальных сетях распределяется следующим образом (рис. 1).

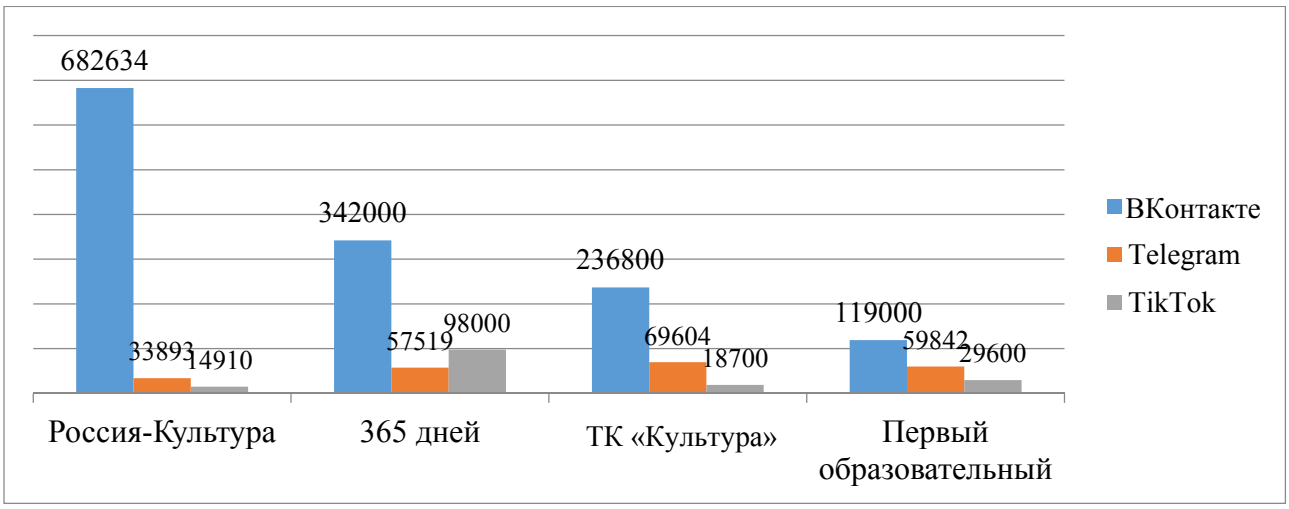


Рис. 1. Сравнение аудитории российских изданий, освещающих тему культуры в социальных сетях

Как видно по данным сравнения аудитории российских изданий о культуре, основное предпочтение отдается социальной сети «ВКонтакте», на канал «Культура» подписано 2 368 000 подписчиков, вторая по популярности социальная сеть – Telegram с количеством подписчиков – 69 604.

Проведем анализ аудитории ТК «Культура» в социальных сетях. Аудитория в социальных сетях Facebook и Telegram более сбалансирована по тендерному составу, распределение аудитории по возрастному составу имеет схожее значение. Распределение аудитории ТК «Культура» по гендерному признаку в социальных сетях Telegram и Facebook говорит о том, что мужчины составили 58,55 %, а женщины 41,55 %.

На рис. 2 представлен процент распределения аудитории социальных сетей Telegram и Facebook по возрастному критерию.

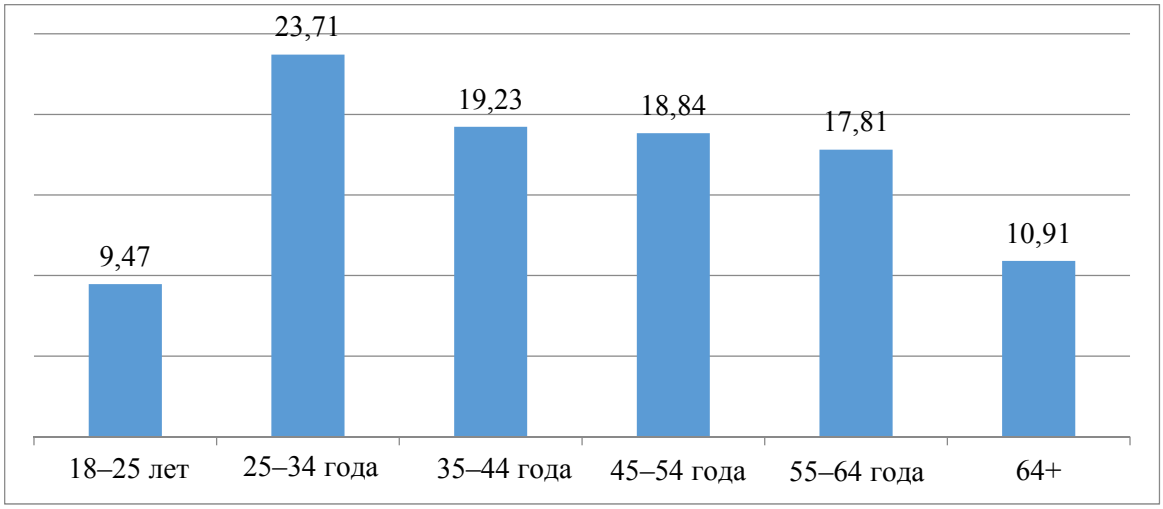


Рис. 2. Демография аудитории ТК «Культура» в социальных сетях (Telegram и Facebook) по возрастному критерию, %

Среднее вовлечение канала «Культура» в социальных сетях распределяется следующим образом: «ВКонтакте» – 0,16 %, Telegram – 0,135 %, Facebook – 0,48 %.

Каналы ТК «Культура» в социальных сетях отличаются высоким уровнем вовлеченности относительно других изданий, а также высоким уровнем использования средств коммуникации. Основной формат издания – это видео, что является фактом отражения вовлеченности, особенно это проявляется в социальной сети Facebook.

Далее проведем контент-анализ публикуемых статей на коммуникативной площадке «Культура». В результате анализа можно сделать вывод, что около 53 % информации – это темы, освещающие культурные вопросы, 14 % публикуемой информации – это освещение социальных вопросов, 10 % относятся к освещению вопросов новостей в сфере культуры, 9 % – это вопросы образования. Менее популярны в сети Интернет статьи на тему использованных технологий и медиа, их численность составила 4 %.

Среднее количество слов в заголовках составляет около 9 слов. Среди анализируемого материала 58 % – это новостные статьи, 35 % «открытые» заголовки, 11 % «двухчастные» заголовки, 5 % – это заголовки-цитаты.

При этом 42 % статей имеют нейтральный характер, 48 % имеют негативный, позитивные заголовки статей составляют 10 % публикуемого материала в социальных сетях, данные приведены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение заголовков на ТК «Культура» в социальных сетях

Тип заголовка	Количество материала, шт.	Количество просмотров, тыс.	Среднее количество просмотров, тыс.
Новостной	581	223415	405
Открытый	391	145318	408
Двухчастный	108	44312	395
Заголовок-цитата	15	5001	341

Распределение выборки по жанрам следующее: 68 % – это материал новостного характера, 23 % – это заметки в социальных сетях, они являются основой для сайта ТК «Культура» и в социальных сетях. Безусловно написание заметок требует меньше времени, они более информативные. Другие жанры требуют большого времени для написания материала, либо они используются в редких случаях, в связи с чем в структуре выборки они менее всего представлены, данные приведены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение выборки ТК «Культура»
в социальных сетях и на официальном сайте

Жанр	Количество материалов, шт.	Общее число просмотров, тыс.	Среднее количество просмотров, тыс.
Новость	695	289415	405
Заметка	289	121415	423
Расследование	12	4121	306
Фотогалерея	10	5619	508
Фичер	10	4289	351
Мнение	11	4518	390
Интервью	9	4121	306
Репортаж	8	2412	418
Трансляция	8	1289	380

Статьи в социальных сетях от ТК «Культура» публикуются довольно равномерно на протяжении суток. Большее количество материала опубликовано в период 10–18 часов (61 %), менее всего публикуются материал с 24.00 до 8.00 утра (7 %). В табл. 3 представлено распределение публикаций в социальных сетях и на сайте ТК «Культура» в течение суток.

Таблица 3

Распределение публикаций материалов в социальных сетях
и на сайте ТК «Культура»

Время публикации	Количество материалов, шт.	Количество просмотров, тыс.	Среднее количество просмотров, тыс.
12.00–14.00	189	70415	408
14.00–16.00	151	65718	401
16.00–18.00	121	47415	400
10.00–12.00	114	40141	389
22.00–00.00	89	33415	356
20.00–22.00	83	35415	408
18.00–20.00	73	25415	389
08.00–10.00	69	23415	350
00.00–02.00	58	23415	309
06.00–08.00	30	10189	304
02.00–04.00	30	9809	320
04.00–06.00	21	8615	351

Средняя глубина прочтения материалов составляет 6 минут, средний процент переходов с одного материала – 58 % (42 % аудитории, просмотрев материал на каналах продвижения ТК «Культура», уходят на другие каналы). Для статей, которые попали в выборку, средний показатель переходов по прямой ссылки составляет 15 %, остальные переходы – это прямые новости, их доля составила 25 %.

В табл. 4 представлен анализ воздействия факторов на читаемость материалов канала ТК «Культура».

Таблица 4

Воздействие факторов на читаемость материала на ТК «Культура»

Фактор	Роль	Воздействие	Важность
Рубрика	Культурные вопросы	19,3	99 %
	Социальные вопросы	24,5	99,9 %
	Новости культуры	32,3	Не существенен
	Образование	24,3	Не существенен
	Технология и медиа	9,3	Не существенен
Тип заголовка	Новостной	–60,3	Не существенен
	Открытый	–58,3	Не существенен
	Двухчастный	–69,7	Не существенен
	Заголовок-цитата	58,3	Не существенен
Тональность	Позитивная	–518	99 %
	Нейтральная	–618	Не существенен
	Негативная	–620	Не существенен
Число заголовков	Каждое новое слово	–580	99 %
Жанр	Новость	4800	Не существенен
	Заметка	18900	Не существенен
	Фичер	14800	Не существенен
	Расследование	–14800	Не существенен
	Интервью	–11300	Не существенен
	Репортаж	–17400	Не существенен
	Онлайн-трансляция	80900	Не существенен
	Фотогалерея	34500	Не существенен
	Мнение	102400	Не существенен
Репосты в социальных сетях	Каждый репост	2,0	90 %

Тип заголовка не оказывает существенного воздействие на число просмотров статей. Не существенен также фактор тональности. Довольно важен негативный тон, но и его степень влияния составляет 0,2 %. Данная ситуация свидетельствует о том, что аудитория ориентируется не на настроение, а на наполняемость статей. Каждое новое слово несущественно увеличивает число просмотров.

Жанр «Мнение» существенно увеличивает количество просмотров статей. Это подтверждает тот факт, что аудитория отдает предпочтение позиции

экспертов. Согласно представленному анализу, можно сделать вывод о том, что каждый репост статьи увеличивает число просмотров примерно в два раза. Так, если среднее число просмотров составляет 690, то благодаря таким способам число просмотров будет увеличено вдвое. Поэтому активное продвижение в социальных сетях канала ТК «Культура» позволяет увеличивать как количество прочтений материала, так и увеличить число подписчиков.

Анализ современных интернет-сообществ позволил сформировать вывод, что сегодня коммуникационные процессы невозможно определить, как неорганизованные, даже несмотря на большой охват аудитории. Достижения в области информационных технологий и гаджетов оказали влияние практически на все отрасли промышленности, включая печатную, электронную и телевизионную медиа-индустрию. Эти достижения требуют, чтобы медиаиндустрия адаптировалась, чтобы поддерживать свою актуальность с учетом изменений в привычках пользователей и, в конечном счете, поддерживать непрерывность их бизнеса.

Прежде всего, сообщество в сети Интернет имеет четко выраженную структуру на уровне горизонтальных отношений, таким образом, создана принципиально новая коммуникационная модель в интернет-сообществах. В связи с тем, что информационные системы в настоящее время выходят за рамки организационной периферии и становятся частью более широкого социального контекста, для исследований стратегических информационных систем важно углубиться в конкурентную среду динамичных социальных систем. Культурная эволюция – это зрелая область, которая могла бы внести свой вклад в изучение современных культурных явлений. Оцифровка многих примеров передачи культуры представляется как актуальной для нашего общества, так и подходящей для теоретических и методологических инструментов, разработанных культурными эволюционистами.

Библиографический список

1. Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. – СПб. : Скифия, 2018. – 480 с.

2. Касаткин С. С. Прогноз основных трендов развития интернет-СМИ в 2019–2020 годах / С. С. Касаткин, В. Г. Манжула // Современные научные исследования и инновации. – 2019. – № 3 (95). – С. 38.

3. Михайлов С. А. История зарубежных СМИ. – М. : Изд-во Михайлова В. А., 2019. – 256 с.

© Аль-Руфайе А. В. А., 2022.

УДК 070: 366.636 (567)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА РЕСПУБЛИКИ ИРАК

В. И. Антонова,
д-р филол. наук, профессор
belkich@rambler.ru
Б. А. А. Аль-Хатал,
аспирант
abdulahbassam@gmail.com
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье определяются характерные особенности динамики цифровых и графических средств информации Республики Ирак. Представляется «хронологическая история» национальных массмедиа, выявляются тенденции развития информационно-коммуникационных кластеров всей вещательной системы арабского государства.

Ключевые слова: национальный, своеобразие, иракские СМИ, этнический колорит, медиасистема, цифровизация.

TYPOLOGICAL FEATURES OF THE FUNCTIONING OF MODERN MASS MEDIA OF THE REPUBLIC OF IRAQ

V. I. Antonova, B. A. A. Alk-Hatal
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article defines the characteristic features of the dynamics of digital and graphic media of the Republic of Iraq. The "chronological history" of the national mass media is presented, trends in the development of information and communication clusters of the entire broadcasting system of the Arab state are revealed.

Keywords: national, originality, Iraqi media, ethnic flavor, media system, digitalization.

Своеобразие динамики национальной специфики массмедиа Ирака в условиях современной цифровизации заключается, прежде всего, в том, что «цифровая массовизация», в условиях которой происходит формирование иракской системы СМИ – явление позитивное, но глобальная экспрессия в определенной мере нивелирует ментальные основы арабской аудитории [1; 2; 3]. Главная задача массмедиа Ирака сегодня – сохранение этнического колорита контента, индивидуальность национальных средств информации, сохранение народной культуры.

Типологическая инфраструктура массмедиа Ирака сегодня представляет собой организованную систему, сформировавшуюся под влиянием внешних (политический, исторический, географический, демографический) и внутренних (учредитель, цель, аудитория) факторов. Большая часть изданий и каналов являются периодическими, общественно-политическими, информирующими о государственно-политическом курсе Ирака; в стране также функционируют религиозные, литературные и женские издания, на полосах которых наряду с тематическими материалами, значительное место занимают познавательные, рекреативные, рекламно-справочные медиатексты.

При сравнительном анализе национальных медиасистем Ирака, Египта и Йемена выявлено, что, несмотря на схожесть развития арабских стран (ислам, иго османской империи, экономика и пр.), в медийных структурах стран выявлены различия, оттеняющие их национальное своеобразие. В первую очередь, это степень цифровизации и коммерциализации в каждой стране, характер аудитории, уровень благосостояния и грамотности населения, различия в традициях, прессинг менталитета населения глобальной экспрессией, степень закупки зарубежных рекреативных медиаконтентов и, как следствие, различия в целях, задачах СМИ, проблемно-тематическом наполнении медиатекстов, жанровом исполнении.

Типологически иракское медиапространство, состоящее из трех кластеров – печать, ТВ- и радиоканалы, интернет-СМИ – является сегментом медийного поля всего арабского мира, наделенным собственным национальным своеобразием: историческими условиями становления системы, этапами развития прессы, цифровых массмедиа, темами и проблемами. Так, развитие национальных СМИ Ирака включает в себя 4 этапа.

Первый этап – берет начало с 1869 года, длится до объявления Конституции Ирака в 1908 году. В этот период возникает первая иракская газета «Заора». Национальное своеобразие прессы обусловливалось беспрекословным подчинением султанату и его наместничеству.

Второй этап длился с 1908 года до британской оккупации Басры в декабре 1914 года. В этот период в Ираке уже насчитывалось 36 газет на арабском языке. Особенностью функционирования прессы в данный период было то, что издания подвергались жесткому лицензированию.

Третий этап продолжался с начала британской оккупации в 1914 году до независимости страны в 1977 году. Ушло в историю господство турецкого султана (1918), но пресса Ирака испытывала не менее жесткое воздействие «чужой культуры». В ноябре 1920 года при режиме британской оккупации создана газета «Аль-Окаеа Аль-Иракия Аль-Расмия» – «Официальные события в Ираке», в 1921 году издана «Правительственная газета Ирака», содержащая, в основном, социально-политическую информацию.

Четвертый этап начинается с 1977 года с издания «Закона о публикации в официальной газете» («Аль-Вакаа Аль-Иракия» № 78 за 1977 год) и продолжается поныне.

На всех этапах СМИ Ирака формировались изначально под жестким контролем султаната, затем – под внешнеполитическим влиянием. Тем не

менее, каждый этап можно расценивать как период, способствовавший совершенствованию системы СМИ Ирака, возникновению новых типов изданий, контентов, передач, актуализации национальных тем и проблем в СМИ.

Данная многоступенчатая периодизация прессы обусловила национальное своеобразие СМИ Ирака в том, что совершенствовались типы изданий, обогащалось их проблемно-тематическое содержание, рациональнее использовались жанровые модификационные форматы медийных текстов и т. д. Проблемно-тематический диапазон иракской прессы определяется на примере популярнейших в стране официальных изданий (к примеру, «Аль-Сабах», читателями которого являются 95 % опрошенных респондентов). В прессе Ирака в разных жанровых формах (интервью, репортаж, очерк, статья, письмо, корреспонденция, обзор) отражаются внутренние, международные, религиозные, спортивные, культурные, образовательные, экологические, медицинские темы и проблемы. Особое место в современных СМИ занимает гендерная (женская) пресса. Иракские газеты, пройдя сложнейший путь развития, представляют собой важный сегмент медиарынка Ирака, имеющий самую многочисленную аудиторию. Печатные СМИ сегодня стремятся учитывать информационные потребности иракцев, подавать информацию, необходимую и полезную «своему» читателю.

Говоря о специфике функционирования иракских массмедиа, следует отметить, что рынок цифровых массмедиа страны заслуживает особого внимания, поскольку этот кластер позволяет иракской аудитории эффективнее интегрироваться в мировое информационное пространство, а СМИ – проводить собственную информационно-имиджевую политику. Спутниковое радиовещание началось в Ираке с 17 июля 1998 года, когда информация шла из Европы, Америки и Канады. Сегодня в Ираке самостоятельно работает более 50 радиостанций, крупнейшими из них являются партийные СМИ. О многообразии платформ свидетельствуют и тематические радиостанции – «Нахрейн», «Саут аль-Джануб», «Ан-Нас», «Хуррия» и др. Сегодня вещают также радиостанции для молодежи, женщин, религиозных сообществ и пр. Но в медиасистеме страны прочно удерживают позиции зарубежные цифровые СМИ, «отнимающие» аудиторию у национальных массмедиа.

Национальное телевидение Ирака также имеет свою хронологическую историю, оно ведет отсчет от 1956 года. Огромное влияние на местную аудиторию имеет «главный» телеканал Ирака – «Аль-Иракия», кроме того, в Республике работает множество региональных телеканалов. Сегодня Багдад принимает мировые арабские каналы – «Аль-Джазира», «Аль-Арабия», а также каналы Ирана, Израиля, Египта и др. Цифровые массмедиа, интернет-СМИ (спутниковое вещание началось в Ираке с 17 июля 1998 года) привлекают, в основном, молодежь и студентов, у которых есть веб-сайты, учетные записи в социальных сетях – Facebook, Twitter (более 80 % молодежи Ирака не менее 3 часов ежедневно пользуются услугами Интернета). Цифровые СМИ, передающие сигналы по всей территории – от Багдада до Рамади, Эль-Фаллуджи, Эн-Наджафу и Басры – эффективно используют возможности со-

временного медиарынка, опираясь как на собственные, так и зарубежные технологические ресурсы.

Следовательно, специфика национальных массмедиа обусловлена как условиями становления системы СМИ (географическими, региональными факторами), так и конструктивной государственной политикой Ирака, внешнеполитическим влиянием, профессиональной подготовкой журналистов, уровнем коммерциализации и закупки зарубежных контентов. Национальное своеобразие отражается также в выборе, постановке тем и проблем, актуальных и значимых для собственной аудитории, отображении культурных, конфессиональных традиций, использовании оперативных новостных и аналитических жанров.

Журналисты Ирака стремятся оперативно освещать новостную, интересную для аудитории, информацию, конструктивно анализировать, разрешать насущные проблемы аудитории. Вместе с тем, современная ситуация требует от работников СМИ еще большего внимания к региональной информации. Чтобы не потерять национальное своеобразие издания, канала, передачи, журналистам Ирака необходимо чаще обращаться к историческому наследию своего народа, традициям, пропагандировать произведения национальной культуры, языка, вести «живой» разговор с аудиторией, на конкретных примерах воспитывать у населения любовь и уважение к своей нации.

В целом, говоря о национальной исключительности контента массмедиа Ирака, содержания полос, жанров, сеток вещания, постановки целей и задач, выявляя тенденции в развитии современного медиарынка Ирака, можно выделить такие признаки, как:

– демократизация и цифровизация СМИ;

– способность средств информации преодолевать политические и национальные границы благодаря единому киберпространству;

– ослабление внутриполитического вмешательства, процедуры лицензирования массмедиа;

– понижение уровня коммерциализации СМИ западными странами, влекущее за собой актуализацию тем и проблем местного значения;

– возможность прямого диалога между аудиторией и журналистами, обусловливающая «сближение» интересов редакций и аудитории;

– постановка проблем сохранения и преумножения национальных ценностей, исторических культурных традиций иракского народа и др.

Соответственно, для более поступательного развития СМИ Ирака необходимы – самобытность и традиционная исключительность; свобода творчества; патриотизм; конструктивная государственная политика в области массмедиа, являющихся условием национального своеобразия, злободневного контента, самобытности медиасистемы.

Библиографический список

1. Аль-Разен Д. Вопросы о новых медиа и Интернете в арабской книге и информационной революции. – Бейрут : Центр исследований арабского единства, 2005. – 90 с.

2. Примаков Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта. Лига арабских государств и совещания в верхах. – Дамаск, 2017. – 167 с.
3. Эль-Сайед Б. Интернет-журналистика. – Каир : Аравия, 2000. – 78 с.

© Антонова В. И., Аль-Хатал Б. А. А., 2022.

УДК 364-4:17.22.1

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ: МОТИВЫ И ИМИДЖ ВОЛОНТЕРА

В. И. Антонова,
д-р филол. наук, профессор
belkich@rambler.ru
А. А. Чекужов,
магистрант
art231137@gmail.com
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье затронуты проблемы положительной активности российской молодежи, участвующей в добровольческих движениях, деятельность которых осуществляется в рамках разного рода ассоциаций, способствующих реализации основных гуманистических потребностей социума.

Ключевые слова: волонтер, имидж, мотивы волонтерской деятельности, личностные особенности волонтера, добровольческий труд, социокультурные приоритеты волонтерства.

VOLUNTEERING AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON: MOTIVES AND IMAGE OF A VOLUNTEER

V. I. Antonova, A. A. Chekuzhev
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article touches upon the problems of positive activity of Russian youth participating in volunteer movements, whose activities are carried out within the framework of various kinds of associations that contribute to the realization of the basic humanistic needs of society.

Keywords: volunteer, image, motives of volunteer activity, personal characteristics of a volunteer, the image of a volunteer, volunteer work, socio-cultural priorities of volunteering.

Проблема поиска способов развития положительной активности молодежи, которая обеспечит социализацию личности, приобретает в наши дни

особую актуальность. Организация добровольческого движения (волонтерства) является одним из направлений социализации, формой позитивной активности у молодых людей. Пропаганда бескорыстной помощи и милосердия в средствах массовой информации – важнейший способ привлечения молодежи в ряды добровольцев. Актуальность выбранной темы определяется также необходимостью разработки теоретического обоснования и практического анализа способов формирования положительного отношения к добровольческому движению в СМИ.

Понятие «добровольчество», в современной западной и отечественной социологии «волонтерство» («volunteering»), «применяется для обозначения добровольческого труда как деятельности, осуществляемой людьми добровольно на безвозмездной основе и направленной на достижение социально значимых целей, решение проблем сообщества» [2, с. 410].

«Добровольчество (волонтерство) – это участие людей независимо от возраста, расы, пола и вероисповедания в мероприятиях, направленных на решение социальных, культурных, экономических, экологических проблем в обществе, не связанных с извлечением выгоды» [2, с. 410]. Опираясь на это определение, можно смело утверждать, что «волонтеры – самые бескорыстные люди!» [2, с. 412].

Само же слово «волонтер» произошло от французского «volontaire», которое, в свою очередь, восходит к латинскому «voluntarius» и в дословном переводе означает «доброволец, желающий». В России издавна использовался синоним к нему, слово «доброволец».

Волонтеры добровольно осуществляют благотворительную деятельность в безвозмездной форме. Деятельность добровольцев направлена в первую очередь на оказание помощи остронуждающимся слоям населения (детям-сиротам, старикам, инвалидам, людям, пострадавшим от стихийных бедствий и другим категориям граждан). «Волонтером может стать любой человек, желающий посвятить свое свободное время добровольному труду, а также обладающий такими качествами, как ответственность, честность, порядочность, доброжелательность, стремление к знаниям, искренность, справедливость, толерантность, милосердие» [3, с. 12]. В основу любого волонтерского движения положен принцип: хочешь стать человечнее – прояви милосердие, помоги нуждающимся. Этот принцип можно возвести в правило, оно понятно и близко любому, кто испытывал чувство сострадания.

Безусловно, милосердие (как высшее проявление человеческого сострадания) является основой духовного развития человека. Оно, с одной стороны, представляет собой жалость и сопереживание, а с другой – соединяет в себе активную деятельную любовь к ближнему с конкретно выраженной добротой по отношению к «страждущим и обездоленным» [2, с. 412].

История человечества не помнит такого общества, которому были бы чужды идеи добровольной и бескорыстной помощи. Добровольная помощь, оказываемая человеком или группой людей обществу в целом или отдельным людям, основана на идеях бескорыстного служения гуманным идеалам человечества и не преследует целей извлечения прибыли, получения оплаты или

карьерного роста. Она может принимать различные формы: от традиционных видов взаимопомощи до совместных усилий тысяч людей, направленных на преодоление последствий стихийного бедствия, урегулирование конфликтных ситуаций, искоренение бедности. Добровольная помощь включает в себя действия, предпринимаемые на местном, общенациональном и международном уровнях, а также на уровне международного сообщества в целом, которые осуществляются, не взирая на границы.

Добровольцы играли и продолжают играть значительную роль в развитии прогресса и повышении общего уровня благосостояния индустриально развитых и развивающихся стран, как в рамках национальных программ, так и программ ООН по оказанию гуманитарной помощи, технического содействия, по соблюдению прав человека, демократизации общества и укреплению мира.

На идеях добровольной помощи основана деятельность многих неправительственных организаций, профессиональных ассоциаций, профсоюзов и других гражданских организаций. Многие кампании по ликвидации компьютерной безграмотности, иммунизации и вакцинации населения, защите окружающей среды в значительной степени зависят от усилий, предпринимаемых волонтерами. Вовлеченность в добровольчество не имеет религиозных, расовых, возрастных и даже политических границ. Многочисленные транснациональные платформы и сети добровольческих некоммерческих организаций привлекают в свои проекты и программы свыше сотни миллионов людей ежегодно. На сегодняшний день институт волонтерства распространен во многих странах мира, становясь все более значимым педагогическим ресурсом развития общества. Во Всемирной Декларации Добровольчества, принятой в январе 2001 года, отмечается, что добровольчество – фундамент гражданского общества, оно привносит в жизнь потребность в мире, свободе, безопасности, справедливости. В Декларации подчеркивается, что добровольчество – это способ сохранения и укрепления человеческих ценностей, реализации прав и обязанностей граждан, личностного роста, через осознание человеческого потенциала. В Декларации особо подчеркивается, что волонтерство является добровольным выбором, отражающим личные взгляды и позиции, активное участие гражданина в жизни человеческих сообществ. Оно должно способствовать улучшению качества жизни, личному процветанию и углублению солидарности людей. Совместная деятельность волонтеров осуществляется, как правило, в рамках разного рода ассоциаций, способствует реализации основных человеческих потребностей на пути строительства более справедливого и мирного общества, более сбалансированному экономическому и социальному развитию, созданию новых рабочих мест и новых профессий.

Во всем мире сегодня добровольческий труд – это повседневная социальная практика: люди объединяются для того, чтобы сажать деревья, обучать здоровому образу жизни, проводить экологические акции, организовывать конференции, форумы, строить, вести профилактику правонарушений, решать общие проблемы.

Основные характеристики, присущие волонтерской деятельности следующие.

1. *Отсутствие вознаграждения*. Волонтер не занимается добровольческой деятельностью главным образом с целью получения финансовой прибыли, и любое финансовое вознаграждение должно быть меньше стоимости выполненной работы.

2. *Добровольная основа*. Хотя мотивация участия в волонтерской деятельности состоит из нескольких причин (моральное удовлетворение, общение с людьми, близкими им по духу, добровольческая работа позволяет открыть и развить в себе новые качества: навыки общения, разрешения конфликтов и многие другие, бонусное стимулирование для поступающих в вузы, устраивающихся на работу и другие формы личного поощрения), все же эта деятельность должна осуществляться добровольно, без принуждения со стороны.

3. *Организационная структура*. Добровольчество может быть организованным или неорганизованным, осуществляться индивидуально или в группе, в общественных или частных организациях. Неорганизованное волонтерство – это спонтанная или эпизодическая помощь друзьям, близким, соседям и просто незнакомым людям: например, в уходе за ребенком, оказание помощи в ремонте, стройке и др., выполнение поручений, аренда оборудования, помещения, вызов такси или отклик на стихийное бедствие. Такая помощь – преобладающая форма волонтерства во многих культурах. Организованное волонтерство осуществляется в некоммерческом, государственном и частном секторе и, как правило, более систематично и регулярно.

4. *Степень участия*. Хотя в большинстве случаев степень вовлеченности в волонтерство постоянна, но все же оно может осуществляться с различной степенью участия – от полного вовлечения до эпизодического участия в добровольческой деятельности. Существует несколько различных видов волонтерства: взаимопомощь или самопомощь (люди осуществляют волонтерскую деятельность, чтобы помочь другим членам своей же социальной группы или сообщества), благотворительность или служба на благо других, участие в самоуправлении, роль отдельных лиц в процессе управления – от представительства в совещательных органах правительства до участия в местных проектах развития, просвещение или пропаганда каких-либо вопросов, касающихся определенных групп общества.

Волонтерство стремится к достижению двух важных результатов: помогает в создании стабильного и сплоченного общества и дополняет услуги, предоставляемые правительством и бизнесом (когда эти услуги нерентабельны, но необходимы обществу).

В соответствии с целями и задачами волонтерства, волонтер – это человек, который, работая безвозмездно, стремится внести свой вклад в реализацию социально значимых проектов. Часто люди не могут реализовать все свои потребности, работая только по основной профессии. В этом случае добровольческий труд может внести разнообразие, позволяя отвлечься от каждодневной рутины.

«Волонтерская деятельность помогает в удовлетворении таких потребностей, как моральное удовлетворение, общение с людьми, близкими по духу. Добровольческая работа позволяет открыть и развить в себе новые качества: навыки общения, разрешения конфликтов и многие другие. Бонусное стимулирование для поступающих в вузы, устраивающихся на работу и другие формы личного поощрения, контакты с новыми людьми, самоудовлетворение, продвижение нужных обществу ценностей – все это является той частичной компенсацией, которую волонтеры могут получить за бесценный труд и бескорыстную помощь. Молодые люди пробуют себя в тех областях, в которых им, возможно, предстоит работать в будущем» [2, с. 410].

На сегодняшний день институт волонтерства распространен во многих странах мира, становясь все более значимым социально-педагогическим ресурсом развития общества. Волонтеры рассматривают свою деятельность как инструмент социального, культурного, экономического и экологического развития. Согласно статье 5 Федерального Закона РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», «добровольцы (волонтеры) – граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в том числе в интересах благотворительной организации. Благотворительная организация может оплачивать расходы добровольцев, связанные с их деятельностью в этой организации (командировочные расходы, затраты на транспорт и другие)» [1]. С позиции закона РФ, волонтеры – это физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добровольческой деятельности). Понятием «добровольческая (волонтерская) деятельность» в русском языке часто подменяют понятие «общественная деятельность», которой обозначают любую полезную деятельность во благо общества.

Деятельность добровольцев направлена в первую очередь на помощь остронуждающимся слоям населения, не имеющим возможности помогать себе самим (старикам, неимущим, беспризорным детям, инвалидам, людям, пострадавшим от стихийных бедствий и социальных катаклизмов и многим другим).

По мнению некоторых исследователей, «волонтеры – это люди, делающие что-либо по своей воле, по согласию, а не по принуждению. Они действуют либо неформально, работая бесплатно как в государственных, так и в частных организациях медицинской, образовательной сферы или социального обеспечения, либо являются членами добровольческих организаций» [2, с. 411].

Несмотря на богатство содержания волонтерской деятельности и разноплановость ее целевой направленности, можно говорить о существовании общих характеристик этого явления. Исходя из всего этого, мы можем сделать вывод, что доброволец, прежде всего, не должен заниматься волонтерской деятельностью с целью получения финансовой выгоды, а любое финансовой вознаграждение должно быть меньше стоимости выполненной работы.

Волонтерская деятельность должна осуществляться добровольно, без принуждения или давления со стороны.

Среди мотивов добровольческой (волонтерской) деятельности можно выделить общественные мотивы (высокая требовательность к себе и коллегам, к результатам своего труда), познавательные мотивы, прагматические мотивы, увлечение внешними признаками, мотивы подражания. Волонтерам свойственны такие качества, как доброта, чувство ответственности, долга, патриотизма, милосердия и сострадания.

Одним из основных мотивов добровольческой деятельности является реализация личностного потенциала. Реализация личностного потенциала, проявление своих способностей и возможностей, осуществление человеческого предназначения должны стать ведущими мотивами участия человека в социально значимой деятельности.

Важная роль в поддержании данной мотивации принадлежит осознанию человеком собственного внутреннего достоинства, потенциала, определению личной миссии, выбору жизненного пути.

Кроме того, очень важно для человека общественное признание и чувство социальной значимости. Для человека важно получить положительное подкрепление своей деятельности со стороны значимых окружающих, утвердиться в собственных глазах, ощутить свою причастность к общеполезному делу. Основа данной мотивации – потребность человека в нормальной самооценке и в высокой оценке со стороны окружающих. Такая оценка играет значимую роль в выборе человеком целей и задач собственной деятельности, направления личностного роста, в способах самовыражения и путях самоопределения. Для человека значимы также возможности проявить себя и заявить о своей жизненной позиции, найти свое место в системе общественных отношений.

Потребность человека в осознании собственной индивидуальности, уникальности своего внутреннего мира и желание выполнять в обществе роль, согласно своей индивидуальности – вот основа мотивации самовыражения и самоопределения.

Добровольческая деятельность позволяет человеку, особенно молодому, лучше сориентироваться в различных видах профессиональной деятельности, получить реальное представление о предполагаемой профессии или выбрать направление профессиональной подготовки, приобрести полезные социальные и практические навыки, напрямую не относящиеся к профессиональному выбору человека, но важные для жизни. К ним можно отнести приобретение навыков работы с компьютером, с различными видами техники, строительных навыков, опыта межличностного взаимодействия. Потребность в деятельном и социальном освоении окружающего мира, в использовании всех возможностей, предоставляемых человеку обществом – одна из насущных потребностей современного человека.

Мотивация молодого человека непосредственно зависит и от возможности получения определенных социальных навыков посредством волонтерской деятельности. Добровольческая деятельность должна способствовать

развитию таких социальных навыков, как развитие коммуникативных способностей, опыт ответственного взаимодействия, лидерские навыки, исполнительская дисциплина, защита и отстаивание прав и интересов, делегирование полномочий, а также инициативность.

Одна из глубинных человеческих потребностей – стремление к общению и взаимодействию, потребность быть принятым и вовлеченным в личностно значимые социальные отношения. Добровольный выбор деятельности, ее социальная направленность позволяют людям найти единомышленников, установить с ними дружеские отношения. Волонтерская деятельность должна давать людям возможность совместного взаимодействия. Достаточно часто в качестве мотива для волонтерской работы выступает потребность в контактах с другими людьми и преодоление чувства одиночества. Волонтерство отвечает естественной потребности быть членом группы, ценностям и целям которой волонтер может полностью соответствовать.

Волонтерская деятельность дает молодому человеку возможность проявить себя в различных моделях взаимодействия, приобрести навыки, необходимые в дальнейшей жизни, для ответственного лидерства и исполнительской деятельности. Потребность в приобретении опыта ответственного взаимодействия является осознанной социальной потребностью.

Социальная добровольческая деятельность является естественной потребностью человека, его призванием. Эта потребность вытекает из осознания религиозного и этического долга и свидетельствует о высокой нравственности.

Немаловажным мотивом участия в добровольческой деятельности является возможность организации собственного свободного времени. Вместе с тем организация свободного времени не может быть ведущим мотивом для участия в волонтерской деятельности.

Если говорить о личностных качествах и имидже волонтера, то, в первую очередь, нужно сказать о том, что волонтер должен быть мотивирован в своей работе и желании помогать. Добровольцы, желающие принести пользу обществу должны быть ответственными, верить в себя и в то дело, которым занимаются, или иметь сильное желание научиться.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (с изменениями от 21 марта, 25 июля 2002 г., 4 июля 2003., 22 августа 2004 г., 30 декабря 2006 г., 30 декабря 2008 г., 23 декабря 2010 г.).

2. Янченко В. И. История и практика российского добровольчества и благотворительности / В. И. Янченко, Г. В. Якунина // Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». – Ч. III : Гуманитарные и социальные науки, образование. – Тольятти : Волжский университет им. В. Н. Татищева, 2012. – С. 410–416.

3. Яркие личности // Голос Мордовского университета. – 2020. – № 10 (2475). – 1 сент. – С. 12.

© Антонова В. И., Чекужов А. А., 2022.

УДК 070:004.738.5

ПРИЕМЫ НАПИСАНИЯ ЗАГОЛОВКОВ И ТЕКСТОВ В ВЕБ-ЖУРНАЛИСТИКЕ

Д. А. Бакеева,
канд. культурол., доцент
bakeeva.di@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. Статья посвящена тенденциям развития новостной интернет-журналистики. Выявляются особенности медиатекста онлайн-формата. Раскрываются некоторые закономерности функционирования интернет-СМИ, рассматривается создание заголовков как особого вида творческой деятельности журналистов.

Ключевые слова: аудитория, журналистика, заголовок, интернет-СМИ, конвергенция.

TECHNIQUES FOR WRITING HEADLINES AND TEXTS IN WEB JOURNALISM

D. A. Bakeeva
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article is devoted to the trends in the development of online news journalism. The features of the media text of the online format are revealed. Some regularities in the functioning of Internet media are revealed, the creation of headlines is considered as a special type of creative activity of journalists.

Keywords: audience, journalism, headline, online media, convergence.

С каждым днем контента в Сети все больше, конкуренция за внимание читателя усиливается, и убедить человека прочитать тот или иной текст становится все сложнее. Заголовок в современном средстве массовой информации (печатном, электронном) является одним из основных способов привлечения внимания. Читатель находит то, что его интересует, именно по заголовкам. Искусство делать заголовки – одно из важнейших в журналистике. Заголовки должны или информировать, или интриговать. Таким образом, заголовок выступает в роли связующего звена между субъектом (СМИ) и объектом (аудиторией).

«Заголовок – это своего рода вывеска, и чем она красочнее, тем больше гарантии, что материал будет прочитан» [1, с. 3]. Но хороший заголовок должен быть не только ярким, но и выражать содержание материала, который он представляет. По мнению Э. А. Лазаревой, заголовок выполняет свое назначение на трех этапах восприятия текста. На первом, «дотекстовом»,

этапе задача заголовка – привлечь внимание читателя, вызвать интерес. Уровень внимания – это первое приобщение читателя к произведению, когда возникает временный, ситуационный интерес. Именно такое восприятие заглавия до прочтения всего произведения формируется благодаря тому, что реализуется графически-выделительная, номинативная, рекламная функция. При этом основная роль газетного заголовка состоит в том, чтобы привлечь читателя к тексту, побудить его прочитать сообщение, содержащееся в публицистическом материале [3, с. 131].

Во время знакомства с текстом заголовок реализуется в информативной функции (в свернутом виде он способен выражать содержание текста, которое представляет ряд тезисов, связанных друг с другом и уточняющих друг друга). Читатель, воспринимая публикацию, интуитивно соотносит заголовок с тем или иным элементом смысловой схемы текста. Заголовок играет большую роль в формировании эмоционального воздействия на читателя, выполняя оценочно-экспрессивную функцию. Заглавие облегчает восприятие текста, играя большую роль в организации языковых средств. В этом случае заголовок выполняет интегративную функцию. Интеграция (связность) понимается как средство достижения целостности, слитности текста, что позволяет рассматривать его как самостоятельное единство. Заголовок облегчает чтение газетной публикации и тогда, когда он выполняет композиционную (архитектоническую) роль, как бы прогнозируя членение текста на части, его архитектонику.

Особенности заголовков интернет-новостей рассматриваются в работах российских исследователей А. А. Градюшко, А. В. Колесниченко, М. М. Лукиной, А. А. Сергеенко, Л. П. Шестеркиной и ряда других.

Тенденция последних лет к «роботизации» журналистики проявляется в технологизации процесса агрегации новостей и создания простейших текстов. Анализ подборки новостей «Яндекс» позволяет сопоставить сходные заголовки новостных материалов и выявить языковые средства их создания, по-разному интерпретирующие новостной повод и обладающие разным манипулятивным потенциалом. В заголовке интернет-новости воплощается исходная когнитивная модель ситуации. Событие может быть репрезентировано через упоминание его участников, производимых ими действий, объекта действия, отдельных его обстоятельств.

Условно есть две бизнес-модели медиа. Кто-то зарабатывает на скандальном контенте, который аппелирует к примитивным эмоциям, а кто-то – на чем-то более умном и глубоком. У заголовка есть две функции: информационная и тизерная. Информационная – сообщить читателю, о чем идет речь; тизерная – завлечь его внутрь статьи. Если постоянно выполняется только первая функция, читатель узнает всю суть материала из заголовка, не заходит внутрь текста и медиа прогорает из-за низкой посещаемости. Если выполняется только вторая задача и контент внутри статьи стабильно разочаровывает, читатель озлобляется на медиа за манипуляции. Из этого ничего хорошего не выходит. «Хороший заголовок информирует и интригует одновременно. Этот баланс наглядно демонстрирует жанровое кино: мы смотрим боевик или

ромком, прекрасно зная, что будет в конце, но интерес не отпускает нас, потому что мы не знаем, как именно это произойдет» [2].

Если же говорить о новых читателях, то в результатах поискового запроса они видят лишь небольшой кусочек текста с ключевыми словами и заголовок. Ни подводки, объясняющей текст, ни тизера (одно предложение, описывающее текст, которое подтягивается в сниппете соцсети) они не видят. Поэтому заголовок суперважен.

В интернет-журналистике ценность заголовка резко выросла с потребительской точки зрения. В печатных газетах и журналах люди обычно помимо заголовка читали еще лид или анонс. Сейчас все поменялось: лид находится внутри материала, он уже не часть упаковки. То есть лид прочитает только тот, кто уже открыл статью, а для этого у него должна быть достаточная мотивация, которую нужно создать через заголовок.

Почти исчезла школа игры слов, остался консервативный подход. Большинство заголовков даже в очень качественных и больших изданиях стремится отвечать на простые вопросы, которые начинаются с «Как», «Почему» и т. д. Например, у издательского дома «The Village», который на рынке уже больше десяти лет, ориентация именно такая. Тем более для сегмента «лайфстайл». И для новостных материалов, и для лайфхаков, и для лонгридов они стараются делать максимально простые и кликабельные заголовки.

Но Интернет и медиа развиваются, и сейчас, помимо заголовка, нужно всегда думать еще об опенграфе (open graph). Это небольшие картинки, которые подтягиваются в соцсети для ссылок. На наш взгляд, ценность опенграфа при «продаже» материала сейчас даже выше, чем ценность заголовка, потому что опенграф крупнее и сразу бросается в глаза. Туда и помещается гораздо больше, чем в заголовок: до четырех строк. Там можно закладывать даже какую-то небольшую историю, связанную с материалом. При таком раскладе заголовок играет роль, скорее, подзаголовка.

В «The Insider» есть два типа заголовков. Первый – новостной, в котором все очень просто. Нужно максимально сжато передать содержание, чтобы читатель сразу понял, о чем идет речь внутри. Люди часто «расшаривают» новость, не открывая ее, просто исходя из заголовка. Поэтому важно, несет ли заголовок достаточно интересный и законченный месседж, чтобы можно было «расшарить». Есть другая философия, например, как у издания РБК: там считают, что нужно заинтриговать, чтобы человек «кликнул» и открыл. Однако если даже человек «кликнет», он может разочароваться из-за несоответствия заголовка и содержания статьи. А если там есть интрига, он не будет это автоматически ретвитить и «расшаривать», потому что заголовок не содержит завершенный месседж. Расшаривание лучше, чем «клик», потому что это в геометрической прогрессии увеличивает охват материала. Что касается больших текстов, то заголовок обычно состоит из двух частей. Первая – красивая, какая-то игра слов, а вторая – содержательная, отвечающая на вопрос «Как что-то произошло?».

Иногда не самые важные материалы оказываются самыми читаемыми. Например, самым популярным материалом на сайте «The Insider» стал текст

с заголовком «Расследование Das Magazine: как Big Data и пара ученых обеспечили Трампу и Brexit победу». Заголовок максимально прямой. На втором месте по просмотрам идет текст «Анатомия Дмитрия Киселева: что рассказала о телеведущем его взломанная почта». Заголовок банальный и даже первая часть передает смысл: слово «анатомия» подразумевает, что в тексте есть что-то разоблачительное. Сложность с большими текстами часто состоит в том, что в них содержится много мыслей и выделить главную бывает сложно. В таком случае редакция выносит в заголовок то, что сама считает главной идеей. Если читатель из заголовка не понял, о чем пойдет речь в материале, и не «кликнул», – скорее всего, заголовок не передает основную мысль текста, значит, прогадали с содержанием. Как пишет главный редактор «The Insider» Роман Доброхотов: «Мы могли вынести не самую центральную мысль, либо, как часто бывает в сложных текстах, у нас не получилось объяснить суть простыми словами. Мы стараемся делать так, чтобы хотя бы заголовок точно всегда был понятен» [2].

М. И. Шостак в своей статье «Сочиняем заголовок» отмечает: «Сегодня заголовки, как правило, строятся по нетрадиционным для российской прессы моделям. Долгое время господствовавшие принципы, согласно которым заголовки должны быть сжаты и кратки, сменились на противоположные. И вообще наступило время «авторской свободы»: в заголовки пошли цифры, аббревиатуры, имена собственные, разговорные слова и сленг, фрагменты на английском» [5, с. 2]. Рассмотрим, каковы принципы организации заголовка, предложенные исследователем:

– повествовательный заголовок используется для новостей: «Губернатор задаст приоритеты», «Инвалидам пропишут квоты»;

– заголовок-резюме, или комментирующий заголовок. Не редкость резюме с ироничной «оговоркой». Такие составные заголовки создают дополнительные возможности для комментирования текста. Сегодня эти заголовки очень популярны у российской прессы: «Метро докопалось до „Парнаса“; «Диагноз: затмение»;

– заголовок-парадокс. Он пробуждает любопытство, шокирует читателя, а иногда искусственно усиливает значимость сообщения не особенно оперативного, важного: «Город уберут шлангом и „пагонами“», «Таможня играет в карты»;

– имена в заголовке, упоминание участников события усиливает интерес к тексту. Иногда это прямая эксплуатация известного случая с однофамильцами: «Клебанов взялся за цемент», «Геннадий Селезнев махнет налево»;

– эффективен и очень распространен заголовок-цитата, где возможно прямое цитирование;

– игровой заголовок – это перефразировка, игра слов: «Таможня дает добро», «Враг опасен – будь начеку!», «А у нас газопровод! Вот» [4, с. 13].

В заголовках на портале «Городские рейтинги» (cityratings.ru) часто представлены позиции двух сторон конфликта. Такие заголовки длиннее обычных, но и более информативны. К тому же журналист страхует себя от

обвинений в необъективности. Примеры: «Арт-завод в Саранске: миссия по спасению истории и креативной индустрии» (31 января 2022 г.), «Мне становится морально и физически нехорошо, когда я долго не работаю» (интервью с актером фильма «Владивосток» Андреем Грызловым» от 15 декабря 2021 г.), «„Зрительный зал всегда прав“: как Национальному театру удалось стать местом притяжения всех театралов города» (23 ноября 2021 г.). Большинство людей читают только заголовки в новостной ленте. В длинном заголовке можно разместить больше «зацепок», благодаря которым читатель откроет новость.

Распространенным творческим приемом является использование в заголовках ключевых слов «саранчане» и «Саранск», что позволяет приблизить новость к аудитории в географическом и культурном отношении. В этом плане представляют интерес следующие заголовки с сайта stolica-s.su: «Саранчане замерзают не по вине ТЭЦ-2» (26 ноября 2019 г.), «Лед, бык и проза. В Саранске прошел День здоровья» (7 января 2022 г.), «Коренные саранчане» (29 января 2022 г.), «Жительница Саранска потеряла 80 тысяч рублей на ставках» (6 февраля 2022 г.).

При анализе заголовков следует также учитывать, что новости являются товаром и составление текста во многом осуществляется с учетом законов спроса и предложения. Редакторы новостей на «периферийных» интернет-ресурсах сталкиваются с необходимостью использовать в заголовках ключевые для поисковой выдачи слова, но при этом добиваться максимально возможной уникальности текста. Важно, что все большее распространение в интернет-ресурсах приобретает такая подача новостей, при которой на главной странице виден только заголовок, к самому тексту новости нужно сознательно перейти по гиперссылке (в то время как в печатных СМИ основной текст неизбежно попадает в поле зрения читателя).

Библиографический список

1. Бессонов А. С. Газетный заголовок. – Л. : Лениздат, 1958. – 62 с.

2. Как написать хороший заголовок. Гид для редакторов [Электронный ресурс]. – URL: https://journal.bookmate.com/kak-napisat-horoshij-zagolovok-gid-dlya-redaktorov/ (дата обращения: 10.09.2021).

3. Лазарева Э. А. Газетный заголовок и текст: композиционные ресурсы выразительности / Э. А. Лазарева, И. В. Писарева // Эффективность прессы: вопросы методологии, теории и практики. – Свердловск : Изд-во УрГПУ, 1989. – С. 131–138.

4. Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.). – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 382 с.

5. Шостак М. А. Сочиняем заголовок // Журналист. – 1998. – № 3. – С. 2.

© Бакеева Д. А., 2022.

УДК 070.015

РОЛЬ БЛОГОСФЕРЫ КАК СРЕДСТВА ПРЕЗЕНТАЦИИ КОЛЛЕКТИВНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Д. Канхуш,
магистрант
jalalkanhoush@yahoo.com
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы происхождения понятия «блог» и особенности развития блогосферы, приводятся некоторые определения данного понятия согласно различным авторам. Кроме того, в статье описывается существование блогосферы в обществе в целом и показывается ее роль в качестве средства презентации коллективного самосознания в частности, а также определяется ее влияние на сознание социума.

Ключевые слова: социальная коммуникация, блогинг, блогосфера, блоггер, общественное мнение, коллективное самосознание.

THE ROLE OF THE BLOGOSPHERE AS A MEANS OF PRESENTATION COLLECTIVE CONSCIOUSNESS

J. Kanhoush
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. This article discusses the main stages of the concept’s origin of "blog" and the features of the blogosphere’s development, provides some definitions of this concept according to various authors. In addition, the role of the blogosphere in society is revealed as a whole and shows its role as a means of presenting collective self-consciousness in particular, and also determines its influence on the consciousness of society is also determined.

Key words: social communication, blogging, blogosphere, blogger, public opinion, collective self-awareness.

В современном мире все большее значение отводится блогосфере, занимающей значительное место в медиапространстве. Это обусловлено как значительным ростом количества блогов, так и разнообразием их содержания, востребованностью среди большой аудитории, проявлением к ним значительного интереса как к ресурсу, с помощью которого можно конструировать новую реальность и решать различного рода проблемы профессионально-направленного характера и общественного.

Кроме того, возрастает роль блогеров в различных сферах жизни, да и в целом по всей стране. Так, их способность к самоорганизации позволяет оперативно, в случае необходимости, решать социально значимые вопросы, формировать вектор общественного самосознания.

Важно отметить, что в силу комплексности данного вопроса ряд авторов отдают предпочтение анализу специфики проявления проблематики только в контексте какой-то определенной страны, причем преимущественно США или странам Европы. Однако глобальная сеть Интернет стирает любые границы между трансляторами информации и их аудиторией, следовательно, особую значимость приобретает изучение процессов «коллективного воздействия» на самосознание. Также одним из средств социального общения является блогинг, служащий разновидностью интернет-коммуникации.

Большое внимание исследователей уделяется влиянию блогосферы на средства массовой информации и политику в западных демократиях. Например, Центр Беркмана по Интернету и обществу (Berkman center) при Гарвардском университете провел обширное исследование, посвященное влиянию Интернета на российскую политику, СМИ и общество. Исследование указывает на значительный потенциал российской блогосферы, пространства, в основном свободного от государственного контроля, для создания альтернативной политической публичной сферы.

Таким образом, на сегодняшний день абсолютно во все сферы деятельности человека внедряются новые технологии общения, даже представители крупнейших политических, религиозных, культурных объединений проявляют интерес к блогам.

1. Особенности развития блогосферы.

На сегодняшний день, в век глобализации, во всем мире и в частности в России широкое распространение получил Интернет, который является доступным, оперативным, наиболее полным источником информации, а также средством массовой коммуникации. Стоит подчеркнуть, что посредством Интернета можно не только получать необходимую информацию, но и взаимодействовать с людьми, которые находятся на большом расстоянии. Так, Интернет позволяет людям контактировать, даже несмотря на то, что они находятся в разных странах, на разных континентах, так как общение может быть как онлайн (т. е. в реальном времени), так и оффлайн.

Интернет-коммуникации – методы общения, с помощью которых передача информации осуществляется по каналам Интернета с использованием стандартных протоколов представления и обмена информации.

В современном обществе есть разнообразные виды интернет-коммуникаций, мы остановимся более подробно именно на блогинге. Блогинг – это процесс ведения блогов и их непрерывного обновления. Блог – некий электронный журнал (онлайн-дневник) отдельного человека, организации или же сообщества, который регулярно обновляется, соответственно автора блога называют «блогером».

Важно подчеркнуть, что еще в далеком 1997 году, Джон Бергер использовал первым слово «weblog» («сетевой журнал»), которое было образо-

вано от фразы «logging the web», что означало «веду дневник в Сети», а уже в 1999 году Питер Мерхольц слово «weblog» разделил на фразу «we blog» («мы ведем блог»). Так, слово «blog» (блог) быстро распространилось и закрепилось в Сети [3].

Однако стоит отметить, что первым блогом считается страница Тима Бернерса-Ли, которую он вел в 1992 году, публикуя различные новости, а более широкое распространение блоги получили с 1996 года. Так, уже в августе 1999 года компания Pyra Labs из Сан-Франциско открыла сайт Blogger.com, который стал первой и единственной бесплатной блоговой службой [8]. В то время ведение блога отнимало много времени и требовало хорошего рабочего понимания кодирования HTML. Отсутствие опыта в технических вопросах является препятствием для развития этой области. Особенности, которые отличают блоги от других типов веб-сайтов, – это динамизм, обратный хронологический порядок и явное использование первого лица. Первоначально это была небольшая группа интернет-пользователей, которые начали часто обновлять свои личные веб-страницы и поэтому создали формат записи веб-страниц, который очень напоминал формат блога.

Анализируя статистику ведения персональных интернет-дневников можно отметить, что, если в 1999 году их ущественовало не более 50, но к началу 2006 года их насчитывалось уже не менее 27,2 млн. Можно сделать вывод, что популярность блогов связана со стремлением человека к самовыражению, формированию определенного круга общения и круга источников информации [4].

Проанализировав рассуждения А. Горных и А. Усмановой, можно согласиться с тем, что они рассматривают блогинг как постмодернистскую историческую форму дневника, свидетельствующую о появлении новой субъективности, в которой топология «публичное – частное» вывернута наизнанку: публичность начинает прорастать изнутри частной жизни.

С другой стороны идея «публичной сферы» является центральной теоретической основой данного исследования. Это было широко признано теоретиками демократии как обязательный компонент сильной демократии. Эта концепция была развита Ю. Хабермас (1989) в его работе «Структурная трансформация публичной сферы», в которой он очень подробно обрисовал историческое формирование буржуазной публичной сферы. Развитие капиталистических рынков, пришедших на смену феодальным системам, и трансформация политических институтов, сопровождавшаяся распадом абсолютистских государств, породили новый вид гласности, сосредоточенный на независимых индивидах. В самых общих чертах, публичная сфера определяется как коммуникативное пространство, где члены гражданского общества собираются вместе, чтобы обсудить вопросы, представляющие общий интерес, с целью формирования общественного мнения посредством критического мышления. На практике это проявилось в Англии, Франции и Германии в различных общественных местах, таких как кофейни и салоны, где люди собирались для обсуждения общественных вопросов.

Хабермас выделил три основных условия существования публичной сферы. Во-первых, пренебрежение статусом его членов, означавшее, что все должны были выглядеть в дебатах равными, независимо от различий в их социальном, экономическом или политическом статусе. Второе условие заключалось в том, что темы, обсуждаемые в публичной сфере, должны относиться к сфере общественного интереса. Участники обсуждали вопросы, представляющие общий интерес, в отличие от частных интересов элитных групп. Наконец, публичная сфера должна быть инклюзивной и открытой для различных социальных групп и мнений без каких-либо ограничений на доступ к дебатам.

Таким образом, сегодня блоги являются важным элементом развития публичной сферы, которая, как считает Ю. Хабермас, объединяет граждан вне зависимости от их социально-экономического статуса для критического обсуждения общезначимых вопросов, а также является посредником между государством и обществом. Однако помимо этого блогосферу можно понимать как разновидность дневника. При этом авторы данного дневника рассматривают в своих «постах» определенно значимые общественные проблемы либо же выставляют на публику различные моменты из своей личной жизни.

2. Блогосфера как средство презентации коллективного самосознания.

Несмотря на, а может быть, и из-за постоянных споров, которые окружают нормативную концепцию публичной сферы, эта идея приобрела новую актуальность с распространением онлайн-коммуникации, особенно благодаря блогам. Феномен ведения блогов возник в середине 90-х годов, и с тех пор количество блогов в Интернете значительно выросло. Спор вращается вокруг вопроса о том, может ли блогосфера – объединенное в Сеть объединение блогов – усилить демократическое представительство граждан и углубить их участие в политическом дискурсе.

Платформы для ведения блогов, такие как Live Journal и Word Press, предоставляли чрезвычайно простые инструменты онлайн-публикации и устраняли необходимость в кодировании HTML, что спровоцировало рост сообщества блоггеров. В контексте многих исследований особый интерес представляют блоги политиков, когда обычные граждане занимаются ведением блогов, чтобы передавать сообщения, имеющие политическое и социальное значение.

На сегодняшний день блогинг является массовой социальной коммуникацией, потому как является социально-ориентированным общением, но не для какого-то определенного индивида, а для социальных групп, для большой аудитории. Так, аудитория – объединение людей, вне зависимости от возраста, каких-либо социальных, образовательных, профессиональных или иных критериев. Чаще всего аудитория остается анонимной, в связи с тем, что невозможно угадать ее численность и из кого она состоит.

Говоря о природе того, что люди знают или даже не знают о реальности, Н. Луман заметил, что «то, что мы знаем о стратосфере, совпадает с тем, что Платон знает об Атлантиде: мы слышали об этом» [10]. Точно так же в

мире событий и новостных репортажей об этих событиях очень мало что аудитория знает о них до того, пока не прочитает, увидит или услышит в репортаже СМИ. Большинство событий происходит в отдаленных местах, а не в непосредственной близости от людей. Таким образом, средства массовой информации в значительной степени будут определять, что люди знают о реальности.

Хотя блогинг возник как массовое явление, тесно связанное с альтернативной журналистикой и социальными движениями, он постепенно стал использоваться различными способами, выходящими за рамки гражданских СМИ. По словам Гардена, блоги «стали мейнстримом» [9].

Удобный формат блогов, который позволяет легко публиковать и беспрепятственно общаться с аудиторией, быстро набирает популярность и теперь появляется во множестве воплощений. Помимо массовых блогов, которые пишут обычные люди, существуют организационные блоги – иногда называемые корпоративными блогами – которые служат в качестве каналов связи между компаниями и людьми, а также блоги политиков, которые хотят представить себя своей публике и потенциальным избирателям. Многие блоги, которые начинались как массовые новостные инициативы, приобрели организационные особенности за счет принятия политик, найма сотрудников и погони за доходами. Традиционные средства массовой информации, такие как «New York Times» и «The Economist» и многие другие, содержат каталоги блогов на своих веб-сайтах, и это еще больше стирает границу между профессиональными и гражданскими СМИ.

Итак, если рассматривать блогинг с точки зрения влияния на общество, можно выделить следующие аспекты, которые он охватывает в повседневной жизни [7]:

- формирование гражданской ответственности общества;
- создание определенных представлений о мире, понятиях, ценностях;
- применение коммуникативных стратегий в решении общественных проблем;
- освещение публичных коммуникаций политиков, общественных деятелей.

Так, блогосфера формирует настроения, а также позволяет анализировать мнения различных блогеров в рамках абсолютно всех сфер жизнедеятельности общества, помимо этого позволяет рекламировать определенные взгляды, идеи, символы.

В настоящее время блогосфера остается весьма важной частью масс медиа, дополняет, а порой и вытесняет традиционные СМИ. При помощи блогов каждый индивид обладает возможностью стать знаменитым, а также все больше людей получают информацию непосредственно из блогов, что позволяет каждому найти свой канал, благодаря разнообразию контента.

Таким образом, в век глобализации блогосфера продолжает стремительно развиваться и расти, при этом оказывая существенное влияние на жизнь человека, а блоги становятся частью современной культуры.

В условиях современного общества блоги продолжают свое развитие как универсальное средство коммуникации, которое ученые называют «народной журналистикой» наряду с форумами и другими ресурсами сети Интернет [6]. Стоит подчеркнуть, что блоги постепенно разрушают монополию СМИ на освещение каких-либо событий. Более того, общественные организации, даже официальные лица, не говоря уже о традиционных СМИ, все чаще ссылаются на ресурсы блогосферы как источники информации. Соответственно, блог рассматривается как инструмент развития новых форм социального взаимодействия.

Блог является средством массовой коммуникации, за счет использования которого можно обогатить коммуникацию, расширить ее пространство, придав наиболее социально ответственный, оперативный, многосторонний, интерактивный характер, повысить чувствительность к запросам аудитории, социальную значимость [1]. Так блогокоммуникация позволяет достигать более эффективного решения каких-либо задач, поставленных автором или аудиторией целей, превращая их в «коллективное самосознание».

Рассматривая блог с точки зрения коммуникативного объекта, можно выделить признаки и функции, а также его типологические признаки и характеристики:

- в области надличностной мотивации – фактической, организационной, эмотивной, информационной, референтивной;
- в области личностной мотивации – коммуникативной, развлекательной, мемуарной, саморазвивающейся, рефлексивной, регулятивной, оценочной, психотерапевтической.

Говоря о положительном влиянии при взаимодействии СМИ и блогов, можно проследить сближение потенциального читателя и журналиста. С помощью блогов стало возможно быстро отследить реакцию аудитории на новый материал, оценить общественное мнение. Не удивительно, что именно для того, чтобы расширить аудиторию, для большего взаимодействия с ней, СМИ заводят свои блоги.

Также блоги выступают в качестве так называемого общественного контроля над деятельностью СМИ. Блогеры молниеносно реагируют на преувеличение или преуменьшение значимости определенных событий, на их игнорирование [5].

Необходимо отметить, что сегодня интенсивно идет процесс формирования глобального мышления, участниками которого являются блоги как одни из разновидностей новейших медиа. Возрастает влияние на социум блогов и их роль в современном обществе. По мнению различных исследователей, блоги являются новейшим комплексным средством освоения человеком окружающего мира в его интеллектуальных, психологических, социальных, коммуникативных аспектах.

Таким образом, изучение блогосферы служит очень удачным способом для исследования реакций на события, в том числе на появление новых цен-

ностей, товаров, интересов населения в возрастной стратификации, отношения к разным сторонам жизни общества, а также способствует изменению мнений. Участие в блогосфере помогает людям найти что-то важное для них, то, что ценно конкретно человеку, то, что необходимо для обретения смысла и целей, то, что позволит определить свое место в настоящем мире.

Настоящее исследование рассматривает медиапрактику сообщества блогеров с нескольких точек зрения, чтобы изучить, как массовая блогосфера выполняет медиафункции, обычно выполняемые профессиональными СМИ. Сообщество блогеров стало ярким примером того, как различные функции сочетаются друг с другом и как становится все труднее разделять сферы производства и распространения информации и обсуждения. Преднамеренно или нет, но кажется, что блогеры преследуют разные цели одновременно, когда они размещают контент в Интернете: они хотят не только информировать своих читателей, но также и распространять информацию, мобилизовать гражданские действия, а также обдумывать свои тактики и стратегии.

Блогосфера является важной площадкой для общественного обсуждения. На практике это позволяет людям участвовать в политических дискуссиях как в качестве авторов-блогов, так и в качестве читателей посредством комментариев. Тем не менее они облегчают общение и распространяют знания в более общем плане в пространстве и времени и делают их «массово распределенными, но полностью связанными». При очень небольшой фильтрации информации в массовой блогосфере почти все может быть размещено в Сети без значительных ограничений.

По словам Вайнбергера, «ссылки из каждого блога и комментаторы, которые отвечают на каждый блог, отражают глобальный диалог людей с разным опытом и предположениями, но с общими интересами» [1]. Блогосфера также требует мотивированного и заинтересованного читателя, подготовленного к поиску знаний, поскольку ценная информация может быть скрыта за огромным объемом веб-контента.

Иногда блогеры выполняют роль политических сторожевых псов. Они могут проводить свои собственные расследования для выявления политических правонарушений. Более того, они могут заниматься, казалось бы, приземленными проблемами, которые на самом деле важны для людей и влияют на их повседневную жизнь.

Как выяснили Боде и Макарычев (Bode&Macarchew), российские блогеры меньше интересовались обсуждением абстрактных идеологических вопросов и вместо этого сосредоточили свое внимание «на реальных проблемах граждан: коррупции, плохих улицах, загрязнении окружающей среды или нарушениях закона» [2].

В этом смысле блогеры существенно отличаются от профессиональных репортеров и комментаторов, поскольку они ведут свою работу со СМИ как активисты, а не профессионалы. Отсутствие оплаты за их деятельность под-

черкивает их искреннюю заботу о государственных делах, ради которых они готовы добровольно посвящать свое время и навыки.

Также необходимо сказать, что форма блога способна дать возможность фиксировать различные события и мысли, комментировать любые высказывания других людей, блогосфера становится частью любого сообщества. С помощью блогов люди приобретают возможность высказывать свое мнение, вступать в диалог с автором блога. Блоги являются посредником между обществом и государством и объединяют граждан вне зависимости от их социально-экономического статуса для обсуждения общезначимых вопросов.

Именно блогосфера сегодня может оказать влияние на сознание социума, управлять и манипулировать им, блогосфера формирует, конструирует социально-политическую реальность, а также способствует развитию гражданского участия. Также наибольшему воздействию блогосферы подвергается язык, создается компьютерный сленг, в то время как развитие языка происходит под влиянием тенденции деформации и возникновения новых форм. Так блогосфера оказывает существенное влияние на коллективное самосознание.

Библиографический список

1. Алексеева А. О. Новые интерактивные медиа в контексте теорий информационного общества : дис. … канд. филол. наук. – М., 2006. – 147 с.

2. Бакулев Т. П. Новые медиа: теория и практика. – М., 2008, 115 с.

3. Богданова Д. Блоги в системе сетевых коммуникаций // Релга. – 2015. – 28 с.

4. Вартанова Е. Л. Медиаэкономика в информационном обществе // Информационное общество. – 2001. – Вып. 1. – 23 с.

5. Кожемякин Е. А. Новые медиа как предмет дискурс-анализа // Журналистика и медиаобразование. – Белгород : БелГУ, 2010. – 362 с.

6. Кульминская А. В. Блог-сообщества как социальный феномен и инструмент формирования общественного мнения // Актуальные проблемы социологии культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием памяти профессора В. Т. Шапко. – Екатеринбург, 2012. – 538 с.

7. Максимова Т. О. Блог в интернет-коммуникации: структура, функции, литературный потенциал // Вестник Череповецкого Государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 124.

8. Родионова Л. Д. Блоги в Интернете. – СПб., 2007. – 141 с.

9. Таранова Ю. В. Традиционные и новые медиа в региональном имиджмейкинге в информационном сетевом обществе // Известия Алтайского государственного университета. – Вып. № 4/1. Политология. – 2010. – С. 309.

10. Luhmann N. Reality of Mass Media. – Stanford, CA : Stanford University Press, 2000. – P. 1.

© Канхуш Д., 2022.

УДК 070:316.472.4

ФЕНОМЕН «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

А. Г. Костина,
студентка
anastasiakostina2001@icloud.com
Д. Н. Кирдяева,
студентка
kirdyaevadi@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье анализируется важный этап развития социального контроля – «культура отмены» (cancel culture); прослеживается быстрая и положительная динамика развития института репутации в России: убедительно доказывается положение о том, что с развитием информационных технологий в современное общество стала активно внедряться власть социальных сетей.

Ключевые слова: «культура отмены», институт репутации, медиа пространство, цифровые технологии, канселинг, социальные сети, кибербуллинг.

THE PHENOMENON OF "CANCELLATION CULTURE" IN THE MODERN MEDIASPACE

A. G. Kostina, D. N. Kirdyaeva
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article analyzes an important stage in the development of social control – the "culture of cancellation" (cancel culture); the rapid and positive dynamics of the development of the institute of reputation in Russia is traced: the position is convincingly proved that with the development of information technologies, the power of social networks began to be actively introduced into modern society.

Keywords: cancel culture, reputation institute, media space, digital technologies, consulting, social networks, cyberbullying.

В современном российском обществе за последние годы наглядно наблюдается положительная динамика развития института репутации. Прежде общество не придавало этому явлению практически никакой значимости, но сейчас оно подвергается наиболее тщательному рассмотрению и интересу со стороны общества. «На сегодняшний день институтом репутации призна-

ются нормы и правила, помогающие выстроить приемлемую репутацию и формальные или неформальные законы, которые эту репутацию могут восстановить, если кто-то сказал или сделал то, что вызвало негативную реакцию общественности» [2, с. 585].

Феномен cancel culture, или, в дословном переводе, «культура отмены», активно продвигается в англоязычных странах довольно давно, но в России о его сути стали узнавать только в апреле 2020 года. Когда телеведущая Регина Тодоренко дала интервью изданию PeopleTalk и резко высказалась на тему виктимблейминга (от английского victim blaming – «обвинение жертвы»), что вызвало неоднозначную реакцию общественности. В России это стало первым актом «культуры отмены» – публичного бойкотирования человека (и его деятельности), транслирующего оскорбительные и дискриминационные взгляды. Под термином «культура отмены» (cancel culture) прячется явление социального порицания за «правонарушения» общественного характера, как правило, ненаказуемые по закону, однако неприемлемое для соответствующего общества. Чаще всего это некорректные высказывания – оскорбительные, ненавистнические и тому подобные. «Наказание» за это может принимать самые разные формы – от всем известного бойкота вплоть до массового возмущения в социальных сетях и общественных санкций.

Колумнист «The New York Times» Росс Доутат считает, что данный феномен тесно связан с понятиями «репутация» и «трудоустройство». Действенной «культуру отмены» можно считать только тогда, когда аудитория требует увольнения, лишения званий и наград, разрыва рекламных контрактов человека, чье поведение показалось оскорбительным. Только в таком случае удается заставить обидчика забрать свои слова назад и принести извинения пострадавшей стороне.

Явление канселинга в первую очередь ассоциируется с представителями поколения Z и миллениалов, несмотря на то, что социологических исследований на эту тему на данный промежуток времени проведено не было. Именно для этого процента общества отмена становится одним из способов борьбы против укоренившихся дискриминационных мифов и стереотипов, которые навязаны старшим поколением. Сторонники данного процесса считают, что даже консервативное воспитание не может являться оправданием для нежелания человека менять свои оскорбительные и дискриминирующие взгляды. «Очевидно, что большое влияние на практику «культуры отмены» оказали технологии “троллинга”, “кибербуллинга”, вирусных коммуникаций и “хейтинга”» [3, с. 254]. Как правило, «культура отмены» распространяется в первую очередь на инфлюэнсеров и знаменитостей, потому что их род деятельности и заработок напрямую связан со вниманием аудитории и медиапространством. «Cancel cultura возможна как результат информационной революции медиапространства, где современное информационное пространство формируют социальные сети, где они стали необходимым элементом, который пронизывает все сферы жизни современного человека» [1, с. 20–21]. По мнению профессора Калифорнийского университета в Санта-Барбаре Анны Хадли, канселинг – это коллективный способ сказать: «Мы повысили

твой социальный статус и доходы, но теперь отказываемся уделять тебе прежнее внимание». Поэтому распространение «культуры отмены» на политиков и бизнесменов гораздо более длительный и сложный процесс.

Само явление «культуры отмены» зародилось среди темнокожих людей, которые боролись за свои гражданские права во времена бойкотов 1950–1960-х годов. Например, в 1955 году темнокожие американцы отказались от поездок на общественном транспорте в знак протеста против сегрегации. А в 1963 году в рамках Бирмингемской кампании протестанты бойкотировали заведения, которые нанимали только светлокожих работников. Позднее данное явления стало отражаться в кинематографе (популярный боевик 1991 года «Нью-Джек-Сити»). В 2015 году понятие «культура отмены» стало широко использоваться в «Черном твиттере» – так называли публикации в социальной сети с хештегами, которые поднимают социальные проблемы темнокожих: #BlackLivesMatter – против полицейской жестокости во время убийства темнокожего Майка Брауна, #YouOKSis – против харассмента на улицах, #IAmJada – в знак солидарности с жертвами сексуального насилия.

«Культура отмены» – относительно новое явление в обществе. Неосторожные высказывания в Интернете, неподобающее поведение могут привести к тому, что звезда подвергнется канселлингу, т. е. подвергнется общественному порицанию. Ниже представлены звезды и ситуации, которые публика решила «отменить».

Журналист Дэнни Бейкер

Журналист BBC Дэнни Бейкер часто публиковал фотографии обезьянок, похожие на какой-нибудь популярный снимок недели. Просто потому, что Дэнни любит обезьянок и считает их более милыми, чем котики. Обезьянками он иллюстрировал всех звезд, политиков и спортсменов: политик в строительной каске – обезьянка в каске, актриса на велосипеде – мартышка на велосипеде, никто не обижался. Но когда маленькая обезьянка у Дэнни проиллюстрировала первый вынос к публике сына принца Гарри и Меган Маркл, то публика зашлась в истерике, потому что, считали – раз этот ребенок на четверть чернокожий, сравнивать его с обезьянкой – это расизм.

Журналист не подумал о том, что пост может вызвать такую реакцию. Дэнни Бейкер уволили из BBC через четыре часа, и никакие его попытки извиниться и прояснить ситуацию не были приняты во внимание.

Кевин Харт

Комик должен был вести премию «Оскар», но в Сети обнаружили его нелицеприятные высказывания об ЛГБТ-сообществе. Позже посты были удалены, но скандал вокруг Харта не утихал еще долго. В итоге артист отказался от роли ведущего на кинопремии и принес свои извинения.

Харви Вайнштейн

Множество актрис обвинили продюсера в сексуальных домогательствах и изнасиловании. После обвинений карьера Вайнштейна пошла под откос. За этим последовали развод и проблемы со здоровьем (операция на спине, ухудшение зрения).

5 октября 2017 года американская газета «The New York Times» в своем материале обвинила известного продюсера в многочисленных сексуальных домогательствах. По словам женщин, он предлагал им успешную карьеру в обмен на интимные отношения.

24 февраля 2020 года присяжные суда в Нью-Йорке признали Вайнштейна виновным. Он приговорен к 23 годам тюремного заключения.

Шоу «Victoria's Secret»

Директор по маркетингу Victoria's Secret Эд Разек заявил в интервью «Vogue», что вряд ли трансгендерные люди когда-либо смогут принять участие в шоу, а в показах моделей плюс-сайз нет выгоды. После премьерного показа бренда нижнего белья Savage x Fenty от Рианны, который имел оглушительный успех благодаря инклюзивному подходу к выбору моделей, заявления Разека звучали оскорбительными и устаревшими. Рейтинги показов Victoria's Secret с идеальными моделями-ангелами к тому времени и так постепенно падали, а после скандала даже извинения не спасли шоу от закрытия.

Пока в российских социальных сетях термин «канселлинг» использован только в случае с Региной Тодоренко. Звезда проекта «Орел и решка» в одном из интервью заявила – женщины сами виноваты в том, что становятся жертвами домашнего насилия. Пользователи Сети моментально раскритиковали позицию Регины.

Журнал «Glamour» лишил ее звания «Женщина года», бренд «Pampers» и компания «PepsiCo» объявили о прекращении сотрудничества. Позже Тодоренко принесла извинения, сняла документальный фильм про насилие и пожертвовала центру «Насилию.нет» два миллиона рублей.

Есть и другие примеры, когда из-за недопустимого поведения инфлюэнсеров и общественного возмущения от них отказывались рекламодатели. Например, «Яндекс.Лавка», «Mars», «Магнит» и «Unilever Russia» прекратили сотрудничество с ютьюб-шоу «Comment Out» после оскорбительных шуток о Беларуси и протестах в Хабаровске. А «Lay's» удалил рекламу чипсов, в которой снялся гомофобный блогер Володя XXL. Ранее он заявлял, что «расстрелял бы» всех гомосексуалов.

Основной целью культуры отмены стала возможность повлиять на инфлюэнсеров и привлечь их к ответственности, в том числе и материальной, за свои слова и поступки. Компании тоже должны следить за своей репутацией и информационными партнерами, ведь теперь покупателям стали важны их ценности. Иногда личность инфлюэнсера начинает вредить его собственной компании. У инфлюэнсеров больше нет права на ошибку, они должны всегда следить за всем своим контентом и проверять его актуальность. Если хотя бы один старый пост или реплика возмутит аудиторию, начнется травля, посыпятся оскорбления. Однако все это ставит под сомнение саму цель «культуры отмены» – сделать Интернет более добрым и справедливым.

Библиографический список

1. Дашинимаев Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2021. – Вып. 1. – С. 19–24.
2. Киселева А. Э. Cancel culture и институт репутации в России / А. Э. Киселева, А. В. Муромская // Молодой ученый. – 2020. – № 48 (338). – С. 585–588.
3. Коммуникативные агрессии XXI века / под ред. В. А. Сидорова. – СПб. : Алетейя, 2019. – 254 с.

© Костина А. Г., Кирдяева Д. Н., 2022.

УДК 316.776:070

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА В ПЕРЕДАЧЕ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СМИ

Д. В. Кулик,
магистрант
culik.denis2017@yandex.ru
Е. М. Пыреськина,
канд. филол. наук, доцент
pireskina.elena@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются этимология понятий «дискурс», «публицистический дискурс», их отражение и использование в средствах массовой информации при передаче аудитории связного текста в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами.

Ключевые слова: публицистический дискурс, связный текст, средства массовой информации, жанр, публицистический стиль, деятельность журналиста.

JOURNALISTIC DISCOURSE AS A LINGUISTIC UNIT IN THE TRANSMISSION OF TEXTUAL INFORMATION IN THE MEDIA

D. V. Kulik, E. M. Pyreskina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines the etymology of the concepts of "discourse", "journalistic discourse", their reflection and application in the media, when a coherent text is transmitted to the audience in combination with extralinguistic, pragmatic, socio-cultural, psychological and other factors.

Keywords: journalistic discourse, text, mass media, genre, journalistic style, journalist activity.

Средства массовой информации (периодическая печать, ТВ, радио, сетевые издания), предназначенные для неограниченного круга лиц, работая над новостью, пытаются ее доносить до аудитории через печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы, оформленные в разных жанрах журналистики. К СМИ также применимо и понятие «дискурс», находящее отражение в гуманитарном пространстве, где прямо или опосредованно предполагается изучение функционирования языка. Рассматриваемый термин подразумевает под собой «движение», «круговорот», «беседу», «разговор». Его определяют и как «сложное высказывание», находящее отражение в публицистике, когда следует обозначить или решить важную для общества проблему. Он отражается в сложном круговороте контекстов – социальном, культурном, политическом, историческом и других.

В современной лингвистической науке выделяется и другой термин – «публицистический дискурс», под которым понимается социальная значимость публицистики и СМИ, когда аудитория получает информацию о том, что происходит в мире, формируется оценка событий, открывается возможность управления общественным мнением. Исходя из этого, можем утверждать, что под данным термином подразумевается связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах их сознания. Если быть более точными – «речь, погруженная в жизнь» [1, с. 136], что подразумевает сложное коммуникативное явление, включающее в себя текст и экстралингвистические факторы [3, с. 11].

Публицистический стиль применяется в разных сферах социума. Благодаря некоторым его особенностям освещаются вопросы политики, идеологии, философии, экономики, культуры, спорта, повседневного быта. Ему присущи две основные функции: информативная и воздействующая, – связанные между собой коммуникативной направленностью: передать информацию о фактах и авторском мнении о них. Публицистические тексты обращены к массовому читателю или слушателю, а характер адресата, наряду с другими факторами экстралингвистической стороны, создает специфику общения на публицистическом уровне.

Главные задачи публицистического стиля – сообщение новостей и их комментирование, оценка фактов и событий. Читателя необходимо проинформировать и соответственно, определенным образом на него воздействовать. Публицистический стиль формирует собственную устойчивую характерную публицистическую лексику и фразеологию, определяет в соответствии с общим функционально-стилевым принципом совокупность наиболее частотных грамматических средств (морфология и синтаксис). Эти черты

проявляются в большей или меньшей степени в каждом из жанров публицистического стиля.

В материалах СМИ дискурсивная деятельность имеет свою специфику. Так, например, в письменной коммуникации стороны не вступают в непосредственный контакт, а результатом коммуникативного действия журналиста является письменный дискурс – текст. В печатном варианте работы мы можем проследить неконтактный дискурс, но если адресат отреагирует на нее, то первоначальная коммуникативная ситуация несомненно изменится.

Следующая особенность – специфика коммуникантов. В отличие от контактного устного дискурса, в письменном дискурсе на месте реципиента оказывается огромная аудитория. Создавая его, автор использует особые речевые высказывания, стараясь достичь эффекта, рассчитанного на адресата. Наполняя речевые высказывания чисто языковыми средствами, репортер учитывает и экстралингвистическую сторону, например, визуальные образы. Для печатных СМИ это особенно важно, так как журналист должен добиться в работе эффекта присутствия.

В процессе дискурсивной деятельности журналист должен не только стараться передать информацию, но и стремиться оказать влияние на аудиторию, чтобы прослеживалась познавательная сторона. Однако иногда наблюдается, что читатели, зрители, слушатели не понимают смысла тех или иных понятий, не могут хорошо запомнить сюжетную линию представленного материала.

Например, публикация с заголовочным комплексом «Спасатели из-за непогоды перенесли спуск тел погибших на Эльбрусе» [2] малоинформативная, без лида, с неоднократным повторением одних и тех же деталей и без должного вывода. Анализируя публикацию, можем отметить, что информативный материал относится как к текстам со сложным высказыванием, так и к заметке на злобу дня.

Для создания и выполнения условий успешности письменного дискурса журналистам помогают максимы коммуникативного сотрудничества (правила речевого поведения, которым должны следовать собеседники для достижения взаимопонимания в процессе коммуникации):

– максима количества информации (сообщать не больше и не меньше, чем требуется на данной стадии развития коммуникативного процесса);

– максима качества информации (сообщать только то, что истинно или что подтверждается);

– максима отношения (сообщаемое должно иметь отношение к обсуждаемой теме);

– максима способа (высказывание должно быть ясным и кратким по форме) [4], что в журналистской деятельности является одним из важных составляющих, способствующих быстрому восприятию информации аудиторией: «„Смелый журналист“, „спорная премия“ и „Иудины сребреники“» [6].

В рамках одного письменного дискурса встречаются разные речевые формы, текстообразующие стратегии или модальности. Какой тип и какая речевая его форма будут превалировать в конкретном тексте, зависит от мно-

гих факторов: типа издания, личных пристрастий журналиста, темы материала, характеристики читательской аудитории и инициатора текста. Всегда должны быть отмечены две характеристики информационных СМИ – объективность и субъективность [5].

Публицистику можно рассматривать как сложный жанр речевого высказывания, складывающийся по мере развития организованного культурного общения, обладающий устойчивыми характеристиками, к которым относятся: тематическое содержание, стиль, композиция, целевая установка [3].

Публицистичность порождает особый тип убедительности. Публицистический дискурс исключает многообразие интерпретаций, предполагая единственное истолкование сообщения адресатом. В его структуре единая знаковая система отсутствует. Публицист учитывает «все то, с чем так или иначе знаком адресат и та социальная группа, которой он принадлежит, системы его психологических ожиданий, все его интеллектуальные навыки, жизненный опыт, нравственные принципы» [8].

Канал распространения публицистического произведения оценивается исследователями как особый публицистический метатекст, когда материал выступает не отдельно, не сам по себе, а «в политическом концепте СМИ», являясь частью страницы, номера, выпуска, программы, передачи, решая вместе с другими материалами общие задачи [8]. Ярким примером может послужить публикация в «РИА Новости» с заголовочным комплексом «„Они готовятся к войне“. Что началось в Южно-Китайском море» [7].

Публицистическая речь эмоционально-личностная, в ней образ автора совпадает с производителем речи, создает особый строй по степени выражения в нем авторского «я», определяет общую стилистическую тональность журналистских материалов, своеобразие и отбор лексико-грамматических средств. Ярким примером может послужить публикация из издания «ТАСС» с заголовочным комплексом «В Москве действует специализированная сосудистая сеть для помощи кардиопациентам» [9].

Таким образом, каждая из разновидностей репортажа, подчиняясь определенной форме образа автора, обусловливает направление отбора лексико-грамматических средств публицистического, аналитического характера.

Оригинальна форма образа автора и в других жанрах, где он лишен конкретно-индивидуальных, личностных черт и форм. Однако при оценке газетного текста следует обращать внимание не только на образ автора, но и на способы речевой организации жанра, что обуславливает отбор языковых средств, общую стилистическую тональность газетных публикаций.

Резюмируя вышесказанное, можем утверждать, что организацию языковых средств публицистического стиля (публицистического дискурса) определяют две главные функции – информативная и воздействующая, когда использование языковых средств обусловливается их социально-оценочными качествами и возможностями с точки зрения эффективного воздействия на определенную аудиторию. Коммуникативной направленностью является передача информации о фактах, мнения о них, что обязательно должно вызвать общественный отклик. Важной особенностью также являются точность и от-

крыто выраженная авторская оценка. Публицистический дискурс – это особый вид дискурсивной деятельности, выявляющий новую коммуникативно-когнитивную функцию языка, а материалы СМИ – это проявление особой дискурсивной деятельности (с одной стороны); конечный продукт этой деятельности (с другой стороны).

Сравнительный анализ показал значимость общелитературной лексики в формировании журналистских текстов с использованием публицистических параметров, в процессе чего (публицистической специализации) разнородная по составу, тематике, языковым качествам общелитературная лексика трансформируется в единые, однородные функционально и стилистически разряды публицистической лексики в СМИ.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс. – М. : Большая российская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Афонина Е. «Спасатели из-за непогоды перенесли спуск тел погибших на Эльбрусе» [Электронный ресурс] // Известия : [сайт]. – 2021. – 23 сент. – URL: https://iz.ru/1226111/2021-09-23/odin-iz-popavshikh-v-purgu-alpinistov-pogib-na-elbruse (дата обращения: 09.10.2021).
3. Вещикова И. А. Публицистический стиль как единица в системе функциональных разновидностей языка // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – М., 1992. – № 1. – С. 57–67.
4. Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Наука, 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.
5. Григорьева О. Н. Публицистический стиль в системе функциональных разновидностей языка. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – Ч. 1. – С. 167–180.
6. Котляр М. «Смелый журналист», «спорная премия» и «Иудины сребреники» [Электронный ресурс] // Газета.ru : [сайт]. – 2021. – 8 окт. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/10/08_a_14065981.shtml (дата обращения: 09.10.2021).
7. Коц А. «Они готовятся к войне». Что началось в Южно-Китайском море [Электронный ресурс] // РИА Новости : [сайт]. – 2021. – 9 окт. – URL: https://ria.ru/20211009/tayvan-1753711002.html (дата обращения: 10.10.2021).
8. Лойко М. И. Специфика газетных жанров. – СПб. : Новый дом, 2007. – 114 с.
9. Щербак А. В Москве действует специализированная сосудистая сеть для помощи кардиопациентам [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт]. – 2021. – 24 сент. – URL: https://tass.ru/obschestvo/12538381 (дата обращения: 10.10.2021).

© Кулик Д. В., Пыреськина Е. М., 2022.

УДК 070:616-036.21 (470.345-25)

МОНЕТИЗАЦИЯ ЖУРНАЛИСТСКИХ ТЕКСТОВ В ПОСТПАНДЕМИЙНОЕ ВРЕМЯ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ «ГОРОДСКИЕ РЕЙТИНГИ. САРАНСК»)

А. С. Куприянова,
студентка
a.kupriyanova000@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности монетизации журналистских текстов в современный период времени. СМИ являются медиапредприятиями, ориентированными на возможность получения прибыли от публикуемых текстов. С наступлением пандемии возможности извлечения прибыли изменились. В статье предпринимается попытка понять, что происходит с монетизацией журналистики сейчас и как это может сказаться на дальнейшем развитии медиарынка.

Ключевые слова: монетизация, СМИ, издание, журналистская информация, контент, пресса.

MONETIZATION OF JOURNALISTIC TEXTS IN POST-PANDEMIC TIME ON THE EXAMPLE (OF THE INTERNET PUBLICATION "CITY RATINGS. SARANSK")

A. S. Kupriyanova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article discusses the features of monetization of journalistic texts in the present period of time. Mass media are media enterprises focused on the possibility of making a profit from published texts. With the onset of the pandemic, the opportunities for profit have changed. It is important to understand what is happening with the monetization of journalism now and how this may affect the further development of the media market.

Keywords: monetization, mass media, publishing, journalistic information, content, pressa.

СМИ – периодические печатные издания, радио-, теле- и видеопрограммы, кинохроникальные программы, иные формы распространения массовой информации [5]. Для того, чтобы лучше разобраться в процессе монетизации журналистской информации, нужно знать, как массмедиа влияют на общество.

Во-первых, СМИ – это социальный институт, возникший в ответ на за-

прос людей об объективном освещении процессов в обществе [4, с. 19]. К функциям, выполняемым СМИ, относятся информационная, развлекательная, социальная, интегративная, воздействующая.

Роль СМИ в обществе крайне важна – они помогают узнавать людям самую актуальную и последнюю информацию, комментировать и оценивать ее. Результатом такой деятельности является возможность влиять на людей и формировать общественное сознание. Всем этим пользуются власть, корпорации, отдельные личности.

Для того, чтобы информация оставалась качественной и объективной, необходима независимость СМИ. В наше время это обеспечить довольно проблематично, так как мощные субъекты рынка желают приобрести лояльность издания.

Во-вторых, СМИ – это медиапредприятие, главной деятельностью которого является экономическая. В таком случае: товар – это информация [3]. Для того, чтобы пресса являлась независимой, ей необходим особый доход для продолжения своей деятельности.

С начала пандемии COVID-19 приток читателей к крупным интернет-изданиям вырос на 30 %, а просмотры страниц увеличились в 3 раза [1]. Это связано с тем, что читателей интересует информация, актуальная на короткий промежуток времени.

Посещаемость интернет-изданий зависит и от роста заболеваемости. Подобная информация является наиболее востребованной даже сейчас. Это можно понять, сравнив трафик просмотров по месяцам на сайте «Mediascope».

Существует 3 основных способа монетизации:

1) монетизация, когда платит рекламодатель (медиа-реклама, контекстная реклама, спецпроекты);

2) монетизация, когда платит читатель (пейволл, подписка);

3) монетизация, когда платят третьи лица (спонсорство, добровольные пожертвования, государственные программы).

Несмотря на приток новых пользователей и увеличение просмотров, интернет-реклама «выросла лишь на 2 %, тогда как у остальных СМИ наблюдается сильное падение рекламного рынка: телевидение показало динамику – 3 %, радио – 23 %, пресса – 52 %» [2].

Следующий блок монетизации – пейволл (англ. Paywall), когда весь контент или некая его часть становятся доступны после оплаты. Существует несколько видов Paywall:

1) жесткий – вся информация скрыта и появляется лишь после оплаты подписки;

2) мягкий – доступ к контенту открывается на определенный промежуток времени. После достижения лимита доступ закрывается до оплаты подписки;

3) гибридный – используется чаще всего. На сайте совмещен платный и бесплатный контент;

4) гибкий – индивидуальный подход к каждому пользователю, в зависимости от его предпочтений.

Многие интернет-пользователи пока не готовы платить за то, что ранее было общедоступным (музыка, фильмы, новости) и стараются искать обходные пути. Как сказал в 2014 году Дмитрий Навоша – генеральный директор Sports.ru: «выбирая между “чуть лучше, но за деньги” или “чуть хуже, но бесплатно” большинство предпочтет второе. К сожалению, но давайте уже осознаем эту суровую реальность» [1]. С тех пор мало что изменилось именно в журналистике. Видеохостинги и музыкальные площадки набирают своих зрителей, существует «Закон о защите авторских прав», и постепенно люди к этому привыкают.

Новости же люди хотят узнавать быстро и бесплатно. В связи с этим существует проблема прямой монетизации журналистских текстов. Некоторые российские СМИ уже пользуются моделью пейволл. Такие подписки активно внедрили в свою деятельность телеканал «Дождь» и газета «Ведомости». В них не полное, а частичное скрытие материала, эксклюзивного либо связанного с бизнес-аналитикой [6, с. 320]. Это не единственные, но самые крупные российские СМИ, пользующиеся подобным приемом.

Для полного освещения темы монетизации журналистских текстов в пост-пандемийное время и работы журналиста в целом, мы обратились к мнению Натальи Хохловой, редактору интернет-издания «Городские рейтинги. Саранск».

«Городские рейтинги» являются инвестиционным проектом группы компаний «Ингениум». Основной вид получения денежных средств – спонсорство. Также издание получает деньги за рекламу – партнерские материалы на сайте, размещение баннеров, участие в партнерской программе «Яндекс» – на сайте есть контекстная реклама. Прямой монетизации за отдельные тексты не существует, как и ранее.

Заработная плата журналистов складывается из двух факторов. Первое – выполнение обязательного объема работы в месяц – около 6 лонгридов и 4–5 коротких форматов (афиша или новости). Второе – премиальные выплаты за читаемость статей. Если каждая статья корреспондента в день выхода набирает более 1200 просмотров, выплачивается премия.

До пандемии наиболее интересными темами для посетителей сайта были: еда («Топ-10 мест, где можно поесть борщ»), деньги («10 богатейших семей Мордовии»), локальные конфликты («Раздел сети шаурмичных Baker Kebab»), закрытия и открытия месяца. Во время всеобщего карантина (весна 2020 года) людей интересовали темы, связанные с COVID-19. Сейчас ковидный инфошум, несмотря на напряженную эпидемиологическую обстановку, волнует читателей в меньшей степени.

Пандемия сильно повлияла на работу журналистов в первые 5–6 месяцев с ее начала. Апрель и июнь редакция работала из дома, все совещания, интервью, сбор информации осуществлялись дистанционно. В августе 2020 года вся редакция уже вышла из карантина. Но по-прежнему соблюдались меры защиты – ограничение круга общения и избегание массовых ме-

роприятий. Сейчас формат работы восстановился, но меры защиты остались – маски, антисептики, вакцинация от ковида.

По поводу посещаемости сайта Наталья рассказала следующее: «так как мы не являемся новостным изданием, посещаемость сайта сильно упала в период локдауна – апрель-май 2020 года. Это был тот момент, когда все СМИ писали новости только про коронавирус, что стало самой волнующей темой. Но с мая 2020 года посещаемость сайта стала расти. Мы связываем это и с ожидаемым ростом, обусловленным развитием издания, и с тем, что мир все же потихоньку возвращается к нормальной жизни, пусть и с новыми правилами». Трафик сайта в данный момент составляет 1500–2000 уникальных читателей в день.

Многие печатные издания и телеканалы с началом пандемии начали дублировать свою деятельность в Интернете: на официальных сайтах, в социальных сетях, мессенджерах. Такое обилие источников информации обострило конкуренцию за аудиторию, что явилось как плюсом, так и минусом для читателей.

С одной стороны – СМИ, в погоне за просмотрами, улучшают качество подачи материала, разрабатывают новые рубрики, запускают подкасты и специальные проекты. Людям представляется обширный выбор по интересам, любой найдет то, что ему необходимо.

С другой стороны – падает качество материала. Некоторые СМИ, чаще блогеры-«околожурналисты», дают непроверенную информацию с целью увеличить просмотры. И люди, не тратящие время на то, чтобы перейти в сторонний ресурс и изучить все подробнее, продолжают распространять фейк-новости. Такие фейки являются одной из основных проблем нынешней журналистики.

Несмотря на трудности, сфера медиа растет и развивается, превращаясь в нечто новое. Эпоха цифровых технологий затрагивает все сферы жизни, в том числе СМИ. Пандемия дала понять, что пора менять устоявшиеся форматы работы, развивать новые площадки, привлекать читателей/зрителей.

Время меняется, но неизменным остается то, что в деятельность журналиста входит обязанность проверять достоверность информации [5]. Это закреплено как в законе, так и в сознании людей. Читатели ценят имя и репутацию издания, доверяя далеко не всем. Пандемия и постпандемийное время для медиа являются испытаниями на скорость, креативность и поиск путей монетизации. Но это и время, когда можно понять, кто в этой сфере лучший, а кому пора уходить с рынка.

Библиографический список

1. Аудитория Интернета в России [Электронный ресурс]. – URL: https://webindex.mediascope.net/ (дата обращения: 12.08.2021).

2. Веселов С. Оценка объемов рынка рекламы по итогам 3-го квартала 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: https://www.akarussia.ru/press_centre/news/id9400 (дата обращения: 12.08.2021).

3. Гуревич С. М. Экономика отечественных СМИ : учеб. пособие для вузов. – М., 2004. – 288 с.
4. Дзялошинский И. М. СМИ и общественные институты: перспективы взаимодействия // Медиаскоп. – 2008. – № 2. – С. 19.
5. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/cb538501fcf1adfcebe98ad1431bca6e50d08cc6/ (дата обращения: 12.08.2021).
6. Лебедева Б. В. Проблемы монетизации контента // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2015. – № 5 (360). – С. 320–324.

© Куприянова А. С., 2022.

УДК 811.161.1

КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ ОБЛИК РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

М. Л. Лаптева,
д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой
Hohlina2004@yandex.ru
В. А. Половкова,
магистрант
viktoriya.polovk@mail.ru
Астраханский государственный университет
Астрахань, Россия

Аннотация. В статье анализируются региональные (астраханские) газеты с позиции соблюдения норм литературного языка в заголовках публикаций. Представлены результаты проведенного социолингвистического эксперимента, направленного на выяснение отношения читателей к ошибкам в региональной прессе.

Ключевые слова: литературный язык, норма, ошибка, СМИ, газета, заголовок, речевая культура.

CULTURAL AND SPEECH IMAGE OF A REGIONAL NEWSPAPER

M. L. Lapteva, V. A. Polovkova
Astrakhan State University
Astrakhan, Russia

Abstract. The article analyzed regional (Astrakhan) newspapers from the position of compliance with the norms of the literary language in the headlines of publications. The results of a sociolinguistic experiment aimed at clarifying the attitude of readers to mistake in the regional press are presented.

Keywords: literary language, norm, mistake, mass media, newspaper, headline, speech culture.

Проблема современного состояния русской речевой культуры является одной из наиболее актуальных и широко обсуждаемых в областях теоретической и практической лингвистики [2]. С одной стороны, в процессах обновления филологи отмечают положительные черты: усиление «разговорной струи», демократизацию языка, освобождение от официозности и канцелярита, оживление языка новыми выразительными средствами. С другой стороны, анализируя факты реального использования языка в разных сферах деятельности, лингвисты пишут о стирании границ между литературным и нелитературным, между печатным и непечатным, о разрушении русских культурно-речевых традиций, насаждении безнравственности и вседозволенности [1, с. 3].

Одной из сфер проявления языковой культуры СМИ является культура речи газеты. Если телевидение и радиовещание – это основные пропагандисты культуры устной речи, то газета воспринимается как эталон речи письменной. Лингвокультурное пространство газеты следует рассматривать как единый текст, состоящий из отдельных произведений, причем как журналистских (сообщения, аналитические материалы, статьи, заметки и пр.), так и нежурналистских (интервью политиков, предпринимателей, артистов, письма читателей и пр.), объединенных речевыми, композиционными и графическими средствами. Необходимо подчеркнуть, что за культурно-речевой облик каждого выпуска газеты отвечают не только журналисты, авторы статей, но и такие сотрудники газеты, как редактор, корректор, наборщик и т. д.

Анализ астраханской прессы позволил выявить некоторые черты региональной газеты: публикации отличаются средними по величине заголовками, довольно сжатым объемом иллюстраций, а также характеризуются достоверностью фактов, взвешенностью оценок, сдержанностью и обоснованностью мнений, сочетанием сложившихся традиций и нововведений, политической корректностью и пр.

Однако наиболее остро в настоящее время стоит проблема культуры речи астраханских газет, в которых наблюдается значительное количество нарушений литературных норм.

В рейтинге печатных астраханских СМИ особое место занимают следующие издания.

1. «Волга» – государственная, областная, общественно-политическая газета. Еженедельно публикует обзор основных событий, городские и областные новости. Газета является известным и популярным изданием со своей широкой читательской аудиторией. Индекс цитируемости, с помощью которого измеряется влиятельность медиа, по данным исследования «Медиалогии», у «Волги» вырос; газета удерживает первое место среди печатных СМИ и остается в тройке лидеров среди всех местных медиаресурсов.

2. «Комсомолец Каспия» – общественно-политическая газета, которой удалось сохранить достаточно высокую долю подписки относительно общего тиража. Газета ориентирована на все возрастные группы и социальные слои населения. «Комсомолец Каспия» создает медиапродукт и ведет конструктивный диалог с конечным адресатом и возможным рекламодателем. Специ-

альные страницы газеты отведены для спортивных, политических новостей, обзоров и рецензий, содержат материал для определенной возрастной категории – пенсионеров.

3. «Московский комсомолец в Астрахани» собирает и рассматривает самые важные события всех сфер жизни страны и мира. Газета знакомит читателей с важными общественными и политическими событиями, публикует интересные интервью и рассказы о знаменитостях, новости культурной и спортивной жизни общества, обзоры, статьи и пр. Развлекательную функцию выполняют гороскопы, анекдоты, сканворды, различные розыгрыши и акции. Еженедельник остается самым популярным и интересным периодическим изданием в области, спрос на который растет.

4. «Хронометр» – еженедельник, который издается с 2004 г. Он включает, прежде всего, областные и городские новости, а также афишу, кроссворд, гороскоп, программу телевидения, а также официальную информацию и рекламные объявления. Газета ориентирована на все категории читателей.

5. «Факт и компромат» – это областной общественно-политический еженедельник, который на сегодняшний день является самым объемным общественно-политическим изданием в Астраханской области. В «Факте и компромате» публикуются только эксклюзивные, не размещенные ранее в Интернете и в других СМИ расследования и материалы преимущественно критического толка. Кроме того, в данном конфликтном еженедельнике каспийской столицы регулярно публикуются исторические статьи, фельетоны, политические анекдоты и кроссворды, посвященные Астрахани и астраханцам, криминальная и спортивная хроники.

Нами проанализированы заголовки публикаций, размещенных в вышеперечисленных газетах в период с 01.09.2015 г. по 20.05.2021 г. В целом можно сказать, что большинство публикаций соответствует основным нормам и параметрам хорошей речи: правильности, понятности, уместности, целесообразности, выразительности. Однако выделяются некоторые заголовки, содержащие нарушения литературных норм, что говорит о доминировании в региональных СМИ среднелитературного типа речевой культуры (единичные орфографические, грамматические и пунктуационные ошибки, редкие случаи излишнего употребления заимствований и разговорных элементов).

Характер того или иного средства массовой информации, как и отношение к нему, преимущественно определяется целевой аудиторией, на которую оно ориентировано. О том, какие особенности характерны для астраханской целевой аудитории печатных СМИ, можно судить, ознакомившись с результатами проведенного нами исследования. Его основной целью стало выявление отношения респондентов к ошибкам в заголовках региональных СМИ.

Исследование проводилось в период с 10 декабря 2020 г. по 15 мая 2021 г. В качестве метода изучения общественного мнения взрослого населения был выбран опрос. На вопросы анкеты ответили астраханцы, проживающие во всех районах города. Возрастной состав участников – от 18 до 72 лет. Количество участников опроса – 103 человека.

Респондентам были предложены следующие вопросы.

1. Какие астраханские газеты Вам известны?

2. Какие из них Вы читаете?

3. Замечали ли Вы ошибки в текстах, размещенных в газетах?

o Да

o Нет

4. Отметьте заголовки региональных газет, в которых, по Вашему мнению, содержатся ошибки:

o «Да, это вам не Рио-де-Жанейро» (*Волга. – 2019*);

o «Астраханцы смогут узнать историю развития кинемотографа» (*Московский комсомолец в Астрахани. – 2018*);

o «Не забудьте заплатить подоходный» (*Астраханские ведомости. – 2019*);

o «Кому из нас позарез нужен ДНК-тест» (*Волга. – 2019*);

o «Чиновники проверят нерадивых операторов» (*Московский комсомолец в Астрахани. – 2019*);

o «Шедевры за бесплатно» (*Волга. – 2019*);

o «Администрация покупает дорогой фотоапарат и сувениры» *Московский комсомолец в Астрахани. – 2019*);

o «Коммуналка по-новому: плюсы и минусы новой реформы ЖКХ» *Московский комсомолец в Астрахани. – 2020*);

o «Расчетный центр Астрахани возобновил работу» (*Комсомолец Каспия. – 2020*);

o «Кто готовиться к ЕГЭ?» (*Волга. – 2015*).

5. Как Вы относитесь к подобным ошибкам?

o Положительно

o С иронией

o Нейтрально

o Негативно

o Резко негативно

6. Показателем чего для Вас являются ошибки в региональных газетах?

o Неграмотность редакторов, корректоров, журналистов и т. д.

o Низкий авторитет газеты

o Ничего не значит

o Свой вариант ответа

В ходе исследования было выявлено, какие астраханские газеты известны респондентам. Среди названных наибольшей популярностью у читателей пользуются следующие газеты: «Московский комсомолец в Астрахани», «ТелеСемь», «Комсомолец Каспия», новостной портал «КаспийИнфо», «Хронометр», «Волга». Также были названы такие печатные издания, как «Астраханский пенсионер», «Факт и Компромат», «Маяк Дельты», «Астраханские ведомости». Интересно, что газету «ТелеСемь» женщины читают в 4 раза чаще, чем мужчины, а вот «Волга» и «Комсомолец Каспия» наиболее востребованы у мужчин.

Согласно результатам проведенного исследования, 17,5 % респонден-

тов астраханские газеты не читают вообще. Некоторые из опрошенных не используют газеты, но обращаются к их электронным аналогам в Сети. Это связано с тем, что менее читающей категорией астраханцев сейчас является молодежь в возрасте от 18 до 24 лет. Пожилые астраханцы – в возрасте от 60 лет и старше – напротив, читают астраханскую прессу чаще остальных категорий опрошенных. Стоит отметить, что появление Интернета не привело к значительным потерям аудитории бумажных версий изданий. Даже представители молодежной аудитории, наиболее активно пользующиеся Интернетом, в большинстве случаев совмещают чтение электронных и печатных версий изданий, и лишь сравнительно небольшая часть этой аудитории предпочитает электронные ресурсы.

Один из вопросов анкеты был связан с нарушением норм русского языка в газетах. По мнению 76 % опрошенных, печатные СМИ содержат ошибки, и читатели замечают их. Обработав ответы на данный вопрос анкеты, мы пришли к следующим выводам.

1. Большинство людей замечают ошибки, допускаемые в печатных СМИ города Астрахань.

2. На ошибки больше внимания обращают женщины (71 %).

Отдельный вопрос был направлен на нахождение ошибок в заголовках региональных газет. В 5 из 10 заголовков содержатся отступления от языковых норм: «Астраханцы смогут узнать историю развития *кинемотографа* (вместо *кинематографа*)» (*Московский комсомолец в Астрахани. – 2018*); «Не забудьте *заплатить* подоходный (вместо *оплатить*)» (*Астраханские ведомости. – 2019*); «Шедевры *за бесплатно* (вместо *бесплатно*)» (*Волга. – 2019*); «Администрация покупает дорогой *фотоапарат* (вместо *фотоаппарат*) и сувениры» (*Московский комсомолец в Астрахани. – 2019*); «Кто *готовиться* к ЕГЭ? (вместо *готовится*)» (*Волга. – 2015*).

Таким образом, можно оценить не столько культуру печатных СМИ, сколько культуру самого читателя. Проанализировав анкеты, мы сделали вывод: удалось найти все ошибки лишь 11 % опрошенных; 86 % респондентов отметили меньше пяти заголовков, содержащих ошибки; не удалось обнаружить примеры нарушения литературных норм 3 % респондентов. Следовательно, большинство читателей астраханских СМИ придают значение ошибкам, которые они встречают в заголовках газетах.

Следующий вопрос был включен в анкету с целью определить отношение читателей к подобным ошибкам. Нами были получены следующие результаты.

1. Положительно – 0 %.
2. С иронией – 14,5 %.
3. Нейтрально – 26 %.
4. Негативно – 40 %.
5. Резко негативно – 18 %.

Анализ результатов наводит на мысль о том, что читатели (58 % относятся отрицательно к нарушениям норм в печатных СМИ) заинтересованы в качестве журналистских материалов, им не безразлично наличие ошибок в

газете. Однако терпимость к ошибкам в печатных СМИ у 26 % респондентов свидетельствует об их индифферентности к языку в целом, об отсутствии чувства языка и понимания необходимости соблюдения речевой культуры в СМИ.

Респондентам был задан вопрос: «Показателем чего для Вас являются ошибки в региональных газетах?». Мнения опрошенных разделились: 33 % считают, что нарушение норм литературного языка является результатом неграмотности редакторов, корректоров, журналистов и т. д. 23 % респондентов полагают, что ошибки – это показатель низкого авторитета газеты. 39 % отметили оба варианта ответа (низкий авторитет газеты и неграмотность работников печатных СМИ). Для 8 % из 100 % ошибки в региональных газетах ничего не значат, так как «важна сама передаваемая информация».

На наш взгляд, от уровня грамотности и компетентности представителей печатных СМИ зависит авторитет той газеты, которую они представляют. Результаты исследования демонстрируют зависимость речевого имиджа газеты от речевой культуры тех, кто непосредственно готовит материалы к печати.

Некоторые из опрошенных сформулировали свой ответ на указанный выше вопрос. Нами были получены следующие ответы: «малограмотные журналисты», «нежелание работать», «невнимательность», «некомпетентность, низкая квалификация работников редакций газет», «маленький штат редакций», «отсутствие финансовых средств на оплату работы редакторов и корректоров».

В заключение отметим, что большинство публикаций астраханских печатных СМИ соответствует основным нормам и параметрам грамотной речи, т. е. отличается правильностью, доступностью, уместностью, целесообразностью, выразительностью использования языковых средств. Однако выделяются некоторые заголовки, содержащие нарушения основных литературных норм, что свидетельствует о преобладании в региональных СМИ среднелитературного типа речевой культуры, для которого характерны единичные орфографические, грамматические и пунктуационные ошибки, редкие случаи излишнего употребления заимствований и разговорных элементов.

В то же время российское лингвокультурное сообщество демонстрирует негативное отношение к ошибкам в печатных СМИ, так как отступления от норм свидетельствуют о невысоком уровне речевой культуры региональных журналистов и низком авторитете газетного издания. Нейтральное отношение к ошибкам в печатных СМИ у некоторых респондентов говорит о том, что наше общество, возможно, близко к формированию такого языкового сознания, когда нарушения литературных норм, сленг, элементы просторечия и избыточные заимствования будут восприниматься как норма.

Библиографический список

1. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 268 с.

2. Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект / под ред. В. И. Конькова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 272 с.
3. Солганик Г. Я. О языке и стиле газеты // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / под ред. М. Н. Володиной. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 261–268.

© Лаптева М. Л., Половкова В. А., 2022.

УДК 070(047.53)

ЖАНР ИНТЕРВЬЮ И ЕГО МОДИФИКАЦИЯ

А. В. Лафуткина,
магистрант
sasha24.11.1998@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается жанр интервью и его модификации. Обращается внимание на новые формы, распространенные на современном телевидении; выявляются причины повышения роли интервью как одной из форм общения.

Ключевые слова: журналистика, интервью, средства массовой информации, журналист, телевидение, Интернет, русский язык.

GENRE INTERVIEW AND ITS MODIFICATION

A. V. Lafutkina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article deals with the interview genre and its modifications. Attention is drawn to new forms, spread on modern television and the increasing role of interviews as one of the forms of communication.

Keywords: journalism, interviews, mass media, journalist, television, Internet, Russian.

Современное определение понятия «интервью» несколько шире самых первых определений, в которых интервью как жанр понимался в качестве предназначенной для печати беседы «какого-либо известного деятеля с корреспондентом по вопросу, имеющему общественный интерес» [1, с. 14]. Современные авторы отмечают расширение групп интервьюируемых. В качестве респондентов могут выступать любые лица, которые представляют интерес для аудитории. При этом личностная информация является значимой, так как зачастую аудитория оценивает полученные сведения исходя из персональных качеств носителя информации. «Еще совсем недавно чита-

теля интересовали факты, события, происшествия и достижения. Сегодня акценты смещаются: становится важен человек – творец этих событий, личность. Читателю интересны мнения, подробности и комментарии из уст людей, которым в силу их общественного положения можно доверять» [2, с. 55].

Интервью – один из наиболее активно развивающихся жанров, о чем свидетельствует появление множества программ, имеющих форму интервью или фрагментарно его использующих. В настоящее время наблюдается обновление интервью, появление новых жанровых форм, например, «прямая линия», «интервью одного журналиста с несколькими общественными деятелями, интервью двух ведущих с одним интервьюируемым [10; 11; 12; 13; 14]. Рассмотрим основные формы.

Интервью-беседа.

Беседа – это жанр, предполагающий разговор журналиста с собеседником на интересные, актуальные для аудитории темы. Цели журналиста в коммуникационном процессе различны: знакомство с личностью, его позицией, действиями; высвечивание какого-либо вопроса. Вопросы в интервью-беседе четки и конкретны, без аналитической подоплеки. Кроме того, в беседе возможна постановка проблемы, требующей дальнейшего разрешения либо рассмотрения. Героями этой жанровой формы могут быть известные всей России личности, а также люди, живущие на селе, в городе, в регионе, являющиеся примером для подражания. В ее основе может быть описание неординарной личности. Спецификой интервью-беседы является то, что в разговоре задействованы лишь два человека; строится этот жанр по традиционной лаконичной схеме: вопрос – ответ. Краткость предполагает выбор «героев» интервью, ими являются актеры, представители шоу-бизнеса, студенты, спортсмены, фермеры и т. д. Интервью-беседа не требует специальной журналистской подготовки. Вопросы оппоненту соответствующие: «Чем он занимается в данный момент?», «Каковы творческие планы?», «Каковы его цели?», «Какие пожелания читателям?» и пр. На первый взгляд, такие материалы поверхностны, маловажны. Это не так. Интервью-беседа оживляет любое отечественное издание. Читатели СМИ с огромным вниманием следят за успехами, достижениями, разочарованиями героев. Им интересны портретные характеристики, мнения, суждения людей, с которыми они нередко знакомы.

Личностный характер вопросов социализирован общественной значимостью героя материала. Читатель или зритель, которому не безразличны проблемы России, кадровые перестановки «наверху», прочтет или просмотрит интервью внимательно.

Интервью-беседа занимает особое место. Форма легко воспринимается аудиторией в силу конкретности, лаконичности, простоты изложения; в ней отсутствуют аналитизм, пространные комментарии; героями являются рядовые труженики, спортсмены, продавцы, фермеры, нередко «звезды» современной эстрады.

Интервью-полилог.

Методом, образующим полилог, также является опрос. В российской

журналистике полилог возник сравнительно недавно. Обусловлено это изменениями в социальной сфере, повлекшими за собой возникновение новых модификаций жанровых образований. В коммуникационном процессе могут принимать участие несколько журналистов и один респондент (пресс-конференции, блиц-опросы, встречи и пр.), а также один журналист и несколько респондентов (социологические анкеты, тесты, редакционные опросы), в отечественной практике нередки вопросно-ответные полилоги, участниками которых являются телезрители. Объектами отображения являются как известные всем социально значимые политики, экономисты, банкиры, актеры, музыканты, социологи, так и рядовые граждане, чьи мнения часто необходимы редакционным работникам при сборе, обработке статистических данных. В полилоге акцентируется внимание не на личностных свойствах героев, а на их социальных позициях, мироощущениях, взглядах, оценках того или иного явления, действия. Жанровая форма состоит из фрагментов интервью-беседы. Ответы респондентов кратки, ограничены небольшими комментариями, причем комментарий одного дополняется комментарием второго, третьего и т. д. Анализ результатов интервьюирования позволяет журналисту обобщить ответы.

На экранах отечественных СМИ полилоги принимают разнообразные формы. В ежегодной пресс-конференции президента Российской Федерации В. В. Путина регулярна рубрика «Горячая линия». На вопросы граждан отвечают также представители государственного аппарата, органов самоуправления, хозяйственники, представители социальных служб. С вопросами обращаются рабочие, экономисты, директора предприятий, сельские труженики. Жанр построен по традиционной схеме: краткость вопросов, простота изложения, лаконичность ответов [4, с. 33]. Журналисты не задаются целью разрешить какую-либо проблему, она высвечивается. В ней отражены ответы нескольких респондентов. В интервью-полилоге эксперты определяют высшие достижения духа и материи. Интерактивная форма построена несколько необычно. Ответы респондентов – аналитические резюме, комментирующие позиции, что несвойственно данной форме. Но иначе и быть не могло, поскольку «интервьюировалась» слишком «солидная публика».

Полилог – подвид интервью, помогающий населению России разобраться во многих вопросах, на которые могут дать ответы компетентные лица, высказывающие собственные позиции по поводу того или иного факта.

Интервью-диалог.

Серьезное развитие жанра разговора-диалога в современной отечественной журналистике связано с именем российского эмигранта С. Волкова [5, с. 207]. Отличительной чертой разговора-диалога как журналистского жанра является его построение по законам драматургии [6, с. 38]. Интроспективность данного тезиса очевидна – нельзя обосновывать родовую структуру жанровой формы на примере творчества одного человека, кроме того, законы драматургии не могут оказать непосредственного влияния на формирование журналистского диалога, имеющего собственные социальные предпосылки для зарождения и развития. Наша задача – высветить специфику не «литера-

турного диалога», а интервью-диалога на экранах российского, отечественного телевидения. Для выявления стержневых характеристик жанровой формы обратимся к эмпирическому материалу СМИ России.

Интервью-диалог – наиболее сложная форма межличностного общения. Его вопросно-ответная схема предполагает комментирующее, аналитическое рассмотрение поставленных вопросов, равнопартнерское общение журналиста и интервьюируемого. Форма коммуникации дает возможность журналистам выражать свои позиции на предмет разговора. «… Положительные последствия для обоих спорящих – уточнение смысла проблемы, более реальное видение самого себя и партнера, с которым, возможно, еще предстоит спорить, понимание того, что участие в споре требует не только эрудиции, но и способности встать, хотя бы временно, на точку зрения противника» [7, с. 45].

Вследствие «сцепления позиций» (корреспондент – респондент) диалог тяготеет к информационно-аналитическим формам медийных текстов, но, учитывая такие жанрообразовательные параметры, как выбор объекта отображения и интерполяции методов, становится очевидным, что диалог по своему функциональному назначению – специфическая форма процесса интеракции. Алломорфизм структуры в том, что в нем раскрываются причины, породившие проблему. Вопросы в диалоге представляют собой «информационные блоки» компетентного лица: суждения, концепции, ремарки; носят как предположительный, так и аксиоматический характер. Вопросы и ответы – автономно-личностные суждения обеих сторон, показывающие читателям путь к истине. Многогранная специфика этой жанровой формы предопределяет выбор респондентов. Журналисты беседуют с общественными деятелями, политиками, экономистами, чьи мнения и позиции могут разрешить социальную ситуацию, дать авторитетные ответы на сложные вопросы современности. Роль автора диалога заключается в том, что своими вопросами он задает направление анализа, осуществляемого интервьюируемым лицом. С этой целью вопросы формулируются таким образом, что требуют освещения узловых моментов каких-либо событий, явлений, процессов.

Аналитизм вопросов и ответов – отличительная черта современной формы диалога, выражающей авторскую субъективную концепцию. В российских СМИ диалоги встречаются довольно часто. Это свидетельствует о том, что работники СМИ в полной мере реализуют жанрообразующие признаки, многообразят, модифицируют их.

Интерактивные формы межличностного общения в российской журналистике были и остаются источником первичной информации. Жанры мобильны, конкретны, высокооперативны. Преимущество их в том, что тексты релевантны интересам населения, поскольку в них аудитория знакомится с известными людьми, позиции которых понятны. Не стоит, на наш взгляд, относить интерактивные жанровые образования ни к информационно-новостным, ни к информационно-аналитическим родовым группам. Подвиды интервью сегодня заявляют о себе как самостоятельные структуры творчества. Если интервью-беседе, интервью-полилогу свойственно информацион-

но-новостное начало, то диалогу – информационно-аналитическое; объединяя функциональные сущности обеих родовых групп медийных текстов, интерактивные формы общения представляют собой автономную родовую группу журналистики.

Таким образом, в связи с модификацией жанра интервью Е. Б. Сахнова выделяет традиционное интервью и «околоклассические» интервью [8, с. 177]. В традиционном интервью журналист является посредником между аудиторией и интервьюируемым, поэтому его вмешательство в ответ собеседника, комментарии и высказывание собственного мнения является неуместным.

Компетентность журналиста обнаруживается еще на стадии подготовки к диалогу. Одной из основных задач является выбор собеседника в интересах аудитории. Любому интервью должна предшествовать тщательная подготовка: определение основной темы разговора, стратегии и тактик ведения диалога в зависимости от типа интервью и личности интервьюируемого, выстраивание композиции вопросов. Во время интервьюирования в задачи журналиста входит установление наиболее подходящей тональности общения, поддержание естественной логики развития диалога, умение «разговорить» молчаливого собеседника или, напротив, удержать беседу в нужном русле, если собеседник отвечает слишком пространно. В задачи интервьюера может входить создание определенного образа интервьюируемого: положительного или отрицательного.

Интервью в прямом эфире дают возможность наблюдать, как осуществляется взаимодействие собеседников, каков уровень коммуникативной компетенции журналиста, помогает ли он интервьюируемому быть правильно понятым массовым адресатом, верно выразить свою мысль. Е. Б. Сахнова считает: «мы можем оценить тип взаимоотношений собеседников, тональность, эмоциональность разговора» [9, с. 26].

Интервью основано на информации «из первых рук», то есть от того, кто является источником этой информации, ее носителем и его цель показать неподдельные эмоции интервьюируемого, его согласие или несогласие с оппонентом. При этом зритель, напрямую не задействованный в процессе интервью, становится отчасти его соучастником, так как он слышит и видит, а, следовательно, пропускает информацию через свое сознание, в соответствии со своим мировоззрением, мироощущением, миропониманием.

Интервью легко воспринимаемо людьми разной социальной среды, поскольку вопросно-ответное построение снимает напряжение, источником информации, в данном случае, является речь (риторика, интонация, эмоциональная окраска), мимика, жесты, поведение собеседников, интерьер помещения, студии, люди в кадре, действие и др).

Библиографический список

1. Антонова В. И. Аналитические жанры газетной публицистики : учеб. пособие. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2002. – 84 с.

2. Антонова В. И. Жанры в творчестве журналистов региональных изданий: традиции, опыт, инновации : учеб. пособие. – Саранск : Красный Октябрь, 2005. – 133 с.
3. Антонова В. И. Информационные жанры газетной публицистики : учеб. пособие. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1996. – 64 с.
4. Антонова В. И. Информация в контексте медиакультуры : учеб. пособие / В. И. Антонова, Т. В. Клюкина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2017. – 63 с.
5. Антропова А. Г. Место средств массовой информации в процессе межкультурной коммуникации // Молодой ученый. – 2017.– № 15. – С. 204−207.
6. Бакиров Э. Г. Основы телевизионной журналистики. – М. : Изд-во Московского университета, 1987. – 338 с.
7. Белановский С. А. Глубокое интервью и фокус-группы. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 377 с.
8. Борецкий Р. А. Телевизионная журналистика : учебник для вузов. – М. : Высшая школа, 2002. – 299 с.
9. Ворошилов В. В. Журналистика : учеб. пособие. – СПб. : Изд-во В. А. Михайлова, 2000. – 300 с.
10. Дементьева К. В. Роль журналистики в освещении актуальных проблем современности // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 3. – С. 50–56.
11. Долгина Е. С. Интервью: понятие, цель, задачи, функции // Молодой ученый. – 2015. – Вып. 7. – С. 1111.
12. Енина Л. В. Практика журналистского общения : учеб. пособие / Л. В. Енина, В. Ф. Зыков. – М. : Юрайт, 2020. – 75 с.
13. Ильченко С. Н. Интервью в журналистике. Спецкурс : учеб. пособие. – М. : КноРус, 2021. – 270 с.
14. Любезная Е. В. Риторика и ораторское искусство. – Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2008. – 82 с.

© Лафуткина А. В., 2022.

УДК 070:654:316.7(470.345)

РОЛЬ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ СМИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА И ПОВЫШЕНИИ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ ОБЩЕСТВА: ЯЗЫК СОВРЕМЕННЫХ КАНАЛОВ КОММУНИКАЦИИ

В. С. Мартынов,
магистрант
vlad.martynow@yandex.ru
Е. М. Пыреськина,
канд. филол. наук, доцент
pireskina.elena@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются региональные телевизионные СМИ как репрезентативная модель современных медиа; определяется их место в культуре современного информационного общества; выявляются сущ-

ности культуроформирующих функций СМИ, заключающихся в участии, пропаганде и распространении в обществе высших культурных ценностей.

Ключевые слова: Республика Мордовия, телевидение, культурное пространство, язык СМИ, корреспондент, видеорепортаж, респондент.

ROLE OF TELEVISION MEDIA OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA IN THE FORMATION OF CULTURAL SPACE AND INCREASING THE CULTURAL LEVEL OF SOCIETY: THE LANGUAGE OF MODERN COMMUNICATION CHANNELS

V. S. Martynov, E. M. Pyreskina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines regional television media as a representative model of modern media; determines their place in the culture of the modern information society; identifies the essence of the culture-forming functions of the media, consisting in participation and in the promotion and dissemination of higher cultural values in society.

Keywords: Republic of Mordovia, television, cultural space, media language, correspondent, video report, respondent.

Средства массовой информации во все времена в жизни общества выполняли и продолжают выполнять особую роль. Сотрудники редакционных коллективов, ответственно подходя к своему делу, стремятся помочь каждой личности так или иначе взаимодействовать с информационным полем. Современные технически прогрессивные каналы коммуникации, в число которых входит и телевещание, создают благоприятные условия для развития различных искусств, целью которых является выполнение ряда функций: информирование, воспитание, просвещение, образование, развлечение. Они реализуются в ежедневных телепрограммах, воздействуют на зрителя, а также систематически влияют на формирование его культурного самосознания.

Телевидение как репрезентативная модель современных медиа принимает участие в пропаганде и распространении в обществе высших культурных ценностей, воспитании людей на образцах общемировой культуры, способствовании их всестороннему развитию [2]. Также следует иметь в виду то, что журналистика не ведет полноценного учебного процесса по различным аспектам культуры, но имеет возможность показывать цель, результат овладения культурой, все преимущества, связанные с достижением тех или иных высот [5]. Телевизионную журналистику следует считать популярной массовой энциклопедией культурной жизни, расширяющей интерес к художественно-эстетическим, политическим, научно-техническим знаниям. Ее особенности (многокамерная съемка, монтаж, свободная комбинация пространства и времени) позволяют наглядно представить разноплановую информацию аудитории, воздействовать на психику зрителя. ТВ интенсивно влияет

на современного человека: заполняет его досуг, информирует о состоянии мира, воспитывает, развлекает, обучает, достаточно сильно воздействует на духовные ценности, на весь строй мышления людей, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня.

Исследуемые СМИ, являясь одним из важнейших механизмов культурного развития, в рамках информативной и культурно-просветительской функций выполняют и ряд специфических: освоение культурных ценностей прошлого, создание новых ценностей, их освоение и распространение в обществе. Однако, несмотря на множество схожих характеристик федерального и местного телевидения, региональное ТВ имеет ряд отличительных черт в подаче информации (зависимость от властных структур; универсальность журналистов; определенная субъективность в предоставлении новостей; отсутствие конкуренции среди корреспондентов; невысокий уровень профессионализма); тележурналисты в своей профессии ограничены в основном территориальными рамками в освещении событий в разных сферах общественной жизни, затрагивая и анализируя вопросы экономики, политики, спорта, здравоохранения, образования в разных уголках страны.

Анализируя деятельность телевизионных СМИ в Республике Мордовия, можем с уверенностью отметить, что местное ТВ сегодня является одним из самых распространенных каналов передачи социально значимой информации, которому доверяют. Три телеканала региона – «ГТРК Мордовия», «ТелеСеть Мордовии» («10 канал») и «Народное Телевидение Мордовии» – ежедневно представляют широкий тематический диапазон репортажей, активно проводя весомую деятельность в распространении и разрешении вопросов национальной культуры и укреплении этнической гордости человека, предлагая зрителю видеоматериалы в авторских программах, что сегодня является приоритетным направлением.

Телевизионная журналистика, как и любая другая деятельность, имеет свой путь развития, на котором фиксируются важные вехи. Так, например, полноценное функционирование регионального телевещания начинается с 1992 года, когда на базе Госкомитета МАССР по телевидению и радиовещанию создается ГТРК «Мордовия». В 2004 году телеканал ГТРК «Мордовия» переходит под крыло холдинга ВГТРК. В это время происходит замена полупрофессиональных камер Panasonic на более современные камеры – SONY, что существенно сказывается на качестве эфиров. Несмотря на то, что уже к 1996 году ГТРК «Мордовия» переходит на программирование эфира (выход в строго определенное время), программа насыщается разнообразными передачами. В 2004 году вместо одного вечернего эфира появляются сразу десять, и все прямые. Начиная с 6 утра и до 00:00 выходит десять выпусков новостей в день, которые становятся основным контентом, выпускаемым телекомпанией. В 2016 году происходят изменения, которые актуальны до настоящего времени: телеканал носит название филиала ФГУП ВГТРК ГТРК «Мордовия»; выходит в эфир не только на федеральном канале «Россия 1», но и на «России 24», где разработана особая вещательная сетка, позволяющая плавно переходить от федеральных новостей к региональным новостям и наоборот.

Время показало, что данный принцип работы заметно поднимает рейтинг и у филиала, и у главной компании. Приоритетом является следующее: новости выходят в одно время, что позволяет аудитории посмотреть видеорепортажи не только федерального уровня, но и узнать, как «живет» регион; плавный переход от одних новостей к другим практически не заметен, так как используются одинаковые титры, защита видео; получается один, органично созданный продукт [4; 2].

В условиях стремительного развития окружающего мира, региональное телевидение старается соответствовать требованиям и изменениям аудитории и подстраивается под нее. Ищутся новые пути взаимодействия и привлечения внимания, открываются новые передачи, привлекаются интересные лица, и, что самое главное, все чаще освещаются социально-значимые темы и проблемы. Так, наряду с информационно-новостным блоком материалов, пользуются спросом и другие программы ГТРК «Мордовия»: «Вести-Мордовия» (спорт), «Сияжар», «Кулят», «Туган як» (познавательные программы на мокшанском, эрзянском, татарском языках), кинопрограмма (документальные фильмы).

Иной сетку вещания имеет новый телеканал РМ «Народное телевидение Мордовии» (НТМ), начавший вещание с 1 марта 2017 года и значительно расширивший свой программный спектр. Он охватывает значительно больший проблемно-тематический диапазон; ведет круглосуточное вещание в формате высокой четкости HD; демонстрирует собственный и общероссийский контент зрителям 24 часа в сутки; программная сетка вещания рассчитана абсолютно на всех жителей РМ. Редакция подразделяется на дирекцию информационных программ и создателей развлекательного контента, такого как проект «Народное утро». Телеканал вещает по всей республике в кабельных сетях ПАО «Ростелеком», ЗАО «Контакт-ТВ» и РГТС «Парус» (г. Рузаевка); объединяет в линейку общероссийский телевизионный контент (художественные, документальные фильмы, спортивные, развлекательные и развивающие передачи), а также программы собственного производства, количество которых постоянно растет; его цель – подробно и оперативно информировать зрителей обо всех значимых событиях, происходящих в республике и за ее пределами [1].

Информация культурно-просветительского характера на телеканале транслируется в программе «Культура. Итоги недели», в рамках которой освещаются события культурной жизни региона: даются расширенные новостные сюжеты, специальные репортажи, интервью с интересными творческими людьми, привлекательными и интересными для зрителей разных возрастов. Так, например, в одном из выпусков программы узнаем информацию о культурных традициях русского народа, где рассказывается о святках: «Заканчиваются святки – самое мистическое и загадочное время года. В эти дни издревле было принято устраивать народные гуляния с колядками и играми…» [3] – подводит к сюжету ведущая. Данный вид информации представляет собой репортаж, структуру которого составляет отчет о детском мероприятии в кинотеатре «Россия» в честь древнерусских гуляний. Корреспон-

дент рассказывает немного об истории праздника и его современном состоянии, о важности культурного просвещения молодого поколения. На примере анализируемого видеосюжета можно проследить важную мысль о том, что в современное время необходимо знать свою историю, помнить праздники и чтить ценности своего народа. Это понимает и аудитория, с которой работают сотрудники редакционного коллектива, когда корреспондент намерен услышать мнение респондента, добивается своей цели, услышав следующий аргумент: «быт и традиции каждого народа уникальны и оригинальны, но узнать про все – довольно сложно, однако помнить историю и обычаи разных народов необходимо каждому человеку, особенно молодому поколению, так как именно из этого складывается их культурное самосознание и формируется любовь к малой Родине» [3].

Сюжетная линия репортажа, на наш взгляд, выстроена правильно, в процессе просмотра видеоматериала можно проследить разные точки зрения, на что указывает подводка автора работы и мнения присутствующих на этом празднике. Успех журналиста в работе определяется способностью завоевать доверие аудитории. Поэтому в наше прагматичное время очень важно, чтобы человек, посвятивший себя журналистской профессии, умел не только критиковать, но и анализировать ситуацию, не нагнетая ситуацию, ведь цель программы о культурном достоянии, обычаях и традициях, национальных праздниках регионов и страны – формирование культурного самосознания человека.

В материалах телеканала «НТМ» зритель периодически наблюдает пропаганду идей дружбы, гражданского и духовного единения народов Мордовии. Прослеживается то, как реализуется ряд совместных проектов, направленных на гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений, противодействие экстремизму и ксенофобии, практикуются различные формы открытого диалога: приглашаются эксперты, общественные деятели, которые делятся своими предложениями в решении проблемных вопросов этнокультурной жизни республики. Резонансными являются сюжеты о выдающихся деятелях культуры, искусства, уроженцах Мордовии, внесших заметный вклад в социально-экономическое развитие республики. Благодаря подобной работе журналистов, Мордовия в последние годы занимает одну из лидирующих позиций по состоянию межнациональных отношений в Российской Федерации.

В условиях стремительного развития окружающего мира, региональное телевидение старается соответствовать требованиям и изменениям аудитории и подстраивается под нее. Ищутся новые пути взаимодействия и привлечения внимания, открываются новые передачи, привлекаются интересные лица, и, что самое главное, все чаще освещаются социально-значимые темы и проблемы, решать которые помогает телевещание.

Телеканалы интенсивно влияют на формирование современного человека: заполняют его досуг, информируют о мировых новостях, воспитывают, развлекают, обучают, а также достаточно сильно воздействуют на духовные

ценности, на весь строй мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня [6].

Подводя итоги, следует отметить, что на примере работы двух региональных телевизионных каналов можно проследить активную реализацию самых важных функций телевидения, так как каждую неделю телезрители имеют возможность получить новую информацию о культурных событиях в крае, отчет о проводимых творческих мероприятиях и их большой пользе для современного общества. Культурно-художественная деятельность региональных телеканалов оказывает решающее влияние на процессы формирования духовности, определения моральных ценностей в обществе, что прослеживается в выпусках теленовостей и специализированных художественных телепередачах.

Библиографический список

1. Видеозаписи [Электронный ресурс] // Народное Телевидение Мордовии : [сайт]. – 2018. – 9 янв. – URL: https://vk.com/videos-133658140? (дата обращения: 02.05.2021).

2. Десяев С. Н. Телевидение Мордовии вчера, сегодня, завтра : [государственному телевидению Мордовии 50 лет]. – Саранск : Красный Октябрь, 2011 – 177 с.

3. Кузнецов Г. В. Телевизионная журналистика. – М. : Наука, 2002. – 342 с.

4. Культура. Итоги недели [Электронный ресурс] // Народное Телевидение Мордовии : [сайт]. – 2017. – 17 апр. – URL: https://ntm13.ru/project_cat/kultura-itogi-nedeli/ (дата обращения : 04.05.2020).

5. Мишанин Ю. А. Средства массовой информации Республики Мордовия: вчера, сегодня, завтра. – Саранск : Красный Октябрь, 2007. – 308 с.

6. Официальный сайт филиала ГТРК «Россия» в Мордовии [Электронный ресурс] // Мордовмедиа : [сайт]. – 2020. – 6 янв. – URL : https://www.mordovmedia.ru/company/973/ (дата обращения: 10.10.2021).

© Мартынов В. С., Пыреськина Е. М., 2021.

УДК 366.636:3

МАССМЕДИА И МИКРОСРЕДА: ПРОЦЕССЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Е. С. Маштакова,
магистрант
heavymetallstar@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «микросреда» и «общественное мнение». Анализируются средства его формирования в микросреде. Благодаря развитию и доступности Интернета социальные сети становятся неотъемлемой частью микросреды личности. С помощью различных техноло-

гий они оказывают воздействие на отношение человека к событиям и явлениям, происходящим в обществе. Важной особенностью эмоционального воздействия на формирование общественного мнения является приближение воспринимаемой информации к реальности с помощью визуального и звукового рядов.

Ключевые слова: общественное мнение, микросреда, средства формирования общественного мнения, массмедиа, социальные сети.

MEANS OF FORMING A PUBLIC OPINION IN THE MICROENVIRONMENT

E. S. Mashtakova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article also discusses the concept of microenvironment and public opinion. The means of its formation are analyzed in the microenvironment. Social networks are becoming an integral part of the microenvironment of the individual through development and availability of the Internet. They influence the attitude of a person to events and phenomena taking place in society with the help of various technologies. This gives the effect of presence and creates maximum immersion, which increases the confidence of the information consumer.

Keywords: public opinion, microenvironment, means of forming public opinion, massmedia, social networks

С каждым днем проблема формирования общественного мнения становится все более актуальной. Это связано с тем, что ежедневно количество потребляемой информации растет в геометрической прогрессии. Человек начинает включать механизм избирательности восприятия и ограничивает количество информационных потоков, поступающих из массмедиа. К тому же, высокая скорость передачи данных и широкое распространение различных информационных сетей повлияло на способы и средства формирования общественного мнения в современном социуме.

Отдельные личности и социальные группы взаимодействуют как между собой, так и с окружающим миром, в результате чего появляется большое количество различных мнений, влияющих на поведение людей, их отношения друг с другом и социумом. Важную роль в определении человеческого поведения играет микросреда как часть социальной среды, с которой непосредственно взаимодействует личность.

Социологический словарь определяет микросреду как «интегральную совокупность социальных групп, социальных общностей, а также социальных институтов и социальных организаций, с которыми непосредственно связан индивид в процессе социализации, межличностного общения и деятельности» [10, с. 672].

Другими слова, микросреда – это сфера активной социальной деятельности человека, совокупность идеологических и материальных факторов, с которыми взаимодействует человек в процессе коммуникации [8].

Фактически микросредой человека является все те части окружающего мира, с которыми он взаимодействует ежедневно. К ней можно отнести семью, работу, учебу, друзей, хобби и увлечения, а также социальные сети. Все эти факторы постоянно влияют на появление у человека различных мнений и представлений об окружающем мире.

Иначе говоря, человек взаимодействует с социальной средой в целом, но наибольшее воздействие оказывает на него именно микросреда. Таким образом, микросреда является основным «промежуточным звеном» между обществом и сознанием человека, с помощью которого транслируются различные социальные установки и социально значимая информация. Поэтому, по-нашему мнению, важно рассматривать формирование общественного мнения именно с позиции микросреды личности.

Обратимся к определению общественного мнения. В научной литературе понятие «общественное мнение» является одним из сложных терминов, который трудно поддается строгому определению.

С точки зрения составителей педагогического словаря, «общественное мнение – это совокупное оценочное суждение, выражающее отношение коллектива, социальной общности (или их значительной части) к различным событиям и явлениям окружающей действительности, затрагивающим общие интересы» [5, с. 64].

Философский словарь рассматривает общественное мнение, как «состояние массового сознания, заключающее в себе отношение людей к событиям и фактам социальной действительности, к деятельности различных групп и отдельных личностей» [11, с. 283].

Исходя из данных определений, мы можем сделать вывод, что один из главных параметров общественного мнения – это ярко выраженное отношение отдельного субъекта и общности в целом к какому-либо социально значимому явлению или процессу. Суждение без выраженного отношения к этому явлению общественным мнением не является. Также важно отметить, что общественное мнение, представляет собой совокупность индивидуальных мнений о какой-либо важной общественной проблеме.

Понятие «общественность» как субъект общественного мнения чаще всего используется для определения группы людей, которые сталкиваются с какой-то проблемой, разделяются во мнениях относительно подхода к решению этой проблемы, вступают в дискуссию, посвященную этой проблеме [1].

Б. А. Грушин считает, что «границы субъекта общественного мнения относительны. Единый общественный организм представляет сложную систему, в состав которой входит множество структур и подсистем. В рамках каждой из них, как и в рамках общества в целом, вокруг вопросов, затрагивающих интересы данной общности, складывается внутреннее мнение. Это мнение... является безусловно общественным. Поэтому говорить можно об общественном мнении коллектива, региона, нации и т. п.» [4, с. 16]. С точки зрения данного определения мы можем рассматривать микросреду личности как субъект общественного мнения.

Формирование и развитие общественного мнения происходит либо целенаправленно под воздействием образовательных, политических институтов, средств массовой информации, либо стихийно — под непосредственным влиянием жизненных обстоятельств, конкретного опыта и традиций [9].

Поэтому в общественном мнении можно выделить рациональную сторону, связаную с накоплением конкретного знания об окружающей действительности, и эмоциональную, определяющую социальные настроения в обществе. Специфика формирования общественного мнения в современном обществе связана с учетом психологических особенностей аудитории.

Информационное пространство развивается благодаря активному включению потребителей информации в процесс его формирования. Усиливается роль избирательности восприятия – потребитель старается выбирать из потока именно ту информацию, которая не противоречит его представлениям о картине мира.

На формирование общественного мнения влияет множество различных факторов: общественные интересы, потребности и ценностные установки населения, политические, социальные, экономические реалии общества.

С каждым днем количество пользователей социальных сетей растет. Благодаря развитию и доступности Интернета, они становятся неотъемлемой частью микросреды личности. С помощью различных технологий они оказывают воздействие на отношение человека к событиям и явлениям, происходящим в обществе. На сегодняшний день социальные сети можно считать одним из средств формирования общественного мнения.

Одной из особенностей воздействия социальных сетей на общественное мнение являются возможности эмоционального искажения содержания информации. С помощью аудио- и видеосредств подачи информации появляется возможность придавать те оттенки и интонации содержанию, которые невозможно придать в текстовом формате. Также важной особенностью эмоционального воздействия на формирование общественного мнения является приближение воспринимаемой информации к реальности с помощью визуального и звукового рядов. Это дает эффект присутствия и создает максимальное погружение, что повышает доверие у потребителя информации. Данный тип восприятия информации связан с развитием клипового мышления.

Содержание информации социальных сетей для каждого потребителя индивидуально. Оно подстраивается под его интересы и информационные потребности. Несмотря на то, что Интернет предоставляет большие возможности выбора информации, содержание ориентировано на определенные сообщества близкие по интересам потребителю [7].

Т. Э. Гринберг считает, что «современное информационное пространство характеризуется множеством пересекающихся информационных контактов, разнообразием информационных интересов и целевых задач участников информационного рынка. В этом информационном пространстве взаимо-

действуют, функционируют и оказывают влияние друг на друга различные формы коммуникации, включая традиционные СМИ, Интернет, рекламные и ПР-коммуникации, интегрированные маркетинговые коммуникации» [3, с. 154].

Важным аспектом является быстрое получение информации. Чаще всего люди предпочтут мгновенное получение данных, пусть и без гарантий достоверности. На это влияют в первую очередь возросшие темпы жизни, особенно в крупных городах и мегаполисах [2].

Общественное мнение в микросреде формируется под влиянием корпоративных СМИ, СМИ учебных заведений, пенитенциарной прессой. Информация в данных СМИ имеет ряд особенностей. Одной из них является направленность на узкую аудиторию. Это приближает потребителя информации к автору, она становится в глазах читателя более достоверной. Принадлежность к одной организации или учебному заведению придает чувство общности и повышает рейтинг доверия. В изданиях публикуется информация, значимая и актуальная для сотрудников, участников образовательного процесса, что способствует повышенному интересу к содержанию изданий. Это облегчает воздействие на общественное мнение через данные виды СМИ.

Корпоративные СМИ направлены на внутренние коммуникации организации, диалог между различными уровнями сотрудников, информирование о происходящих в ней процессах, а также на огласку и обсуждение внутриорганизационных проблем. Деятельность корпоративных СМИ направлена на точечное и целенаправленное воздействие на аудиторию. Информация в данном виде массмедиа воспринимается читателем более достоверной, так как чтение или прослушивание не является принудительным. Чередование профессионально значимой информации, корпоративных новостей и производственной тематики позволяет заинтересовать читателя, что дает возможности включения механизмов формирования общественного мнения в содержания издания.

В СМИ учебных заведений основными авторами и потребителями являются студенты и преподаватели. Их функции и особенности схожи с корпоративной прессой. Важным аспектом здесь является своевременное информирование о событиях, происходящих в учебном заведении, а также о мероприятиях, происходящих в нем и за его пределами. Разнообразие информации, ее значимость и актуальность повышают интерес у читателей, повышается уровень доверия к изданию у обеих социальных групп.

Слухи являются одним из древнейших средств формирования общественного мнения. В современном мире они продолжают быть актуальными, хоть и начинают менять свою форму в информационном обществе. Интересной особенностью является то, что аудитория слухов может расширяться, включая тех лиц, которые изначально не были ни заинтересованы, ни информированы о ситуации [6].

Самой актуальной, распространенной и вызывающей доверие формой слухов являются слухи, распространяемые в сети Интернет. Чаты в различных мессенджерах и рассылки сообщений по типу «сарафанного радио» популярны у людей разного пола и возраста. Но уровень доверия к такой форме информации постепенно снижается. Так как слухи появляются и развиваются стихийно, управление ими становится практически невозможным. В связи с этим механизм формирования общественного мнения с помощью слухов усложняется и становится не таким эффективным.

Формирование общественного мнения является сложным процессом. По мере развития общества на него влияло и продолжает влиять множество различных факторов. Микросреда личности является самым близким социальным окружением. К ней относятся друзья, семья, работа, увлечения, как реальные, так и виртуальные. Находясь в непосредственном взаимодействии со своей микросредой, человек формирует свое отношение к социуму и к себе самому. С помощью микросреды легче всего воздействовать на формирование общественного мнения человека. В информационном обществе используются такие средства, как социальные сети, корпоративные СМИ, «сарафанное радио» в мессенджерах.

Библиографический список

1. Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренькова. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.

2. Вартанова Е. Л. Новые медиа как фактор модернизации СМИ // Информационное общество. – 2008. – № 5–6. – С. 37–39.

3. Гринберг Т. Э. Политические технологии: ПР и реклама : учеб. пособие. – М. : Аспект-Пресс, 2005. – 317 с.

4. Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений: проблемы методологии исследования общественного мнения. – М. : Политиздат, 1967. – 400 с.

5. Коджаспирова Г. М. Педагогический словарь. – М. : Академия, 2001. – С. 92.

6. Кораблева О. В. Слухи как фактор формирования общественного мнения // Социосфера. – 2010. – № 4. – С. 136–139.

7. Макаревич Э. Ф. Об эффективности коммуникационного воздействия // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1. – С. 106–127.

8. Психология и этика делового общения : учебник / под ред. В. Н. Лавриненко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ, 2000. – 326 с.

9. Словарь терминов и понятий по обществознанию : А–Я / [авт.-сост. А. М. Лопухов]. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Айрис-пресс, 2013. – 510 с.

10. Социология : энциклопедия / сост.: А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин [и др.]. – М. : Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

11. Философский словарь / авт.-сост.: С. Я. Подопригора, А. С. Подопригора. – 2-е. изд. – Ростов н/Д : Феникс, 2013. – 562 с.

© Маштакова Е. С., 2022.

УДК 396:070(051.055.2)

«ЖЕНСКАЯ» ТЕМА В СОВРЕМЕННЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЯ «COSMOPOLITAN»)

А. А. Окунева,
магистрант
alinaokuneva9@gmail.com
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы стереотипизации в женских журналах (на примере материалов издания «Cosmopolitan»). Выделяются основные стереотипы, которые встречаются в прессе для женщин.

Ключевые слова: стереотип, женщина, современные СМИ, издания для женщин, журнал, «Cosmopolitan».

THE "FEMALE" THEME IN THE MODERN MEDIA (ON THE EXAMPLE OF THE PUBLICATION "COSMOPOLITAN")

A. A. Okuneva
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article deals with the main problems of stereotyping in women's magazines (on the example of the materials of the publication "Cosmopolitan"). The main stereotypes that are found in the press for women are highlighted.

Keywords: stereotype, woman, modern mass media, publications for women, magazine, "Cosmopolitan".

Журналы, направленные на женскую аудиторию, играют одну из важнейших ролей в процессе глобализации. Именно они являются связующим звеном между девушкой и теми сферами жизни, материалы которых наполняют страницы этих гендерных изданий [1]. Первые такие журналы появились еще в XIX веке, некоторые из них стали легендами в своей индустрии (например, «Vogue», «Harper’s Bazaar» и «Cosmopolitan») [2].

Для анализа, проведенного в данном исследовании, мы взяли 11 журналов «Cosmopolitan», вышедших с января по декабрь 2020 года (журнал выходит ежемесячно, но выпуск за июль – август был один) [3–13].

«Cosmopolitan» – это международный журнал, направленный на женскую аудиторию. Содержит в себе материалы о взаимоотношениях между людьми, психологическом и физическом здоровье, карьере, медийных лич-

ностях, а также моде и красоте. «Cosmopolitan» по праву можно считать одним из самых популярных женских журналов в нашей стране. В России журнал издается с 1994 года.

Первое, на что обращает на себя внимание при анализе данного глянцевого издания, – это обложка. На ней всегда изображены прекрасные, успешные и ухоженные девушки в открытой позе. Фотографии выполнены качественно: профессиональная фотосъемка, образы и макияж подобраны стилистами и визажистами.

Проанализировав обложки выпусков периодического журнала «Cosmopolitan», было выявлено, что головы у девушек обычно чуть отклоняются от центра кадра, а сам корпус слегка отклонен назад. В такой позе можно прочитать легкомысленность, смелость, а иногда и некий вызов. Главной чертой обложки журнала также является размещение модели практически в полный рост. За пределами кадра остается лишь пространство ниже коленей. Все девушки, которым довелось оказаться на обложке, обладают белоснежной улыбкой, имеют отчерченную линию губ, а также четкие контуры лица.

Отличается выпуск за июнь 2020 года [6]. На обложке не фотография, а работа художника, но на ней также изображены прекрасные женщины с хорошей фигурой (фотосессию они не смогли провести из-за коронавирусной инфекции).

Реклама в данном журнале в основном представлена темой «фэшн». Это и модная одежда, и стильные аксессуары, и натуральная и яркая косметика. Крайне редко можно встретить рекламу банков, алкоголя, техники, автомобилей, радио и сериалов. На наш взгляд, из этого также складывается поверхностный образ современной женщины: она любит ходить по магазинам, любит искать для себя что-то новое и красивое, любит краситься и быть привлекательной.

Для выявления образа современной женщины и гендерных стереотипов было проанализировано более 10 материалов и рубрик. В данном журнале доминируют образы бизнесвумен, домохозяйки, секс-символа, мамы, жены, модели и так далее.

В каждом выпуске до сих пор можно встретить несколько страниц с рецептами различных блюд, которые направлены на то, чтобы девушка радовала себя, удивляла своего мужчину и семью. Это явный гендерный стереотип, который демонстрирует нам образ женщины-домохозяйки.

Еще один стереотип, присутствующий в данном журнале, это представление о том, что девушка должна следить за своей фигурой, быть худой и иметь спортивное тело. Весна близко, пора начинать худеть, правильное питание – залог красивой фигуры и здорового организма. Редакторы «Cosmopolitan» даже посвятили теме ЗОЖ целый выпуск за май 2020 года. Если пролистывать журнал, не вдаваясь в смысл текста, названия материалов

«Бегом в зал!», «Здравый смысл: как перейти на ЗОЖ», «Упала – отжалась!» уже побуждают к анализу своей фигуры и к занятиям спортом.

Однако тут можно встретить и статьи, посвященные бодипозитиву [6], где объясняется, что это такое, как внушить себе, что тебе должно быть комфортно в своем теле, что никто не имеет права обсуждать и быть осужденным за внешность, а также как не перепутать бодипозитив с неухоженностью.

Среди заголовков также можно встретить и исключительно женские: «Думай как девочка», «Бьюти-хиты месяца», «Лучшие друзья девушек», «Я у себя одна» и многие другие. Можно заметить и частые обращения в названиях: «детка», «дорогая», «зая».

В данном журнале рассказываются исключительно истории девушек, которые попробовали изменить свою жизнь и у них это получилось. Некоторые, конечно, упоминали о своих провалах, но это было в контексте того, что они не сдались и в итоге стали знаменитыми. Например, Александра Гудимова – основательница бренда полезных продуктов Bionova, хотела связать свою жизнь с балетом и театром, но получила травму и от мечты пришлось отказаться. Поступив в магистратуру Высшей школы экономики, она для своей дипломной работы воссоздала бизнес-проект «Гранолы без сахара», что и послужило отправной точкой в успешной карьере женщины [3].

Также можно упомянуть рубрику «Пример для подражания». Истории девушек действительно вызывают восторг. Алена Дерябина в свое время резко поменяла сферу деятельности и вот уже десять лет успешно руководит компанией «Донстрой» [4]. Юлия Темникова получила два высших образования, в одиночку воспитала ребенка и сделала карьеру всего за 5 лет. Сейчас она заместитель начальника Московского метрополитена по развитию клиентских сервисов и работе с пассажирами [5, с. 60–62].

В статье «Фантастические женщины, и где они обитают» рассматривают гендерные стереотипы, которые бытуют в нашем обществе. «Кулаки, вопли, машинки – для мальчиков. Слезы, скромность и куклы – для девочек» [5, с. 80]. Девушкам всю жизнь говорят: «Будь естественной», – но если у тебя есть какие-либо дефекты кожи, то, пожалуйста, скрой их незаметным макияжем, а если ты подумала, что необязательно теперь быть худой, то снова ошиблась, даже у моделей плюс-сайз есть ярко выраженная талия, так что продолжай заниматься спортом.

Также в статье подняты стереотипные мнения о том, что:

1) дети – это хорошо, женщина должна иметь детей, а матери прекрасны;

2) 60 % россиян уверены в том, что основная женская работа – материнство;

3) женщины – это слабый пол, они очень трусливы и их легко напугать;

4) у женщины не должно быть много мужчин, у них должны быть одни отношения на свою жизнь, и до свадьбы девушка должна быть чиста и невинна.

После каждого представленного стереотипа предлагаются пути решения, как избавиться от него, сделать его неактуальным. Все советы, в целом, можно свести к одному: необходимо научиться отстаивать свои права. Если хочешь заниматься боксом и не боишься получить синяки, то попроси родителей записать тебя на секцию. Если не хочешь всю жизнь сидеть дома и заниматься хозяйством, то начни работать, может в будущем именно ты станешь той женщиной, которая попадет в рубрику «Пример для подражания».

Также обращает на себя внимание фраза «женщина – существо непредсказуемое», представленная в качестве подзаголовка к подбору писем от читательниц в статье «Какие уж тут шутки!» [5, с. 44]. На данной полосе помещаются различные интересные истории девушек, которые произошли с ними в жизни. Но сама фраза «существо непредсказуемое» явно отводит читателя к стереотипу «мужчины с Марса, женщины с Венеры» или «женщины не люди».

Периодичная подрубрика в данном журнале – «Как повторить стиль». Объектами исследования были Марго Робби, Хейли Бибер, Зои Кравиц, Дуа Липы, семья Кардашьян, Рианна, Белла Хадид и звезды с красной дорожки. Редакторы данного глянцевого издания рассчитывали, что их читательницы, повторив данный аутфит, будут похожи на звезд, что предполагает построение образа женщины-модели.

В статьях, посвященных моде, девушкам диктуют, что нужно одеваться ярко. В подборках одежды в основном представлены вещи в полихромных оттенках, стилисты также рекомендуют обратить внимание на разнообразный гардероб, что дает возможность девушкам избавиться от образа «серой мыши».

В женских журналах недопустимы грубые выражения. Что касается данного издания, его нельзя встретить ни в печатном глянце, ни на онлайн-сайте. В «Cosmopolitan» можно заметить терминологию исключительно из индустрии моды и красоты. Такие слова, как «санксрин» и «хайлайтер» не поясняются в тексте: считается, что любой потенциальный читатель имеет базовые знания в этой области или может понять все из контекста [2].

Хотелось бы выделить рубрику «Психология». Материалы, размещенные в ней, направлены на принятие девушкой себя, своих недостатков и недостатков своего партнера. Разбираются комплексы, которые обычно вырабатываются у девочек в детстве из-за родителей или окружения. Статьи имеют цель благоприятно повлиять на самооценку читательниц, избавиться от гендерных стереотипов.

Журнал «Cosmopolitan» рассказывает о жизни шикарных, ухоженных женщин, которые наделены неземными чертами лица и идеальным цветом и тоном кожи. Знаменитости, которых помещают на обложки журнала, знают,

чего хотят от своей жизни. Именно это хотят донести редакторы данного журнала до целевой аудитории и дать понять, что каждая девушка должна быть уверенной в себе и может сделать свою жизнь идеальной.

Библиографический список

1. Скорнякова С. С. Гендерные стереотипы в средствах массовой коммуникации // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. тр. – СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 225–231.

2. Шатохина С. А. Гендерные особенности подачи информации в русских медиа на примере журналов «Vogue» и «GQ» [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2020. – № 18 (308). – С. 452–459. – URL: https://moluch.ru/archive/308/69501/ (дата обращения: 19.09.2021).

3. Cosmopolitan : международный женский журнал. – 2020. – № 47. – 172 с.

4. Cosmopolitan: международный женский журнал. – 2020. – № 48. – 172 с.

5. Cosmopolitan : международный женский журнал. – 2020. – № 49. – 268 с.

6. Cosmopolitan : международный женский журнал. – 2020. – № 50. – 232 с.

7. Cosmopolitan : международный женский журнал. – 2020. – № 51. – 220 с.

8. Cosmopolitan : международный женский журнал. – 2020. – № 52. – 150 с.

9. Cosmopolitan : международный женский журнал. – 2020. – № 53. – 148 с.

10. Cosmopolitan : международный женский журнал. – 2020. – № 54. – 172 с.

11. Cosmopolitan : международный женский журнал. – 2020. – № 55. – 196 с.

12. Cosmopolitan : международный женский журнал. – 2020. – № 56. – 184 с.

13. Cosmopolitan : международный женский журнал. – 2020. – № 57. – 208 с.

© Окунева А. А., 2022.

УДК 070(470.345)

ЭЛЕКТРОННЫЕ СМИ В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ, ЯЗЫКА И ТРАДИЦИЙ МОРДОВСКОГО НАРОДА

С. В. Пивкина,
канд. филол. наук, начальник службы радиовещания
sve-pivkina@yandex.ru
Автономное учреждение «Известия Мордовии»
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы языковой культуры, роль средств массовой информации в сохранении языков в Республике Мордовия. Автор отмечает, что этнические СМИ активно осваивают интернет-пространство, корреспонденты ведут сайты, страницы в соцсетях, блоги на родных языках.

Ключевые слова: этнос, язык, средства массовой информации, этническая журналистика, аудитория, популяризация.

ELECTRONIC MEDIA IN POPULARIZING THE CULTURE, LANGUAGE AND TRADITIONS OF THE MORDOVIAN PEOPLE

S. V. Pivkina
Autonomous institution "Izvestia Mordovia"
Saransk, Russia

Abstract. The article deals with the problems of linguistic culture, the role of the media in the preservation of languages in the Republic of Mordovia. The author notes that ethnic media are actively exploring the Internet space, correspondents maintain websites, pages in social networks, blogs in their native languages.

Keywords: ethnicity, language, media, ethnic journalism, audience, popularization.

Любая культура уникальна и ее самобытность не может быть возмещена никакими иными достижениями других культур, поэтому «… для каждого этноса журналистика так или иначе является средством переосмысления различных национальных проблем, рычагом поиска. Именно данное обстоятельство и служит надежной основой для обеспечения интернационального равенства и равноправия в отношениях между национальными культурами» [2, с. 52].

Тема сохранения языка была и остается чрезвычайно актуальной. Вопрос о двуязычии и многоязычии для ряда регионов России стал одним из самых важных. Ярким отражением подобных процессов в многонациональном обществе являются средства массовой информации, которые играют значимую роль в развитии национальной культуры. Журналист должен стремиться показать особенности края, языковые в том числе. В процессе освещения подобных тем значение имеет творческая деятельность автора, так как его индивидуальность в показе новых идей способствует дальнейшему этническому развитию.

Каждое отдельное национальное издание, программа, передача отличаются своей неповторимостью. Они различаются друг от друга характером издающих организаций, названием, тиражом, объемом, размером полос, темами и проблемами, составом редакционных коллективов, качественным диапазоном жанровой палитры и, наконец, ориентацией на определенную аудиторию [1, с. 82].

Каналы распространения информации Республики Мордовия на своих платформах стараются уделять пристальное внимание сохранению и популяризации мордовских языков.

Национальная редакции «Сияжар» филиала ФГУП ВГТРК ГТРК «Мордовия» на протяжении тридцати лет освещает в эфире вопросы развития и сохранения языков этносов, с давних пор проживающих в мордовском крае. Медиаконтент создается на четырех языках – русском, эрзянском, мокшанском, татарском. Особое место в сетке вещания занимают

программы для детей. Они создаются совместно с воспитанниками детских садов (МАДОУ «Детский сад № 90 комбинированного вида», МДОУ «Детский сад № 121» комбинированного вида) города Саранска. Реализуется проект «Тештине» («Звездочка») на мордовском (эрзянском и мокшанском) языке. Среди татар Мордовии популярна программа «Туган як».

В сетке вещания «ТелеСеть Мордовии (10 канал)» пользуется зрительским интересом программа «Од пинге» («Новый век»). Программа реализует множество проектов, в основе которых лежит знакомство с традициями, обычаями, языками разных народов, заселяющих Мордовию. Наиболее популярным является телепроект «Мы дети твои, Россия». Эфиры национальной программы «Од пинге» сопровождаются переводом на русский язык.

Информационно-тематические программы «Народного телевидения Мордовии» – «Мокшень вал» («Слово на мокшанском языке») и «Эрзянь вал» («Слово на эрзянском языке») разработали образовательные проекты «Учим эрзянский язык», «Учим мокшанский язык», в которых учителя школ проводят видеоуроки.

Стремительное формирование системы СМИ привело к преобразованию радиостанций в абсолютно универсальные субстанции, обладающие высоким уровнем технологического оснащения и содержащие разнообразные тематические характеристики [3, с. 157].

Национальная радиопрограмма «Вайгель» («Голос») заняла достойную нишу среди электронных СМИ региона. В эфир выходят программы обучающего характера: «Кортатано эрзякс» («Говорим по-эрзянски»), «Кортатано мокшокс» («Говорим по-мокшански»), «Финт-уграт» («Финно-угры»). Программа «Келесь – раськень ойме» («Язык – душа народа») рассказывает об этимологии мордовских слов, об их родстве с другими финно-угорскими языками. Эфир программы от 15 июля 2020 года: «Ванносынек эрзянь валонть „верка“. Рузокс „быстрый, бойкий“. Лисьмапрязо – финнэнь-угрань вейсэнь келесь. Ули малавикс вал коми, удмуртонь, финнэнь кельтнесэ. Коминь кельстэ ютавтови кода „проворный“, финнэнь кельсэ смустезэ „дрожать“». («Рассмотрим слово „верка“ – в переводе на русский „быстрый, бойкий“. Корни этого слова финно-угорские. Слово с близким значением есть у коми, удмуртов, финнов. С коми языка переводится как „проворный“, а значение этого слова на финском – „дрожать“»).

В студии были записаны и выпущены аудиодиски с эрзянскими сказками «Ёвкске-кавкске», с мокшанскими сказками «Смузень арзяня». Совместно с Управлением образования Департамента по социальной политике Администрации городского округа Саранск журналисты проводят конкурс стихов на мордовском языке «Мелодия родного языка».

Кроме телевизионных программ и радиопередач вопрос изучения мордовских языков затрагивается и рассматривается на страницах детско-

юношеских изданий «Чилисема» («Восход») и «Якстерь тяштеня» («Красная звездочка»). Корреспонденты журналов своей аудитории адресуют интересный познавательный материал на национальном языке. Многие и другие печатные издания края («Известия Мордовии», «Мокшень правда» («Мокшанская правда»), «Эрзянь правда» («Эрзянская правда»), районная печать) акцентируют внимание на освещение культурно-языковых вопросов.

Стремительное развитие современных технологий требует быстрого развития методики их использования. Этнические СМИ активно осваивают интернет-пространство. Журналисты ведут сайты, страницы в соцсетях, блоги на родных языках.

Таким образом, расширение функционирования мордовских языков позволяет обеспечивать СМИ реализацию положений Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Мордовия о праве граждан на пользование родным языком и получение информации на родных языках, служит укреплению позиций национальных языков как на территории Мордовии, так и в регионах компактного проживания мокшанского и эрзянского населения за ее пределами.

Популяризация языков этноса в средствах массовой информации – важная особенность информационного пространства, являющегося характерным полем этнической журналистики, приоритетные цели которой кроются в формировании национального самосознания, навыков исторического, этнографического мышления, пропаганде ценностей, традиций, символов истории и культуры, образа жизни нации.

Библиографический список

1. Пивкина С. В. Типоформирующие факторы региональных средств массовой информации: аудитория, тема, целевое назначение (на примере радиопрограммы «Вайгель» («Голос»)) / С. В. Пивкина, Е. М. Пыреськина // Центр и периферия. – Саранск, 2017. – № 4. – С. 82–85.

2. Ржанова С. А. Проблемно-тематическая направленность этнической информации // Русская литература в иноязычном культурном пространстве: монолог, диалог, полилог : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Саранск, 11 нояб. 2015 г.). – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2016. – С. 52–55.

3. Чаткина М. Г. Коммуникативные стратегии как основополагающий принцип взаимодействия СМИ и аудитории (На примере работы целевых радиостанций «Авторадио» и «Дорожное радио») // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2016. – № 1 (37). – С. 157–162.

© Пивкина С. В., 2022.

УДК 070.1:316.3

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МАССМЕДИА: ПРОЦЕССЫ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ И ОБЛАСТНОЙ ПЕЧАТИ

Е. М. Пыреськина,
канд. филол. наук, доцент
pireskina.elena@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье определяется роль гармонизации межнациональных отношений в структуре работы полиэтнического государства; анализируется роль региональных средств массовой информации в отражении этнокультурных вопросов, определяется их влияние на взаимодействие этносов и народов, проживающих на одной территории.

Ключевые слова: Республика Мордовия, Ульяновская область, аудитория, межэтнические отношения, творчество, этнокультура, массмедиа, гармонизация, печать.

REGIONAL MASS MEDIA: PROCESSES OF HARMONIZATION OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE REPUBLICAN AND REGIONAL PRESS

E. M. Pyreskina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article defines the place of interethnic relations in the structure of the work of a multiethnic state; the role of regional mass media in reflecting ethnocultural issues is analyzed, their influence on the interaction of ethnic groups and peoples living in the same territory is determined.

Keywords: Republic of Mordovia, Ulyanovsk region, audience, interethnic relations, creativity, ethnoculture, mass media, harmonization, print.

В структуре работы любого полиэтнического государства тема гармонизации межнациональных отношений всегда была и остается одним из главенствующих направлений развития. Также очевидно, что значительным фактором, влияющим на взаимодействие этносов и народов, проживающих на одной территории, выступают средства массовой информации (СМИ). Они имеют весомое значение в мире межнациональных отношений, являясь первостепенным звеном при взаимодействии культур разных народов, учитывая особенности каждого из них, находят пути сближения их друг с другом, донося до аудитории национальную палитру в том или ином регионе.

Журналистика, являясь одним из важнейших социальных явлений современной жизни и видом массово-информационной деятельности, обеспечивает непрерывную коммуникацию как между личностью, группой людей и обществом в целом, так и между различными общественными сферами и поколениями. Если процесс творческой деятельности журналиста состоит из сбора, обработки, хранения и распространения актуальной общественно-значимой информации, то журналистика как система должна охватывать и освещать все сферы жизни общества: политику, экономику, культуру.

Межэтническая журналистика – это сложное структурированное явление, где каждый отдельно взятый элемент представляет собой элемент огромной многонациональной семьи, особенно в эпоху мультикультурализма, когда повышен дух народного самосознания и такие понятия, как «этничность», «национальность», «достояние», играют ведущую роль в информационном мире.

В настоящее время возрос интерес к этнической журналистике. Исследователями отмечается ее ведущая роль в освещении межкультурных аспектов жизни и в регулировании межнациональных отношений. От того, насколько положительно или отрицательно преподносятся СМИ материалы на этническую тематику, нередко зависят не только мировоззрение людей, но и международные отношения, согласие и мир в регионе или стране. Стоит отметить, что разнообразие культур и различия в образе жизни вызывают интерес у ученых, журналистов, обычных граждан.

Определяя суть и структуру этнической журналистики, обратимся к существующим закрепившимся мнениям отечественных исследователей, одни из которых предлагают определять этническую журналистику как особый тип СМИ, «основной задачей которого является освещение этнических проблем, возникающих при попытке реализации культурных потребностей этнических групп» [3, с. 149]; другие – обусловливают этническую журналистику, исходя из языковой формы СМИ, и относят к ней все СМИ, которые издаются на территории России не на русском языке [4, с. 40]; третьи – рекомендуют относить к понятию «этническая журналистика» все СМИ, освещающие этническую тематику [7, с. 200].

Идеи и ценности, которые распространяются средствами массовой коммуникации, играют большую роль в формировании национального сознания, они являются главным фактором формирования представлений об общности исторических судеб нации, особенно в конфликтных ситуациях, и устойчивого развития родного языка. Журналист, который специализируется на этнической проблематике, должен уметь, понимать и объяснять особенности деятельности и поведение представителей других этнических групп, а разные виды и направления журналистского мастерства – помочь изучить соответствующие компоненты рассматриваемой культуры. В этнической журналистике журналист обращается к собственной культуре, а в этножурналистике, наоборот, к особенностям культур других этносов.

Журналист, который осуществляет свою профессиональную журна-

листскую деятельность в условиях этнокультурного взаимодействия, безусловно, проводит соответствующие исследования и выполняет при этом исследовательскую функцию, анализируя совокупности политических, экономических, исторических и многих других факторов. Помимо этого, также важны навыки использования разнообразных методов сбора информации, понимания возможностей их применения, достоинств и недостатков. Его работа крайне важна в освещении межэтнических вопросов. Он всегда «ходит» по опасному краю, с которого можно «пошатнуться и упасть», так как от одного неловкого слова разрастается пропасть, или, напротив, он может «проложить мостик», по которому разные народы придут к согласию и дружбе. Журналист-профессионал, хорошо подкованный в межэтнической тематике, видит суть взаимоотношений между народами, он может проникнуть вглубь проблемы и адекватно рассказать о ее причинах. Однако, если случается так, что материал провоцирует негативный отклик, следует иметь в виду, что он написан не нарочно, а это так получилось от нехватки опыта, от узкого кругозора и незнания истоков взаимоотношения тех или иных народов, а также от попытки сделать яркий масштабный материал. Для разрешения указанной проблемы силами сотен журналистов гильдии из разных регионов страны был создан этический кодекс журналиста, освещающий межэтническую тематику в России. Он был написан для того, чтобы помнить, где та граница, которую не нужно переступать, чтобы не навредить обществу.

Для каждого народа, носителя того или иного языка представляет огромную ценность тема многовековой истории, которую необходимо беречь, уважать и грамотно преподносить будущему поколению. Ее рассмотрение и анализ являются важным и нужным процессом в развитии отношений, в сохранении традиций и обычаев, в устранении конфликтов в переменчивое время. При продвижении информационного продукта этнической тематики наиболее эффективной формой передачи является не столько организация специальных изданий и каналов, сколько встраивание соответствующих рубрик в существующие успешные и популярные СМИ. В сущности, именно по этому пути чаще всего и идут в российских регионах.

Межнациональные отношения являются одной из важных и острых проблем в социальной жизни современной России. Многочисленные научные исследования фиксируют значительную роль СМИ не только в освещении этнических нюансов жизни, но и в регулировании самих межнациональных отношений. От того, как, толерантно либо конфликтно, преподносятся СМИ этнически окрашенные материалы, нередко зависят не только взгляды и представления людей, но и сами межэтнические отношения, межэтническое спокойствие и мир в регионе или стране. Передача новостей ежедневно подвергается изменениям как внутренним, так и внешним. Журналисты стараются неоднообразно отражать события, происходящие в мире, и оперативно их транслировать в массы. Цель у них одна: новость должна дойти до адресата.

Региональные средства массовой информации являются наиболее близкими к интересам населения, так как именно «местные издания обслуживают информационные потребности ограниченных, больших или малых

территориальных общностей. Начиная с конца 1993 г. центральная пресса стала постепенно вытесняться местной и региональной; усиливается идеология возрождения России через провинцию; в ряде наиболее развитых субъектов РФ создаются неомифологии, где регион противопоставляется федеральному центру как полюс порядка; подчеркивается сверхзначимость региона для судьбы всей России…» [6, с. 51].

Краевая печать тесно связана с жизнью своего региона. Она учитывает социальный, этнический и возрастной элементы. Однако в силу исторически сложившихся факторов (отсутствие квалифицированных кадров, слабая материально-техническая база, трудная экономическая ситуация) региональная печать более уязвима по качеству и оформительскому исполнению, но это не мешает постоянным читателям находить нужную новость. Пользователь выбирает местную прессу потому, что именно на ее страницах можно найти то, что ищешь, если об этом там говорят еженедельно и довольно подробно.

Анализируя этнические печатные региональные и областные СМИ, следует помнить, что «под этно-прессой понимаются средства массовой информации, главной задачей которых является освещение этнических проблем или реализация этнокультурных потребностей этнических групп» [3, с. 149]; «национальная (этническая) журналистика – неотъемлемый атрибут социального устройства, жизнедеятельности любой нации, этноса» [2, с. 302]. Так, например, вся деятельность межэтнических СМИ Республики Мордовия направлена на то, чтобы «помочь этносу не только сохранить национальную культуру, традиции, нравственные ценности, но и осмыслить свое место в современном мире» [1, с. 69].

В Мордовии национальная региональная пресса представлена несколькими изданиями: «Эрзянь правда» (в пер. с эрз. «Эрзянская правда»), «Мокшень правда» (в пер. с мокш. «Мокшанская правда»), «Юлдаш» (в пер. с татар. «Странник»), «Чилисема» (в пер. с эрз. «Восход»), «Сятко» (в пер. с эрз. «Искра»), «Эрзянь мастор» (в пер. с эрз. «Страна эрзян»), «Якстерь тяштеня» (в пер. с мокш. «Красная звездочка»). Редакции некоторых муниципальных газет регулярно выпускают отдельные полосы на мордовских языках. Ярким примером могут послужить материалы публикаций со страниц газет «Маяк», «Земля и люди», «Вперед» и других.

Журналистскими публикациями воссоздается целостная модель этнокультурного развития мордовского народа, дается возможность этносу познать другие народы, которые проживают в регионе, за его пределами [8]. В процессе передачи информации акцентируется внимание на традициях, обычаях, религии, культуре, способствуя тем самым сближению народов и улучшению их взаимопонимания. Очевидно, как журналисты проводят исследования, в процессе которых находят и по крупицам собирают элементы старинных песен, обрядов, праздников; беседуют с интересными людьми, излагая полученную информацию на том языке, который понятен постоянному читателю.

Местные издания близки к интересам жителей не только потому, что здесь на высоком уровне освещается актуальная информация краевого мас-

штаба, но и поддерживается национальный аспект, «наблюдается процесс акцентирования этнокультурной тематики. Региональная пресса освещает вопросы культуры, языка, традиций народов, проживающих в Приволжском федеральном округе, в котором выходит около 7 000 изданий на языках народов России. При этом не только на языках титульных этносов, но и на других языках населения региона, которые находятся в ситуации этнического меньшинства…» [5]. Одним из таких регионов является Ульяновская область. Как и в других регионах, здесь активно функционируют разнотипные СМИ, среди которых значительное место занимают и районные периодические издания, к которым относятся официально учрежденная городской администрацией газета «Ульяновск сегодня», областная пресса (краеведческий журнал «Мономах», детский журнал «Симбик», две областные газеты – «Народная газета» и «Ульяновская правда», спортивное приложение к «Народной газете» – «Чемпион»), многочисленные районные и три национальные газеты (чувашская «Канаш» («Совет»), татарская «Эмет» («Надежда»), мордовская «Ялгат» («Друзья»)). Все издания администрации области входят в госучреждение «Объединенная редакция». В области множество и других районных газет, рассчитанных на сельскую аудиторию и выходящих строго территориально: «Вешкаймские вести», «Карсунский вестник», «Кузоватовские вести», «Мелекесские вести», «Наш край», «Звезда», «Сельская правда», «Восход», «Сурская правда» и другие.

Особый интерес представляет газета «Ялгат» («Друзья»), которая с 2001 г. выходит ежемесячно, содержит материалы на эрзянском и русском языках. Направленность издания – культурно-просветительская. Журналисты активно прослеживают национально-культурные события не только в Ульяновской области, но и за ее пределами. Довольно часто рассказывают читателям об истории эрзя и мокша народов, о жизни, о традициях, быте и культуре, а также о современных мероприятиях в разных регионах. Страницы издания насыщены материалами об истории того или иного народа, костюмах, творчестве, быте, культуре, народном достоянии, ценностях и наградах. В структуре газеты утвердились следующие рубрики: «Ошонь кулят» («Городские новости»), «Новости финно-угорского мира», «Эрзянь ломантнеде» («О людях мордовского края»), «Страницы истории», «Минек койть-кирдат» («Наши обычаи-предания»), «Минек содавикс ломантнеде» («Об известных людях»), «Миненек сермадыть» («Нам пишут»), «Ули кевкстема» («Есть вопрос»), «Вант, кодамо мазыян» («Посмотри на мою красоту»), «Ярсадо тантейстэ» («Ешьте вкусно»).

В настоящее время газета «Ялгат» – это важная, неотъемлемая частичка сохранения культуры, быта, истории своего народа. В самом названии заложен смысл, теплота всего, что содержит и несет в себе этот источник – «Друзья». Каждый читатель, каждый подписчик является другом, носителем национального языка. Газета лишь объединяет, сплачивает всех вокруг себя, чтобы быстро летящее время и сменяющие друг друга картины дня не смогли затмить очаг, свет, идущий из сердца каждого, кто не равнодушен и гордо готов нести «знамя» языка, национальности, Родины.

Подводя итоги, отметим, что СМИ в Республике Мордовия и Ульяновской области имеют развитую инфраструктуру, а этническая журналистика занимает важное место не только в сфере средств массовой информации, но и играет значительную роль в развитии межнациональных отношений в целом.

Библиографический список

1. Антонова В. И. Типология региональных средств массовой информации. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – 69 с.
2. Блохин И. Н. Этнологическая культура журналиста // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – Сер. 9. – Вып. 2, ч. 2. – 2008. – С. 302 – 307.
3. Богатова О. А. «Конструирование этничности» и этническая пресса // Информационная политика в регионе: между прошлым и будущим. – Саранск, 2003. – С. 149–153.
4. Кокшаров Н. В. Этничность. Этнос. Нация. Национализм // Теоретический журнал «Кредо». – 1999 – № 4. – С. 45–49.
5. Кондакова Н. Разноязычная пресса России // Пресса и этническая толерантность: пособие для журналистов. – М. : Слово, 2005. – 120 с.
6. Малькова В. К. Культурные и экономические связи советских наций на страницах республиканской прессы // Современные этнические процессы. – М., 1975. – С. 51–62.
7. Малькова В. К. Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы // ИЭА РАН – ТАСИС. – М., 2004. – 278 с.
8. Петрушкин Н. И. Воздействие газеты «Эрзянь правда» на формирование общественного мнения // Влияние СМИ на формирование общественного мнения : материалы круглого стола «Воздействие региональной прессы на общественное мнение». – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – С. 39–47.

© Пыреськина Е. М., 2022.

УДК 070:327.323.31

ПРЕССА КОМИНТЕРНА: ПРОБЛЕМЫ ЕДИНСТВА И КООРДИНАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ 20–40-х гг. XX ВЕКА

И. В. Пьянзина,
канд. филол. наук, доцент
inn-pyanzina@yandex.ru
М. А. Смолин,
магистрант
manavib853@gmail.com
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье анализируются этапы формирования, развитие и функционирование агитационно-пропагандистской прессы Коминтерна в 20–40-х гг. XX века. Оценивается роль прессы в политической борьбе

в РКП(б)–ВКП(б) и Третьем интернационале, ее влияние на приход к власти И. В. Сталина.

Ключевые слова: Коминтерн, Третий интернационал, агитация, пропаганда, Сталин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин, большевики, пресса.

THE COMINTERN PRESS: PROBLEMS OF THE INTERNATIONAL REVOLUTIONARY MOVEMENT UNITY AND COORDINATION IN THE 20–40S OF THE 20TH CENTURY

I. V. Pyanzina, M. A. Smolin
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article analyzes the formation, development and functioning of the Comintern propaganda press in the 20–40s of the 20th century. The press role in the political struggle in the Bolsheviks and the Third International, its influence on the coming to power of I. V. Stalin, is evaluated.

Keywords: Comintern, Third International, rabble-rousing, propaganda, Stalin, Trotsky, Zinoviev, Bukharin, Bolsheviks, press.

Коммунистический интернационал как организация просуществовал с 1919 по 1943 г., наложив своей деятельностью отпечаток на многие мировые события и процессы этого периода. Ключевая черта политической борьбы в России в XX веке – борьба прессы. Уже в начале века на российской политической арене каждая партия основывает собственную партийную печать, а сами политики не считаются успешными, если они кроме ораторских способностей не обладают писательскими навыками. По этой причине руководители многих партийных организаций и блоков были еще и активными авторами (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, В. М. Чернов, П. Н. Милюков и многие другие). Поэтому нет ничего удивительного в том, что с созданием Коминтерна большевики придавали большое значение его агитационной работе [4; 7].

Агитационно-пропагандистская организация Коминтерна изменялась на протяжении всего периода, находясь в прямой зависимости от положения в РКП(б) и самом Коминтерне. А. Ю. Ватлин отмечает: «Ведущую роль в руководстве Коминтерном взяла на себя советская делегация большевиков» [2, с. 127]. На это был ряд причин. Для начала, штаб-квартирой и местом создания Третьего интернационала стала Москва. Поэтому все компартии, которые хотели присоединиться к нему, должны были устанавливать формальные и неформальные связи с РКП(б), которые позднее путем принятия соответствующих директив Исполнительным комитетом Коминтерна (далее ИККИ) трансформировались в фактическую зависимость от большевистских аппаратчиков [8, с. 219]. Следующая причина лидерства российской делегации – сам факт создания первого советского правительства, которое на тот момент было единственным в мире. Партия, которая смогла самостоятельно взять

власть в целом государстве, стала непререкаемым авторитетом для остальных. Это уважение со стороны иностранных коммунистов заметно и по личной переписке между большевистскими вождями и иностранными коммунистами [5, с. 78, с. 90–95]. Кроме того, РКП(б) как политическая сила имела самые большие экономические ресурсы среди всех остальных коммунистических и околокоммунистических движений. Поэтому нередко последние обращались к большевикам за денежными кредитами. За счет этого большевики также навязывали свое управление тем партиям, которым не хватало ресурсов на собственное существование.

Процесс превращения Коминтерна в орудие РКП(б)–ВКП(б) во многом был обусловлен уже самим фактом победы большевиков в Гражданской войне. Неудивительно, что в определенный момент внутриполитическая жизнь Интернационала вступила в прямую зависимость от внутриполитической жизни российских коммунистов. Однако в начале 1920-х гг. большевики еще старались не демонстрировать миру и обществу свои внутренние конфликты. Во многом такая тенденция была сохранена благодаря В. И. Ленину, который не хотел показывать «слабость» партии, создавшей первое коммунистическое государство. Поэтому по больше части все конфликты и решались внутри, а достоянием общественности и иностранных компартий через прессу становились уже плоды этих решений.

Этот период можно считать относительно «спокойным» для прессы Интернационала. Большевики старались не посягать открыто на право голоса зарубежных компартий, хоть и смотрели на них свысока [3, с. 269]. Однако уже в этот момент зарождается традиция отсутствия критики в отношении большевиков в прессе коминтерновских партий. В тот момент она не была вызвана страхом, а скорее трепетом и уважением перед большим достижением русских коммунистов. Однако в дальнейшем эта традиция превращается в механизм, что особенно проявилось со смертью В. И. Ленина и с приходом к власти И. В. Сталина.

Внутрипартийная борьба, разгоревшаяся после смерти В. И. Ленина, изменила весь характер взаимоотношений как внутри РКП(б)–ВКП(б), так и между большевиками и остальными компартиями. Пресса стала ее инструментом. Это проявилось уже на первом ее этапе – с объединением И. В. Сталина, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева против Л. Д. Троцкого (бывшего, на тот момент, членом Президиума Исполнительного Комитета Коммунистического интернационала). Первое, что сделал «триумвират» – завел Троцкого в информационную «блокаду»: яркий оратор был отстранен от принятия решений, его сообщения не публиковались в прессе, а возможность выступать перед рядовыми членами партии сведена к минимуму. Начались и активные «гонения» троцкистов в прессе [6] и на внутренних заседаниях. Сам Троцкий пытался отвести часть ударов от своих сторонников, однако это не принесло каких-то плодотворных результатов, ведь самые главные свои инструменты – ораторское мастерство и писательский талант – он использовать не мог.

Интересная тенденция, окончательно укрепившаяся уже на этом этапе – полный запрет на обсуждение внутрипартийной борьбы РКП(б) в ино-

странных компартиях. Судя по всему, это было сделано с целью поддержания видимости «единства» ленинских наследников [2, с. 150].

Следующий этап противостояния бывших соратников принял еще более драматичный поворот. Борьба разгорелась между платформой Сталина–Бухарина и «ленинградской оппозицией» Зиновьева–Каменева. И здесь простая информационная блокада кого-либо из участников была невозможна, так как авторитет обеих групп был практически равен (каждый занимал ключевые партийные посты, а Зиновьев и Бухарин являлись к тому же крупными фигурами и в Коминтерне).

В 1926 г. первая группа (фактически по предложению Сталина) впервые решила использовать Интернационал как инструмент противостояния в ЦК, выбив Зиновьева из его «вотчины» в ИККИ (Зиновьев был председателем Исполнительного комитета Коммунистического интернационала). В результате внутрипартийной борьбы 22 ноября 1926 г. Зиновьева освободили от должности председателя ИККИ и от работы в Коминтерне. Здесь «ленинградцы» допустили большой стратегический просчет: Зиновьев даже не попытался как-то мобилизовать своих сторонников в зарубежных компартиях, по сути «добровольно» покинув свой пост. В самом ИККИ возник новый орган управления, взамен должности председателя, Политсекретариат ИККИ [8, с. 415].

Следующим этапом борьбы становится противостояние «объединенной оппозиции» Троцкого–Зиновьева–Каменева с «дуумвиратом» Сталина–Бухарина. Благодаря тому, что сторонники «дуумвирата» заняли большинство как в Политбюро, так и в агитационных отделах ЦК ВКП(б), все попытки вывести борьбу в публичное поле были сведены к простой «травле» тройки. Зиновьев с Каменевым допустили непростительную для своего имиджа ошибку, вступив в союз с Троцким, которого еще совсем недавно уничижали в своих выступлениях. Постепенно все трое попадают в опалу и уходят в тень с арены большой политики в 1927–1928 гг., а союз Сталина и Бухарина поддерживается до середины 1929 г.

Очевидно, что Коминтерн в своей структуре стал проходить точку невозврата уже во время самой борьбы лидеров большевиков. Руководящее положение РКП(б)–ВКП(б) стало превращаться в доминирующее. Решения «центра» в Москве неизменно должны были выполняться иностранными секциями. Если же какие-то из компартий отказывались подчиняться, то они попросту лишались членства в Коминтерне, материальной поддержки и становились мишенью для идеологических «залпов» [2, с. 335].

Завершающим актом установления диктатуры Сталина и окончательной потери Коминтерном и его секциями своей самостоятельности стала борьба между участниками дуумвирата. С помощью полемических приемов, используя свой авторитет среди аппаратчиков ЦК и всячески дезавуируя положение Бухарина как «главного теоретика партии» в прессе (этот процесс раскрыли А. Г. Авторханов и А. Ю. Ватлин в своих работах [1, с. 204–218; 2, с. 322–324]), Сталин смог вывести из Коминтерна своего последнего крупного оппонента из числа «ленинской гвардии». Последовавшие за этим чистки

«правых» были активно продолжены сталинскими сторонниками в зарубежных компартиях.

С момента разгрома «бухаринцев» начинается не только постепенное падение самостоятельной роли Интернационала, ИККИ, ВКП(б), но и прессы с Агитпропом. Все они становятся своеобразными «отделами» властного аппарата Сталина. Декларируемые цели по объединению и созданию единого координационного штаба мировой революции начинают все больше звучать лишь условно, фактически подменяясь на более практичные и приземленные задачи: информационная война с «буржуазными» элементами и «потворствующими» им политическими движениями, создание и реклама положительного образа СССР за пределами и внутри страны, фактическое оправдание и разъяснение тех или иных политических действий партии и ее руководителей. Сталин лично или через преданных ему агентов контролировал каждый шаг ИККИ в дальнейшем. Складывалась следующая вертикаль власти: Сталин – ИККИ – конкретные агенты и деятели Коминтерна, что получило отражение и в Уставе Коминтерна [9]. Промежуточные звенья этой цепи редко имели большое значение, ведь большинство решений, тем более ключевых, принимались в кремлевском кабинете вождя и в его окружении.

В подобном положении дел был ряд своих преимуществ. Так, установившаяся дисциплина упрощала управление действиями Коминтерна и его информационными отделами. Это помогало довольно быстро принимать решения по различным вопросам и быстро доводить их до сведения агентов и деятелей Интернационала. Партии-участницы Коминтерна получали материальную и политическую поддержку, могли отправлять свои кадры на «революционное» обучение в Москву (особенно актуально это было для стран третьего мира и стран Востока, в частности) [6].

Однако превращение Коминтерна в столь жестко регламентированную, иерархичную организацию влекло за собой и негативные последствия. По сути, внутри организации отсутствовала какая-либо гласность и свобода выражения небольшевистских идеологических мнений. Кроме того, Сталин систематично приспосабливал идеологию под те или иные нужды настоящего момента, порой диаметрально противоположные. Так, например, было с признанием социал-демократов – в зависимости от обстановки спускались инструкции то по борьбе, то по объединению в «народные фронты» с этими группами. Кроме того, очевидно, что сильно зависящие от Интернационала компартии практически не имели возможности противоречить линии ИККИ, даже если это мешало работе «в поле». Так, для попытки хотя бы повлиять на изменение указаний из «центра», приходилось отправлять в Москву надежных партийцев для убеждения вышестоящих органов в необходимости пересмотра ранее выданных указов. И даже подобный метод не всегда срабатывал.

Недолгий период ленинской демократии и коллегиального управления Коминтерном к 1930-м гг. сменился единоличным управлением Сталина. Позиция самого Сталина сильно влияла на программные документы Коминтерна, его тактику и стратегию, так как диктатор видел в Интернационале ин-

струмент реализации внешнеполитического курса СССР наравне с Наркоматом иностранных дел. На будущем Коминтерна это сказалось самым непосредственным образом.

Библиографический список

1. Авторханов А. Г. Технологии власти. – М. : Слово, 1991. – 638 с.
2. Ватлин А. Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. – М. : РОССПЭН : Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – 374 с.
3. Гапионок Е. В. Коминтерн и зарубежная коммунистическая пресса: проблемы агитации и пропаганды // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XX (67) регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов : в 2 т. – Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2015. – Т. 1. – С. 267–269.
4. Гапионок Е. В. Пропагандистская кампания Коминтерна против интервенции на страницах британской прессы и в журнале «Коммунистический интернационал» // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность (к 90-летию окончания Первой мировой войны и началу формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений) : материалы междунар. науч. конф. – Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2008. – С. 89–92.
5. Коминтерн и идея мировой революции : документы / отв. ред. Я. С. Драбкин ; Институт всеобщей истории РАН ; Федеральная архивная служба России ; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. – М. : Наука, 1998. – 949 с.
6. Коммунистический интернационал : орган Исполнительного Комитета Коммунистического интернационала [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ГПИБ : [сайт]. – URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9347-elektronnaya-biblioteka-gpib (дата обращения: 16.09.2021).
7. Новиченко И. Ю. Из истории Коммунистического интернационала: к 100-летию основания: источники и литература из фондов ГПИБ России // Время Коминтерна : материалы междунар. науч. конф. к 100-летию Коммунистического интернационала / науч. ред. О. С. Поршнева ; сост.: Е. Н. Струкова, К. Б. Харитонов. – 2020. – С. 305–350.
8. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг. : документы / отв. ред. Г. М. Адибеков ; Федеральная архивная служба России, Российский государственный архив социально-политической истории. – М. : РОССПЭН, 2004. – 960 с.
9. Программа и устав Коммунистического интернационала [Электронный ресурс] // Agitclub.ru : [сайт]. – URL : http://www.agitclub.ru/front/com/congress061.htm (дата обращения : 10.10.2021).

© Пьянзина И. В., Смолин М. А., 2022.

УДК 81:070(430)

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СМИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА ГЕРМАНИИ)

С. А. Ржанова,
д-р культурол., профессор, зав. кафедрой
rzanova@mail.ru
А. М. Шаронова,
магистрант
arinashar@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются средства репрезентации, которые формируют образ Германии в современной медиакартине мира. Цель статьи – выявить и представить обобщенный образ Германии, сформированный СМИ, показать какие лексические средства используются для описания ее политического, культурного и социального положения в мире. Образ государства в СМИ Германии предстает как образ прогрессивной страны с развитой экономикой, влияние и авторитет которой признаются не во всем мире. Анализ электронных версий федеральных СМИ Германии, показал положительный образ страны. Это одно из наиболее стабильных и благополучных государств, ориентированных на дружеские, добрососедские отношения с мировым сообществом.

Ключевые слова: Германия, СМИ, образ, государство, культура, жизнь, Европа.

LEXICAL MEANS OF REPRESENTING THE IMAGE OF GERMANY IN THE MODERN MEDIA PICTURE OF THE WORLD

S. A. Rzanova, A. M. Sharonova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. This article examines the lexical means that form the image of Germany in the modern media picture of the world. The purpose of the article is to identify and present a generalized image of Germany formed by the media, to show what lexical means are used to describe its political, cultural and social situation in the world. The image of the Federal Republic of Germany at the moment is the image of a progressive country with a developed economy, the influence and authority of which is not recognized all over the world. It is also one of the most stable and prosperous states, focused on friendly, good-neighborly relations with the world community.

Keywords: Germany, mass media, image, state, culture, life, Europe.

В настоящее время медиакартина мира является площадкой для формирования определенного восприятия существующей действительности, установления новых ценностных направлений и ориентиров, настройки понятийного мира носителя языка, и происходит это по причине «общественно-политических трансформаций, оказывающих существенное влияние и на языковые процессы» [6]. И прежде чем приступить к анализу образа Германии, необходимо разъяснить понятие «репрезентация» в лингвистике.

Термин «репрезентация» многозначен и применяется во многих научных областях: в философии, истории, психологии, культурологии, социологии, социальном познании в целом. Общее определение дается следующее: «репрезентация – это опосредованное, или «вторичное» (через подобие) представление в сознании человека образов (первообразов) материальных или идеальных объектов их свойств, отношений и процессов» [11, с. 17].

Термин «языковая репрезентация», употребляемый по большей части когнитивной лингвистикой, используется для определения связи, действующей между «сознанием (мышлением) как нематериальной сферой ментальных образов» и «языком как материальной системой явлений акустической природы (высказываний), наделенных семиотической функцией» [2, с. 64]. В некоторых работах о структурализме и отчасти функционализме семиотическая функция языка означает способность передавать смысл или содержание в процессе коммуникации между собеседниками, таким образом, что в процессе обмена информацией она становилась доступной для восприятия собеседнику, т. е. «репрезентировалась» при помощи «посредников: моделей, символов, языковых или логических систем» [2, с. 66–67].

Для репрезентации образа Германии в многочисленных источниках средств массовой информации использовались различные лексические и стилистические средства, так как они более красочно раскрывают дух и оригинальную картину мира. Лексические единицы – это части системы, которые делятся на два типа: составные и совмещенные. Составными являются единицы, объединенные друг с другом различными связями: «сходства, противоположности, иерархии: синонимический ряд, антонимическая пара, омонимическая цепочка, словообразовательное гнездо, гиперонимо-гипонимическая группа, лексико-семантическая группа, лексико-семантическое поле, тематическая группа, а также выделяемое на психолингвистической основе ассоциативно–ситуативное поле». Совмещенными являются «однотипно маркированные лексические пласты: заимствованные слова, неологизмы, устарелая лексика, редкие слова, диалектизмы, жаргонизмы, термины, разговорные слова и т. п.» [9, с. 46]. Стилистические единицы связаны с ярусами слов и словосочетаний и соотносятся с такими классами этих единиц, как синонимы, антонимы, фразеологизмы, термины, архаизмы, историзмы, неологизмы и др.

При просмотре статей полученные результаты мы объединили в лексико-тематические группы. Из названия «лексико–тематическая группа» можно понять, что имеется в виду совокупность слов разных частей речи, принадлежащих одной теме. Или если дать более точно определение, то тут подой-

дет больше всего трактовка Л. Ф. Алефиренко: «тематическая группа – совокупность слов разных частей речи по их сопряженности с одной темой на основе экстралингвистических параметров» [10, с. 22]. Также стоит упомянуть, что лексико–тематические группы «состоят из нескольких лексико–семантических групп, тесно связанных с заявленной темой, поскольку семантическая значимость выявляется не только контекстно, но и благодаря системным связям лексической единицы» [10, с. 24]. Лексико-тематическая группа имеет сложную структуру, связанную с многогранностью и неоднородностью лексического состава языка. Важно помнить об определении границ при построении лексико–тематической группы, так как в ее составе могут попадаться многозначные слова, которые с учетом своих различных значений могут быть включены одновременно в несколько лексико-тематических групп.

В данной статье мы будем рассматривать образ Германии, формируемый современными СМИ на основе таких лексико-тематических групп, как «государство/Staat», «культура/Kultur», «Жизнь/Alltagsleben», на базе материалов немецкоязычных СМИ, и отмечено, с помощью каких лексических языковых средств он репрезентируется.

Лексические средства являются одной из главных форм воплощения образа. При помощи всего многообразия средств языка журналист дает свою оценку к происходящему и способствует выстраиванию подобного мнения у читателей.

Рассматривать образ Германии мы начнем с группы «государство/ Staat». При исследовании лексических средств по группе «государство/Staat» Германия предстает пред глазами общественности одной из самых уважаемых и развитых стран как современной Европы, так и всего мира. Она играет весьма значимую роль на политической арене, принимая участие в решение многих международных вопросов, которые затрагивают все мировое сообщество. Кроме того, лексика, с помощью которой дается характеристика государству, носит в основном нейтральную или положительную оценку.

В качестве лексических единиц, называющих Германию как государство, авторы статей применяют: EU-Staat – Государство ЕС; die Bundesregierung – федеральное правительство; die Regierung – правительство; der starker Staat – сильное государство; die Bundesrepublik (BRD) – Федеративная Республика; ein großer Gewinner der Globalisierung – великий победитель глобализации; der Industriestaat – индустриальная страна; das Partnerland – страна-партнер.

Из этих примеров мы можем увидеть, что по большей части эти лексические единицы несут нейтральный или положительный характер.

Германия считается всемирно уважаемой страной, поэтому нет ничего удивительного в том, что в прессе при ее упоминании употребляются положительно окрашенные лексические единицы. Например, в фрагменте интервью с послом Мексики в Германии Патрицией Эспинаса Кантеллано, где она выражает свое мнение о стране и ее роли на мировой арене: «При решении международных вопросов, которые касаются всех нас, например, проблемы

связанные с изменениями климата, глобальной миграцией, ядерным разоружением, защитой прав человека и т. д., Германия играет ключевую роль» [3; 5; 7]. Тэд Рейнарт, координатор программы Трансатлантической академии, поддерживает это мнение: «Германия приобретает все большее значение как ведущая держава на международной политической арене, будущее которой тесно связано с Евросоюзом» [4].

Следующая группа «культура/Kultur». Говоря о культуре, стоит отметить, что СМИ считают Германию высоко значимой культурной нацией, статус которой не только основан на всемирно известных представителях различных направлений искусства прошлых веков, но и на сегодняшний день на слуху у многих значится как культурный центр Европы, который оберегает наследие предков и является надежным каналом для связи старых и новых поколений.

Германия знаменита многими различными достопримечательностями, произведениями искусства, композиторами, писателями и другими деятелями культуры, которые создали прекрасные творения, впоследствии ставшие достоянием всего немецкого народа. На данный момент правительство страны вкладывает много сил и ресурсов в защиту и продвижение в общество своих памятников культуры. Для этого в Германии существуют даже особые организации и институты.

Если говорить о культуре в Германии в целом, то тут СМИ придерживаются мнения, что единой культуры на территории Германии нет. Здесь проживает большое количество разнообразнейших народов, которые, несмотря на все различия, спокойно соседствуют друг с другом и привносят частичку своей культуры, формируя нечто особенное. В XXI веке «говорить о Германии как о культурной нации значит говорить о взрослом, постоянно развивающемся, живом организме, разнообразие которого поражает, ошеломляет и даже сбивает с толку» [12].

Германия считается одной из самых значимых культурных нации. И подобный образ сформировался в течение долгого времени и при помощи многих известных личностей, об этом говорит уважаемый историк Мэри Элиза Саротт из Университета Южной Калифорнии: «Репутация Германии как выдающейся культурной нации основана на великих именах прошлого, таких как Бах, Бетховен и Брамс в музыке, Гете, Шиллер и Томас Манн в литературе» [12]. Ее коллега, Фредерик Бозо из Парижской Сорбонны, отмечает также тот факт, что современные художники и многие другие представители культуры смогли превратить Германию в «оживленный центр новой развитой культуры и искусства», который «обеспечивает диалог между носителями разных культур и помогает обмениваться различными знаниями и умениями на международном уровне» [4].

Последней будет рассмотрена группа «жизнь/Alltagsleben» и то, какие аспекты жизни в Германии чаще всего рассматриваются в СМИ. Здесь Германия предстает перед нами, как современная прогрессивная держава, которая сильно заботится о своем народе. Она высоко ценит человеческое право на неприкосновенность человеческого достоинства, свободу вероисповеда-

ния, защиту своего населения от дискриминации по любому признаку. И для нее абсолютно неважно, является ли человек коренным жителем страны или приезжим. Германия стремится обеспечить безопасное и комфортное проживание всем своим жителям, формируя доверительное и солидарное сообщество.

В современном немецком обществе сосуществует рядом друг с другом несколько этнических групп. Но основной негласный закон данного сообщества, по словам профессора политологии в университете Бригама Янга, Уэйда Джекобби, «основывается на неприкосновенности человеческого достоинства. И поэтому основные демократические ценности должны постоянно пропагандироваться и защищаться от дискриминации, ксенофобии и антисемитизма» [8].

Сейчас как Германия, так и многие государства мира стремятся к единству народов, религий и правительства пытаются всеми силами бороться с расизмом и дискриминацией различных меньшинств. Немецкий политолог Стефан Фройляйн говорит о том, что «вводятся новые и дополняются старые законы, которые защищают всех граждан Германии от дискриминации, насилия, расизма и т. д.» [8]. Он подчеркивает и то, что немецкое правительство старается нейтрально и терпимо относится ко всем религиям: «Основной закон Германии гарантирует, что каждый может свободно жить в своей религии... Исповедует ли гражданин религию или присоединяется к религиозной общине, главное, чтобы это являлось его личным решением» [1].

Рейхстаг старается всеми силами поддерживать население своей страны, чтобы в Германии можно было жить в безопасности и спокойствии. И это приносит свои плоды, как отмечает немецкий политолог, профессор Гарварда Яша Мунк: «Толерантное демократическое сообщество Германии проявляется в такой житейской мелочи, как уважение людей друг к другу – на улице, в качестве соседей, одноклассников или коллег» [4].

В заключение стоит сказать, что при детальном просмотре темы мы выяснили, что огромное количество лексических средств СМИ используют на сегодняшний день для описания большинства аспектов жизни немецкого народа. Созданный современными СМИ образ Германии как экономического и политического лидера Евросоюза и всей еврозоны в целом, влияние и авторитет которого признается всем миром, влияет на положительную динамику развития международных отношений и является гарантом доверия при решении основных внутренних и внешних политических вопросов. Также не стоит забывать, Германия – одно из наиболее стабильных и благополучных государств, которое ориентировано на мирные, добрососедские отношения с мировым сообществом, что, несомненно, подкрепляет положительный образ страны на международной арене.

Библиографический список

1. Альмендигерр Ю. Что значит «Родина» для немцев? [Электронный ресурс] // deutschland.de : [сайт]. – 2019. – 23 июн. – URL: https://www.deutschland.de/de/topic/leben/was-heimat-fuer-menschen-in-deutschland-bedeutet (дата обращения: 02.04.2021).

2. Гаумов Э. А. Имидж против имиджа. – М. : Известия, 2005. – 552 с.
3. Гебель Й. Год германо-мексиканского партнерства [Электронный ресурс] // deutschland.de : [сайт]. – 2016. – 15 янв. – URL: https://www.deutschland.de/de/topic/politik/entwicklung-dialog/ein-jahr-im-zeichen-deutsch-mexikanischer-partnerschaft (дата обращения: 02.04.2021).
4. Гебель Й. Много тем для обсуждения [Электронный ресурс] // deutschland.de : [сайт]. – 2016. – 7 окт. – URL: https://www.deutschland.de/de/topic/ politik/globale-fragen-recht/viele-themen-zu-diskutieren (дата обращения: 02.04.2021).
5. Гурков А. Германия – 2021: пандемия, вакцинация, рост экономики и уход Ангелы Меркель [Электронный ресурс] / А. Гурков, К. Хассельбах // Deutsche Welle : [сайт]. – 2021. – 1 янв. – URL: https://www.dw.com/ru/germanija-2021-pandemija-vakcinacija-rost-vvp-i-uhod-merkel/a-56047240 (дата обращения: 02.04.2021).
6. Гуща С. В Германии со 2 ноября вводят мягкий локдаун [Электронный ресурс] // Deutsche Welle : [сайт]. – 2020. – 28 окт. – URL: https://www.dw.com/ru/v-germanii-so-2-nojabrja-vvodjat-mjagkij-lokdaun/a-55422698 (дата обращения: 02.04.2021).
7. Жольквер Н. Вторая волна коронавируса в Германии только начинается [Электронный ресурс] // Deutsche Welle : [сайт]. – 2020. – 12 окт. – URL: https://www.dw.com/ru/vtoraja-volna-koronavirusa-v-germanii-tolko-nachinaetsja/a-55249970 (дата обращения: 02.04.2021).
8. Зэх Т. Инициативы против расизма в Германии [Электронный ресурс] // deutschland.de : [сайт] – 2020. – 23 марта. – URL : https://www.deutschland.de/de/topic/leben/initiativen-gegen-rassismus-in-deutschland (дата обращения: 02.04.2021).
9. Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные слова. – М. : Наука, 1973. – 152 с.
10. Ржанова С. А. Синергетика массовой медиакультуры и тенденции постмодернизма в современном информационном пространстве России // Utopía y Praxis Latinoamericana. – Т. 24. – Extra 5. – Venezuela, 2019. – С. 399–408.
11. Шестопал Е. Б. Образы государств, наций и лидеров. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 288 с.
12. Шмидт Х. Живая культурная нация [Электронный ресурс] // deutschland.de : [сайт] – 2012. – 13 авг. – URL: https://www.deutschland.de/de/topic/kultur/kuenste-architektur/lebendige-kulturnation (дата обращения: 02.04.2021).

© Ржанова С. А., Шаронова А. М., 2022.

УДК 81′42:621.397(047.6)

ОСОБЕННОСТИ НАПИСАНИЯ ТЕКСТА НОВОСТНОГО СЮЖЕТА НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

Н. М. Русяева,
магистрант
rusyaeva.nadejda98@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности написания телевизионного текста для сюжета новостной программы. Автор утверждает, что морфологические особенности текста на телевидении заключаются в том, что

глаголы используются в активном залоге. В таком материале корреспондент избегает цитирования, которое можно заменить синхроном, он дополнит и разнообразит новостной сюжет.

Ключевые слова: телевидение, контент, особенности текста, новостной текст, СМИ, журналистика, медийность, массовая информация, новости, речевые особенности.

FEATURES OF WRITING TEXT OF NEWS PLOT ON TELEVISION STORY ON TELEVISION

N. M. Rusyaeva
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article discusses the features of writing a television text for a news program plot. The author argues that the morphological features of the text on television are that verbs are used in the active voice. In such material, the correspondent avoids quoting, which can be replaced by synchro, it will complement and diversify the news story.

Keywords: television, content, text features, news text, mass media, journalism, media, mass information, news, speech features.

В работе журналиста важна каждая составляющая – от выбора темы до готового информационного продукта. Профессионалу в своей деятельности важно проработать каждую ступень.

Текст – это основа любого журналистского материала. У медийных текстов разных жанров существует важная особенность – это сочетание в них элементов воздействия и сообщения. Одной из главных и самых важных целей СМИ является передача актуальной информации. В идеале данная информация предстает перед аудиторией в нейтральном виде, без тех самых элементов, которые сильно воздействуют на аудиторию. Часто текст информационного продукта содержит прямую или скрытую оценку происходящего события, речевые приемы, языковые средства, которые дают реакцию аудитории на передаваемое сообщение.

Лилия Хузеева в своей работе «Специфика телевизионного текста» выделяет следующие основные категории телевизионного медиатекста: медийность, массовость, интегративность, открытость, интертекстуальность [3, с. 25].

Один из основных признаков журналистского текста – это актуальность. Однако существуют и другие особенности. Многие журналистские тексты достаточно часто имеют диалогическое начало. Это происходит потому, что журналист в своей работе обращается к читателю, задает вопросы, приводит аргументы.

Журналистский текст – это, в первую очередь, информационный продукт, который показывает читателю реальную картину происходящего. По-

сле усвоения полученных знаний о событии, человек сам делает для себя выводы, именно поэтому так важно отобразить в своем материале разные стороны одного вопроса. Необходимо привести мнения сторон по одной проблеме, это поможет аудитории лучше понять ситуацию.

Журналистский текст для новостного сюжета на телевидении по своей структуре имеет ряд отличительных черт. Телевизионный текст выступает в единстве с видеорядом, а это означает, что корреспонденту нужно только дополнить информацию в тексте, но не пересказывать каждый кадр. Поэтому здесь используется минимальное количество прилагательных, которые не будут утяжелять текст. Видеоряд уже раскрывает главные подробности. Важно учитывать порядок, использовать инверсию. Вначале журналист пишет о том, на что зритель обратит внимание, «самые главные слова в предложении» [3, с. 34].

Телевизионный текст относится к публицистическому стилю. Газетный и текст для новостного сюжета на телевидении отличаются и в плане организации синтаксиса. В первом больше сложных предложений, а в телевизионном тексте – простых с минимальным количеством причастных или деепричастных оборотов. Кроме этого, отличается количество слов и композиционная структура. При написании телевизионного текста корреспондент старается адаптировать его для зрителя, сделать понятнее, интереснее, но при этом сохранить всю важную информацию. В отличие от газетного текста, к которому читатель может вернуться в любое время, чтобы уточнить какие-то моменты, новостной сюжет воспринимается в моменте. И хотя в современном мире, благодаря Интернету, зритель может еще раз посмотреть конкретный сюжет, это происходит очень редко. Именно поэтому текст телевизионного сюжета должен быть лаконичным, ясным и кратким.

В тексте сюжета используются обычные слова и несложные предложения. Часто можно заметить, что в новостных передачах применяется набор шаблонных фраз и стандартных конструкций. Кроме всех известных, к таким речевым штампам относят парные слова, слова-спутники. Шаблоны и речевые штампы не украшают текст телевизионного сюжета, ведь даже самые официальные материалы можно написать понятным для аудитории языком, без сложных конструкций и непонятных для большинства слов, избавив материал от сухости речи. «Телевизионная лексика не терпит канцеляризмов, профессионализмов и научной терминологии. Она должна быть общедоступна и понятна миллионам телезрителей» [3, с. 32].

Подобные стандарты обладают четкой семантикой и помогают емко выразить мысль автора. Такие речевые единицы часто используют журналисты в текстах своих репортажей, так как бывает сложно лаконично выразить мысль и не использовать при этом речевые штампы. Однако чем меньше в тексте будут присутствовать такие приемы, тем качественнее будет выглядеть итоговый вариант текста.

Ирина Борисовна Голуб в своем пособии «Стилистика современного русского языка» отмечает, что речевыми штампами становятся «получающие

широкое распространение слова и выражения со стертой семантикой и потускневшей эмоциональной окраской» [3, с. 34].

Штампом может стать речевое средство, которое часто повторяют – шаблонные метафоры, определения. Стоит отметить, что в практической стилистике термин «речевой штамп» обладает более узким значением. Это стереотипные выражения, которые имеют канцелярскую окраску.

Морфологические особенности текста на телевидении заключаются в том, что глаголы используются в активном залоге. В таком материале корреспондент избегает цитирования, которое можно заменить синхроном, он дополнит и разнообразит новостной сюжет. Очень редко в текстах используются аббревиатуры, они усложняют процесс усвоения информации для зрителя.

На телевидении существуют особые правила написания текста. Сюжет для новостной программы необходимо дополнить синхроном, максимальный тайминг которого – 30 секунд. Также можно включить лайф, лайф-синхрон, стендап-синхрон корреспондента, хрип-синхрон. Важно логично и рационально использовать данные элементы, так как хронометраж сюжета не превышает 2–3 минуты.

Главная цель в тексте для телевизионных новостей – всесторонне построить повествование о событии. Двух главных проблемных тем в одном сюжете не бывает, все вопросы, на которые пытается ответить корреспондент, подчинены одной теме.

В тексте для телевизионного сюжета есть классическая последовательность – лайф, закадр, синхрон, закадр. Текст синхрона и лайфа обязательно прописывается, это упрощает работу редактора, который должен проверить, не противоречит ли комментарий тексту сюжета.

Как и текст информационного сюжета, у ведущего телевизионных программ тоже есть определенные критерии написания текста. В первую очередь – это малая доля авторской составляющей. Конечно, у каждого ведущего есть свой стиль подачи информации, но обычно в информационных программах, новостной текст простой и практически без эмоций. Основная задача ведущего обработать информацию, которая пришла от информационных агентств, адаптировать ее для зрителей и сохранить суть послания. Значительную роль играет индивидуальный стиль ведущего, тембр голоса, интонация, поведение перед камерой. Все это помогает вовлечь зрителя в информационный поток.

Тексты для телевизионных сюжетов всегда проходят процесс озвучки, это еще одна из особенностей такого материала. Телевизионной речи свойственна синхронность, то есть ее восприятие происходит в момент произнесения. Отсюда особый подход к выбору языковых средств [3, с. 29].

Телевизионная речь адресована массовой аудитории, которая включает зрителей всех социальных слоев, возрастов и профессий. Поэтому в тексте сюжета одновременно сочетаются простота и индивидуальность авторского текста журналиста.

Библиографический список

1. Голуб И. Б. Стилистика русского языка : учеб. пособие. – М. : Рольф : Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
2. Ким М. Н. Жанры современной журналистики. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2004. – 336 с.
3. Хузеева Л. Р. Специфика телевизионного текста : учеб.-метод. пособие. – Казань : Казан. ун-т, 2015. – 73 с.
4. Цвик В. Л. Телевизионная журналистика: история, теория, практика : учеб. пособие. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 382 с.

© Русяева Н. М., 2022.

УДК 070

ПРОБЛЕМЫ ВЕДЕНИЯ ВИДЕОБЛОГА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ YOUTUBE-КАНАЛОВ)

У. А. Сновальникова,
магистрант
snovalnikova99@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье представлено исследование проблем ведения и продвижения видеоблогов научно-популярной журналистики на основе контент- и дискурс-анализа YouTube-каналов («TrashSmash», «Whaesplaining», «ПостНаука»), предложены возможные пути решения.

Ключевые слова: видеоблогинг, цифровая журналистика, проблемы ведения, научно-популярная журналистика, интернет-пространство, YouTube, «TrashSmash», «Whaesplaining», «ПостНаука».

PROBLEMS OF MAINTAINING A VIDEO BLOG OF POPULAR SCIENCE JOURNALISM (USING THE EXAMPLE OF YOUTUBE CHANNELS)

U. A. Snovalnikova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article presents an analysis of the problems of maintaining and promoting video blogs of popular science journalism based on the analysis of YouTube channels ("TrashSmash", "Whaesplaining", "Post-science channels"), and suggests possible solutions.

Keywords: Video blogging, Problems of conducting, Popular science journalism, Internet space, YouTube, TrashSmash, Whaesplaining, Post-science channels.

С развитием компьютерных технологий активно развиваются средства массовой информации в интернет-пространстве. В частности, видеоблогинг становится очень популярным средством передачи информации. Потенциал видеоблогинга в журналистской профессии трудно переоценить. Видеоблогинг можно назвать своеобразной формой веб-телевидения. Наиболее известным и популярным сайтом для обмена видео считается хостинг YouTube. По данным социологического исследования, проведенного в области видеоблогинга в 2015 г. и 2018 г., основной аудиторией на интернет-платформе YouTube являются подростки 13–17 лет, а также молодежь 18–24 лет [10]. Именно на данной платформе развивается цифровая журналистика, в том числе и научно-популярная в форме видеоблогов. Однако не все знают, с какими трудностями может столкнуться научно-популярный видеоблогер в процессе ведения и продвижения информации. Актуальность данной темы определяется тем, что видеоблогинг как форма цифровой журналистики является новым для производства, передачи информации и сравнительно недавно осваивается журналистами, при этом имеет большой потенциал по охвату аудитории. Данная статья актуальна как для блогеров научно-популярной журналистики, так и для потребителей информации.

Проблемы ведения видеоблогов слабо изучены как отечественными, так и зарубежными исследователями. К понятию «видеоблог» обращались зарубежные исследователи: M. Kaminsky [20], J. Lim [21], J. R. Young [22]. Среди российских исследователей по данной теме следует отметить таких авторов, как А. Е. Боровенков [1], А. Г. Вольнова [2], Е. А. Игнатенко [4], В. А. Ипатьева [5], А. А. Калмыков [6], А. В. Колисниченко [7], Е. В. Лазуткина [8], А. А. Попов [11], И. А. Текутьева [13], А. А. Фадеева [14], И. Я. Филлипова [15], О. Р. Чулкова [16], И. Н. Шамаев [17], М. С. Шилиманов [18], В. А. Шилин [19].

Цель данной статьи – исследовать, типологизировать и попытаться найти пути решения проблем, возникающих при ведении видеоблогов научно-популярной журналистики на YouTube-канале.

Задачи исследования следующие.

1. Выявить проблемы ведения и продвижения видеоблогов научно-популярной журналистики на YouTube-каналах.

2. Типологизировать основные проблемы ведения научно-популярных видеоблогов на YouTube-каналах.

3. Предложить пути решения данных проблем.

В качестве эмпирического материала выступают интернет-ресурсы, а именно: YouTube-каналы («TrashSmash», «Whaesplaining» и «ПостНаука») как примеры видеоблогов научно-популярной журналистики.

Методами исследования выступают контент-анализ и дискурс-анализ видеороликов с данных каналов.

Обратимся к результатам нашего исследования. Анализ контента видеоблогов научно-популярной журналистики выбранных каналов на русскоязычном YouTube-пространстве показал, что когда дело касается популяризации, т. е. объяснения простым языком чего-либо сложного,

возникает целый ряд проблем, тесно переплетенных друг с другом. Для того, чтобы открыть научно-популярный YouTube-канал и выступить в качестве журналиста, блогеру в одиночку нужно выполнять ряд задач. На него одного ложатся функции телередакции. Отсюда вытекают проблемы, с которыми может столкнуться начинающий видеоблогер научно-популярной журналистики. По критерию причин возникновения условно можно разделить их на три группы:

1) поиск и обработка научного знания;

2) создание контента;

3) удержание целевой аудитории.

Рассмотрим каждую группу проблем более подробно.

Первая группа, по-нашему мнению, основополагающая и связана *с научным знанием,* она включает целый ряд подпроблем: а) недостаток профильного образования; б) информационный вакуум (по целому ряду научных направлений); в) невозможность отличить фейковый источник информации от достоверного (проблема верификации); г) вынужденное использование анонимных источников вместо авторских, научных в условиях информационного вакуума.

Вторая группа – *создание контента,* включает в себя следующие аспекты: а) большие временн*ы*е затраты на создание видео роликов; б) недостаток финансирования; в) необходимость подстраивать контент-план под нужды рекламодателя.

Третья группа проблем – у*держание целевой аудитории,* может быть конкретизирована следующими вопросами: а) необходимость балансировать между темами, которые хочет освещать автор канала и тем, что было бы потенциально интересно целевой аудитории; б) вынужденное присоединение к общественным информационным поводам, для обеспечения роста канала и удержания подписчиков.

Не все из проблем можно решить. Особенно остро стоит вопрос поиска и обработки научного знания. Однако существует иерархия источников научного знания (от низшего к высшему), которым в большей или меньшей степени принято доверять (предположение эксперта; поперечные исследования; исследования «случай-контроль»; когортные исследования; рандомизированные, контролируемые исследования; метаанализ). Заметим, что рандомизированных, контролируемых исследований мало из-за сложности проведения. В них, как правило, участвуют группы от десятков до сотен тысяч человек, за которыми непрерывно наблюдают от десяти – тридцати и более лет. Затем на их основании исследователи проводят метаанализ. В процессе обработки информации огромный массив данных может опровергнуть или подтвердить гипотезы в зависимости от сферы научного интереса ученого. Пирамиду необходимо применять для последовательного преодоления подпроблем «в» и косвенно «а» первой группы проблем поиска и обработки научного знания. Недостаток знаний блогера YouTube-канала в перспективе может восполнить профильное образование в области интересующего научного знания или самообразование

(чтение научно-популярных статей, монографий и т. д.). Так автор канала «Trashsmash» Валентин Конон имеет высшее педагогическое образование (география, биология) и среднее профессиональное по специальности инженер-механик. Канал является естественно-социальным (освещает много социально-медицинских вопросов: использование ГМО, ЭКО, вегетарианство, прививки, СПИД и т. д.).

Возможно, для преодоления проблем информационного вакуума и предпочтения анонимных источников достоверным есть решение. Все зависит от выбранной области знания. Иногда ньюс-мейкеры обрывают контакты с журналистом или же сама тема исследований не предполагает настолько частых прорывных открытий, чтобы можно было заполнить весь плотный контент-план блогера, например, темы «космос», «медицина». Однако еще до создания видеоблога на YouTube-канале, любой автор должен определить для себя, будет ли он освещать информацию только правдиво и следовать своему решению в любой ситуации или нет. Необходимо отметить, что на исследуемых каналах создатели видеоблога используют проверенные научные источники и факты, здесь мы видим хорошо продуманные тексты, научно аргументированные (приводятся теории и высказывания известных ученых, факты из статистических, социологических исследований, заметки и упоминания о событиях в СМИ), что предполагает большую подготовительную работу. Так, на канале «TrashSmash» автор дает под каждым видео список источников, на которые опирается при создании контента по конкретной теме, среди них официальные документы, монографии, статистические и социологические данные, научные статьи [12].

Временн*ы*е и финансовые затраты на создание роликов ложатся на блогеров. Однако не все из них готовы продавать рекламу. Данную проблему можно частично решить при помощи «донатов», так называемых добровольных денежных пожертвований в пользу автора канала его подписчиками. Вот как комментирует данный вопрос автор и ведущий канала «TrashSmash» Валентин Конан: «буду честен – мне просто не хватает ресурсов на их создание – доход от партнерской программы ютуба в 300 $ физически не позволяет реализовать задуманное. Приходится чертовски изворачиваться и экономить буквально на всем: от оборудования до реквизита... Я всеми силами избегаю появления рекламы на моих каналах, мое убеждение состоит в том, что просветительские видео не должны содержать рекламы товаров и услуг, ведь это может отражаться как на качестве доносимой информации, так и на восприятии самим автором этой самой информации во время создания ролика» [9].

Необходимость балансировать между темами, которые хочет освещать автор канала, и тем, что было бы интересно потенциальной целевой аудитории, хорошо прослеживается на примере видеороликов проанализированных YouTube-каналов. Так, после событий, связанных с «казанским стрелком», вышел видеоролик о скулшутинге на канале «Whalesplaining». Самые рейтинговые темы, как правило, являются актуальными для молодежной аудитории. По данным проведенного нами

контент-анализа, по критерию просмотров рейтинг топ-5 наиболее актуальных тем на канале «TrashSmash» выглядит следующим образом: о гомофобии – 1 466 567 просмотров, о наркотиках – 1 023 893 просмотра, о компьютерных играх – 892 655 просмотров, об абортах – 646 185 просмотров, об оружии – 443 136 просмотров и т. д. [3]. На канале «Whalesplaining» общий рейтинг тем роликов по количеству просмотров следующий: отношение к толерантности – 156 523 просмотра, о причинах сомнительной эффективности российских протестов и ошибках Навального – 122 678 просмотров, терроризм – 102 200 просмотров, что такое деиндивидуация, как анонимность лишает людей чувства личной ответственности – 94 546 просмотров, эмпатия – 87 765 просмотров, способствует ли демократия экономическому процветанию – 78 321 просмотр, о проблеме глобального неравенства – 78 310 просмотров, вигилантизм – 78 886 просмотров, о строгих религиозных догмах – 76 380 просмотров, блоги – 70 263 просмотра. Рейтинг тем канала «ПостНаука»: анатомия – 5 593 719 просмотров; астрофизика – 3 203 218 просмотров; нейробиология – 2 863 914 просмотров, топология – 2 551 581 просмотр, космология – 1 802 220 просмотров; история – 1 300 348 просмотров; антропология – 1 266 413 просмотров; сомнология – 1 179 310 просмотров.

Однако, чтобы понимать интересы целевой аудитории, необходим мониторинг обратной связи. В данном случае видеоблогинг как новая форма научно-популярной журналистики находится в более выигрышном положении по сравнению с традиционными СМИ. Подписчики оставляют комментарии и систему оценок (лайки и дизлайки), из которых становится понятно, насколько востребован или нет данный контент, и что нужно сделать, чтобы контент был более интересен пользователям. По данным исследования канала «TrashSmash» наиболее актуальными темами по количеству комментариев являются: «Сожжение гомофобов» (27 059), «Нуарный дневник обвинение жертвы», «Эффект Китти» (проблема изнасилования) (13 629), «Фрик-шоу» (Савельев) «Профессор» (10 472), «Почему война никогда не меняется? Армия, оружие» (9 692 комментариев), «ГМОфобии» (9 255), «Догма наркополитики» (7 090), «Наше „я“, душа и мозг» (5971), «ЭКО. Медицина. VS религиозная этика» (5829), «Дьявол может сыграть [ДСМ]» (о видеоиграх) (5431), «Гомеопатия. Гомеолобби» (4 008)» [19]; темы канала «Whalesplaining»: «Врата иджтихада: что делать с мусульманами?» (2200), «Навальный уйдет через 2 месяца | Егор Жуков» (о причинах сомнительной эффективности российских протестов и ошибках Навального) (1 420), «Феминизм и свобода | Маша Иванчикова» (проблема изнасилования) (1 306), «Против эмпатии – The Last of Us 2 | Михаил Пожарский» (1 208), «Тесак отпущения – природа вигилантизма | Михаил Пожарский» (992), «Изображая жертву | Михаил Пожарский» (768), «Маска зверя | Михаил Пожарский» (что такое деиндивидуация, как анонимность лишает людей чувства личной ответственности) (744), «Откуда берется зло? | Михаил Пожарский» (742), «Протесты, расизм, дискриминация | Михаил Пожарский» (739), «Стыд и вина: как cancel culture (культура отмены)

разрушает общество | Михаил Пожарский» (731), «День мобилизации – Девятое Мая | Михаил Пожарский» (723).

Нами был проведен дискурс-анализ некоторых комментариев к видео на данных каналах и установлено, что большинство положительно оценивали канал «TrashSmash»: «*Хочу поблагодарить автора за тот вклад, который он внес и продолжает вносить в популяризацию научного знания, а также в процесс формирования критического и аналитического мышления у зрителей своего канала*». Было выявлено много положительных комментариев с прямой оценкой материала: «“*отличный контент, спасибо большое”, “всегда интересно смотреть видео, спасибо”. По мнению комментирующих, “видео хорошо тем, что весь поданый в нем материал легко смотрится и воспринимается. Встречались люди, которые хотели показать его своим членам семьи как научный ролик с доказательной базой”*» (комментарии к видео [Новогодний] «TrashSmash»). *«Одно из лучших видео на канале, и на ютубе по образовательной тематике в целом. Да, я считаю это видео образовательным. По-хорошему, что-то подобное должны преподавать учителя и родители, объясняя, как устроен этот мир...»* (комментарии к видео «Догма наркополитики»). *«Восхищаюсь тем, что ты делаешь! Такая серьезная работа проделана, шикарные съемки, интересные сюжеты и ценная информация. ...Это лучший канал на ютуб»* (комментарии к видео «[Изгнание] мракобесов»).

По поводу работы над видео, монтажа много положительных комментариев: *«Уважуха за отсутствие рекламы в видео», «Как я балдею от этой красивой постановки кадра, от необычной атмосферы, от аккуратного и интересного движения камеры... и еще поднята такая тема... Валентин, браво! Очень хороший сюжет, смотрела с удовольствием. Лайк за подачу!»* (комментарии к видео «Почему война никогда не меняется?»). Отрицательные комментарии встречаются, но значительно реже, чем положительные. Чаще их выражают, если комментирующие не согласны с мнением автора: *«Начиная с 30-й минуты автор несет откровенную пургу. Все мы знаем, что в США доступность огнестрельного оружия является неотъемлемой частью жизни, а в РФ надо пройти через несколько кругов ада, чтобы прикупить себе ствол законно. Пусть автор пояснит количество убийств в США и РФ с использованием огнестрела. Почему в США этот показатель 4 человека на 100 000 населения, а в РФ 10 на 100 000 населения?»* (комментарии к видео «Почему война никогда не меняется?»). Следовательно, комментарии и система оценок делают видеоблогинг не только интерактивным средством передачи информации, но и способом ее производства, во многом помогают решить проблему удержания целевой аудитории и привлечения новых потребителей.

Таким образом, в данной статье на основе анализа была предпринята попытка выявить основные проблемы ведения и продвижения видеоблогов научно-популярной журналистики на YouTube-канале, среди которых необходимо выделить поиск и обработку научного знания, создание контента, удержание целевой аудитории, а также предложены пути их решения.

Библиографический список

1. Боровенков А. Е. Видеоблогинг: сетевые коммуникации и коммуникативные позиции [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru : [сайт]. – 2016. – 2 февр. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/videobloging-setevye-kommunikatsii-i-kommunikativnye-pozitsii (дата обращения: 20.09. 2021).

2. Вольнова А. Г. Видеоблогинг – синтез трех начал. – СПб. : БХВ-пресс, 2017. – 225 с.

3. Дадаева Т. М. Отражение социальных проблем в новых медиа (на примере видеоблога YouTube-канала TrashSmash) [Электронный ресурс] / Т. М. Дадаева, У. А. Сновальникова // Огарёв-online : [сайт]. – 2019. – № 9. – 18 июня. – URL: http://journal.mrsu.ru/arts/otrazhenie-socialnyx-problem-v-novyx-media-na-primere-videobloga-youtube-kanala-trashsmash (дата обращения 09.09.2021).

4. Игнатенко Е. А. Видеоблогинг как средство реализации творческого потенциала личности // Культурологічний альманах : Випуск 1. Ціннісні зміни молоді і сучасні. – 2015. – С. 90–107.

5. Ипатьева В. А. Форматы и жанры видеоблогов [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2018. – № 25. – С. 369–373. – URL: https://moluch.ru/archive/211/51788/ (дата обращения: 19.09.2021).

6. Калмыков А. А. Интернет-журналистика. Теоретические основы. – М. : Академия медиаиндустрии, 2018. – 370 с.

7. Колисниченко А. В. Журналистика и блогосфера : жанрово-тематические пересечения [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Сер. 10 Журналистика. – 2021. – № 1. – С. 51–74. – URL: https://vestnik.journ.msu.ru/books/2021/1/zhurnalistika-i-blogosfera-zhanrovo-tematicheskie-peresecheniya/ (дата обращения: 09.10.2021).

8. Лазуткина Е. В. Проблемно-объектный комплекс регулирования новостной информации в блогосфере Рунета : монография. – Астрахань : Волга, 2011. – 55 с.

9. Патреон TrashSmash [Электронный ресурс]. – URL: https://www.patreon.com/IrashSmash (дата обращения: 14.09.2021).

10. Поколения Y и Z в России : сходства и различия [Электронный ресурс]. – URL: https://adindex.ru/publication/analitics/search/2017/05/18/159832.phtml (дата обращения: 14.09.2021).

11. Попов А. А. Журналистский блогинг как новая форма профессиональной журналистики: опыт сравнения с «традиционной» журналистикой [Электронный ресурс]. – URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/12942/1/Kozhemyakin_ Zhurnalistskiy.Pdf (дата обращения: 17.09.2021).

12. Ссылки [Сжигай гомофобов] под видео // «Сожжение гомофобов» (В гугл-doc) [Электронный ресурс]. – URL: https://goo.gl/kXQFXo (дата обращения: 17.09.2021).

13. Текутьева И. А. Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-tematicheskaya-klassifikatsiya-videobloginga (дата обращения: 18.09.2021).

14. Фадеева А. А. Видеоблогинг – следующий шаг в Web 2.0 коммуникации, или параллельная вселенная [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lookatme.ru/flow/posts/media-radar/122987-videoblogging-sleduyuschiy-shag-v-web-2-0-kommunikatsii (дата обращения 18.09.2021).

15. Филиппова И. Я. Видео как инструмент современного учителя физики [Электронный ресурс]. – URL: https://videonauka.ru/stati/29pedagogicheskie-nauki/41-video-kak-instrument-sovremennogo-uchitelyafiziki / (дата обращения: 16.09.2021).

16. Чулкова О. Р. Видеоблог как новый инструмент информационной деятельности [Электронный ресурс]. – URL: https://interactive-plus.ru/e-articles/292/Action292–116787.pdf (дата обращения: 13.09.2021).

17. Шамаев И. Н. Классификация блогов Рунета [Электронный ресурс] // Вестник ВолГУ. – 2013. – № 2. – URL: https://yrw.jvolsu.com/attachments/article/276/4_Shamaev.pdf / (дата обращения: 15.09.2021).

18. Шилиманов М. С. Анализ факторов спроса на рынке интернет-видеоблогинга // Экономика и менеджмент систем управления. – 2016. – Т. 19, № 13. – С. 347–352.

19. Шилин В. А. Средства речевого воздействия в политических влогах [Электронный ресурс]. – URL: http://ta.cfuv.ru/wp-content/uploads/2016/02/tezisy.pdf#page=654 (дата обращения: 15.09.2021).

20. Kaminsky M. S. Naked Lens: Video Blogging & Video Journaling to Reclaim the YOU in YouTube. – New York : Organik Media, Inc., 2010. – 222 p.

21. Lim J. B. Y. Video blogging and youth activism in Malaysia [Электронный ресурс] // International Communication Gazette. – 2013. – 19 марта. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1748048512472947 (дата обращения: 14.09.2021).

22. Young J. R. An anthropologist explores the culture of video blogging [Электронный ресурс] // Chronicle of Higher Education : [сайт]. – 2007. – 11 мая. – URL: https://www.chronicle.com/article/an-anthropologist-explores-the-culture-of-video-blogging/ (дата обращения: 13.09.2021).

© Сновальникова У. А., 2022.

УДК 316.77;070

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ЯЗЫК МЕМОВ

В. С. Суворова,
магистрант
nika.suvorova.99@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается специфика вербального компонента креолизованного текста, функционирующего в сети Интернет, в частности интернет-мемов. Выделяются характерные для этого вида текста лексические особенности, их применение в конкретных речевых ситуациях.

Ключевые слова: интернет-мем, креолизация, медиа, средства массовой информации, вербальная составляющая, аудитория, цифровая среда.

THE VERBAL COMPONENT OF CREOLIZED TEXTS FUNCTIONING IN A DIGITAL ENVIRONMENT: THE LANGUAGE OF MEMES

V. S. Suvorova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article considers the specifics of the verbal component of the creolized text functioning on the Internet, in particular, Internet memes. The lexical features characteristic of this type of text are highlighted, their application in specific speech situations.

Keywords: internet meme, creolization, media, mass media, verbal component, audience, digital environment.

Для современного общества цифровая среда становится главным источником информации. Особое значение в ней приобретают креолизованные тексты, соединяющие в себе две негомогенные части: вербальную и невербальную. Одним из наиболее востребованных на сегодняшний день креолизованных текстов можно назвать интернет-мем.

Термин «мем» в его современном понимании был введен Ричардом Докинзом в 1976 году. Сегодня мем (англ. meme) – это единица значимой для культуры информации. Мемом является любая идея, символ, манера или образ действия, осознанно или неосознанно передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов.

Особенностью интернет-мема является его распространение в цифровой среде, а также характерная устоявшаяся форма, предполагающая наличие картинки и сопроводительной надписи, в отдельных случаях надпись находится в квадратной рамке, располагающейся вокруг картинки [4]. Благодаря креолизации, юмору и острой социальной актуальности, заложенной в его структуру, мем особенно популярен среди массовой аудитории, чем активно пользуются медиа (Lenta.ru, Meduza). В коммуникации мем выступает в качестве символа, архетипа, понятного и привлекательного на подсознательном уровне, что оказывает колоссальное влияние на аудиторию, позволяет формировать ассоциативные связи, мнения. Средства массовой информации с успехом применяют мемы для освещения социальных, политических, экономических событий, а также новостей науки и культуры, что свидетельствует об их проникновении во все сферы медиа.

С точки зрения лингвистики мемы можно назвать фразеологизмами или речевыми клише [1]. У вербального компонента мема действительно много общего с устойчивыми выражениями, возникшими в языке ранее: строгая форма, употребление в переносном значении, воспроизводимость. Это обеспечивает его активное функционирование в разговорной речи и выход за пределы Интернета.

Для мема характерны речевые особенности, тесно связанные с разговорным функциональным стилем:

– языковая игра, окказионализмы;
– ироничность;
– субверсия;
– аббревиация;
– небуквенные знаки;
– использование эрративов и междометий;
– распространенность англицизмов;
– сниженная лексика: жаргонизмы, сленг.

Вербальному компоненту интернет-мема присуща устойчивая, легко запоминающаяся форма. Часто за основу берутся уже существующие идиомы, крылатые фразы, которые с помощью языковой игры приобретают новое значение. Источниками заимствования чаще всего становятся объекты массовой культуры: культовые фильмы («Нельзя просто так взять и …», «Властелин колец»), игры («Вставай, самурай…», «Cyberpunk 2077»), высказывания медийных личностей (Д. Медведев: «Денег нет, но вы держитесь»), также мем может возникнуть из инфоповода («обнуление» президентских сроков). Для полноценного функционирования мема в цифровой среде необходимо его соответствие актуальной повестке дня. Добиться этого можно с помощью изменения визуального компонента (замена картинки на новую, соответствующую инфоповоду) или вербальной составляющей (замена отдельных слов при сохранении общей структуры). Примером этого может служить мем: «Алло, Галочка? Ты сейчас умрешь!», основанный на фразе из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». Для мема используется фраза целиком с заменой невербальной части или же изменяется вторая часть фразы («Алло, Галочка? Нам нужно два пакетика!» (Lenta.ru 16.09.2021)), реже – часть с обращением («Алло, малый бизнес? Ты щас умрешь!»).

Лингвокреатив характерен и для отдельных частей самостоятельных, не строящихся на уже вошедших в речь выражениях, мемов. Практическое воплощение языковой игры в интернет-мемах разнообразно, одним из них является создание окказиональных слов – индивидуальное словотворчество [3]. Окказионализм, образование слов по малопродуктивной или непродуктивной модели, сам по себе может являться источником мема. Этот прием хорошо прослеживается в вербальной части мема «Сверхразум», смысл которого заключается в последовательном экспрессивном усилении качества объекта, что отражается невербальными элементами, за счет нестандартного употребления слов: «Анастасия – Настя – Насяся – Анастасися».

Ключевой особенностью интернет-мема является его воспроизводимость, что позволяет ему относительно долго удерживаться на лидирующих позициях в условиях переизбытка информации. Исследование, проведенное австралийским ритейлером Yellow Octopus совместно с Google Trends, показало, что у каждого мема есть свой жизненный цикл и в среднем интернет-мем живет два года [1]. Функционируя долгое время в неизменной форме, мем может перейти в категорию «баянов», надоевшей шутки, уже не вызы-

вающей должной реакции. Сохранить актуальность формы позволяет применение субверсии, осознанное избегание штампов.

Субверсия (лат. subversio, в переводе «ниспровержение») – вид игры со штампом, одна из разновидностей его сознательного избегания. В таком случае основой для мема становится уже распространившаяся в интернет-среде форма, что приводит к появлению метамемов. Примером может служить мем, опубликованный Lenta.ru 06.09.2021: «Вы совершаете побег? Нет, просто показываю. Красивое…», отсылающий к мему «Вы продаете рыбов?» и актуальному инфоповоду. Такие мемы содержат в себе два уровня иронии и становятся понятными только для аудитории, знакомой с исходным мемом.

По уровням иронии также предлагается выделять четыре вида мемов:

– преиронический мем (классический мем, не содержащий в себе субверсии);

– иронический мем (один слой иронии, субверсия вербальной части);

– постиронический мем (два слоя иронии; субверсия иронического мема, смысловой разрыв между вербальной и визуальной частью);

– метаиронический мем (субверсия вербальной и визуальной частей, два слоя иронии) [5].

Запоминаемость мема и его привлекательность для аудитории обуславливается также высоким уровнем экспрессии, который достигается за счет использования различных лексических средств. Одним из самых распространенных является использование эрративов, слов или выражений, подвергнутых умышленному искажению носителем языка, владеющим литературной нормой, для придания речи особого эффекта.

Намеренные ошибки – наиболее характерная черта интернет-мемов и интернет-коммуникации в целом. Они могут использоваться автором для достижения разных целей:

1) для обесценивания позиции героя мема, высмеивания его образа (Качок Доге и Чимс);

2) для передачи интонации, специфичного, просторечного произношения («Эээксперименты», «Че началось-то»);

3) отображение протяженности процесса во времени («СТОООНКС», «ВРЕММЯ»);

4) для отражения позитивной инфантильности героя. Так, в меме «Вы продоёте рыбов? Нет, просто показываю. Красивое...» намеренные грамматические ошибки указывают на наивность персонажей (котов), что должно вызвать у читателя умиление.

Популярным приемом также является использование небуквенной символики [2], что в отдельных случаях является средством креолизации. К наиболее распространенным небуквенным символам можно отнести эмотиконы, составленные из типографических знаков, цифр, математических символов. Так, например, в посте паблика «КБ» от 22 сентября 2021 года используется метамем, основанный на меме «Качок Доге и Чимс» с подписью «вермни голоса (». В качестве небуквенного символа используется открывающаяся скобка, эмотикон грусти.

В своем исследовании Т. В. Аникина приводит пример использования небуквенной символики в написании слов, который представлен в изображении мужчины-азиата и фразы «5ever? Why not 10ever?». Интернет-мем основан на стереотипе, связанном с тем, что в азиатских семьях родители очень требовательны к успехам и достижениям своих детей, и с тем, что каким бы хорошим ни был результат, они верят, что нет предела совершенству. Так, создатель данного интернет-мема перенес этот стереотип на измененное написание слова «forever» – «5ever» и провел аналогию с системой оценки знаний в численном выражении, т. е. 10 больше 5, а значит, результат мог быть лучше. Парадокс данного мема заключается в том, что при замене «5» на «10», слово «10ever» становится нечитаемым и теряет всякий смысл [2].

Использование языка Leet, строящегося на замене букв визуально похожими или схожими по звучанию цифрами и символами, встречается во многих шаблонах мемов, например: «3,14здец», «st0nks», а также в замене «!» на цифру «1», что имитирует ошибку при быстром наборе текста, добавляет экспрессии («ОНОТОЛЕ11!1»).

Еще одним средством выражения экспрессии является использование междометий. Иногда они сами по себе становятся мемом («Вжух!», «Кусь», «Ауфф»), иногда используются в составе мема для эмоционального усиления («Не цмокай. Цмок», «Кусь за Русь»). Многие междометия в мемах передаются с помощью аббревиации («Кек (LOL)», «OMG»). Евгения Басовская считает, что обилие мемов в интернет-среде может быть вызвано «некой инфантилизацией языка, подражанием детской речи» [6].

Даже на примере аббревиации видна тенденция к использованию в мемах англицизмов. Во многом это связано с заимствованием многих интернет-мемов из англоязычных источников, а также с тем, что многие мемы зарождаются в игровых сообществах, где преобладает английский язык. Можно выделить несколько причин использования заимствований в русскоязычных интернет-мемах:

– устоявшаяся или не переводимая на русский англоязычная форма мема;

– заимствования прочно вошли в разговорную речь или активно употребляются в качестве сленга;

– подражание, желание автора показать национальную принадлежность героя мема (причем в данном случае кроме английского может использоваться любой язык, чаще украинский, немецкий, польский, итальянский и др.);

– для обесценивания позиции героя мема, высмеивания его образа. В этом случае употребляются английские слова, неуместные в заданной ситуации или написанные с ошибками.

Язык мемов тесно связан с подростковой речевой культурой, он отражает появление новых тенденций и актуальность тех или иных конструкций. Как для креолизованного текста, тесно связанного с разговорной речью, для мема характерно использование стилистически сниженной лексики. В первую очередь это сленговые выражения (краш, кринж, вайб). Зачастую

они становятся популярными и распространяются именно за счет функционирования в мемах. Активно используются также жаргонизмы (бомбануло, улет, быкануть), просторечия (баба, батя). Сниженная лексика также используется для маркировки, разделения пользователей на категории в целях удовлетворения агрессии, более того, текстовые варианты для этого используются чаще, чем невербальные. Такие мемы, как «петросян», «кэп», «гений», «школоло», «тролл-фейс», «графон», «ванилька» и многие другие, в процессе использования позволяют заклеймить оппонента в качестве носителя негативно оцениваемых характеристик и, в противоположность этому, самоутвердиться как человеку, не имеющему подобных недостатков, – мем автоматически сплачивает людей в оппозицию определенной социальной микрогруппе [7].

Стилистически сниженная лексика преобладает в мемах, распространяемых юмористическими сообществами, развлекательными порталами и прочими организаторами распространения информации, не являющимися СМИ. Но за счет ее преобладания в интернет-мемах и возрастающего к ним интереса медиа сегодня она активнее проникает в язык средств массовой информации.

Язык мемов отличается непосредственной близостью к разговорному функциональному стилю. Для него характерно использование жаргонизмов, просторечных выражений, окказионализмов и эрративов, а также аббревиации. В интернет-мемах также активно используются англицизмы, междометия, небуквенные выражения, языковая игра. Для мемов свойственна устойчивая структура, схожая с фразеологизмами, воспроизводимость и вариативность, что позволяет им активно распространяться в цифровой среде и успешно конкурировать в пространстве, перенасыщенном информацией.

В целом для вербальной составляющей креолизованного текста, функционирующего в цифровой среде, характерно упрощение языка, отчасти его инфантилизация и одновременно попытка вербально передать как можно больше информации с помощью меньшего количества слов, что ведет к повышению общей экспрессивности текста.

Библиографический список

1. Абашева Д. Мемы – форма общения, новый язык или вид искусства? [Электронный ресурс] // «Теории и практики» – сайт о современных знаниях. – URL: https://theoryandpractice.ru/posts/17897-memy--forma-obshcheniya-novyy-yazyk-ili-vid-iskusstva (дата обращения: 23.09.2021).

2. Аникина Т. В. Специфика вербальной составляющей креолизованных интернет-мемов [Электронный ресурс] // Интерактивная наука. – 2017. – № 19. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-verbalnoy-sostavlyayuschey-kreolizovannyh-internet-memov (дата обращения: 24.09.2021).

3. Вешнякова А. В. Лингвокреативный аспект интернет-мемов [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 6-4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokreativnyy-aspekt-internet-memov (дата обращения: 24.09.2021).

4. Куньщиков С. В. Роль интернет-мемов в процессе политической коммуника-

ции // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : материалы XXII Междунар. конф. памяти профессора Л. Н. Когана. – Екатеринбург : УрФУ, 2019. – С. 752–760.

5. Плеснявый Д. Чача с сырком: самый полный гид по культуре интернет-мемов [Электронный ресурс] // Мел. – URL: https://mel.fm/deti/podrostki/6580127-memes_guide (дата обращения: 23.09.2021).

6. Тюкова Д. Филолог объяснила язык мемов [Электронный ресурс] // МК.ru : электрон. период. изд. – URL: https://www.mk.ru/social/2020/02/06/filolog-obyasnila-yazyk-memov.html (дата обращения: 22.09.2021).

7. Ягодкина М. В. Мемы в интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // ART LOGOS. – 2019. – № 2 (7). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/memy-v-internet-kommunikatsii (дата обращения: 24.09.2021).

© Суворова В. С., 2022.

УДК 070

FAKE NEWS И ДОВЕРИЕ К СМИ

А. С. Фионина,
магистрант
fioninanastya@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье на примере Республики Мордовия рассматривается феномен Fake News и его влияние на уровень доверия населения средствам массовой информации.

Ключевые слова: доверие к СМИ, институциональное доверие, фейковые новости.

FAKE NEWS AND TRUST IN THE MEDIA

A. S. Fionina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines the Fake News phenomenon and its impact on the level of public confidence in the media using the example of the Republic of Mordovia.

Keywords: media trust, institutional trust, Fake News.

Феномен фейковых новостей – явление не новое, оно берет начало еще в далекой древности, но более опасным для людей и общества оно стало относительно недавно. Благодаря изобретению и быстрому распространению

новых технических устройств и приспособлений, таких как телевидение, Интернет и т. д., Fake News разносятся с молниеносной скоростью.

Согласно определению, данному А. П. Суходоловым, под Fake News понимается информация, созданная и распространяемая под видом правдивой новости, но являющаяся полностью или частично ложной [5]. Исходя из всего этого, возникает вопрос: «Не влияет ли такой рост количества фейковых новостей на уровень доверия населения СМИ?».

Результаты исследования «Барометр доверия Edelman 2020», охватывающего 28 стран и более 1 тыс. респондентов в каждой из них, показали, что наша страна занимает последнее место по уровню доверия населения СМИ [1].

Данные на сайте Statistia говорят, что Россия на момент 2019 года входила в десятку стран с самым высоким процентом населения, встречающимся с Fake News (а именно 75 %, что на 10 % больше, чем средний показатель) [9].

Понятие «доверие» изучали многие исследователи. Проанализировав современные западные социологические теории, можно выделить три подхода к анализу доверия:

1) доверие как риск (Н. Луман [3], А. Селигмен [4]);

2) доверие как социальный капитал (Дж. Коулмен [8], Ф. Фукуяма [10], М. Грановеттер [11], А. К. Ларина [2]);

3) доверие как основа (культура) общества (П. Штомпка [12], Ф. Фукуяма [6]).

В проведенном исследовании сделан акцент на институциональном доверии, которое в научной литературе трактуется как доверие к макросоциологическим структурам в обществе, возникающее под влиянием экономических, политических и социокультурных процессов.

Доверие к средствам массовой коммуникации можно отнести именно к институциональному уровню доверия, потому что СМИ в определенном смысле являются социальным институтом общества и имеет все присущие социальному институту признаки и характеристики.

В качестве эмпирической базы исследования нами были использованы результаты пилотажного анкетного опроса жителей Республики Мордовия «Отношение населения к фейковым новостям» (весна 2021 года, n = 204). Обработка первичной социологической информации осуществлялась при помощи программных продуктов IBM SPSS Statistics 21 и Microsoft Office Excel 2013.

Как показали результаты исследования, значительное количество респондентов (88 %) встречали в средствах массовой информации подобные новости, что подтверждает быстрые темпы распространения фейков в новостной среде. Более половины опрошенных (52 %) сталкивается с фейковыми новостями не менее раза в неделю. Жители республики уверены, что подобные новости в большей степени распространены в интернет-пространстве, так как 57 % респондентов на вопрос «В каких СМИ Вы чаще

всего встречаете фейковые (ложные) новости?» выбрали данный вариант ответа.

Чтобы понять, насколько осознанно и ответственно люди подходят к поиску информации, респондентам следовало высказать степень своего согласия с предложенными суждениями. Большая часть опрошенных не испытывает трудностей при поиске нужной информации и выборе источника, так как суждения «Я легко и быстро могу найти ту информацию, которая мне нужна» и «Обычно я знаю, где (в каком источнике) я могу найти нужную мне информацию» считают верными 72 % ответивших. Больше половины респондентов утверждают, что «часто сравнивают информацию из разных источников, чтобы ее проверить» (68 %) и «стараются узнать, чьи интересы представляет СМИ, кто за ним стоит, чтобы оценить информацию» (56 %). Это может говорить о достаточно ответственном и обдуманном подходе к отбору и потреблению информации.

Жители республики уверены, что Fake News значительно влияют на их жизнь (61 %). Они скорее негативно относятся к подобным новостям в средствах массовой информации, так как, отвечая на вопрос «Как в большей степени фейковые новости влияют на общество и жизнь людей?», больше половины (65 %) респондентов в сумме отметили варианты с негативной окраской: «На их основе строятся манипуляции массовым сознанием» и «Ими пользуются мошенники, для сбора средств с граждан». Исходя из этого закономерно, что большинство опрошенных (61 %) считает необходимым принимать какие-либо меры для борьбы с фейковыми новостями, чтобы сократить их количество в СМИ.

Если сравнивать, какие характеристики респонденты дали официальным и неофициальным СМИ, то выстраивается следующая картина:

– официальные СМИ население считает полезными, нужными и качественными, но одновременно с этим скорее неполными и необъективными;

– неофициальные СМИ, по мнению респондентов, также являются нужными, но они считаются скорее недостоверными и необъективными.

Анализ гендерного аспекта в данном вопросе позволяет сказать, что женская половина опрошенных с лучшей стороны характеризует именно официальные СМИ, в то время как мужская – напротив, неофициальные.

Если рассматривать средства массовой информации по видам, то доверие респондентов не вызывает ни один, лишь радио под сомнением. 32 % респондентов считают, что оно достойно доверия, 38 % – уверены в обратном, 30 % опрошенных затруднились с ответом. Рассмотрев данный вопрос в разрезе гендера, образования, материального положения и наличия детей, мы увидели, что четкая зависимость наблюдается только по отношению к телевидению. Таким образом, портрет среднестатистического человека, доверяющего телевидению, таков: женщина без высшего образования с одним или двумя детьми, занимающая низкое материальное положение. Не доверяющего, соответственно: мужчина с высшим образованием, не имеющий детей и занимающий достаточно высокое материальное положение.

Официальные СМИ на уровне страны считают достойными доверия 42 % опрошенных. Мордовским официальным СМИ доверяют немного меньше – лишь 37 %.

На вопрос «Если об одном и том же событии официальные и неофициальные СМИ говорят по-разному, сообщают противоречивые сведения, то какому источнику Вы, скорее всего, поверите больше?» почти половина (45 %) ответили «Ни тому, ни другому». Также большинство (56 %) уверены, что фейковые новости публикуют как официальные, так и неофициальные источники. Соответственно, можно отметить низкий уровень доверия как официальным, так и неофициальным СМИ независимо от уровня.

В топ-5 самых одобряемых жителями Мордовии российских СМИ вошли газеты «Известия» и «Российская газета», телеканал «РБК-ТВ», а также новостные сайты Rbc.ru и Lenta.ru. Среди мордовских СМИ лидирующие позиции заняли телеканалы «Телесеть Мордовии», «НТМ (Народное телевидение Мордовии)», ГТРК «Мордовия» и новостной сайт «MordovMedia.ru».

В целом, все представленные СМИ, как официальные, так и неофициальные, как российские, так и мордовские, а именно: «КоммерсантЪ», «Российская газета», «Столица С», «Известия Мордовии», «Первый канал», телеканал «Дождь», ГТРК «Мордовия», «НТМ (Народное телевидение Мордовии)», «Rbc.ru (РБК)», «Russian.rt.com» (РТ на русском), «Vestnik-rm.ru» (информационное агентство «Вестник Мордовии»), «Pravo.adm-saransk.ru» (сетевое издание «Саранский Вестник»), – по мнению респондентов являются популярными, так как практически половина респондентов отметили данную характеристику. Авторитетность, как считают опрошенные, присуща больше официальным российским СМИ (31 %) и официальным мордовским СМИ (28 %). Независимость является характеристикой скорее неофициальных СМИ, как российских (24 %), так и мордовских (12 %). Несмотря на небольшой процент отметивших вариант «Эффективность деятельности», немного чаще его все же отмечали как характеристику официальных СМИ. А вот с достоверностью информации, по мнению респондентов, плохо у всех: как официальных, так и неофициальных, как российских, так и мордовских СМИ (не более 10 %).

Библиографический список

1. В России зафиксирован самый низкий уровень доверия к СМИ [Электронный ресурс] // Adindex : [сайт]. – М., 2020. – URL: https://adindex.ru/news/researches/2020/01/20/278891.phtml (дата обращения: 07.10.2021).

2. Ларина А. К. Доверие к СМИ // Система ценностей современного общества. – 2008. – № 2. – С. 132–136.

3. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М. : Праксис, 2001 – 256 с.

4. Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 200 с.

5. Суходолов А. П. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 143–169.

6. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М. : Academia, 1999. – С. 129–130.

7. Шорина И. Н. Институциональное доверие в современном российском обществе (региональный аспект) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – № 8 (124). – С. 271–274.

8. Carvalho L. L. The Case Against Fake News Gatekeeping by Social Networks Ларина [Электронный ресурс] // SSRN : [website]. – 2017. – 1 Nov. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3060686 (дата обращения: 30.10.2021).

9. Fake News – Statistics & Facts [Электронный ресурс] // Statista : [website]. – URL: https://www.statista.com/topics/3251/fake-news/ (дата обращения: 27.11.2020).

10. Fukuyama F. Social capital, civil society and development // Third World Quarterly. – 2001. – Vol. 22. – № 1. – P. 7–20.

11. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // The American Journal of Sociology. – 1973. – Vol. 78, № 6. – pp. 1360–1380.

12. Sztompka P. Mistrusting Civility: Predicament of a Post-Communist Society // Real Civil Society. Dilemmas of Institutionalization. – 1998. – P. 191–210.

© Фионина А. С., 2022.

УДК 070:316.334.52:17.022.1(470.345-25)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Н. М. Фролова,
канд. социол. наук, доцент
nmfrol@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы «программирования» социокультурной реальности через призму коммуникативных тактик (диалоговая форма речи, создаваемая с помощью вопросно-ответной организации устного или письменного высказывания, постановки острых, актуальных вопросов собеседнику; игровые формы изложения, нередко репрезентирующиеся в виде каламбуров и восклицательных конструкций; акцентирование фактуальной информации; использование готовых мнений и оценок, стереотипизирующих познание социокультурной информации широким кругом читателей).

Ключевые слова: медиатекст, социокультура, публикация, материал, каламбур, стилистический прием, фразеологизм, метафора, антитеза.

STYLISTIC DOMINANTS OF REGIONAL SOCIO-CULTURAL JOURNALISM

N. M. Frolova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article examines the mechanisms of "programming" of socio-cultural reality through the prism of communicative tactics (a dialogical form of speech created with the help of a question-and-answer organization of an oral or written statement, posing acute, topical questions to the interlocutor; game forms of presentation, often represented in the form of puns and exclamation constructions; accentuation of factual information; the use of ready-made opinions and assessments that stereotype the knowledge of socio-cultural information by a wide range of readers).

Keywords: media text, socioculture, publication, material, pun, stylistic device, phraseology, metaphor, antithesis.

Успешная реализация коммуникативных стратегий и тактик, применяющихся в медиатекстах о социокультурной динамике жизни современной России, возможна лишь при широком использовании стилистических приемов, обеспечивающих актуализацию воздействующего потенциала публицистики. В данной статье проанализируем стилистические приемы, которые наиболее часто встречаются в публикациях газет «Известия Мордовии» и «Вечерний Саранск», т. е. выступают в качестве стилистических доминант регионального медиадискурса.

В материалах еженедельника **«Вечерний Саранск»** это следующее.

1. **Каламбуры**, задача которых сводится к фокусировке внимания читателя на репрезентируемой информации через необычность звучания или написания слов, создание комического эффекта. Данная целевая установка объясняет присутствие каламбуров в ряде заголовков и подзаголовков статей и информационных заметок медиаиздания, например:

– *«**“НовоГодные”** рецепты от звезд»* [10] (графический каламбур, основанный на изменении графического облика слова);

– *«Что нам грозит: **“Little” или “Big”**?»* [14] (фразеологический каламбур, основанный на разрушении устойчивого словосочетания – названия музыкального коллектива *«Little Big»* («маленький гигант»); это привело к переосмыслению значений входящих в его состав слов, появлению антитезы – «маленький», т. е. незначительный, неважный, или «большой», способный заявить о себе на мировой сцене).

Каламбуры содержатся в каждом подзаголовке публикации *«“НовоГодные” рецепты от звезд»* [10], содействуя повышению праздничного настроения у читателей: *«**“Убойный” салат для праздничной ночи.** Звезда **«Убойной силы»** и «Литейного» Андрей Федорцов поделился своим фирменным новогодним угощением»* [10]; *«**Яблочки «фабричные» – сладкие и ро-***

мантичные! *Солистка группы* ***«Фабрика»*** *Саша Попова считает, что на новогоднем столе обязательно должны быть блюда из детства: салат из пекинской капусты с красным перцем, запеченная курица»* [10]; *«**Тест на знание традиций»**. У Ольги Дибцевой, которая совсем недавно блистала на экранах в сериале **«Тест на беременность 2»** в роли Алены, – обостренная ностальгия по застольям советских времен»* [10]; ***“Аварийный перекус” – и дело в шляпке!*** *Солистка группы* ***«Дискотека Авария»*** *Анна Хохлова рассказала о своем «рабочем» новогоднем рецепте, который спасает артистов от голодного обморока в новогоднюю ночь»* [10].

2. **Антитезы**, которые позволяют, с одной стороны, предельно глубоко раскрыть содержание и специфику объекта речи, с другой стороны, представить исчерпывающее описание событий за счет объединения в одном высказывании разных, а порой взаимоисключающих фактов. Как и каламбуры, антитезы нередко вынесены в название публикаций: *«**Любовь** и **боль** Олега Видова»* [3], *«Зрителей СТС поздравит не **Путин**, а… **Ленин**»* [2]. В последнем случае антитеза способствует созданию эффекта обманутого ожидания, провоцирующего эмоцию удивления у читателя. В одном из подзаголовков заметки *«“НовоГодные” рецепты от звезд»* [10] антитеза участвует в образовании каламбура как средства комикования в изложении: ***«Здесь рыба есть!*** *В отличие от знаменитого сюжета* ***«Здесь рыбы нет!»*** *из киножурнала «Ералаш», в доме его художественного руководителя как раз рыба – любимое новогоднее угощение, которое ему приготовит любящая супруга Екатерина»* [10].

Между тем основная масса антитез сосредоточена в текстах публикаций «Вечернего Саранска». Здесь их вполне можно считать ведущим двигателем повествования: *«В жизни Федота Васильевича было немало **горестей** и **проблем**. Но он обладал удивительным даром находить **светлое** и **радостное** в повседневной действительности»* [1]; *«Он боролся за свое право быть **артистом с большой буквы**, **а не марионеткой** в руках партийных лидеров»* [3]; *«Константин уловил само естество **солнечного света** и **лунного сияния**, цвета самой природы»* [11]; *«Все цветы, распускающиеся на полотнах с натюрмортами, смена времен года в пейзажах – все происходит **не просто так, а по воле Творца**»* [6]; *«Театр многослоен, везде можно найти свои радости. Тем более что в последние 15–20 лет **провинциальный** театр стал действительно конкурентоспособным по отношению к **столичным»*** [12]; *«Когда-то «мхатики» поставили невероятную по трудности выполнения задачу: **не просто вынести на подмостки** насыщенную **биографию** знаменитого **земляка**, а **откровенно поговорить о судьбе гения**, значение которого не может быть ограничено ни временем, ни границами государств, ни принадлежностью к какому-либо народу»* [12]; *«И сразу видно – где **любовь**, где **мука**, где **детство**, где **взросление**, где **радость**, где **беда**, где **вопросы**, а где **ответы»*** [12] и др.

Другие стилистические приемы в публикациях «Вечернего Саранска» встречаются реже. Среди них отметим следующие.

3. **Фразеологизмы и афористические выражения**: ***«Устал сидеть –***

беги!» [12]; *«**На сей раз сербскому актеру досталась самая сложная задача – сыграть самого Муслима Магомаева, который еще при жизни стал легендой!**»* [9]; *«**Видов, артист уникальной внешности и дарования, проснулся знаменитым после исполнения главной роли в фильме “Всадник без головы”**»* [3]; *«И это не просто рассказ о частной жизни человека, который оказался **загнанным в угол** в своей стране, – это свидетельство большой и сложной эпохи, которая не всем давала равные возможности. И только самые сильные и смелые пытались **противостоять судьбе**. Таким был и Олег Видов. Он боролся за свое право быть **артистом с большой буквы**, а не **марионеткой в руках** партийных лидеров»* [3].

4. **Метафоры**, в том числе метафорические сравнения, например: *«По сравнению с отцом, работы Константина более яркие и радостные, в них **море цветов** и очень много вдохновения»* [11]; *«Когда заходишь на эту выставку, чувствуешь праздник и **свет души** автора, которым он щедро делится с каждого своего полотна, – говорит куратор выставки Елена Голышенкова»* [11]; *«Действо, в которое были вовлечены многочисленные гости, местные жители, профессиональные и самодеятельные артисты, стало своеобразной **ожившей картиной** юбиляра»* [1]; *«Для тех, кто еще не слышал про то, в каком стиле они выступают, скажем, что это **коктейль из панка, поп-музыки и рейва**, который доминирует сейчас на танцполах России и Европы»* [14] и др.

5. **Парцелляции**: *«Разговор вышел живым и познавательным. **Для всех, кто готов был слушать и учиться**»* [12]; *«Самое страшное, что в этой роли его мечтали видеть люди из его самого близкого окружения. **Например, жена**…»* [8].

6. **Необоснованные повторы**, приводящие к речевой избыточности, но тем самым способствующие усилению эмоциональности публицистического изложения: *«**Впервые он появился у нас на киноэкранах в эпизодической роли в фильме Никиты Михалкова «Солнечный удар», а стал популярен и узнаваем после главной роли в сериале «Отель “Элеон”». А кинолента режиссера Клима Шипенко «Холоп» с Милошем Биковичем в главной роли стала самой кассовой за всю историю российского проката, собрав более трех миллиардов рублей»*** [9].

7. Такой прием «программирования» массового сознания, как использование **категоричных утверждений, готовых мнений**, формирующих стереотипы восприятия новостной информации читателем: ***«Когда смотришь на его работы, хочется жить»*** [11]; ***«Только русский художник может смотреть на мир глазами вечности»*** [11]. Чаще всего они помещаются в конце развернутого высказывания или его фрагмента.

Что касается стилистических приемов в медиатекстах газеты **«Известия Мордовии»**, то они здесь менее разнообразны и встречаются сравнительно редко. Стилистическими доминантами можно назвать следующие.

1. **Метафоры**, придающие образность изложению, усиливающие его экспрессию: *«Основой их репертуара стали аутентичные обрядовые величания, плачи и другие сакральные песнопения, почти потерянные в **водово-***

роте современной масскультуры. *Владимир Иванович вместе с учениками ходил по деревням и селам, общался с носителями национальных традиций, заимствуя у них* ***сокровища песенного фольклора****, которые благодаря «Тораме» с новой силой опять зазвучали со сцены, в радио- и телеэфире»* [7]; *«Главное – заложенные Владимиром Ивановичем* ***зерна искренней преданности*** *культуре своего народа* ***проросли и дают плоды****»* [7]; *«Традиционно* ***под занавес учебного года*** *Саранское музучилище им. Л. П. Кирюкова организует "День открытых дверей"»* [5]; *«Есть также номинация для исполнителей на музыкальных инструментах и «оригинальный жанр», где конкурсанты вправе* ***блеснуть цирковыми, спортивными номерами, пантомимой, пародией, миниатюрой****»* [4].

2. **Эпитеты** и **эмотивы**: *«А вот в Большеберезниковском районе все-таки решили провести свой фестиваль-конкурс молодежного творчества «MOLFEST» в качестве эмоционального средства борьбы с* ***коварным*** *коронавирусом»* [4]; *«Хозяева музея Эрьзи уже более десяти лет не перестают придумывать* ***самые смелые и увлекательные*** *«ночные» программы»* [6].

3. **Антитезы**: *«Причем среди ценителей изобразительного искусства популярностью пользовались не столько портреты влиятельных* ***светских*** *господ, которые молодой Сычков выполнял в Санкт-Петербурге по заказу, а его жанровые картины с сюжетами из* ***сельского*** *быта»* [6]; *«На одном из своих произведений Сычков запечатлел* ***старшую*** *сестру Дарью, кстати, лицом очень похожую на брата, с ее дочкой. А вот* ***младшая*** *Екатерина, чья судьба осталась неразрывно связана с родным селом Кочелаево, как выяснили биографы живописца, не обзавелась собственной семьей»* [6].

Подобная закономерность объясняется стилистической выдержанностью и эмоциональной сдержанностью медиатекстов газеты «Известия Мордовии», корреспонденты которой придерживаются мягкого воздействия на адресата, его убеждения через информирование о культурных событиях в жизни региона.

Итак, сравнительно-сопоставительный анализ стилистических доминант в публикациях о социокультурных процессах таких региональных медиаизданий, как «Известия Мордовии» и «Вечерний Саранск», позволил выявить существенные различия в перечне характерных для них изобразительно-выразительных средств и частотности их использования в текстах. Если в материалах «Вечернего Саранска» встречаются каламбуры, антитезы, фразеологизмы и афористические выражения, метафоры, парцелляции, необоснованные повторы, приводящие к речевой избыточности, то в «Известиях Мордовии» большинство из них не представлено, что обусловлено разными типами воздействия на читателя, развлекательной и информационно-просветительской ориентациями социокультурной политики изданий в целом.

Библиографический список

1. В Мордовии отметили 150-летие Федота Сычкова [Электронный ресурс] // Вечерний Саранск. – URL: http://www.vsar.ru/22452_v_mordovii_otmetili_150_letie_fedota_sychkova (дата обращения: 18.05.2021).

2. Зрителей СТС поздравит не Путин, а… Ленин [Электронный ресурс] // Вечерний Саранск. – URL: http://www.vsar.ru/22182_zriteley_sts_pozdravit_ne_putin_a_lenin (дата обращения: 26.05.2021).

3. Любовь и боль Олега Видова [Электронный ресурс] // Вечерний Саранск. – URL: http://www.vsar.ru/22800_lyubov_i_bol_olega_vidova (дата обращения: 19.05.2021).

4. Мельникова М. В Мордовии сельская молодежь борется с вирусом творчества [Электронный ресурс] // Известия Мордовии. – URL: https://izvmor.ru/novosti/kultura/v-mordovii-sel-skaya-molodezh-boretsya-s-virusom-tvorchestvom (дата обращения: 17.05.2021).

5. Мельникова М. Вступительные экзамены в музучилище пройдут в онлайн-формате [Электронный ресурс] // Известия Мордовии. – URL: https://izvmor.ru/novosti/kultura/vstupitel-nye-ekzameny-v-muzuchilishche-projdut-v-onlajn-formate (дата обращения: 19.05.2021).

6. Мельникова М. Музей Эрьзи проведет ночную экскурсию с фонариком [Электронный ресурс] // Известия Мордовии. – URL: https://izvmor.ru/novosti/kultura/muzej-er-zi-provedet-nochnuyu-ekskursiyu-s-fonarikom (дата обращения: 14.05.2021).

7. Мельникова М. Наследники создателя ансамбля «Торама» записали юбилейный альбом [Электронный ресурс] // Известия Мордовии. – URL: https://izvmor.ru/novosti/kultura/nasledniki-sozdatelya-ansamblya-torama-zapisali-yubilejnyj-albom (дата обращения: 22.05.2021).

8. Мельникова М. Почему в России празднуется День славянской письменности и культуры, мордовские краеведы расскажут онлайн [Электронный ресурс] // Известия Мордовии. – URL: https://izvmor.ru/novosti/kultura/pochemu-v-rossii-prazdnuetsya-den-slavyanskoj-pis-mennosti-i-kul-tury-mordovskie-kraevedy-rasskazhut-onlajn (дата обращения: 22.05.2021).

9. Милош Бикович: «Я не знаю певцов, которые смогли бы перепеть Магомаева» [Электронный ресурс] // Вечерний Саранск. – URL: http://www.vsar.ru/22435_milosh_bikovich__ya_ne_znayu_pevtsov__kotorye_smogli_by_perepet_magomaeva (дата обращения: 11.05.2021).

10. «НовоГодные» рецепты от звезд [Электронный ресурс] // Вечерний Саранск. – URL: http://www.vsar.ru/22157_novogodnye_retsepty_ot_zvezd (дата обращения: 25.05.2021).

11. Светоносные полотна Константина Попкова [Электронный ресурс] // Вечерний Саранск. – URL: http://www.vsar.ru/22175_svetonosnye_polotna_konstantina_popkova (дата обращения: 26.05.2021).

12. Театральный марафон МХАТика [Электронный ресурс] // Вечерний Саранск. – URL: http://www.vsar.ru/22176_teatralnyy_marafon_mhatika (дата обращения: 26.05.2021).

13. Устал сидеть – беги! [Электронный ресурс] // Вечерний Саранск. – URL: http://www.vsar.ru/22326_ustal_sidet___begi (дата обращения: 12.05.2021).

14. Что нам грозит : «Little» или «Big»? [Электронный ресурс] // Вечерний Саранск. – URL: http://www.vsar.ru/22446_chto_nam_grozit__little_ili_big (дата обращения: 11.05.2021).

© Фролова Н. М., 2022.

УДК 655.55:659:366.636

ВИДЫ И ФОРМЫ КНИЖНОЙ РЕКЛАМЫ В МАССМЕДИА

Н. В. Хохлова,
магистрант
tasha_hohlova@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие рекламы и массмедиа. Обращается внимание на исторический аспект развития книжной рекламы, формы и виды рекламы книжной продукции.

Ключевые слова: реклама, рецензия, массмедиа, книжный маркетинг, газеты, журналы.

TYPES AND FORMS OF BOOK ADVERTISING IN THE MASS MEDIA

N. V. Khokhlova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article discusses the interaction of advertising and mass media. Attention is drawn to the historical aspect of the development of book advertising, forms and types of advertising of book products.

Keywords: advertising, review, mass media, book marketing, newspapers, magazines.

На протяжении почти всей истории развития человечества реклама сопровождает его повсеместно, представляя собой особый вид деятельности. Реклама является носителем информации об определенном товаре, связывая между собой потребителя и производителя.

Исторически складывалось так, что понятие «реклама» в определенный период, включало в себя то, что связывало распространение информации о товаре (услуге) в обществе с использованием всевозможных средств коммуникации, которые существуют на данный момент. Реклама в книжной торговле и книгоиздании также не является исключением. В этом случае книжная реклама, представляет собой элемент книжного маркетинга, метод стимулирования сбыта книжной продукции. Но в то же время это и информация, которая распространяется при помощи техники или устно, включает сведения об определенных книгах или услугах книготоргового предприятия, популяризирующих произведения литературы.

Говорить о конкретных примерах рекламы книжной продукции в России можно с начала XVIII века. В 1710 г. вышла в свет публикация в газете

«Ведомости» – «Реестр книгам гражданским, которые по указу Царского Величества напечатаны новоизобретенною Амстердамскою азбукою по первое число иуня нынешнего 1710 году», содержащая перечисление новых книг, но при этом не имеющая своей целью призвать к покупке. Хотя данный невысказанный мотив в заметке был прозрачен и хорошо читался.

Некоторые издания постоянно печатали перечни новых книг, как например, «Санкт-Петербургские ведомости». Считалось, что данная реклама была достойной, солидной и интеллектуальной. Даже учитывая временные гонения на объявления в газетах, книжная реклама сохраняла высокое положение.

А вот газета И. Д. Сытина «Русское слово» в самом начале задумывалась как источник рекламирования книг его издательства в провинции.

Если рассматривать форму книжной рекламы, то в те времена она больше походила на библиографические своды. Это были списки названий книг с аннотациями и описанием внешнего вида: качества бумаги, размера, рисунков и т. п. Всегда отмечали стоимость. Описания были подробными: «...угодный малый календарь с прибавлением, как почта сюда приходит и отходит, продолговатый в 12 долю листа, в простом переплете по 8 копеек, а с прокладкою бумаги по 12 копеек» [1, с. 35].

Большой объем книжной рекламы можно было объяснить тем, что и книги, и газета «Санкт-Петербургские ведомости» печатались в одном месте – типографии Академии наук, выставлялись на продажу тоже в одних местах – в книжной лавке около Троицкого моста, у домика Петра I (единственной до 1706 г. в Санкт-Петербурге), а также в самой типографии. Это говорило о том, что типография была заинтересована в сбыте книг и имела всю информацию о новых книгах.

Редко, но можно было увидеть книжную рекламу в журналах. Она похожим образом преподносилась как нужная информация о новых книгах и журналах, а не сформированная реклама. Например, в издании «Московский телеграф» среди редкой рекламы можно было заметить и литературные объявления. Так в 1830 г. в этом журнале в рубрике «Смесь» найдено следующее объявление: «Брокгауз, Лейпцигский книгопродавец, объявляет о понижении цены разных книг. Между ими нашли мы Немецкий перевод Истории государства Российского, соч. Карамзина, Ют., с портретом Автора. Книгопродавец уступает все десять томов за полцены. – Видно, что худо покупают их в Германии. – Тут же за 16 грошей продается (вместо прежней цены, 1 талера 8 грошей) Аглая – немецкий перевод мелких статей Карамзина» [1, с. 65].

А уже в январе 1831 г. в этом же «Московском телеграфе» присутствует другая по форме реклама книги, которая скоро будет напечатана. Здесь публикуются некоторые, наиболее эффектные страницы, для привлечения внимания читателя. Перед этим размещено небольшое сообщение: «Готовят к выходу в свет Записки Принца Де-Линя, доныне бывшие неизвестными. Выписываем несколько строк, из отрывков, помещенных в разных журналах» [1, с. 66].

Нечасто можно было увидеть объявления и в других журналах, так как тогда объявления размещались в основном только в газетах. Поэтому, если журналы и печатали подобную рекламу, то только о книгах. Например, в журнале «Иллюстрация» за 1848 г. реклама книжной лавки занимает половину последней страницы: «Книжный магазин П. Крашенинникова и К°». (Санкт-Петербург, Михайловская площадь, в доме Католической Церкви). Продаются следующие книги...» [1, с. 66]. Далее следует большой список книг, где перечислены цены и вес, как одна из значительных характеристик того времени, важная для вычисления почтовой стоимости. И таким образом это выглядело: «История города Смоленска. Соч. П. Никитина. М. 1848 г. ц. 3 р.; вес за 3 фунта» [1, с. 66].

В газете «Северная пчела» в разговорной форме писались многочисленные рекламные объявления на различные темы, в том числе реклама книг и журналов. Ее можно было найти практически в каждом номере газеты. По принятой в России традиции книжная реклама в «Северной пчеле» занимала почетное место. Она была расположена в левом нижнем углу первой страницы и, не отличавшись краткостью, кроме нижней части первой страницы, иногда занимала вторую и третью. Практически ежедневно в газете Ф. В. Булгарина печатались объявления о новых книгах. Не всегда данные заметки имели хвалебный характер, так как это были объявления обо всех вышедших книгах, а не только о самых лучших экземплярах. Данные объявления не отличались устойчивой формой, поэтому иногда печатались аннотации, иногда описывался внешней вид книги. Говорить о тонкости и глубине оценок заметок о книгах не приходится. Так как нередко рецензент занимался анализом качества перевода или критическим разбором, цитировал наиболее удачные или неудачные моменты из литературного произведения, иногда анализ книги сводился только к разбору заголовка.

Рецензенты «Северной пчелы» не всегда были положительно настроены, и в некоторых случаях резко высказывались насчет определенных авторов и их произведений. Заметка в 147-м выпуске газеты о повести «Несчастная София, или Интриги в подземелье Флорентийского Аббатства» рецензента К. К. начинается так: «Вот самая несчастная из всех Софий: в ней ни толку, ни ладу, ни складу. Роман сей не занимателен и не хорош, потому что наполнен несвязными и неправдоподобными происшествиями... Он не может принести пользы, потому что едва ли кто-нибудь (кроме рецензента) будет иметь терпение дочитать его до конца...» [1, с. 86].

А о писательском таланте П. П. Зубова, написавшем «Шесть писем о Грузии и Кавказе», критик «Северной пчелы» выражается еще более отрицательно: «...Было уже предсказано Г-ну Зубову, что ежели он займется чем-либо полезнейшим, то приобретет право на всеобщее уважение, оказав и пользу нашей Словесности» [1, с. 87].

Такие оценки можно отнести больше к антирекламе, чем к рекламе. Хотя в этой газете присутствовали и, весьма положительные заметки о книгах: в 278-м номере о «Записках о походе 1813 года» А. И. Михайловского-Данилевского рассказывается о героическом годе, который «явил свету во

всем блеске мудрость, дальновидность и превосходные воинские дарования Императора Александра Первого». Автор критической заметки активно использует рекламные призывы: «Читайте эту книгу, современники великих событий освобождения Европы, и воскрешайте в душах ваших те сладостные священные чувства, которыми вы преисполнились в великие времена торжеств вашего и вашего народа! Читайте ее, юные последователи героев того времени и удостоверяйтесь, что слава вашего Отечества, ваших родных, ваших Государей не уступит ничьей иной в мире!» [1, с. 85].

Основной целью рецензии является донесение информации о новинках, содержание оценки и краткого анализа произведения. Именно к рекламным технологиям можно отнести рецензию положительного содержания, которая включает в себя позитивную аргументированную оценку, выводы о значительности и достоинстве рекламируемого предмета. Главным отличием такой заметки выступает продвижение информационных явлений: кино, книги, телепередачи. В некоторой степени даже отрицательные рецензии можно отнести к форме рекламы, так как они информируют о новых произведениях и определенным образом продвигают тот или иной продукт.

Именно в XX столетии дальнейшее развитие и совершенствование получили используемые виды и формы книжной рекламы. Рекламно-информационные объявления продолжали публиковаться в газетах и журналах. Они содержали библиографические перечни новых книг. Разрабатывались концепции журнального и книжного дизайна. Также в большом объеме выпускались различные рекламные плакаты. После начала Гражданской войны в 1917 г. создавалось множество плакатов, связанных с борьбой с неграмотностью, пропагандой чтения, призывами к посещению библиотек и избчитален. Свое место в советской плакатной графике нашла и издательская реклама. Таким образом рекламировались журналы, газеты, книги, брошюры, подписные издания и другая книжная продукция определенных издательств.

В итоге можно говорить о том, что книжная реклама в XVIII–XX веках не претерпевала глобальных изменений, но в то же время постоянно развивалась. Книготорговые предприятия и издательства в основном пользовались печатной и наружной рекламой. В журналах и газетах публиковались библиографические своды, объявления, рекламные заметки и рецензии. На улицах размещались рекламные плакаты и афиши, устанавливались различные вывески. В течение времени реклама книг совершенствовалась и осваивала новые технологии.

В современном мире уже невозможно представить и найти книготорговое предприятие или книжный магазин, который бы не использовал рекламные технологии для продвижения и развития своего бизнеса. Комплексно и тщательно подходят к формированию и продвижению торговой марки сети книжных магазинов. Они пользуются различными средствами и технологиями рекламы – от наружной, печатной, теле- и радиорекламы до специальных мероприятий.

Печатную рекламу используют в качестве элемента создания и поддержания бренда и как средство в конкурентной борьбе. Рекламные статьи в

книжной периодике («Книжное обозрение», «Литературная газета», городские издания «Книги Петербурга» и др.) и реклама в отраслевой книговедческой периодики («Книжное дело», «Книжная индустрия») направлены на исполнение имиджевой функции, являются элементом в структуре рекламной кампании предприятий.

Роль эффективной рекламной площадки также выполняет корпоративное периодическое издание предприятия. В качестве примера можно привести книжный дайджест «Библио-Глобуса», рекламно-информационный каталог мероприятий сети «Буквоед», журнал «Читаем вместе. Навигатор в мире книг» Московского Дома книги. Такие издания включают в себя полезную информацию, рекламу книг, продвигают торговые марки.

В итоге, рассмотрев особенности традиционных и современных рекламных инструментов в книжном деле, можно отметить, что рекламная деятельность книготоргового предприятия представляет собой совокупность информационных и коммуникационных технологий, с помощью которых сотрудники магазина в большей степени оказывают влияние на спрос покупателей. Сочетание современных рекламных технологий в книжном деле и традиционных форм общения с покупателями позволяет книжному предприятию увеличить свою конкурентоспособность и рассчитывать на успешное развитие.

Библиографический список

1. Сляднева О. В. Очерки российской рекламы. – СПб., 2001. – 138 с.

© Хохлова Н. В., 2022.

УДК 910: 366.636

ПОНЯТИЕ ОБРАЗА СТРАНЫ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКАРТИНЕ МИРА

А. М. Шаронова,
магистрант
arinashar@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассматривается понятие образа страны в современной медиакартине мира. Цель статьи – представить понятия медиаобраза государства и современной медиакартины мира, выявить отличие образа страны от имиджа. Мировое сообщество, пристально наблюдая за политическими событиями, становится интерпретатором тех или иных политических симпатий и антипатий. При этом возрастает влияние журналистики, которая на основе анализа определенных явлений формирует мнения и

настроения мирового сообщества, с одной стороны, с другой стороны, создает образ той страны и того народа, на языке которых говорит.

Ключевые слова: имидж, образ, стереотип, СМИ, государство, значение, медиатизация.

THE CONCEPT OF THE IMAGE OF THE COUNTRY IN THE MODERN MEDIA PICTURE OF THE WORLD

A. M. Sharonova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. This article examines the concept of the image of the country in the modern media picture of the world. The purpose of the article is to present the concepts of the media image of the state and the modern media picture of the world, to identify the difference between the image of the country and the public image. The world community, closely observing political events, becomes an interpreter of certain political likes and dislikes. At the same time, the influence of journalism is increasing, which, based on the analysis of certain phenomena, forms the opinions and moods of the world community, on the one hand, on the other hand, creates an image of the country and the people whose language it speaks.

Keywords: public image, image, stereotype, mass media, state, meaning, mediatization.

На сегодняшний день в мире можно заметить тенденцию к получению большого количества информации при исполнении той или иной работы. Так как количество данных постоянно растет, то человеческому сознанию приходится работать все быстрее и быстрее, чтобы эффективно обрабатывать беспрерывный поток данных. Поскольку люди чаще всего мыслят образами, то их взор постоянно обращается к образу страны, который формируется через СМИ, правительство стремится поддерживать его в глазах общественности. Каждый раз при встрече представителей разных государств происходит обращение к сформированным представлениям о культуре и стереотипам, «которые играют одну из главных ролей в межкультурной коммуникации» [4, с. 78]. В этот момент вспоминается, что было услышано о стране собеседника ранее: образ жизни, обычаи и традиции. Однако, учитывая тот факт, что сейчас большую часть информации люди воспринимают при помощи СМИ, следует говорить именно о медиаобразе.

Понятие «медиаобраз» сформировалось в научной литературе сравнительно недавно, но сразу привлекло к себе внимание ученых. Часто вместо понятия «образ» появляется понятие «имидж», которые некоторые авторы считают синонимичными. Это мнение, на наш взгляд, является спорным.

При разборе понятий «образ» и «имидж» Е. Б. Шестопалова отмечает, что образом является впечатление, спонтанно собираемое мозгом из информации и опыта, полученного ранее из различных источников. В то время как

под имиджем понимается искусственно сформированное и активно пропагандируемое мнение. В современных реалиях человека можно обмануть и при помощи специальных маневров помочь ему составить в голове необходимый образ, который он будет считать своим собственным. Однако такой образ тоже будет считаться имиджем. Шестопалова считает, что «образ» – понятие достаточно широкое и что его всегда можно четко распознать и подробно расписать. Образом она называет отображение представителя или главы (партии, государства, организации, товара и пр.) в сознании народа и отдельного гражданина в частности. Следовательно, под имиджем Шестопалова понимает намеренно созданное и распространенное представление о личности того или иного государственного деятеля.

Из всего этого следует, что имидж является одной из главных составляющих медиаобраза страны. И можно с уверенность сказать, что многие по незнанию путают образ страны с его имиджем. Специально обученные люди, такие как пиарщики, политологи и т. д., через различные средства СМИ внушают людям определенные мысли, понятия, которые нацелены на формирование определенного образа, а, как было уже замечено ранее, это является имиджем.

В толковом словаре под имиджем понимается образ, мнение или представление, сложившиеся в обществе (или целенаправленно созданные) о каком-либо человеке, организации, товаре и т. д.

Э. А. Гаумов говорит о том, что в условиях глобализации страны стали гораздо больше работать над имиджем страны, который является базой, определяющей репутацию страны в сознании мирового сообщества [1]. И. С. Суворова определяет имидж государства как обобщенное стереотипное представление о стране, которое базируется, во-первых, на объективных характеристиках государства с учетом исторических особенностей его развития, а во-вторых, построено при помощи «мифологизации и информационно-коммуникативных технологий, опосредованных опытом народа» [2, с. 15]. И. С. Семененко отмечает, что понятие имиджа страны включает в себя два уровня, внутренний и внешний. Внешний создает представления о стране за ее пределами и определяет ее статус. Внутренний строится на самооценке и беспокоится о правильном восприятии государства за рубежом.

Следует отметить, что по своей сущности имидж страны является неким психологическим образом, который формируется на фоне общественного восприятия, влияет на чувства, эмоции человека, а также на некоторые механизмы сознания, отвечающие за поведение и выбор. Создание образа страны обычно протекает во время межличностной коммуникации, например, на встрече с представителем другого государства. В результате контакта воспринимается определенная информация (вербальная, невербальная), часть из которой воспринимается нами полностью, а остальное оседает на задворках нашего подсознания, формируя имидж. Так, А. Буманн пишет, что воздействие образа страны на поведение людей имеет достаточно сильное значение для политического, экономического и культурного успеха. Многие государственные формирования зависят от контактов с иностранным сооб-

ществом. И на их качество влияет медиаобраз страны, который помогает оценивать и трактовать основы для подготовки и введения в применение межнациональных коммуникационных стратегий.

В XXI веке правительство каждой страны с повышенным вниманием относится к вопросу создания положительного имиджа не только на мировой арене, но в глазах собственных граждан. С его помощью стремятся построить доверительные отношения с тем или иным государством, заключать новые союзы, а главная цель – повысить престиж и влияние. Для этого обычно нанимаются профессионалы, которые целенаправленно занимаются поддержанием положительного имиджа специальными средствами на различных уровнях.

Х. К. Беллосо говорит о том, что все государства зависимы от репутации и имиджа [6]. Образ конкретного места, сформированный в нашем сознании, находится под влиянием стереотипов. От нашего представления зависит отношение к данному месту, а также к его населению. Вот почему прилагают все усилия к созданию стратегии управления государственным имиджем как на внутреннем, так и на внешнеполитическом уровне, чтобы иметь возможность влиять на уже существующие сложившееся восприятие целевой аудитории.

А. Ю. Пименова отмечает, что в течение всей жизни при любом выборе, решении или действии люди следуют уже давно сформировавшейся модели поведения. Подобные «упрощенные, схематизированные алгоритмы действий, называемые социальными стереотипами, помогают им ориентироваться в выборе «правильных, одобряемых решений, экономя при этом время и энергию» [5, с. 1–2]. При этом многие исследователи считают, что стереотипы общественного сознания формируются намеренно и действуют согласно определенному социальном запросу. Кто-то придает большее значение чувственному опыту в формировании стереотипа. И наконец, существует мнение, что стереотипное мышление возникает спонтанно, но при этом находит сознательную поддержку и происходит подпитка стереотипов с помощью предварительных суждений, специально внедряемых в массовое сознание. Постепенно подобные суждения проникают во все сферы жизни (в том числе в политику и искусство) и, в конце концов, приравниваются к нравственному правилу или даже закону. К схожему понятию стереотипа пришел и российский социолог И. С. Кон, который рассматривал его как «предвзятое, то есть не основанное на свежей, непосредственной оценке каждого явления, а выведенное из стандартизованных суждений и ожиданий мнение о свойствах людей и явлений» [3, с. 198].

На сегодняшний день СМИ имеют влияние на формирование мнений и настроений в мире. Поэтому нельзя отрицать необходимость в исследовании понятия медиаобраза как феномена, порожденного СМИ с точек зрения политологии, имиджелогии, маркетинга, экономики, лингвистики и многих других наук [6].

Необходимо также отметить тот факт, что средства массовой информации сильно влияют на формирование медиаобраза как страны, так и отдель-

ных субъектов в современной медиакартине мира. СМИ – это не малозначимая часть современного общества, которая является ключевой ниточкой между журналистами и аудиторией, поэтому обладает достаточным количеством ресурсов для того, чтобы создавать новые стереотипы и продолжать сохранять и поддерживать существующие. СМИ поддерживает социальные структуры с помощью стереотипов. И, стремясь доносить новости более доступным образом, журналист намеренно упрощает действительность, достигая компрессии. В качестве стереотипов могут выступать характеристики территории, другого народа, все, что касается представлений о культуре населения того или иного региона: общие понятия, нормы речевого поведения, моральные и этикетные нормы, традиции, обычаи, предрассудки, суеверия и т. п. [4].

За последние несколько лет СМИ преобразовались в новое формирование, способное обрабатывать непрерывно нарастающий поток информации и снабжать ею людей в любой точке земного шара. Все те новости, которые этот поток разносит по различным каналам, предлагают людям принять определенную картину реальности и с ее помощью решать вопросы, возникающие на различных уровнях.

Появление доступного мобильного и домашнего Интернета для людей по всей планете сделало глобальную Паутину одним из главных источников получения и передачи информации. И вследствие этого в процессе коммуникации стали происходить значимые количественные и качественные изменения. Качественные – это появление новых путей получения информации. Количественные изменения – это присоединение к процессу коммуникации безлимитного числа пользователей. Все эти изменения приводят к глобализации сознания и возрастанию социальных функций СМИ. Они обладают властью и способны, например, любое событие превратить из незначительного в глобальное, и наоборот.

Тем не менее учитывая количество и масштаб современных мировых проблем, СМИ приобретает роль помощника, разъясняющего суть происходящего.

И. Дзялошинский исследует СМИ как систему обмена символическими действиями, которые позволяют людям жить в более или менее едином символическом пространстве, пользоваться одними и теми же понятиями и вообще ощущать себя людьми одной культурной среды [1].

Роль СМИ постоянно растет как на индивидуальном, так и на глобальном уровне. Практически все сферы нашего общества уже не считают возможным свое дальнейшее существование без средств массовой информации, что, по словам И. Засурского, является процессом медиатизации.

Этот процесс можно рассматривать по-разному. Во-первых, это масштабное внедрение СМИ во многие области человеческой жизни. Это заметно уже невооруженным взглядом. Во-вторых, это глобальный процесс влияния на человеческое сознание при помощи СМИ, что приводит к созданию глобального информационного пространства и к сближению различных межнациональных картин мира.

Многие ученые приходят к выводу, что человек воспринимает реальность через моделирование событий и явлений окружающего мира. Понятия «модель мира», «картина мира» еще до конца не раскрыты. Один из возможных вариантов: картина мира – это целостный глобальный образ, который является результатом всей духовной активности человека.

Картина мира помогает формированию психики человека. На ее базе происходит целостное трактование действительности и связь частей человеческого сознания. Ученые больше всего отмечают именно регулирующую функцию картины мира: при принятии решений и построении мнения люди чаще всего руководствуются именно картиной мира.

Медиакартина мира позволяет людям ощущать себя частью всемирного медиапространства и делиться в нем различными действиями, в той или иной степени расположенными на временном отрывке медиавремени. То есть медиакартина мира – это длинная нить, связывающая консолидацию общемирового сообщества и управление его жизнедеятельностью.

Также медиакартина мира воспринимается как опредмеченная ментальная деятельность людей по освоению мира, главная цель которой «в комплексном анализе процессов, явлений и событий, имеющих форму континуума, на дискретные фрагменты», которые СМИ окрашивают в тот или иной цвет, подходящий специфике протекания ментальных процессов человека.

Медиакартиной мира как продукта непрерывной информационной деятельности человека становится постоянная экстернализации содержания сознания отдельных людей, часть сознания или картин мира многих других людей через актуализацию в текстах СМИ. Особенность медиакартины мира в отражении особо важных явлений, касающихся сути жизни и забот как отдельного человека, так и общества в целом. Эта особенность раскрывает тот интерес медиакартины мира, который показывает общественность в отзывах о заявлениях СМИ, и ту многочисленность аудитории, которая не типична ни для каких других средств массовой информации.

В заключение мы хотим отметить, что важное место как во внешне-, так и во внутриполитических процессах национальных государств сейчас занимает их медиаобраз, который является одним из важных и необходимых инструментов для достижения конкретных политических целей и задач. Медиаобраз страны понимается как сложная система ее многостороннего отображения средствами массовой информации. Ведущим фактором при этом является позиция журналиста – автора статьи или видеорепортажа. Именно от его позиции, от его исторических, нравственных, корпоративных интересов и от степени его образованности зависит, каким именно будет сформированный им образ страны.

Библиографический список

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово [Электронный ресурс] // Русская словесность: Антология / под ред. В. Н. Нерознайка. – М. : Academia, 2009. – 317 с. – URL: https://www.studmed.ru/askoldov–s–a–koncept–i–slovo_7ed89caf640.html (дата обращения: 12.09.2021).

2. Гаумов Э. А. Имидж против имиджа. – М. : Известия, 2005. – 552 с.
3. Кон И. С. Психология предрассудка: о социально-психологических корнях этнических предубеждений [Электронный ресурс]. – М. : Новый мир, 1966. – № 9. – 187 – 205 с. – URL: https://www.studmed.ru/kon-is-psihologiya-predrassudka-o-socialno-psihologicheskih-kornyah-etnicheskih-predubezhdeniy_d4ef432d565.html (дата обращения: 12.09.2021).
4. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой ; ред. пер. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
5. Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику (Предисловие) : учеб. пособие. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004. – 146 с.
6. Ржанова С. А. Vectors of information and communication activity in mass media culture (by the example of journalism in Russia) // ESPACIOS. – Vol. 38, № 54. – 2017.

© Шаронова А. М., 2022.

УДК 070:004.738.5:616-036.21

ПАНДЕМИЯ COVID-19: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ, НОВАЯ ЛЕКСИКА В СМИ И РЕКЛАМА

А. Р. Ягинова,
аспирант
anast.yaschina2017@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. Автор статьи рассматривает процесс влияния пандемии COVID-19 на интернет-коммуникацию и в особенности русский язык в медиаконтенте. В статье рассматривается процесс появления новых слов «ковидной» лексики, в основе которого лежит словоцентризм как реакция русской лингвокультуры на неприятные события в мире и обществе. Также в работе уделено внимание рекламному миру периода пандемии: тренды, стиль языка контента, работа инфлюенсеров.

Ключевые слова: COVID-19, русский язык, лексика, реклама, PR-коммуникации, пандемия, медиа, ковид, словообразование, аудитория.

COVID-19 PANDEMIC: FEATURES OF INTERNET COMMUNICATIONS, NEW VOCABULARY IN MEDIA AND ADVERTISING

A. R. Yaginova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The author of the article examines the process of the impact of the COVID-19 pandemic Internet communication and especially the Russian language

in media content. The article examines the process of the emergence of new words "covid" vocabulary, which is based on word-centrism, as a reaction of the Russian linguistic culture to unpleasant events in the world and society. The work also focuses on the advertising world of the pandemic period: trends, content language style, influencers' work.

Keywords: COVID-19, Russian, vocabulary, advertising, PR communications, pandemic, media, covid, word formation, audience.

Глобальная пандемия коронавируса внесла изменения во все сферы жизни общества. Изменения затронули все области жизни, включая массмедиа, в особенности рекламу и PR.

Дистанционный формат работы, ограничительные меры, власть онлайн-режима, нестабильность на рынках, а также рост авторитета инфлюенсеров привели к масштабной трансформации информационно-коммуникационных стратегий в рекламе. В свою очередь язык СМИ тоже получил изменения в виде появления новой «ковидной» лексики, которая активно используется журналистами и, как следствие, массовой аудиторией.

Система бизнес-коммуникаций, используемая в PR, рекламе, социальном и событийном маркетинге для продвижения новых идей, товаров и услуг, обновилась, приобрела новые черты и тенденции в условиях пандемии.

Отдельного изучения требует возросший авторитет инфлюенсеров, развитие инструментария социальных сетей, а также резко возросшее влияние маркетинга на систему всего комплекса современных коммуникаций, вызванное адаптацией бизнес-планов к новым реалиям в экономике и социальной жизни при введении локдаунов и карантинных мер.

На сегодняшний момент медийное пространство России и всего мира переживает период масштабных перемен, который имеет ускоренный характер, но главное – оказывает глубокое воздействие на весь комплекс интегрированных маркетинговых коммуникаций.

На процесс изменений в сегменте рекламы, PR и бизнес-коммуникаций огромное влияние оказали сразу несколько факторов:

1) глобальная пандемия коронавирусной инфекции;

2) мощное влияние Индустрии 4.0 на современное общество и на бизнес-коммуникации;

3) торговые войны между двумя крупнейшими экономическими державами (США и КНР), санкции и запреты.

Клаус Шваб, автор книги «Четвертая промышленная революция», предсказывал изменения в своей книге, он говорил о переменах, которые кардинально изменят экономику, менеджмент, финансы, человеческие отношения, структуру личности и межличностные коммуникации за счет широкого внедрения цифровых технологий, искусственного интеллекта, Интернета вещей, больших данных (Big Data), облачных технологий и цифровых платформ, квантовых вычислений, робототехники, био- и нейротехнологии и блокчейна [3, с. 78].

Практически всем коммерческим структурам в 2020 г. пришлось пересматривать параметры информационно-коммуникационного сопровождения бизнеса: стейкхолдеры, месседжи, площадки и каналы коммуникаций, медиапланы, финансовые и медийные ресурсы, арсенал инструментов. По мнению П. Холмса, специфика PR-стратегии на рубеже 2020–2021 гг. состоит в том, что «придется использовать все имеющиеся каналы коммуникаций. Тем, кто не может своевременно перестроить стратегию под новую реальность, – им придется бороться за выживание. Те, кто смог своевременно адаптироваться к новым вызовам – будут процветать как никогда» [4].

Исследователь Е. Л. Вартанова отмечает: «Традиционная рекламная бизнес-модель явно переживает кризис, переставая приносить медиапредприятиям столь высокие доходы, как ранее, сами потребители в условиях информационной избыточности все меньше платят за редакционный контент, а массовая аудитория фрагментируется и распадается на небольшие сообщества, выбирая контент не столько в соответствии со своими политическими предпочтениями, сколько в соответствии с интересами в самых разных аспектах стиля жизни, досуга, сугубо индивидуальных запросов» [1].

Наступило время онлайновых медиаплатформ и инфлюенсеров в социальных сетях, которые не стоят на месте и с каждым днем расширяют свой функционал. Стоит отметить особые преимущества онлайновых медиаплатформ, которые выводят их на первое место среди классических каналов продвижения и СМИ в целом. Рекламный мир периода пандемии наполнился новыми тенденциями, которые выводят на передний план работу инфлюенсеров, доступную рекламу в социальных сетях и инновационный подход к продвижению на market place.

Стилистика подачи рекламных материалов также изменилась: она стала прагматичной, простой по форме с очень точной терминологией, вербальные коммуникации тоже изменились: слов становится все меньше, картинка все ярче, прямолинейнее, тем самым понятнее и доходчивее. Что касается содержания контента, то новые медиа отходят от традиционной модели рекламы, где поддерживались идеи семьи, государства, общества. В социальных сетях и блогосфере основное внимание уделяется личным интересам, индивидуальной позиции или точке зрения, что, безусловно, нравится массовой аудитории. Каждый член целевой аудитории чувствует себя личностью, ведь создается ощущение, что автор рекламы ведет диалог именно с ним. То есть реклама в новых медиа приобрела персонализированный (адресный) характер.

Таким образом, можно сказать о том, что пандемия и изменения в цифровой среде повлияли на формирование новой системы цифровых медиа, которая стала флагманом в мире экономики, бизнеса и продаж, наладила систему взаимодействия с целевой аудиторией, став активной частью современного общества. Новая система цифровых медиа положительно влияет на рекламный мир и PR, которые развиваются, основывая новые методы, технологии и стили.

Новые подходы PR смогут сформировать такую целевую аудиторию

потребителей, которая сможет формировать устойчивый спрос на рынке благодаря вовлеченности, интересу к новинкам и легкому распространению среди своего круга общения.

Сейчас в информационно-коммуникационной стратегии есть два пути развития:

1) для персонализированного взаимодействия с ЦА будут использоваться онлайновые медиаплатформы;

2) для работы на широкую общественность – классические СМИ.

Особенности интернет-коммуникаций проявились и в области функционирования русского языка в СМИ. Интернет-СМИ изменили стилистику, форматы и снова перекроили жанровую систему. Конечно, на данный момент и в связи со сложившейся ситуаций мы не говорим о коренных преобразованиях в языке, а скорее об установлении определенной «тематической» доминанты, влияющей на общение, темы разговоров и периодических изданий, онлайн-медиа, радио- и теледискуссий.

Пандемия коронавируса породила новую «ковидную» лексику, десятки неологизмов и даже такое понятие, как «язык катастрофы».

«Язык катастрофы» – это так можно назвать язык, на котором мы обсуждаем, пишем, говорим о пандемии, слова и образы с использованием которых мы думаем о ней, «представляем» себе это событие.

Отдельного внимания заслуживает «ковидная лексика». Начнем с того, что само слово «ковид» было новым для массовой аудитории и все производные от него – «ковидный», «ковидник», «ковидарий», «ковидиот» и так далее. Поскольку в его основе официальное международное название болезни COVID-19, то в той или иной форме оно вошло практически во все языки мира.

«Где-то говорят “коронавирус”, где-то “корона”, меняется ударение – “кОвид” или “ковИд”. В русском языке закрепилось ударение на последнем слоге, потому что слово связалось с названиями других болезней, кончающихся на “ит”: отит, ларингит, гайморит и так далее. В них есть греческий корень, означающий “воспаление”, но это уже не слышно в слове, и не все, естественно, об этом знают» [2].

От неологизмов образовывают новые глаголы и прилагательные. Например, от слова «ПЦР» – это метод диагностики полимеразной цепной реакцией – образовали глагол «пропэцээртесь». То есть здесь мы наблюдаем редкий процесс образования слова – вставку аббревиатуры без гласной и в качестве корня в глагол.

Появились и слова, связанные с новой социальной реальностью, например «**зум**иться», «из**зум**ляться», «**карантин**кулы».

В психологически трудный период в жизни общества активизировались креативные операции как с планом выражения, так и с планом содержания словесных знаков, актуальных для текущего времени. Языковая игра стала главным способом адаптации к происходящему, можно отметить рост окказиональной лексики, иронически передающей состояние общества.

В социальных сетях на счет пандемии и ограничительных мер было

много шуток, например, видоизмененные присказки и крылатые фразы: «покайтесь, гречники» или «удаленушки и ее братца диванушки».

Нужно отметить, что в разных языках также появились разные разные производные и сленговые понятия, связанные с вирусом COVID-19. Например, в немецком языке, возникли такие термины, как *Koronakomitee* (комитет по коронавирусу), *Ausgangssperre* (запрет на выход), *Kontaktsperre* (запрет на контакт). Среди вариантов из «коронаслэнга» мы выделяем следующие: *«ковидиот»* (англ. *covidiot*, т. е. тот, кто игнорирует советы общественного здравоохранения) и *«каторзен»* (фр. *quatorzaine*, т. е. 14-дневный карантин).

В русском лексиконе появились такие слова, как *коронавирье, карантец, ковидло, макароновирус* и *гречкохайп* (нездоровый ажиотаж, связанный с массовой закупкой макарон и гречки), *маскобесье, вируспруденция, карантэ* (умение владеть собой в самоизоляции), *расхламинго* (популярное домашнее занятие, связанное с уборкой во время вынужденного карантинного безделья). Появились номинации людей с их отношением к пандемии: *коронапофигисты, ковигисты, карантье* (владелец собаки, сдающий ее в аренду для прогулок), *голомордые*.

То есть наблюдается явный процесс словоцентризма, который считают вполне объяснимым явлением в напряженных условиях и ситуации социального напряжения. Словоцентризм на основе неприятных событий свойственен русской лингвокультуре, так, во время Октябрьский революции появились десятки новых слов, словоформ, неологизмов и даже имен.

Подобные цепи синонимов и ассоциаций образуются в значимые и зачастую болезненные периоды истории, например, пандемия. Формируют лингвистические поля на основании главного слова, в данном случае «пандемия», «ковид», «карантин», которые значительно расширяют понимание нового термина в сознании общества.

Если после пандемии в мире по-прежнему (что весьма вероятно) будут существовать определенные маркеры вируса, то будут появляться исследования, если тема будет оставаться в каналах СМИ, то смысл новых слов будет продолжать преобразовываться и реорганизовываться для каждого из нас. Отметим, что именно сейчас происходит процесс наполнения и насыщение лексико-семантического и ассоциативного полей термина «коронавирус».

В пресс-службе добавили, что в Финляндии эпидемия породила десятки слов с первой частью korona: koronavelka (государственный заем для покрытия расходов, вызванных пандемией), koronatuki (господдержка для фирм и организаций) и другие. В Швеции появились такие слова, как coronasjuk или coronadrabbad (больной/пораженный ковидом/«короной»), coronaavstand (расстояние при общении в период пандемии, социальная дистанция), coronaoffer (жертва «короны»).

По словам профессора Гранадского университета Рафаэля Гусмана Тирадо, в Испании больше всего неологизмов появилось в социальных сетях. «Некоторые возникали как мемы, другие – из-за отсутствия термина, который мог бы описать ситуацию или чувство соответствующим образом. В ре-

зультате появились такие слова, coronials (корониалы – поколение, которое рождается во время карантина) и иронический призыв к al confinamiento (конфиттинг – увеличение веса при отсутствии физических упражнений и наличии лишних калорий), balconazis (балконнации – люди, оскорбляющие тех, кто ходит по улице). Появились также термины infodemia и desinfodemia» [2], – уточнил профессор.

Доктор филологических наук, проректор по науке Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина Михаил Осадчий отметил, что очень сильно изменилось функционирование и популярность некоторых слов, например слов «дистанция», «дистанцирование», «дистанционка», – «целое словообразовательное гнездо в этом году активизировалось» [2].

Причем слова, связанные с дистанционной работой и обучением, удаленкой, из языка теперь, скорее всего, никуда не денутся, поскольку воплощают тренд, существовавший и до начала пандемии. В этом смысле она подтолкнуло и общество, и язык к изменениям, которые рано или поздно все равно произошли бы.

«Любые потрясающие людей события приводят к всплеску появления новой лексики. Когда была Октябрьская революция, тоже появилось огромное количество слов, и по ним потом писались отдельные лингвистические работы. Словообразование – это вещь быстрая» [2], – считает Борис Иомдин.

Тем не менее все-таки надо помнить, что несмотря на то, что язык постоянно меняется, его основа не так легко поддается внешнему влиянию. Настоящие изменения гораздо медленнее происходят: изменения звуков, конструкций, структур, – это мало связано с внешними событиями, даже, казалось бы, такими глобальными, как пандемия.

Подводя итог исследованию, можно сделать закономерный вывод о влиянии пандемии коронавируса на информационно-коммуникативную систему. Во-первых, рекламный мир и PR приобрели оцифрованные черты, каналы распространения стали авторитетнее, а медийные лица сменились инфлюенсерами из блогосферы.

Большего развития «ковидная» лексика получила на платформах онлайн-медиа, но традиционные СМИ также используют неологизмы в своих материалах, чтобы выстроить доверительную связь с массовой аудиторией.

Библиографический список

1. Вартанова Е. Л. Меняющаяся российская медиаиндустрия: теоретические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2018. – Т. 15, № 2. – С. 186–196.

2. Сорокин Д. Языковые итоги года: ирония и пандемия : [интервью с зав. сектором теоретической семантики Института руссого языка им. В. В. Виноградова РАН Б. Иомдиным] [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт]. – 2020. – 21 дек. – URL: https://tass.ru/obschestvo/10132851 (дата обращения: 26.09.2021).

3. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М. : Эксмо, 2018. – 208 с.

4. Holmes P. PR [Электронный ресурс] // Danikkomunikacija : [сайт]. – 2021. – URL: https://danikomunikacija.com/speakers/paul-holmes (дата обращения: 19.09.2021).

© Ягинова А. Р., 2022.

УДК 37.016: 811.161.1 (045)

ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОНТЕНТА УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ-ФИЛОЛОГОВ

Н. А. Белова,
д-р пед. наук, профессор
belkasun@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия
Е. А. Кашкарева,
канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой
kashea@mail.ru
Мордовский государственный педагогический
университет им. М. Е. Евсевьева
Саранск, Россия

Аннотация. В статье описан опыт создания программы повышения квалификации учителей по содержательному наполнению интерактивного образовательного контента современного урока русского языка. Предложена методическая модель обучения учителей-словесников содержательному наполнению указанного вида контента, включающая теоретический, практический и контрольный этапы.

Ключевые слова: образовательные ресурсы, интерактивный образовательный контент, информационно-коммуникационные технологии, профессиональные компетенции учителя-филолога.

TECHNOLOGY OF CREATING INTERACTIVE EDUCATIONAL CONTENT OF A RUSSIAN LANGUAGE LESSON IN THE SYSTEM OF ADVANCED TRAINING OF TEACHERS-PHILOLOGISTS

N. A. Belova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
E. A. Kashkareva
Mordovian State Pedagogical University
Saransk, Russia

Abstract. The article describes the experience of creating a teacher training program for the content content of interactive educational content of a modern

Russian language lesson. A methodological model of teaching teachers-wordsmiths to the content content of this type of content, including theoretical, practical and control stages, is proposed.

Keywords: educational resources, interactive educational content, information and communication technologies, professional competencies of a philologist teacher.

Значительные изменения в системе среднего и высшего образования, произошедшие за последние несколько лет, иное понимание целей, содержания и результатов обучения на всех его уровнях диктуют необходимость в осмыслении новых подходов к учебно-методическому обеспечению образовательного процесса в школе, а значит, и к подготовке учителя. В ситуации синтеза традиционного и дистанционного обучения остро обозначилась проблема создания электронных дидактических средств (электронных тренажеров, универсальных учебных материалов, образовательных интернет-платформ, обучающих электронных программ и др.) с их гибкостью, инструментальностью, многоаспектностью и интерактивностью. Эти механизмы совершенно иным способом моделируют образовательный процесс, направленный прежде всего на практическое решение конкретных учебных задач. Интерактивность как возможность взаимодействия пользователя с самим контентом становится отличительной чертой современного образования на всех его уровнях. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) обладают потенциалом, продуктивное использование которого помогает решать сложные задачи, которые диктует современной школе реальность: необходимость в пересмотре и обновлении вузовских методик и технологий подготовки студентов, а также переподготовки учителя, повышения его квалификации.

Аналитический обзор научных работ, посвященных вопросам создания образовательного контента урока русского языка, в том числе интерактивного, показал, что исследовательское поле данной проблемы только начинает развиваться. Работы же, рассматривающие эту проблему в контексте курсов повышения квалификации учителя-филолога, пока отсутствуют. Так, Е. А. Клименко рассматривает вопросы, связанные с определением места и значения интерактивного образовательного контента в современном школьном и вузовском образовании [1]; О. А. Скрябина продумывает способы наполнения урока русского языка в электронной среде [4]; Е. А. Соколова и Т. Н. Сокольницкая изучают возможности современной цифровой образовательной среды для профессионального развития молодых специалистов-филологов в области методики обучения русскому языку [5]. Анализ представленной Е. В. Савельевой типологии интерактивного образовательного контента [3] позволил авторам изучить особенности мобильных приложений в качестве инструмента педагога-предметника: органайзеры, мессенджеры, мобильные приложения по различным дисциплинам, программы визуализации (презентации, графики), программы контроля (викторины, тесты) и др. Показательны в плане выявления

сложностей разработки и использования образовательного контента в реальном учебном процессе результаты включения в московские школы информационной среды «Московская электронная школа», представляемой как фактор модернизации профессиональной подготовки учителя-словесника [2].

Таким образом, исходным теоретическим материалом для создания педагогической модели программы повышения квалификации учителей по содержательному наполнению интерактивного образовательного контента современного урока русского языка послужило дидактическое осмысление указанной проблемы.

Представим кратко структурный и тематический компоненты программы курсов повышения квалификации учителей по содержательному наполнению интерактивного образовательного контента современного урока русского языка.

На теоретическом этапе курсов слушатели знакомятся с интерактивным образовательным контентом как трендом современного образования, с типологией образовательного контента в целом и интерактивного образовательного контента урока русского языка. В результате должно быть осмыслено понятие *интерактивный образовательный контент*, уяснена его специфика (взаимодействие пользователя с интерактивным контентом) в отличие от так называемого пассивного контента в Сети. Слушателям представляются сервисы для создания контента без специальных навыков программирования: https://learningapps.org/ (коллекция готовых интерактивных модулей, или упражнений по разным общеобразовательным предметам, и шаблоны для создания подобных онлайн-упражнений), Playbuzz (создание викторин или опросов), uCalcThinglink (превращение обычных картинок в интерактивные с помощью всплывающих аннотаций), Kahoot (создание онлайн-викторин, тестов и опросов) и др. Кроме того, осуществляется анализ рекомендованных Министерством просвещения Российской Федерации образовательных онлайн-платформ (https://edu.gov.ru/distance). Учителя осваивают типологию цифровых образовательных ресурсов, среди которых интегрированные творческие среды, виртуальные лаборатории и конструкторы, источники информации, тренажеры и др. Из всего многообразия интерактивного образовательного контента для современного урока русского языка педагогически целесообразными являются следующие типы: тесты, викторины, тренажеры, интерактивные упражнения, веб-квесты, веб-портфолио и др.

На практическом этапе курсов изучаются тактики разработки и использования интерактивного образовательного контента урока русского языка, выявляются и анализируются особенности содержательного наполнения того или иного типа контента, определяется эффективность применения интерактивного образовательного контента при обучении русскому языку в современной школе. Так, анализ практики разработки и применения интерактивного образовательного контента в современной

школе (речь идет о проекте «Московская электронная школа») позволил выявить основные требования к такому обязательному для урока виду контента, как электронный сценарий урока, представляющий собой структурированный образовательный контент, предназначенный для запуска на интерактивной панели и на планшетах обучающихся [2].

Наполнение образовательного контента электронного сценария урока должно включать следующие обязательные компоненты: 1) конспект урока или заметки к этапу урока (отображается на электронном устройстве учителя), 2) презентация к уроку (отображается на интерактивной доске, экране в классе), 3) интерактивные рабочие листы (отображаются на персональных устройствах обучающихся). Обязательным требованием к сценарированию урока на современном этапе обучения является и наличие интерактивных элементов, видеофрагментов, тестового задания, задания в формате ОГЭ, ЕГЭ и др.

Анализ существующих цифровых образовательных ресурсов (в том числе и интерактивных) с точки зрения эффективности их использования в процессе обучения русскому языку позволил выявить следующие обязательные требования к данному виду образовательных ресурсов:

– соответствие содержанию образования и современным образовательным стандартам;

– педагогическая целесообразность;

– связь с конкретными учебными темами действующей программы;

– возможность использования в межпредметных и инновационных видах учебной деятельности,

– учет уровня подготовленности учителей к использованию ИКТ в учебном процессе.

Назначение интерактивного электронного образовательного контента в современной школе (максимально отвечающего требованиям образовательных стандартов) связывается с его способностью в реализации педагогом современных активных, деятельностных, индивидуализированных форм обучения.

На завершающем, итоговом этапе обучения учителям предлагается задание на разработку содержательного наполнения интерактивного образовательного контента урока русского языка в следующих вариантах (на выбор слушателя): «Цифровой образовательный контент» (предполагается выполнение контрольной работы с использованием онлайн-платформ (сервисов) для создания веб-портфолио, веб-квестов, интерактивных тестов, упражнений, игр, кроссвордов, викторин); «Медиа-контент» (предполагается выполнение контрольной работы с использованием инструментов для создания графики, плакатов и видеороликов для обучения или реализации образовательных проектов); «Интерактивные презентации» (предполагается выполнение контрольной работы с использованием инструментов для подготовки электронных презентаций).

Основными критериями оценки интерактивных обучающих средств являются следующие: информационная насыщенность и содержательность;

методическая целостность и структурированность; актуальность и периодичность обновления; безопасность и комфортность виртуальной образовательной среды; интерактивность, уровень вовлеченности аудитории пользователей и использование инструментария сети Интернет для коммуникации с разными целевыми аудиториями (учащимися, родителями, коллегами); оригинальность методического замысла; образовательная ценность методической разработки; возможность использования данной разработки другими преподавателями, другими учебными заведениями и т. п.; стиль, грамотность, логика изложения, эстетика оформления.

Приведем пример разработанного интерактивного упражнения, связанного с отработкой у старшеклассников навыка создания сочинения в формате ЕГЭ по русскому языку (https://learningapps.org/watch?v=padoeca4321): учащимся необходимо ознакомиться с исходным текстом В. В. Быкова об истинном таланте писателя и далее из представленных одиннадцати фрагментов сочинения, написанного учащимся по данному тексту, собрать готовый текст, расположив элементы таким образом, чтобы получился логически правильный текст, характеризующийся смысловой цельностью, речевой связностью и последовательностью изложения (отрабатываем умение получить максимальное количество баллов по критерию К5). Выбирая элемент и располагая его в соответствующем месте представленной схемы, учащийся взаимодействует с контентом, получая цветовой сигнал (зеленый – правильное расположение, красный – неверное расположение).

В ходе разработки программы повышения квалификации учителей по содержательному наполнению интерактивного образовательного контента современного урока русского языка мы пришли к следующим выводам:

– в соответствии с требованиями современности и с учетом возможностей современных ИКТ образовательный контент приобретает формат интерактивного, что сказывается и на разработке образовательных ресурсов, актуальных для обучения русскому языку;

– важнейшим требованием к разработке образовательного контента современного урока является обязательное наличие интерактивных тестирующих оболочек для оценки знаний (компетенций и умений) обучаемых: электронных тестов, тренажеров, викторин и т. п.;

– одним из педагогических условий повышения квалификации учителя-филолога, готового к вызовам современности, является реализация программ по созданию содержательного наполнения интерактивного образовательного контента урока русского языка.

Библиографический список

1. Клименко Е. А. Образовательный интерактивный контент как тренд современного школьного образования // Образование: традиции и инновации : материалы международной научно-практической конференции / под ред. Н. В. Уварина. – Прага : Изд-во World Press s.r.o, 2017. – С. 103–106.

2. Коханова В. А. Проектирование моделей сценариев уроков литературы в информационной среде «Московская электронная школа» / В. А. Коханова,

И. А. Канунникова // Вестник Московского городского педагогического универ-ситета. Серия: филология. Теория языка. Языковое образование. – 2019. – № 3 (35). – С. 92–99.

3. Савельева Е. В. Мобильные приложения как инструмент педагога-предметника [Электронный ресурс] // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации: сб. науч. тр. / под ред. С. Н. Курбаковой. – М. : Изд-во РУДН, 2018. – С. 338–351. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37541551_86100594.pdf (дата обращения: 03.07.2021).

4. Скрябина О. А. Цифровые технологии и настоящее и будущее урока русского языка // Современные технологии в преподавании русского языка: К 60-летию кафедры методики преподавания русского языка Московского педагогического государственного университета : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. Д. Дейкиной, В. Д. Янченко. – М. : МПГУ, 2020. – С. 88–93.

5. Соколова Е. А. Возможности профессионального развития молодых учителей-словесников в условиях цифровой образовательной среды / Е. А. Соколова, Т. Н. Сокольницкая // Современные технологии в преподавании русского языка: К 60-летию кафедры методики преподавания русского языка Московского педагогического государственного университета : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. Д. Дейкиной, В. Д. Янченко. – М. : МПГУ, 2020. – С. 93–99.

© Белова Н. А., Кашкарева Е. А., 2022.

УДК 372.881.161.1

ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ: СТРУКТУРА И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Е. С. Богданова,
канд. пед. наук, доцент
helensim@mail.ru
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
Рязань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о структуре текстовой компетентности. Обращается внимание на иерархию текстовой компетентности и компетенций, на включение умений, опыта, владения языковыми ресурсами и нормами, позитивного эмоционально-ценностного отношения и других свойств личности в модель текстовой компетентности. Названы этапы и основные направления работы над текстовой компетентностью школьников. Приведена типология упражнений, формирующих текстовые умения старшеклассников.

Ключевые слова: текстовая деятельность, текстовая компетентность, компетенции восприятия, интерпретации, понимания, воспроизведения, образования текста, текстовые умения.

TEXT COMPETENCE: ITS STRUCTURE AND THE WAYS TO DEVELOP IT

E. S. Bogdanova
Ryazan State University named after S. A. Yesenin
Ryazan, Russia

Abstract. The article considers the structure of the text competence. The author highlights the hierarchy of the notions of "text competence" and "expertise". Moreover, the author explains why it is essential to include the following aspects into the model of text competence: skills, experience, language norms acquisition, positive emotional and axiological attitude and other personal characteristics. The article points out the stages and the basic aspects of text competence development when working with school students. Finally, there is typology of tasks for senior school children aimed at developing skills of textual activity.

Keywords: textual activity, text competence, expertise of perception, interpretation, comprehension, reproduction, text production, textual skills.

Степень актуальности вопросов о структуре текстовой компетентности и путях ее формирования в школе не снижается, несмотря на внимание к данному вопросу многих исследователей (Н. А. Белова, Н. С. Болотнова, А. А. Ворожбитова, Л. А. Голышкина, Н. Д. Десяева, Т. М. Дридзе, М. Я. Дымарский, Е. А. Кашкарева, Т. В. Кошечкина, А. К. Михальская, Е. А. Рябухина, И. В. Салосина, О. П. Сологуб, Н. Ш. Сайфутдинова, А. П. Сковородников и др.). Обусловлено это тем, что текстовая деятельность, которая обеспечивается названной компетентностью, является сложной и многокомпонентной, а ее осуществление возможно при условии сформированности у субъекта целого ряда умений, свойств, качеств личности, развития его высших психических функций: мышления, воображения и др. Осмысление структуры текстовой компетентности имеет принципиальное значение для методики обучения текстовой деятельности в школе. Однако в научно-методической литературе взгляды ученых на состав и взаимосвязи элементов текстовой компетентности расходятся.

Так, например, Н. С. Болотнова определяет текстовую компетентность как способность к порождению и пониманию текстов, которая основана, во-первых, на системе знаний о тексте, его организации и функционировании, во-вторых, на владении навыками порождения различных текстов, а в-третьих, на интерпретационных умениях [2, с. 249]. Видно, что базовым в данной дефиниции является понятие **способности**. Под способностью при определении текстовой компетентности, как нам видится, следует усматривать **языковую способность** – «операционный механизм, формирующийся в коммуникативно-речевой практике путем освоения нормативных и узуальных форм построения высказывания, приобщения к культуре речи» [5, с. 1409]. Основанная на природных задатках, языковая способность формируется при восприятии чужой речи, опыте собственной, когда индивид осваивает материал языка и законы функционирования его в речи. **Способ-**

ность к текстовой деятельности – это часть языковой способности, которая формируется при взаимодействии с текстами и состоит в том, что человек в результате опыта развивает генетически обусловленную возможность анализировать и синтезировать информацию, представленную в устном или письменном связном сообщении.

В толковании текстовой компетентности иных авторов наряду со способностью указывается понятие **готовности** [4, с. 186; 10]. В психолого-педагогических концепциях под готовностью понимают интегральный комплекс связанных между собой мотивационных, познавательных, эмоциональных, волевых элементов [6, с. 172], которые относятся к личностных качествам и обеспечивают направленность субъекта на осуществление деятельности и достижение результата.

Исследования природы текстовой компетентности включают анализ диады «**компетентность – компетенция**», которое рассматривается как общее и частное: компетентность включает в себя ряд компетенций. Так, И. В. Салосина выделяет в структуре текстовой компетентности пять компетенций: 1) компетенция восприятия; 2) компетенция интерпретации; 3) компетенция понимания; 4) компетенция воспроизведения; 5) образующая компетенция [10]. В свою очередь автор сводит компетенции к готовности осуществлять первичную и вторичную текстовую деятельность. Разделяя взгляды автора на текстовую компетентность как сумму компетенций и их состав, укажем, что пятикомпонентная модель, предложенная И. В. Салосиной, представляется нам общей схемой и не включает ценностно-смысловую, мотивационную, эмоциональную составляющие, поэтому нуждается в уточнении.

Говоря об иерархии элементов в структуре текстовой компетентности, отметим, что компетенции, совокупность которых составляет текстовую компетентность, сами представляют собой готовность и способность к частным операциям в структуре текстовой деятельности, которые формируются на основе знаний и умений. Текстовая компетентность, по мнению исследователей, основана на комплексе **знаний** о тексте, на так называемых текстовых, текстоведческих знаниях [8]. Н. С. Болотнова описывает структуру этих знаний: знание языковых ресурсов, представления о сферах общения, ситуациях, условиях, о факторе адресата в процессе текстовой деятельности, знание действительности и способов ее отражения в слове при текстообразовании [3, с. 70]. Уточняя вопрос о знаниях, служащих основой текстовой деятельности, добавим, что их объем составляет совокупность сведений о тексте как единице языка, речи, культуры, о диалогической природе текста и нормах текстообразования, о текстовых структурах и видах информации в нем, о способах и приемах восприятия, интерпретации текста, о функционировании единиц языка в тексте. Кроме того, текстовую деятельность обеспечивает широкий круг **энциклопедических знаний**, накопленных субъектом текстовой деятельности при освоении ряда наук и в ходе жизненной практики. Интегрируясь с текстовой информацией, часть этих знаний образует важную структуру текста – затекст, что обеспечивает текстовую целостность.

Наиболее важный компонент каждой компетенции – специфические **умения**, которые в соответствии с видами текстовой деятельности можно разделить на 4 группы:

- воспринимать текст,
- анализировать текст, его речевую ткань и экстралингвистические параметры,
- интерпретировать текст,
- создавать текст с учетом норм текстообразования.

Можно ли говорить о **навыках** в текстовой деятельности? Ответ на этот вопрос сложен, в связи с тем что сама природа навыков определяется по-разному. Творческий и интеллектуальный характер текстовой деятельности исключает автоматизм в ее осуществлении. Такая деятельность требует осмысленности, она отражает авторскую или читательскую индивидуальность и каждый раз осуществляется по-новому. Предметом ее является текст – уникальный и неповторимый (при этом мы не рассматриваем деловые стандартизированные тексты), а также проекция этого текста в сознании реципиента или авторская интерпретация, которые не могут соответствовать инвариантным схемам. Однако отдельные компоненты текстовой деятельности вполне могут быть автоматизированными. В. М. Ростовцева называет следующие типы навыков в структуре текстовых компетенций: навыки оперирования языковыми единицами (их поиска, отбора и использования), навыки формообразования языковых единиц [8, с. 109]. Очевидно, что автор пишет об автоматическом компоненте сознательного интеллектуально-речевого действия при организации грамматической и лексической стороны создаваемого текста, с чем следует согласиться. На наш взгляд, о навыке можно говорить и применительно к рецептивному восприятию текстовой информации. Однако вряд ли можно назвать автоматизированной операцию, обеспечивающую «синтез эксплицитной и имплицитной информации в целостный образ» [8, с. 109], поскольку она предполагает обнаружение имплицитно представленных смыслов, что само по себе не допускает автоматизма. Следовательно, автоматизированные компоненты сознательных действий имеются в осуществлении текстовой деятельности, однако лишь в той мере, в которой они обеспечивают более крупные осмысленные операции. Именно поэтому, говоря о компетенциях в структуре текстовой компетентности, мы будем выделять в них умения, а не навыки.

Формирование и развитие соответствующих умений осуществляется в **опыте** текстовой деятельности, который также позволяет **овладеть** средствами (языковым материалом, фактами о действительности) и способами осуществления деятельности (правилами и законами текстообразования, интерпретационными техниками, этическими и иными нормами). Подчеркнем, что значимым представляется овладение приемами интеграции знаний в

осуществлении текстовой деятельности и воссоздания историко-культурного контекста [9, с. 18].

Определим, что говорить о готовности и способности к текстовой деятельности можно тогда, когда у субъекта есть внутренняя установка на ее осуществление. Эта установка возникает под воздействием **мотива**. Текстовую деятельность в идеале стимулируют внутренние интеллектуально-познавательный и коммуникативный мотивы, желание получить удовольствие, эстетизированную эмоцию или поделиться ею (эмоционально-эстетический мотив). Прибегая ко взаимодействию с текстом, субъект видит в нем смысл. Однако часто, особенно когда субъектом текстовой деятельности является школьник, его мотивация связана не с внутренним, а с внешним принудительным морально-дисциплинарным мотивом: работа с текстом выполняется по заданию учителя, в ходе подготовки к аттестации и т. п. Но полноценная текстовая деятельность с получением качественного продукта – собственного текста, или проекции авторского в сознании интерпретатора, или встречного текста как ответа автору – возможна лишь тогда, когда субъект имеет **позитивное эмоционально-ценностное отношение** к процессу и результату этой деятельности. Следовательно, важным слагаемым текстовой компетентности является положительное **отношение** к процессу и результату текстовой деятельности, которое включает осознанность мотивации, ценностное отношение к языку, тексту и культуре, феноменом которой является текст, и понимание процессов интерпретации и создания текста как участия в диалоге.

Модель текстовой компетентности

Итак, наряду со **знаниями, умениями и опытом** в модель текстовой компетентности как комплекса компетенций необходимо включить такие элементы, как **владение** и **отношение**. Уточненная модель текстовой компетентности представлена на рисунке 1.

Таким образом, под **текстовой компетентностью** следует понимать готовность и способность личности к осуществлению текстовой деятельности, т. е. к восприятию, интерпретации, анализу, воспроизведению, построению текста, на основе: 1) знаний о тексте, закономерностях интерпретации и текстообразования, приемах и способах работы с текстом; 2) владения всеми необходимыми средствами и ресурсами, в первую очередь текстовыми умениями и приемами интеграции информации; 3) опыта в осуществлении данной деятельности; 4) позитивного эмоционально-ценностного отношения к языку, культуре, тексту.

Формирование текстовой компетенции – цель обучения текстовой деятельности в школе. Понимание ее структуры позволяет определить этапы и пути работы над ней.

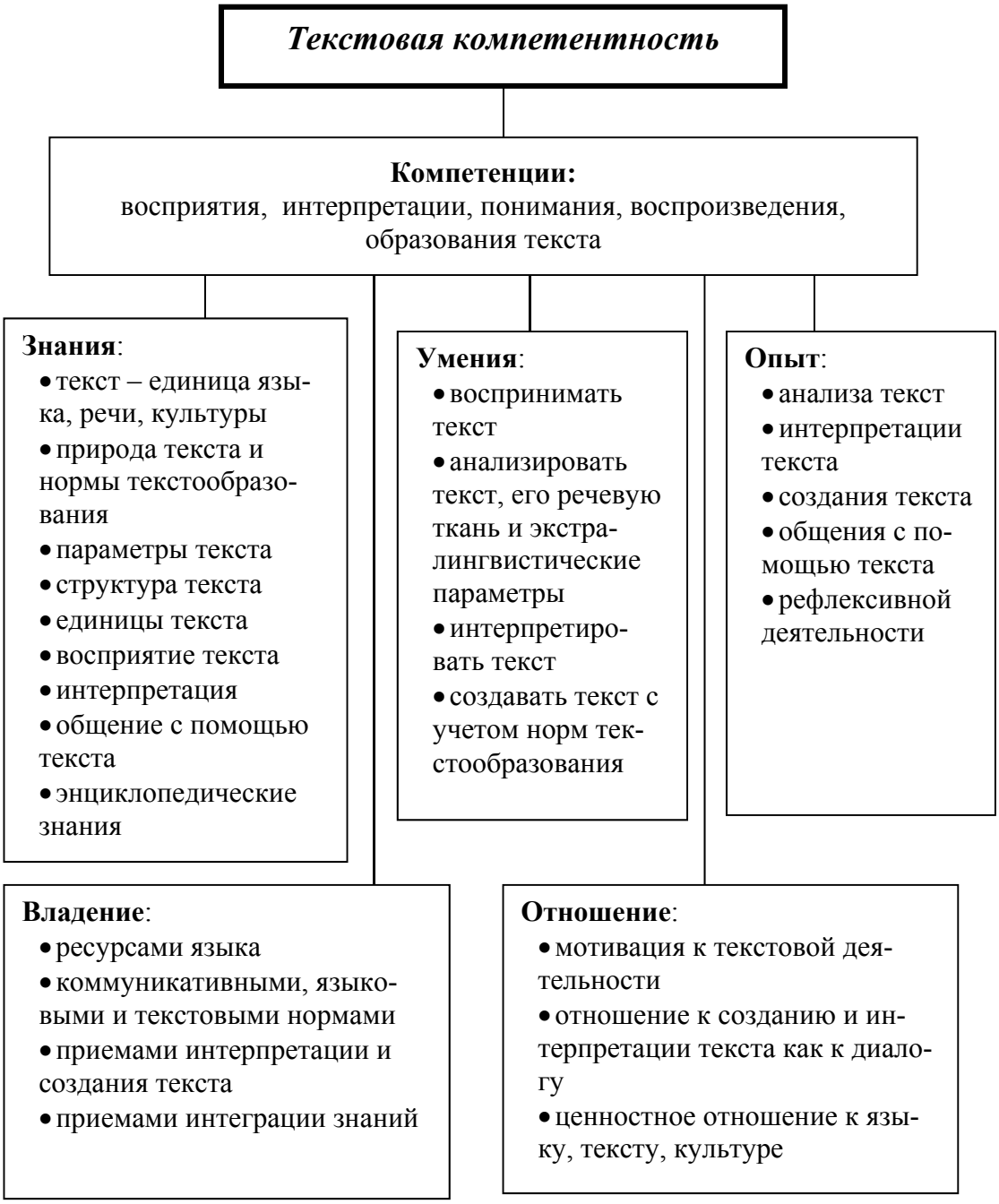


Рис. 1

На **начальном этапе** (I–IV классы) учащиеся осваивают механизмы чтения и письма. У них формируются первичные умения текстовосприниманающей и интерпретационной деятельности: сначала дети учатся воспринимать доступный текст на слух, потом осваивают технику чтения; работа над текстом в это время осуществляется по модели «первичный синтез – анализ – вторичный синтез». Младшие школьники активно накапливают языковой материал: лексику, грамматические модели, а также усваивают правила и традиции функционирования его в речи. Учащиеся приобретают минимальный опыт анализа, интерпретации и составления доступных текстов. Формируют-

ся начальные теоретические представления о тексте и его признаках и умения опознавать текст, определять тему, основную мысль текста, составлять простой план, озаглавливать текст. Итогом этапа является формирование установки на осуществление текстовой деятельности, т. е. **готовности к текстовой деятельности**.

Основной этап (V–IX классы) совершенствует механизмы чтения и письма: школьники овладевают разными видами чтения, типами речи. Активно обогащается лексический запас и развивается грамматический строй речи. Программами основной школы предусмотрено усвоение знаний о тексте, интерпретационных приемов, изучение жанрово-композиционных моделей. Ряд текстовых умений, приобретенных на предыдущих этапах, **развивается** (например, умение определять тему текста, тип текста, выделять ключевые слова и др.), иные только **формируются** (например, выделять в тексте главную и второстепенную информацию, устанавливать внутритекстовые связи и др.). Итогом этапа является развитие **способности к текстовой деятельности**.

На **продвинутом этапе** (X–XI классы) учащиеся в полной мере овладевают лексическими, грамматическими, стилистическими ресурсами языка, нормами текстообразования. Интенсивно формируются эмоциональный интеллект, рефлексивные умения, развивается когнитивная сфера, в общих чертах складывается языковая картина мира в сознании подростка. Создаются предпосылки для усвоения новых знаний о тексте, его признаках и структурах, единицах языка и их функционировании в тексте, о связи текста с действительностью, культурой, о процессе восприятия и интерпретации, приемах и закономерностях текстообразования. Расширяется круг энциклопедических знаний, обеспечивается возможность использовать их в текстовой деятельности. Учащиеся приобретают опыт общения в разных сферах, что служит основой приобщения к сложной коммуникации «автор – текст – читатель» и развития диалогического сознания личности. **Совершенствуются** и **развиваются** приобретенные ранее и формируются новые текстовые умения. Итог этапа – сформированная **текстовая компетентность**.

Именно на продвинутом этапе на уроках русского языка обеспечивается интенсивное накопление опыта в осуществлении текстовой деятельности. Достаточно высокий уровень самосознания и стремление старших подростков к самовыражению, поиску ответов на сложные жизненные вопросы и своего места в мире являются основой для развития мотивации к текстовой деятельности.

Подростковый возраст характеризуется развитием ценностно-смысловой сферы личности. Эту особенность следует использовать для интериоризации ценностного отношения к родному языку как части национальной культуры. Задача учителя – так подбирать тексты для работы на уроках русского языка, чтобы они демонстрировали меткость и выразительность русского слова, философскую глубину произведений отечественных авторов, эстетику прозаической и поэтической строки, связь текста с историей, жизнью, конкретной личностью, верой и традициями народа. Важно, что-

бы на уроке была обеспечена встреча каждого ребенка со «своим» текстом, который отзовется в душе, а в сочинении по этому тексту ученик напишет так: «*Читаю В. С. Высоцкого – и кажется, будто это про меня написано*» (из сочинения Юрия Ф., ученика 10 класса лицея № 4 г. Рязани). Такой подход формирует ценностное отношение к языку, тексту, культуре и мотивацию к текстовой деятельности в структуре текстовой компетентности.

Очевидно, что для достижения цели обучения текстовой деятельности – формирования текстовой компетентности – на продвинутом этапе обучения необходима систематическая работа на уроках русского языка, которая организуется в следующих направлениях:

- усвоение учащимися ряда базовых для осмысленного изучения текста и текстовой деятельности понятий (*затекст, интерпретация, текстовая лакуна* и др.);
- обучение восприятию авторского текста и освоение приемов, способствующих его углубленному пониманию;
- анализ языковой материи и экстралингвистических параметров текста;
- наблюдение за способами репрезентации в тексте логической и эмоционально-оценочной информации, приемами и языковыми средствами реализации авторского замысла;
- изучение приемов интерпретации текста;
- совершенствование умения создавать и корректировать собственный текст;
- формирование текстовых умений.

Остановимся на последнем направлении. Формирование текстовых умений (воспринимать, анализировать, интерпретировать, создавать текст) на уроках русского языка осуществляется в ходе выполнения упражнений, типология которых представлена в таблице 1.

Наиболее перспективным в свете задач формирования текстовой компетентности школьников нам видится **сочинение на основе прочитанного текста** [1]. Этот вид работы имеет образовательно-воспитательную ценность, ибо авторский текст в нем выступает как источник смыслов и речевой деятельности учащихся, образец богатой, правильной, выразительной речи.

Работая над текстом, школьники проходят стадии от перцептивного восприятия к анализу и интерпретации текста и созданию «ответа автору» – встречного текста. Такая работа реализует стратегию «**от текста – к смыслу, от смысла – к тексту**» [7], соответствует идее Е. А. Рябухиной о том, что «на уроках русского языка в старших классах целесообразно применять стратегию развития текстовой деятельности от вторичной ее составляющей к первичной» [9, с. 18]. Работа над авторским текстом с переходом к созданию собственного текста обогащает опыт всех видов текстовой деятельности школьника: помогает понять авторский замысел, проанализировать средства его языкового воплощения (текстовосприятие и интерпретация), а затем

включить эти составляющие в процесс создании собственного текста (текстообразование) [9, с. 20].

Таблица 1

Типология упражнений для обучения текстовой деятельности на уроках русского языка

Группа текстовых умений			
воспринимать текст	**анализировать текст**	**интерпретировать текст**	**создавать текст**
Упражнения			
• медленное чтение с пометами • рефлексивное чтение • выразительное чтение • смена регистра читательского восприятия • словотолкование • выдвижение смысловых гипотез • самопостановка вопросов к тексту	• анализ фактуальной информации • анализ текстового времени и пространства • анализ языковой ткани текста • анализ экстралингвистических параметров текста • обнаружение лакун • обнаружение примет скрытого смысла • определение композиционных, жанровых, стилистических, типологических характеристик текста • анализ эмоциональной информации	• анализ концептуальной и подтекстовой информации • анализ роли текстовых и языковых единиц в реализации замысла автора • определение авторского замысла • анализ метафорических выражений • создание социокультурного комментария к тексту • переформатирование текста • словесное и графическое рисование • подбор к тексту визуального образа, музыки • формулирование оценочных суждений	• ассоциативное развертывание • составление смысловой схемы текста • создание текста на основе жанровой модели • создание текста на основе образца • написание этюдов • собирание лингвокультурного «портрета» концепта • корректировка текста

Сочинения на основе прочитанного текста в школьной практике преподавания русского языка представлены разными видами: отзыв о прочитанном, сравнительная характеристика, комментирование замысла автора и средств его реализации, концептоцентрическое эссе, проблемный анализ текста, интерпретация фрагмента в составе текстового целого и др. Мотивируют к текстовой деятельности тексты и темы, побуждающие к размышлениям, позволяющие показать собственное понимание жизненных явлений. Например, на основе стихотворения в прозе «Лазурное царство» И. С. Тургенева можно предложить такие темы сочинений:

Каким Вам видится образ рассказчика наяву и во сне?

Какие эмоции и как описаны в тексте стихотворения?

Существует ли царство лазури, света, молодости и счастья?

О каком сне можете рассказать Вы?

Почему юные мечтают о скорейшем взрослении, а пожилые горюют об ушедшей молодости?

Формирование текстовых умений школьников представляет собой длительный процесс, сопровождающийся многочисленными сложностями и ошибками учащихся (неадекватная интерпретация авторского текста, слабое осознание границ темы, неспособность отобрать и систематизировать материал для своего сочинения, фактические, орфографические, грамматические, пунктуационные, речевые ошибки и т. д.). Для их предупреждения рекомендуем сопоставлять варианты интерпретации текста, работать со справочными и энциклопедическими изданиями, готовить комментарии к авторским текстам, предлагать учащимся жанровые модели сочинений, составлять тематические подборки лексического материала (глоссарии) к текстам, создавать этюды как части будущего сочинения, проводить самопроверку и взаимопроверку готовых сочинений.

Библиографический список

1. Богданова Е. С. Русский язык: сочинение по прочитанному тексту на уроках в старших классах и ЕГЭ: 9–11 классы : монография. – М. : АСТ, 2017. – 320 с.

2. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста : словарь-тезаурус. – М. : Флинта, 2009. – 384 с.

3. Болотнова Н. С. Текстовая компетенция и пути ее формирования в школе // Коммуникативно-деятельностные и текстоориентированные подходы к преподаванию русского языка : материалы науч.-практ. конф. (12 марта 2001 г.). – Томск : Изд-во ТГПУ, 2001. – С. 66–76.

4. Васюкович Л. С. Текстовая компетенция в контексте современного лингвистического образования // Преподаватель XXI века. – 2015. – № 1. – С. 185–193.

5. Воронова Н. Г. Языковая способность в контексте психологии способностей // Вестн. Башкир. ун-та. – 2014. – № 4. – С. 1407–1412.

6. Грачев Ю. А. Понятие «Готовности к деятельности» в системе современного психолого-педагогического знания // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та МВД России. – 2011. – № 4. – С. 172–175.

7. Любичева Е. В. От текста к смыслу и от смысла к тексту (Текстовая деятельность учащихся) : учеб. пособие / Е. В. Любичева, Н. Г. Ольховик. – СПб. : Сага : Азбука-классика, 2005. – 363 с.

8. Ростовцева В. М. Текстовая компетенция в современных научных исследованиях // Современные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов : сб. науч. тр. III Всерос. шк.-семинара (г. Томск, 3–5 апр. 2013 г.); Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ) / под ред. Ю. В. Кобенко [и др.]. – Томск : Изд-во ТПУ, 2013. – С. 107–111.

9. Рябухина Е. А. Стратегия развития текстовой деятельности старшеклассников // Филол. класс. – 2016. – № 2 (44). – С. 17–25.

10. Салосина И. В. Текстовая компетентность: от восприятия к интерпретации // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2007. – № 10. – С. 55–59.

© Богданова Е. С., 2022.

УДК 372.881.161.1

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ

Л. П. Водясова,
д-р филол. наук, профессор
LVodjasova@yandex.ru
Т. Ю. Пономарева,
магистрант
t.korshunova2011@yandex.ru
Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева
Саранск, Россия

Аннотация. В статье анализируются возможности мобильных приложений в формировании фразеологической компетенции учащихся. В качестве примера авторами предлагается макет мобильного приложения, в котором представлены различные типы заданий. Указывается, что мобильное приложение окажет помощь при формировании фразеологической компетенции в урочное и внеурочное время.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая компетенция, мобильное приложение, дидактический потенциал.

DIDACTIC POTENTIAL OF MOBILE APPLICATIONS IN THE FORMATION OF LEARNERS PHRASEOLOGICAL COMPETENCE

L. P. Vodyasova, T. Yu. Ponomaryova
Mordovian State Pedagogical University
Saransk, Russia

Abstract. The article analyzes the capabilities of mobile applications in the formation of phraseological competence of learners. The authors propose as an example a mock-up of a mobile application, which presents various types of tasks. It is indicated that, the mobile application will assist in the formation of phraseological competence in the classroom and outside of lessons.

Keywords: phraseology, phraseological competence, mobile application, didactic potential.

В школьном курсе русского языка раздел «Фразеология» занимает особое место. Его изучение предполагает знакомство учащихся с особенностями и функционированием в речи фразеологических единиц.

Отметим, что усвоение фразеологии – долгий и сложный процесс, который проходит на протяжении всего среднего звена школы, однако в школьной практике этому разделу уделяется небольшое количество внимания, несмотря на то что он содержит в себе огромный пласт воспитательной,

развивающей и образовательной информации. В связи с этим очевидной становится необходимость формирования фразеологической компетенции. Однако школьные учебники предлагают небольшое количество упражнений с фразеологизмами и в своей основе требуют лишь работы со словарем, поэтому мы считаем важным для формирования фразеологической компетенции внедрение в учебный процесс мобильных приложений.

Мобильное приложение – это форма учебной деятельности, имеющая вид программы для мобильного устройства (телефон, планшет, компьютер). Оно обладает определенным набором функций и активизирует учебный процесс, в отличие от традиционных материалов обеспечивает постоянный доступ к учебным и справочным ресурсам, поддерживает обратную связь между педагогом и учениками и способно повышать мотивацию обучаемых, а также учитывать их индивидуальные особенности.

Нами предлагается макет мобильного приложения, в котором представлены различные типы заданий по фразеологии. Одни из них направлены на повторение и закрепление знаний учащихся о семантике фразеологизмов, другие способствуют усвоению их категориальных признаков и формируют образность речи, задача третьих – выявление степени осведомленности о стилевой принадлежности фразеологизмов [1]. Мобильное приложение также включает задания, тесно связанные с историей происхождения некоторых фразеологических единиц.

Разработанное мобильное приложение может быть использовано и на уроке, и во внеклассной работе. Последнее объясняется необходимостью повторения изучаемого материала в виде игры, самостоятельного отбора и творческой переработки информации, а также тем, что динамичность и разнообразие учебного процесса помогают увеличить интерес к нему детей. Мы согласны с Е. И. Шаровой в том, что при обучении русскому языку мобильные приложения могут применяться на любом этапе урока для решения тех или иных дидактических задач, а также во внеурочное время при выполнении домашних заданий, подготовке к внеклассным мероприятиям и т. д. [2, с. 67].

Работа с приложением направлена на формирование языковой компетенции, совершенствование коммуникативной и культуроведческой компетенций. Ее апробация была проведена на базе МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 17» г. Рузаевка в феврале – марте 2021 г. Участие приняли 25 учеников 6 «А» класса.

Название мобильного приложения: **Игра стоит свеч.**

Цель: обобщить и систематизировать знания учащихся по фразеологии русского языка.

Задачи: 1) закрепить знания о фразеологической системе; 2) отрабатывать навыки использования фразеологических оборотов в речи; 3) систематизировать знания о классификации фразеологических оборотов; 4) воспитывать интерес к изучению русского языка и русской культуры, показать связь между культурой народа и его языком; 5) создавать условия для повышения интеллектуального и культурного уровня, расширения кругозора учеников.

Актуализируемые знания: фразеологические обороты русского языка, их понятие и классификации.

Отрабатываемые навыки: навык определения правильного значения фразеологизма, навык сопоставления фразеологизмов по семантике, стилистической окрашенности, выявления антонимических и синонимических отношений фразеологизмов, а также повторения основных понятий фразеологии.

Сюжет игры (краткое описание). В основе сюжета игры – приключение мальчика, получившего двойку на уроке русского языка. Он попадает в государство Фразеоград, где встречает необычных говорящих животных, которые рассказывают ему, что следует сделать, для того чтобы вернуться домой, и предлагают найти помощника для прохождения испытаний. Ученик может выбрать в приложении несколько режимов: «Приключение», «Тренировка», «Работа над ошибками» и «Мои достижения». Суть режима «Приключение» состоит в том, что мальчик должен пройти испытания, расположенные в трех разных уровнях (локациях): пустыня, лес, горы. Всего испытаний пятнадцать. Чтобы перейти с одной локации на другую, необходимо выполнить все задания предыдущей. После того как локации пройдены, ученик получает ключик, открывающий портал для возвращения домой. Режим «Тренировка» предлагает ознакомиться со словарем фразеологизмов, познакомиться с основными понятиями фразеологии и классификациями фразеологизмов. В «Моих достижениях» ученик может увидеть свои достижения, полученные в результате приключения. За каждый пройденный уровень он награждается кубком. В «Работе над ошибками» он имеет возможность посмотреть, какие задания вызывают особую трудность, и выполнить их отдельно. В настройках можно включать/выключать звуки и уведомления, а также выбрать уровень сложности при прохождении локаций.

Игра содержит два уровня сложности – *Без сучка без задоринки* и *Ум за разум заходит*. Три локации (*пустыня, лес, горы*) включают по несколько заданий каждая. Это может быть: 1) задание закрытого типа с одиночным выбором ответа; 2) задание закрытого типа с несколькими вариантами ответа; 3) задание открытого типа; 4) задание на соотнесение.

Представим несколько вариантов заданий.

Уровень «Без сучка без задоринки»

Локация «Пустыня»

Задание 1. Найти фразеологизм в предложении:

Он через такой забор перемахнул, что у меня глаза на лоб полезли. (В. Медведев).

Задание 2. Охарактеризовать фразеологизм «ломать комедию» одним словом:

1) притворяться;

2) бездельничать;

3) шутить.

Задание 3. Третий лишний. Из трех представленных фразеологизмов два являются синонимами. Найти лишний:

1) с гулькин нос;
2) кот наплакал;
3) вагон и маленькая тележка и т. д.

Локация «Лес»

Задание 1. Найти фразеологизм, близкий по смыслу фразеологизму «кот наплакал»:

1) капля в море;
2) смотреть сквозь пальцы;
3) с глазу на глаз.

Задание 2. Подобрать антонимичные фразеологизмы:

1) белая ворона – синий чулок;
2) рукой подать – у черта на куличках;
3) знать свое место – знать себе цену;
4) душа в душу – как кошка с собакой и т. д.

Задание 3. Фразеологический зверинец. Вставить названия животных в представленные фразеологизмы:

1) биться как ... об лед;
2) вешать ... на шею;
3) врать как сивый... и т. д.

Локация «Горы»

Задание 1. В предложениях найти фразеологизм(ы):

1. Фашистов бросало то в жар, то в холод от ударов Красной Армии. И мокро было: много мокрых мест осталось от гитлеровских дивизий... (Б. Егоров). 2. И, видать, каждый из них врет в три короба (Г. Рыклин). 3. За тридевять земель отправили царевича. 4. Такого стреляного воробья на мякине не проведешь (Е. Рябчиков). 5. Он рассказывал об этой истории на полном серьезе.

Задание 2. Восстановить в данном четверостишии фразеологизм:

Помни истину простую:
Слов своих не трать впустую.
Обещал, так будь в ответе.
Не бросай (слова на ветер).

Задание 3. Определить, с какой профессией связано происхождение данных фразеологизмов:

Играть роль; снять стружку; ставить в тупик и т. д.

Уровень «Ум за разум заходит»

Локация «Пустыня»

Задание 1. Найти фразеологизм(ы) в предложениях:

1. Ночью в домик Тараса ворвались полицейские. Они перевернули вверх дном все комнаты и чуланы (Б. Горбатов). 2. Семь часов переливали из пустого в порожнее (А. Суконцев). 3. Анна Акимовна всегда боялась, чтобы не подумали про нее, что она гордая, выскочка или ворона в павлиньих перьях (А. Чехов).

Задание 2. Написать фразеологизм, в котором употребляется слово со значением «начальные буквы собственных имен, перевитые или связанные между собой в один рисунок».

Задание 3. Определить, какой фразеологизм обыгрывается в этом фрагменте автором:

Милые, мол, бранятся
Только… чешутся (В. Маяковский).

Локация «Лес»

Задание 1. Существуют обороты, принятые во многих языках и полностью сохраняющие смысл: ахиллесова пята; волк в овечьей шкуре. Есть так называемые аналоги – выражения, близкие по смыслу, но различающиеся образами. Подобрать к данным иностранным устойчивым выражениям русские аналоги:

1) везти сов в Афины *(греч.);*
2) рыба еще в воде, а он сковороду на огонь ставит *(армянск.);*
3) дождь льет кошками и собаками *(англ.).*

Задание 2. Прочитать историческую справку, связанную с происхождением фразеологизма. Нужно отгадать, о каком фразеологическом обороте идет речь:

Так говорится о человеке, по внешнему виду, выражению лица которого можно определить его физическое и душевное состояние, некоторые черты характера, намерения. Возникло в результате метафоризации свободного сочетания, отражающего жестокие обычаи XVII в.: клеймение на лице, позже – на лбу каленым железом название буквы *б* (так расправлялись с бунтовщиками, ставя им отличительный знак «от прочих добрых и неподозрительных людей»).

Задание 3. Найти фразеологизм, который имеет просторечную окраску:

1) показать где раки зимуют;
2) буриданов осел;
3) не ахти как.

Задание 4. Выберите фразеологизмы, которые относятся к книжному стилю:

1. от альфы до омеги;
2. кануть в Лету;
3. от полноты души;
4. гог и магог (гога и магога);
5. жить в четырех стенах;
6. вавилонское столпотворение и т. д.

Локация «Горы»

Задание 1. Выделить фразеологические сращения:

1) бить баклуши;
2) лить воду на мельницу;
3) пускать пыль в глаза;
4) как пить дать.

Задание 2. Найти в предложениях ошибки, связанные со смешением фразеологизмов. Определить фразеологизмы, которые послужили основой для ассоциативных преобразований:

1. В нашем оркестре он играет главную скрипку.
2. Успех не придет сам по себе.
3. Ольга близко восприняла к сердцу замечание учителя.
4. Написанное Варей сочинение заставляет желать лучшего.
5. Пока суть да дело, поговорим с нашими футболистами.
6. Музыка оказала на всех сильное впечатление.

Задание 3. Узнать термин по его определению:

... – это фразеологизмы, значения которых ни в какой мере не выводятся из значений составляющих их слов.

Задание 4. Выделить фразеологизмы-антонимы:

На закате лет;	комар носу не подточит;
как две капли воды;	как небо и земля;
раскрывать глаза;	первые шаги;
встречать в штыки;	в самом соку;
без сучка без задоринки;	оставить с носом;
одержать победу;	кот наплакал;
дышать на ладан;	потерпеть поражение.

Для того чтобы учащиеся активнее использовали в своей речевой деятельности фразеологизмы, в режиме «Тренировка» предложен дидактический словарик. Например:

1. *Без царя в голове* – очень глуп, недалек.
2. *Бить баклуши* – праздно проводить время, бездельничать.
3. *Биться как рыба об лед* – тщетно, безрезультатно прилагать все усилия, чтобы выйти из бедственного материального положения; бедствовать.
4. *Бросать [кидать, швырять, пускать] на ветер слова* – произносить, говорить и т. п. впустую…
5. *Слабый на язык* – болтливый.
6. *Сомкнуть ряды* – сплотиться для выполнения какого-либо дела.

Для исследования уровня сформированности фразеологической компетенции учащихся в конце марта 2021 г. было проведено контрольное тестирование. Разработанный тест включает в себя 10 вопросов различной сложности, на каждый вопрос учащимся необходимо дать один или несколько правильных ответов – кратких или развернутых.

В соответствии с количеством допущенных ошибок нами было выделено три уровня овладения фразеологической компетенцией: 1) высокий уровень – 0–1 ошибка; 2) средний – 2–3 ошибки; 3) низкий – 4 и больше ошибок.

По результатам выполнения теста было выявлено заметное качественное улучшение фразеологической компетенции учащихся. Так, у 8 (32 %) учащихся был выявлен высокий уровень сформированности фразеологической компетенции, у 11 (44 %) – средний и лишь у 6 (24 %) он остался низким (рис. 1).

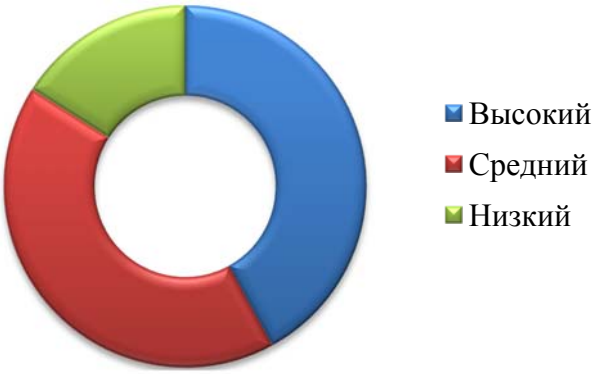


Рис. 1. Уровень сформированности фразеологической компетенции

Результаты теста отображены в таблице 1.

Таблица 1

Уровень сформированности фразеологической компетенции	Высокий	Средний	Низкий
%	32	44	24
Количество учащихся	8	11	6

Таким образом, результаты контролирующего этапа позволяют сделать вывод об эффективности работы по формированию фразеологической компетенции школьников в процессе их работы с мобильным приложением на уроках русского языка.

Библиографический список

1. Водясова Л. П. Мобильные приложения как средство обучения русской фразеологии в средней общеобразовательной / Л. П. Водясова, Е. Н. Морозова, Т. Ю. Коршунова // Гуманит. науки и образование. – 2020. – Т. 11, № 1. – С. 22–26.

2. Шарова Е. И. Использование мобильных приложений обучающихся на уроках русского языка и литературы // Наука: комплексные проблемы. – 2016. – № 2 (8). – С. 65–71.

© Водясова Л. П., Пономарева Т. Ю., 2022.

УДК 81–25:811.161.1

К ВОПРОСАМ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Я. Дора,
аспирант, преподаватель
dora.jani.balazs@gmail.com
Будапештский университет им. Лоранда Этвеша
Будапешт, Венгрия

Аннотация. Данная статья представляет собой попытку рассмотреть некоторые современные тенденции, связанные с формами обращений. В ста-

тье представлен экскурс в историю русских обращений, а также данные анкетирования об отношении респондентов к некоторым из них в сопоставлении с данными анкетирований, проведенных известными лингвистами около 20 лет назад.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, речевой этикет, формы обращения.

ON THE QUESTIONS OF SPEECH ETIQUETTE IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

J. Dora
Eötvös Loránd University
Budapest, Hungary

Abstract. In this article we will present the tendencies, that can be found in the field of Russian language etiquette. We examine the history of adressings and present the result of our survey in comparison with the results of other surveys conducted almost 20 years ago.

Keywords: Russian as a foreign language, speech etiquette, forms of address

В современном русском языке проблема обращения остается открытой и до конца не решенной. Несмотря на то что данная тема широко отражена в литературе [1; 4; 11; 19–21], многие вопросы до сих пор остаются спорными и, на наш взгляд, недостаточно освещенными. Актуальность темы определяется тем, что речевой этикет занимает важное место в изучении любого иностранного языка, особенно русского, где до сих пор ощущается некая лакунарность в этикете обращения. Подчеркиваем, что в нашей работе не анализируются письменные обращения интерактивной коммуникации интернет-магазинов, так как формы обращения к клиентам автоматически формирует робот и магазины дают своим пользователям возможность выбрать предпочтительную по отношению к себе форму обращения.

Современные процессы не только происходят в области лексики русского языка, но и затрагивают множество вопросов в сфере речевого этикета. В последнее время наблюдается значительное изменение коммуникативного поведения носителей русского языка в России после перестройки, поэтому цель данной статьи заключается в анализе форм обращений *мужчина/женщина; господин/господа; девушка, товарищ* в разных речевых ситуациях. Наиболее показательным в этом является самая распространенная в советский период форма обращения – *товарищ*. Эта форма одинаково использовалась на всех уровнях бытовой жизни и государства. После распада СССР лексема *товарищ* в качестве обращений вышла из употребления, поэтому стилистически нейтральная форма обращения к незнакомцу в современном языке отсутствует. По мнению М. А. Кронгауза, это приводит к тому, что и иностранцы испытывают трудности при выборе слова уже в самом начале общения [11, с. 107–110].

В ходе исследования будем опираться на результаты нашего анкетирования, а также на толковые словари [2; 3; 6; 8; 13; 18].

С целью рассмотрения вопроса о формах обращений в разных ситуациях был проведен опрос, в рамках которого респондентам были заданы нижеследующие вопросы.

1. Как обращается продавщица к пожилому человеку женского пола в магазине в следующей ситуации: *«..., пакет вам нужен?»*.

2. Вызывают ли у вас следующие безличные формулы обращения к неизвестному человеку какую-либо эмоцию: *«Простите, пожалуйста / Извините, пожалуйста»*?

3. Где вы можете себе представить следующее обращение к неизвестному человеку 50 лет: *«мужчина, у вас шляпа упала»?*

4. Представьте себе ситуацию: вы принимаете участие в собрании, ваш начальник обращается к вам: *«Уважаемые господа!»* вместо *«Уважаемые дамы и господа!»*. Вам нравится такое обращение?

5. Профессор обращается к девушкам 20 лет в университете: *«Барышни, проходите, лекция начинается»*. Считаете ли вы такое обращение нормальным?

6. Молодой человек 20 лет обращается к девушкам 20 лет на дискотеке. Какие формулы обращения типичные в этой ситуации: *«..., можно к вам присоединиться?»*

7. Представьте себе ситуацию: в большой конференции принимает участие больше 100 человек, и организатор обращается к присутствующим: *«Товарищи, сделаем перерыв на 20 минут»*. Как вы думаете, он уместно высказался?

8. Как вы обращаетесь к полицейскому на улице?

I. Употребления обращений *Девушка! Женщина! Мужчина!*

В учебнике И. А. Пугачева слова *молодой человек* и *девушка* помечены нейтральными и используются в разговорной речи при обращении к молодым людям [15, с. 219]. В некоторых словарях написано, что *девушка* употребляется при обращении к молодой женщине [2, с. 285; 3, с. 244; 13, с. 242], в словаре Т. Ф. Ефремовой дается к этому слову пометка фамильярности [9, с. 363]. От этих определений отличается Большой академический словарь, который дает нам короткое толкование слова «обращение к женщине». Мы разделяем мнение Ю. К. Лукояновой о том, что употребление лексем *девушка* и *молодой человек* ограничено возрастом и социальным статусом адресанта. Ребенок не может так обратиться к продавцу, студент – к преподавателю, имени которого не знает [12, с. 229]. Распространение формы обращения *девушка*, на наш взгляд, объясняется психологически привлекательным компонентом «молодость». Такое мнение подтверждают и результаты, полученные в опросе Р. Н. Ахметжановой, которая отмечает в своей работе, что «более 50 % женщин-информантов в возрасте 40–50 лет считают обращение *девушка* лестным для себя» [1, с. 47].

Поднимается вопрос о возникновении обращений *«Девушка!»* и «*Женщина!»*. По словам В. А. Ефремова, «некоторое время назад обращение

«Женщина!» имело социальное ограничения: продавщицы, парикмахерши обращались к покупательницам, клиенткам с учетом возраста словом «женщина», продавщиц вне зависимости от возраста называли девушками» [8, с. 45]. В Словаре русского речевого этикета А. Г. Балакая отмечается, что *Девушка!* при обращении к продавщице, официантке, приемщице службы быта считается просторечным: *«Девушка, получите с нас».* Интересно, что в сфере обслуживания данная форма считалась просторечной, а в повседневный обиход после революции слово *девушка* как обращение не вошло в моду и осталось литературным [2, с. 131]. Сегодня эти различия не сохранились, слово *девушка* стало общеупотребительным, нейтральным и утратило свой просторечный оттенок. А форма *Женщина!* приобрела просторечный оттенок: «1. *Прост*. обращение взрослого адресанта к незнакомой женщине, обычно на улице, в обществ. местах» [2, с. 171].

Автор добавляет, что *Женщина!* в сочетании с местоимением *вы* получило широкое распространение в городском просторечии в советский период *«Женщина, вы перчатку обронили»* [2, с. 171]. Отметим, что в форме множественного числа такое обращение к коллективу женщин получило распространение в советский период, чтобы заменять просторечные *бабы, бабоньки* и буржуазные *дамы*, *сударыни*. Судьба этого обращения дальше развивалась и в сочетании с этикетными эпитетами, например *Дорогие женщины!* уже считается не просторечным, а наоборот, доброжелательным, вежливым [2, с. 171].

Ни в одном толковом словаре, использованном нами, не встречаются слова *женщина* и *мужчина* в качестве обращения, но сегодня некоторые лингвисты считают, что из-за частотности их употребления в разговорной речи эти формы становятся более допустимыми. В своей статье Р. Н. Ахметжанова утверждает, что просторечный характер обращений к незнакомому адресату *Женщина! Мужчина!* сильно преувеличен [1, с. 48]. Автор считает, что в определенных ситуациях они могут звучать уместно, если высказывание сопровождается доброжелательным тоном. На наш взгляд, в спонтанной разговорной коммуникации говорящий не всегда в состоянии определить социальный статус и возраст незнакомого адресата и вынужден использовать привычные для него формы обращения из прежних знакомых ситуаций. Нам было любопытно, в каких ситуациях носитель русского языка может себе представить такие спорные формы обращения, как *мужчина*/*женщина*, поэтому в наш опрос мы включили эти слова (рис. 1, вопрос № 1). На основе этого анкетирования и других социолингвистических опросов мы пришли к выводу, что некоторые формы обращения претерпевают стилистические изменения, например в разговорной речи в определенной ситуации *Мужчина!* и *Женщина!* с тоном доброжелательности становятся более допустимыми. Об этом свидетельствуют и результаты анкетирования Е. В. Петерс, в котором приняли участие 79 респондентов: 91 % положительно оценивают эти формы обращения [14, с. 110–111].

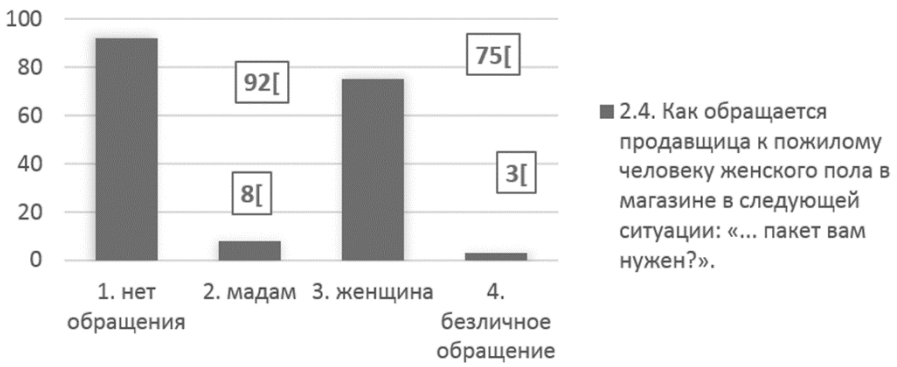


Рис. 1. Как обращается продавщица к пожилому человеку женского пола в магазине в следующей ситуации: «..., пакет вам нужен?»

Правомерно возникает вопрос, почему при обращении не используются безличные конструкции во избежание просторечных форм обращений *Мужчина!* и *Женщина!* Результаты лингвосоциологических опросов Р. Н. Ахметжановой показали, что респонденты предпочитают не безличные, а личностно маркированные обращения даже в том случае, когда они находятся за пределами нормы, как *мужчина* и *женщина* [1, с. 47]. С появления результатов Р. Н. Ахметжановой прошло 18 лет, поэтому мы тоже провели исследование, связанное с предпочтениями носителей языка (рис. 2). В этом исследовании приняло участие 182 носителя русского языка. По территориальному расположению большинство респондентов (110 чел.) проживает на территории России, 72 человека – на территории Венгрии.

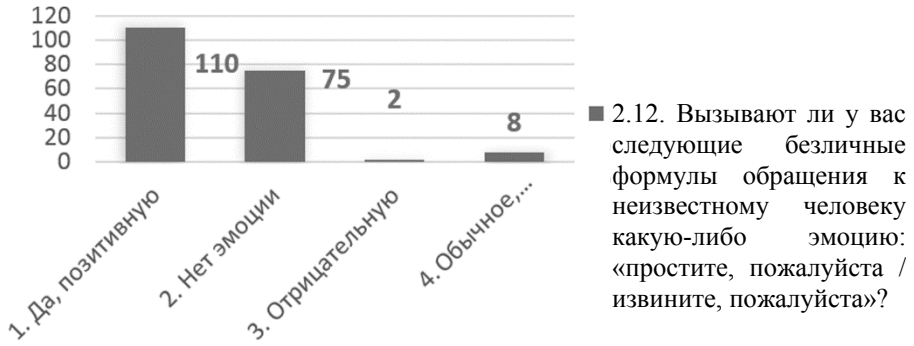


Рис. 2. Вызывают ли у вас следующие безличные формулы обращения к неизвестному человеку какую-либо эмоцию: «Простите, пожалуйста / Извините, пожалуйста»?

Спустя 18 лет дело обстоит так, что у большинства (56,4 %) респондентов безличные формулы обращения к неизвестному человеку вызывают позитивную эмоцию и только 38,5 % относятся к этому вопросу безразлично. Цитируем слова одного из наших респондентов: *«При неимении в наше время в России общепринятого обращения первый вариант <простите, пожалуйста> наиболее предпочтителен и положителен».* На наш взгляд, результаты показали, что за 18 лет мнение людей по поводу безличных формул обращения изменилось в позитивную сторону и повседневные люди тоже чувствуют

некую нехватку нейтрального обращения в речевом этикете (см. рис. 2, вопрос № 2).

Как мы видели, безличные формы стали более предпочтительными, поэтому нами предполагалось, что со временем, может быть, форма *Мужчина!* и *Женщина!* таким же образом утратит свой изначальный грубый оттенок. Вопрос № 3 был посвящен проверке этого предположения: всего 21 % респондентов думают, что такое обращение грубое и нигде не могут себе представить эту ситуацию, а 24 % – наоборот, везде, в любом месте: 24 % – в автобусе, 14 % – на рынке. Респонденты в комментариях пишут: *«Это не грубо, но как-то странно звучит. Сказали бы как-нибудь так: У вас упала шляпа», «Везде, это нормальное обращение», «Везде, с добавлением „извините, пожалуйста“»*. Данные этого вопроса указывают, на наш взгляд, на стилистическое изменение этих форм обращений. Из-за их широкого распространения и употребления правомерно возникает шанс для дальнейшего стилистического смягчения данных лексем.

По результатам видно, что большинство респондентов пытаются избегать обращений, поэтому употребляют безличные конструкции, но одновременно *Мужчина!* и *Женщина!* в качестве обращения получают широкое распространение в обиходных ситуациях, например на почте, в автобусе, на рынке, в магазине. В ответах на вопрос № 1 появляется даже и шутливая форма «*Мадам!*», но это не единственный пример для архаизации. К этому мы вернемся позже.

II. Употребление форм обращений *Господин! Господа!*

В. Г. Руделёв отмечает, что до революции употребление вежливых обращений *господин*, *госпожа* было распространенным. Что касается современного узуса, автор добавляет, что данные формулы сегодня к нейтральному общению не годятся [16, с. 6]. По словарям они сегодня имеют ограниченную сферу употребления, используются как официальное обращение или форма вежливого обращения к мужчине/женщине [3, с. 323; 6, с. 414; 9, с. 225;].

С этими формами обращений возникают дальнейшие проблемы. В своей работе П. А. Клубков пишет о том, что в последние годы часто можно слышать обращение *Господа!*, которое, по его мнению, довольно скоро будет уже почти всеми говорящими по-русски восприниматься как абсолютно нормальное и стилистически нейтральное [10, с. 79]. Форма обращения *Дамы и господа!* автором считается категорически неправильной. На его взгляд, это неудачная калька, буквальный перевод с английского языка. П. А. Клубков придерживается мнения, что по-русски же слово *господа* в равной степени соотносится с формами единственного числа *господин* и *госпожа*, утверждая, что «госпожа входит в число господ так же, как студентки входят в число студентов» [10, с. 164]. В словаре Г. Н. Скляревской *Дамы и господа!* отмечается как устойчивое выражение, официальное обращение к присутствующим в особо торжественной обстановке [18, с. 177]. Во всех нами использованных словарях *госпожа* упоминается как отдельная лексема.

Отвечая на вопрос № 4, большая часть (69 %) участников исследования

отрицательно относятся к обращению *Уважаемые господа!*. Некоторые респонденты заявили, что данное обращение их не обижает, однако они считают его неправильным. Другой опрошенный отметил, что если в зале нет дам, то оно является приемлемым. Такие высказывания подтверждают нашу гипотезу о том, что носители русского языка не считают, что *госпожа* входит в число *господ*. На основе нашего анализа мы не можем присоединиться к мнению П. А. Клубкова относительно формулы *господа*. Ответы нашего анализа однозначно показывают, что обращение к аудитории *Уважаемые господа!* может привести к недоразумению и многие респонденты выразили свое несогласие к данному выражению. Помимо этого Т. Е. Янко также утверждает, что обратиться к аудитории со словами *Дорогие господа!* мы не можем, так как слово *господин* имеет словарную особенность, которая не позволяет нам это делать [21]. Наверное, автор подразумевает под этим тот словарный факт, что к слову *господин* имеется эквивалент женского рода *госпожа*.

По нашим наблюдениям, полученным из нашего опроса, форма обращения *Уважаемые господа!* носителями русского языка не воспринимается правильной формой обращения.

III. Употребление устаревших форм обращений

Интересно отмечает в своей статье А. В. Савченко, что в славянских языках произошел процесс возвращения исторических обращений после смены государственного строя. Для сравнения автор приводит сербский путь, который не может служить примером для подражения в русском языке. Это объясняется тем, что русский этикет общения четко делится на разные коммуникативные ситуации, например дистанцированность, официальность и старается соблюдать строгие рамки нормы в речевом этикете [17, с. 40].

Однако бывают случаи, когда исторические обороты в определенной ситуации эпизодически встречаются, например, *Сударь! / Сударыня!* употребляются в одном ресторане быстрого питания в Санкт-Петербурге. О. И. Глазунова в своей работе отмечает, что некоторые доревоционные формы обращения, например *Сударь! / Сударыня!*, в настоящее время восстанавливаются и начинают вторую жизнь [5, с. 41]. Нам было любопытно узнать, применяются ли такие архаичные и вышедшие из употребления формы обращения, как *Барышни! Товарищи!* (см. вопросы № 5; 7).

В ходе нашего исследования выяснилось, что значительная часть опрошенных (72,8 %) одобряют обращение профессора к девушкам в университете *«Барышни, проходите, лекция начинается»*. Интересно высказывались респонденты об обращении молодого человека 20 лет на дискотеке к девушкам 20 лет (см. вопрос № 6). 19 % думают, что обращение *Барышни!* допускается. 24 % считают *Мадам!* типичным обращением в этой ситуации. Эти данные свидетельствует о том, что обращение *Барышня!* сегодня возрождается не только в речи людей старшего возраста по отношению к молодым девушкам, но и в речи молодых людей тоже. Некоторые респонденты добавляют, что форма *Барышня!* довольно старомодная и стилистически окрашена, но допустима.

На сегодня *Товарищ!* (общеупотребительная форма в советский пери-

од) вышло из обихода, хотя окончательная судьба этого слова еще не решена. Несомненно, что слово *товарищ* является идеологически окрашенным, но оно в военных сферах до сих пор употребляется. В нашей анкете был задан вопрос (см. вопрос № 7): считается ли приемлемым и уместным сегодня следующее высказывание на какой-нибудь большой конференции: «*Товарищи, сделаем перерыв на 20 минут!*». 48,5 % респондентов считают уместным данное высказывание, и только 33 % считает его идеологически окрашенным. Интересно рассмотреть комментарии остальных респондентов. Многие считают, что в этой ситуации лучше сказать: *Господа! / Уважаемые присутствующие! / Дамы и господа! / Коллеги! / Уважаемые участники!*, но также отмечают, что это зависит от темы конференции и возраста говорящего.

В сегодняшнем дискурсе *товарищ* затрагивает дополнительные вопросы при обращении к полицейскому. Нами уже упоминалось, что в военных сферах при обращении можно использовать слово *товарищ.* В России до 2011 года полиция называлась милицией и после переименования органа государственной власти на смену обращению *товарищ милиционер* не пришла новая и широко употребляемая форма обращения к сотрудникам правоохранительных органов [7, с. 78]. Большинство респондентов (37,2 %) обходятся без обращения, второе место занимает *товарищ полицейский!* (16,2 %), третье место *гражданин полицейский!* (9,4 %), и некоторые обратились бы *господин полицейский!* (см. вопрос № 8). Остальные в комментариях ограничиваются общими формулами вежливости, типа *извините / скажите, пожалуйста / подскажите, пожалуйста.* Результаты показывают, что большинство людей испытывают затруднения при обращении к сотрудникам полиции и ни один из наших вариантов *(товарищ полицейский, гражданин полицейский, господин полицейский)* не может быть принят в качестве нейтрального обращения в современном российском обществе. Один из наших опрошенных высказывается следующим образом: *Уважаемый полицейский. И попрошу представиться, чтобы обращаться по званию или имени-отчеству.* Ответ респондента явно показывает, что в русском речевом этикете обращение по имени и отчеству – показатель русской традиционной речевой коммуникации. По наблюдениям М. А. Кронгауза, в середине 90-х годов невозможно было представить себе ситуацию, что к собеседнику в разговоре обращаются по имени без отчества. Сегодня это изменилось, сузилась сфера использования отчеств и все это понимается со стороны младшего поколения как нарушение нормы [11, с. 121].

Подводя итоги нашего исследования, мы пришли к выводу, что в современном русском речевом этикете разрушается четкая дистанцированность, среди опрошенных безличные конструкции стали более положительными и одобренными, чем 18 лет назад. Заметно восстанавливаются архаичные формы обращения типа *барышня* с шутливым оттенком, но отметим, что *барышни* и *дамы*, по нашим результатам, можно услышать не только из уст представителей старшего поколения, но также из уст молодых людей. Результаты опроса подтвердили нашу гипотезу о том, что современные люди не одобряют обращение *Господа!* и избегают его употребления перед большой публикой, в которой присутствуют и представители женского пола.

Библиографический список

1. Ахметжанова Р. Н. Вербальные обращения к незнакомому адресату: национально-культурная специфика формирования и функционирования // Вестн. СПбГУ. – Сер. 2. – 2003. – Вып. 2 (№ 10), ч. 2. – С. 45–51.

2. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. – 2-е изд. – М. : АСТ-Пресс, 2001. – 672 с.

3. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.

4. Введенская Л. А. Русский язык и культура речи : учеб. пособие / Л. А. Введенская, М. Н. Черкасова. – 11-е изд. – Ростов н/Д : Феникс, 2011. – 380 с.

5. Глазунова О. И. Давайте говорить по-русски : учеб. по русскому языку. – 5-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2003. – 336 с.

6. Горбачевич К. С. Большой академический словарь русского языка / Ин-т лингвист. исследований РАН. – СПб. : Наука, 2006. – Т. 4 (Г–Д).

7. Евстифеева М. В. Как обратиться к полицейскому? // Русская речь. – 2012. – № 4. – С. 77–84.

8. Ефремов В. А. Трансформации русского речевого этикета: обращения // Вестн. Герцен. ун-та. – СПб., 2010. – № 10 (84). – С. 44–48.

9. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: свыше 136 000 словарных статей. Ок. 250 000 семантических единиц : в 2 т. – Т. 2: П–Я. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2001. – 1084 с.

10. Клубков П. А. Говорите, пожалуйста, правильно. – СПб. : Норинт, 2004. – 192 с.

11. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. – М. : Знак : Языки славянских культур, 2009. – 232 с.

12. Лукоянова Ю. К. Основные изменения в русском речевом этикете на рубеже XX–XXI веков [Электронный ресурс] // Учен. зап. Казан. ун-та. – 2011. – Т. 153, кн. 6. Гуманит. науки. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-izmeneniya-v-russkom-rechevom-etikete-na-rubezhe-xx-xxi-vekov/viewer (дата обращения: 03.10.2021).

13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М. : Мир и Образование, 2019. – 1376 с.

14. Петерс Е. В. Речевые формулы обращения в повседневной коммуникации [Электронный ресурс] // Наука и социум : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (30 янв. 2017 г.) / отв. ред. Е. Л. Сорокина. – Новосибирск : Изд-во Сиб. ин-та практ. психологии, педагогики и социальной работы, 2017. – С. 108–113. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-formuly-obrascheniya-v-povsednevnoy-kommunikatsii/viewer (дата обращения: 03.10.2021).

15. Пугачев И. А. Русский язык как иностранный. Культура речевого общения : учеб. для академ. бакалавриата / И. А. Пугачев, М. Б. Будильцева. – М. : Юрайт, 2019. – 231 с.

16. Руделёв В. Г. Культура речи русского языка и состояние современной теории частей речи [Электронный ресурс] // Неофилология. – 2016. – № 1 (5). – С. 5–10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/v/kultura-rechi-russkogo-yazyka-i-sostoyanie-sovremennoy-teorii-chastey-rechi (дата обращения: 03.10.2021).

17. Савченко А. В. Господа или как вас там: к вопросу о современном русском этикете обращения с параллелями в славянских языках // Мир русского слова. – 2017. – № 4. – С. 39–43.

18. Скляревская Г. Н. Толковый словарь русского языка конца века. Языковые изменения / РАН. Ин-т лингвист. исследований. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

19. Стернин И. А. Русский речевой этикет : учеб. пособие [Электронный ресурс]. – Воронеж, 1996. – URL: http://www.sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publikacii/Formirovanie_rechevoj_kultury/Russkij_rechevoj_jetiket.pdf (дата обращения: 03.10.2021).

20. Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. – М. : ИКАР, 2005. – 2-е изд. – 250 с.
21. Янко Т. Е. Русские обращения: словарная информация и вокативные конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. Междунар. конф. «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). – Вып. 8 (15). – М. : РГГУ, 2009.– С. 574–579.

© Дора Я., 2022.

УДК 81’36:371.32

ЗНАЧЕНИЕ ГРАММАТИКИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ И НА УРОКАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

И. Г. Ежова-Геер,
канд. филол. наук, преподаватель
irina.1966@gmx.de
Высшая школа прикладной науки и искусства
Хильдесхайм, Германия

Аннотация. Результаты пятнадцатилетних школьников в международном исследовании PISA (Programm für International Student Assessment)-2000 оказались во многих странах неожиданными. С момента появления первых данных стали публиковаться статьи, в которых ставилась под сомнение система школьного образования в странах, где результаты международного исследования PISA оказались неутешительными. В данной статье изложено, какой вклад вносит методическая наука в совершенствование подходов к обучению родному языку на примере урока грамматики в России и в Германии.

Ключевые слова: статус (урока) родного языка, значение (урока) грамматики, методика преподавания грамматики.

THE IMPORTANCE OF GRAMMAR IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS IN RUSSIA AND IN GERMAN LANGUAGE LESSONS IN THE GERMAN SCHOOL SYSTEM: A COMPARATIVE ANALYSIS WITHIN THE CONTEXT OF NATIVE LANGUAGE TEACHING

I. G. Ezhova-Geer
University of Applied Sciensces and Arts
Hildesheim, Germany

Abstract. The results of the international PISA (Programme for International Student Assessment) 2000 survey conducted on fifteen-year-old school students produced unexpected results in many countries. From the moment that the initial data was released, articles have been published questioning school education sys-

tems in countries where the international PISA survey findings were disappointing. This article addresses the contribution made by methodological studies to improve the approaches to native language teaching using the example of a grammar lesson in Russia and in Germany.

Keywords: native language (lesson) status, grammar (lesson) significance, grammar teaching methods.

Русский язык как родной неразрывно связан со всеми школьными предметами, влияет на качество их усвоения, а в дальнейшем на качество овладения профессиональными навыками. Именно на прагматическом уровне осознается избирательное отношение личности к родному языку, к его ценности. Язык усваиваивается не всегда легко каждым, требует специальных способностей и труда во владении им на достаточном уровне.

В Российской Федерации «[с]охраняется приоритет учебного школьного предмета «Русский язык», продлен школьный курс русского языка (от 1 до 11 кл.), введена в вузовский процесс обучения дисциплина «Русский язык и культура речи» и наблюдаются разные трансформации и согласования этого небольшого курса с другими, что поднимает значение предмета, увеличивает его вес. Статус предмета «Русский язык» очень высок (об этом говорит внимание общества к аттестационным формам по русскому языку в школе и в системе «школа-вуз» [1, с. 4]. Высокую значимость предмета «Русский язык» и изучения русского языка в условиях многоязычия характеризуют также Федеральные Базисные планы для образовательных учреждений РФ периода с 1998 по 2012 г. На школьные дисциплины «Русский язык» и «Литература» отводится в среднем 30,3 % от всех школьных предметов [15]. В этом отношении РФ лидирует по сравнению со странами ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития, OECD «Organisation for Economic Co-Operation and Development»). Так, к примеру, в Германии отводится на уроки родного языка 14 % от всех школьных предметов, во Франции – 17 %, в Финляндии – 18 %, в Испании – 19 %, в Дании – 20 %, в Швеции – 22 %, в Ирландии и в Италии – по 23 %. Германия при этом находится на особенном положении, выделяя на изучение иностранных языков 21 % от всех школьных предметов [26, с. 29]. В 2019 г. Kämper van den Boogart [27, с. 229], ссылаясь на показания ОЭСР 2017 г. [29, с. 430] приводит данные, которые существенно не изменились за период с 2013 по 2017 г.

Учитывая тот факт, что РФ является многонациональным и полиязычным государством, российская школа вправе считать себя той системой образования, которая способствует формированию языковых навыков учащихся всех национальностей. В европейском государстве, таком как Германия, посещают школу в настоящий момент 11,8 % иностранцев [32]. Вышеописанное распределение школьных предметов в образовательной системе Германии заставляет задуматься о том, сможет ли урок немецкого языка как родного заполнить пробелы у вновь прибывших иностранцев, а также у носителей языка, которые не получили способностей к словесно-логическому мышлению в семье. В данном контексте следует отметить впечатления переселен-

цев из стран бывшего СССР, в частности из РФ: те рамки, в которых осуществляется обучение немецкому языку как второму, с их точки зрения, не совсем приемлемы и несоразмерны [14].

Высокий статус (урока) русского языка в РФ предполагает многогранное и объемное содержание данной учебной дисциплины для достижения ее главной цели: формирование языковой, лингвистической, коммуникативной, а также культурологической и страноведческой компетенции [8, с. 6]. «Сердцем языка» является грамматика и составляющие ее категории [7, с. 103]. Какие методические находки внедряют учителя русского языка в процесс преподавания грамматики в РФ? За рубежом, в частности в Германии, бытует мнение среди учителей немецкого языка, что эмигрировавшие из бывшего СССР школьники владеют показательными знаниями грамматических категорий и структуры языка в целом (см. высказывание учителя средней школы города Вупперталь [14, с. 225–226]). В основу этого положен, по мнению Baur [10, с. 4], превалирующий на уроках языка в (пост-)советской и российской школе системный подход к преподаванию в целом.

Методика преподавания русского языка как родного основывается на традициях классической методической школы и обогащалась на протяжении XX столетия новыми идеями. Современную методическую науку XXI в. отличает качественно новый уровень: «Методика преподавания русского языка, с одной стороны, опираясь на лингвистическую науку, тяготеющую к точному знанию, а с другой – оперируя таким дидактическим средством, как текст – речевое произведение, отражающее личность его автора – носителя языка, позволяет выстраивать технологии обучения с учетом субъективного начала» [3, с. 4]. Среди активно развивающихся в XXI в. технологий обучения русскому языку Н. А. Белова называет такие подходы, как лингвокультуроведческий, интегративный, интерпретационный, аксиологический, эстетический и др. «Каждый из данных подходов реализуется через обучение русскому языку на основе текста, связан с этапами текстовой деятельности» [3, с. 4].

В своем кратком обзоре современных подходов при изучении русского языка в школе А. Ю. Устинов выделяет традиционные статические (системный, структурный, формальный) и динамические (функциональный и коммуникативный) подходы, которые, как правило, «[...] не реализуются в чистом виде, а представлены в свою очередь в виде системно-структурного, структурно-семантического, системно-функционального / функционально-системного, функционально-семантического, функционально-стилистического» [9, с. 26]. С точки зрения А. Ю. Устинова, для реализации динамического, в частности коммуникативного, подхода к обучению необходимо рассмотрение функций языковых единиц, которые реально актуализируются только в речи, а в связи с этим и правомерно констатировать взаимодействие рассматриваемых подходов.

Не ставя целью подробное рассмотрение каждого из этих подходов в методике, можно с уверенностью сказать, что большинство из них в наши дни имеют свое продолжение. Наряду с традиционными методами появляют-

ся новые и интересные направления, которые находят отражение в новейших школьных и вузовских учебных комплексах: особого упоминания заслуживают интегративные и модулярные концепты и игровые технологии [14; 5].

Е. В. Акулинина подчеркивает неоценимое значение аксиологического метода и осознанного употребления частей речи для современной методики предмета «Русский язык» [2, с. 252]. Активно внедряются в образовательный процесс осознание и понимание при изучении грамматики. По мнению Ю. А. Поташкиной, обязательным является осознание школьниками и студентами ценности теоретической части предмета «Русский язык»: «Ведь именно она должна обеспечить понимание, как язык, кодируя своими формами содержание человеческой мысли, представляет языковую картину мира народа […]. Пусть это понимание будет хоть самым общим, но пусть никогда не будет в школе бессмысленного жонглирования непонятными терминами, свидетельствующими только о видимости знаний» [7, с. 99–101]. А. Ю. Устинов [9] цитирует А. В. Бондаренко, который по праву считает: «Однако говорить о каком-то одном подходе к преподаванию русского языка было бы неправомерно. Поскольку в последнее время в лингвистической науке оформилось направление, которое заключается в комплексном, интеграционном подходе к анализу, учитывающему и формальное устройство языка, и значения, которые передают его, и функциональную характеристику данного языкового явления. Основным принципом этого направления является принцип «единства грамматики – единства ее структурных и функциональных аспектов, ее системно-языковых и речевых элементов» [4, с. 7]. Следует учитывать многоуровневость и взаимодополняемость любых подходов (исторического, теоретического и практического) в осмыслении обучения русскому языку, выбирая основополагающую концепцию со стороны обеспечения ценностных параметров и характеристики процесса обучения русскому языку [1].

Для более объективной оценки уместно сравнить методические направления предмета «Русский язык» в РФ и в Германии. Прежде чем дать сравнительную характеристику значимости (урока) грамматики и методических направлений в преподавании грамматики немецкого языка в школах Германии, хочется обратиться к результатам интервью, проведенного в рамках диссертации в Вуппертальском университете [14]. Опрошены были дети русских немцев, прибывшие с определенным багажом знаний из бывшего СССР. Дети эмигрантов испытывали после полутора лет посещения городской средней школы города Вупперталь дефицит в системности преподавания грамматики изучаемого языка, в применении грамматических терминов, которые заменялись такими определениями, как Tun-Wort / «делать-слово» вместо das Verb / «глагол» или Wie-Wort / «как-слово» вместо das Adjektiv / «прилагательное». Школьники сетовали на снижение степени сложности адресованных им грамматических заданий [14]. А также студенты-германисты из разных федеральных земель критикуют упразднение системного описания языковых уровней на уроках немецкого языка в школах [16].

Это явление складывалось, как описывается в статье J. Ossner, H. Gornik [30], исторически. На рубеже XX и XXI вв. нормативная школьная грамматика в Германии казалась предшественникам Реформаторской педагогики отчужденной от жизни. Представитель так называемой ситуативной грамматики R. Hildebrandt не предусматривал на уроке языка никакой грамматики и делал акцент не на письменную, а на разговорную речь [23, с. 5]. В начале XX столетия O. von Greyerz отвергает всякого рода грамматику, так как она явно написана для людей, которые знают немецкий язык и которым, однако, доставляет удовольствие видеть свои знания утвержденными посредством системного упорядочивания терминологии и общих формул. С этим не справится ни один ученик [21]. По мнению приверженца структурализма L. Weisgerber [34], урок с антиграмматическим настроем становится королевской дисциплиной. Для A. Reble [31] очень важным являлось дистанцирование от принудительного систематического описания языка и обращение к более эффективной, с его точки зрения, живой речи, живому употреблению языка школьниками [31, с. 256]. С созданием операционального метода грамматики – в этом состоит заслуга H. Glinz [18], для которого являлись пробы Substitution (замена членов предложения), Permutation (перестановка), Reduktion oder Tilgung (исключение), Expansion (расширение) и Transformation (трансформация) инструментом исследования урока грамматики – методическая наука приобрела нечто решающее, как считают J. Ossner, H. Gornik [30], так как на основе этого можно было обучать школьников грамматическим понятиям. В 70-х гг. XX столетия H. Helmes [22] вводит термин «понимание языкового репертуара» и ссылается на традиционное описание грамматики. Впервые интерпретируется понятие «языкознание» как «когнитивное» размышление о языке, его созерцание, совмещающее урок грамматики с уроком этимологии. В это же время нашли распространение новые парадигмы лингвистики и языкознания, эйфорическое и поверхностное перенятие так называемой генеративной грамматики и валентной грамматики. Тогда же возник так и не принесший плоды спор: какие научные грамматики наиболее приемлемы для школы?

Спорная дискуссия в 16 федеральных землях определила в итоге 4 темы для дидактики (это понятие эквиалентно российской методике) немецкого языка.

1. *Ситуативная грамматика* полностью отказывается от системного построения материала и только от случая к случаю предполагает обсуждение грамматических тем, которые требуют пояснения. Авторы концепта W. Boettcher, H. Sitta [12] не допускают учебных планов, а уже существующие учебники, по их мнению, должны использоваться в качестве справочников для ситуативной работы над грамматикой.

2. *Интегративная грамматика* противопоставляет себя ситуативному уроку грамматики и пропагандирует методически точные планомерные действия. Урок грамматики обеспечивается правилами коммуникативного действия для составления и анализа текста на уроке [33, с. 119]. Неясным остается только, какую роль играет в этом концепте урок грамматики.

3. *Урок-мастерская*: P. Eisenberg, W. Menzel [13, с. 12] стараются спасти урок грамматики как таковой. Их цель состоит в том, что процедура изучения грамматики учащимися в мастерской должна приравниваться к тому, как это осуществляется в языкознании. Авторы опираются на традиции операциональной грамматики и выступают против функциональной грамматики, которая в их предсталении преследует совершенно другие цели.

4. *Функциональная грамматика,* точнее *функциональный урок грамматики,* нашла применение в Германии в 1980-х гг. на уроках родного языка, посвященных прежде всего анализу и литературной интерпретации текстов. Исследование языка стало интегративной составляющей литературной интерпретации. Первичными были апробация и сравнение языковых альтернатив, вторичными – категории языка. Как подчеркивает H. Gornik [19, с. 825], функциональная грамматика имеет лингвистическую основу, которая способна продемонстрировать, что грамматика – не второстепенное явление: она непосредственно обусловлена мыслительно-языковой деятельностью человека. Основополагающей для всех публикаций, посвященных функциональному уроку грамматики, явилась грамматика, изданная авторским коллективом под редакцией G. Zifonun [36] в 1997 г. (Для сравнения: основой развития моделей функциональной грамматики в СССР и РФ служили уже в 40-х гг. XX столетия опубликованные труды И. И. Мещанинова [цит. по: 9, с. 27]. В 1987 г. вышел первый том – «Теория функциональной грамматики: введение, актуальность, временная локализованность, синтаксис» [4]. Эта теория широко известна и имеет последователей в России и во всем мире.)

Интегративность и связанное с ней функционализирование урока грамматики, а также лингвистические пробы [18] в качестве предлагаемого инструмента для решения языковых проблем в письменной речи отмечаются прежде всего в национальных образовательных стандартах, которые превалируют в современном образовательном ландшафте. Образовательные стандарты называют эту область «Исследование языка и его употребление». В противоположность этому выступает системное рассмотрение языка «Понимание языка как система».

Итак, грамматика как система больше не встречается в образовательных стандартах среднего образования. Такие типичные грамматические темы, как части речи, функции предложений и др., служат для анализа текстов и находят свое применение для формирования языковых навыков письменной и устной речи. Как подчеркивается в Образовательных стандартах начальной школы, от учащихся ожидаются декларативные знания грамматики. Примером служит такое задание, как: «Выпиши из текста прилагательные и образуй степени сравнения». В средней школе уже не формулируются грамматические задания в узком понимании этого слова. Изучение грамматики как теории и преподавание структур языка, а также грамматических категорий не предусматриваются. Образовательные стандарты направлены на не функциональный урок грамматики, а на саму функциональную грамматику. В 1983 г. в своих дидактических трудах «Функциональный урок грамматики» W. Köller [28] задается вопросом, для чего были «изобретены» времен-

ные формы, залог и наклонения глагола. (Сравните [4].) В трех томах издания «Основные принципы функциональной грамматики» Института немецкого языка в Мангейме предлагается разъяснить «Ансамбль языковых форм и средств через коммуникативные задания» [36, с. 8]. Таким образом, описание грамматики осуществляется с прагма-интерактивной перспективы. L. Hoffmann [24] задается вопросом о том, как конституируются тексты посредством грамматики, а не о том, вносит ли грамматика какой-либо вклад при анализе текстов. Понимать язык означает осмыслить, постичь его в его системной структуре, которая делает понятными функции в формах. Нельзя заменять систематическое изучение грамматики работой со справочниками [24].

На рубеже XX–XXI вв. была проведена работа по составлению списка грамматической терминологии с разъяснениями, определениями и примерами к каждому термину. J. Ossner [30] убежден, что этот список предназначен не для школьников, а для лингвистической публики, для вузов и поэтому требует переиздания. В новых школьных грамматиках XXI в. рассматриваются прежде всего группы слов, типология предложений и частицы. При этом придается значение связи синтаксиса с прагматикой. Из этого следует, что морфология как раздел языка остается «на полях» в школьной и вузовской системе. До настоящего момента ведется дискуссия о том, следует ли придавать значение грамматике на уроках немецкого языка и стоит ли ей уделить четко спланированное количество аудиторных часов [24]. Широкое применение в немецкоязычном пространстве находят труды Л. С. Выготского [35]. Взяв за основу его размышления о том, чему новому может научиться ребенок на уроке грамматики, если он уже с детства умеет спрягать и склонять, немецкие лингвисты дают в своих публикациях ответ, интерпретируя советского ученого: задача урока грамматики состоит в том, чтобы прийти через знания к осознанному, профессиональному умению. Несмотря на то что в школьной образовательной системе прилагаются усилия по внедрению таких подходов, как рефлексия, осознание и анализ языка [20], грамматике уделяется маргинальное внимание, что отражается на успеваемости учащихся: «Тестирования знаний грамматики учащихся регулярно дают ужасающие результаты; соответствующие тесты студентов – будущих учителей показывают в равной степени основополагающую неуверенность» [11, с. 18]. W. Böttcher называет это «„замкнутым кругом“ рефлексии грамматики, которая наблюдается в школе, в вузе, в рамках подготовки учителей и снова в школе» [11, с. 18]. Эти данные согласуются с моими наблюдениями в школьной и вузовской практике, особенно в области морфологии, например падежной системы имен существительных в немецком языке.

Краткий экскурс в систему падежных окончаний имен существительных в немецком языке позволит понять, в чем состоят трудности при их склонении. Имена существительные в немецком языке склоняются по падежам: Nominativ/именительный, Genitiv/родительный, Dativ/дательный и Akkusativ/винительный. При этом указывают на тот или иной падеж в основном артикли и отчасти падежные окончания (Flexive), что характерно для

аналитических языков. Типы склонений – женское, слабое, сильное и смешанное – можно узнать по окончанию родительного падежа (род. пад.). Имена существительные женского рода (ж. р.) склоняются без исключения по женскому типу и не принимают при склонении в единственном числе никаких окончаний. Склонение имен существительных среднего рода (ср. р.) также не представляет трудностей, поскольку склоняются по одному типу – по сильному и принимают в род. пад. окончание -(e)s. Исключением является одно существительное ср. р. das Herz/сердце, которое вызывает большие трудности при склонении, так как склоняется по особому типу и принимает в род. пад. окончание -ens. Камнем преткновения для школьников – носителей языка, а также для школьников, изучающих немецкий язык как иностранный и второй язык [17], являются имена существительные мужского рода (м. р.). Последние склоняются по трем типам склонения: сильное склонение (в род. пад. принимают окончание -(e)**s**, н-р, des Stuhl(e)**s**/стула); слабое склонение (род. пад. **-en,** н-р, des Has**en**/зайца) и смешанное (род. пад. **-ens**, н-р, des Nam**ens**/имени).

Именно склонение существительных м. р. и определение типов склонения являлись предметом моего тестирования студентов [16] на вводных заниятиях в университете г. Хильдесхайм (Германия, Нижняя Саксония) с целью определения их знаний грамматики для дальнейшего тематического планирования семинара. В тестировании участвовали 300 студентов названного университета из нескольких семинаров факультета немецкого языка и литературы. В данном контексте представлены результаты письменного опроса только одной группы студентов, состоящей из 29 бакалавров (N=29) 4-го, 5-го и 6-го семестров, назовем эту группу «Хильдесхайм», посещающих мой семинар «Немецкий язык в сравнении с языками эмигрантов». Многолетний опыт работы со студентами, поступающими на факультет германистики без вступительных экзаменов, а также анализ школьной программы в Германии легли в основу предположения, что будущие учителя немецкого языка недостаточно владеют теоретическими знаниями падежной системы имен существительных.

Тест состоял из двух частей. Задание первой части теста: Распределите следующие существительные по пяти типам склонения / Ordnen Sie folgende Substantive den fünf Deklinationstypen zu: *der Tag / день, der Prinz / принц, die Tochter / дочь, der Buchstabe / буква, das Hotel / отель, der Bär / медведь, die Kunst / искусство, der Gedanke / мысль, das Herz / сердце.* Анализ материала, полученного с помощью письменного опросника, показал, что ни один из 29 тестированных студентов не смог выполнить задание полностью безошибочно. Правильно классифицированы были только 9 % заданных существительных. По результатам теста у большинства исследуемых выявилась неуверенность в определении сильного и смешанного типов склонения. В процессе тестирования обнаружено, что будущие учителя немецкого языка не знали, что такое тип склонения имен существительных и какие типы склонения существуют в немецком языке, в результате чего 29 % всех заданных существительных остались несгруппированными.

Рассмотрим результаты второй части теста: Просклоняйте следующие имена существительные в единственном числе / Deklinieren Sie folgende Substantive im Singular*: die Katze / кошка, der Stuhl / стул, der Hase / заяц, der Name / имя, das Herz / сердце.* Каждое существительное репрезентировало только один тип склонения. Сложности возникли при склонении по сильному типу *der Stuhl (стул)*. В процентном содержании составляет 71 % всех падежных форм существительных с правильными падежными окончаниями, 19 % падежных форм выявлены с пропусками. Не исключено, что отсутствие падежных окончаний явилось, аналогично результатам первой части теста, следствием неуверенных знаний правил склонения. На основе вышеописанного тестирования выборочной группы студентов (N=29) и названного выше тестирования 300 студентов Хильдесхаймского университета можно констатировать, что в целом наши предположения подтвердились. Результаты теста в вузе, констатирующие трудности в склонении имен существительных м. р. и существительного das Herz / сердце, коррелируют с исследованиями I. Flöter [17] в одной из средних школ Нижней Саксонии (Elze). Эта проблема известна как учителям немецкого языка, так и ученым-методистам. S. Jeuk, B. Ahrenholz указывают на необходимость интенсивного изучения парадигм склонения именных частей речи в школьном и вузовском учебном процессе, так как «без осознанного и точного изучения невозможно правильное употребление форм» [25, с. 148]. Однако стремление методистов и лингвистов интегрировать грамматику в школьный учебный процесс до сих пор не нашло отклика в школьной практике. H. Gornik [19] подчеркивает, что знание грамматики родного языка является основой для изучения иностранного и/или второго языка.

С какой базой знаний родного языка русскоязычные школьники знакомятся с немецкой грамматикой в Германии, было упомянуто выше. И в русском языке склоняются имена существительные м. р. по трем типам склонения, при этом грамматические признаки считываются исключительно по окончаниям, так как в русском языке не существует артиклей: (1 склонение – юноша, дательный падеж (дат. пад.) – юноше; 2 склонение – брат, дат. пад. – брату; разносклоняемое существительное путь, дат. пад. – по пути). Это характерно для синтетических языков. При склонении имен существительных примечательны и разносклоняемые имена существительные ср. р. на -мя (имя), а также два типа склонения имен существительных ж. р. (3 склонение – мама, дат. пад. – маме; склонение – мать, дат. пад. – матери) и др.

В русле предпринятого в РФ после PISA-исследований 2000 совершенствования обучения родному языку с осознанной ориентацией на коммуникативное обучение в тесной связи с функциональной грамматикой предполагается отказ от рассматривания языка исключительно как системы уровней и ярусов. Наряду с этим представленная в нашей статье современная методика предусматривает более интенсивное изучение грамматических (в нашем случае падежных) категорий в школах РФ, чем в школах Германии. Из этого вытекает предположение, что студенты-филологи РФ могут продемонстрировать уже на первых занятиях после поступления в вуз более основательное

знание русского языка. Для сравнения был проведен аналогичный тест в городе Саранске (РФ), в Мордовском государственном педагогическом институте им. М. Е. Евсевьева на филологическом факультете. Группа студентов-первокусников (N=21) первого семестра (назовем ее «Саранск») была, аналогично группе «Хильдесхайм», не подготовлена к предстоящему тестированию и выполнила два задания в начале учебного года. При составлении теста были приняты во внимание в равной мере, как и в группе «Хильдесхайм», все типы склонения имен существительных в русском языке.

Первая часть письменного теста: Распределите следующие существительные по пяти типам склонения: *магазин, дочь, такси, буква, имя, юноша, искусство, путь, сердце, семя, радио, школа, стол, ночь, время, кафе.* Процентное содержание правильно распределенных существительных составляет в группе «Саранск» 84,2 % (в группе «Хильдесхайм» лишь 9 %). Незначительную неуверенность проявили студенты при определении разносклоняемых имен существительных и дали при этом 77,8 % правильных ответов (в группе «Хильдесхайм» самым сложным оказался сильный тип склонения существительных м. и ср. р., и лишь 3 % всех ответов, данных немецкой группой, правильные).

Вторая часть теста: Просклоняйте следующие имена существительные в единственном числе*: школа, стол, ночь, время, кафе.* В то время как в группе «Хильдесхайм» ни один студент не дал правильного ответа на поставленный им аналогичнай вопрос, 11 студентов (52,4 %) из группы «Саранск» справились безукоризненно со вторым заданием. Со стопроцентной правильностью просклоняли будущие учителя русского языка существительное «кафе» и все заданные имена существительные в творительном и предложном падежах. Бесспорно, для того чтобы в результате теста выявленные данные были валидны, необходимо вовлечь в процесс тестирования более многочисленную группу исследуемых и, по воможности, из разных регионов РФ. Однако можно позволить себе сделать предварительный вывод, что высокий статус (урока) русского языка в России и неразрывная взаимосвязь методологической науки со школьной практикой вносят неоценимый вклад в создание условий для интенсивной работы со структурой своего родного языка в той мере, в какой это необходимо.

Углубленная работа учащихся по усвоению теоретических знаний о грамматике способствует сознательному употреблению языковых форм в устной и письменной речи и повышению грамматико-коммуникативной компетентности. Приведенный в [6] сюжет с двумя россиянами, которые договариваются с иностранцем, вписывается и в наш контекст: «Один знает 50 слов, а второй 2000, но первого почему-то понимают, а второго – нет!». В такой ситуации важен не только и не столько лексический запас, сколько некая интегративная компетентность, и не в последнюю очередь грамматическая. Ученые-методисты и методисты-практики, нацеленные после результатов PISA-2000 «скорректировать изучение языка» в рамках «квазиакадемической направленности обучения» в российской системе образования [6], предлагают наряду с системно-интегрирующим подходом к грамматике множество

других новых и интересных направлений. Плодотворный обмен опытом и мнениями, разработки разноаспектных проблем методики преподавания русского языка в школе и вузе РФ отражены в более высоком статусе (урока) родного языка и значимости грамматики, чем в Германии. Сравнение уровня знаний грамматики родного языка русских и немецких студентов языковых факультетов позволяет в какой-то мере отобразить цели и задачи методической науки и учебной практики в РФ и Германии, а также их приоритеты в обучении родному языку.

Библиографический список

1. Аксиологические аспекты методики преподавания русского языка (профессиональный и общеобразовательный уровни) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 марта 2009 г.) / науч. ред. и сост. А. Д. Дейкина. – М. : МПГУ ; Ярославль : Ремдер, 2009. – 496 с.
2. Акулинина Е. В. Аксиологический подход к изучению глагола в 5-6 классах (профессиональный и общеобразовательный уровни) // Аксиологические аспекты методики преподавания русского языка : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 марта 2009 г.) / науч. ред. и сост. А. Д. Дейкина. – М. : МПГУ ; Ярославль, 2009. – С. 251–255.
3. Белова Н. А. Современные подходы к преподаванию русского языка в школе и вузе // Методические традиции и новаторство : сб. материалов Всерос. науч.-практ. семинара (4 дек. 2009 г.). – Саранск : МГПИ, 2010. – С. 56–62.
4. Бондаренко А. В. Основы функциональной грамматики. – СПб., 2001. – 58 с.
5. Кузнецова Н. В. Инновационные образовательные технологии в школе / Н. В. Кузнецова, Е. В. Белоглазова. – Саранск : Мордов. гос. пед. ин-т, 2016.
6. Новый взгляд на грамотность : по результатам международного исследования PISA-2000. – М. : Логос, 2004.
7. Поташкина Ю. А. Бесценные ценности осознанной грамматики (профессиональный и общеобразовательный уровни) // Аксиологические аспекты методики преподавания русского языка : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 марта 2009 г.) / науч. ред. и сост. А. Д. Дейкина. – М. : МПГУ ; Ярославль, 2009. – С. 98–103.
8. Стандарты второго поколения. Примерные программы по учебным предметам. Русский язык. 5–9 классы : проект. – М. : Просвещение, 2010. – С. 2.
9. Устинов А. Ю. В соотношении современных подходов при изучении русского языка в школе // Современные подходы к преподаванию русского языка в школе и вузе: методические традиции и новаторство : сб. материалов Всерос. науч.-практ. семинара (4 дек. 2009 г., г. Саранск). – Саранск, 2010. – С. 25–29.
10. Baur R. S. „Vieles ist sehr ähnlich“ – Individuelle und gesellschaftliche Mehrsprachigkeit als bildungspolitische Aufgabe / Hrsg.: R. S. Baur, B. Hufeisen. – Baltmannsweiler, 2011. – Bd. 6.
11. Boettcher W. Grammatikwissen für Lehramtsstudierende – Aufpuschmittel oder Kur? // Didaktik Deutsch. Halbjahresschrift für die Didaktik der deutschen Sprache und Literatur. – Baltmannsweiler, 2014. – № 36. – P. 108–115.
12. Boettcher W. Grammatik in Situationen / W. Boettcher, H. Sitta // Praxis Deutsch. – 1979. – № 6. – P. 12–21.
13. Eisenberg P. Grammatikwerkstatt / P. Eisenberg, W. Menzel // Praxis Deutsch. – 1995. – № 22. – P. 14–23.
14. Ezhova-Geer I. Schreiben an russischen und deutschen Schulen. Unter besonderer Berücksichtigung der Textproduktion russischsprachiger Aussiedler und Spätaussiedler. – Frankfurt am Main, 2009.

15. Ezhova-Geer I. Sprachreflexion und Vermittlung der Grammatik im russischen Muttersprachenunterricht / I. Ezhova-Geer, H. Gornik // Sprachreflexion und Grammatikunterricht. – Baltmannsweiler, 2014. – № 6. – P. 398–415.

16. Ezhova-Geer I. Schwierigkeiten bei der Flexion von männlichen Substantiven im Deutschen // Иностранные языки в школе и вузе : сб. науч. тр. по материалам Междунар. семинара-практикума в рамках XI Междунар. науч.-практ. конф. «Осовские педагогические чтения» (26 ноября 2015 г.) : [материалы]. – Саранск, 2016. – С. 14–22.

17. Flöter I. Die Besonderheiten der Flexion der deutschen Substantive im Vergleich zu den türkischen und russischen. – Bachelorarbeit : Universität Hildesheim, 2011.

18. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. – Bern, 1965. – 505 p.

19. Gornik H. Methoden des Grammatikunterrichts / H. Gornik, U. Bredel // Didaktik der deutschen Sprache: ein Handbuch. – Paderborn u.a. – 2003. – № 2. – Teilbd. – P. 814–827.

20. Gornik H. Sprachreflexion, Sprachbewusstheit, Sprachwissen, Sprachgefühl // Sprachreflexion und Grammatikunterricht. – Baltmannsweiler, 2014. – № 6. – P. 41–58.

21. Greyerz O. von Der Deutschunterricht als Weg zur nationalen Erziehung. – Leipzig, 1991.

22. Helmes H. Eine Einführung in die Theorie der muttersprachlichen und literarischen Bildung. – Stuttgart, 1972.

23. Hildebrand R. Vom deutschen Sprachunterricht und von deutscher Erziehung und Bildung überhaupt. Mit einem Anhang über die Fremdwörter und einem über das Altdeutsche in der Schule. – Leipzig, 1920.

24. Hoffmann L. Deutsche Grammatik Grundlagen für die Lehrerausbildung Schule, Deutsch als Zweitsprache und Deutsch als Fremdsprache. – Berlin, 2013.

25. Jeuk S. „Der Katze jagt den Vogel.“ Aspekte von Genus und Kasus im Grundschulalter / S. Jeuk, B. Ahrenholz // Zweitspracherwerb. Diagnosen, Verläufe, Voraussetzungen. Freiburg i. Breisgau, 2008. – P. 135–150.

26. Kämper van den Boogaart M. Der Deutschunterricht des Staates // Deutschdidaktik. Praxishandbuch. – Berlin, 2003. – P. 12–44.

27. Kämper van den Boogaart M. Lehrpläne und Deutschunterricht // Deutschdidaktik. Leitfanden für die Sekundarstufe I und II. – Berlin, 2003. – P. 12–33.

28. Köller W. Philosophie der Grammatik. – Stuttgart, 1983.

29. OECD-Indikatoren. Bildung auf einen Blick. – Bielefeld. 2017.

30. Ossner J. Geschichte der Grammatikdidaktik / J. Ossner, H. Gornik // Sprachreflexion und Grammatikunterricht. – Baltmannsweiler, 2014. – № 6. – P. 3–37.

31. Reble A. Geschichte der Pädagogik. – Stuttgart, 1960.

32. Statistisches Bundesamt, Pressemitteilung Nr. 90 vom 12.03.2020.

33. Ülshöfer R. Methodik des Deutschunterrichts. Mittelstufe II. – Stuttgart, 1968.

34. Weißgerber L. Die vier Stufen in der Erforschung der Sprachen. – Düsseldorf, 1963.

35. Wygotski L. S. Denken und Sprechen. – Stuttgart, 1971.

36. Zifonun G. Grammatik der deutschen Sprache / G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker. – Berlin, 1977.

© Ежова-Геер И. Г., 2022.

УДК 81:1:371

РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА УЧАЩИХСЯ 6-го КЛАССА СРЕДСТВАМИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ОСНОВЕ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА)

Д. С. Квашнина,
аспирант
darikvashnina@gmail.com
И. А. Сотова,
д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой
irina_sota@mail.ru
Ивановский государственный университет
Иваново, Россия

Аннотация. В статье обосновывается потенциал проектной деятельности в развитии научной лингвистической картины мира учащихся 6-го класса на основе дифференцированного подхода. Раскрывается тематика и рассматриваются типы проектов, предлагаемые учащимся 6-го класса на уроках русского языка.

Ключевые слова: научная лингвистическая картина мира, проектная деятельность, проект, дифференцированный подход, русский язык.

DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD OF 6TH GRADE STUDENTS BY MEANS OF PROJECT ACTIVITIES (BASED ON A DIFFERENTIATED APPROACH)

D. S. Kvashnina, I. A. Sotova
Ivanovo State University
Ivanovo, Russia

Abstract. The article presents the potential of project activity in the development of a scientific linguistic picture of the world of 6th grade students based on a differentiated approach. The subject matter of projects offered to 6th grade students in Russian lessons are revealed and the types of projects are considered.

Keywords: scientific linguistic picture of the world, project activity, project, differentiated approach, Russian Language.

Актуальной задачей языкового образования является развитие научных представлений учащихся о языке и мире, об отражении языка в человеке и человека в языке.

Формирование и развитие научной лингвистической картины мира (НЛКМ) происходит прежде всего на уроках русского языка: знакомясь с текстом учебника, выполняя упражнения, ученики усваивают определенную систему представлений о языковых явлениях. Развитие научной лингвистической картины мира учащихся может осуществляться различными средствами, среди которых особое место занимает проектная деятельность.

Под проектной деятельностью нами вслед за Л. В. Черепановой будет пониматься «такая организация учебно-познавательной деятельности школьников, в результате которой ученики создают проект, являющийся результатом детальной разработки ими какой-либо теоретической или практически значимой проблемы, ее описания и решения» [4, с. 46]. Отличительной чертой проектной деятельности является предопределенность результата: ожидаемый продукт проекта имеет заданные характеристики [1, с. 36].

Учащимся 6-го класса целесообразно предлагать проекты на материале раздела «Лексикология», систематическое изучение которого осуществляется в 5–6-х классах. В 6-м классе учащиеся располагают достаточно обширными знаниями о данном разделе языка, что позволяет им взглянуть на изученный материал с научных позиций, усваивать НЛКМ не только пассивно, но и активно. Так, школьники уже имеют научное представление о слове и парадигматических связях лексических единиц, а также получают сведения об их происхождении и употреблении. Опираясь на эти данные, учащиеся способны осмыслять языковые явления на более абстрактном уровне, анализируя и сопоставляя языковые факты, а также устанавливать системные связи между ними.

В науке описаны разные типы проектов, обладающих неодинаковым развивающим потенциалом. Е. С. Полат выделяет следующие типы проектов: информационный, исследовательский, творческий, практико-ориентированный [2, с. 74]. Признавая известную условность разделения проектов на типы, охарактеризуем особенности и ожидаемые результаты проектов разного типа (табл. 1).

Таблица 1

Особенности и ожидаемые результаты проектов разного типа

Тип проекта	Особенности	Ожидаемый результат	Пример
1	2	3	4
Информационный проект	Данный вид проекта включает в себя сбор информации по проблеме, ее анализ, обобщение	Сообщение, доклад	1. «Русский язык на грани нервного срыва»: отношение моих ровесников к сленгу 2. История фразеологизма «дело – табак» 3. Почему русский и польский языки – братья? 4. Тайна имени: происхождение и значение имен
Исследовательский проект	Направлен на решение определенной проблемы, предполагает выдвижение гипотезы и ее доказательство / опровержение с опорой на исследовательские методы	Учебное исследование, учебно-исследовательская работа	1. Краш, чил, жиза – катастрофа в языке или норма? 2. Особенности диалектных названий грибов / рек Ивановской области 3. 8 марта и 8 березня: общее и различное в русских и украинских названиях месяцев

Окончание табл. 1

1	2	3	4
			4. Роль имен в произведении «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого / «Хирургия» А. П. Чехова
Творческий проект	Задействует творческое мышление учащихся, позволяет проявить творческое начало	Новый продукт	1. «С русского на русский»: словарь сленга и новых выражений 2. «“А в Чехии / Польше иначе!” Составление путеводителя для туристов-лингвистов по Чехии / Польше и чешскому языку» 3. Карта диалектных слов со значением «ягода» (Ивановская область)
Практико-ориентированный проект	Носит прикладной характер, ожидаемый продукт четко обозначен	Реальный результат работы	1. Выставка «От Аз до А»: как менялся наш алфавит? 2. «Что делать, если ты потерялся в Чехии и не знаешь чешского языка?» – программа действий для начинающих лингвистов. 3. Ложные друзья: шаги по различению омонимов и многозначных слов

Все проекты способствуют достижению учебных целей, но при этом развивающий эффект у них неодинаковый. Информационный проект направлен на развитие и дальнейшее совершенствование умений работы с информацией: поиска, критического осмысления и переработки. Работая над данным типом проектов, ученики получают возможность глубже проникнуть в суть изучаемого, осмыслить его как особое лингвистическое явление. Такие проекты уместны на этапе изучения и закрепления темы.

Практико-ориентированный проект носит прикладной характер. Работа над подобным проектом способствует установлению связей полученных лингвистических знаний с реалиями жизни (язык – действительность), развитию функциональной грамотности учащихся и уместна на этапе закрепления и повторения.

Для выполнения исследовательского проекта недостаточно найти и обработать информацию. Исследовательский проект подразумевает поиск и решение некой проблемы, противоречия, имеющегося в языке, путем анализа языковых единиц. В результате работы над исследовательским проектом формируются навыки анализа (сопоставительного анализа) языковых единиц, развивается лингвистическое мышление учащихся. Обращение к исследовательскому проекту уместно на этапе закрепления и повторения материала.

Творческие проекты способствуют переосмыслению, новому прочте-

нию изученного, рассмотрению языкового явления под новым углом, т. е. углублению представлений о языке и языковых единицах. Творческий проект предполагает опору на ассоциативное мышление учеников, т. е. способность к установлению связей между явлениями. Как и в случае с исследовательским проектом, данный тип проекта целесообразно использовать на уроках закрепления и повторения материала.

Все проекты способствуют развитию мотивации школьников, а также достижению предметных целей обучения.

Проекты могут иметь различные формы реализации. Так, например, результаты исследования могут быть представлены в виде ролика, словаря, презентации и т. д.

Типы проектов можно соотнести с этапами проектной деятельности. На наш взгляд, в основе разделения проектов на подтипы лежит понимание того, сколько этапов проектной деятельности в них реализовано.

Важным условием реализации развивающего потенциала проектной деятельности учащихся на материале раздела «Лексикология» является осуществление дифференцированного подхода к выбору тематики проектов, типов проектов, условий работы над проектом (индивидуальный, парный, в малых группах; краткосрочный или долгосрочный). Под дифференцированным подходом понимается такая стратегия обучения, согласно которой обучение выстраивается на основе группировки учащихся с учетом их индивидуальных особенностей и сходных типических особенностей группы учеников. Дифференцированное обучение предполагает «работу по одной программе, но на разном уровне сложности в рамках классно-урочной системы с целью развития личности каждого учащегося» [3, с. 157].

Дифференцированный подход позволяет создать комфортные условия для развития как сильных, так и слабых учеников, включить каждого ученика в проектную деятельность на доступном для него уровне, мотивировать к изучению русского языка.

Приведем примеры различных типов проектов, осуществляемых в условиях дифференциации.

1. «Русский язык на грани нервного срыва» (по М. А. Кронгаузу): отношение моих ровесников к заимствованиям и сленгу.

Тип проекта: информационный.

Продолжительность: долгосрочный (2 мес.).

Количество участников: индивидуальный.

Цель проекта: выявить отношение ровесников к заимствованиям и сленгу.

Методы работы учащихся – работа с научной литературой и анкетирование. Разница между уровнями заключается в степени самостоятельности выполнения задания. На базовом уровне работа осуществляется под руководством учителя, на повышенном уровне – под наблюдением учителя с получением консультации на разных этапах работы, на высоком уровне – самостоятельно, с возможностью получения консультации по мере необходимости. Продуктом проекта является сообщение.

2. «8 марта и 8 березня: общее и различное в русских и украинских названиях месяцев»

Тип проекта: исследовательский.

Продолжительность: долгосрочный (2–3 мес.).

Количество участников: индивидуальный.

Цель проекта: выявить сходства и различие в номинации русских и украинских месяцев.

На различных уровнях может быть предложено для анализа различное число лексических единиц: на базовом уровне – 6 (например, названия весенних месяцев), на повышенном – 12 (например, весенние и осенние), на высоком – все единицы. Отличаются уровни и по степени обобщения: на базовом уровне возможны наблюдения за сходством и различиями названий, на повышенном – за особенностями сезонов, отраженных в лексемах, на высоком – за способами восприятия месяцев носителями языка. Продуктом проекта является текст доклада.

3. «“А в Польше иначе!” Составление путеводителя для туристов-лингвистов по Польше и польскому языку»

Тип проекта: творческий.

Продолжительность: среднесрочный (1 мес.).

Количество участников: групповой.

Цель проекта: составить путеводитель по стране, включающий туристическую информацию о ней, польские названия мест, блюд и т. д., лингвистические и лингвокультурологические комментарии к ним.

На базовом уровне возможен поиск культурологической и языковой информации о стране для составления вступления к сборнику. На повышенном уровне предполагается поиск единиц для путеводителя и толкование их значений. На высоком уровне ученики составляют комментарий к найденным словам (названиям блюд и напитков, мест и т. д.), который может включать этимологию, объяснение фонетических особенностей, раскрытие значения слова. Продуктом такого проекта может быть страноведческий буклет, газета, презентация.

4. Выставка «От Аз до А»: как менялся наш алфавит?

Тип проекта: практико-ориентированный проект.

Продолжительность: среднесрочный (1 мес.).

Количество участников: групповой.

Цель проекта: подготовить выставку, отражающую становление русского алфавита.

На базовом уровне возможно создание рисунков, на которых будет отражена буква кириллицы, записан современный вариант буквы (если есть), подобран фразеологизм или пример предложения с ней. На повышенном уровне ученики собирают и обобщают информацию о создании славянской азбуки. На высоком уровне учениками составляется временна́я линия развития азбуки. Продуктом такого проекта становится стенд.

Организация проектной деятельности учащихся 6-го класса на материале раздела «Лексикология» в условиях дифференцированного подхода спо-

собствует развитию мотивации к изучению русского языка и науки о языке, развитию НЛКМ и предметных умений и навыков учащихся.

Библиографический список

1. Васильева М. И. Проектная, исследовательская, проектно-исследовательская деятельность // Забайкал. вестн. – 2020. – № 5. – С. 31–39.

2. Полат Е. С. Как рождается проект. – М., 1995. – 233 с.

3. Сотова И. А. Дифференциация как способ реализации личностно ориентированного обучения в современной школе / И. А. Сотова, Е. Л. Парфенова // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 3 (7). – С. 155–160.

4. Черепанова Л. В. Проектная деятельность в обучении русскому языку // Русская словесность. – 2006. – № 5. – С. 46–50.

© Квашнина Д. С., Сотова И. А., 2022.

УДК 372.811.161.1

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПУТИ ВОСПИТАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ УЧАЩИХСЯ К РОДНОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПОЗНАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

Г. М. Кулаева,
д-р пед. наук, доцент, зав. кафедрой
galina-kulaeva@yandex.ru
Оренбургский государственный педагогический университет
Оренбург, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме поиска методических путей воспитания ценностного отношения учащихся к русскому языку, рассматриваемого в статье как личностный результат обучения русскому языку – хранителю культуры, государственному языку Российской Федерации и межэтнического общения. Предложены направления работы в реализации задачи формирования ценностного отношения к русскому языку как национально-культурному феномену.

Ключевые слова: родной язык, ценностное отношение к языку, личностные результаты обучения, эстетическая ценность русского языка.

METHODOLOGICAL WAYS OF EDUCATING STUDENTS' VALUE ATTITUDE TO THEIR NATIVE RUSSIAN LANGUAGE AS A PERSONAL RESULT OF LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE AT SCHOOL

G. M. Kulaeva
Orenburg State Pedagogical University
Orenburg, Russia

Abstract. Russian Russian The article is devoted to the problem of finding methodological ways of educating students' value attitude to the Russian language,

which is considered in the article as a personal result of teaching the Russian language – the guardian of culture, the state language of the Russian Federation and interethnic communication. The directions of work in the implementation of the task of forming a value attitude to the Russian language as a national-cultural phenomenon are proposed.

Keywords: native language, value attitude to language, personal learning outcomes, aesthetic value of the Russian language.

В условиях сложившегося ценностного кризиса и утраты жизненных, нравственных, эстетических идеалов становится заметным поворот к аксиологически значимым учебным предметам – к русскому языку, русской литературе, родному языку, родной литературе, российской истории, без которых невозможно воспитание гражданина и патриота. Современная социокультурная ситуация и стратегия российского образования объективно усиливают роль русского языка как государственного, родного и языка межэтнического общения в решении задач патриотического воспитания, осознания русского языка как духовной, нравственной и культурной ценности народа, развитии и успешной творческой самореализации обучающихся в процессе познания русского языка [1; 2; 4].

Родной язык, по мысли А. Д. Дейкиной, являясь величайшим национальным феноменом, связывает человека со своей нацией, формирует у него чувство сопричастности судьбам своего народа и своей родины [1, с. 7]. В языке воплощены национальные, нравственные, эстетические, религиозные ценности русского народа, не случайно в периоды всплеска национального самосознания русский язык остро осознавался образованной частью общества как высшая духовная ценность, национально-культурное достояние: «душа народа» (В. К. Кюхельбекер), «исповедь народа» (П. А. Вяземский), «дух народа» (И. И. Срезневский), «достояние, переданное нам нашими предшественниками» (И. С. Тургенев), «наш дар бессмертный – речь» (И. А. Бунин) и др.

Одной из актуальных задач методической науки является создание ценностной ориентации у школьников к познанию русского языка и отношения к нему как ценностному явлению [1–3]. В сборнике примерных рабочих программ по русскому языку отмечено, что главной задачей реализации образовательной программы является «формирование у обучающихся ценностного отношения к языку – хранителю культуры, к русскому языку как государственному языку Российской Федерации, как языку межэтнического общения» [4, с. 6]. В этой цели видится требование российского общества – повысить роль русского языка в формировании духовного мира человека, самопознании, самореализации и успешной социализации личности в жизни и разнообразной деятельности, а также ответ на сложившееся в социуме отношение к русскому языку как непрестижному.

Естественной должна стать позиция, согласно которой нельзя мириться с отсутствием уважительного отношения к русскому языку в российском обществе и образовании. Отметим и тот аспект, что в круг личностных резуль-

татов обучения в основной школе входит уважительное отношение к Отечеству, родному языку и культуре, гордость за родной язык [4, с. 8]. Ведь государственно-патриотическая идеология как основа консолидации общества и укрепления государства невозможна без прочной гуманитарной основы, одной из составляющих которой в первую очередь является национальный родной язык.

Очевидно, что особую остроту приобретает методическая проблема формирования у молодого поколения ценностного отношения к родному языку в широком диапазоне воспитательных задач.

В исследованиях И. А. Стернина *родной язык* рассматривается как коммуникативная категория, определяющая национальное коммуникативное поведение на трех уровнях коммуникативного сознания: рефлексивном, бытийном и духовном [6, с. 90]. Выделены им параметры, по которым распределяются суждения носителей языка на трех уровнях: осознание сложности языка, осознание его нужности, осознание важности хорошего владения родным языком, тревога за состояние языка [5, с. 7]. Суждения носителей русского языка позволяют сделать вывод, что на бытийном и рефлексивном уровнях родной язык не предполагает ценностного отношения: слабо сформирована потребность в совершенствовании собственной речи после завершения школьного языкового образования, отсутствует стремление к свободному владению родным языком в разных сферах общения, к преодолению безграмотного письма и употребления в речи слов-паразитов и т. д.

На духовном уровне коммуникативная категория *родной язык*, к сожалению, не представлена в ответах респондентов [5, с. 91]. Он не осознается как важнейший компонент духовной культуры общества, не сформировано чувство стыда за плохую речь на своем родном языке, распространен языковой пессимизм: «Русский язык трудный и овладеть им очень сложно». Показательно, что в нашем обществе не принято хвалить человека за хорошее знание своего родного языка. В работах И. А. Стернина констатируется, что коммуникативная категория *родной язык* в русском сознании не относится к национальным ценностям [5]. Если проводить сопоставление с отношением к иностранному языку, то отмечается движение к ценностному осознанию именно иностранного языка. Таким образом, в аксиологической лингвистике категория отношения к родному языку начинает вызывать научный интерес: обозначены основные аспекты проблемы, накоплен объем суждений респондентов, определено место категории в модели коммуникативного поведения народа и др.

Утверждение аксиологического подхода в обучении русскому языку связываем с воспитанием ценностного отношения учащихся к русскому языку: воспитание чувства национального самосознания, гражданской позиции к современным языковым процессам, связанным с изменением норм русского литературного языка, языковых традиций, языкового идеала (гражданское отношение); развитие у детей и подростков языкового эстетического идеала (эстетическое отношение); возрождение позитивного, уважительного, благоговейного отношения к русскому языку, действенной позиции в вопросах

культуры и экологии русского языка, повышение мотивации и потребности учащихся в свободном владении русским языком и совершенствовании в нем (нравственное отношение) [3].

Формирование ценностной позиции ученика к русскому языку должно быть связано с приобретением знаний о русском языке как национально-культурном, нравственном и эстетическом феномене, введением в тезаурус школьников новых понятий: русский язык – национальный язык русского народа, русский язык – национальное и культурное достояние русского народа, русский язык – духовная ценность русского народа, русский язык – эстетический феномен, русский язык – первоэлемент русской художественной литературы и др. [1, с. 3].

Ценностное отношение к русскому языку как стержневая идея учебной работы на уроках русского языка в 5–9-х, 10–11-х классах может осуществляться на фоне получаемых учащимися лингвистических и культуроведческих знаний на протяжении всего школьного курса. Обозначим методические пути, способствующие воспитанию ценностного отношения к русскому языку:

– чтение авторитетных оценочных высказываний о русском языке писателей и поэтов, ученых-лингвистов, публицистов и диалогическое общение по содержанию высказываний;

– чтение и анализ учебно-научных и научно-популярных, публицистических текстов о русском языке, содержащих оценочные суждения;

– создание устных и письменных высказываний учащихся на дискуссионные темы по проблемам культуры речи, языкового вкуса и языкового идеала, эстетических оценок носителями языка компонентов национального языка (диалекты, жаргоны, просторечие и т. д.).

На наш взгляд, в учебном процессе нужно создавать ситуации, в которых должны проявиться отношение-переживание учащихся к русскому языку, выражение их осознанной аргументированно-ценностной позиции, а это требует акцента на отборе аксиологически ориентированного материала и формулировки учебных заданий. В содержание учебного дидактического материала должны включаться:

1) прямая информация о русском языке как духовной ценности и об отношении к нему как ценностному объекту;

2) косвенная информация, позволяющая учащимся сделать вывод о ценности русского языка и оценить сложившееся отношение к родному языку;

3) задания на выражение собственной аргументации учащихся по вопросам ценностного отношения к языку и речи;

4) задания на выбор языковых средств в собственных высказываниях с точки зрения их ценностных, к примеру эстетических, качеств.

Уже с 7-го класса необходимо проводить уроки, на которых центром становятся: 1) актуальная публицистическая тема, требующая обсуждения; 2) текст о русском языке публицистического стиля, его анализ и создание на его основе устного или письменного высказывания-рассуждения.

Необходимо усилить роль уроков-коммуникаций, дискуссий, дебатов.

Для обсуждения можно предложить следующие темы, определяющие тематику уроков дискуссионного характера, которые будут актуальны и интересны в подростковой аудитории: «Речь молодежи – печаль отцов?», «Употребление жаргонизмов в молодежной речи – неизлечимая болезнь или вопрос языкового вкуса», «Иностранное слово – заменитель высоких слов?», «Слова-паразиты – твое отношение к ним», «К чему ведет дефицит высоких, торжественных слов в выражении эмоций и чувств в нашей речи?», «Исчезновение слова – исчезновение понятий – путь к духовному беспамятству?». Развиваемая способность учащихся поддерживать диалог на мировоззренческие темы, создавать письменное сочинение-рассуждение на лингвистическую тему становится личностным достижением в познании русского языка как национально-культурного феномена в средней школе.

Приведем упражнения на основе аксиологически значимого дидактического материала для уроков русского языка основной школы. Обращение к дидактическому материалу предоставляет учащимся возможность высказаться по разным аспектам проблемы ценностного отношения к родному языку и выразить свою позицию.

Задание. Прочитайте фрагмент из статьи филолога Б. Н. Головина «Как говорить правильно: Заметки о культуре русской речи».

Но что значит отношение к языку?

Это значит, что не все люди одинаково знают свой родной язык, его стили. Это значит, что далеко не все люди одинаково оценивают значение слов, не все подходят к словам с одинаковыми эстетическими и моральными требованиями. Это значит, наконец, что не все люди одинаково чутки к тем тонким смысловым оттенкам, которые обновляют слова и их сочетания в конкретных высказываниях. Вследствие этого разные люди по-разному производят отбор языкового материала и по-разному этот материал организуют в пределах речевого произведения.

Вариативное задание к тексту

1. Какая проблема поднята в тексте? В чем, по мнению ученого, заключается причина индивидуального отбора и организации речевых средств? Аргументируйте свое согласие или несогласие с мнением ученого-лингвиста.

2. Аргументируйте собственное мнение на тему «Почему мы по-разному относимся к языку». Приведите два аргумента в защиту собственной позиции.

Наряду с работой в целостном смысле значимой является и работа над каждым видом ценностного отношения к родному языку, понимания и учета специфики и конкретики отдельных видов – эстетического, нравственного, экологического и т. д.

Важным направлением работы, связанным с формированием ценностного отношения к русскому языку, является достижение учащимися понимания эстетической ценности русского языка, которая отмечена в ряду планируемых личностных результатов обучения [4, с. 8]. В этом плане назовем методические направления работы применительно к 8–9-м классам:

– формирование у учащихся представлений о языковом эстетическом

идеале как критерии гармонии, меры, упорядоченности, симметрии (при изучении синтаксиса русского языка);

– развитие ценностных представлений о языковом эстетическом вкусе, его проявлении в зависимости от сформированного ценностного отношения к русскому языку, от уровня воспитанности, речевой культуры, личных предпочтений, следования языковой моде носителей языка;

– стимулирование учащихся к построению эстетических суждений о русском языке, выражению личностной позиции в вопросах эстетики языка (например, по тексту В. В. Личутина на тему «Диалектизмы как выражение бесконечного стремления русского народа к красоте»);

– формирование рефлексивного отношения учащихся к собственному эстетическому речевому опыту, оценивание, «окультуривание» его и соотношение с социально значимым опытом, усиление внимания учащихся к эстетической стороне своей речи.

Наличие осознанного позитивного отношения к родному языку и устремленность самого общества к недекламированному, а действенному изменению равнодушного отношения к родному русскому языку, несомненно, будет способствовать желанию конкретной личности достигать высокого уровня владения родным языком на протяжении всей жизни. В силу этого работа по формированию у школьников эмоционального, проникновенного, заинтересованного, благоговейного, нравственного отношения к родному русскому языку должна оставаться в центре лингвометодических исследований и в практике учителя русского языка.

Библиографический список

1. Дейкина А. Д. Формирование языковой личности с ценностным взглядом на язык: методологические проблемы преподавания русского языка : монография. – М. : [б. и.] ; Оренбург : Агентство «Пресса», 2009. – 305 с.

2. Кулаева Г. М. О формировании у учащихся ценностного отношения к русскому языку // Русский язык в школе. – 2007. – № 8. – С. 3–7.

3. Кулаева Г. М. Теория и практика формирования языкового эстетического идеала в средней школе. – Оренбург, 2020. – 210 с.

4. Русский язык. Сборник примерных рабочих программ. 5–11 классы. Предметная линия учебников Т. А. Ладыженской, М. Т. Баранова, Л. А. Тростенцовой. Предметная линия учебников Л. М. Рыбченковой, О. М. Александровой и др. 5–9 классы. Предметная линия учебников Л. М. Рыбченковой, О. М. Александровой и др. 10–11 классы : учеб. пособие для общеобразов. организаций / М. А. Бондаренко [и др.]. – М. : Просвещение, 2021.

5. Стернин И. А. К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения : сб. науч. тр. – Волгоград, 2003. – С. 5–15.

6. Стернин И. А. О национальном коммуникативном сознании // Лингвист. вестн. – Ижевск, 2002. – Вып. 4. – С. 87–94.

© Кулаева Г. М., 2022.

УДК 37.016.5: 811.161.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ НАПИСАНИЮ СОЧИНЕНИЯ

Н. Г. Солдатова,
аспирант, учитель русского языка и литературы
soldatovan.soldatova@yandex.ru
Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева,
МОУ «Лицей № 7»
Саранск, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам использования облачных технологий в образовательном пространстве урока, в частности в процессе обучения написанию сочинения.

Ключевые слова: сочинение, мотивация, облачные технологии.

USING CLOUD TECHNOLOGIES IN TEACHING ESSAY WRITING

N. G. Soldatova
Mordovian State Pedagogical University,
MOU «Lyceum No. 7»
Saransk, Russia

Abstract. The article is devoted to the problems of using cloud technologies in the educational space of the lesson, in particular in the process of learning to write an essay.

Keywords: essay, motivation, cloud technologies.

Модернизация российской образовательной системы предусматривает внедрение новых образовательных стандартов, инновационных методик обучения. Согласно требованиям общества, предъявляемым к школе на современном этапе, ее основной задачей становится подготовка выпускника, характеризующегося умением мыслить продуктивно, обладающего высокой гуманитарной культурой, функциональной грамотностью, что несомненно диктует необходимость разработки дополнительных методических приемов.

Мы убеждены в том, что школьное сочинение представляет собой тот вид деятельности ученика, обучение которому позволяет формировать умение грамотно, ясно и четко излагать свои мысли, высказывать суждения, выдвигать личностную позицию, аргументированно отстаивать собственную точку зрения для эффективного формирования как коммуникативной компетенции, занимающей одно из центральных мест в системе смысловых ориен-

тиров современного образования, так и напрямую связанных с ней коммуникативных универсальных учебных действий (УУД).

В то же время написание сочинений во всех классах нередко вызывает определенные сложности. Если в устной монологической речи школьники имеют возможность исправить стиль построенного предложения, изменить его, то в письменном изложении темы возникают многочисленные орфографические, грамматические и речевые препятствия. Обучающиеся начинают размышлять, как написать то или иное слово, как правильно выразить свою мысль, чтобы ее поняли другие. Частое отклонение от темы сочинения приводит к отступлению от плана. Страх написать что-то не так не позволяет развить фантазию и воображение, «развернуть» мысль. Как следствие – падение интереса к урокам русского языка, отсутствие мотивации к обучению написания сочинений того или иного жанра.

Ситуацию существенно осложняет и тот факт, что у большинства современных школьников клиповое мышление, при котором человек воспринимает информацию фрагментарно, небольшими обрывками и яркими образами, он не может сосредоточиться и постоянно перескакивает с одного на другое.

Потенциальное решение обозначенной проблемы автор статьи находит в целенаправленном использовании облачных технологий в образовательном пространстве урока. По нашему мнению, это позволит создать необходимые условия для психологического раскрепощения обучающихся поколения Z, формировать познавательную активность школьников посредством включения в интересную для них форму работы.

Облачные технологии – это технологии обработки данных, в которых компьютерные ресурсы предоставляются интернет-пользователю как онлайн-сервис. Слово «облако» здесь присутствует как метафора, олицетворяющая сложную инфраструктуру, скрывающую за собой все технические детали.

Облачные технологии сегодня являются неотъемлемой частью современного мира. Используются они и в системе образования.

Приведем пример использования облачных технологий в процессе обучения написанию сочинения. Для этого рассмотрим несколько образцов упражнений, созданных на сетевом ресурсе Learning Apps.org [1–3].

Learning Apps.org – бесплатный онлайн-сервис, позволяющий создавать интерактивные упражнения для проверки знаний.

Упражнение 1

Обучающимся предлагается несколько предложений, которые необходимо расставить таким образом, чтобы получился текст (рис. 1).

Важным при выполнении упражнений подобного типа является то, что прежде чем ранжировать предложения, школьнику необходимо определить тему, которая их объединяет, угадать основную мысль.

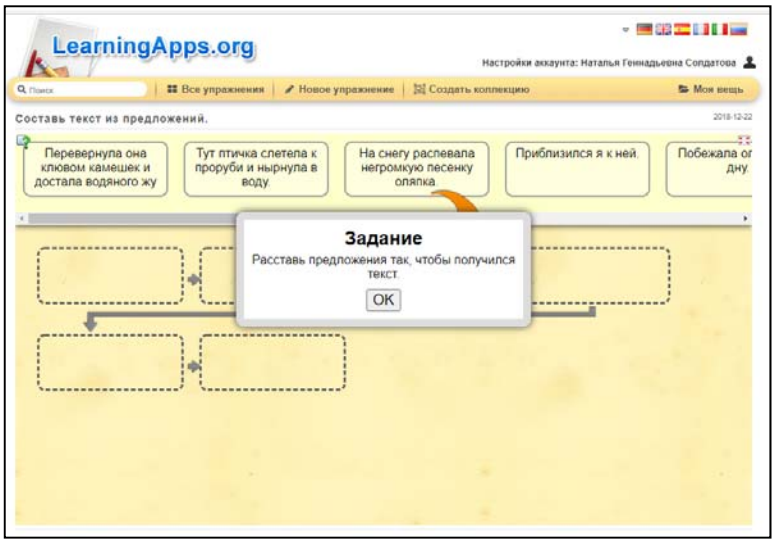


Рис. 1. Пример упражнения 1, созданного с помощью интерактивного конструктора на сайте Learning Apps.org

Упражнение 2

Развитию связной речи может служить упражнение, в котором обучающимся необходимо дополнить предложения подходящими по смыслу словами (рис. 2).

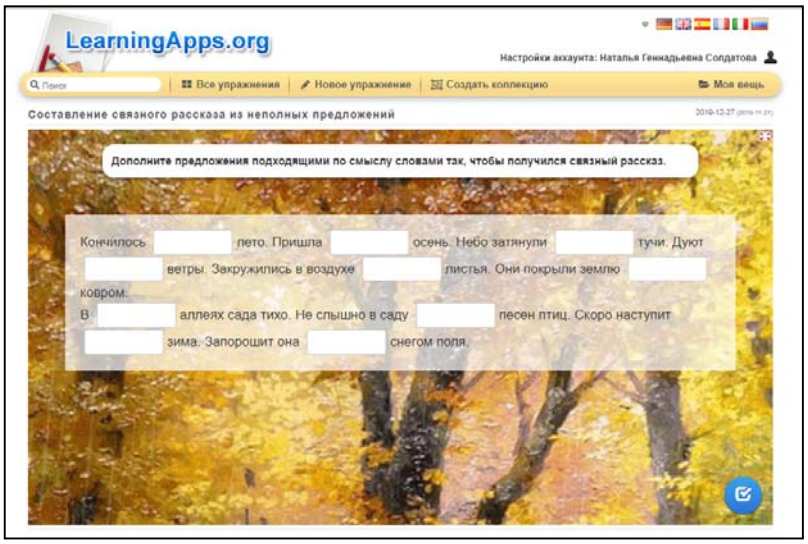


Рис. 2. Пример упражнения 2, созданного с помощью интерактивного конструктора на сайте Learning Apps.org

Упражнение 3

Сочинение по типу ЕГЭ представляет собой письменное высказывание на основе исходного текста, в котором пишущему необходимо проанализировать одну из обозначенных автором проблем.

Круг проблем, заявленных в тексте, целесообразно рассмотреть с выявлением авторской позиции. Поэтому обучающимся на данном этапе можно предложить задание на соотнесение проблемы и авторского отношения к ней (рис. 3).

Рис. 3. Пример упражнения 3, созданного с помощью интерактивного конструктора на сайте Learning Apps.org

Упражнение 4

Предлагаем обучающимся ученическое сочинение в качестве текста-образца. При этом деформируем его, разбив на несколько фрагментов при помощи интерактивного конструктора. Задача школьников – расположить элементы работы таким образом, чтобы получился логически правильный текст, характеризующийся смысловой цельностью, речевой связностью и последовательностью изложения (рис. 4).

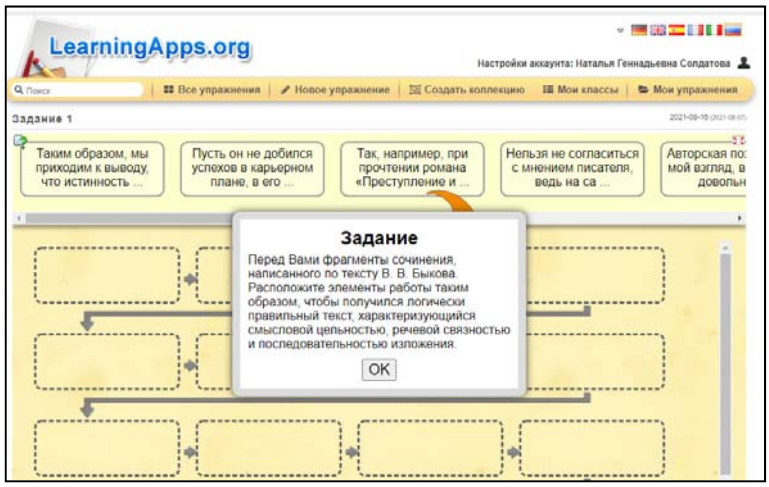


Рис. 4. Пример упражнения 4, созданного с помощью интерактивного конструктора на сайте Learning Apps.org

Упражнение 5

Уместным и логичным, по мнению автора статьи, будет и своеобразный анализ ученического сочинения, написанного на основе исходного текста, который может включать как оценивание и экспертирование творческой работы, так и ее совершенствование.

Опираясь на критерии проверки и оценки сочинения, ученик может выступить в роли эксперта и оценить работу (рис. 5).

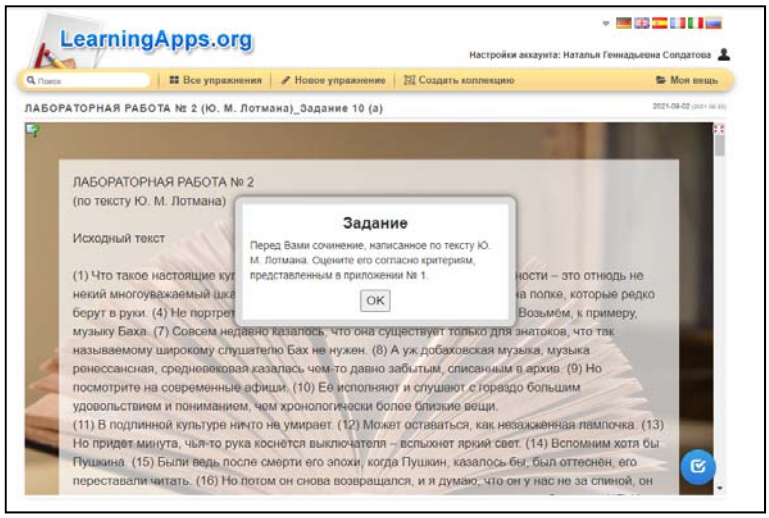


Рис. 5. Пример упражнения 5, созданного с помощью интерактивного конструктора на сайте Learning Apps.org

Выполнение этого задания позволит ученику увидеть сильные и слабые стороны анализируемого сочинения и предложить пути решения выявленных проблем.

Отметим, что сервис Learning Apps предоставляет учителю возможность создавать различные приложения, которые впоследствии можно собрать в один блок, объединенный общей темой, что, безусловно, очень удобно для дальнейшего использования.

Таким образом, образовательные ресурсы, созданные с помощью облачных технологий, можно использовать на разных этапах занятия и на разных этапах изучения той или иной темы: для закрепления материала, домашней работы, дополнительных занятий, контроля. Выполняя упражнение онлайн, обучающийся сразу получает оценку своих знаний и видит свои ошибки, имеет возможность исправить их, тем самым повторив материал нужное количество раз. Это позволяет сделать процесс обучения школьников более интересным, наглядным, доступным, развивает информационно-коммуникативную компетентность будущих выпускников.

Библиографический список

1. Еремеева О. С. Дидактические возможности Learning Apps при обучении русскому языку и литературе // Педагогика и современное образование: традиции, опыт и инновации : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 20 февр. 2018 г.). – Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 24–26.

2. Ноздрачева О. К. Обучение русскому языку с помощью мобильных устройств: перспективы применения // New World. New Language. New Thinking : материалы III ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 5 февр. 2020 г.). – М. : Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2020. – С. 825–829.

3. Пьянкова А. В. Сервис Learning Apps в образовательном процессе // Решение. – 2016. – Т. 1. – С. 75–77.

© Солдатова Н. Г., 2022.

УДК 81`36:811.161.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

Т. В. Устимова,
магистрант
subita@inbox.ru
О. В. Филиппова,
д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой,
filippovaov@mail.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается роль грамматических моделей в обучении русскому языку как иностранному. Авторы обращают внимание на необходимость использования таких моделей, которые имеют важное значение как для развития навыков восприятия специальных текстов, так и продуцирования речи в условиях устной научно-учебной коммуникации.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, грамматическая модель, научная дефиниция, устный разговорный дискурс.

USE OF GRAMMATICAL PATTERNS IN PRACTICE OF TEACHENG RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT ECONOMICAL COLLEGE

T. V. Ustimova, O. V. Filippova
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article considers the role of grammatical patterns in teaching Russian as a foreign language. The authors draw attention to the necessity of use such patterns that are important both for the development of the skills of perceiving special texts and for the production of speech in the context of oral scientific and educational communication.

Keywords: Russian as a foreign language, grammatical pattern, academic definition, oral conversational discourse.

Вопрос о повышении эффективности обучения русскому языку как иностранному (РКИ) всегда остается актуальным. Учитывая современные условия глобализации, а также усиление культурных и экономических связей между Российской Федерацией и другими странами, развитие методов качественного и быстрого обучения русскому языку как иностранному требует от исследователей теоретической и практической разработки разнообразных, в том числе и инновационных, подходов. Кроме того, в процессе обучения

необходимо учитывать сам язык, постоянно меняющийся и обновляющийся, особенно в его разговорной и медийной разновидностях. Учет стилистических вариантов также представляет особую важность, так как имеет большое значение для формирования навыков всех видов речевой деятельности.

На наш взгляд, одним из перспективных направлений исследований в этой области является изучение грамматических моделей русского языка и возможностей их успешного применения в обучении иностранных граждан. Многие методисты, в том числе А. С. Пащенко, придерживаются мнения, что «самый эффективный путь к овладению неродным языком проходит через его осознание как грамматической системы» [7, с. 134]. Сходную мысль высказывает и Д. А. Гусаров, считая, что в нее входит три компонента: семантическое, синтаксическое и фонетическое представление. Семантическое включает систему знаний о возможностях языка для называния элементов действительности, синтаксическое – «о возможностях комбинирования семантики в высказывании для вербализации осмысленных суждений» [3, с. 120], фонетическое – соответственно «о возможностях фонетического строя для озвучивания задуманных высказываний» [3, с. 120].

Мы разделяем такой подход, потому что в изучении русского языка как иностранного осознание грамматической системы языка становится приоритетным.

Рассмотрим понятие «грамматическая модель» как таковое. Для этого воспользуемся наиболее общим определением, данным Ю. Н. Марчук с опорой на более широкое понятие «модель в языкознании». *Модель в языкознании* – это «абстрактное понятие эталона или образца какой-либо системы (фонологической, грамматической и пр.); представление самых общих характеристик какого-либо языкового явления; общая схема описания языка или какой-либо его подсистемы» [6, с. 25].

И. В. Дорофеева конкретизирует данное понятие, предлагая свое определение модели в лингвистике на основе анализа точек зрения многих лингвистов: «*Модель в лингвистике* – это искусственно создаваемое лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение оригинала в лингвистических целях» [5, с. 132].

В более узком смысле мы, вслед за П. Н. Денисовым, можем понимать *грамматическую модель* как «синтаксический рисунок фразы» [4, с. 113].

Обобщая имеющиеся определения, в качестве рабочего предлагаем такое определение грамматической модели в аспекте преподавания русского языка как иностранного: ***грамматическая модель – абстрактная синтаксическая конструкция, представляющая собой образец построения фразы, который может быть наполнен изменяющимся лексическим содержанием, сохраняя при этом общие характеристики смысла.***

Овладение такими моделями в процессе изучения русского языка как иностранного позволит успешно строить фразы с любым лексическим наполнением, фокусируясь на понимании общих закономерностей формирования смысла.

На основании вышесказанного нам представляется логичным охарактеризовать процесс овладения грамматическими моделями русского языка как освоение иностранными обучающимися технологии объединения в их речевой деятельности трех видов представлений: семантического, синтаксического и фонетического. Такое объединение особенно важно в обучении говорению как виду речевой деятельности.

Для достижения данной цели необходимо предоставить изучающим русский язык как иностранный соответствующий инструментарий в виде частотных грамматических моделей, открытый для наполнения необходимым лексиконом или набором лексических единиц языка. Как известно, набор лексических единиц на том или ином этапе всегда ограничен. Кроме того, лексические единицы обладают различными признаками и, соответственно, различной сочетаемостью в речи, что в известной мере создает барьеры в продуцировании речи на русском языке. Поэтому использование грамматических моделей представляется кратчайшим путем формирования навыков грамотной речи, если под моделью понимать и своеобразный свод правил, по которым данные единицы могут комбинироваться в смысловые единства в зависимости от интенции говорящего.

Таким образом, очевидно, что перед методистами встает вопрос о подборе актуальных единиц лексикона и наиболее продуктивных грамматических моделей, иллюстрирующих правила их объединения.

Разумеется, подбор конкретных лексических единиц и грамматических моделей, изучаемых в курсе русского языка как иностранного, зависит от уровня обучения и его профессиональной направленности. Необходимо помнить также, что обучение говорению эффективно протекает в комплексе с другими видами речевой деятельности. В условиях научно-учебной коммуникации говорение часто становится возможным и осуществляется на основе чтения, аудирования. Следовательно, эффективно использование таких моделей, которые давали бы возможность усвоения вариантов выражения мысли, перехода от книжного варианта языка, который характерен для научно-учебных текстов, к разговорным, свойственным устной коммуникации. К тому же успешный процесс перехода от одной модели к другой выступает показателем освоения содержания.

Например, для студентов экономического колледжа важными грамматическими моделями можно считать модели научных дефиниций, используемых в книжно-письменной речи, и разговорных дефиниций, используемых для объяснения различных понятий в ситуациях устно-речевого общения в рамках учебного процесса. Первые имеют важное значение для актов восприятия и понимания письменных специальных текстов, вторые – для актов продуцирования речи на русском языке в ситуациях непосредственного общения.

Модели книжно-письменной речи, или классические определения, базируются на семантике отождествления и строятся по логической модели «Видовое понятие = родовое понятие + видовые признаки (характеристики)», чему в лингвистике соответствует модель сложноподчиненного предложения

с придаточным определительным, первая часть которого представляет бисубстантивное (термин Н. А. Герасименко [2]) предложение и строится по модели (N1 cop N1), вторая часть присоединяется союзным словом *который (-ая, -ое, -ые*) в именительном или косвенных падежах и строится по модели N1Vf. Например:

Экономически выгодный проект – это такой проект, который делает окупаемыми вложения.

Эффективное экономическое решение – это решение, которое не позволяет конкурентам сделать то же самое в течение одного или двух лет.

Для устного разговорного дискурса характерно использование для передачи того же содержания иных моделей, что может объясняться влиянием разных факторов, среди которых стремление к экономии, упрощенности, особой выразительности.

Исследователь И. В. Высоцкая в своей статье выделяет две модели, которые наиболее активно используются в современной русской разговорной речи, устной медийной коммуникации и интернет-общении [1].

1. Условно-темпоральная модель (N1 – это когда…) со значением «субъект и характеристика по условиям его существования» – это разговорная дефиниция, в которой имя определяется с помощью функтора *это когда* и высказывания, структура которого соответствует одной или нескольким придаточным частям сложноподчиненного предложения с невербализованной главной частью.

В качестве примеров высказываний, построенных по данной модели, можно привести следующие высказывания:

Успешный экономический проект – это когда доходы превышают расходы минимум в полтора раза.

Эффективное экономическое решение – это когда конкуренты не могут сделать то же самое в течение одного или двух лет.

2. Изъяснительная модель (N1/Pron – это про N4) со значением «субъект и характеристика по его информативному содержанию» – разговорная дефиниция, в которой имя определяется с помощью функтора и другого имени.

Очевидно, что в таком случае у конструкции с предлогом *про* актуализируется новое значение, которое можно назвать определительным, или характеризующим. Приведем примеры данной модели.

Экономически выгодный проект – это про вложения и их окупаемость.

Контролируемые экономические риски – это про учет всех важных факторов при планировании проекта.

И. В. Высоцкая указывает, что первая модель – это «краткий рассказ, основанный на личном опыте. Вторая модель – метатекстовая, основанная на установлении основного содержания явления, его тематической доминанты, это своеобразная метка, рубрикация, хэштегирование, попытка структурирования информационного потока (столь необходимого в эпоху google generation)» [1, с. 64–65]. При этом модели разнятся и стилистически: первая

модель содержит некую эмоциональную оценку как результат осознания на личном опыте, вторая – интеллектуальную.

На данный момент в разговорном языке сосуществуют обе модели, поэтому целесообразным представляется их введение наряду с моделями классических определений в качестве инструментария для изучающих РКИ. Во-первых, они отражают естественный разговорный дискурс, во-вторых, выразительны в условиях устной коммуникации, в-третьих, могут обогатить грамматикон иностранных учащихся, в-четвертых, наряду с книжно-письменными моделями могут выступить инструментом формирования навыков устной речи на русском языке.

В связи с последним отметим, что узнавание моделей книжно-письменной дефиниции важно при чтении текстов по специальности, что составляет часть языковой и коммуникативной компетенции иностранных учащихся. Использование моделей разговорного дискурса важно при чтении текстов художественной литературы и современных медийных текстов и продуцировании собственных высказываний в условиях устной коммуникации. Формированию навыков восприятия и продуцирования профессионально ориентированной речи будет способствовать: 1) изучение данных моделей путем сравнения; 2) выполнение заданий на замену одной модели на другую (трансформационные упражнения); 3) выбор модели в зависимости от ситуации и стиля речи (подстановочные, условно-речевые задания и др.).

Критерием оценки выполняемых заданий, равно как и показателем освоения учебного содержания, выступает быстрота и степень успешности перехода от одной модели к другой.

Библиографический список

1. Высоцкая И. В. Модели разговорных дефиниций: логико-грамматический аспект // Вестн. Гос. соц.-гуманит. ун-та. Сер. Языкознание. – 2021. – № 2 (42). – С. 58–65.

2. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в современном русском языке: структура, семантика, функционирование : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Моск. пед. ун-т. – М., 1999. – 39 с.

3. Гусаров Д. А. Язык как грамматическая модель и система знаний [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал. – 2017. – № 1-1 (16). – С. 119–120. – URL: http://co2b.ru/enj.html (дата обращения 08.10.2021).

4. Денисов П. Н. Принципы моделирования языка. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 208 с.

5. Дорофеева И. В. Лингвистическое моделирование // Вестн. ТвГУ. Сер.: Филология (1). – 2013. – С. 129–132.

6. Марчук Ю. Н. Методы моделирования перевода. – М. : Наука, 1985. – 202 с.

7. Пащенко А. С. Формирование речевых умений на основе автоматизированных грамматических моделей // Научн. вестн. Воронеж. гос. архит.-строит. ун-та. – 2006. – С. 134–140.

© Устимова Т. В., Филиппова О. В., 2022.

УДК 811.161.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ РЕЧИ ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ОБУЧЕНИИ РКИ

А. Ю. Устинов,
д-р пед. наук, доцент, профессор
ustan0902@rambler.ru
Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия

Аннтотация. В статье обосновывается необходимость и возможность использования песенного материала в процессе обучения русскому языку как иностранному. Обучение согласно предлагаемой методике способствует оптимизации преподавания русского языка как иностранного, выступает как эффективный способ повышения мотивации к учению, расширяет зону контакта инофонов с русским языком во внеаудиторное время, решая проблему организации самостоятельной работы обучаемых.

Ключевые слова: песенный материал, принципы отбора песенного материала, виды речевой деятельности.

THE USE OF MUSICAL SOURCES OF SPEECH OF A GENERAL CULTURAL ORIENTATION IN TEACHING RCT

A. Yu. Ustinov
Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia

Abstract. The author of this article substantiates the necessity and possibility of the use of song material in the process of teaching Russian as a foreign language. Training, according to the proposed method contributes to the optimization of teaching Russian as a foreign language, acts as an effective way of increasing motivation for learning, expands the area of contact of foreign students with the Russian language extracurricular time, solving the problem of organization of independent work of students.

Keywords: song material, the principles of selection of song material, types of speech activity.

В последнее время актуализируется потребность в расширении арсенала средств обучения русскому языку как иностранному (РКИ) за счет включения в учебный процесс широкого круга аутентичных источников общекультурной направленности, в частности песенного материала, отличающегося не только выразительностью, но и эмоциональностью [2].

Поскольку целью аутентичного музыкального песенного текста как реального продукта речевой деятельности носителей языка «является передача художественной информации звуковременного свойства» [4, с. 26], то его

включение в учебный процесс будет способствовать оптимизации преподавания русского языка как иностранного, обеспечит более глубокое его усвоение, выступит как эффективный способ повышения мотивации к учению, расширит зону контакта инофонов с русским языком во внеаудиторное время. Сочетание музыкальной и поэтической составляющей в песенном произведении поможет понять русские национальные смыслы на уровне содержания и формы.

Чем же так привлекает преподавателей РКИ песенный материал?

Во-первых, песня в непринужденной форме позволяет запоминать новую лексику и активизировать употребление известных лексических единиц в новом контексте, что способствует укреплению ассоциативных связей в памяти. Во-вторых, введение песенного текста в канву занятия активизирует слуховую память и тем самым помогает совершенствованию произносительных навыков [3]. В-третьих, песенный материал является эффективным средством усвоения и активизации грамматических явлений языка (в песне могут повторяться определенные словоформы и синтаксические конструкции). В-четвертых, в процессе работы затрагиваются и все виды речевой деятельности: аудирование, чтение, говорение (обсуждение содержания песни, чувств, которые она вызвала) и письмо (восстановление деформированного текста песни после прослушивания).

Именно песня не дает утратить интерес к языку и стране и поддерживает языковые знания при отсутствии необходимой практики. Слушая музыку, студент отдыхает, снимает напряжение, получает эстетическое удовольствие, и как раз в это время происходит одновременное формирование речевых умений и навыков, зачастую не до конца осознаваемых инофоном.

И наконец, прослушивание песни в сочетании с чтением текста формирует эмоционально-образное постижение речи через авторское (поэтическое и музыкальное) начало, помогает сбалансировать рацио и эмоцио обучаемого, облегчает формирование таких психических процессов, как восприятие и воображение.

Использование песенного материала на занятиях РКИ требует учитывать принципы его отбора [3]. Основным требованием при отборе песен является следующий: текст песни должен быть доступным и интересным. Для этого необходимо, чтобы содержание текста опиралось на личный опыт студентов, на живое впечатление, имеющееся у них, чтобы будить в них то, с чем они до известной степени знакомы, что они своим воображением могут воссоздать как живой образ, живую картину. Вдумываясь в содержание текстов песен, вспоминая виденное или пережитое, обучающиеся приобретают ценный навык – связывать изученное на занятии с личным жизненным опытом. Найти песню, которая отвечала бы указанному выше требованию, несложно. Но главная трудность состоит в том, чтобы эта песня кроме всего прочего была безукоризненным языковым образцом. Эта проблема может быть снята, если обратиться к песням советских композиторов и поэтов. Для современной методики РКИ важно положение о том, что языку всего лучше научиться только у мастеров родного слова, дающих идеальное сочетание

формы с содержанием. Текст должен быть образцом. Через подражание образцу идет естественное присвоение языковых единиц.

Однако не следует думать, что авторитетное имя автора или исполнителя гарантирует возможность использования песни на занятии. Избираемая песня должна обладать еще одним важным свойством, которое связано уже с методической стороной, а именно: песенные тексты должны быть прежде всего с достаточно прозрачной типологической и стилистической характеристикой, соответствующей уровню изучения русского языка. Так, для учащихся, владеющих русским языком в объеме базового и первого сертификационного уровня (А2-В1), целесообразнее использовать песни, в основе которых лежит повествовательный тип речи, возможно, с элементами описания.

Кстати, один из критериев, по которому можно судить об удачности/неудачности избранной песни, состоит в следующем: если хотя бы несколько студентов после занятия захотят познакомиться с другими песнями этих авторов или послушать этого исполнителя, то можно считать, что выбор песни был удачен.

Таким образом, при отборе песенного материала целесообразно действовать следующим образом: определить грамматический программный материал и ведущее направление в работе по развитию связной речи студентов на данном этапе обучения; вычленить элементы текста, которые имеют первостепенное значение для выявления содержания песни; обеспечить единство названных условий в песенном материале.

Ниже мы предлагаем фрагмент занятия с использованием песни «Миллион алых роз» (Р. Паулс – А. Вознесенский), исполненной А. Б. Пугачевой в 1982 году. Разработанные упражнения направлены в первую очередь на актуализацию и закрепление грамматических умений и навыков. В связи с этим целесообразно проводить это занятие по окончании изучения грамматической темы «Время глагола».

Занятие содержит грамматический комментарий, словарь, текст песни, а также упражнения для пред-, при- и послетекстовой работы.

Предтекстовые упражнения предполагают работу над опорными лексико-грамматическими единицами, формирующими содержание текста песни. Лингвистическая характеристика опорных слов очень часто зависит от типа речи текста. Так, анализируемый песенный материал представляет собой повествование, а в повествовании опорные слова называют героев, основные события-действия, связанные непосредственно с ними. Поэтому предтекстовое грамматическое задание было следующим:

1. Вспомните образование форм настоящего, прошедшего и будущего времени глагола. Образуйте от инфинитива глаголы настоящего, прошедшего и будущего времени:

<u>Настоящее время</u>: *видеть – ……..., стоять – ……..* Обращаем внимание студентов, что глагол *видеть* оканчивается на *-еть*, однако относится ко второй группе спряжения. Глагол *стоять* относится ко второй группе спряжения, поскольку у него ударное личное окончание.

Прошедшее время: *Жить – ……., прожить – ……., быть – ……, иметь – ……, любить – ……., продать – ……., купить – ……..*

Будущее время: *превратить – ……., встать – ……..*

2. Составьте с этими глаголами (если возможно) словосочетания по модели гл. + сущ. 4П (четвертый падеж). (В тексте *имел домик, любил актрису, любила цветы, продал дом, продал картины, купил море цветов.*)

3. Какое действие обозначают глаголы *жить – прожить*?

4. Песня, которую вы будете слушать, называется «Миллион алых роз». Как вы думаете, о чем эта песня? (Первой исполнительницей песни стала Алла Пугачева, известная российская певица. Содержание песни основано на реальной истории любви грузинского художника Николая Пиросманишвили к французской певице и танцовщице Маргарите де Севр, которой художник постоянно дарил цветы. Певица выражала благодарность художнику, но предпочла ему богатого поклонника. Стихи написал выдающийся российский поэт А. Вознесенский, музыку – латышский композитор Р. Паулс.)

5. Прочитайте слова из песни, определите их значение. В случае затруднений обращайтесь к словарю.

Холст – льняная ткань, на которой пишут картины.

Кров – жилище, дом.

Всерьёз (нар.) – серьезно.

Сойти с ума – стать сумасшедшим.

Похолодеть (душа) – испугаться.

Чудить (богач) – вести себя странно.

Беда – несчастье, горе.

Притекстовые упражнения в основном относятся к коммуникативным упражнениям. Они помогают понимать содержание, извлекать нужную информацию. Предлагаемые упражнения требуют прочтения текста песни. Это позволяет достичь полного понимания песенного материала, включающего неизвестные ранее лексические и структурные единицы текста, развивает формально-логическую компетенцию инофонов.

1. Слушайте песню. Постарайтесь услышать слова и их формы, которые были рассмотрены ранее. О чем эта песня?

2. Слушайте песню с опорой на текст. Впишите пропущенные слова. Прочитайте вслух восстановленный текст.

Жил-был …….. один,
Домик имел и ……... .
Но он …….. любил,
Ту, что любила …… .

Он тогда …… свой ……. ,
…….. картины и ……. .
И на все деньги купил
Целое ……. ……. .

Миллион, миллион, миллион …….
Из окна, из окна, из окна ……. ты.
Кто влюблён, кто влюблён, кто влюблён, и ……. ,
Свою …… для тебя превратит в ……. .

Утром ты встанешь у ……. ,
Может, ……., –
Как продолжение сна,
Площадь ……. полна.

Похолодеет …… :
Что за ……. здесь чудит?
А под …….. , чуть дыша,
Бедный …… стоит.

Встреча была коротка,
В ночь её …….. увёз,
Но в ее жизни была
Песня безумная ……. .

…… художник один,
Много он бед …… ,
Но в его жизни была
Целая площадь …….. .

Текст песни проговаривается и затем поется под музыку в формате караоке или минусовки.

Послетекстовые упражнения – собственно коммуникативные упражнения, которые выполняются на основе песенного текста. Результатом прослушивания песни должна быть вербальная или невербальная реакция.

Так, можно обсудить клип к этой песне, придумать собственный сценарий и даже разыграть (снять) его, что позволяет формировать социокультурную компетенцию, открывает перед инофоном русскую картину мира.

Необязательно подбирать песню к определенной теме. Это может быть просто разминка и приятное лирическое отступление, позволяющее раскрепоститься и активизировать речевую деятельность. Практически на каждом занятии можно выделять 10–15 минут работе с песней.

Учитывая все вышесказанное, мы можем сделать вывод, что комплексное использование песенного материала в процессе изучения русского языка как иностранного способствует более эффективному формированию умений рецептивных видов речевой деятельности и в целом речевой культуры инофона.

Обладая способностью уникального эмоционального воздействия на психику и сознание, песенный материал вызывает особую творческую активность обучающихся. Поэтому тезис о необходимости изучения русского язы-

ка как иностранного не только с литературным, но и музыкальным наследием признается обоснованным в методике преподавания русского языка как иностранного, которая располагает интересными идеями и возможностями, обращаясь к богатейшим запасам отобранных временем поэтико-музыкальных творений.

Библиографический список

1. Баранова С. Ю. Музыкальный текст: язык, знак, сигнал, символ [Электронный ресурс] // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. – 2007. – № 5. – С. 23–29. – URL: www.omsk.edu (дата обращения: 13.09.2021).

2. Куравлёва И. Р. Русский рок и русская грамматика / И. Р. Куравлёва, В. Д. Горбенко, М. Ю. Доценко. – СПб. : Златоуст, 2013. – 104 с.

3. Устинов А. Ю. Музыкальные жанры малой формы на занятиях РКИ // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся : сб. материалов V Междунар. науч.-метод. конф. – Воронеж, 2018. – С. 150–155.

4. Ценя А. Методика формирования и совершенствования слухопроизносительных навыков румынских учащихся на основе русских песен (уровень В1) : дис. … канд. пед. наук. – М., 2017. – 150 с.

© Устинов А. Ю., 2022.

УДК 808.5:398.61(470+571)(575.4)

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКИХ И ТУРКМЕНСКИХ ЗАГАДОК

Н. Г. Юрина,
д-р филол. наук, профессор
makarova-ng@yandex.ru
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются национальные особенности русского и туркменского мировидения, отразившиеся в народных загадках об одежде. Автор констатирует определенное сходство русских и туркменских загадок, связанное с близостью мышления двух народов. Различия обосновываются особенностями условий бытования русских и туркмен, уникальностью их истории и культуры, духовными приоритетами.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, национальная картина мира, русская и туркменская загадки, лингвострановедение, национальная одежда.

NATIONAL PICTURE OF THE WORLD THROUGH THE PRISM OF RUSSIANS AND TURKMEN RIDDLES

N. G. Yurina
National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract. The article deals with the national characteristics of the Russian and Turkmen worldview, reflected in the folk riddles about clothing. The author states a certain similarity between Russian and Turkmen riddles, associated with the closeness of the thinking of the two peoples. The differences are justified by the peculiarities of the living conditions of Russians and Turkmens, the uniqueness of their history and culture, and spiritual priorities.

Keywords: Russian as a foreign language, national picture of the world, Russian and Turkmen riddles, linguistic and cultural studies, national dress.

Произведения устного народного творчество – богатейший и незаменимый дидактический материал при изучении иностранного языка. Они не только позволяют учащимся «усовершенствовать навыки произношения, расширить активный словарный запас, лучше усвоить грамматические конструкции, развить творческие возможности» [9, с. 249], «нагляднее и образнее представить природу изучаемого языка» [4, с. 149], но и прикоснуться к чужой культуре, понять некоторые основополагающие для нее моменты.

Исследователи загадок неоднократно отмечали, что такого рода тексты «обнаруживают связь с архаическим ритуалом… и мифопоэтической картиной мира» [8, с. 233–234] народа. Действительно, в загадках лексемы помимо своего основного значения нередко содержат и семантику национально-культурного характера. Как отмечает О. А. Дубинкина, это связано с тем, что «будучи специфическими „формулами“, загадки входят в состав наиболее культурно значимых для любого языка единиц», представляют собой один из жанров устного народного творчества, в котором зафиксирована «память той или иной нации о своеобразии быта, жизненного уклада, многих традиций» [2, с. 131]. Для загадок как жанра, возникшего в глубокой древности, не характерны сложные сюжеты и разработка глобальных тем. Тем не менее их не следует считать примитивной жанровой формой, так как предметы и явления окружающего мира представляются в них детально, иногда с неожиданной стороны. Следовательно, загадки наполнены базовыми, значимыми для данного языка лексемами, позволяющими установить сходство и различия языковых картин мира и способы мышления народов.

Проанализируем характер отражения национальных картин мира в русских и туркменских загадках, связанных с одеждой. Общеизвестно, что лексика, обозначающая предметы гардероба, отражает ключевые потребности человека наряду с потребностью в пище (названия продуктов, посуда), осмыслением себя (части человеческого тела), организацией пространства (предметы быта, окружающий мир), трудом как формой деятельности (ору-

дия труда). Вот почему черты национального мировидения в таких загадках будут представлены особенно явно. Проанализировав около ста русских и туркменских загадок, В. П. Мусиенко и М. Ишанкулиева выявили определенный статистический баланс: подобные фольклорные тексты «условно распадаются на две группы: загадки, которые загадываются одинаково, и загадки, которые загадываются по-разному, что проявляется в способах „шифрования“. Удалось установить, что чуть более 40 % параллелей представляют загадки, которые загадываются одинаково» [5].

В туркменских народных загадках названия одежды представлены следующими подгруппами лексических единиц: головные уборы (платок, тюбетейка, тельпек, чалма, шапка), верхняя одежда (халат, шуба), легкое платье (рубаха, платье), обувь (туфли-ичиги, сапоги, чарыки). В русских народных загадках также нашли отражения наименования головных уборов славян, нижней и верхней одежды, обуви.

Как отмечают Е. А. Железнякова и М. Л. Лаптева, структуру загадки обычно определяют «три основных компонента: объект, который загадывается и нуждается в расшифровке; заместительный объект, у которого выделяются общие с загаданным объектом признаки; и образ, который можно применить к обоим объектам» [3, с. 52]. Отгадывающий загадку должен проанализировать названные признаки, «связать их с другими, не названными, и восстановить образ» [10, с. 224] предмета, узнать его. При этом образы, составляющие основу загадки, часто культурно специфичны, поэтому для отгадывания необходимо знакомство с устным творчеством народа, его традициями и обычаями.

Сравним русские и туркменские загадки о брюках, штанах (балак, дыздан, иштан, жалбар). Русские: «Шел по дороге, / нашел две дороги / и по обеим пошел» [7, с. 303], «Шел по одной, / вышел из двух» [6]. Туркменская: “Ertir turdum, / Iki aýry ýola düşdüm. Balak” [11, с. 108] («С утра встал, пошел двумя разными путями». Способ «шифрования» в данных загадках общий. Используется метафора «дорога» («путь») в отношении полотна штанин брюк, происходит перенос значения по сходству (раздвоение). Рассмотрим русские и туркменские загадки о шубе / тулупе (ичмек, постун). Русская: «Сверху голо, / снизу руно, / теплом богато, / что твоя хата» [7, с. 308]. Туркменская: “Hamy daşynda, tüýi içinde”. Içmek [11, с. 108] («Шкура снаружи, а шерсть внутри»). Вновь наблюдаем близкий прием шифрования: рисуется образ чего-то ровного, пустого вне и овчины (шерсти) внутри. Русская загадка сопровождается при этом подсказкой-сравнением: «как дом», указывается на дополнительный признак – тепло одежды / жилища. Туркменская загадка не имеет подсказки, поэтому труднее для расшифровки. Русские и туркменские загадки о сапогах (адик, чарык). Русские: «В праздник годовой / детина молодой / тянет туго, / пихает глубоко» [6], «Два арапа – / родные брата, / ростом по колено, / везде с нами гуляют / и нас защищают» [6], «Две дороги пришло, – / в обеи пошел» [6]. Туркменские: “Dyz boýy çukurjyk. / Aýagym batdy gitdi”. Ädik [11, с. 108] («Дыра по колено. / Моя нога затонула и ушла». Сапог), “Özleri dost, / Iki ýigit. / Boýy dyzdan, / Galmaz

bizden. / Gorar bizi / Gardan, buzdan”. Ädik [11, с. 108] («Они друзья, / Двое парней. / Рост до колена, / Не отстаёт от нас. / Защитит нас от снега и льда». Сапог). В параллельных загадках есть общая ассоциативность и метафоризация: даются близкие признаки предмета – глубина («пихает глубоко» / «нога затонула и ушла»), парность (два друга / две дороги / два брата), функциональность – защита на прогулках / защита от холода. Используются близкие подсказки: указание на высоту предмета («по колено»). В русской загадке посредством дополнительного образа представляется цвет – черный («арапы»), самый характерный для сапог.

Эта группа загадок с близкой манерой зашифровки предмета, ассоциативностью, выделяемыми признаками и дополнительными смыслами демонстрирует универсальность мышления двух народов.

Вместе с тем у русского и туркменского народов чаще одно и то же понятие (предмет) ассоциируется с разными его признаками. Эти признаки и сам процесс номинации, очевидно, определяются географическими и природными условиями жизни, религией народа, условиями быта, общественной жизни. Семантические признаки, выбранные в качестве основы наименования, складываются столетиями и передаются от поколения к поколению. Они отражают специфику угла зрения на предмет. Дети, овладевая языком и национальным фольклором, усваивают эти элементы родной культуры. Так закладываются основы ментальности личности.

Итак, в параллельных русских и туркменских загадках больше текстов различной семной структуры. В них преобладает национально-культурная и языковая специфика. Сюда относятся, например, загадки об обуви, головных уборах. Эти предметы гардероба отличаются у двух народов по дополнительным функциям, следовательно, по смысловой нагрузке. Анализ подобного рода национальных загадок позволяет судить о глубинных структурах, управляющих ментальным поведением лингвокультурных общностей.

При наличии близких по ассоциативности русских и туркменских загадок о сапогах, что продемонстрировано выше, встречаются тексты, несущие яркую национальную специфику: «В кожаном корытце / живо мясо шевелится» [7, с. 307]; «На праздник годовой / купил пряник медовой, / тяжело вздыхаю, / далеко пихаю» [6]; «В праздничек годовой, / молодчик молодой / надевает бело, / сует в черно, / праздник пройдет – / назад возьмет» [6]; «Расту, расту / да на ноги влечу» [6]. В первой русской загадке делается акцент на соотнесение живого (нога) и неживого (сапог). Здесь образ создается при помощи метафор «корытце», «мясо», важное значение имеют эпитеты «кожаное корытце» и «живое мясо». В русском фольклоре есть загадки о лаптях с аналогичной ассоциацией: «В лыковом корытце / Живое мясо шевелится» [6], «Из липы свито / Дырявое корыто, / По дороге идет / Клетки кладет» [6]. В двух последующих из вышепредставленных загадок подчеркивается соотнесенность предмета с праздником: долгое время на Руси сапоги были признаком достатка или щегольства. Зажиточные крестьяне надевали их лишь по праздникам, а в будние дни почти все ходили в лаптях. Соответственно используются добавочные детали – признаки праздника: белая одеж-

да («надевает бело») и медовые пряники. Черный цвет сапог («сует в черно») был традиционен для средних слоев, цветные сапоги (из желтой, красной и зеленой кожи, украшенные жемчугом, шелком, золотой нитью) носили только богатые горожане. Наконец, в последней из представленных русских загадок о сапогах указывается на материал, из которого делался предмет. В Древней Руси сапоги создавались из мягкой телячьей кожи, даже подошва выполнялась путем сложения двух слоев. Только с XIV века стали использовать толстую подошву из воловьей кожи. Последняя загадка сложна для отгадывания, так как признаков предмета, подводящих к отгадке, явно недостаточно.

В туркменском фольклоре также находим загадки об обуви с ярко выраженной национально-культурной спецификой: “Gündiz ýörär, agzy ýumuk, / Gije ýatar, agzy açyk”. Köwüş [11, с. 108] («Днем ходит с закрытым ртом, / а спит по ночам с открытым ртом». Обувь), “Garaňky içerde garny ýaryk gul ýatyr”. Köwüş [11, с. 108] («Внутри тьмы лежит раб с трещиной в животе». Обувь), (“Gezer-gezer, / Gije içegesini / Içine salyp ýatar”. Çaryk we baglary [11, с. 108] («Гуляет-гуляет, / Ночью ложится, поместив свой кишечник внутрь». Чарык и его шнурки). Для русского читателя будут сложны ассоциации сапога с чем-то, имеющим рот – закрытый (нога в сапоге) и открытый (пустой сапог), с тьмой (вид изнутри), шнурков – с кишечником (нечто тонкое и длинное), а ступни – с рабом, имеющим трещину в животе (пальцы). Сравнение шнурков с кишечником может показаться неэстетичным, хотя для туркменского отгадчика загадки это подсказка, связанная с процессом производства чарыка. Продолговатый кусок сыромятной кожи сшивался с одного конца через край углом; по краям прорезались отверстия для ремешка или шерстяной веревки, которые стягивали чарык сборками. В русских загадках сапог, как правило, не одушевляется, в туркменских – часто использовались олицетворения: «ходит», «спит», «ложится». Еще несколько туркменских загадок о сапогах (чарыках и их шнурках) с неясной для русского человека трактовкой предмета: “Aýak bassam içine, / Elin aýlar daşyna”. Çaryk we onuň baglary [11, с. 107] («Когда я наступаю внутрь, / Рука крутится снаружи». Чарык), “Çöwüp depseň içine, / Elin aýlar daşyna”. Çaryk we onuň baglary [11, с. 107] («Когда пинаешь внутрь, / Рука крутится снаружи»). Чарыки как самая древняя обувь туркмен, доступная и земледельцам, и скотоводам (пусть из необработанной кожи) изображается здесь в деталях, через подсказки-действия. Образ выстраивается на антитезе – внутри-снаружи: изображается важная последовательность – нога помещается в сапог, а руки начинают закреплять шнурки извне. Предположим, что для русского человека, который носил сапоги крайне редко, отдельные детали этого предмета были не так важны.

Этнокультурно маркированные лексические единицы обнаруживаем в национальных загадках о головных уборах. Так, русские описывают шапку следующим образом: «Сижу верхом / не знаю, на ком. / Знакомого я встречу / запляшу, привечу» [7, с. 140]. А это туркменская загадка о тельпеке (папахе): “Başymdaky bagymdyr, / Menden uly agamdyr”. Telpek [11, с. 107] («Это сад

моей головы, / Брат мой старше меня». Тельпек). В загадках нет общих сем. Русская основана на довольно абстрактной семе: «наездник» («сижу верхом»), дополняется деталью-олицетворением: при встрече со знакомыми «пляшет» (обыгрываются особенности русского приветствия – помахать шапкой, приподнять ее). В туркменской загадке на первый план выступают значения «красота», «достоинство», «уважение». Используются метафоры-подсказки – «сад головы», «старший брат». В русской загадке даются внешние признаки предмета. В туркменской подчеркивается скорее духовный и эстетический его смысл. Известно, что для туркмена сорвать с кого-то папаху означает глубокое оскорбление, унижение человека, на которое обязательно нужно отреагировать. Разница в трактовках очевидна. В русской культуре шапка использовалась прежде всего как защита от холода, поэтому в загадке акцент делается исключительно на функциональном смысле предмета. В туркменской культуре тельпек имеет духовное значение, является важным признаком национальной самоидентичности, мужского достоинства, значимой деталью национального костюма. «Головной убор мужчин – меховая шапка, она легче и сделана с большим вкусом, чем неуклюжие узбекские и башнеобразные персидские шапки» [1], – писал знаменитый венгерский востоковед и путешественник XIX столетия Арминий Вамбери, делясь впечатлениями о своих путешествиях по Средней Азии. Действительно, величественный тельпек олицетворяет собой гордость и благородство, помогает выработке красивой осанки и грации движений. В далеком прошлом богатые и знатные туркмены надевали папахи высотой до полуметра. Таким образом, русская загадка более конкретна и легче разгадывается, так как имеет подсказку, туркменская загадка ориентируется на абстрактные семы, поэтому предмет может соотноситься с разными объектами.

В русском фольклоре можно встретить загадки о шапке, указывающие на ее форму, многофункциональность: «Кругла-мудра, / на выдумку взяла» [6]. Шапку использовали не только в мороз и дождь, чтобы не замерзнуть, но и могли положить под голову, если ложились спать не дома. Шапка выступала показателем статуса (княжеская шапка, шапка-горлатка и колпак, мурмолка). В туркменском фольклоре интересна трактовка этого предмета через парадокс: “Başaşak goýsaň, / Içi dolar. / Ýokaryk goýsaň, / Içi boş galar”. Telpek [11, с. 107] («Если перевернуть (поставить вверх дном), / То внутренняя часть наполнится. / А если наоборот – / Опустеет». Тельпек). Здесь обыгрывается вмещаемость шапки: туда можно что-то положить.

Русские загадки о перчатках, варежках: «Пять мальчиков, / каждому мальчику / по чуланчику» (Перчатка) [7, с. 104]; «Упрятались голышки / в мохнатые мешки / четверо вместе / один на шесте» (Варежки) [7, с. 303]. Туркменская: “Bäş barmagy bar, dyrnagy ýok”. Ellik [11, с. 107] («Есть пять пальцев, а ногтей нет». Перчатка, варежки, рукавицы). Способы загадывания в этих загадках различны. В туркменской загадке все разворачивается вокруг доминирующей семы «палец», дается подсказка-метонимия: «без ногтей». Как основной признак выступает форма предмета. Русская выстраивается исключительно на метафорах: «мальчик», «чуланчик» (есть вариант: «комна-

та»), «голышки», «мешки», «шест». Главный образ здесь – «кто-то внутри чего-то», имеется деталь-подсказка – количество: пять или четыре и один. Для нахождения разгадки нужно понять, что объединяет все эти образы, которые несут отдельные черты предмета. Для русского читателя трудностью при разгадке туркменской загадки будет отсутствие соответствующего рода в слове-отгадке (используются, как правило, безличные предложения). Правда, есть в русском фольклоре загадки о перчатке, близкие по образности туркменской: «Без мяса, без костей, / а все-таки пять пальцев» [6]. Эта загадка также выстраивается на отрицаниях, в ней присутствует подсказка – «пальцы», однако указываются близкие, но все-таки разные признаки, характеризующие «состав» предмета: «без ногтей» и «без костей», «без мяса».

Русские загадки о рубашке значительно отличаются от туркменских (койнек) по своей образности. Русские: «Как хочешь, / дуйся, не дуйся, / на меня полезай» (Рубашка) [7, с.140], «Собой не однака, / а нужна одинако / младенцу и мертвецу, / и доброму молодцу» [6], «День-деньской / скачет, пляшет, / и на покой / идёт со мной» [6]. Туркменские: “Aýagy ýok, eli bar, / Başy ýok, ini bar”. Köýnek [11, с. 107] («Нет ноги, есть рука / Нет головы, есть ширина». Рубашка), “Gije gysyr, gündiz bogaz”. Köýnek, don [11, с. 108] («Сжатие ночью, боль в горле днем». Рубашка-платье), “Uly ýol üçe bölünýär”. Köýnek, ýaka we iki ýeň [11, с. 108] («Большая трасса разделена на три части». Рубашка, воротник и два рукава). В русском сознании важны ощущения от предмета – невесомость, свобода («дуется»), подчеркивается его общеупотребительность, общезначимость. Используются многозначность («дуться»: «раздуваться» и «выражать своим внешним видом неудовольствие»), олицетворения: «скачет», «пляшет», «идет». В туркменских подчеркиваются форма предмета (нечто, напоминающее человеческое тело, без ног, но с руками и головой), характер кроя (свободный), способ использования и хранения (сжатие при складывании на ночь), зрительное восприятие (широкая и прямая). Используются метафора – «трасса» («дорога») с тремя полосами, антитеза: есть / нет. Традиционно платье туркменок (койнек) представляло собой длинную до щиколотки свободную рубаху туникообразной формы. Спину и грудь кроили из одного полотнища. Рукава пришивали под прямым углом. Их ширина уменьшалась от плеча к запястью. Спереди делался разрез до середины груди, а вокруг шеи – стоячий воротничок в 2–3 сантиметра.

Данная группа русских и туркменских загадок об одежде и обуви выстраивается на различных признаках предметов и ассоциативности; используются разные тропы.

Таким образом, наличие параллельных загадок о предметах гардероба в русском и туркменском фольклоре: близкая образность и ассоциативность, приемы выстраивания логических связок, ключевые тропы – метафоры, олицетворения, сравнения – свидетельство сходства мышления двух народов. Тем не менее гораздо больше загадок, где предметы зашифровываются поразному: присутствует культурно специфичная образность, разная ассоциативность, что обусловлено различием семантических примитивов в языках.

Наблюдаются различия в семантической структуре, количестве и характере сем, обусловленные историей и обычаями народов. В русских загадках обнаружен прием многозначности слова, в туркменском фольклоре загадки об одежде и обуви обычно выстраиваются на отрицании, антитезе. При разгадке загадок других народов следует учитывать не только особенности национального мышления, но и присутствие/отсутствие в чужом языке некоторых грамматических форм, лексико-стилистических, словообразовательных, этнографических компонентов, разность эстетических норм. Так, например, отсутствие важнейшей семантической характеристики – рода – в туркменском языке затрудняет процесс персонификации, на котором чаще всего выстраивается русская загадка.

Национальные загадки – кладезь этнографических и культурных сведений о народе.

Библиографический список

1. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Vambery/text8.htm (дата обращения: 13.10.2021).

2. Дубинкина А. О. Загадки с компонентом – именем числительным «один» в белорусском и туркменском языках (структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты) // Учен. зап. УО ВГУ им. П. М. Машерова. – 2019. – Т. 30 : Филология. – С. 129–135.

3. Железнякова Е. А. Образовательный потенциал загадки в обучении русскому языку как неродному / Е. А. Железнякова, М. Л. Лаптева // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Педагогика. – 2020. – № 3. – С. 50–58.

4. Каландарова Г. Основные средства выразительности в русских скороговорках / Г. Каландарова, Н. Г. Юрина // Актуальные проблемы филологии и журналистики : сб. науч. тр. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2021. – С. 149–154.

5. Мусиенко В. П. Семантическая структура загадки в туркменском и русском языках [Электронный ресурс] / В. П. Мусиенко, М. Ишанкулиева // Allbest. – URL: https://revolution.allbest.ru/languages/ 00901991_0.html (дата обращения: 23.05.2021).

6. Русские народные загадки об одежде, обуви и украшениях [Электронный ресурс] // Российское общественное достояние: электронная библиотека. – URL: https://publicadomain.ru/russkie_narodnye_zagadki/ob_odezhde_obuvi_i_ukrasheniyah (дата обращения: 13.10.2021).

7. Рыбникова М. А. Загадки. – М. ; Л. : Академия, 1932. – 488 с.

8. Славянские древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012. – Т. 2 : Д (Давать) – К (Крошки). – 690 с.

9. Юрина Н. Г. Изучение фольклорной сказки на уроках РКИ // Современные исследования в филологии, лингводидактике и журналистике : сб. науч.-метод. ст. / сост.: З. Р. Аглеева, Л. Ю. Касьянова. – Астрахань : Астраханский университет, 2018. – С. 249–253.

10. Юрина Н. Г. Русская загадка как дидактическое средство на уроках РКИ // Русский язык в диалоге культур : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2017. – С. 219–228.

11. Türkmen halk matallary. – Aşgabat : Türkmenistanyň milli medeniýet «Miras» merkezi, 2005. – 200 s.

© Юрина Н. Г., 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ 3

Акимова Э. Н.
Древнерусский текст и его признаки 3

Бабина С. А., Вершинина Н. В.
Индивидуально-авторские новообразования в идиостиле В. Крестовского (на материале романа «Петербургские трущобы») 8

Бабюк А. П.
Функционирование разных типов сегментированных конструкций в современном медиадискурсе 13

Безкоровайная Г. Т., Гишкаева Л. Н., Машкова Л. А.
Фразеологические единицы с числовым компонентом в языках разных групп: универсальное и специфическое 19

Владимирова Т. Е.
Русский язык и ментальность: диахронический аспект 28

Войводич Д. П.
Еще раз о грамматическом статусе «нового» русского вокатива 35

Гарина П. С., Горбунова Л. Г.
Концепт «война» в современных СМИ 44

Голандам А. К.
Контекстуально-ситуативный анализ синонимов русского языка в сопоставлении с персидским языком 52

Гребельник Т. В.
Типы коммуникантов в мессенджер-сообществе 58

Денисова Л. Н.
Семантические особенности диалектных глаголов со значением внешнего проявления отношения в русских говорах Республики Мордовия 64

Ершова Н. И.
Семантический анализ названий детской одежды в русских говорах Мордовии 70

Кабанова С. А.
Языковые средства номинации эмоции злости / гнева и симптомов ее проявления в славянских языках 78

Киржаева В. П.
Полевая структура фразеологии свадебного обряда в русских говорах Мордовии 86

Куликовская Е. Н.
Лексикологическое и лексикографическое описание русских заговоров: опыт создания электронного словаря 94
Лаптева М. Л., Предет В. А.
«Семейные словечки»: проблема типологизации..... 103
Лемов А. В.
Метонимические основания катахрезы 110
Луговская Е. Г.
Система способов выражения субъективной модальности в стихотворении Л. Кудрявцевой (Приднестровье) «Люблю» как средство экспликации эмоционального состояния счастья..... 116
Нестерова Н. А., Данилова Н. Е.
Специфика функционирования вставных конструкций в повестях Л. Н. Толстого..... 124
Одинцова И. В.
Зависимость выражения ограничительной одновременности от пропозитивного содержания сложноподчиненного предложения 129
Палоши И.
Аспекты эмоциональной окрашенности неологизмов коронавирусной эпохи..... 134
Савостина А. И.
Заимствованные неономинации в рамках тематической группы «продукция, реализуемая в объектах общественного питания»..... 140
Сирота Е. В.
Репрезентация функционально-семантического поля «субъектность» в современном художественном дискурсе 144
Суровцева Е. В.
Жития священномученика Владимира (Амбарцумова) в контексте современных житий новомучеников и исповедников (к вопросу о текстологическом анализе текстов с использованием методов компьютерной лингвистики) 150
Шетэля В.
О региональной лексике в польском переводе текста романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» как объекте изучения и преподавания 156
Шигуров В. В.
Предикативные, полупредикативные и субстантивные репрезентанты глагола и их грамматические категории в отношении к модаляции 163

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 172

Акимова Т. И.
Жанр комической оперы в творчестве Екатерины II 172
Бактыбаева А. Т.
Сарказм как прием комического в цикле стихов А. Кодара «Римские мотивы» 177
Белоглазова Е. А.
«Православный роман» в современной отечественной прозе (на материале «Незавершенной литургии» протоиерея Алексия Мокиевского) 183
Гудкова С. П., Самойленко В. А.
Жанрово-видовые особенности цикла путешествий: теоретический аспект 189
Гурьянова Л. Б.
Изучение литературных сказок А. П. Анисимовой в школе 194
Ингл О. П.
Мотив сна и пробуждения в эпосе «Калевипоэг» 201
Кадеева Р. А.
Авторская маска в рецепции современного отечественного литературоведения 208
Казеева Е. А.
Образ учителя в русской литературе рубежа XIX–XX веков (на примере рассказов И. А. Бунина и А. И. Тинякова (Одинокого)) 215
Канакина Г. И.
Нравственные приоритеты народных песен, бытующих в Пензенской области 222
Карпов А. Д.
Специфика трансформации жанра исторического романа рубежа XX–XXI веков 230
Князева А. А.
Хронотоп рыцарского романа в произведении Макса Фрая «Гнезда Химер. Хроники Овётганны» 234
Кузнецова Н. Г.
Сказки А. П. Анисимовой: воплощение фольклорных традиций и творческая оригинальность 240
Куряев И. Р.
Архивация прошлого в рассказе М. Шишкина «Пальто с хлястиком» 244

Лапокина А. Е., Тростина М. А.
Литературная трансформация образа русалки в новеллах
О. М. Сомова «Купалов вечер», «Русалка» 249
Логинова А. В.
Рецепция творчества Г. Яхиной современным отечественным
литературоведением и литературной критикой 256
Марьюшкина А. П.
Специфика интертекстуальных связей в романе В. Пелевина
«Тайные виды на гору Фудзи» 263
Махрова Г. А., Осьмухина О. Ю.
Абсурдистская традиция Д. Хармса в творчестве Д. Липскерова
(«Сорок лет Чанчжоэ») 271
Осьмухина О. Ю., Чекашева Н. В.
Феномен детства в русской прозе XIX–XX веков 278
Раслова А. А.
Байки о дистанционном обучении в контексте современного
смехового фольклора 284
Самойленко В. А.
Художественные особенности цикла путешествий М. Амелина
«Итальянская симфония» 291
Сафрон Е. А.
Традиции русского фольклора в романе В. В. Орлова
«Альтист Данилов» 297
Танасейчук А. Б.
Уильям Морроу и его первые русские читатели 304
Трушкина А. П.
Mash-up на русской почве: «Тимур и его команда и вампиры» 309
Хозяйкина А. В.
Художественное своеобразие «итоговой» книги стихов Е. Рейна
«Избранное» (1993) 315
Шаронова Е. А., Шаронов А. В.
Художественное своеобразие повести В. Быкова «Сотников» 320
Шорина Т. О.
Творчество Андрея Рубанова в контексте современной
отечественной словесности 325

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ И ЛИТЕРАТУРАМИ НАРОДОВ РФ** 331

Антонов Ю. Г.
Художественное воплощение событий Великой Отечественной
войны в драматургии А. Терешкина 331

Горланов Г. Е.
Роль финно-угорского этноса в становлении и развитии русского языка.... 336
Гришунина В. П.
Реализация межпредметных связей на уроках мокшанского языка
как неродного..... 343
Ермина Н. И.
Проблемно-тематический код рассказов А. Брыжинского..... 348
Иванова Г. С.
Специфика именного словоизменения в мокшанском и русском языках 353
Кабанова Ю. В.
Особенности конфликта и характера в пьесе А. Пудина «Рубеж»..... 359
Казаева Н. В.
Трансформация мордовских географических названий в русской
языковой среде 364
Клементьева Е. Ф.
Сравнительный анализ собирательных существительных русского
и эрзянского языков 372
Левина М. З.
Морфологическое освоение русских заимствований
в современном мокшанском языке..... 377
Левина Н. Н.
Стратегии психологизма в повести Г. Пинясова «Крест»..... 384
Седова П. Е.
Заимствования из русского языка в мокшанском литературном языке
как результат активного взаимодействия языков в современном мире..... 390
Цыганкова Н. Б.
Концепт «материнская любовь» в русской и мордовской
литературе: сравнительно-сопоставительный анализ..... 396
Шеянова С. В.
Специфика структурирования персонажной сферы в повести
А. Доронина «Волчий овраг»..... 400

СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В СМИ..... 406

Аль-Руфайе А. В. А.
Структурно-содержательные особенности медиатекстов о культуре
(на материале российских СМИ)..... 406
Антонова В. И., Аль-Хатал Б. А. А.
Типологические особенности функционирования современных
массмедиа Республики Ирак..... 413

Антонова В. И., Чекужов А. А.
Добровольческая деятельность как социокультурное явление: мотивы и имидж волонтера 417
Бакеева Д. А.
Приемы написания заголовков и текстов в веб-журналистике 424
Канхуш Д.
Роль блогосферы как средства презентации коллективного самосознания 429
Костина А. Г., Кирдяева Д. Н.
Феномен «культуры отмены» в современном медиапространстве 437
Кулик Д. В., Пыреськина Е. М.
Публицистический дискурс как языковая единица в передаче текстовой информации в СМИ 441
Куприянова А. С.
Монетизация журналистских текстов в постпандемийное время (на примере интернет-издания «Городские рейтинги. Саранск») 446
Лаптева М. Л., Половкова В. А.
Культурно-речевой облик региональной газеты 450
Лафуткина А. В.
Жанр интервью и его модификация 456
Мартынов В. С., Пыреськина Е. М.
Роль телевизионных СМИ Республики Мордовия в формировании культурного пространства и повышении культурного уровня общества: язык современных каналов коммуникации 461
Маштакова Е. С.
Массмедиа и микросреда: процессы взаимодействия 466
Окунева А. А.
«Женская» тема в современных СМИ (на примере издания «Cosmopolitan») 472
Пивкина С. В.
Электронные СМИ в популяризации культуры, языка и традиций мордовского народа 476
Пыреськина Е. М.
Региональные массмедиа: процессы гармонизации межэтнических отношений в республиканской и областной печати 480
Пьянзина И. В., Смолин М. А.
Пресса Коминтерна: проблемы единства и координации международного революционного движения 20–40-х гг. XX века 485
Ржанова С. А., Шаронова А. М.
Языковая репрезентация в СМИ (на примере образа Германии) 491

Русяева Н. М.
Особенности написания текста новостного сюжета на телевидении 496
Сновальникова У. А.
Проблемы ведения видеоблога научно-популярной журналистики
(на примере YouTube-каналов) 500
Суворова В. С.
Вербальный компонент креолизованных текстов, функционирующих
в цифровой среде: язык мемов 507
Фионина А. С.
Fake News и доверие к СМИ 513
Фролова Н. М.
Стилистические доминанты региональной публицистики
социокультурной направленности 517
Хохлова Н. В.
Виды и формы книжной рекламы в массмедиа 523
Шаронова А. М.
Понятие образа страны в современной медиакартине мира 527
Ягинова А. Р.
Пандемия COVID-19: особенности интернет-коммуникации,
новая лексика в СМИ и реклама 533

**МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК РОДНОГО/НЕРОДНОГО И ИНОСТРАННОГО:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ** 539

Белова Н. А., Кашкарева Е. А.
Технология создания интерактивного образовательного контента
урока русского языка в системе повышения квалификации
учителей-филологов 539
Богданова Е. С.
Текстовая компетентность: структура и пути формирования 544
Водясова Л. П., Пономарева Т. Ю.
Дидактический потенциал мобильных приложений в формировании
фразеологической компетенции учащихся 554
Дора Я.
К вопросам речевого этикета в современном русском языке 560
Ежова-Геер И. Г.
Значение грамматики на уроках русского языка в России
и на уроках немецкого языка в системе школьного образования
в Германии: сравнительная характеристика в контексте преподавания
родного языка 569

Квашнина Д. С., Сотова И. А.
Развитие научной лингвистической картины мира учащихся 6-го класса средствами проектной деятельности (на основе дифференцированного подхода) 581
Кулаева Г. М.
Методические пути воспитания ценностного отношения учащихся к родному русскому языку как личностный результат познания русского языка в школе 586
Солдатова Н. Г.
Использование облачных технологий в обучении написанию сочинения ... 592
Устимова Т. В., Филиппова О. В.
Использование грамматических моделей в практике преподавания русского языка как иностранного в экономическом колледже..... 597
Устинов А. Ю.
Использование музыкальных источников речи общекультурной направленности в обучении РКИ 602
Юрина Н. Г.
Национальная картина мира сквозь призму русских и туркменских загадок 607

Научное издание

РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Материалы V Международной научной конференции

Печатается в авторской редакции в соответствии
с представленным оригинал-макетом

Редколлегия сборника может не разделять точку зрения авторов публикаций

Ответственность за содержание материалов и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Дизайн обложки *Е. М. Евдокимовой*

Подписано в печать 29.04.22. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 36,27. Тираж 50 экз. Заказ № 468.
Издательство Мордовского университета
Типография Издательства Мордовского университета
430005, г. Саранск, ул. Советская, 24